

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

4 (74)

Октябрь – Ноябрь – Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2021

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (председатель, Москва),

(Москва), акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),
член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),
д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),
проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),

д-р. *У. Шлоңауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаibов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2021
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2021
 - © Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

**JOURNAL
OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES**

4 (74)

October – November – December

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2021

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),

Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),

Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),

Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),

Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),

Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rveladze* (Tashkent),

Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),

Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Buyskikh* (Kiev), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),

Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow), Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow),

Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow), Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk),

Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),

Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk), Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow),

Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2021), 5–44
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2021), 5–44
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-5-44

ПАРАДНЫЕ ФАЛАРЫ ИЗ ТАЙНИКА САРМАТСКОГО КУРГАНА № 1/1985 У ПОС. ДАЧИ ПОД АЗОВОМ

М.Ю. Трейстер

Независимый исследователь, Бонн, Германия
mikhailtreister@yahoo.de

Аннотация. В статье рассматриваются фалары, найденные в составе парадного конского убора в тайнике кургана № 1/1985 у пос. Дачи под Азовом. Фалары на бронзовой основе украшены крупными вставками полированного агата с медальонами со вставками граната, бирюзы и кораллов и фигурками львов из золота в высоком рельефе со вставками бирюзы. Крупные вставки из ленточного агата, не исключено, что вторично использованные полусферические чаши, украшавшие центральную часть фаларов, уникальны для предметов торевтики из Северного Причерноморья.

Учитывая датировку погребения в пределах последней четверти I в. н.э., украшение центральных розетт фаларов в технике клуазонне, получившей особенное распространение в Северном Причерноморье в середине – третьей четверти I в. н.э., к этому же времени, вероятно, следует отнести и изготовление фаларов. Фигурки львов на фаларах находят параллель в золотой фигурке льва, украшающей крышку найденного предположительно

Данные об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, независимый исследователь.

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Соответственно данная статья проиллюстрирована материалами из погребений с территории Азиатской Сарматии. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов из которых представлены здесь: М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), Э.Р. Чиняковой (Астрахань, АГОИАМЗ), А.П. Медведеву (Воронеж, ВГУ), О.А. Халяпиной (Оренбург, ГИКМ), А.Г. Язовских (Ростов-на-Дону, РОМК), И.П. Засецкой, Е.Ф. Корольковой и С.В. Воронятову (Санкт-Петербург, ГЭ), Г.Т. Квирквелии (Тбилиси, ГМГ), С.Л. Воробьеву (Уфа, НМРБ). Моя искренняя благодарность В.К. Гугуеву за предоставленные фотографии фаларов из Кобяковского могильника.

в Ольвии или в Керчи золотого флаакона с фигурными зооморфными ручками и сарматской тамгой, напаянной на дне. Близки по иконографии и рельефные изображения лежащих на прямоугольных или овальных постаментах львов, выполненные из так называемого «египетского фаянса», которые были широко распространены в Северном Причерноморье, в том числе очень часто встречаются в погребениях кочевников Сарматии. Гранатовые геммы с изображениями Немезиды из Смирны и Артемиды, вставленные в один из фаларов, можно с достаточной уверенностью определить как изделия боспорской мастерской I в. н.э.

Эти уникальные предметы конской сбруи, попавшие к кочевнику, похороненному в непосредственной близости от границ Боспора (Танаис), вероятно, можно рассматривать как дипломатический дар. Не исключено, что фалары отдельно или целиком драгоценный конский набор мог в таком случае попасть к представителю высшей кочевнической знати еще в ходе событий боспорско-римской войны 45–49 гг. н.э., так же, как в тайник расположенного недалеко от Дач погребения в кургане № 28/1982 г. могильника Высоцино–VII попал сервиз из четырех серебряных кубков, боспорское происхождение которых также весьма вероятно.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Азиатская Сарматия, фалары конской сбруи, украшения из агата, иконография изображений лежащего льва, геммы боспорской мастерской, иконография Немезиды, Артемиды, римско-боспорская война 45–49 гг. н.э.

1. Конструкция и размеры

В тайнике кургана № 1 /1985 у пос. Дачи под Азовом¹ в составе парадного конского убора были найдены два фалара, заслуживающие специального исследования² (рис. 1–5). Описание фаларов дается по первоначальной публикации Е.И. Беспалого, в которое мы вставили ссылки на иллюстрации.

«В центре крупный агат полусферической формы крепился сквозной заклепкой к бронзовому заднику [она, судя по виду оборотной стороны фаларов, представляет собой свернутую из листа трубочку (рис. 2, 2) – М.Т.]; на вершине заклепка скрыта круглым медальоном, в центре которого выпуклый гранат. Вокруг него напаяны вертикальные округлые в плане гнезда со вставками бирюзы разных оттенков. Между гнездами и внешним бортиком медальона мелкие вставки розового коралла (рис. 1, 3). Вокруг агата проходит горизонтальный фриз из тонко-

¹ В дошедшем до нас неограбленным тайнике кургана датирующих вещей не было, но в насыпи кургана были найдены фрагменты по крайней мере 12 светлоглиняных амфор типа В, по классификации Д.Б. Шелова (Беспалый 1992, 175–176, № 1, рис. 1, 12). Е.И. Беспалый (1992, 178, 190) датировал курган в пределах статьи по-разному: второй половиной I в. н.э. и последней четвертью I в. н.э. Хотя амфоры данного типа могут относиться и к началу, и даже первой трети II в. н.э. (Внуков 2006, 167; 2016, 41), но С.Ю. Внуков (2006, 162) отмечает, что, «судя по форме единственного полностью реставрированного сосуда, эти амфоры принадлежат к самым ранним экземплярам этого варианта или даже к переходной разновидности между С IVA2 и С IVB», вследствие чего датировка комплекса последней четвертью I в. н.э. вполне обоснована.

² Cat. Tokyo 1991, 105, no. 112; Беспалый 1992, 182–183, № 6, рис. 8–9; Cat. Paris 2001, 209–210, no. 235; Mordvintseva 2001, 86–87, Nr. 112, Taf. 56; Treister 2004a, 163, no. 7, fig. 7; Кат. Москва 2005, 18, № 11; Трейстер 2007b, 303; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 28, № А67.2, табл. 26, 78, 79, рис. 44; Кат. Ст. Петербург 2008, 100–103, № 22; Кат. Leoben 2009, 222–225, Nr. 83; Шаров 2009, 299; Симоненко 2015, 263; Del Bufalo 2016, 122, no. 249, Беспалый, Лукьяненко 2018, 207–208, 212, 215, № 6; 217–218, рис. 117–118, цв. табл. 14–15.

го золотого листа, внешний край которого загнут и обжимает бронзовый задник (рис. 2, 2; 4, 3).

По фризу напаяны четыре высокорельефные фигуры лежащих друг за другом львов, изготовленные из тонкого золотого листа (рис. 1; 4, 1–2; 5). Фигурки спаяны из двух отдельных штампованных продольных частей [в публикации 2018 г. отмечается, что внутри они заполнены черным смолистым веществом³]. Головы и гривы животных переданы реалистично, с проработкой деталей. Остальные части тулов и конечности переданы схематично, ребра показаны рельефными параллельными валиками. Хвост поджат влево, передан валиком в виде витого шнуря. На месте глаз округлые вырезы, заполненные белой пастой. На лопатках и крупах животных имеются вставки бирюзы в плане овальной, ромбической и сегментовидной формы (рис. 2, 1; 3, 4–6; 4, 2).

По внешнему краю фаларов проходит ряд вставок, закрепленных в специально напаянных вертикальных гнездах; бирюза чередуется с гранатом, в нескольких случаях гранат заменен полупрозрачным красным стеклом. Форма вставок округлая, овальная, миндалевидная, ромбическая и сегментовидная. Между фигурками львов крупные округлые и овальные вставки из граната, агата и стекла (рис. 1; 2, 1; 4, 1; 5).

На заднике обоих фаларов вдоль края посредством бронзовых заклепок крепились три петли для ремней, выполненные из узкой бронзовой пластины. Две расположены параллельно, третья – перпендикулярно им (рис. 2, 2; 4, 2–3).

Несмотря на общую схожесть, изделия имеют ряд различий. Так, например, центральные агаты на фаларах имеют разную окраску, различны наборы бирюзовых вставок, передающие мышечные части на фигурах львов. На одном из фаларов вдоль края закреплено 16 бирюзовых вставок, чередующихся с 16 гранатовыми. На другом – количество вставок – 37, местами нарушена очередность, в пяти случаях, вероятно за неимением камней, применены стеклянные вставки (рис. 1; 4, 1; 5). На одной круглой вставке граната вырезана гемма в виде листа плюща. На этом же фаларе между фигурками львов применены крупная овальная стеклянная вставка и три гранатовые геммы с изображением стоящих женских фигурок (рис. 1, 1; 2, 1; 3, 5). Одна может быть трактована как Артемида. Исходя из размеров гемм, все они предназначались для более мелких украшений. Присутствие их на фаларе можно объяснить вторичным использованием, либо тем, что у мастера под рукой просто не было других камней. Можно предположить преднамеренное их размещение только на одном фаларе по принципу различия левого и правого повода узды⁴.

С точки зрения конструкции – бронзовый диск основы, на котором закреплена лицевая часть в виде золотого листа с загнутыми на основу краями; три петли, прикрепленные к бронзовой основе при помощи заклепок – фалары из Дач близки фаларам из погребения № 1 кургана № 28/1964 у с. Жутово (рис. 6, 1–2)⁵ и некоторым другим наплечным фаларам узды из сарматских погребений Нижнего Подонья, в частности, из Садового кургана⁶, из упомянутого выше кургана № 28/1964 у

³ Беспалый, Лукьянко 2018, 212.

⁴ Беспалый 1992, 182–185.

⁵ Засецкая 2019, 66, 160, № 71.1–2, табл. XXVIIIa (большой), малый (XXVIIIb).

⁶ Засецкая 2019, 66, 160, № 72.

с. Жутово (рис. 6, 3–5) и из кургана № 10/1987 Кобяковского могильника (рис. 7)⁷. Отличие заключается в том, что на этих фаларах золотым листом обтянута вся лицевая сторона, а между основой и золотым листом находилась мастикообразная масса, служившая как для обработки лицевой стороны рельефа, так и для его фиксации⁸. В подобной же технике с краями лицевой пластины, загнутой вниз и обжимающей узким ободком пластину основы, изготовлены и другие изделия, в частности, пряжки из Нижнего Поволжья: с изображением грифона на лицевой стороне из погребения № 1 кургана № 12/1965 у с. Никольское⁹ (рис. 8, 1) и с изображением сфинкса из погребения № 1 кургана № 13/1972 у с. Барановка (рис. 8, 2–3)¹⁰. Однако и на этом фоне фалары из Дач с центральной частью, выполненной из крупных агатовых полусфер и с лицевой пластиною-ободком, украшенной фигурками лежащих львов и кастами со вставками, являются уникальными.

В определенной степени прототипами композиции фаларов из Дач (центральная вставка из агата, обрамленная золотой пластиной с рельефными изображениями) являются круглые бляхи двух разных размеров из Сибирской коллекции, которые М.И. Артамонов связывал с конской уздой, однако основа этих блях и петля на обороте – массивные золотые, сами бляхи имеют значительно меньшие размеры (по фотографии с масштабом в публикации С.И. Руденко, большие бляхи имеют диаметр ок. 5,25 см, малые – дм. 3,2 см, что противоречит приводимому в выставочном каталоге 2001 г. дм. малых блях 5,2 см), да и вставки агата лишь слегка выпуклые¹¹. Иначе зафиксирована и центральная пластина крупных блях – на обороте основание каста соединено с внешней оправой тремя напаянными прямоугольными пластинами¹².

Обнаруживается и очевидная связь с набором фаларов (шесть круглых и один – овальный) из конского погребения № 1 Большого кургана на Васюриной горе (рис. 9)¹³, на что уже обращалось внимание¹⁴. Помимо того, что эти круглые и овальные фалары украшены большими выпуклыми (круглые фалары) и уплощенной (овальный) вставками стекла, сами вставки круглых фаларов крепились к бронзовой основе фаларов также при помощи бронзовых штифтов, пусть и без декоративных медальонов сверху. Изображения оборотной стороны блях никогда не публиковались, но из описания М.И. Ростовцева известно, что сзади имелась «поперечная бронзовая полоса со скобой», что подразумевает бронзовую основу, к которой был прикреплен каст со стеклянной вставкой. Исходя из известного диаметра круглых фаларов в 7,0 см, диаметр каста со вставкой составлял около 3,5 см.

⁷ Прохорова, Гугуев 1992, 155, рис. 12, 14–15; Cat. Daoulas 1995, 64, 66, no. 94; Guguev 1996, 57, 58, figs. 11–12; Cat. Paris 2001, 235, no. 259; Мордвинцева 2003, рис. 29, № 72; Kat. Frankfurt 2003, 163, Nr. 147; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 39–40, № A109.6, рис. 40.

⁸ Засецкая 2018, 127; 2019, 66.

⁹ Трейстер 2018а, 113, рис. 8; Засецкая 2019, 66, 145, № 30, табл. XVI, а.

¹⁰ Трейстер 2018а, 113, рис. 9–10.

¹¹ Rudenko 1962, 42, 50–51, Taf. III, 2–3; Артамонов 1973, 204, рис. 269; 207; Cat. Trieste 2001, 110, no. 75: IV–III вв. до н.э.; Мордвинцева 2003, 84, № 33, табл. 13.

¹² Rudenko 1962, 50–51, Taf. XXVII, 6.

¹³ Ростовцев 1913–1914, 40–41, № 1–2, табл. XVIII, 1–2; Mordvinцева 2001, 33, 73, Nr. 24–25, Taf. 9; Власова 2004а, 280; 2004б, 165–166, рис. 14; 2010, 237, 238, рис. 94; Шаров 2009, 293, № 1–2; 299, рис. 8.

¹⁴ Шаров 2009, 299.

Рис. 1. Курган у пос. Дачи, 1985. Тайник. Фалары. 1, 2 – общие виды; 3 – деталь. Азов, АИАПМЗ, КП-23458/32–33. Фото, Азов, Музей
Fig. 1. Burial-mound near Dachi, 1985. Cache. Phalerae. 1, 2 – general views; 3 – detail. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-nos. KP-23458/32–33. Photos, Azov, Museum

1

2

Рис. 2. Курган у пос. Дачи, 1985. Тайник. Фалар № 1. 1 – деталь; 2 – общий вид. Азов, АИАПМЗ, КП-23458/32. Фото, Азов, Музей

Fig. 2. Burial-mound near Dachi, 1985. Cache. Phalera no. 1. 1 – detail; 2 – general views. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. KP-23458/32. Photos, Azov, Museum

Рис. 3. Курган у пос. Дачи, 1985. Тайник. Фалар № 1. Детали. Азов, АИАПМЗ, КП-23458/32 (по: Кат. Ст. Петербург 2008, 100–103)

Fig. 3. Burial-mound near Dachi, 1985. Cache. Phalera no. 1. Details. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. KP-23458/32 (after Cat. St. Petersburg 2008, 100–103)

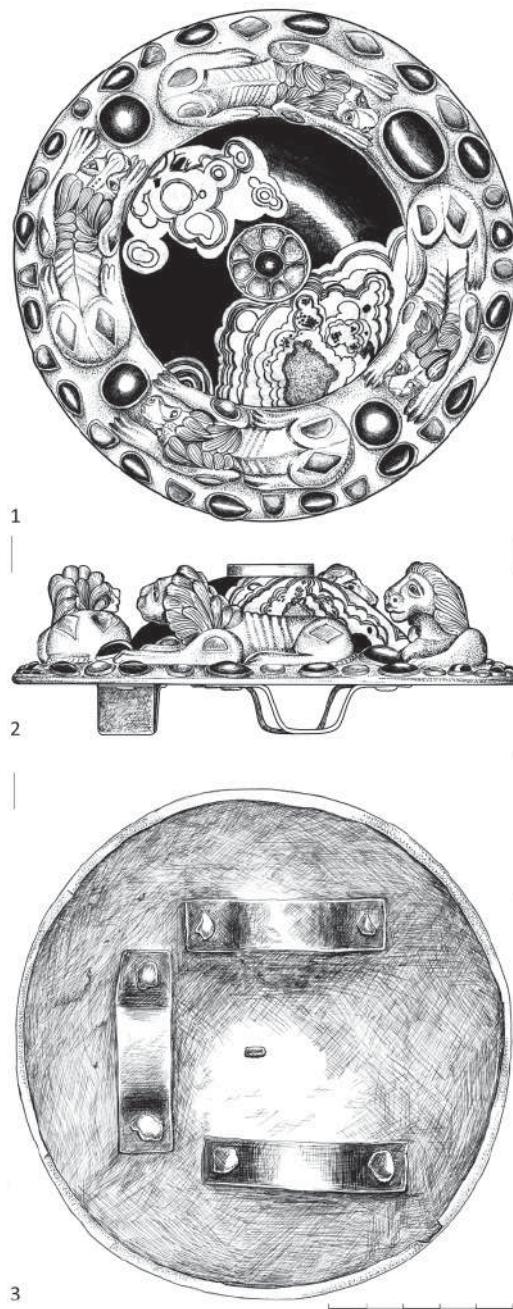

Рис. 4. Курган у пос. Дачи, 1985. Тайник. Фалар № 2. Общие виды. Азов, АИАПМЗ, КП-23458/33. Рисунки Н.Е. Беспалой
 Fig. 4. Burial mound near Dachi, 1985. Cache. Phalera no. 2. General views. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. KP-23458/33. Drawing by N.E. Bespalaya

Рис. 5. Курган у пос. Дачи, 1985. Тайник. Фалар № 1. Общий вид и детали. Азов, АИАПМЗ, КП-23458/32. Рисунки Н.Е. Беспалой

Fig. 5. Burial-mound near Dachi, 1985. Cache. Phalera no. 1. General view and details. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. KP-23458/32. Drawing by Natalya Bespalaya

Рис. 6. Жутово. Курган № 28/1964. Погребение № 1. Большой и малый фалары. Общие виды. Астрахань, АГОИАМЗ. 1–2 – КП-12295; 3–5 – КП-12303. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 6. Zhutovo. Burial-mound no. 28/1964. Burial no. 1. Large and small phalerae. General views. Astrakhan, State Joint Historical-Architectural Museum-Reserve. 1 – inv.-no. KP-12295; 3–5 – inv.-no. KP-12303. Photos by Mikhail Treister, 2015

Рис. 7. Кобяковский могильник. Курган № 10/1987. Фалары. Общие виды. Ростов-на-Дону, РОМК, КП-18957/6-7; ДМА – 377–378. Фото В.К. Гугуева (1–3), Ростов, Музей (4)
Fig. 7. Kobyakovskii necropolis. Burial-mound no. 10/1987. Phalerae. General views. Rostov-on-Don, Regional Local Lore Museum, inv.-no. KP-18957/6-7; DMA – 377–378. Photos by Vladimir Guguev (1–3); Rostov-on-Don, Museum (4)

Рис. 8. Поясные пряжки. Общие виды. Астрахань, АГОИАМЗ. 1 – Никольское. Курган № 12/1965. Погребение № 1. КП-14317; 2–3 – Барановка. Курган № 13/1972. Погребение № 1. КП-45625. Фото М.Ю. Трейстера, 2015 (1–2); рисунки Н.Е. Беспалой (3)

Fig. 8. Belt buckles. General views. Astrakhan, State Joint Historical-Architectural Museum-Reserve. 1 – Nikol'skoe. Burial-mound no. 12/1965. Burial no. 1. KP-14317; 2–3 – Baranovka. Burial-mound no. 13/1972. Burial no. 1. KP-45625. Photos by Mikhail Treister, 2015 (1–2); drawings by Natalya Bespalaya (3)

Е.В. Власова определяет фалары как «поздние» по отношению к первоначальным погребениям III в. до н.э.¹⁵, но никак не комментирует их возможную датировку, А.В. Симоненко датирует их вслед за М.И. Ростовцевым (вторая половина III – начало II в. до н.э.¹⁶) и И.В. Яценко (конец III – II вв. до н.э.¹⁷) II в. до н.э., указывая в том числе на особенности декора фаларов¹⁸. О.В. Шаров предварительно датирует их I–II вв. н.э.¹⁹, в целом относя весь «поздний» комплекс конской узды из Большого кургана к последней трети II – первой половине III в. н.э.²⁰ Не собираясь вновь рассматривать этот так называемый поздний комплекс узды, отмечу, что декор фаларов до сих пор никем (за исключением А.В. Симоненко, указавшего на ранние признаки, к которым он относил изготовление фаларов из позолоченной бронзы и декор в виде «бегущей волны») специально не анализировался.

Круглые фалары (дм. 7,0 см) имеют отогнутый наружу край с прочерченной вдоль него полосой. С внутренней стороны края – ряд точечных наколов. Пространство края украшено прочеканенной «бегущей волной» с завитками по часовой стрелке, с внешней стороны поверхность покрыта рядами точечных наколов. Боковые стенки каста оформлены прочеканенными вертикальными лепестками, а край оформлен косыми параллельными насечками. Более широкий край овальной бляхи (дл. 15,5 см, шир. 12,0 см) оформлен двумя несимметричными фризами «бегущей волны» по сторонам от узкой полосы, ограниченной двумя прочерченными линиями и покрытой точечными наколами (?). Внутренние части «бегущей волны» гладкие, внешние – покрыты рядами точечных наколов (рис. 10, 3–4).

Соглашусь с А.В. Симоненко в том, что оформление фаларов находит параллели с оформлением изделий II–I вв. до н.э., в том числе на хорошо датированных фаларах этого времени. Причем это касается не только оформления их «бегущей волной», на которую обращает внимание А.В. Симоненко, датируя их II в. до н.э. Не менее показательно и характерно для фаларов этого времени заполнение поверхности рядами точечных наколов, в том числе на фризах с «бегущей волной», как, например, на фаларах из Старобельского клада²¹, а также оформление вертикальной части фаларов рядами лепестков, подобно декору одного из фаларов из Твардицы²². Все это позволяет, на мой взгляд, датировать фалары в широких рамках II–I вв. до н.э., принимая при этом тезис об их уникальном декоре. Отмечу также особенность их материала – бронза с позолотой, в отличие от серебра или золота других фаларов этого времени.

В то же время не соглашусь с точкой зрения А.В. Симоненко, который не считает важным признаком использование штифтов для крепления вставок: «не исключено, что большие вставки иным способом закрепить было просто

¹⁵ Власова 2004а, 280; 2004б, 165; 2010, 237.

¹⁶ Ростовцев 1914, 42.

¹⁷ Яценко 1962, 50.

¹⁸ Симоненко 2015, 263.

¹⁹ Шаров 2009, 300.

²⁰ Шаров 2009, 300–301.

²¹ Спицын 1909, 43–44, рис. 58, 59, 61; Тревер 1940, 51–56, № 6, 7, 9, табл. 7–9; Смирнов 1984, 86, 87, рис. 39, 1, 6; Мордвинцева 1999, 168–170, рис. 1–4; Mordvintseva 2001, 77–78, Nr. 51–53, Taf. 26, 28–29.

²² Mordvintseva 2001, 80–81, Nr. 79, Taf. 43.

невозможно»²³. Однако это не так. Во-первых, понятие «большие вставки» очень расплывчено. Так, вставки круглых фаларов из Большого кургана на Васюриной горе имеют диаметр ок. 3,5 см, т.е. более чем в два раза меньше, чем вставки фаларов из Дач, приближаясь по размерам к вставкам крупных брошей II–I вв. до н.э. с двуигольным аппаратом, у которых, как правило, вставки крепились в высоких кастах без каких-либо штифтов. Однако и здесь были редкие исключения. Также при помощи штифта в центре фиксируется вставка раковины большой круглой двухигольной броши II–I вв. до н.э. из «Чернышевского кургана» в ст. Щедринской (Шелковской район Чечни) – случайная находка 1875 г. Штифт выполнен из золотой трубочки (подобно тому, как из трубочек выполнены штифты, фиксирующие вставки агата на фаларах из Дач), нижняя часть которой надрезана и четыре прямоугольных лепестка отогнуты на основание вставки, дополнительно прикрепленной по краю к золотой основе броши (центральная часть основы вырезана). Вверху к штифту припаян круглый каст с утраченной вставкой (рис. 10, 1–2)²⁴. Таким образом, использование штифта для крепления вставок в брошиах и фаларах вряд ли следует признать случайным – значительно больше оснований рассматривать это как один из редких приемов, используемых в мастерских бо-спорских торевтов.

2. Полусферические вставки из агата в центральной части фаларов

Крупные (дм. ок. 8 см) полусферические вставки из ленточного агата, украшающие центральную часть фаларов (рис. 1; 4, 1; 5), уникальны для предметов торевтики из Северного Причерноморья. Агат как материал для вставок нашел широкое применение в Индии и Центральной Азии в эллинистический период, о чем свидетельствуют находки разнообразных, в том числе крупных пластин прямоугольной, треугольной, трапециевидной формы, служивших для инкрустации, в сокровищнице Ай-Ханума; часть из них была элементами инкрустации так называемого индийского трона²⁵. Известны они и в Таксиле²⁶.

Обработка крупных кусков агата и тщательное выведение полусфер из этого твердого камня (6,5–7,0 по шкале Мооса) предполагают его обработку в высоко специализированной мастерской. Полусферическая чаша из ленточного агата высотой 3,5 см и диаметром 7,3 см была найдена в одной из царских гробниц Куша, датируемой еще 690–664 г. до н.э.²⁷ В рассматриваемое время из агата, в том числе ленточного агата, изготавливались и сосуды²⁸, например, кубок, чаша и ритон из агата из Верхнего Египта, которые датируются II в. до н.э.²⁹; аск, дополнительно

²³ Симоненко 2015, 263.

²⁴ Трейстер 2007а, 132; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 136, № B47.1, табл. 60.

²⁵ Rapin 1992, 237–244, 322, 349–355; M17, S17–39, pls. 83–85; 1996, 26–28, N17; 43–49, S17–39, fig. 28.

²⁶ Marshall 1951, 188–189, 505–506, pl. 147.

²⁷ Bühler 1973, 39, Nr. 1, Taf. 1; Del Bufalo 2016, 135, no. 279.

²⁸ Bühler 1973, 18–25; Lapatin 2015, 125; Del Bufalo 2016, 11–12.

²⁹ Bühler 1973, 39–40, Nr. 3, 4, 6, 8, Taf. 2; Cat. Paris 1998, 157, no. 94; Cat. London 2001, 92, nos. 100–102; Del Bufalo 2016, 35, fig. 31; 50, nos. 18–21. Полусферическая чаша (Del Bufalo 2016, 50, no. 20) имеет диаметр 8,4 см.

Рис. 9. Васюрина гора. Большой курган. Конское погребение № 1. Фалары. Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, инв. № Bac. 15. Фото с негатива ИИМК, инв. № III-11938
Fig. 9. Vasyrina Mount. Big kurgan. Horse burial no. 1. Phalerae. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. Bac. 15. Photo from the negative, Institute of History of Material Culture, inv.-no. III-11938

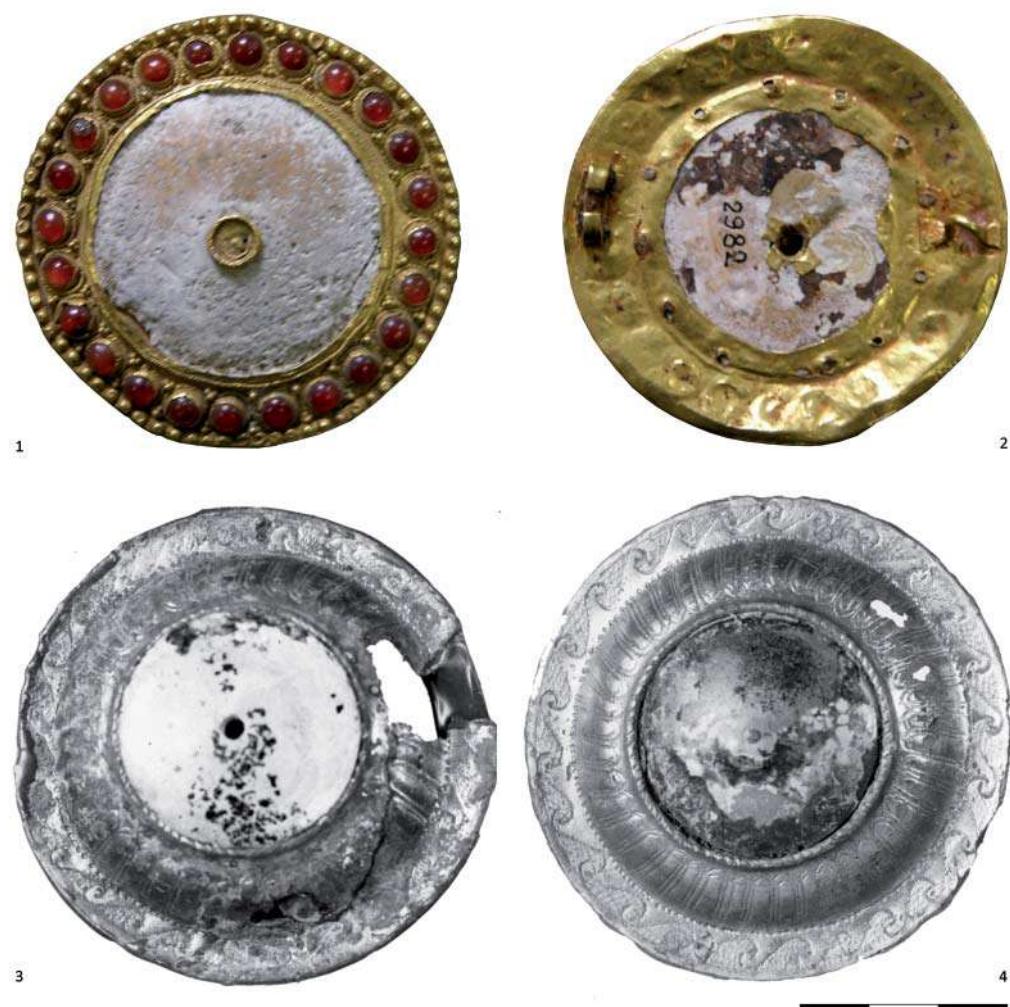

Рис. 10. 1–2 – ст. Щедринская. «Чернышевский курган» – случайная находка 1875 г. Брошь. Общие виды. Тбилиси, ГМГ, инв. № 2982; 3–4 – Васюрина гора. Большой курган. Конское погребение № 1. Фалары. Общие виды. Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, инв. № Вас. 15. Фото М.Ю. Трейстера, 2005 (1–2); с негатива ИИМК, инв. № III–11938 (3–4)

Fig. 10. 1–2 – Cossack village Shchedrinskaya. “Chernyshov Burial-mound” – chance find of 1875. Brooch. General views. Tbilisi, State Museum of Georgia, inv.-no. 2982. 3–4 – Vasyrina Mount. Big kurgan. Horse burial no. 1. Phalerae. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. Bac. 15. Photos by Mikhail Treister, 2005 (1–2); from the negative, Institute of History of Material Culture, inv.-no. III–11938 (3–4)

1

2

3

4

Рис. 11. Хут. Зубова. Курган № 1/1899. Бляхи со вставками. Общие виды. Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, инв. № 2234/1–2. Фото М.Ю. Трейстера, 2004

Fig. 11. Zubov Farmstead. Burial-mound no. 1/1899. Plaques with inlays. General views. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. 2234/1–2. Photos by Mikhail Treister, 2004

украшенный золотыми накладками, происходящий из Амиса и хранящийся в Кливленде, который датируют между началом II и серединой I в. до н.э.³⁰

Плоские и слегка выпуклые агатовые вставки овальной и округлой формы украшают и окончания двудырчатых стержневидных псалиев³¹ и оголовье³², также из тайника кургана у пос. Дачи. Я подробно обосновал возможность того, что первоначально эти касты, которые с очевидностью изначально служили для украшения других предметов и были вторично использованы³³, были элементами поясной гарнитуры, подобно крупным бляхам, украшавшим пояса на парфянских статуях³⁴. О том, что подобные бляхи украшали пояса или конские уборы кочевников Прикубанья еще во второй половине I в. до н.э. свидетельствуют находки в кургане № 1/1899 у хут. Зубова³⁵ пяти круглых (изначально их было шесть – один утрачен) и одной овальной золотых блях с крупными вставками глухого стекла, некоторые из которых, изготовленные из вторично использованных обломков чащ полихромного стекла, имитировали агат (рис. 11)³⁶. Их рассматривают как имитацию описанных выше круглых блях из Сибирской коллекции. Есть все основания полагать, что пояса, украшенные бляхами со вставками из настоящего агата, послужили прототипами для появления поясов с бляхами, украшенными вставками стекла, имитирующего агат. И именно такой пояс, вероятно датирующийся еще I в. до н.э., и могли изначально украшать касты из Дач³⁷. Плоская круглая вставка из оникса украшает также медальон из кургана № 32/1902 у ст. Усть-Лабинской³⁸, который можно датировать по контексту второй половиной I – началом II в. н.э. Все это свидетельствует о том, что индийский (?) ленточный агат мог попадать на Боспор в I в. до н.э. – I в. н.э.

Недавно было высказано предположение, что агатовые вставки фаларов из Дач являются вторично использованными сосудами, т.е. чашами³⁹. Впрочем, подтверждение этой точки зрения, против которой уже появились возражения⁴⁰, потребовало бы размонтировки фаларов или, по крайней мере, их точного взвешивания, результаты которого мне не известны. Никаких подтверждений этого

³⁰ Bühler 1973, 10, 48, Nr. 22, Taf. 9; The Cleveland Museum 1978, 25 (рис. внизу в середине), инв. 64.92; Del Bufalo 2016, 136, no. 281.

³¹ Беспалый 1992, 179, рис. 4; 180, № 3; Cat. Paris 2001, 206, no. 231; Кат. Москва 2005, 19, № 12; Кат. Ст. Петербург 2008, 104, № 23; Кат. Leoben 2009, 226–227, Nr. 84; Brosseder 2011, 406, fig. 53, 3; Трейстер 2018а, 134, 135, рис. 19, 2.

³² Беспалый 1992, 180–181, № 4, рис. 5–6; Cat. Paris 2001, 206–208, no. 232; Mordvintseva 2001, 87, Nr. 114, Taf. 57; Кат. Москва 2005, 19, № 12; Кат. Ст. Петербург 2008, 104–105, № 23–24; Кат. Leoben 2009, 228–229, Nr. 85; Brosseder 2011, 406, fig. 53, 3; Трейстер 2018а, 134, 135, рис. 19, 1.

³³ Беспалый 1992, 180.

³⁴ Трейстер 2018а, 134–135.

³⁵ К этому же поясному набору относились и два наконечника ремней с небольшими дисками со вставками на концах, стилистически близкими крупным бляхам: Думберг 1901, 95, рис. 3; Гущина, Засецкая 1989, 114, № 115, табл. XII; Трейстер 2007в, 272; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 119–120, № B13.8, табл. 53.

³⁶ Думберг 1901, 94–95; Анфимов 1987, 206, внизу; 2011, 212, внизу; Гущина, Засецкая 1989, 114, № 113, табл. XII; Трейстер 2007б, 272, 284; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 119, № B13.6–7 с лит., табл. 9; 51; Воронятов 2020, 281–287, рис. 1–3; Кат. Ст. Петербург 2020, 633, № 241.1–2.

³⁷ Трейстер 2018а, 134–135.

³⁸ ОАК за 1902 г., 80, рис. 169; Гущина, Засецкая 1994, 65, № 373, табл. 41; Кат. Москва 2002, 110, 112, № 542; Трейстер 2007а, 87–88; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 97, № A308.2, табл. 12.

³⁹ Del Bufalo 2016, 122, no. 249.

⁴⁰ Amedick 2018, 20, Anm. 66.

в описании фаларов, опубликованном автором раскопок, нет; впрочем, из этого описания ясно, что фалары не были размонтированы. Соответственно и исключать эту гипотезу также нельзя, тем более что размер агатовых вставок (дм. 8,0 см) близок размеру полусферической чаши из агата, найденной в Верхнем Египте⁴¹. Если действительно в оформлении фаларов были использованы полусферические чаши, то их внутренняя часть могла быть заполнена мастикой, через которую и проходила вертикальная трубочка-заклепка.

3. Центральные орнаментальные пластины со вставками граната, бирюзы и коралла

Круглые орнаментальные пластины, припаянные поверх штырей, фиксирующих полукруглые агатовые элементы к основе фаларов, состоят из пластинчатых клюазонов круглой формы (в центре) со вставкой из гранатовых кабошонов, обрамленных восемью полуovalьными гнездами со вставками из бирюзы. Верхняя поверхность бирюзовых вставок неровная, в ряде случаев вставки меньше, чем гнезда. Пространство между гнездами заполнено вставками из розового коралла (рис. 1, 2). Композиция декоративных элементов с центральными вставками-кабошонами напоминает некоторые пластины, украшенные в технике клюазонне и происходящие из Тилля-тепе⁴², хотя на последних лепестки розетт выполнены в форме сердцевидных клюазонов. В то же время полуovalьные клюазоны и характерные признаки поверхности бирюзовых вставок на фаларах из Дач имеют прямые параллели на других изделиях, выполненных в технике клюазонне и происходящих из Тилля-тепе⁴³.

4. Фигурки львов

Фигурки львов на фаларах из Дач (рис. 1; 2, 1; 3, 4–6; 4, 1–2; 5) находят параллель в золотой фигурке льва, украшающей крышку найденного предположительно в Ольвии или в Керчи до 1867 г. золотого флакона с фигурными зооморфными ручками и тамгой, напаянной на дне (рис. 12)⁴⁴.

Близки по иконографии и рельефные, выполненные из так называемого «египетского фаянса» изображения лежащих на прямоугольных или овальных постаментах львов, которые широко распространены в Северном Причерноморье⁴⁵, в том числе очень часто встречаются в погребениях кочевников Сарматии (рис. 13)⁴⁶. На сотни пронизей в форме лежащих на прямоугольных или овальных

⁴¹ Bühler 1973, 39–40, Nr. 4, 6, 8, Taf. 1–2; Cat. London 2001, 92, no. 101.

⁴² Sarianidi 1985, 83, ill. 26; 227, no. I.12 = Kat. Bonn 2010, 160–161, Nr. 47; Sarianidi 1985, 112, ill. 60; 233, no. II.20 == Kat. Bonn 2010, 176, Nr. 73.

⁴³ Sarianidi 1985, 84, ill. 29, 228, no. 1.13 == Kat. Bonn 2010, 163, Nr. 48; Sarianidi 1985, 229, no. I.28 == Kat. Bonn 2010, 164, Nr. 54; Sarianidi 1985, 229, 242, no. III.49.

⁴⁴ ОАК за 1868 г., 53, табл. 1, 10; Смирнов 1909, табл. XII, 31; Соломоник 1959, 125–126, № 63; Скалон 1961, 129–130, рис. 11, 2–3; Шелов 1966, 296, № 5; Treister 2004a, 165, figs. 12–13; 167, no. 11; 2004b, 283, pl. IX; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 163, № С/1.19.5.1 с полной библиографией, табл. 74; рис. 17.

⁴⁵ Алексеева 1975, 44–45, типа 62–70, табл. 4, 3311; 11, 18–29; 12, 18.

⁴⁶ Трейстер 2018в, 11–15.

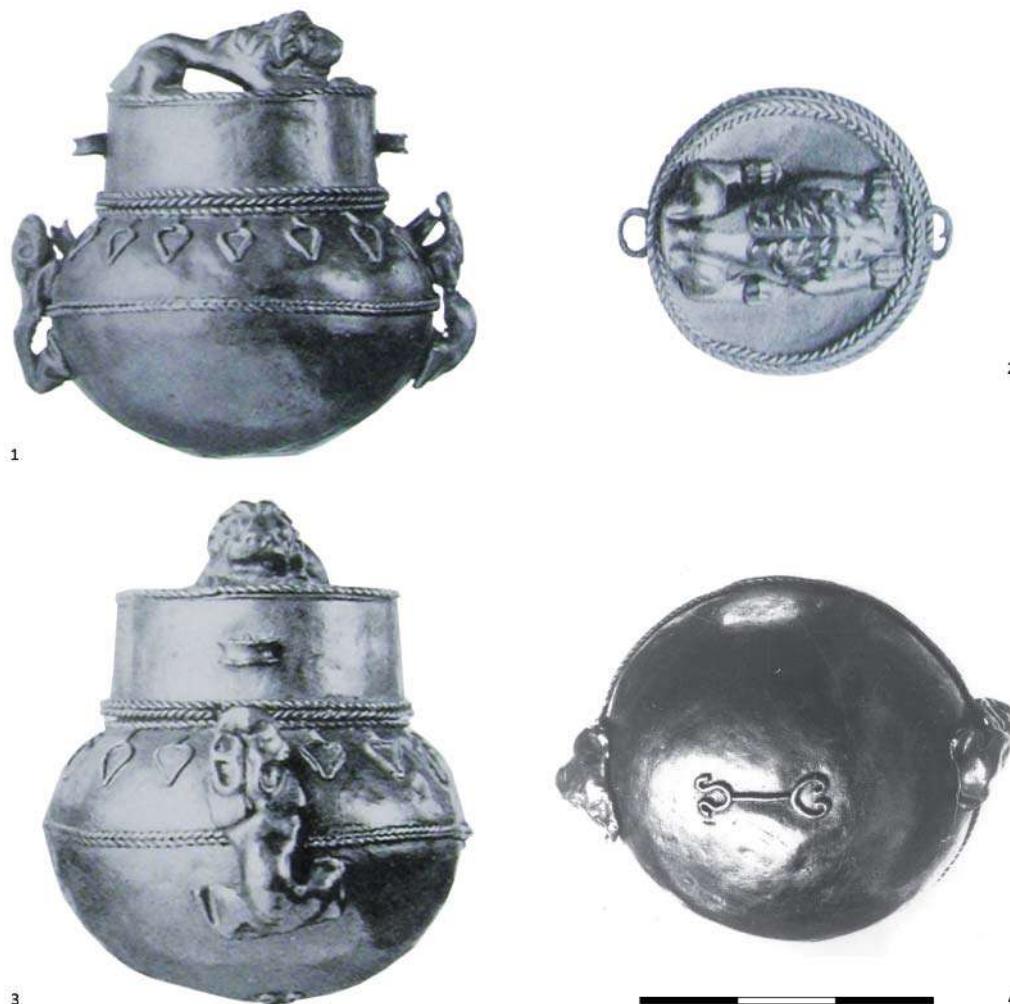

Рис. 12. Ольвия или Керчь. Найдено до 1867 г. Флакон. Общие виды. Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, инв. № Ол.95. Фото: по Я.И. Смирнову, 1909 (1–3); Гос. Эрмитажа (4)
 Fig. 12. Olbia or Kerch. Found before 1867. Flask. General views. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. Ol.95. Photos: after Я.И. Смирнов 1909 (1–3); State Hermitage (4)

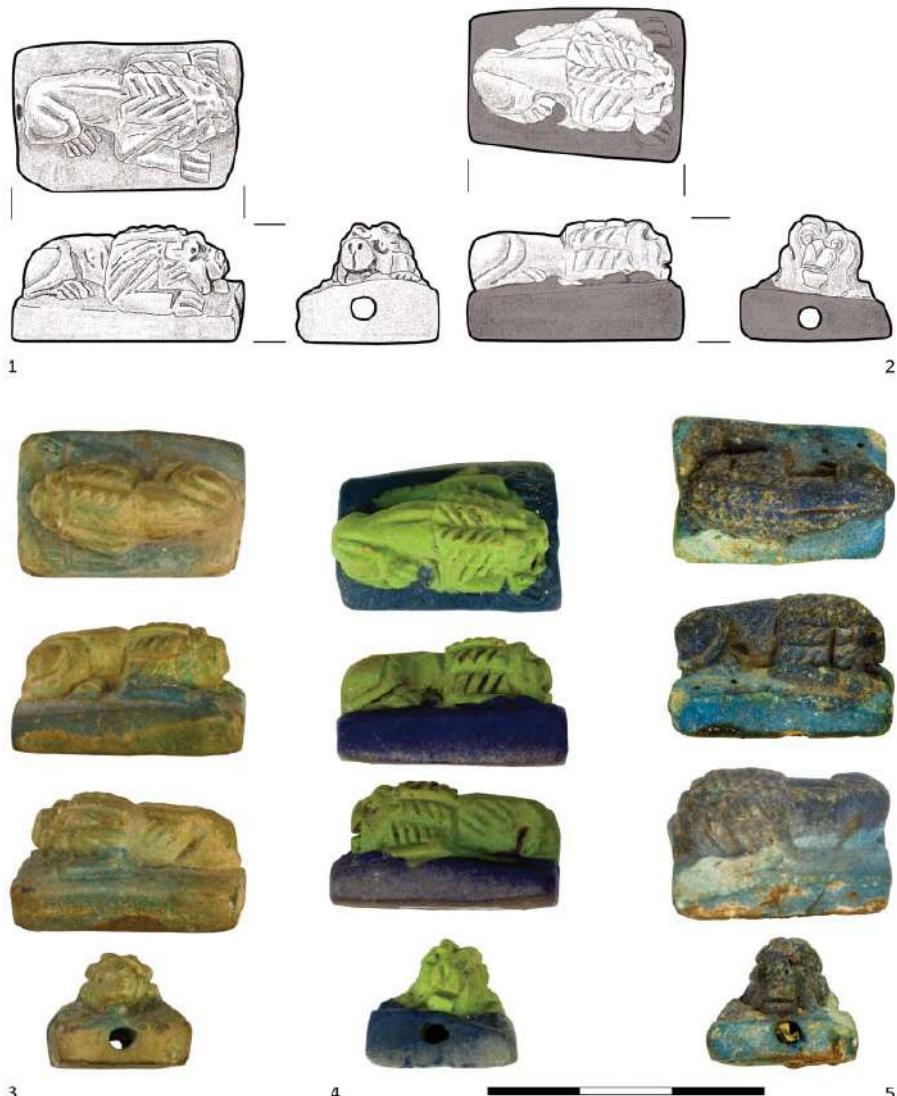

Рис. 13. Фаянсовые пронизи с фигурами львов: 1, 2, 4 – Чертовицкий-І могильник. Курган № 5(40)/1978. Погребение № 1. Воронеж, ВГУ, Археологический музей, инв. № АМВУ-605, 624; 3 – могильник совх. Свердлова-І. Курган № 1/1968. Погребение № 1. Оренбург, ГИКМ, инв. № Ором 10382/19; 5 – могильник Ново-Уфимский. Погребение № 16/1954. Уфа, НРБ, инв. № ОФ 5543/1. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015 г. (1–2), фото М.Ю. Трейстера, 2015 (3–5)

Fig. 13. Faience beads with the figures of lions: 1, 2, 4 – Chertovitskii-I cemetery. Burial-mound no. 5(40)/1978. Burial no. 1. Voronezh, State University, Archaeological Museum, inv.-no. AMBU-605, 624; 3 – Cemetery state farm Sverdlov-I. Burial-mound no. 1/1968. Burial no. 1. Orenburg, Governor's Historical Local Lore Museum, inv.-no. Orom 10382/19; 5 – Novo-Ufimskii cemetery. Burial no. 16/1954. Ufa, National Museum of Republic Bashkortostan, inv.-no. ОФ 5543/1. Drawings by Natalya Bespalaya, 2015 (1–2), Photos by Mikhail Treister, 2015 (3–5)

постаментах львов, найденных как в Северном Причерноморье, так и в сарматских памятниках от Карпатского бассейна⁴⁷ до Урала⁴⁸ и датирующихся в рамках второй трети I – первой половины II в. н.э., приходится лишь две пронизи такого типа из Помпей⁴⁹, а также несколько пронизей, хранящихся в Торонто и происходящих из покупок, предположительно в Египте, Иране и Китае⁵⁰. Хотя точных аналогий плакеткам с изображением лежащих львов, подобных найденным в Северном Причерноморье и в Сарматии, ни в Египте, ни на Ближнем Востоке (имеются в виду достоверно происходящие) мне не известны, предполагать египетский или в целом ближневосточный импульс для их появления вполне возможно, хотя иконография изображения была, очевидно, широко распространена в раннеимператорскую эпоху, в том числе в скульптуре и глиптике. Ареал распространения пронизей с фигурками львов и датировки контекстов находок очевидностью свидетельствуют в пользу их изготовления в северопричерноморской мастерской(-их) конца I в. до н.э. – первой половины II в. н.э.⁵¹

Выбор мотива – фигурок львов для украшения фаларов – представляется неслучайным, если мы обратим внимание на упомянутые выше фалары с масками львов из кургана № 10/1987 Кобяковского могильника, близкие рассматриваемым фаларам не только по времени, но и по технике изготовления (бронзовая основа, золотой лист, завернутый на край основания). Мотив маски льва как украшение фаларов использовался на Боспоре еще в III в. до н.э. (фалары из Федуловского клада⁵²).

5. Вставки

Кораллы довольно широко (в сочетании с бирюзой, а также с лазуритом, стеклом или янтарем) использовались в качестве вставок в предметах Сибирской коллекции⁵³, золотой ажурной диадемы из Каргала⁵⁴, а также пряжки из Сидоровки⁵⁵ и гагатовых поясных пластин из Тувы⁵⁶. Обращает на себя внимание тот факт, что упомянутые выше золотые бляхи из Сибирской коллекции с центральными вставками из агата были дополнительно украшены мелкими вставками из стекла, бирюзы и коралла.

⁴⁷ Vaday 2016, 765, 766, 770, fig. 7, 4; Korom 2018a, 23, 24, fig. 2, 2; 2018b, 176, 179, 182–183, Abb. 4, 19; 5, 1. 3.

⁴⁸ Трейстер 2018в, 11–15, рис. 1; 2, 4; 4; 6, 2–3; 7.

⁴⁹ Pannuti 1983, 140, nos. 250–251.

⁵⁰ Seligman, Beck 1938, 11, pl. IV, 6c.

⁵¹ Трейстер 2018в, 20–22.

⁵² Берхин 1962, 37–39; Засецкая 1966, 28–30; Pfrommer 1993, 8–9, fig. 3; Treister 1996, 107 с лит., figs. 26–27; 2001, 211, 452, figs. 97–98; Mordvintseva 2001, 71, Nr. 1, Taf. 1; Трейстер 2006, 430–431, рис. 7–8.

⁵³ Rudenko 1962, 32–33; Артамонов 1973, 167; Мордвинцева 2003, 32.

⁵⁴ Бернштам 1940, 23–31; Артамонов 1973, 48; Акишев 1983, 28–29, 158–169; Кузьмина 1987, 158–181; Мордвинцева 2003, 54–55, рис. 41; 42, 2–3; Кат. Алматы 2009, 384–385; Самашев 2013, 144–145, 169–170, рис. 370–372; Базарбаева, Джумабекова 2018, 528–529, рис. 21.

⁵⁵ Матющенко, Татаурова 1997, 48, 72–73, рис. 27, 1–2; Bunker et al. 2002, 31, fig. 45; 133; Когуакова 2006, 108, fig. 9, 1; Brosseder 2011, 375, 376, fig. 24, 13; Засецкая 2019, 95–96, ил. 31, а; Килуновская, Леус 2020, 104, рис. 7, 2; 107.

⁵⁶ Brosseder 2011, 357; Килуновская, Леус 2017, 96, рис. 4, 20; 99; 2018, 140, рис. 13; 141–142; Kilunovskaya, Leus 2018, 11–12, figs. 31–32, 35.

Сочетание бирюзы и кораллов (а также стеклянных вставок соответствующих цветов) демонстрируют многие украшения (диадема⁵⁷, гривна⁵⁸, браслеты⁵⁹), а также флаконы⁶⁰, кубок с зооморфной ручкой⁶¹ (из кургана Хохлач) и некоторые другие изделия из сарматских курганов Нижнего Подонья: тайника кургана у пос. Дачи (чаша-фалар⁶², браслет⁶³, пластина – элемент ремня⁶⁴), кубок из ст. Мигулинской⁶⁵, фалары из кургана Садовый⁶⁶, пряжки из Хапров⁶⁷.

Вместе с тем украшающие фалары из Дач и в центральной части медальонов в центре агатовых вставок, и по краю вставки граната (альмандин) абсолютно не характерны для изделий Сибирской коллекции⁶⁸. Сравнительно редко бирюза в сочетании с гранатом (но не в комбинации с кораллом) украшает ювелирные изделия из некрополя Тилля-тепе⁶⁹.

Сочетание вставок из граната и бирюзы характерно и для рукояти и ножен парадного кинжала из Горгиппии⁷⁰, причем все вставки, украшающие эти эле-

⁵⁷ Засецкая 2011, 21–81, ил. 3–19; 258, № 1 с лит.; 2019, 59, 66–67; 69–70; 110, 125, 135, № 1 с лит., табл. I–II.

⁵⁸ Засецкая 2011, 82–89, ил. 38а, 39–41; 259, № 2 с лит.; 2019, 51, 55, 68, 136, № 4 с лит., табл. IV.

⁵⁹ Засецкая 2011, 89–93, ил. 38б, 42; 259, № 3 с лит.; 2019, 51, 140, № 14 с лит., табл. XI, а–б.

⁶⁰ Засецкая 2011, 122–155, ил. 58–60, 65–68, 72–74; 260–261, № 4–6 с лит.; 2019, 51, 58–59, 151–153, № 47.1–2; 49 с лит., табл. XIX, в; XX.

⁶¹ Засецкая 2011, 160–165, ил. 80–82; 262, № 8 с лит.; 2019, 58, 66, 68, 151–153–154, № 50 с лит., табл. XXI, а.

⁶² Беспалый 1992, 181–182, рис. 7; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 50, № А67.1, с лит., табл. 26; 78; Кат. Leoben 2009, 221, № 82; Засецкая 2011, 158, ил. 79.

⁶³ Беспалый 1992, 185, рис. 10; Мордвинцева 2003, 90, № 79, рис. 33; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 50, № А67.5, с лит., рис. 44; Кат. Ст. Петербург 2008, 106–107, № 25; Кат. Leoben 2009, 230–231, № 86; Засецкая 2011, 112–114, илл. 54, 1, 2а; 141, № 16 с лит.; табл. XII, 6.

⁶⁴ Беспалый 1992, 179, рис. 3, 3; 187–188, № 10; Cat. Paris 2001, 212–213, № 237; Кат. Москва 2005, 16, № 5; Кат. Ст. Петербург 2008, 96, № 16; Кат. Leoben 2009, 216, № 77; Brosseder 2011, 406, fig. 53, 6f.; Засецкая 2019, 167, № 91 с лит., табл. XXXII, а.

⁶⁵ Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 123–124, № B24.1 с лит., табл. 20; 54; рис. 16; 46; Трейстер 2007а, 193; Засецкая 2015, 171–183, ил. 1; 2, в; 3, б; 7, в; 2019, 50, 154, № 51 с лит., табл. XXI, 6.

⁶⁶ Cat. Paris 2001, 199–200, nos. 224–225; Mordvintseva 2001, 85, № 103, Taf. 51; Мордвинцева 2003, 89, № 67, рис. 27; Kat. Frankfurt 2003, 132–133, № 99–100; Мордвинцева 2007, 238–239; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 77–78, № А244.10–11 с лит., рис. 38; Засецкая 2011, 142–143, илл. 70: а–б; 2012а, 356–357, № 3–4; 2012б, 106–107, № 2, рис. 2, 1; 3: 3; 2018, 126–137; 2019, 51, 52, 55, 70, 161, № 72.2 с лит., табл. XXVII, в; Клейн 2016, 106, 111–113, рис. 78–81; Mordvintseva 2017, fig. 3.

⁶⁷ Cat. Paris 2001, 178–179, № 198; Мордвинцева 2003, 44, 90, № 74, рис. 30; 2007, 214, 225, 229, 238; Кат. Москва 2005, 14, № 1; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 100, № А322.1 с лит., рис. 41; Кат. Ст. Петербург 2008, 89, № 10; Кат. Leoben 2009, 208, № 71; Засецкая 2011, 152, 154, рис. 76, б; 2012а, 361, № 14; 366, рис. 7; 2012б, 68–69, № 8; рис. 6; 2019, 80–81, 94, 96, 107, 151, № 44 с лит., табл. XVIII, в; Brosseder 2011, 378, fig. 27; 379; 405, 418, list 2c, no. 1; 2013, 97, 99, Abb. 11; Трейстер 2019, 201, прим. 111 с лит., рис. 7, 3.

⁶⁸ Ср. Rudenko 1962, 32–33.

⁶⁹ Бляхи из погребения № 1: Sarianidi 1985, 83–84 (ills. 26, 29); 227–228, nos. 1.12–13; Кат. Bonn 2010, 160–161; № 47–48. Оправа из того же погребения: Sarianidi 1985, 229, no. 1.28; Кат. Bonn 2010, 164; № 54. Подвески из погребения № 2: Sarianidi 1985, 98–103 (ills. 44–47); 231–232, no. 2.7; Кат. Bonn 2010, 170–171, № 61. Ожерелье из погребения № 5: Sarianidi 1985, 118–119 (ills. 64–65); 252, no. 5. 3; Кат. Bonn 2010, 214, № 129.

⁷⁰ Кат. Москва 1987, 165–166, № 250, рис. 85, табл. 46; Кат. Mannheim 1989, 178, № 250, Taf. 46; Cat. Tokyo 1991, 139, no. 177; Cat. Paris 2001, 278, no. 335; Treister 2003, 57–58, fig. 9; Мордвинцева 2003, № 86, рис. 36; Mordvintseva, Treister 2005, 73; 76, Taf. 34; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, № А52.8 с библиографией, табл. 26, рис. 47; Засецкая 2015, 210–215, илл. 22–24, 26, 1.

менты по краю, – гранатовые в напаянных кастах⁷¹, а практически все вставки, украшающие изображения орлов и зайцев, – бирюзовые, при этом впущены в толщу рельефных изображений. Подобное же сочетание вставок (коралл – бирюза – гранат) украшает и чашу-фалар из тайника в Дачах⁷². В целом широкое использование вставок из граната считают признаком, характерным для изделий мастерских Северного Причерноморья и Боспора, в частности, где, по мнению исследователей, и был изготовлен боспорский кинжал⁷³.

Касты ромбовидной формы со вставками из бирюзы, если и имели какую-то связь с кастами с аккуратно выведенными гранями парадного кинжала из того же тайника, то, скорее всего, их можно рассматривать как попытки имитации их⁷⁴.

6. Геммы, вставленные в фалар из Дач

Три из четырех крупных овальных вставок на одном из фаларов представлены геммами на гранатах.

На двух геммах вырезаны профильные изображения стоящей Немезиды из Смирны.

На одной из гемм⁷⁵ в профиль вправо представлено изображение крылатой Немезиды⁷⁶, которое находит ближайшую типологическую и стилистическую параллель в гемме на гранате из катакомбы № K15 в Нимфее, найденной с материалами от второй половины I до первой половины III в. н.э.⁷⁷ По мнению О.Я. Неверова, указывающего на три аналогичные геммы из некрополя Пантикалея⁷⁸, нимфейская гемма была изготовлена в боспорской камнерезной мастерской I в. н.э.⁷⁹ Вместе с тем эти геммы, отмеченные О.Я. Неверовым (часть из которых была им опубликована⁸⁰), стилистически отличаются от гемм, вставленной в фалар из Дач, и из Нимфея.

На второй гемме, вставленной в фалар⁸¹, изображена стоящая на фоне невысокой колонны женская фигура в профиль влево, у которой правая рука согнута в таком же жесте, как и на первой гемме и, вероятно, представлена держащей пальмо-

⁷¹ Очевидно, что этот напаянные касты, а не углубленные гнезда, как пишет И.П. Засецкая (2015, 215).

⁷² Беспалый 1992, 181–182, рис. 7; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 50, № A67.1, с лит., табл. 26; 78; Кат. Leoben 2009, 221, Nr. 82; Засецкая 2011, 158, ил. 79.

⁷³ Засецкая 2015, 227–228.

⁷⁴ Трейстер 2018б, 423.

⁷⁵ Кат. Ст. Петербург 2008, 103, справа вверху; Кат. Leoben 2009, 224, слева вверху.

⁷⁶ О культовой статуе Немезиды в Смирне см. LIMC VI, 1992, 756 s.v. Nemesis (P. Karanastassi, F. Rausa). Наиболее ранние изображения этой схемы на монетах, сопоставимые с изображением на гемме из Дач, представлены на ауресе К. Вибия Вара 42 г. до н.э., см. LIMC VI, 1992, 746, no. 231 s.v. Nemesis (P.Karanastassi/F.Rausa). См. об иконографии Немезиды из Смирны: LIMC VI, 1992, 733–770 s.v. Nemesis (P. Karanastassi, F. Rausa).

⁷⁷ Neverov 1995, 74, no. 31, pl. XIII, 6; Neverov 2000, fig. 16a-b; 189, no. 31; Кат. Ст. Петербург 1999, 114, № 303; Грач 1999, 146, Nr. 5. ГЭ, инв. ННФ. 74.254.

⁷⁸ ГЭ, инв. П.1842.2; П.1870.134; П.1884.3; см. также Максимова 1957, 79, рис. 2, 9.

⁷⁹ Neverov 2000, 189.

⁸⁰ Неверов 1978, 175, № 40, рис. на с. 202; ГЭ, инв. П.1842.2. См. также другие геммы с изображением Немезиды из Смирны, происходящие из некрополей городов Северного Причерноморья: Максимова 1957, 79, рис. 2, 8–9; Неверов 1978, 172–175, № 25–41.

⁸¹ Кат. Ст. Петербург 2008, 103, справа внизу; Кат. Leoben 2009, 224, внизу.

вую ветвь. В левой руке, опущенной вниз, она держит какой-то предмет (сосуд?). Общая схема изображения и положение рук чрезвычайно близки изображению Немезиды на гемме, вставленной в золотой перстень I в. н.э. из некрополя Панти-капея⁸². Черты лица богини проработаны довольно детально. Одежния оформлено вертикальными складками, которые прерываются одной горизонтальной в верхней части туловища, под грудью и тремя параллельными наклонными линиями в нижней части на талии. Подобные же положения правой руки и складки на талии, переданные тремя косыми параллельными насечками, демонстрирует фигура, вырезанная на гемме из граната из датируемого не позднее 46–47 гг. н.э. клада № 1, найденного на городище Артезиан в Крымском Приазовье, вставленной в золотой перстень⁸³. В правой руке богини, изображенной на рассматриваемой гемме, как и на гемме из клада, найденного на городище Артезиан, также имеется подобный изогнутый предмет, обозначенный прерывистой линией. Объединяет оба изображения и широкая горизонтальная линия, примыкающая к талии изображенной богини слева. Таким образом, есть основания для атрибуции изображения на гемме как Немезиды из Смирны.

Близкую трактовку складок одежды на талии в виде трех косых параллельных линий мы встречаем на гемме из желтой яшмы с изображением Немезиды в железном перстне, хранящейся в Берлине, поступившей из собрания Л. фон Ганса и датируемой по стилистическим критериям II в. н.э.⁸⁴

На гранатовой гемме, вставленной в один из золотых перстней, найденных в погребении № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-1⁸⁵, представлена в профиль вправо фигура с характерным изгибом в локте и жестом правой руки, позволяющими идентифицировать ее с Немезидой. По сравнению с изображениями Немезиды на геммах, вставленных в фалары из кургана у пос. Дачи, изображение на гемме в перстне из кургана могильника Валовый значительно более схематизированное и лишено деталей и, скорее, может быть сопоставлено с изображением на гранатовой гемме, вставленной в золотой перстень из некрополя Херсонеса⁸⁶.

Также и гемма с изображением Артемиды на фаларе из Дач⁸⁷ находит ближайшие аналогии не только по стилю, но и по трактовке деталей на боспорской гемме, опубликованной М.И. Максимовой⁸⁸. Боспорские комплексы, из которых

⁸² Неверов 1978, 175, № 40.

⁸³ Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 106–107, рис. 7, 1; Abramzon, Treister, Vinokurov 2012, 223–225, fig. 7, 1.

⁸⁴ AGD II, 188, Nr. 526, Taf. 91; LIMC VI, 1992, 741, no. 48 s.v. Nemesis (P. Karanastassi, F. Rausa). Тот факт, что гемма поступила в Музей из собрания фон Ганса, дает веские основания предполагать ее северопричерноморское происхождение: см. Greifenhagen 1970, 10.

⁸⁵ Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 16, № A27.3 с литературой, табл. 24; Трейстер 2007а, 156, прим. 925; Беспалый и др. 2007, 31, № 29; 118, табл. 29, 2а; 125, табл. 36, 1а; Безуглова и др. 2009, 38, 41, рис. 21, 2; 89, 90 (вверху слева).

⁸⁶ Неверов 1978, 175, № 38.

⁸⁷ Кат. Ст. Петербург 2008, 103, слева вверху; Kat. Leoben 2009, 224, справа вверху.

⁸⁸ Максимова 1957, 79, рис. 2, 6. См. также подобные изображения Артемиды с правой рукой, согнутой в локте за спиной, например, на литике в Мюнхене: AGD I, 3, 136, Nr. 3129, Taf. 303. Подобное изображение представлено на сердоликовой гемме, хранящейся в сокровищнице Кельнского собора: Zwierlein-Diehl 1998, 230, Nr. 100: первая половина I в. н.э. См. о статуарном типе Артемиды Версальской – Лептис Магна: LIMC II, 1984, 805, Abb. 27; 27а, Nr. 246–251 s.v. Artemis/Diana (E. Simon); Boussac 1992, Ar 26–43, pl. 47f.

происходят геммы, могут быть отнесены к периоду от двух–трех последних десятилетий I в. до н.э. до конца 1 в. н.э.⁸⁹

Помимо трех крупных овальных гемм в рассматриваемый фалар была сделана вставка маленькой округлой в плане выпуклой геммы на гранате с изображением цветка (?) из трех лепестков⁹⁰. Близкое изображение, но с горизонтальной чертой под лепестками на гранатовой гемме III в. до н.э. в Мюнхене определяется как изображение бабочки⁹¹, в данном случае такой черты, которая могла бы обозначать туловище бабочки, нет, поэтому скорее это изображение цветка. Очень близкое по форме изображение украшает выпуклую вставку из халцедона в железном перстне из датированного первой половиной I в. н.э. погребения № 3 могильника у дер. Золотое в Восточном Крыму⁹². Близкое изображение имеется на гемме из Ксантена⁹³.

Стилистически все геммы фалара из Дач чрезвычайно близки между собой. Обращают на себя внимание не только беглый стиль изображения, передача складок одежды легкими вертикальными штрихами, но и такие характерные детали изображений, как непропорционально длинные и тонкие шеи. Аналогичным образом показана шея на сердоликовом кабошоне с изображением стоящей Геры-Фортуны в золотом перстне из некрополя Тиритаки⁹⁴, который происходит из погребения I–II вв. н.э.⁹⁵ и относится, по мнению С.И. Финогеновой, к изделиям боспорской камнерезной мастерской⁹⁶. Подобным же образом трактована и фигурка богини на вставленных в золотые перстни гранатовых кабошонах из погребения первой половины I в. н.э. № 9/1991 в Цемдолине⁹⁷, погребения I–II вв. н.э. № 1 кургана № 9/1987 группы Валовый-1⁹⁸, погребения № 1 могилы № 38 некрополя у д. Золотое, которое датируется не позднее середины I в. н.э.⁹⁹, и на сердоликовом кабошоне, вставленном в биллоновый перстень, из упомянутой выше катакомбы № К15 в Нимфее¹⁰⁰.

В целом, как уже мною неоднократно отмечалось, практика украшения ювелирных изделий и произведений торевтики геммами особенно характерна для находок с территории Боспорского царства и из сарматских погребений Северного Причерноморья¹⁰¹. Геммы, вставленные в фалар из Дач, можно с достаточно высокой уверенностью определить как изделия боспорской мастерской I в. н.э.

⁸⁹ Максимова 1957, 75.

⁹⁰ Кат. Ст. Петербург 2008, 103, справа внизу.

⁹¹ AGD I, 1, 80, Nr. 429, Taf. 49.

⁹² Корпусова 1983, 99, 127, табл. XV, 15.

⁹³ Platz-Horster 1994, 212, Nr. 350, Taf. 67. См. также: Кибальчич 1910, 36, № 70 (аметист); Zwierlein-Diehl 1998, 198, Nr. 64 (аметист, II–I вв. до н.э.).

⁹⁴ Финогенова 1977, 193, рис. 1, 3; 1993, 32, № 35.

⁹⁵ Блаватский 1941, 72.

⁹⁶ Финогенова 1977, 194; 1993, 14–15.

⁹⁷ Малышев, Трейстер 1994, 65–66, № 7; 84, табл. VII, 3; Malyshev, Treister 1994, 33, fig. 5; Malyshev, Treister 1994, 54–55, Nr. 7, Abb. 12; Трейстер 2007в, 303; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 111, № А369.3.

⁹⁸ См. выше прим. 85.

⁹⁹ Корпусова 1982, 88–89, № 20, рис. 1; Корпусова 1983, 61–62, рис. 18, 1; 101–102; 134, табл. XXII, 24.

¹⁰⁰ Neverov 1995, 74, no. 33, pl. XIII, 8; 2000, 187, fig. 17; 189, no. 33; Кат. Ст. Петербург 1999, 114, № 304.

¹⁰¹ Трейстер 2007в, 295–305, карты 70–71.

Выводы

Приведенная выше атрибуция гемм играет важную роль в определении центра производства фаларов, по поводу чего высказывались различные точки зрения, при этом преобладающим является мнение об их изготовлении в боспорской мастерской, в пользу чего я уже неоднократно высказывался¹⁰². Даже если считать, что геммы появились на одном из фаларов в результате ремонта (хотя никакие следы замены вставок не фиксировались), имеются и другие, рассмотренные выше признаки, подтверждающие гипотезу о вероятном изготовлении фаларов на Боспоре. Думаю, что Е.И. Беспалый был прав, предполагая преднамеренное размещение гемм только на одном фаларе по принципу различия левого и правого повода узды¹⁰³.

Учитывая датировку погребения в пределах последней четверти I в. н.э., украшение центральных розетт фаларов в технике клуазонне, получившей особенное распространение в Северном Причерноморье в середине – третьей четверти I в. н.э., к этому же времени, вероятно, следует отнести и изготовление фаларов.

Эти уникальные предметы конской сбруи, попавшие к кочевнику, похороненному в непосредственной близости от границ Боспора (Танаис), вероятно, можно рассматривать как дипломатический дар. Не исключено, что фалары отдельно или целиком драгоценный конский набор мог в таком случае попасть к представителю высшей кочевнической знати еще в ходе событий боспорско-римской войны 45–49 гг. н.э., так же, как в тайник расположенного недалеко от Дач погребения в кургане № 28/1982 г. могильника Высочино-ВII попал сервиз из четырех серебряных кубков¹⁰⁴, боспорское происхождение которых также весьма вероятно¹⁰⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2012: Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 93–146.
- Акишев, К. 1983: *Древнее золото Казахстана*. Алматы.
- Алексеева, Е.М. 1975: *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ Г1-12). Ч. 1. М.
- Анфимов, Н.В. 1987: *Древнее золото Кубани*. Краснодар.
- Анфимов, Н.В. 2011: *Древнее золото Кубани*. 2 изд. Краснодар.
- Артамонов, М.И. 1973: *Сокровища саков*. М.
- Базарбаева, Г., Джумабекова, Г. 2018: Искусство саков Казахстана. В кн.: А. Онгарулы (ред.), *Золото властелинов казахских степей*. Тэджон, 494–535.
- Безуглов, С.И., Глебов, В.П., Парусимов, И.Н. 2009: *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону.

¹⁰² Трейстер 2007в, 303; 2018б, 422–423; 2018в, 25–26. В.И. Мордвинцева в одной из работ высказывается в пользу их бактрийского происхождения (Mordvintseva 2001, 38), в других – склонна считать фалары из Дач боспорской работой (Мордвинцева 1999а, 45; 2003, 38, 52, 80, 90, № 78, рис. 33; 2007, 223, 231, 237, 239).

¹⁰³ Беспалый 1992, 185.

¹⁰⁴ Трейстер 2007а, 17–18; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 22, № А45.1-4 (с библиографией), табл. 25; Kat. Leoben 2009, 247, Nr. 100a-d.

¹⁰⁵ Белоусов и др. 2017, 31–38; Treister 2018, 415.

- Белоусов, А.В., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2017: Серебряные канфары из слоя пожара 46/47 г. времени боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье. В сб.: Д.А. Костромичев (ред.), *Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 года*. Севастополь, 31–38.
- Бернштам, А.Н. 1940: Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. *КСИИМК* V, 23–31.
- Берхин, И.П. 1962: О месте производства фаларов «Федуловского клада». *СГЭ* 22, 37–39.
- Беспалый, Е.И. 1992: Курган сарматского времени у г. Азова. *СА* 1, 175–190.
- Беспалый, Е.И., Беспалая, Н.Е., Раев, Б.А. 2007: *Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1»* (Материалы и исследования по археологии Юга России, 2). Ростов-на-Дону.
- Беспалый, Е.И., Лукьяшко, С.И. 2018: *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Новоалександровка* (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I. Т. 2). Ростов-на-Дону.
- Блаватский, В.Д. 1941: Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г. *МИА* 4, 61–74.
- Власова, Е.В. 2004а: Курганы Васюриной Горы. В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников*. Т. 2. СПб., 275–287.
- Власова, Е.В. 2004б: Курган Васюринская гора на Таманском полуострове. В сб.: Е.Н. Ходза (ред.), *Эллинистические штудии в Эрмитаже. Сборник статей. К шестидесятилетию Михаила Борисовича Пиотровского*. СПб., 158–174.
- Власова, Е.В. 2010: Государственный Эрмитаж. Древности эллинские и местные. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. III. М., 198–262.
- Внуков, С.Ю. 2006: *Причерноморские амфоры I в. до н.э.–II в. н.э. Часть II.Петрография, хронология, проблемы торговли*. СПб.
- Внуков, С.Ю. 2016: Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднеграклейских) узкогорлых амфор. *PA* 2, 36–47.
- Воронятов, С.В. 2020: Фалары конского оголовья из кургана 1 на Зубовском хуторе. *Археологія і давня історія України* 3 (36), 281–287.
- Грач, Н.Л. 1999: *Некрополь Нимфея*. СПб.
- Гущина, И.И., Засецкая, И.П. 1989: Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э.–II в. н.э.). В сб.: М.П. Абрамова (ред.), *Археологические исследования на юге Восточной Европы* (Труды ГИМ 70). М., 71–141.
- Гущина, И.И., Засецкая, И.П. 1994: «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Думберг, К. 1901: Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. *ИАК* 1, 94–103.
- Засецкая, И.П. 1966: Назначение вещей Федуловского клада. *АСГЭ* 7, 28–36.
- Засецкая, И.П. 2011: *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. СПб.
- Засецкая, И.П. 2012а: Изображения грифонов и «грифов» в сарматском зверином стиле. В сб.: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию Александра Владимириевича Симоненко*. Киев, 353–383.
- Засецкая, И.П. 2012б: К вопросу о месте изготовления серебряных чаш из сарматского комплекса I в. н.э. В сб.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной* (Труды ГИМ, 191). М., 82–90.
- Засецкая, И.П. 2015: О стилистических особенностях трех кинжалов сарматской эпохи I века до новой эры – II века новой эры. *АСГЭ* 40, 189–231.
- Засецкая, И.П. 2018: Фалары из кургана Садовый и образ «тарандра». *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 23.3, 126–137.

- Засецкая, И.П. 2019: *Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.)* (Археологические памятники Северного Причерноморья 1). Симферополь.
- Кат. Алматы 2009: *Культура ранних кочевников Казахстана. Археологическая коллекция ЦГМ РК*. Алматы.
- Кат. Москва 1987: А.М. Лесков (ред.), *Шедевры древнего искусства Кубани*. М.
- Кат. Москва 2002: Д.В. Журавлев (ред.), *На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского*. М.
- Кат. Москва 2005: Т.А. Габуев, *Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков*. М.
- Кат. Ст. Петербург 1999: С.П. Борисковская (ред.), *Древний город Нимфей. Каталог выставки*. Государственный Эрмитаж. СПб.
- Кат. Ст. Петербург 2008: *Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения Б.Б. Пиотровского*. СПб.
- Кат. Ст. Петербург 2020: А.Ю. Алексеев, М. Наврот, А. Гасс, Ю.Ю. Пиотровский (ред.), *Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н.э. Каталог выставки / Eisenzeit. Europa ohne Grenzen. I. Jahrtausend v. Chr. Ausstellungskatalog*. СПб.
- Килуновская, М.Е., Леус, П.М. 2017: Искусство конца первого тысячелетия до н. э. в Туве. *КСИА* 247, 87–104.
- Килуновская, М.Е., Леус, П.М. 2018: Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве. *АВ* 24, 125–152.
- Килуновская, М.Е., Леус, П.М. 2020: Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1 (25), 97–125.
- Клейн, Л.С. 2016: *Первый век: сокровища сарматских курганов*. СПб.
- Корпусова, В.Н. 1982: Античные геммы боспорских некрополей. В сб.: В.Д. Баран (ред.), *Новые памятники древней и средневековой художественной культуры*. Киев, 86–103.
- Корпусова, В.Н. 1983: *Некрополь Золотое*. Киев.
- Кузьмина, Е.Е. 1987: Дионис у усуней (О семантике каргалинской диадемы). В сб.: Б.Б. Пиотровский (ред.), *Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства*. М., 158–181.
- Максимова, М.И. 1957: Боспорская камнерезная мастерская. *СА* 4, 75–82.
- Малышев, А.А., Трейстер, М.Ю. 1994: Погребение зубовско-воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска. *Боспорский сборник* 5, 59–86.
- Матющенко, В.И., Татаурова, Л.В. 1997: *Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье*. Новосибирск.
- Мордвинцева, В.И. 1999а: Набор фаларов из кургана 28 могильника Жутово Волгоградской области. *НАВ* 2, 42–51.
- Мордвинцева, В.И. 1999б: Старобельский клад. *АВ* 6, 168–178.
- Мордвинцева, В.И. 2003: Палихромный звериный стиль. Симферополь.
- Мордвинцева, В.И. 2007: Сарматский полихромный звериный стиль. В кн.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер, *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Т. I. Симферополь–Бонн, 195–244.
- Мордвинцева, В.И., Трейстер, М.Ю. 2007: *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Симферополь–Бонн.
- Неверов, О.Я. 1978: Изображения на геммах-печатях, металлических перстнях и амулетах. В кн. М.М. Кобылина (ред.), *Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э.* М., 163–210.
- ОАК за 1868 г., 1870: *Отчет археологической комиссии за 1868 г.* СПб.
- ОАК за 1902 г., 1904: *Отчет археологической комиссии за 1902 г.* СПб.
- Прохорова, Т.А., Гугуев, В.К. 1992: Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника. *СА* 1, 142–161.
- Ростовцев, М.И. 1913–1914: *Античная декоративная живопись на юге России*. СПб.
- Самашев, З. 2013: *Казахское искусство: в 5-ти том. Т. 1. Древнее искусство*. Алматы.

- Симоненко, А.В. 2015: *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. 2-е изд. Киев.
- Скалон, К.М. 1961: О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время. *АСГЭ* 2, 114–140.
- Смирнов, К.Ф. 1984: *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии*. М.
- Смирнов, Я.И. 1909: *Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения*. СПб.
- Соломоник, Э.И. 1959: *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев.
- Спицын, А.А. 1909: Фалары Южной России. *ИАК* 29, 18–53.
- Тревер, К.В. 1940: *Памятники Греко-Бактрийского искусства*. М.–Л.
- Трейстер, М.Ю. 2006: Фалары из станицы Успенской (к вопросу о времени появления больших наплечных фаларов эллинистического времени). *Древности Боспора* 10, 429–462.
- Трейстер М.Ю. 2007а: Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. (эллинистическая традиция). В кн.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер, *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Т.1. Симферополь–Бонн, 15–194.
- Трейстер М.Ю. 2007б: Типы накладных пластинчатых кастов, форма, материал и цвет вставок. В кн.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер, *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Т. 1. Симферополь, 272–287.
- Трейстер М.Ю. 2007в: Вставки гемм (за исключением перстней). В кн.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер, *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Т. 1. Симферополь–Бонн, 295–305.
- Трейстер, М.Ю. 2018а: Драгоценный поясной набор из элитного погребения кочевника у с. Косика. *НАВ* 17.1, 108–143.
- Трейстер, М.Ю. 2018б: Парадный меч в ножнах из Дач. В сб.: А.Н. Коваленко (ред.), *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Вып. 2. К 70-летию профессора Виктора Павловича Копылова. Ростов-на-Дону, 413–431.
- Трейстер, М.Ю. 2018в: Фигурные пронизи и подвески из так называемого египетского фаянса в Евразии в I в. до н.э. – III в. н.э. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. Вып. IV. Симферополь, 9–49.
- Трейстер, М.Ю. 2019: «Импорты» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. *ПИФК* 4, 180–238.
- Финогенова, С.И. 1977: Резные камни из Тирамбы и Тиритики. В сб.: М.М. Кобылина (ред.), *История и культура античного мира*. М., 192–194.
- Финогенова, С.И. 1993: *Каталог собрания античных гемм Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. М.
- Шаров, О.В. 2009: О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы. *БИ* XXII, 283–323.
- Шелов, Д.Б. 1966: Новгородская мирница. В кн.: А.Л. Монгайт (ред.), *Культура древней Руси*. М., 294–299.
- Яценко, И.В. 1962: Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца. *КСИА* 89, 42–50.
- Abramzon, M.G., Treister, M., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewelry Items from the Time of the Roman-Bosporan War (45–49 AD) from Artezian Site. *ACSS* 18.2, 207–278.
- Amedick, R. 2018: Eine Achat-Schale aus der Elisabethkirche in Marburg und andere *Keimelia* in Antike und Mittelalter. In: T. Korkut, B. Özen-Kleine (Hrsg.), *Studies in Honour of Heide Froning / Festschrift für Heide Froning*. Istanbul, 9–44.

- Boussac, M.-F. 1992: *Les sceaux de Délos 1. Sceaux publics, Apollon, Hélios, Artémis, Hécate*. Paris.
- Brosseder, U. 2011: Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: U. Brosseder, B.K. Miller (eds.), *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* (Bonn Contributions to Asian Archaeology 5). Bonn, 349–424.
- Böhler, H.-P. 1973: *Antike Gefäße aus Edelsteinen*. Mainz.
- Bunker, E.C., Watt, Y.C.Y., Zhisun Sun 2002: *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and Other New York Collections*. New York, New Haven–London.
- Cat. London 2001: S. Walker, P. Higgs (eds.), *Cleopatra of Egypt. From History to Myth*. London.
- Cat. Paris 1998: *La Gloire d'Alexandrie*. Paris.
- Cat. Paris 2001: V. Schiltz (ed.), *L'or des Amazones*. Paris.
- Cat. Tokyo 1991: *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia*. Tokyo.
- Cat. Trieste 2001: A. Popescu, A. Alekseev, J. Piotrovskij (eds.), *Siberia. Gli uomini dei fiumi Ghiacciati*. Milano.
- The Cleveland Museum 1978: *Handbook of the Cleveland Museum of Art*. Cleveland.
- Del Bufalo, D. 2016: *Murrina Vasa: A Luxury of Imperial Rome* (Biblioteca di Archeologia 53). Roma.
- Greifenhagen, A. 1970: *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Bd. I. Berlin.
- Guguev, V. 1996: The Gold Jewelry Complex from the Kobyakov Pit-Burial. In: A. Calinescu (ed.), *Ancient Jewelry and Archaeology*. Bloomington, Indianapolis, 51–61.
- Kat. Bonn 2010: *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn.
- Kat. Frankfurt 2003: E. Wamers, D. Stutzinger (Hrsg.), *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt.
- Kat. Leoben 2009: W. Seipel (Hrsg.), *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien.
- Kat. Mannheim 1989: *Gold und Kunsthhandwerk vom antiken Kuban*. Sonderausstellung Mannheim. Stuttgart.
- Kilunovkshaya, M.M., Leus, P. 2018: Recent Excavations of Xiongnu Graves on the Left Bank of the Ulug-Khem in Tuva. *The Silk Road* 16, 1–20.
- Korom, A. 2018a: Archaeological study of face beads excavated from an Early Sarmatia grave. In: Z. Rácz, I. Koncz, B. Gulyás (eds.), „Hadak útján” A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXVI. konferenciája gazdaság – kereskedelem – kézművesség / 26th Conference of Young Scholars on the Migration Period economy – trade – craftsmanship (Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae, Supplementum 2). Budapest, 21–32.
- Korom, A. 2018b: Korai szarmata sír Dunakeszi határából (Ein frühsarmatisches Frauengrab in der Gemarkung von Dunakeszi [Kom. Pest]). In: A. Korom (ed.), *Relationes rerum. Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletére* (Relationes rerum. Archäologische Studien zu Ehren von Margit Nagy). Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 9. Budapest, 175–202.
- Koryakova, L. 2006: On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region. In: J. Aruz, A. Farkas, E. Valtz Fino (eds.), *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. New York, 102–113.
- Lapatín, K. 2015: *Luxus: The Sumptuous Arts of Greece and Rome*. Malibu.
- Malyšev, A.A., Treister, M. 1994: Eine Bestattung des Zubovsko-Vozdvizenski Kreises aus der Umgebung von Noworossisk. *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 59, 39–71.
- Malyshev, A.A., Treister, M. 1994: A Warrior's Burial from the Asiatic Bosphorus in the Augustan Age. *Expedition* 36.2–3, 29–37.
- Marshall, J. 1951: *Taxila*. Cambridge.

- Mordvintseva, V.I. 2001: *Sarmatische Phaleren* (Archäologie in Eurasien 11). Rahden.
- Mordvintseva, V.I. 2017: Sarmatian Treasures Reconsidered. Some Remarks on the New Book by Leo Klein. *Anabasis* 8, 308–316.
- Mordvintseva, V.I., Treister, M. 2005: Zum Verhältnis “griechischer“ und “barbarischer“ Elemente in den Bestattungen der Eliten im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr. In: F. Fless, M. Treister (Hrsg.), *Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13.-15. Februar 2003*. Rahden, 67–81.
- Neverov, O.J. 1995: Les bagues et les pierres gravées provenant de Nymphaion. *Archeologia* 46, 71–75.
- Neverov, O. Ya. 2000: Gems and Finger-Rings from Nymphaeum (Towards a Monograph of Classical Glyptics). *ACSS* 6, 179–191.
- Pannuti, U. 1983: *Museo Archeologico Nazionale di Napoli. Catalogo della Collezione Glittica*. Vol. 1. Roma.
- Pfrommer, M. 1993: *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections*. Malibu.
- Platz-Horster, G. 1994: *Die Antiken Gemmen aus Xanten*. II. Köln.
- Rapin, C. 1992: *La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum* (Fouilles d'Aï Khanoum, 8; Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan 33). Paris.
- Rapin, C. 1996: *Indian Art from Afghanistan. The Legend of Shakuntalā and the Indian Treasure of Eucratides at Ai Khanum*. New Delhi.
- Rudenko, S.I. 1962: *Die Sibirische Sammlung Peters I.* (Sammlung archäologischen Quellen D3-9). Moskau–Leningrad.
- Sarianidi, V.I. 1985: *Bactrian Gold*. Leningrad.
- Seligman, C.G., Beck, H.C. 1938: Far Eastern Glass, *Some Western Origins* (Östasiatiska Museet. Bulletin No. 10). Stockholm.
- Treister, M.Yu. 1996: Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus. In: G. Tsetskhladze (ed.), *New Studies on the Black Sea Littoral* (Colloquia Pontica 1). Oxford, 73–134.
- Treister, M. 2001: *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics* (Colloquia Pontica 8). Leiden–Köln–Boston.
- Treister, M. 2003: The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 Excavations). *ACSS* 9, 43–85.
- Treister, M. 2004a: Gold Vessels, Perfume Flasks and Pyxides from Sarmatia. In: C. Tuplin (ed.), *Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology* (Colloquia Pontica 9) / Leiden–Boston–Köln, 131–193.
- Treister, M. 2004b: 1st Century AD Jewellery Workshop in North Pontic Area and the Peculiar Graeco-Sarmatian Style. In: A. Perea, I. Montero, O. García-Vuelta (eds.), *Tecnología del oro antiguo: Europa y América. Ancient Gold Technology: America and Europe* (Anejos de archivo español de arqueología XXXII). Madrid, 275–287.
- Treister, M.Yu. 2018: Kantharoi of Vysochino type – chronology, manufacture and distribution of a specific type of 1st century AD North Pontic Silverware. In: *19th International Congress of Classical Archaeology Cologne/Bonn, 22 – 26 May 2018. Archaeology and Economy in the Ancient World. Abstracts*. Cologne–Bonn, 415.
- Vaday, A. 2016: A szarmata Barbaricum határvilágként (Am Grenzengebiet des Sarmatischen Barbaricums). In: T. Csécs, M. Takács (eds.), *Beatus homo qui invenit sapientiam. Ünnepi kötet Tomka Péter 75. születésnapjára*. Győr, 757–793.
- Zwierlein-Diehl, E. 1998: *Die Gemmen und Kameen des Dreikönigenschreines* (Studien zum Kölner Dom 5). Köln.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Treister, M., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewelry Items from the Time of the Roman-Bosporan War (45–49 AD) from Artezian Site. *ACSS* 18.2, 207–278.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2012: Dva klada monet i yuvelirnykh izdeliy vremeni rimsко-bosporskoy voiny 45–49 gg. s gorodishcha Artezian [Two Hoards of Coins and Jewellery of the Time of Roman-Bosporan War of 45–49 AD from Artezian Fortified Settlement]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 93–146.
- Akishev, K. 1983: *Drevnee zoloto Kazakhstana* [Ancient Gold of Kazakhstan]. Almaty.
- Alekseeva, E.M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient Beads of the North Pontic Area]. Pt. 1. (Corpus of Archaeological Sourses G1-12). Moscow.
- Amedick, R. 2018: Eine Achat-Schale aus der Elisabethkirche in Marburg und andere *Keimelia* in Antike und Mittelalter. In: T. Korkut, B. Özen-Kleine (Hrsg.), *Studies in Honour of Heide Froning / Festschrift für Heide Froning*. Istanbul, 9–44.
- Anfimov, N.V. 1987: *Drevnee zoloto Kubani* [Ancient Gold of Kuban]. Krasnodar.
- Anfimov, N.V. 2011: *Drevnee zoloto Kubani* [Ancient Gold of Kuban]. 2nd ed. Krasnodar.
- Artamonov, M.I. 1973: *Sokrovishcha sakov* [The Treasures of Saka]. Moscow.
- Bazarbaeva, G., Dzhumabekova, G. 2018: *Iskusstvo sakov Kazakhstana* [The Art of Saka of Kazakhstan]. In: A. Ongaruly (ed.), *Zoloto vlastelinov kazakhskikh stepey* [Gold of the Lords of the Kazakh Steppes]. Daejeon, 494–535.
- Belousov, A.V., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2017: Serebryanye kanfary iz sloya pozhara 46/47 g. vremeni bosporo-rimskoy voiny na gorodishche Artezian v Krymskom Priazov'e [Silver kanthari from the burnt layer dated to 46/47 AD of the Bosporan-Roman war at the Artezian fortified Settlement in the Azov coast of the Crimea]. In: D.A. Kostromichev (ed.), *Antichnye relikyi Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Sevastopol', 10–12 oktyabrya 2017 goda* [Ancient Relics of Chersonessos: Discoveries, Finds, Theories. Materials of the Intern. Scientific Conference, Sevastopol, October 10–12, 2017]. Sevastopol, 31–38.
- Bernshtam, A.N. 1940: Zolotaya diadema iz shamanskogo pogrebeniya na r. Kargalinke [A Gold Diadem from the Shaman Burial on Kargalinka River]. *Kratkie soobscheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture] V, 23–31.
- Berkhin, I.P. 1962: O meste proizvodstva falarov «Fedulovskogo klada» [On the Place of Manufacture of the Phalerae of “Fedulov Treasure”]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage] 22, 37–39.
- Bespalyy, E.I. 1992: Kurgan sarmatskogo vremeni u g. Azova [A Burial-Mound of Sarmatian Period near the City of Azov]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 1, 175–190.
- Bespalyy, E.I., Bespalaya, N.E., Raev, B.A. 2007: *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyy mogil'nik "Valovyy I"* [The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Necropolis “Valovyy I”] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii [Materials and Investigations in the Archaeology of South Russia] 2). Rostov-on-Don.
- Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2018: *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyy mogil'nik u s. Novoaleksandrovka* [The Ancient Population of the Interfluve of Don and Kagal'nik. The The Kurgan Necropolis near the Village of Novoaleksandrovka] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii [Materials and Investigations in the Archaeology of South Russia]. Iss. I. Vol. 2). Rostov-on-Don.
- Bezuglov, S.I., Glebov, V.P., Parusimov, I.N. 2009: *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyy mogil'nik Valovyy I)* [Late Sarmatian Burials in the Estuary of Don (the Kurgan Necropolis Valovyy I)]. Rostov-on-Don.

- Blavatskii, V.D. 1941: Raskopki nekropolya Tiritaki v 1933 g. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Investigations in the Archaeology of the USSR] 4, 61–74.
- Boussac, M.-F. 1992: *Les sceaux de Délos 1. Sceaux publics, Apollon, Hélios, Artémis, Hécate*. Paris.
- Brosseder, U. 2011: Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: U. Brosseder, B.K. Miller (eds.), *Xiongnu Archaeology. Multi-disciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* (Bonn Contributions to Asian Archaeology 5). Bonn, 349–424.
- Böhler, H.-P. 1973: *Antike Gefäße aus Edelsteinen*. Mainz.
- Bunker, E.C., Watt, Y.C.Y., Zhisun Sun 2002: *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and Other New York Collections*. New York, New Haven, London.
- Cat. Almaty 2009: *Kul'tura rannikh kochevnikov Kazakhstana. Arkheologicheskaya kolleksiya TSGM RK* [The Culture of the Early Nomads of Kazakhstan. Archaeological Collection of the Central State Museum of Republic Kazakhstan]. Almaty.
- Cat. London 2001: S. Walker, P. Higgs (eds.), *Cleopatra of Egypt. From History to Myth*. London.
- Cat. Moscow 1987: A.M. Leskov (ed.), *Shedevry drevnego iskusstva Kubani* [The Masterpieces of Ancient Art of Kuban]. Moscow.
- Cat. Moscow 2002: D.V. Zhuravlev (ed.), *Na krayu oykumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo* [At the Edge of Oikumene. Greeks and Barbarians on the North Coast of Pontos Euxinos]. Moscow.
- Cat. Moscow 2005: T.A. Gabuev, *Alanskiy vsadnik. Sokrovishcha knyazey I–XII Vekov* [Alanian Horseman. Princely Treasures of the 1st–12th Centuries]. Moscow.
- Cat. Paris 1998: *La Gloire d'Alexandrie*. Paris.
- Cat. Paris 2001: V. Schiltz (ed.), *L'or des Amazones*. Paris.
- Cat. St. Petersburg 1999: S.P. Boriskovskaya (ed.), *Drevniy gorod Nimfey. Katalog vystavki. Gosudarstvennyy Ermitazh* [Ancient City of Nymphaion. Exhibition Catalogue. The State Hermitage]. Saint Petersburg.
- Cat. St. Petersburg 2008: *Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.B. Piotrovskogo* [Treasures of the Sarmatians. Catalogue of the exhibition to the 100-Anniversary of the Birth of B.B. Piotrovskiy]. Saint Petersburg.
- Cat. St. Petersburg 2020: A.Yu. Alekseev, M. Nawroth, A. Gass, Yu.Yu. Piotrovskiy (eds.), *Zheleznyy vek. Evropa bez grants. Pervoe tysyacheletie do n.e. Katalog vystavki / Eisenzeit. Europa ohne Grenzen. I. Jahrtausend v. Chr. Ausstellungskatalog*. Saint Petersburg.
- Cat. Tokyo 1991: *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia*. Tokyo.
- Cat. Trieste 2001: A. Popescu, A. Alekseev, J. Piotrovskij (eds.), *Siberia. Gli uomini dei fiumi Ghiacciati*. Milano.
- The Cleveland Museum 1978: *Handbook of the Cleveland Museum of Art*. Cleveland.
- CR St. Petersburg 1868, 1870: *Otchet impretorskoy arkheologicheskoy komissii za 1868 g.* / Compte rendu de la Commission Impériale Archéologique pour l'année 1868. Saint Petersburg.
- CR St. Petersburg 1902, 1904: *Otchet impretorskoy arkheologicheskoy komissii za 1902 g.* / Compte rendu de la Commission Impériale Archéologique pour l'année 1902. Saint Petersburg.
- Del Bufalo, D. 2016: *Murrina Vasa: A Luxury of Imperial Rome* (Biblioteca di Archeologia, 53). Roma.
- Dumberg, K. 1901: Raskopka kurganov na Zubovskom khutore v Kubanskoy oblasti [The Excavations of the Kurgans near Zubov Farmstead in the Kuban Region]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii* [Reports of the Archaeological Commission] 1, 94–103.

- Finogenova, S.I. 1977: Reznye kamni iz Tiramby i Tiritiki [Engraved Gems from Tiramba and Tyritake]. In: M.M. Kobyalina (ed.), *Istoriya i kul'tura antichnogo mira [History and Culture of the Ancient World]*. Moscow, 192–194.
- Finogenova, S.I. 1993: *Katalog sobraniya antichnykh gemm Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina [The Catalogue of the Collection of ancient Gems of the State Pushkin Museum of Fine Arts]*. Moscow.
- Grach, N.L. 1999: *Nekropol' Nymfeya [The Necropolis of Nymphaion]*. Saint Petersburg.
- Greifenhagen, A. 1970: *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Bd. I. Berlin.
- Guguev, V. 1996: The Gold Jewelry Complex from the Kobyakov Pit-Burial. In: A. Calinescu (ed.), *Ancient Jewelry and Archaeology*. Bloomington–Indianapolis, 51–61.
- Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1989: Pogrebeniya zubovsko-vozdzhenskoy gruppy iz raskopok N.I. Veselovskogo v Prikuban'e (I v. do n.e. – II v. n.e.). In: M.P. Abramova (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy [Archaeological Studies in the South of Eastern Europe]* (Trudy GIM [Proceedings of the State Historical Museum] 70). Moscow, 71–141.
- Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1994: «Zolotoe kladbischche» rimskoy epokhi v Prikuban'e [The „Golden Cemetery“ of the Roman Period in the Kuban Area]. Saint Petersburg.
- Kat. Bonn 2010: *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul*. Bonn.
- Kat. Frankfurt 2003: E. Wamers, D. Stutzinger (Hrsg.), *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt.
- Kat. Leoben 2009: W. Seipel (Hrsg.), *Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs*. Wien.
- Kat. Mannheim 1989: *Gold und Kunsthhandwerk vom antiken Kuban*. Sonderausstellung Mannheim. Stuttgart.
- Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2017: Iskusstvo kontsa pervogo tysyacheletiya do n.e. v Tuve [The Art of the Late First Millennium BC in Tuva]. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii [Brief Reports of the Institute of Archaeology]* 247, 87–104.
- Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2018: Novye materialy ulug-khemskoy kul'tury v Tuve [New Materials of the Ulug-Khem Culture in Tuva]. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]* 24, 125–152.
- Kilunovkshaya, M.M., Leus, P. 2018: Recent Excavations of Xiongnu Graves on the Left Bank of the Ulug-Khem in Tuva. *The Silk Road* 16, 1–20.
- Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2020: Azhurnye bronzovye pryazhki epokhi khunnu v Tuve [Openwork Bronze Buckles of the Xiongnu Period in Tuva]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [Scientific review of Sayano-Altai]* 1 (25), 97–125.
- Klein, L.S. 2016: *Pervyy vek: sokrovishcha sarmatskikh kurganov [First century: Treasures of the Sarmatian Burial-mounds]*. Saint Petersburg.
- Korom, A. 2018a: Archaeological study of face beads excavated from an Early Sarmatian grave. In: Z. Rácz, I. Koncz, B. Gulyás (eds.), „Hadak útján“ A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXVI. konferenciája gazdaság – kereskedelem – kézművesség / 26th Conference of Young Scholars on the Migration Period economy – trade – craftsmanship (Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae, Supplementum 2). Budapest, 21–32.
- Korom, A. 2018b: Korai szarmata sí Dunakeszi határából (Ein frühsarmatisches Frauengrab in der Gemarkung von Dunakeszi [Kom. Pest]). In: A. Korom (ed.), *Relationes rerum. Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletére (Relationes rerum. Archäologische Studien zu Ehren von Margit Nagy)*. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 9. Budapest, 175–202.
- Korpusova, V.N. 1982: Antichnye gemmy bosporskikh nekropoley [Ancient Gems of the Bosporan Necropoleis]. In: V.D. Baran (ed.), *Novye pamyatniki drevney i srednevekovoy*

- khudozhestvennoy kul'tury* [New Monuments of Ancient and Medieval Art Culture]. Kiev, 86–103.
- Korpusova, V.N. 1983: *Nekropol' Zolotoe [Zolotoe Necropolis]*. Kiev.
- Koryakova, L. 2006: On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region. In: J. Aruz, A. Farkas, E. Valtz Fino (eds.), *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World*. New York, 102–113.
- Kuzmina, E.E. 1987: Dionis u usuney (O semantike kargalinskoy diademy) [Dionysos by the Usuns (On the Semantics of the Diadem from Kargalinka)]. In: B.B. Piotrovskiy (ed.), *Tsentral'naya Aziya: Novye pamyatniki pis'mennosti i iskusstva* [Central Asia: New Monuments of Writing and Art]. Moscow, 158–181.
- Lapatín, K. 2015: *Luxus: The Sumptuous Arts of Greece and Rome*. Malibu.
- Maksimova, M.I. 1957: Bosporskaya kamnereznaya masterskaya [A Bosporan Gem-cutting Workshop]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 4, 75–82.
- Malyshev, A.A., Treister, M.Yu. 1994: Pogrebenie zubovsko-vozdzhenskogo tipa v okrestnostyakh Novorossiyska [A Burial of Zubov-Vozdvizhenskaya Type in the Vicinities of Novorossiysk]. *Bosporskiy sbornik* [Bosporan Collection of Articles] 5, 59–86.
- Malyšev, A.A., Treister, M. 1994: Eine Bestattung des Zubovsko-Vozdvizhenski Kreises aus der Umgebung von Noworossisk. *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 59, 39–71.
- Malyshev, A.A., Treister, M. 1994: A Warrior's Burial from the Asiatic Bosporus in the Augustan Age. *Expedition* 36.2–3, 29–37.
- Marshall, J. 1951: *Taxila*. Cambridge.
- Matyushchenko, V.I., Tataurova, L.V. 1997: *Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e* [The Sidorovka Burial-ground in the Omsk Region on the Irtysh River]. Novosibirsk.
- Mordvintseva, V.I. 1999a: Nabor falarov iz kurgana 28 mogil'nika Zhutovo Volgogradskoy oblasti [The Set of Phalerae from Burial-mound 28 of the Zhutovo Burial-ground of the Volgograd Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [Lower Volga Archaeological Herold] 2, 42–51.
- Mordvintseva, V.I. 1999b: Starobel'skiy klad [The Starobel'sk Hoard]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 6, 168–178.
- Mordvintseva, V.I. 2001: *Sarmatische Phaleren* (Archäologie in Eurasien 11). Rahden.
- Mordvintseva, V.I. 2003: *Polikhromnyy zverinyy stil'* [The Polychrome Animal Style]. Simferopol.
- Mordvintseva, V.I. 2007: Sarmatskiy polikhromnyy zverinyy stil'. In: V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Vol. I. Simferopol–Bonn, 195–244.
- Mordvintseva, V.I. 2017: Sarmatian Treasures Reconsidered. Some Remarks on the New Book by Leo Klein. *Anabasis* 8, 308–316.
- Mordvintseva, V.I., Treister, M. 2005: Zum Verhältnis “griechischer“ und “barbarischer“ Elemente in den Bestattungen der Eliten im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr. In: F. Fless, M. Treister (Hrsg.), *Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13.–15. Februar 2003*. Rahden, 67–81.
- Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007: *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Simferopol–Bonn.
- Neverov, O.Ya. 1978: Izobrazheniya na gennakh-pechatyakh, metallicheskikh perstnyakh i amuletakh [Images on the Gems, Metal Finger Rings and Amulets]. In: M.M. Kobylina (ed.), *Izobrazheniya vostochnykh bozhestv v Severnom Prichernomor'e v pervye veka n.e.* [Images of Oriental Deities in the North Pontic Region in the First Centuries AD]. Moscow, 163–210.

- Neverov, O.J. 1995: Les bagues et les pierres gravées provenant de Nymphaion. *Archeologia* 46, 71–75.
- Neverov, O. Ya. 2000: Gems and Finger-Rings from Nymphaeum (Towards a Monograph of Classical Glyptics). *ACSS* 6, 179–191.
- Pannuti, U. 1983: *Museo Archeologico Nazionale di Napoli. Catalogo della Collezione Glittica*. Vol. 1. Roma.
- Pfrommer, M. 1993: *Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections*. Malibu.
- Platz-Horster, G. 1994: *Die Antiken Gemmen aus Xanten*. II. Köln.
- Prokhorova, T.A., Guguev, V.K. 1992: Bogatoe sarmatskoe pogrebenie v kurgane 10 Kobyakovskogo mogil'nika [A Rich Sarmatian burial in Burial-mound 10 of the Kobyakovskiy Cemetery]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 1, 142–161.
- Rapin, C. 1992: *La trésorerie du palais hellénistique d'Ai Khanoum* (Fouilles d'Ai Khanoum 8; Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan 33). Paris.
- Rapin, C. 1996: *Indian Art from Afghanistan. The Legend of Shakuntalā and the Indian Treasure of Eucratides at Ai Khanum*. New Delhi.
- Rostovtzeff, M.I. 1913–1914: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii* [Ancient Decorative Painting in the South of Russia]. Saint Petersburg.
- Rudenko, S.I. 1962: *Die Sibirische Sammlung Peters I.* (Sammlung archäologischen Quellen D3-9). Moskau–Leningrad.
- Samashev, Z. 2013: *Kazakhskoe iskusstvo: v 5-ti tom. T. 1. Drevnee iskusstvo* [Kazakh Art: in 5 vols. Vol. 1. Ancient Art]. Almaty.
- Sarianidi, V.I. 1985: *Bactrian Gold*. Leningrad.
- Seligman, C.G., Beck, H.C. 1938: Far Eastern Glass, *Some Western Origins* (Östasiatiska Museet. Bulletin No. 10). Stockholm.
- Sharov, O.V. 2009: O konskikh pogrebeniyakh Bol'shogo kurgana Vasyurinskoy gory [On the Horse Burials of the Big Kurgan of Vasyurina Mount]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies] XXII, 283–323.
- Shelov, D.B. 1966: Novgorodskaya mirnitsa [The Novgorod Chrismarium]. In: A.L. Mongayt (ed.), *Kultura drevney Rusi* [The Culture of Ancient Russia]. Moscow, 294–299.
- Simonenko, A.V. 2015: *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Horsemen of the North Pontic Area]. 2nd ed. Kiev.
- Skalon, K.M. 1961: O kul'turnykh svyazyakh Vostochnogo Prikaspiya v pozdnesarmatskoe vremya [On the Cultural Relations of the Eastern Caspian Coast in the Late Sarmatian Period]. *Arkeologicheskiy Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage] 2, 114–140.
- Smirnov, K.F. 1984: *Sarmaty i utverzhdenie ikh politicheskogo gospodstva v Skifii* [The Sarmatians and the Assertion of their Political Dominance in Scythia]. Moscow.
- Smirnov, Ya. I. 1909: *Vostochnoe serebro. Atlas drevney serebryanoy n zolotoy posudy vostochnogo proiskhozhdeniya* / Argenterie orientale. Recueil d'ancienne vaisselle orientale en argent et en or, trouvée principalement en Russie. Saint Petersburg.
- Solomonik, E.I. 1959: *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Signs of the North Pontic Area]. Kiev.
- Spitsyn, A.A. 1909: Falary Yuzhnoy Rossii [Phalerae of South Russia]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii* [Reports of the Archaeological Commission] 29, 18–53.
- Treister, M.Yu. 1996: Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus. In: G. Tsetskhladze (ed.), *New Studies on the Black Sea Littoral* (Colloquia Pontica 1). Oxford, 73–134.
- Treister, M. 2001: *Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics* (Colloquia Pontica 8). Leiden, Köln, Boston.
- Treister, M. 2003: The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 Excavations). *ACSS* 9, 43–85.

- Treister, M. 2004a: Gold Vessels, Perfume Flasks and Pyxides from Sarmatia. In: C. Tuplin (ed.), *Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology* (Colloquia Pontica 9) / Leiden–Boston–Köln, 131–193.
- Treister, M. 2004b: 1st Century AD Jewellery Workshop in North Pontic Area and the Peculiar Graeco-Sarmatian Style. In: A. Perea, I. Montero, O. García-Vuelta (eds.), *Tecnología del oro antiguo: Europa y América. Ancient Gold Technology: America and Europe* (Anejos de archivo español de arqueología XXXII). Madrid, 275–287.
- Treister, M.Yu. 2006: Falary iz stanitsy Uspenskoy (k voprosu o vremeni poyavleniya bol'shikh naplechnykh falarov ellinisticheskogo vremeni) [Phalerae from the Cossack Village of Uspenskaya (to the Question of the Time of Appearance of Large Shoulder Phalerae of the Hellenistic Period). *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]* 10, 429–462.
- Treister, M.Yu. 2007a: Torevtika i yuvelirnoe delo v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e. (ellenisticheskaya tradititsiya). In: V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Vol. 1. Simferopol–Bonn, 15–194.
- Treister, M.Yu. 2007b: Tipy nakladnykh plastinchatykh kastov, forma, material i tsvet vstavok [Types of the attached Cells, the Shape, Material and Color of the Inlays]. In: V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Vol. 1. Simferopol–Bonn, 272–287.
- Treister, M.Yu., 2007c: Vstavki gemm (za isklyucheniem perstnei) [Gem Inlays (excluding Finger Rings)]. In: V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Vol. 1. Simferopol–Bonn, 295–305.
- Treister, M.Yu. 2018a: Dragotsennyy poyasnoy nabor iz eltnogo pogrebeniya kochevnika u s. Kosika [A Precious Belt Set from the Nomadic Elite Burial near the Village of Kosika]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]* 17, no. 1, 108–143.
- Treister, M.Yu. 2018b: Paradnyy mech v nozhnakh iz Dach [A Gala Sword in a Scabbard from Dachi]. In: A.N. Kovalenko (ed.), *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya. Iss. 2. K 70-letiyu professora Viktora Pavlovicha Kopylova [The Black Sea Region in Ancient and Early Medieval Period. Issue 2. To the 70th anniversary of Professor Viktor Pavlovich Kopylov]*. Rostov-on-Don, 413–431.
- Treister, M.Yu. 2018c: Figurnye pronizi i podveski iz tak nazyvaemogo egipetskogo fayansa v Evrazii v I v. do n. e. – III v. n. e. [Figural Beads and Pendants from the so-called Egyptian faience in Eurasia in the 1st century BC – 3rd Century AD]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BC – 4th Century AD)]. Iss. IV. Simferopol, 9–49.
- Treister, M.Yu. 2018d: Kantharoi of Vysochino type – chronology, manufacture and distribution of a specific type of 1st century AD North Pontic Silverware. In: *19th International Congress of Classical Archaeology Cologne/Bonn, 22 – 26 May 2018. Archaeology and Economy in the Ancient World. Abstracts*. Cologne–Bonn, 415.
- Treister, M.Yu. 2019: “Importy” iz Tsentral'noy Azii i Sibiri v pogrebal'nykh pamyatnikakh Aziatskoy Sarmatii II–I vv. do n.e. [“Imports” from Central Asia and Siberia in the Burial Complexes of Asian Sarmatia of the 2nd–1st Centuries BC]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historica; Philological and Cultural Studies]* 4, 180–238.
- Trever, K.V. 1940: *Pamyatniki Greko-Baktriyanskogo iskusstva [The Monuments of the Greco-Bactrian Art]*. Moscow–Leningrad.

- Vaday, A. 2016: A szarmata Barbaricum határvídékén (Am Grenzengebiet des Sarmatischen Barbaricums). In: T. Csécs, M. Takács (eds.), *Beatus homo qui invenit sapientiam. Ünnepi kötet Tomka Péter 75. születésnapjára*. Györ, 757–793.
- Vlasova, E.V. 2004a: Kurgany Vasyurinoy Gory [The Burial-mounds of Vasyurina Mount]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov* [The Bosporan Phaenomenon. The Problems of Chronology and Dating of the Monuments]. Pt. 2. Saint Petersburg, 275–287.
- Vlasova, E.V. 2004b: Kurgan Vasyurinskaya gora na Tamanskom poluostrove [A Burial-mound Vasyurinskaya Mount on the Taman Peninsula]. In: E.N. Khodza (ed.), *Ellinisticheskie shtudii v Ermitazhe. Sbornik statei. K shestidesyatletiyu Mikhaila Borisovicha Piotrovskogo (Hellenistic Studies in the Hermitage. Collection of Articles. On the Sixtieth Birthday of Mikhail Borisovich Piotrovskiy)*. Saint Petersburg, 158–174.
- Vlasova, E.V. 2010: Gosudarstvennyy Ermitazh. Drevnosti ellinskie i mestnye [The State Hermitage. Hellenic and Local Antiquities]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. III. Moscow, 198–262.
- Vnukov, S.Yu. 2006: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e.– II v. n.e. Chast' II. Petrografiya, khronologiya, problemy torgovli* [Black Sea Amphoras of the 1st Century BC – 2nd Century AD. Pt. 2. Petrography, Chronology, the Problems of Trade]. Saint Petersburg.
- Vnukov, S.Yu. 2016: Eshcho raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinskykh (pozdnegerakleyeskikh) uzkogorlykh amfor [Once More on Typology, Evolution and Chronology of Light-Clay (Late Herakleian) Amphoras with narrow Necks]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 36–47.
- Voronyatov, S.V. 2020: Falary konskogo ogolov'ya iz kurgana 1 na Zubovskom khutore [Phalerae of the Horse Headgear from the Burial-mound no. 1 at Zubov Farmstead]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrayini* [Archaeology and Ancient History of the Ukraine] 3 (36), 281–287.
- Yatsenko, I.B. 1962: Rannee sarmatskoe pogrebenie v basseyne Severskogo Donsa [An Early Sarmatian Burial in the Seversky Donets Basin]. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 89, 42–50.
- Zasetskaya, I.P. 1966: Naznachenie veshchey Fedulovskogo klada. *Arkheologicheskiy Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage] 7, 28–36.
- Zasetskaya, I.P. 2011: *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherskasskiy klad* [The Treasures of the Khokhlach Burial-mound. The Novocherkassk Hoard]. Saint Petersburg.
- Zasetskaya, I.P. 2012a: Izobrazheniya grifonov i «grifov» v sarmatskom zverinom stile. In: *Zoloto, kon' i chelovek. Sbornik statey k 60-letiyu Aleksandra Vladimirovicha Simonenko* [Gold, Horse and Man. Collection of Articles to the 60th-Birthday of Alexander Vladimirovich Simonenko]. Kiev, 353–383.
- Zasetskaya, I.P. 2012b: K voprosu o meste izgotovleniya serebryanykh chash iz sarmatskogo kompleksa I v. n.e. [To the Question of the Place of Manufacture of Silver Bowls from the 1st Century AD Sarmatian Complex]. In: D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (eds.), *Evraziya v skifosarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy* [Eurasia in the Scytho-Sarmatian Period. To the Memory of Irina Ivanovna Gushchina] (Trudy GIM [Proceedings of the State Historical Museum] 191). Moscow, 82–90.
- Zasetskaya, I.P. 2015: O stilisticheskikh osobennostyakh trekh kinzhalov sarmatskoy epokhi I veka do novoy ery – II veka novoy ery [About the Stylistic Peculiarities of the Three Daggers of the Sarmatian Period 1st Century BC – 2nd Century AD]. *Arkheologicheskiy Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage] 40, 189–231.
- Zasetskaya, I.P. 2018: Falary iz kurgana Sadovyy i obraz «tarandra» [The Phalerae from Sadovyy Burial-mound and the Image of “Tarander”]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo*

- Universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]* 23.3, 126–137.
- Zasetskaya, I.P. 2019: *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoy epokhi (II v. do n.e. — nachalo II v. n.e.) [The Art of the Animal Style of the Sarmatian Period (2nd Century BCE — early 2nd Century CE)]* (Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya [Archaeological Monuments of the North Pontic Area] 1). Simferopol.
- Zwierlein-Diehl, E. 1998: *Die Gemmen und Kameen des Dreikönigenschreines* (Studien zum Kölner Dom 5). Köln.

**GALA PHALERAES FROM THE CACHE IN THE SARMATIAN BURIAL MOUND
NO. 1/1985 NEAR THE SETTLEMENT OF DACHI
(THE VICINITIES OF AZOV)**

Mikhail Yu. Treister

Independent Researcher, Bonn, Germany
mikhailtreister@yahoo.de

Abstract. The article considers the phalerae found as part of the gala horse bridle set in the cache of the Burial-mound No. 1/1985 near the settlement of Dachi nearby Azov. Phalerae with bronze lining are decorated with large polished agate inlays with medallions with garnet, turquoise and coral inlays on their top, and gold lion figures in high relief, with turquoise inlays. The large banded agate inlays that adorned the central part of the phalerae, perhaps, secondary used hemispherical bowls, are unique for toreutics from the North Pontic region.

Taking into account the dating of the burial within the last quarter of the 1st century AD, the decoration of the central rosettes on top of the phalerae using the cloisonné technique, which was especially widespread in the North Pontic region in the middle and third quarter of the 1st century AD, probably, the manufacture of the phalerae should also be attributed to the same time. Figures of lions on the phalerae find a parallel in a gold figurine adorning the lid of a gold flask with figural zoomorphic handles and a Sarmatian tamga soldered on the bottom, presumably found in Olbia or Kerch. Similar in iconography are also relief images of recumbent lions on rectangular or oval pedestals, made of the so-called “Egyptian faience”, which were widespread in the Northern Black Sea region, also very often found in the Sarmatian burials. Garnet gems with images of Nemesis from Smyrna and Artemis, inserted into one of the phalarae, can be confidently identified as products of the Bosporan workshop of the 1st century AD.

These unique items of horse harness, which fell into the possession of a nomad buried in the immediate vicinity of the borders of the Bosporan Kingdom (Tanais), can probably be considered as a diplomatic gift. It is possible that the phalerae, separately or as a part of the precious horse bridle set could in this case have been obtained by the representative of the highest nomadic nobility even during the events of the Bosporan-Roman war of AD 45–49, similarly to set of four silver cups of the Bosporan origin which found their way into the cache of a burial located near the village of Dachi, in the Burial-mound no. 28/1982 of the Vysochino-VII cemetery.

Keywords: North Pontic area, Asian Sarmatia, phalerae of horse harness, decorations made of agate, iconography of images of a lying lion, gems of the Bosporan workshop, iconography of Nemesis, Artemis, the Roman-Bosporan War of AD 45–49.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2021), 45–60
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2021), 45–60
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-45-60

МОГИЛА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ III В.Н.Э.
УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ
(ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

А.А. Труфанов

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия
trufanov.a67@mail.ru

Аннотация. В статье публикуются материалы исследования подбойной могилы № 1089, обнаруженной на территории Усть-Альминского некрополя, расположенного в юго-западной части Крымского полуострова. В могиле находились останки двух человек. Погребальный инвентарь позволяет датировать комплекс первой половиной III в. н.э. Среди вещей, сопровождающих захоронения в могиле, имеется бронзовое зеркало, увенчанное рельефным изображением, подобные которому принято относить к кругу «сарматских знаков». Такое зеркало обнаружено на территории Усть-Альминского некрополя впервые и в целом для Крыма является редкостью. Вместе с тем зеркала с разнообразными знаками выявлены в различных пунктах Северного Причерноморья, а аналогии усть-альминскому изображению имеются среди знаков, начертанных на каменных плитах, происходящих из этого региона.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, позднескифская культура Крыма, «сарматские знаки».

Усть-Альминский некрополь расположен в Юго-Западном Крыму, в устье реки Альма, поблизости от одноименного позднескифского городища. Этот памятник является одним из крупнейших некрополей варварского населения Крыма I в. до н.э. – середины III в. н.э. К настоящему времени здесь раскопано 1258 погребальных сооружений различной конструкции. Значительную часть из них составляют подбойные могилы.

В 2016 г. была исследована одна из таких могил, содержащая костные останки двух человек и отличающаяся от прочих объектов тем, что среди вещей, сопровождавших одно из этих погребений, находилось зеркало с т.н. «сарматским знаком». Такое зеркало найдено в Усть-Альминском некрополе впервые. Поскольку данный комплекс еще никогда не публиковался, считаю нужным представить его описание.

Данные об авторе: Труфанов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма РАН.

Подбойная могила № 1089 (рис. 1, 1–7) обнаружена в центральной части некрополя, к северу от древней дороги, пересекавшей его территорию. Входная яма, размерами $1,40 \times 0,70$ – $0,76$ м, ориентирована по оси ЮВ–СЗ. В ее заполнении на глубине 1,10–1,50 м от уровня современной поверхности найдено несколько плоских обломков песчаника (рис. 1, 1). В северо-восточной стенке ямы, у дна вырублена ступень высотой 0,30–0,35 м, шириной до 0,23 м.

Подбойная камера, размерами $2,35 \times 0,80$ – $0,86$ м, сооружена к юго-западу от входной ямы. От ямы ее отделял заклад, представлявший собой сложную конструкцию, которая состояла из внешнего и внутреннего слоев каменных плит. Дно подбойной камеры располагалось на глубине 2,58–2,60 м от уровня современной поверхности. На дне подбоя выявлены остатки двух погребений.

Погребение 1 (рис. 2) представляло собой костяк женщины, погребенной в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Захоронение было совершено в деревянном гробу, размеры которого, судя по прослеженным контурам древесного тлена, составляли около $1,80 \times 0,50$ м. Рядом с левой ключицей погребенной женщины найдена фигурная фаянсовая пронизь (голубая глазурь на более светлой основе) в виде льва, лежащего на прямоугольной пластиинке (рис. 2, 21; 4, 7). В области грудной клетки зачищено скопление янтарных бус (рис. 2, 32; 3, 6), в числе которых округло-цилиндрические с выступающими торцами крупного (1 экз.) (рис. 3, 6а) и среднего (2 экз.) (рис. 3, 6б) размера, биконические (47 экз.) (рис. 3, 6в, г), биконическая со сглаженным ребром (1 экз.) (рис. 3, 6д), округло-цилиндрические (2 экз.) (рис. 3, 6е), округлые (11 экз.) (рис. 3, 6ж–к) и округлые поперечно сжатые (4 экз.) (рис. 3, 6л, м).

В области грудной клетки, между позвоночником и левым локтем, обнаружена бронзовая лучковая фибула с фигурной обмоткой спинки (рис. 2, 1), соединенная с бронзовым кольцом из круглого в сечении стержня с расплощенными окончаниями (рис. 2, 2), возможно, представлявшим собой вторично использованный браслет. Рядом, ближе к позвоночнику, лежало бронзовое зеркало с боковой петлей и рельефным знаком на обратной стороне (рис. 2, 3), обращенное изображением вниз. Размеры изделия – 6,6 x 5,1 x 0,3 см.

Неподалеку был найден бронзовый колокольчик пирамидальной формы с железным язычком (рис. 2, 4; 3, 5). В этой же области находились: округлая и поперечно сжатая бусина из прозрачного бесцветного стекла (рис. 2, 5; 4, 9), бронзовая вытянутая биконическая бусина с продольными бороздками (рис. 2, 4; 4, 10) и крупная округлая и поперечно сжатая бусина из прозрачного бесцветного стекла с красными полосами и пятнами (рис. 2, 3; 4, 8).

Среди фаланг пальцев правой руки выявлен бронзовый перстень с широкой пластинчатой шинкой, украшенной бороздками, и плавно расширяющимся щитком. В центре щитка находилась закрепленная без дополнительного каста овальная сердоликовая вставка с углубленным изображением сидящей фигуры со скипетром и колосом в руках (рис. 2, 8; 3, 2).

Под кистью левой руки погребенной женщины располагалась краснолаковая чашка полусферической формы (диаметр венчика 12,5 см, высота 5,5 см, диаметр поддона 3,8 см) (рис. 2, 7; 7, 2). В области голеней зафиксировано большое скопление бус (рис. 2, 26; 5, 1–23), располагавшихся рядами поперек берцовых костей и представлявших собой расшивку подола платья, нижней части штанов или

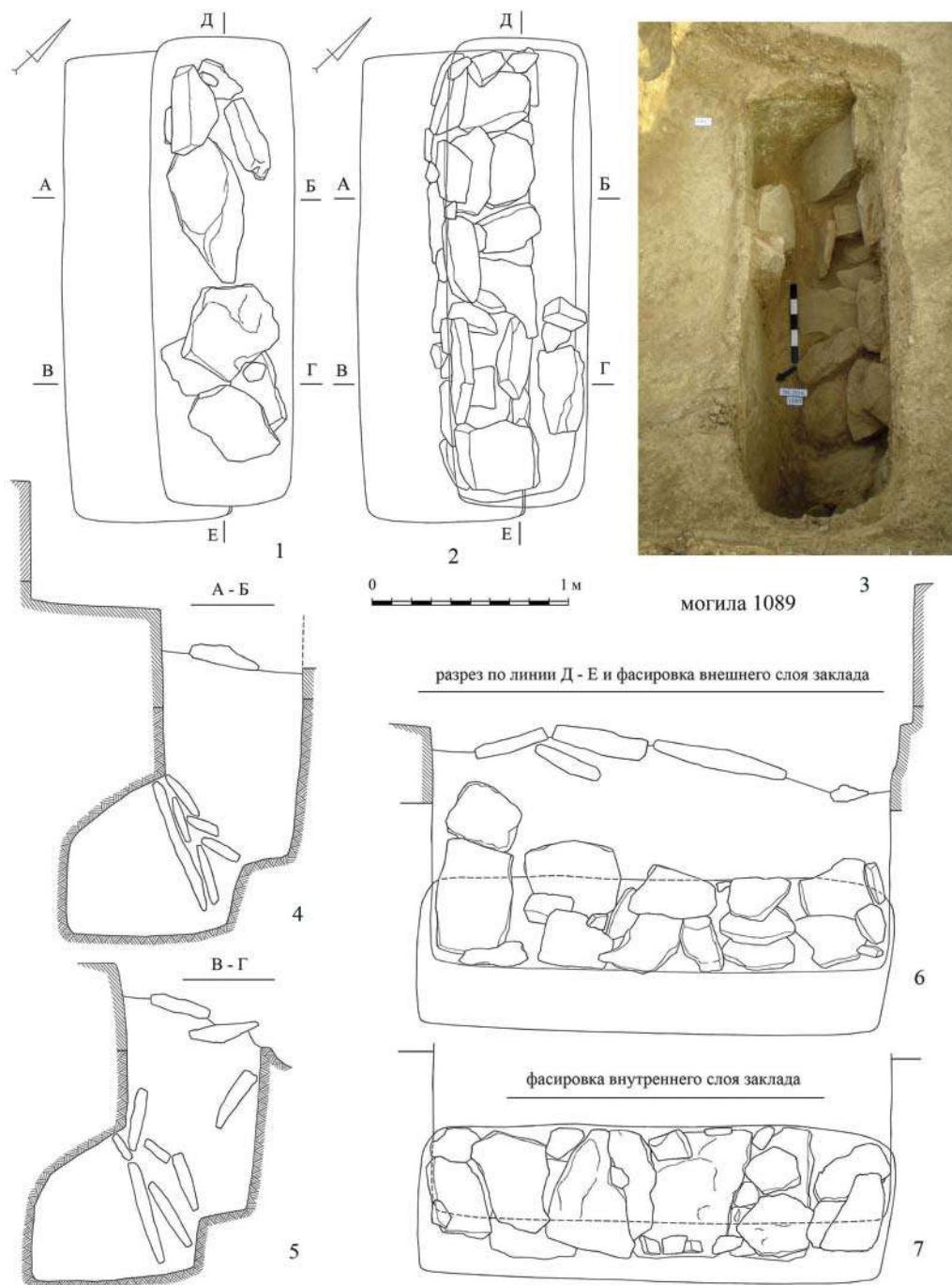

Рис. 1. Могила 1089. Планы, разрезы, фотография и фасировки заклада
 Fig. 1. Grave 1089. Plans, profiles, a photo and a side-view of the grave

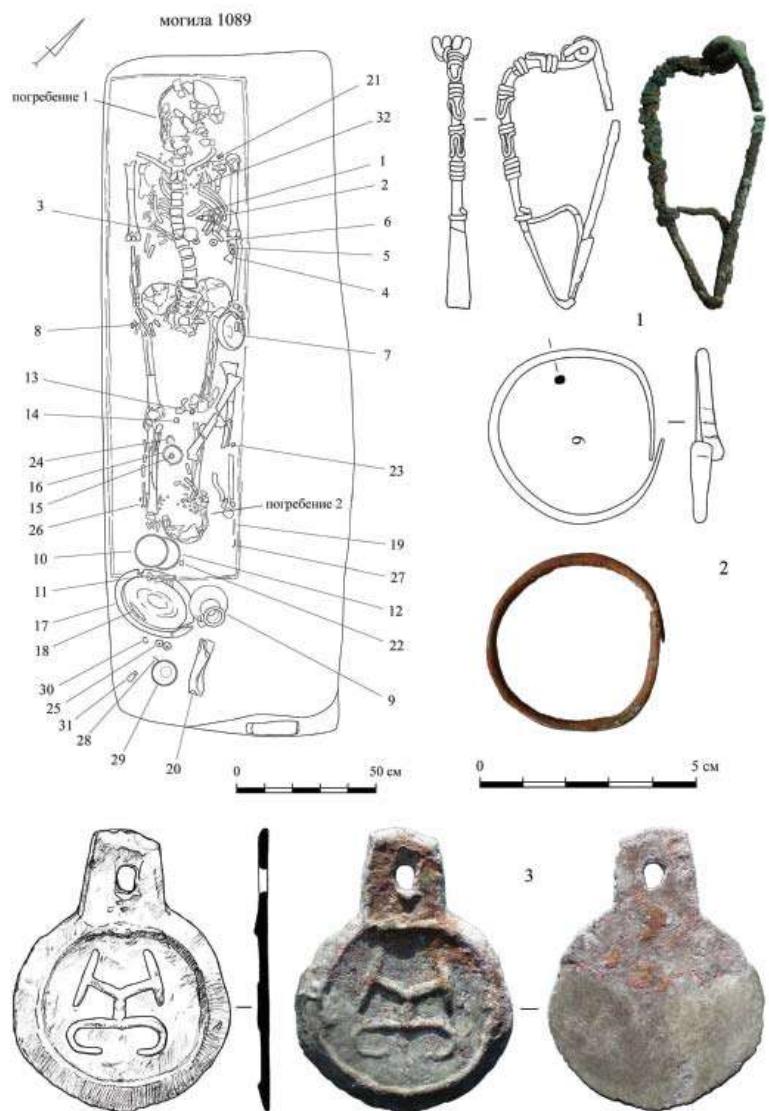

Рис. 2. Могила 1089. План погребения, находки: 1 – бронзовая фибула, 2 – бронзовое кольцо, 3 – бронзовое зеркало, 4 – колокольчик, 5 – бусы, 6 – бусина, 7 – чашка, 8 – перстень, 9 – кувшин, 10 – тарелка, 11 – детали шкатулки, 12 – тарелка, 13–15 – перстни, 16 – браслет, 17 – тарелка, 18 – нож, 19 – игла, 20 – кость животного, 21 – пронизь, 22 – бусы, 23 – перстень, 24 – фрагмент фибулы, 25 – пряслица, 26 – бусы, 27 – игла, 28 – шило, 29 – стеклянная чашка, 30 – фрагмент белемнита, 31 – оселок, 32 – бусы

Fig. 2. Grave 1089. A plan of burial, finds: 1 – a bronze brooch, 2 – a bronze ring, 3 – a bronze mirror, 4 – a bell, 5 – beads, 6 – a bead, 7 – a cup, 8 – a ring, 9 – a jug, 10 – a plate, 11 – details of a casket, 12 – a plate, 13–15 – rings, 16 – a bracelet, 17 – a plate, 18 – a knife, 19 – a needle, 20 – an animal bone, 21 – a bead, 22 – beads, 23 – a ring, 24 – a fragment of brooch, 25 – spin-whorls, 26 – beads, 27 – a needle, 28 – an awl, 29 – a glass cup, 30 – a fragment of belemnite, 31 – a whetstone, 32 – beads

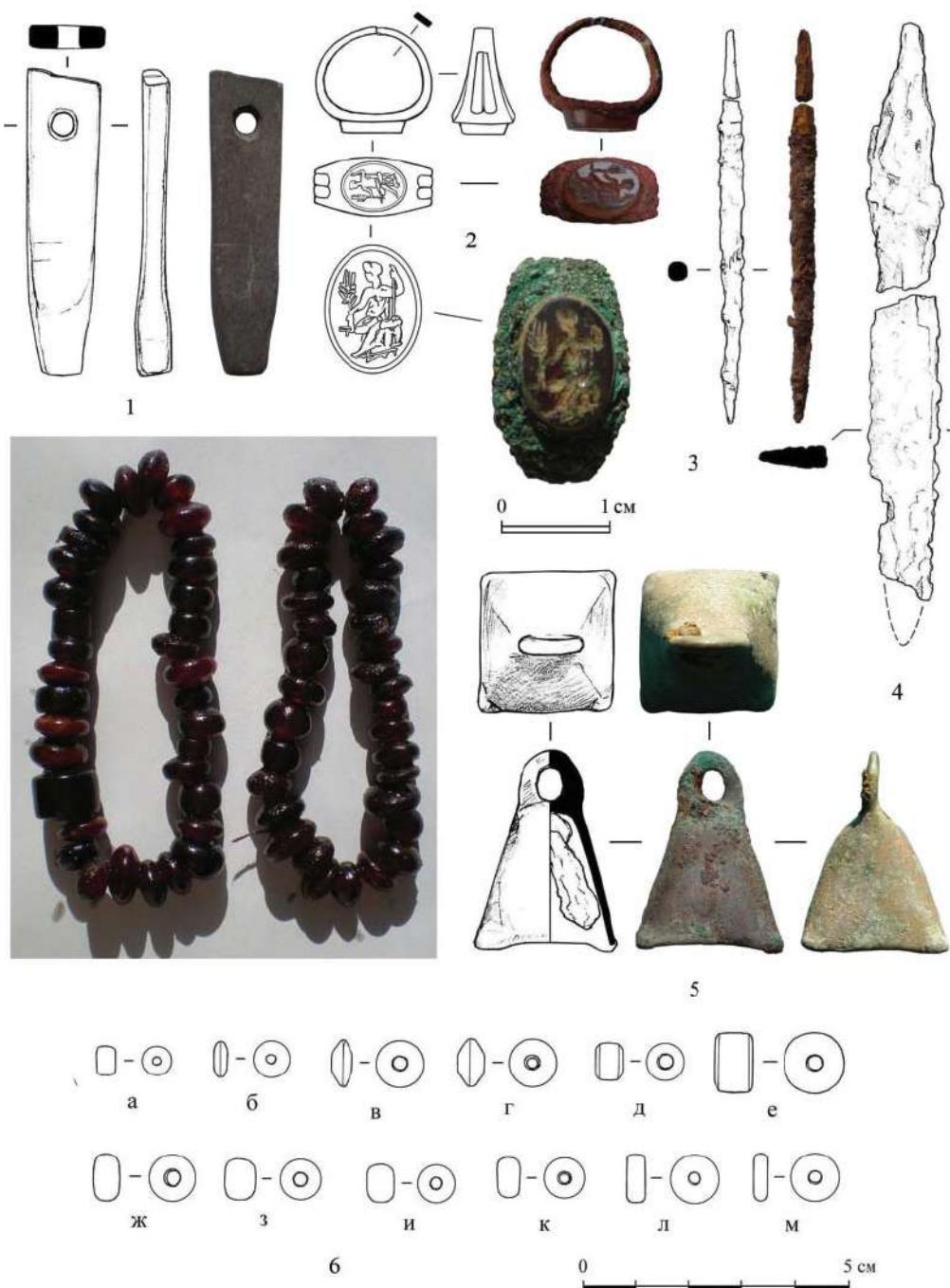

Рис. 3. Могила 1089. Находки: 1 – оселок, 2 – перстень, 3 – шило, 4 – нож, 5 – колокольчик, 6 – бусы (1 – песчаник, 2 – бронза, сердолик, 3, 4 – железо, 5 – бронза, железо, 6 – янтарь)
 Fig. 3. Grave 1089. Finds: 1 – a whetstone, 2 – a ring, 3 – an awl, 4 – a knife, 5 – a bell, 6 – beads (1 – sandstone, 2 – bronze, carnelian, 3, 4 – iron, 5 – bronze, iron, 6 – amber)

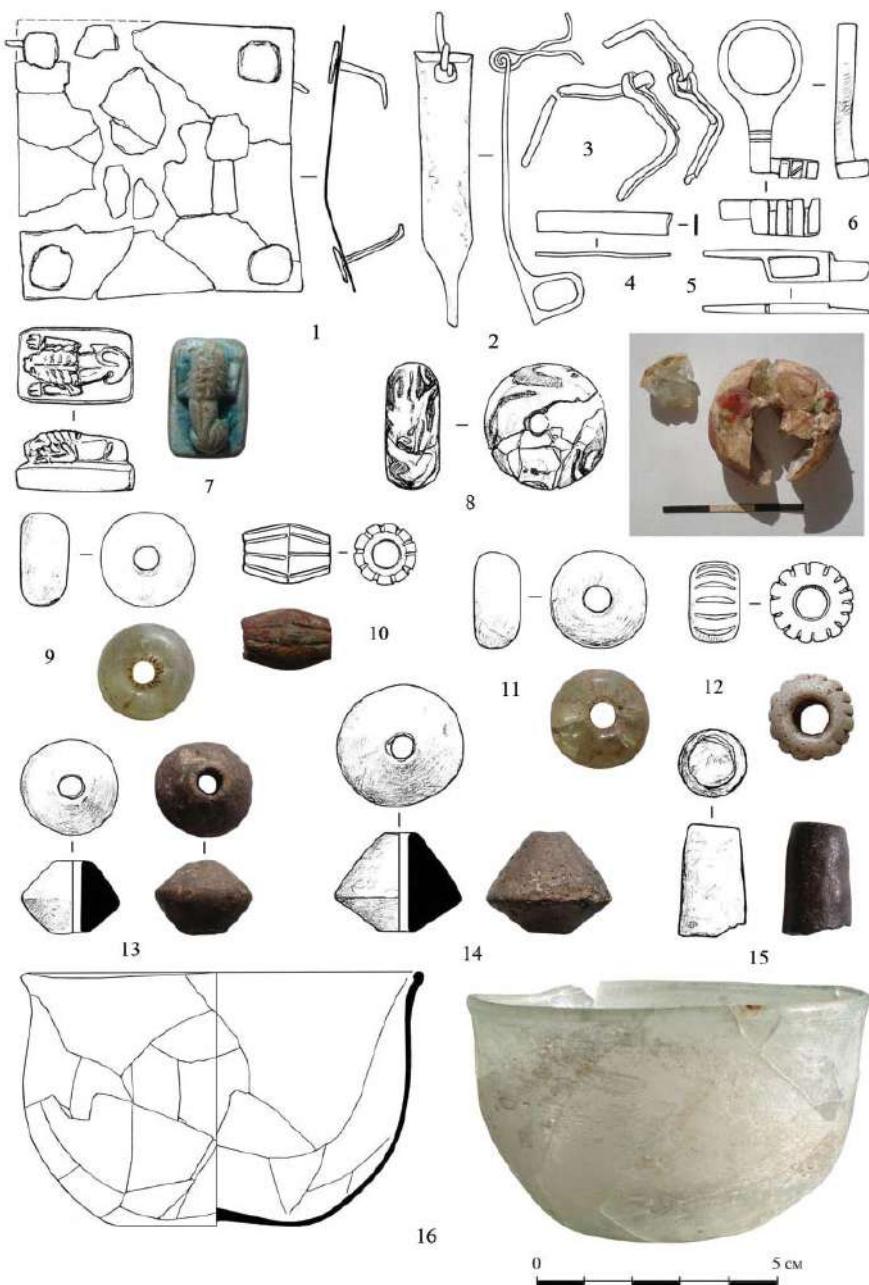

Рис. 4. Могила 1089. Находки: 1–6 – детали шкатулки, 7 – пронизь, 8–12 – бусы, 13, 14 – лепные пряслица, 15 – фрагмент белемнита, 16 – стеклянная чашка (1–6, 10 – бронза, 7 – фаянс, 8, 9, 11, 12 – стекло)

Fig. 4. Grave 1089. Finds: 1–6 – details of casket, 7 – a bead, 8–12 – beads, 13, 14 – hand-formed spin-whorls, 15 – a fragment of belemnite, 16 – a glass cup (1–6, 10 – bronze, 7 – faience, 8, 11, 12 – glass)

Рис. 5. Могила 1089. Находки: 1–23 – бусы (1–22 – стекло, 23 – гагат)
 Fig. 5. Grave 1089. Finds: 1–23 – beads (1–22 – glass, 23 – jet)

обуви с высокими голенищами. В числе найденных здесь бус: призматическая из лилового прозрачного стекла (1 экз.) (рис. 5, 1), округлая из красного глухого стекла (1 экз.) (рис. 5, 2), цилиндрические из белого глухого стекла (6 экз.) (рис. 5, 3), призматические из белого глухого стекла (6 экз.) (рис. 5, 4), вытянутая биконическая из черного глухого стекла (1 экз.) (рис. 5, 5), дисковидные из синего глухого стекла (8 экз.) (рис. 5, 6), вытянутые биконические из зеленого полупрозрачного стекла (7 экз.) (рис. 5, 7), вытянутые биконические из красного глухого стекла (5 экз.) (рис. 5, 8), в форме четырнадцатигранников из зеленого прозрачного стекла (77 экз.) (рис. 5, 9), призматические из зеленого прозрачного стекла (94 экз.) (рис. 5, 10), округлые из зеленого прозрачного стекла (7 экз.) (рис. 5, 11), цилиндрические из красного глухого стекла (220 экз.) (рис. 5, 12, 13), в форме четырнадцатигранников из черного на вид глухого стекла (1 экз.) (рис. 5, 14), округлые из темно-лилового прозрачного стекла (7 экз.) (рис. 5, 15), призматические из красного глухого стекла (18 экз.) (рис. 5, 16), мелкая округлая из желтого прозрачного стекла (1 экз.) (рис. 5, 17), округлые из стекла с золотистой металлической прокладкой среднего размера: одиночные (32 экз.) (рис. 5, 18) и в виде нерасчлененных столбиков по две (13 экз.) (рис. 5, 19) и по три (1 экз.) (рис. 5, 20), округлые из стекла с золотистой металлической прокладкой более крупного размера: одиночные (10 экз.) (рис. 5, 21) и в виде нерасчлененного столбика (1 экз.) (рис. 5, 22), гагатовые короткоцилиндрические (7 экз.) (рис. 5, 23).

Погребение 2 (рис. 2). В юго-восточной части гроба обнаружены смещенные кости второго погребения, причем некоторые из них располагались поверх костей ног погребения 1. Среди этих смещенных костных останков выявлен фрагмент железной пружинной фибулы с пластинчатой спинкой, с прикипевшими остатками ткани (рис. 2, 24; 6, 1). Здесь же обнаружены: бронзовый перстень из скрученной в два витка узкой пластины, орнаментированной в средней части гравированными линиями (рис. 2, 23; 6, 3), бронзовый пластинчатый браслет с расплощенными окончаниями в форме змеиных головок (рис. 2, 16; 6, 12) и две бронзовые иглы, одна из которых находилась в деформированном виде (рис. 2, 19, 27; 6, 4, 5). В этой же области найдены четыре бронзовых перстня с овальными вставками из синего стекла (рис. 2, 13–15; 6, 6–9). На двух из них имеются углубленные изображения, напоминающие пары колосьев (рис. 6, 6, 7), на третьей вставке изображение сохранилось хуже (рис. 6, 8), вставка четвертого перстня почти полностью разрушилась (рис. 6, 9).

В пределах контуров гроба, у его торцовой юго-восточной стенки, находилась краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком (диаметр венчика 10,9 см, высота 2,7 см, диаметр поддона 3,4 см) (рис. 2, 10; 7, 3). Под ней стояла вторая тарелка такой же формы (диаметр венчика 10,4, высота 2,9 см, диаметр поддона 3,7 см) (рис. 2, 12; 7, 3). Рядом с тарелками найдены две бусины: округлая и поперечно сжатая из прозрачного бесцветного стекла (рис. 2, 22; 4, 11) и округло-ребристая поперечно сжатая из белого стекла (рис. 2, 22; 4, 12).

Неподалеку, но за пределами гроба размешалась большая краснолаковая тарелка с горизонтально отогнутым венчиком (диаметр края венчика 25,0 см, высота 6,2 см, диаметр поддона 7,8 см) (рис. 2, 17; 7, 5), внутри которой находился железный нож (рис. 2, 18; 3, 4). Рядом с тарелкой стоял краснолаковый кувшин (диаметр венчика 5,9 см, высота 13,6 см, диаметр поддона 5,0 см) (рис. 2, 9; 7, 1).

В этой же области выявлены бронзовые детали деревянной шкатулки (рис. 2, 11; 4, 1–6), фрагментированный оселок из песчаника (рис. 2, 31; 3, 1), два лепных пряслица (рис. 2, 25; 4, 13, 14), железное шило (рис. 2, 28; 3, 3), крупная кость животного (рис. 2, 20) и фрагмент белемнита (рис. 2, 30; 4, 15). Здесь же находилась чашка из прозрачного бесцветного стекла (диаметр венчика 8,4 см, высота 5,2 см, диаметр дна 4,0 см) (рис. 2, 29; 4, 16).

Расположение костей погребения 2 дает основания считать, что они были перемещены в юго-восточную часть гроба в процессе совершения погребения 1. Они располагались в неанатомическом порядке, причем некоторые кости погребения 2 лежали поверх костей погребения 1. Логично предположить, что эти кости относятся к более раннему захоронению, целостность которого была нарушена при совершении погребения 1. Следует, однако, заметить, что под костями погребения 1 никаких следов более раннего захоронения не обнаружено. Возможно, данное обстоятельство объясняется тщательностью, с какой было проделано сдвигание костей более раннего захоронения. Вместе с тем нельзя исключать и того, что кости погребения 2 вместе с относящимися к нему вещами попали в могилу в уже разрозненном состоянии одновременно с совершением погребения 1.

Экспертиза костных останков из могилы № 1089, проведенная в 2016 г.¹, позволила установить следующее:

Погребение 1. Степень изношенности окклюзионной поверхности зубов и состояние суставных поверхностей эпифизов длинных трубчатых костей соответствует возрасту около 35–45 лет. Размеры скелета в целом и относительная величина эпифизов – средние, верхний глазничный край и скуловые отростки лобных костей тонкие, надбровный рельеф и рельеф нижней челюсти выражены слабо, что в целом может свидетельствовать о женской (?) половой принадлежности погребенного индивида.

Погребение 2. Степень развития зубной системы неясна, так как все корни зубов обломаны, однако размеры коронок зубов и поперечные размеры диафизов длинных трубчатых костей соответствуют возрасту около 12–18 лет. Маркеры пола отсутствуют².

Среди человеческих костей встречены фрагменты костей животного, в том числе один фрагмент плечевой кости мелкого копытного.

Датировка погребений, совершенных в рассматриваемой могиле, определяется сочетанием наиболее поздних выявленных вещей. Среди них лучковая подвязная фибула с фигурной обмоткой спинки (рис. 2, 1), подобные которой характерны для комплексов «заключительной части II – первой половине III в. н.э.» (серия I, вариант 4, форма 1)³. Краснолаковая тарелка с горизонтально отогнутым венчиком (рис. 7, 5) относится к сосудам формы 6.3, дата которых «середина II – начало

¹ Экспертиза проведена А.А. Казарницким, к.и.н., м.н.с. отдела антропологии Музея антропологии и этнографии РАН, доцентом кафедры этнографии и антропологии института истории СПбГУ, которому я выражаю глубокую признательность.

² Добавлю к этому, что некоторые вещи, найденные среди смешанных костей погребения 2 (брраслет с окончаниями в форме змеиных голов, иглы), считаются характерными для женских захоронений. Так что, если они действительно относились к данному погребению, то пол его, возможно, тоже женский.

³ Кропотов 2010, 80.

(первая половина – ?) III вв. н.э.», притом, что формально наиболее близкие тарелки происходят из комплексов первой половины III в. н.э.⁴

Примечателен бронзовый перстень из свернутой в два витка узкой пластины (рис. 6, 3). Изделия этого типа получили распространение в центральной зоне предгорного Крыма в конце II – первой половине III в. н.э. и совсем не характерны для памятников юго-западной части полуострова⁵. В Усть-Альминском некрополе это пока единственная находка.

Еще один перстень, найденный в могиле, украшен сердоликовой вставкой-геммой (3, 2). На вставке изображена сидящая антропоморфная (мужская?) фигура со скипетром и колосом (одним или двумя?) в руках. Возможно, она представляет собой изображения Гения доброй судьбы (Bonus Eventus)⁶, но я не настаиваю на этой интерпретации. Бронзовый перстень этой же формы (вставка утрачена) происходит из могильника Совхоз 10 (Юго-Западный Крым), где найден «с материалом III в. н.э.»⁷, в том числе с лучковой пластинчатой фибулой «инкерамской серии» конца II – первой половины III в. н.э.⁸ Перстни с некоторыми формальными отличиями, но с похожим образом декорированными шинками, найденные на территории Галлии, датируются от последней трети II до начала IV в. н.э.⁹ Близкие изделия выявлены при исследованиях римского города Августы Раурики на Рейне¹⁰. Похожий бронзовый перстень со вставкой-геммой из музея П. Гетти отнесен к изделиям II–III вв. н.э.¹¹

Набор бус из рассматриваемого комплекса включает изделия тех типов, которые получили распространение в Крыму во второй половине II – первой половине III в. н.э.¹²: цилиндрические и призматические из красного глухого стекла¹³ (рис. 5, 12, 13, 16), призматические и в форме четырнадцатигранников из зеленого прозрачного стекла¹⁴ (рис. 5, 9, 10).

На основании изложенного могилу № 1089 можно датировать в пределах конца II – первой половины III в. н.э., причем более предпочтительной кажется именно первая половина III в. н.э. Большинство прочих вещей из могилы имеет более широкую датировку, не противоречащую, однако, указанной дате. Единственным предметом, выбивающимся за рамки указанного выше хронологического диапазона, является фаянсовая фигурная пронизь в виде льва на прямоугольной плакетке (рис. 4, 7). Такие изделия, часто встречающиеся в захоронениях варварского населения Крыма последней трети I – первой половины II в. н.э., крайне редко попадали в комплексы более позднего времени¹⁵.

Особый интерес вызывает находка в рассматриваемой могиле зеркала с рельефным знаком на тыльной поверхности (рис. 2, 3). Похожие знаки, процара-

⁴ Труфанов 2009, 153, рис. 16, 3, 4, 7; Журавлев 2010, 50, 138, рис. 133.

⁵ Труфанов 2019, 573–580.

⁶ Финогенова 1987, 148, 150.

⁷ Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2005, 166, табл. 21, 38.

⁸ Амбroz 1966, 52; Труфанов 2009, 213; Кропотов 2010, 135.

⁹ Guiraud 1989, fig. 21, type 3g; 53, 3g.

¹⁰ Riha 1990, 125, taf. 2, 17, 25.

¹¹ Spier 1992, 126, №335.

¹² Иштванович, Кульчар, Стоянова 2020, 37.

¹³ Типы 57 и 117 по: Алексеева 1978, 67, 70.

¹⁴ Типы 120 и 131 по: Алексеева 1978, 70.

¹⁵ Труфанов 2009, 252, 253.

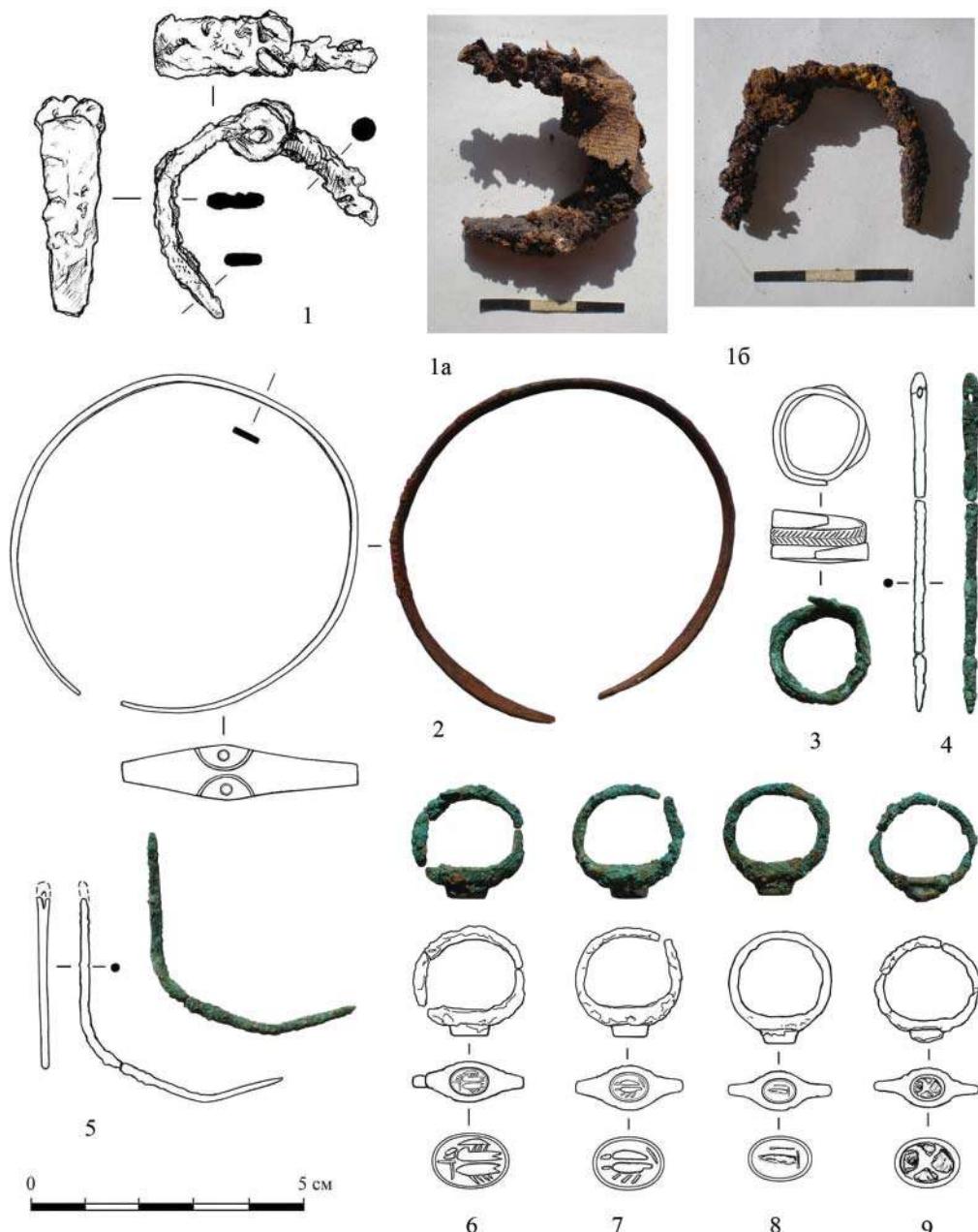

Рис. 6. Могила 1089. Находки: 1 – фрагмент фибулы, 2 – браслет, 3 – перстень, 4, 5 – иглы, 6–9 – перстни (1 – железо, 2–5 – бронза, 6–9 – бронза, стекло)

Fig. 6. Grave 1089. Finds: 1 – a fragment of brooch, 2 – a bracelet, 3 – a ring, 4, 5 – needles, 6–9 – rings (1 – iron, 2–5 – bronze, 6–9 – bronze, glass)

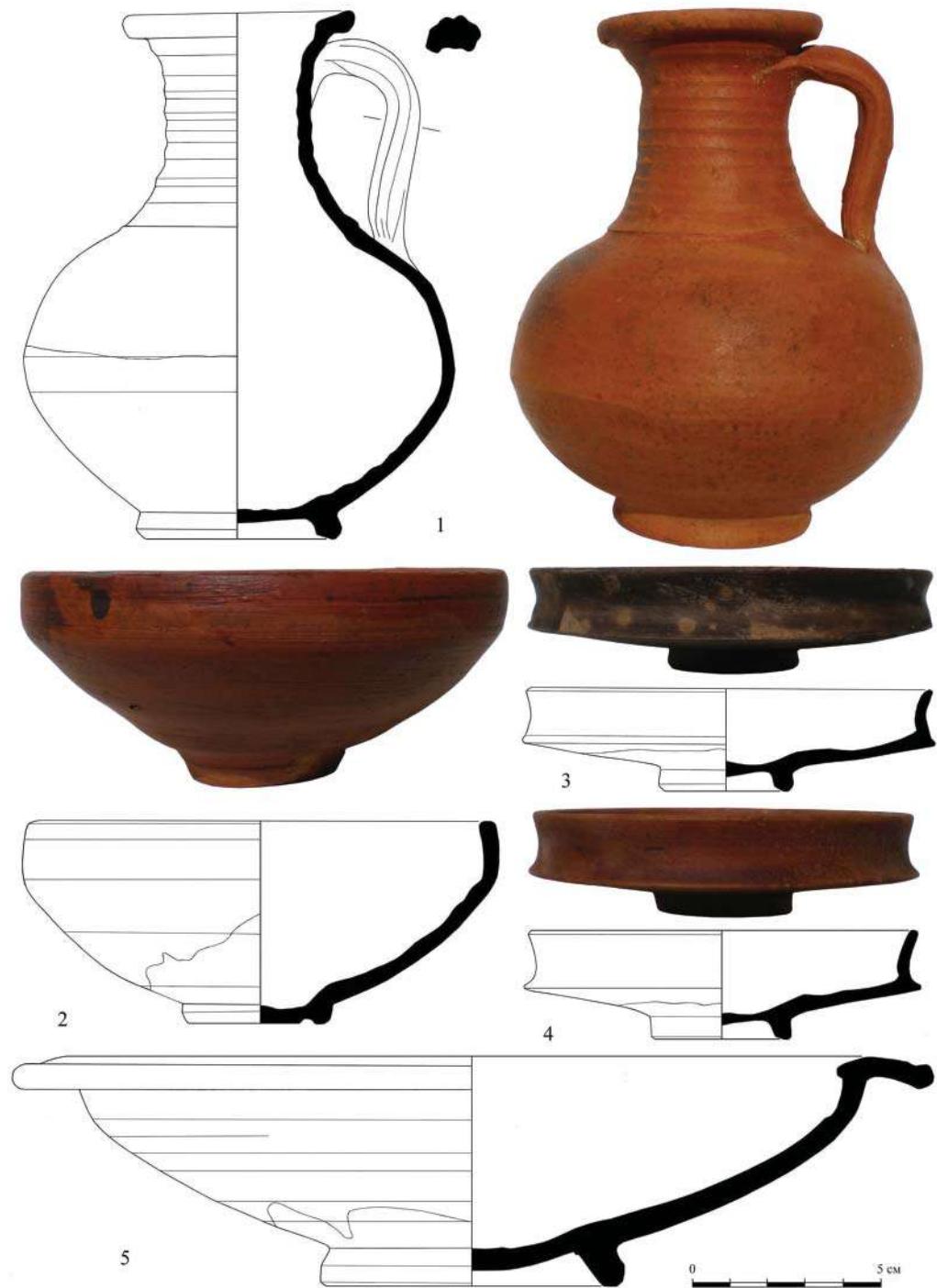

Рис. 7. Могила 1089. Краснолаковые сосуды: 1 – кувшин, 2 – чашка, 3–5 – тарелки
 Fig. 7. Grave 1089. Red-slip vessels: 1 – jug, 2 – cup, 3–5 – plates

панные на каменных плитах, стенах домов и пещер, а также на поверхности различных ремесленных изделий, встречаются по всему Северному Причерноморью и считаются тамгообразными сарматскими родовыми знаками¹⁶. Предметы, на которых такие знаки были изображены при изготовлении вещи, встречаются гораздо реже. К их числу относятся бронзовые зеркала.

В конце I – первой половине III в. н.э. в Крыму получают распространение орнаментированные зеркала с боковой петлей. Они имеют близкие параметры и, как правило, радиальный или радиально-лучевой орнамент с вариациями. Такие изделия производились в огромном количестве с учетом потребностей и вкусов «среднего» потребителя и распространялись торговцами по всему полуострову. В отличие от этой массовой и стандартизированной продукции, данное зеркало, по-видимому, представляет собой эксклюзивную вещь. Вместо типичного, лишенного индивидуальности орнамента, оно украшено особым родовым знаком. Это зеркало могло быть изготовлено на заказ, возможно – в местной варварской среде. Есть основания думать, что созданную для его отливки форму использовали лишь единожды, хотя, разумеется, безапелляционно утверждать это нельзя. Можно говорить лишь об исключительной редкости подобных изделий в Крыму. Среди материалов исследования варварских могильников полуострова, известно зеркало, украшенное несколько отличающимся знаком, найденное в погребении III в. н.э. из могильника Курское в восточной части предгорного Крыма¹⁷. Заслуживает внимания «серебряная бляха с сарматским знаком» III в. н.э. из некрополя Нейзац¹⁸, вероятно, являющаяся деталью конской упряжи. Знак, изображенный на этой бляхе, в своей нижней части аналогичен знаку на усть-альминском зеркале.

В Северном Причерноморье зеркала с более или менее близкими знаками выявлены в Пантиканее (или в его округе), в Ольвии, в Приднепровье, в Днестро-Дунайском междуречье и на территории Румынии¹⁹. Особенно примечательно зеркало из Ольвии²⁰, на котором изображен точно такой же знак, как и на зеркале из Усть-Альмы. Аналогичные знаки прочерчены на каменных плитах из Малой Козырки (в 12 км от Ольвии), Тетчан (север Молдавии) и Кривого Рога²¹.

Возможно, всех этих данных достаточно для того, чтобы не только соотнести находку из Усть-Альминского некрополя с изделиями сарматского круга, но и предположить прямое отношение погребенной в могиле женщины к роду, представители которого оставили после себя отметки в виде аналогичных знаков. В таком случае можно предполагать наличие родственных связей, по крайней мере, между некоторыми оседлыми жителями Усть-Альминского городища и северо-причерноморскими кочевниками.

Вместе с тем вряд ли можно сомневаться в том, что погребенная из Усть-Альмы, как и прочие жители связанного с некрополем городища, вела оседлый образ жизни. Комплекс вещей, сопровождающих погребение (за исключением неординарного зеркала), равно как и тип погребального сооружения, вполне соот-

¹⁶ Соломоник 1959, 16, 17; Драчук 1975, 45, 54.

¹⁷ Труфанов, Колтухов 2003, 282, рис. 5, 5.

¹⁸ Соломоник 1959, 140, № 92; Дащевская 1991, табл. 74, 11; Храпунов 2011, 14, рис. 4, 1.

¹⁹ Драчук 1975, табл. XVI, 5–14; Васильев, Дзиговский 2003, рис. 5, 11; Савельев 2009, рис. 2, 2.

²⁰ Соломоник 1959, 143, № 193, рис. VI; Драчук 1975, табл. XVI, 5.

²¹ Соломоник 1959, 77, 81, 97, №№ 32, 36, 43.

ветствуют нормам, прослеживаемым в погребальном обряде жителей городища. Наборы стеклянных бус тех же типов, что и в могиле 1089, равно как и их расположение рядами поперек голеней, не характерны для степных сарматских погребений, тогда как в Крыму аналогий имеется множество²².

Альтернативным вариантом является предположение о том, что зеркало попало в Крым в качестве товара. В этом случае оно могло бы быть одним из металлических изделий, выполненных ремесленниками-кочевниками, редких уже потому, что такие вещи не могли составлять конкуренции античным ремесленным центрам. Рельефный знак на поверхности зеркала в таком случае мог бы являться родовым знаком ремесленника.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1978: *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ. Г1–12). М.
- Амбroz, А.К. 1966: *Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.)* (САИ. Д 1–30). М.
- Васильев, А.А., Дзиговский, А.Н. 2003: Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака. *Stratum plus* 4 (2001–2002), 315–334.
- Дашевская, О.Д. 1991: *Поздние скифы в Крыму* (САИ Д1–7). М.
- Драчук, В.С. 1975: *Системы знаков Северного Причерноморья*. Киев.
- Журавлев, Д.В. 2010: Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). *МАИЭТ. Supplementum* 9. Симферополь.
- Иштванович, Э., Кульчар, В., Стоянова, А.А. 2020: Бусы в костюме населения сарматского времени Крыма и Альфельда. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)* VI. Симферополь, 10–43.
- Кропотов, В.В. 2010: *Фибулы сарматской эпохи*. Киев.
- Савельев, О.К. 2009: Богатое позднесарматское погребение из кургана 2 к с. Дивизия (вопросы датировки). *Stratum plus* 4 (2005–2009), 365–373.
- Соломоник, Э.И. 1959: *Сарматские знаки северного Причерноморья*. Киев.
- Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. 2005: Население окраин Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10»). *Stratum plus* 4, 27–277.
- Труфанов, А.А. 2009: Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. *Stratum plus* 4 (2005–2009), 117–328.
- Труфанов, А.А. 2019: Региональные отличия комплекса бронзовых украшений конца II – середины III в. н. э. из погребений центральной части предгорного и горного Крыма. В кн.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.-сост.), *XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований*. Симферополь–Керчь, 573–580.
- Труфанов, А.А., Колтухов, С.Г. 2003: Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму. *Stratum plus* 4 (2001–2002), 278–295.
- Финогенова, С.И. 1987: Группа золотых перстней из Анапы. *Сообщения Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина* 8, 147–153.
- Храпунов, И.Н. 2011: Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. В кн.: И.Н. Храпунов (отв. ред.), *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 13–113.
- Guiraud, H. 1989: *Bagues et anneaux à l'époque romaine en Gaule*. *Gallia* 46, 173–211.

²² Иштванович, Кульчар, Стоянова 2020, 37.

- Riha, E. 1990: Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst. *Forschungen in Augst 10. Augst.*
- Spier, J. 1992: *Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections, the J. Paul Getty Museum*. Malibu.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1978: *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of the Northern Black Sea region]*. (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] G1–12). Moscow.
- Ambroz, A.K. 1966: *Fibuly yuga evropeiskoy chasti SSSR (II v. do n. e. – IV v. n. e.) [Fibulae of the south of the European part of the USSR (2nd century BC – 4th century AD)]*. (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D 1–30). Moscow.
- Dashevskaya, O.D. 1991: *Pozdnie skify v Krymu [Late Scythians in Crimea]*. (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–7). Moscow.
- Drachuk, V.S. 1975: *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya [Systems of signs of the Northern Black Sea region]*. Kiev.
- Finogenova, S.I. 1987: Gruppa zolotykh perstney iz Anapy [The Group of gold finger-rings from Anapa]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina [Messages from the State Museum of Fine Arts named of A.S. Pushkin]* 8, 147–153.
- Guiraud H. 1989: Bagues et anneaux à l'époque romaine en Gaule. *Gallia* 46, 173–211.
- Ishtvanovich, E., Kul'char, V., Stoyanova, A.A. 2020: Busy v kostyume naseleniya sarmatskogo vremeni Kryma i Al'fyel'da [Beads in the Sarmatian Age population in Crimea and Great Hungarian Plain]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) [The Crimea in the Age of the Sarmatians (2nd century BC – 4th century AD)]* VI. Simferopol, 10–43.
- Khrapunov, I.N. 2011: Nekotorye itogi issledovaniy mogil'nika Neizats [Some results of research at the Neizats burial ground]. In: I.N. Khrapunov (red.), *Issledovaniya mogil'nika Neizats. [Exploring the cemetery of Neyzats]*. Simferopol, 13–113.
- Kropotov, V.V. 2010: *Fibuly sarmatskoy epokhi [Fibulae of the Sarmatian era]*. Kiev.
- Riha, E. 1990: Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst. *Forschungen in Augst 10. Augst.*
- Savel'ev, O.K. 2009: Bogatoe pozdnesarmatskoe pogrebenie iz kurgana 2 k s. Diviziya (voprosy datirovki) [Rich Late-Sarmatian Burial in the Barrow No. 2 Near Diviziya Village (Problems of Dating)]. *Stratum plus* 4 (2005–2009), 365–373.
- Solomonik, E.I. 1959: *Sarmatskie znaki severnogo Prichernomor'ya [Sarmatian signs of the northern Black Sea region]*. Kiev.
- Spier, J. 1992: *Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections, the J. Paul Getty Museum*. Malibu.
- Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2005: Naselenie okrugi Khersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz №10») [The population of the Chersonesos area in the first half of the 1st millennium AD (based on materials from the necropolis “Sovkhoz no. 10”)]. *Stratum plus* 4, 27–277.
- Trufanov, A.A. 2009: Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. – III v. n. e. [The Chronology of the Necropoleis of the Cretian Foothills 1st century BC – 3rd century AD]. *Stratum plus* 4 (2005–2009), 117–328.
- Trufanov, A.A. 2019: Regional'nye otlichiya kompleksa bronzovykh ukrasheniy kontsa II – serediny III v. n. e. iz pogrebeniy tsentral'noy chasti predgornogo i gornogo Kryma [Regional differences in the complex of bronze jewelry of the late 2nd – mid-3rd centuries AD from

- the burials of the central part of the foothill and mountainous Crimea]. In: V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko (ed.), *XX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy* [XX Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the Barbarian World in the Periods of Antiquity and the Middle Ages. Main results and research prospects]. Simferopol–Kerch, 573–580.
- Trufanov, A.A., Koltukhov, S.G. 2003: Issledovanie pozdneantichnogo nekropolya u s. Kurskoe v Yugo-Vostochnom Krymu [Exploration of the late antique necropolis near the village Kurskoe in the South-East Crimea]. *Stratum plus* 4 (2001–2002), 278–295.
- Vasilev, A.A., Dzigovskiy, A.N. 2003: Eshchye raz k khronologii pozdneysikh sarmatskikh drevnostey Budzhaka [Another Approach Towards Chronology of the Latest Sarmatian Antiquities of Budjak]. *Stratum plus* 4 (2001–2002), 315–334.
- Zhuravlev, D.V. 2010: Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n. e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny) [Red glazed ceramics of the South-West Crimea of the 1st – 3rd centuries AD (based on materials from the late Scythian necropolises of the Bel'bek valley)]. *MAIET. Supplementum* [Materials of the archeology, history and ethnography of Tauriya. Supplementum] 9. Simferopol.

THE FIRST HALF THIRD CENTURY AD GRAVE IN THE UST-ALMA NECROPOLIS (THE SOUTH-WESTERN CRIMEA)

Alexander A. Trufanov

Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Simferopol, Russia
trufanov.a67@mail.ru

Abstract. The publication concerns an analysis of the nich-grave no. 1089 discovered on the territory of Ust-Alma necropolis, it situated in the South-Western part of Crimean peninsula. The grave contained remains of two persons. According to the grave goods, the burial complex can be dated to the first half of the 3rd century AD. Among grave goods there is a mirror with the relief decoration similar to the so-called «Sarmatian signs». It is the first case of such a find for the Ust-Alma necropolis, and it is rare for the Crimea in general. At the same time, mirrors decorated with various «Sarmatian signs» are found in different points of the North Pontic region, and the signs analogous to the Ust-Alma image are represented among those inscribed on the stone slabs from that territory

Keywords: South-Western Crimea, Late Scythian culture of the Crimea, “Sarmatian signs”.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2021), 61–91
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2021), 61–91
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-61-91

ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА АНТИЧНОМ УКРЕПЛЕНИИ МАСЛЯНАЯ ГОРА В ОКРУГЕ ХЕРСОНЕСА

М.И. Тюрин^{1, 2}, И.Г. Чухина³, А.А. Филиппенко⁴

¹ Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический, Севастополь, Россия

² Институт археологии РАН, Москва, Россия
turyin.m.i@mail.ru

³ Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н.И. Вавилова, Санкт-Петербург, Россия
irena_wir@mail.ru

⁴ Независимый исследователь, Севастополь, Россия
andreyphil@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена палеоэтноботаническим исследованиям на античном укреплении Масляная гора, а также вопросам, связанным с хозяйственным укладом памятника. Объект расположен в нижнем течении р. Бельбек, в контактной зоне между Херсонесским государством и территориями, занятymi варварским населением Юго-Западного Крыма. Выделяются два этапа существования памятника: ранний, херсонесский (конец IV – третья четверть III в. до н.э.), и позднеэллинистический, связанный с укреплением времени правления Митридата VI (оканчивается гибелью форта в сильном пожаре на рубеже II и I вв. до н.э. – в начале I в. до н.э.). Среди палеоэтноботанического материала, обнаруженного в пробах из культурных напластований раннего горизонта объекта, наиболее часто встречаются зерновки ячменя пленчатого (*Hordeum vulgare*). Также зафиксированы просо и полба. Для этого периода характерны крупные зерновые ямы, а также единичные находки фрагментов зернотерок и терочников. В конце II в. до н.э. укрепление перестраивается, в восточной его части исследован хозяйственный комплекс этого времени. Здесь осуществлялось хранение зерновых (ячмень пленчатый, голозерная пшеница, просо, овес) в амфорах, а также их дальнейшая обработка (in situ зафиксированы ступы, ручные мельницы, очаги и печь). Уникальной является находка зерновок овса посевного в амфоре, позволяющая предположить возделывание этой культуры в окрестностях укрепления в позднеэллинистическое время. Если для проб 1–3, отражающих ранний период истории комплекса, условия попадания зерновок в слой носили относительно случайный

Данные об авторах: Тюрин Максим Игоревич – научный сотрудник ГИАМЗ «Херсонес Таврический», аспирант ИА РАН; Чухина Ирена Георгиевна – кандидат биологических наук, ВИР им. Н.И. Вавилова; Филиппенко Андрей Анатольевич – независимый исследователь, в 2013–2014 гг. руководитель Бельбекской экспедиции музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-49-910002 р_a_Республика Крым «Экспансия Херсонеса Таврического и судьбы местного населения железного века в Западном Крыму. Междисциплинарные исследования».

характер, то пробы 4–13, иллюстрирующие хозяйство обитателей форта митридатовского времени, взяты преимущественно из заполнения хорошо сохранившихся тарных сосудов.

Ключевые слова: палеоэтноботаника, хора Херсонеса, укрепление Масляная гора, эллинизм, амфоры.

Палеоэтноботанические исследования проводились на памятниках окружности Херсонеса эллинистического периода неоднократно. Они затронули как «ближнюю» хору этого центра с ее уникальной системой размежевки и ярко выраженным акцентом на виноградарство¹, так и памятники «далней» окружности Херсонеса в Северо-Западной Таврике². Очевидно, однако, что важную роль в экономике эллинистического полиса играли также долины рек Юго-Западного Крыма, частично освоенные херсонеситами. Предметом нашего исследования стали материалы одного из памятников Бельбекской долины – укрепления Масляная гора, расположенного на херсонесско-варварской периферии Юго-Западного Крыма.

Объект находится в нижнем течении р. Бельбек, в северной части массива Мекензиеевых гор, в 11 км к северо-востоку от Херсонесского городища, около современного с. Поворотное (г. Севастополь). Памятник представляет из себя подквадратный в плане форт (рис. 1), функционировавший с конца IV до начала I в. до н.э. Исследование объекта ведется с 2013 г. Бельбекской экспедицией Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» под руководством А.А. Филиппенко и М.И. Тюрина.

В ходе раскопок удалось в деталях проследить стратиграфию памятника, установить хронологию строительных периодов. Ранний этап функционирования объекта связан с эпохой расцвета Херсонесского полиса (конец IV–III вв. до н.э.). К этому первому строительному периоду относятся мощные (до 1,5 м шириной), выполненные из крупных блоков внешние стены укрепленной усадьбы и несколько хозяйственных ям. Очевидно, укрепление контролировало варварские поселения нижнего течения р. Бельбек, обитатели которых обрабатывали плодородные земли Бельбекской долины. Установлено, что к херсонесскому форту примыкали синхронные селища местного варварского населения³, в округе известны многочисленные поселения носителей кизил-кобинской культуры⁴. Финал этого этапа функционирования памятника маркируется керамическим завалом, следы которого предварительно датированы третьей четвертью III в. до н.э. Следы жизнедеятельности, относящиеся к концу III – первой половине II в. до н.э., на памятнике единичны. Поздний этап существования форта связан со временем правления Митридата VI Евпатора. Вопрос об этническом составе населения укрепления в этот период остается открытым, но очевидны его связи с Херсонесом и Понтом (обращают на себя внимание обилие керамических импортов и находки понтийских монет). Учитывая характер памятника и его стратегическое местоположение на пути из Херсонеса в Крымскую Скифию, нельзя исключать наличие здесь небольшого понтийского гарнизона. Этот период оканчивается мощнейшим пожаром,

¹ Стржелецкий 1961; Николаенко, Янушевич 1981; Пашкевич 2006.

² Щеглов 1978; Николаенко, Янушевич 1981; Латышева 1985; Кутайсов 1999; Пашкевич 2015; Januševič, Šeglov 2002.

³ Тюрин 2018.

⁴ Тюрин 2019, 324.

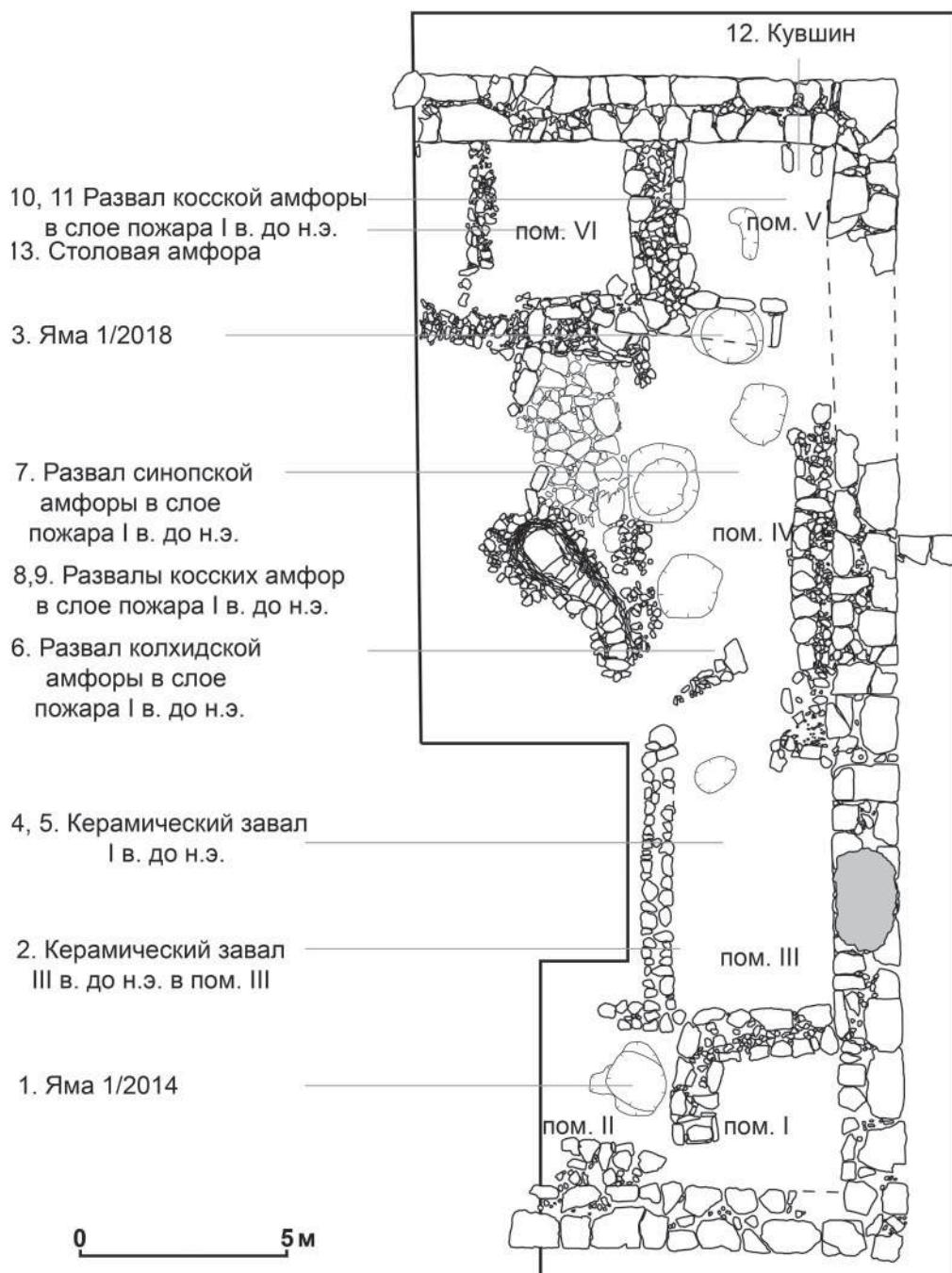

Рис. 1. Античное укрепление Масляная гора. План раскопа 2013–2018 гг.
Fig. 1. Maslyanaya Gora fortress, plan of 2013–2018 excavations

следы которого зафиксированы во всех шести изученных на настоящий момент помещениях форта. Внезапность этого события подтверждают многочисленные предметы (амфорная тара, кухонная и столовая керамика, инвентарь), обнаруженные *in situ*. Прекрасная сохранность керамических изделий из слоя разрушения в некоторых случаях позволяет уверенно установить содержимое некоторых сосудов. Гибель укрепления относится нами к рубежу II–I вв. до н.э., возможно, к первым десятилетиям I в. до н.э. Материалами для проведенного исследования послужили растительные макроостатки – обугленные семена и частицы плодов, обнаруженные в виде скоплений в керамических сосудах или отобранные вручную из грунта слоев раскопа. Определение таксономической принадлежности карлологических находок проводили по диагностическим признакам морфологического строения с использованием стереоскопического микроскопа с цифровой фотосъемкой МСП-2-2СД.

1. ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕЙ ХЕРСОНЕССКОЙ УСАДЬБЫ

Рассмотрим пробы 1–3, отражающие жизнедеятельность на памятнике в конце IV – третьей четверти III в. до н.э., на раннем, «херсонесском», этапе его существования.

1. Помещение II, хозяйственная яма 1/2014 (рис. 2, 1). Обнаружены спекшиеся семена проса (*Panicum miliaceum* L.) (рис. 2, 2).

Контекст. Колоколообразная в сечении хозяйственная яма 1 находится в восточной части помещения II, вырублена в материке (глубина 1,4 м, диаметр до 1,5 м). Яма заполнена плотным светло-желтым суглинком, заполнение сплошное, единовременное, содержало обильный материал (около 245 фрагментов керамических изделий). Количество преобладают фрагменты лепных сосудов (165 фрагментов), как открытых, так и закрытых форм. Толстостенная керамика представлена фрагментами двух пифосов синопского и херсонесского производства, тарная – амфорами этих же центров (рис. 2, 3, 5, 6). Среди херсонесской продукции выделяются фрагменты кувшинов, в том числе с растительной и геометрической орнаментацией (рис. 2, 9, 11). Чернолаковая керамика представлена аттической мисочкой (рис. 2, 8), которую следует датировать первой третью III в. до н.э. Отметим ножку херсонесской амфоры с заглаженным сколом (рис. 2, 5), которая, очевидно, использовалась в качестве терочника⁵, а также каменное изделие, которое могло использоваться в качестве песта (рис. 2, 6). Заполнение ямы должно быть отнесено к началу – первой половине III в. до н.э. По всей видимости, она была засыпана до образования слоя 4 и заполнения ям 1/2018–4/2018 в помещении IV, которое произошло в третьей четверти III в. до н.э. (см. ниже).

2. Помещение III, слой 4, керамический завал (рис. 3, 1). Выделены: 33 зерновки и 44 обломка. Большинство зерновок (31) относятся к пленчатому ячменю (рис. 3, 2, 3) (*Hordeum vulgare* L.), о чем свидетельствуют сохранившиеся остатки внутренней цветковой чешуи с брюшной стороны зерновки и/или наружной

⁵ Ср. Арсеньева и др. 2010, 91, рис. 140. Подобные изделия из раскопок усадьбы Маслины В.В. Латышева считала терочниками для зернотерок «седловидного» типа (Латышева 1985, 80). В то же время существуют иные взгляды на функции подобных инструментов, довольно часто встречающихся на памятниках хоры Херсонеса (Handberg 2011, 64, 65).

цветковой чешуи с двумя жилками на спинной стороне зерновки. По наличию несимметричных зерновок можно установить, что это пленчатый шести рядный ячмень (*Hordeum vulgare* subsp. *vulgare*). Также была обнаружена одна зерновка проса (*Panicum miliaceum*) и одна зерновка пленчатой пшеницы спельты (*Triticum spelta* L.).

Контекст. Наиболее полно слой 4 выражен в юго-западной части позднейшего помещения III. Представлял из себя плотный светло-желтый суглинок, содержал керамический завал. Найдены фрагментами амфор различных центров (среди них ручка херсонесской амфоры с клеймом I хронологической группы, ок. 325–285 гг. до н.э.⁶, магистрат не установлен (рис. 3, 5)), столовой, лепной керамикой. Отметим фрагментированные кувшины херсонесского производства, тулою одного из них декорировано горизонтальными линиями (рис. 3, 7). Фрагмент другого кувшина содержит сетчатый орнамент, выполненный красной краской (рис. 3, 4). В восточной части помещения обнаружены два лекифа (рис. 3, 9, 10) и флакон, также херсонесского производства. Лепная керамика представлена фрагментами семнадцати различных сосудов. Среди них отметим лощеную корчагу кизил-кобинского типа, декорированную врезным геометрическим орнаментом (рис. 3, 6) и лощеную миску с загнутым бортиком (рис. 3, 8). Стратиграфические наблюдения заставляют отнести образование завала к середине – третьей четверти III в. до н.э.

3. Помещение IV, слой 1 заполнения хозяйственной ямы 1/2018. В числе обнаруженных зерновок с уверенностью выделяются 9 пленчатого ячменя (*Hordeum vulgare*) (рис. 4, 1, 2), 5 – пшеницы однозернянки (*Triticum monococcum* L.) (рис. 4, 5), 4 – пленчатой пшеницы двузернянки или полбы (*Triticum dicoccum* Schrank ex Schübl.) (рис. 4, 3). Также найдена одна «вилочка» (рис. 4, 4) – остаток колосковых чешуй пшеницы двузернянки.

Контекст. В заполнении ямы 1/2018 и соседних ям выделяются три слоя. Непосредственно вместе с зернами в слое 1 зафиксирован следующий материал: венец красноглиняной амфоры грибовидной формы (рис. 4, 9) (очевидно, «примесь снизу»), фрагменты амфор, расписного кувшина (рис. 4, 8) и миски херсонесского производства. Отметим также фрагменты лепных сосудов, в том числе закрытых лощеных горшков кизил-кобинской археологической культуры с богатой орнаментацией, выполненной тройной, четверной и пятерной гребенками (рис. 4, 6, 7). Из нижележащего слоя 2 заполнения рассматриваемой ямы происходит фрагмент ручки амфоры (рис. 4, 11) с синопским клеймом магистрата Αντίπατρος 1 (VI A ХГ), который исполнял магистратуру в 50-х–40-х гг. III в. до н.э. (по хронологии В.И. Каца⁷), либо около 246 г. до н.э. (по хронологии Н.Ф. Федосеева⁸). Отметим, что в верхних слоях соседних ям 3/2018 и 4/2018, материал из которых перекликается с находками из ямы 1, обнаружены также клейма синопских магистратов Λεωφέδοντος Ἐπιδήμου (VI C ХГ, 30-е–20-е гг. III в. до н.э. по В.И. Кацу⁹ или около 252 г. до н.э. по Н.Ф. Федосееву¹⁰) и Ζήνις Ἀπολλοδόρου (VI B ХГ, 40-е–30-е гг.

⁶ Кац 2007, 326.

⁷ Кац 2007, 435, 446.

⁸ Тюрин, Федосеев 2018, 249.

⁹ Кац 2007, 435, 447.

¹⁰ Тюрин, Федосеев 2018, 249.

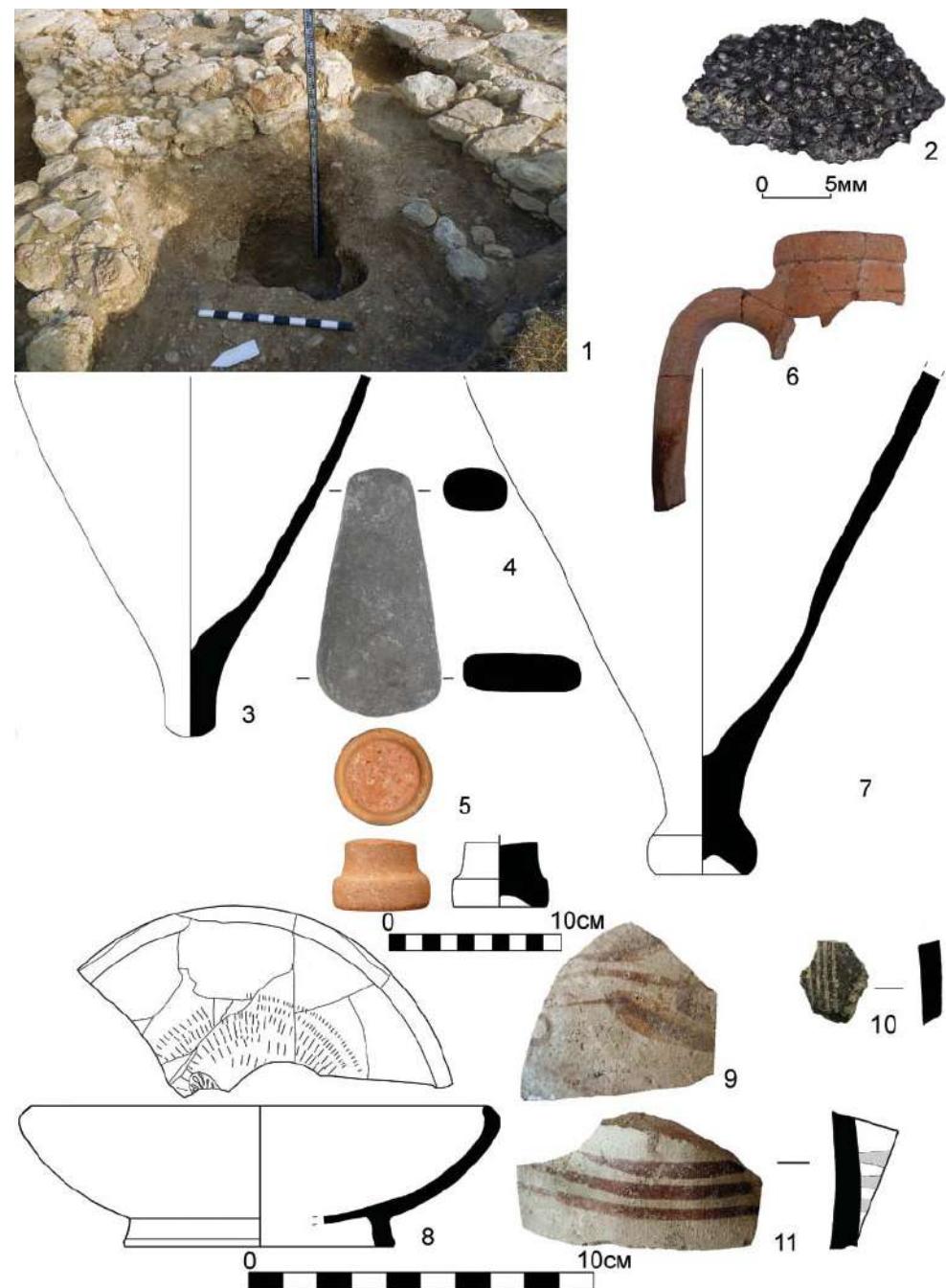

Рис. 2. Античное укрепление Масляная гора, хозяйственная яма 1/2014: 1 – общий вид ямы, вид с северо-запада; 2 – семена проса из заполнения ямы (проба 1); 3–11 – материалы из заполнения ямы

Fig. 2. Maslyanaya Gora fortress, pit 1/2014: the view from N-W (1); millet seeds from the fill of the pit, sample 1 (2), the finds from the fill of the pit (3)

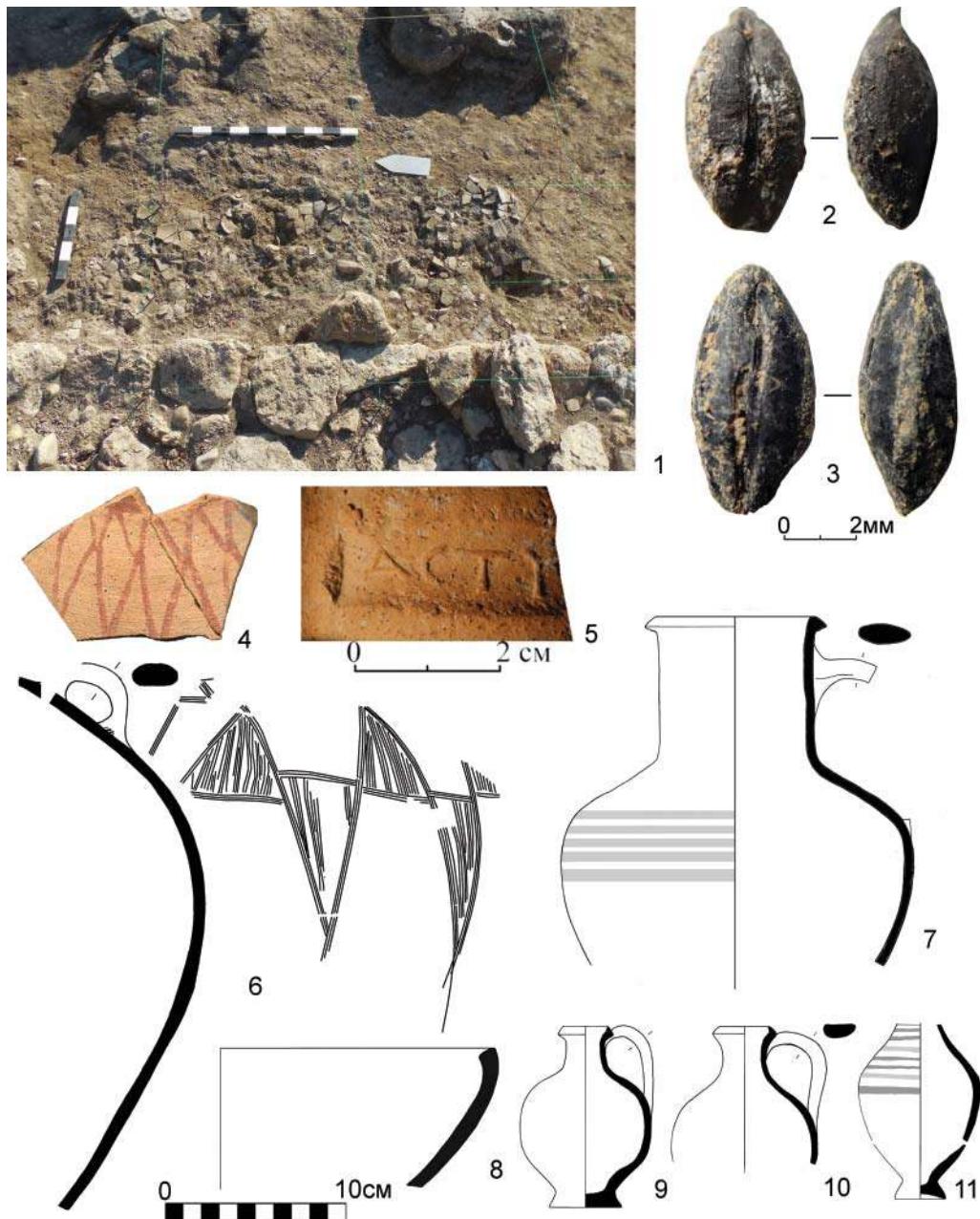

Рис. 3. Античное укрепление Масляная гора, керамический завал в помещении 3 (проба 2): 1 – общий вид завала; 2, 3 – зерновки ячменя пленчатого; 4–11 – керамические находки из завала

Fig. 3. Maslyanaya Gora fortress, pottery heap in Room 3, sample 2: the view of the heap (1); the grains of barley (2, 3); pottery finds from the heap (4-11)

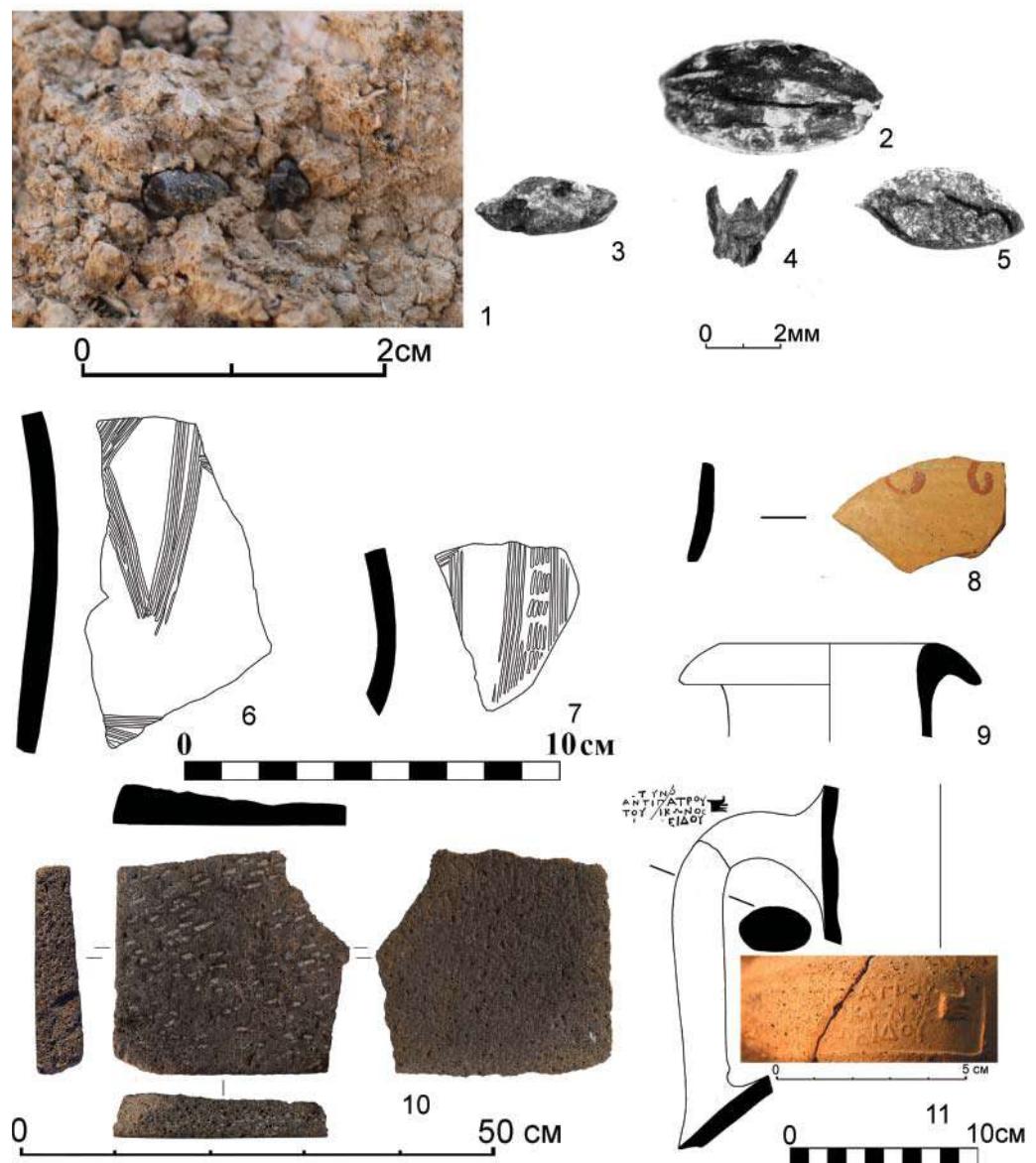

Рис. 4. Античное укрепление Масляная гора, хозяйственная яма 1/2018 (проба 3): 1 – зерновки ячменя пленчатого в слое заполнения ямы; 2 – зерновка ячменя пленчатого; 3 – зерновка пшеницы двузернянки; 4 – «вилочка» двузернянки; 5 – зерновка пшеницы однозернянки; 6–11 – находки из заполнения ямы

Fig. 4. Maslyanaya Gora fortress, pit 1/2018, sample 3: the view of heap (1); the grains of barley particularly in the layer (1); the grain of barley (2); the grain of emmer (3); a fragment of a spikelet of emmer (4); the grain of the einkorn wheat (5); the finds from the fill of the pit (6–11)

III в. до н.э. по В.И. Кацу¹¹ или около 251 г. до н.э. по Н.Ф. Федосееву¹²). Таким образом, верхний слой заполнения ямы 1/2018 содержал материалы значительного хронологического диапазона, но образовался он не ранее третьей четверти III в. до н.э. К этому или несколько более раннему времени должен быть отнесен и находящийся в нем палеоботанический материал.

Отметим, что в нижнем слое заполнения соседней ямы 3/2018 обнаружен фрагмент плоской тщательно выполненной зернотерки (рис. 4, 10) из плотной пористой вулканической породы. Вероятно, изделие представляло из себя столик (англ. saddle quern) для растирания зерна при помощи терочки. Многочисленные фрагменты еще одной, более массивной зернотерки обнаружены в соседней яме 5/2018, содержащей материал, идентичный находкам из этой ямы и засыпанной синхронно с ней. Тип изделия установить не удается, не исключено, что это могла быть ручная мельница типа *Olynthus mill*.

Таким образом, в слоях III в. до н.э. среди сохранившихся образцов доминируют зерновки ячменя пленчатого (*Hordeum vulgare*). Не исключено, что именно этот вид был основной культурой, выращивавшейся жителями Бельбекской долины эллинистического периода (в окрестностях укрепления Масляная гора исследованы синхронные поселения кизил-кобинской археологической культуры).

Ячменный хлеб считался пищей бедняков и рабов, ячмень был одной из основных фуражных культур античности; в Аттике раннеэллинистического периода его доля в урожае значительно превышала долю пшеницы¹³, а ячневые каши составляли значительную часть рациона эллинов (Plin. HN, XVIII, 72). Ячмень был одной из ведущих зерновых культур и в античных государствах Северного Причерноморья¹⁴. На ближней хоре Херсонеса пленчатый ячмень занимал вторую позицию среди зерновых после голозерной пшеницы¹⁵, известен по материалам усадеб участков 25, 39а (41), 152 (93), 313 (48 а), 298 (203)¹⁶. Широко он представлен и на « дальней » хоре, в том числе на городищах Панское I, Маслины¹⁷, в материалах раскопок усадьбы у бухты Ветреная¹⁸. Если пшеница активно экспорттировалась, то ячмень, по-видимому, преимущественно использовался на месте (в том числе как корм для скота) и мог составлять основное содержимое хозяйственных ям на сельских поселениях хоры античных городов¹⁹. Очевидно, это предположение актуально и для изучаемого памятника, где исследовано несколько колоколовидных в сечении ям в пределах ранней херсонесской усадьбы, а также ряд аналогичных конструкций на прилегающих к ней синхронных селищах²⁰.

Зерновок пшеницы в ранних слоях укрепления обнаружено в несколько раз меньше, причем они соответствуют исключительно пленчатым видам: пшенице двузернянке (*Triticum dicoccum*), однозернянке (*T. monococcum*), спельте (*T. spelta*).

¹¹ Кац 2007, 435, 447.

¹² Тюрина, Федосеев 2018, 249.

¹³ Garnsey 1988, 99.

¹⁴ Янушевич 1986; Виноградов 2005; Одрин 2014.

¹⁵ Янушевич 1986, 50, 51; Пашкевич 2005, 20.

¹⁶ Янушевич 1986, 58.

¹⁷ Николаенко, Янушевич 1981, 32, 33.

¹⁸ Янушевич 1986, 51.

¹⁹ Гаврилов, Пашкевич 2000, 137.

²⁰ Тюрина 2018, 82, 83, рис. 9, 10, 11.

Зерновки спелты ранее были найдены на усадьбе участка 25 ближней округи Херсонеса; зерновки и иные макроостатки прочих видов полбы известны в более поздних и смешанных контекстах его «ближней» хоры²¹, и в материалах эллинистических памятников Гераклейского полуострова надежно не зафиксированы. В большем количестве пшеницы встречены на памятниках «далней» хоры Херсонеса: на поселении Панское I – *Triticum dicoccum* и *T. monococcum*; в Керкинитиде и на усадьбе у бухты Ветреная – *T. dicoccum*²², на поселении Ортли – *T. dicoccum*, *T. monococcum*, *T. spelta*²³. Считается, что пленчатые виды пшеницы возделывались варварским населением Северного Причерноморья – скифами, меотами, носителями кизил-кобинской археологической культуры; в то же время они могли засорять посевы голозерной пшеницы на ранних этапах греческой колонизации и использоваться греками в качестве самостоятельной культуры в неблагоприятные годы²⁴.

Просо встречается на эллинистических памятниках Херсонеса достаточно редко; образцы этой культуры зафиксированы С.Ф. Стржелецким при раскопках усадьбы участка 25 на Гераклейском полуострове²⁵, существовавшей синхронно рассматриваемому здесь первому периоду укрепления Масляная гора. В Северо-Западной Таврике образцы проса известны на поселении Панское I²⁶.

По составу и количественному соотношению злаков содержание проб из слоев III в. до н.э. на укреплении Масляная гора несколько отличается как от образцов, полученных в ходе исследования ближней хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове, так и от материалов из херсонесских памятников равнины Западного Крыма. Так, на усадьбах ближайшей городской округи многочисленны находки голозерной пшеницы, в то время как образцы пленчатых пшениц отсутствуют²⁷ (за единственным исключением находок спелты). Состав проб из ранних слоев Масляной горы диаметрально противоположен: на настоящий момент здесь пока что не были обнаружены экземпляры голозерной пшеницы. Также следует обратить внимание на отсутствие в слоях укреплении Масляная гора остатков бобовых, обильно встреченных на синхронных усадьбах Гераклейского полуострова²⁸ и в принципе характерных и определяющих для античного хозяйства²⁹. В то же время в пробах, отражающих хозяйство херсонесской Керкинитиды начала III в. до н.э., как и на нашем памятнике, превалирует пленчатый ячмень³⁰; впрочем, среди пшениц преобладают голозерные виды³¹. Напротив, в слоях пожара усадьбы на поселении Ортли в районе оз. Сасык-Сиваш в Западном Крыму абсолютно доминирует голозерная пшеница, в то время как пленчатый ячмень представлен единственной зерновкой³². Гибель этого объекта относится авторами ко времени

²¹ Янушевич 1986, 58, табл. 12; Пашкевич 2005, 167–169.

²² Николаенко, Янушевич 1981, 32; Янушевич 1986, 42, табл. 9; Пашкевич 2005, 20.

²³ Пашкевич 2015, 153.

²⁴ Пашкевич 2016, 255.

²⁵ Стржелецкий 1961, 84; рис. 59, б.

²⁶ Янушевич 1986, 54.

²⁷ Николаенко, Янушевич 1981, 32.

²⁸ Стржелецкий 1961, 84; Николаенко, Янушевич 1981, 33.

²⁹ Виноградов 2005, 94.

³⁰ Кутайсов 1999, 83.

³¹ Кутайсов 1999, 83, 85.

³² Пашкевич 2015, 153.

около 270 г. до н.э.³³, т.е. она хронологически очень близка финалу раннего этапа функционирования исследуемого нами памятника.

Оригинальный палеоэтноботанический спектр ранних слоев укрепления Масляная гора может быть объяснен недостаточно репрезентативной выборкой: очевидно, для надежного выявления палеоэтноботанического спектра первого этапа существования памятника требуется больше проб и более совершенная методология отбора образцов. В то же время особенности состава зерновых на исследуемом памятнике (отсутствие мягкой пшеницы и бобовых, преобладание ячменя) могут отражать региональные особенности хозяйства херсонеситов в условиях речных долин Юго-Западной Таврики.

2. ИССЛЕДОВАНИЯ УКРЕПЛЕНИЯ МИТРИДАТОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Наиболее ярко на укреплении Масляная гора представлены слои позднеэллинистического времени, иллюстрирующие финальный этап существования памятника в конце II – начале I в. до н.э. Разнообразие растений, выращивавшихся и использовавшихся населением форта митридатовского времени, можно реконструировать, используя следующую группу проб (№№4-13), которые происходят из слоя гибели укрепления в первой половине I в. до н.э.

4. Помещение III. Слой 3, возле развали синопской амфоры (рис. 5, 5): 35 семян винограда (*Vitis*) (рис. 5, 2). Семена варьируются по размерам и форме. Часть их близка к дикорастущему винограду (*Vitis sylvestris* C. C. Gmel.): по форме почти округлые или слегка грушевидные, с коротким клювиком (менее 1 мм), величина индекса семян $\approx 1,3$. Другая часть – к культурному винограду (*Vitis vinifera* L.) или гибридным формам: по форме грушевидные, с длинным клювиком (более 1 мм), величина индекса семян $\approx 1,5$.

Контекст. Керамический завал в помещении III (рис. 5, 5) синхронен массовым завалам в соседних помещениях. Здесь обнаружено несколько фрагментированных амфор, относящихся преимущественно к продукции причерноморских центров, а также лепные горшки. Скопление керамики концентрировалось в северной части помещения, к западу от пристроенного к внешней стене укрепления стационарного очага. В верхней части завала обнаружен терочник из плотной магматической породы (рис. 5, 6). Амфора, из которой, по-видимому, происходят образцы, сохранилась фрагментарно. Этот типичный для горизонта разрушения укрепления Масляная гора синопский сосуд (рис. 5, 1) относится к варианту Син Iв, по классификации С.Ю. Внукова³⁴ или III-D, по классификации С.Ю. Монахова³⁵. Сложно сказать, было ли заполнение амфоры вторичным, либо же единичные виноградные косточки относятся к осадку импортного синопского вина.

5. Помещение III, слой 3, в амфоре неустановленного центра. Просо (*Panicum miliaceum*): около 1000 зерновок (рис. 5, 4).

Контекст. Образец обнаружен под крупным фрагментом стенки амфоры. Красноглиняный сосуд имел валикообразный венец и широкую коническую ножку (рис. 5, 3). Точных аналогий собрать не удалось, судя по характеру керамического

³³ Кутайсов, Смекалова 2013, 20; Кутайсов, Смекалова 2013, 174.

³⁴ Внуков 2003, 132.

³⁵ Монахов 2003, 154.

теста (многочисленные включения слюды), амфора имела средиземноморское происхождение.

6. Помещение IV, слой 3, в развале колхидской амфоры обнаружено 19 обугленных зерновок и 21 обломок плохой сохранности. Одна зерновка относится ко ржи (*Secale esp.*), скорее всего сорно-полевой. Остальные 18 принадлежат различным видам пшеницы: 4 – двузернянке, 2 – спельте, 12 – голозерной пшенице (рис. 6, 1, 3). Последние по морфологическим признакам – плоские с брюшной стороны, округлой или слегка удлиненной формы, немного расширенные в основании, с глубокой бороздкой на брюшной стороне и слегка горбатые со спинной, следуя рекомендациям З.В. Янушевич³⁶, можно определить как тетраплоидную голозерную пшеницу твердую (*Triticum durum* Desf.). Однако ряд авторов считает, что при обугливании пшеница мягкая (*T. aestivum* L.) и пшеница твердая (*T. durum*) становятся сложноразличимы по морфологии и размеру зерновок³⁷, поэтому для обозначения таких находок корректнее использовать обозначение *Triticum aestivo/durum*. Несмотря на плохую сохранность, 9 обломков зерновок могут быть отнесены к голозерной пшенице.

Контекст. Помещение IV отделяется от соседнего помещения III развалом плохо сохранившейся поврежденной в позднейшее время кладки 11-А; не исключено, что в действительности помещения составляли единое пространство. На большей площади помещения IV зафиксирован слой разрушения. В центральной части обнаружена ручная мельница (см. ниже). Вокруг нее исследован керамический завал, состоящий из амфор производства Коса (пробы 8 и 9), Родоса (эпонимы Φαινίλας и Σωκράτης, деятельность которых относят к VI хронологической группе – 107–88/86 гг. до н.э.)³⁸, Гераклеи (?) и Синопы (проба 7), а также краснолакового блюда и фрагментированных рельефных полусферических чаш. Удалось отреставрировать тулоно-коричневоглиняной амфоры варианта Кх Iб1³⁹ (рис. 6, 2), из которой происходят макроостатки зерновок.

7. Помещение IV, квадрат IV-Б, слой 3. В синопской амфоре найдено 6 обломков зерновок пленчатого ячменя (*Hordeum vulgare*).

Контекст. Зерновки происходят из эталонной по своей сохранности синопской амфоры (рис. 6, 4) варианта Син Iв⁴⁰ или III-D⁴¹. Амфора имеет вертикальный валикообразный венец с подрезом, профилированное узким горизонтальным желобком горло, овое тулово и острую коническую ножку со следами закручивания и сушки. На тулово нанесено дипинто красной краской: А. Высота сосуда составляет 74 см, диаметр венца – 10-10,7 см. Все фрагменты амфоры обнаружены *in situ* в одном месте. За вычетом незначительных утрат, сосуд отреставрирован полностью. Содержавшая зерновки проба грунта извлечена непосредственно из тулона амфоры, что не оставляет сомнений в функции сосуда на момент гибели укрепления.

8–9. Помещение IV, квадрат IV-А, слой 3. Из развала двух косских амфор отобраны две пробы. Одна содержала 135 целых и фрагментированных

³⁶ Янушевич 1986.

³⁷ Пашкевич 2016, 265.

³⁸ Finkelsztein 2001, 196; Кац 2007, 421.

³⁹ Внуков 2003, рис. 66, 2а.

⁴⁰ Внуков 2003, 132.

⁴¹ Монахов 2003, 154.

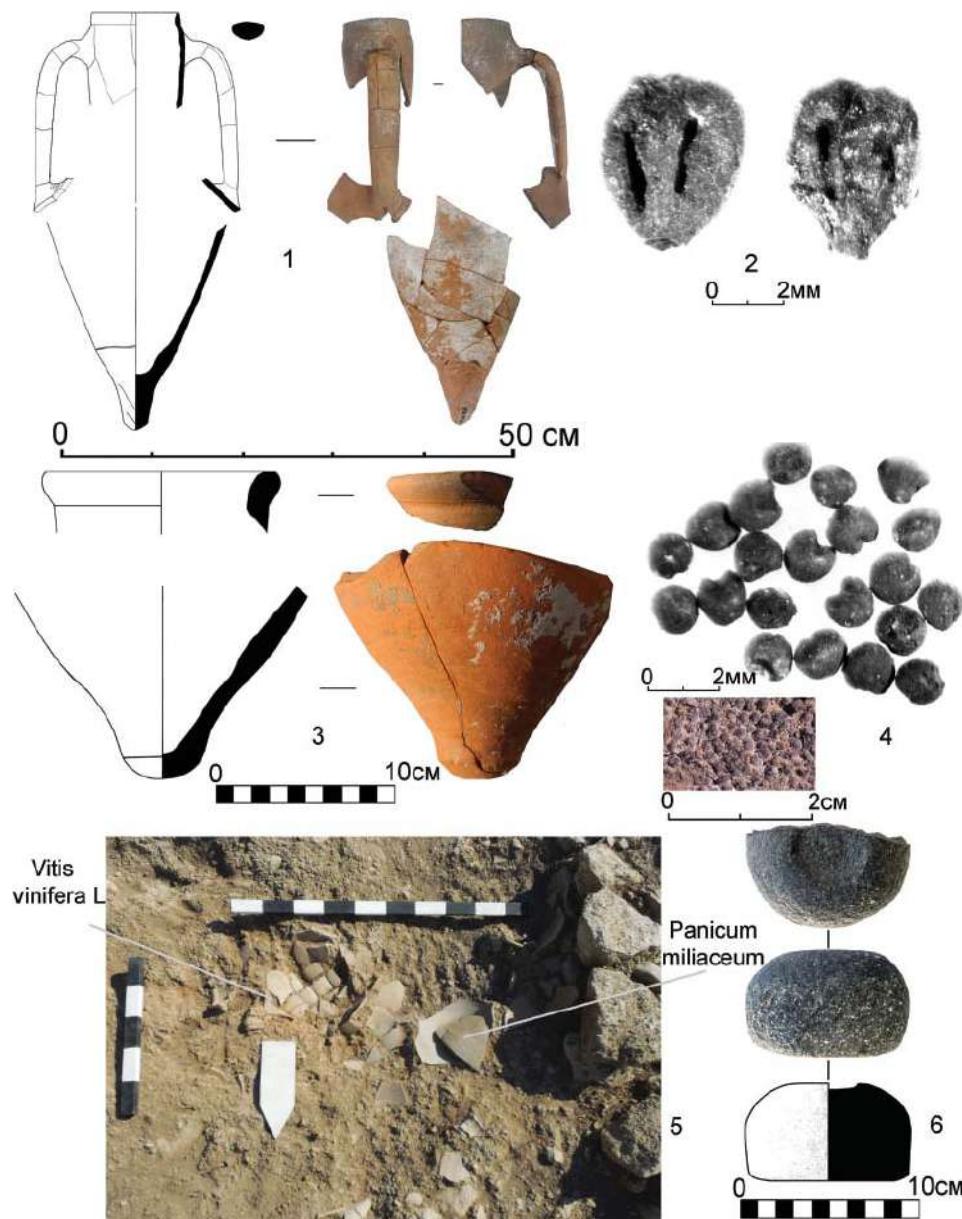

Рис. 5. Античное укрепление Масляная гора, керамический завал начала I в. до н.э. в помещении III: 1 – фрагментированная синопская амфора; 2 – семена винограда из синопской амфоры (проба 4); 3 – фрагменты красноглиняной амфоры; 4 – образцы проса из красноглиняной амфоры (проба 5); 5 – общий вид керамического завала; 6 – терочник из помещения III

Fig. 5. Maslyanaya Gora fortress, the pottery heap of the beginning of the 1st century BC in the Room 3: the fragmented Sinopean amphora (1); the grape seeds from the amphora, sample 4 (2); 3 – fragments of a red clay amphora (3); millet grains from the amphora, sample 5 (4); a general view of the heap (5); stone tool from the Room 3 (6)

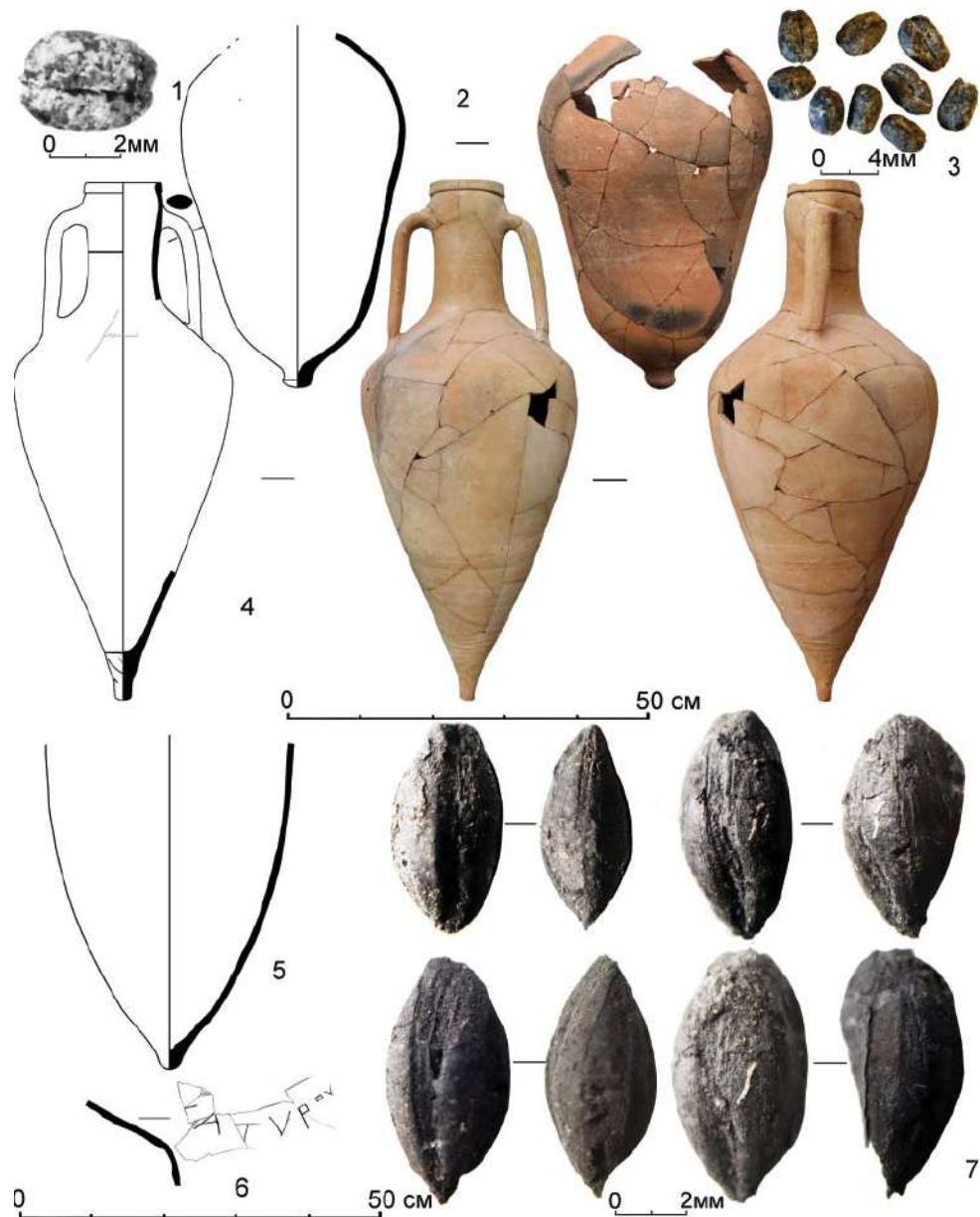

Рис. 6. Античное укрепление Масляная гора, керамический завал начала I в. до н.э. в помещении IV: 1, 3 – зерновки голозерной пшеницы (проба 6); 2 – тулово коричневоглиняной амфоры, содержавшей зерновки пшеницы (проба 6); 4 – синопская амфора, содержавшая зерновки ячменя пленчатого (проба 7); 5, 6 – косские амфоры, содержащие зерновки ячменя пленчатого (пробы 8 и 9); 7 – ячмень пленчатый из косской амфоры (проба 8)

Fig. 6. Maslyanaya Gora fortress, the pottery heap of the beginning of the 1st century BC in the Room 4: the grains of wheat, sample 6 (1, 3); the body of the amphora containing the sample (2); Sinopean amphora containing barley (4); Koan amphorae containing barley, samples 8, 9 (5, 6); the barley from the Koan amphora (8)

зерновок ячменя (рис. 6, 7) пленчатого (*Hordeum vulgare*); также обнаружено 66 фрагментов зерновок, не определимых до вида (Poaceae), и одна пленка зерновки, очевидно, тоже принадлежащих зерновкам ячменя. Вторая содержала 19 целых и фрагментированных зерновок ячменя пленчатого; также обнаружено 4 фрагмента зерновок, не определимых до вида, очевидно, тоже принадлежащих зерновкам ячменя пленчатого.

Контекст. Развал двух косских амфор исследован в 2013 г., стенки их соприкосались друг с другом. В процессе расчистки взяты два образца, предположительно отражающие содержимое каждого из сосудов⁴². Полностью собрать амфоры не удалось. В первом случае это нижняя часть косской амфоры (рис. 6, 5), во втором – стенки другого сосуда того же центра. На верхней части туловища нанесено граффито: Σατύρου (рис. 6, 6). Развал косских амфор, обнаруженный в 2013 г., находится на расстоянии менее 1 м к востоку от синопской амфоры с пробой 7. Таким образом, эти три тарных сосуда, хранившиеся в помещении IV на момент гибели укрепления, имели идентичное содержание и, очевидно, были сгруппированы по этому принципу.

10. Помещение V, слой 3, в амфоре косского производства (рис. 7, 4, 5). Весь образец составляют зерновки (59 шт.) и обломки зерновок, скорее всего, овса посевного (*Avena sativa* L.) (рис. 7, 1, 2). На зерновках отчетливо видны сохранившиеся волоски, что характерно в сочетании с другими признаками (форма зерновки, зародыша) для овса.

11. Помещение V, слой 3, в верхней части грунтового заполнения лепного горшка около косской амфоры (рис. 7, 3). Пленчатые зерновки овса разного размера: от немногочисленных очень мелких (4,8-5,3 мм) до преобладающих крупных (7-8,2 мм). По комплексу признаков (форма зерновки, наличие волосков на зерновке, тип основания у зерновок, заключенных в чешуи, отсутствие «подковки») можно сделать заключение, что это культурный посевной овес (*Avena sativa*).

Контекст образцов 10 и 11. Слой разрушения в помещении V содержит массовый керамический завал, в котором обнаружено более двух десятков амфор, в том числе восемь археологически целых косских сосудов. Как правило, это тара, которую следует отнести к варианту V-B, по типологии С.Ю. Монахова⁴³. У восточной стены помещения обнаружена амфора (рис. 7, 3), которая отличается от остальных сосудов этого центра профилировкой своей нижней части (ножка имеет кубаревидную форму и напоминает ножки более ранних сосудов варианта III-C⁴⁴), горло расширяется кверху. *In situ* сохранилась нижняя половина амфоры, установленная в небольшом углублении, вырытом в полу помещения. Рядом также *in situ* зафиксирован целый лепной горшок, частично перекрытый развалом амфоры. Обильные палеоботанические материалы обнаружены в придонной части амфоры, под некоторыми из ее стенок, а также в верхней части заполнения горшка. Очевидно, в последнем случае зерновки попали в горшок в процессе

⁴² В 2013 г. определение зерновок выполнил научный сотрудник отдела археологии ранних славян и региональных полевых исследований ИА НАН Украины С.А. Горбаненко (г. Киев), за что авторы раскопок приносят ему благодарность. Для текущей работы И.Г. Чухиной проведено определение резервных образцов из развода амфор.

⁴³ Монахов 2014, 214, рис. 12.

⁴⁴ Монахов 2014, рис. 10.

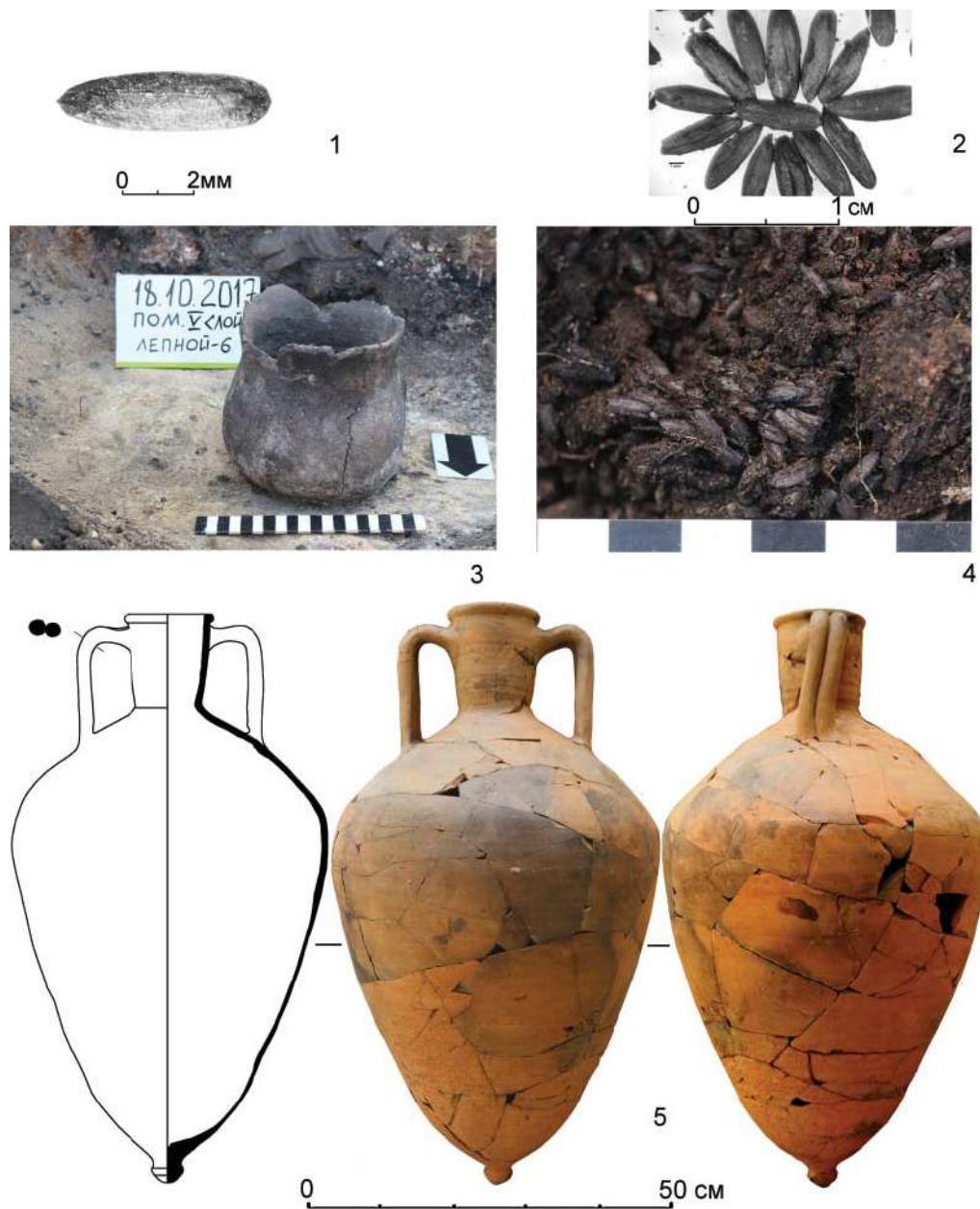

Рис. 7. Античное укрепление Масляная гора, керамический начало I в. до н.э. в помещении V: 1, 2 – зерновки овса посевного из косской амфоры (проба 10); 3 – лепной горшок in situ около амфоры (проба 11); 4 – зерновки овса в амфоре (проба 10); 5 – косская амфора
 Fig. 7. The Maslyanaya Gora fortress, the pottery heap of the beginning of the 1st century BC in the Room 5: the grains of oats from the Koan amphora, sample 10 (1, 2); the handmade pot in situ near the amphora (3), the grains of oats directly in the Koan amphora, sample 10 (4); the Koan amphora (5)

образования слоя после того, как внутреннее пространство сосуда оказалось заполнено грунтом. Так или иначе, в нижней части заполнения горшка зерновок не оказалось. Можно уверенно утверждать, что зерна содержались внутри косской амфоры, в то время как изначальное содержимое горшка остается неясным.

12. Помещение V, слой 3, в кувшине. Одна зерновка мягкой пшеницы (*Triticum aestivum*).

Контекст. Возле северо-восточного угла помещения V зафиксирована конструкция из двух вертикально стоящих на ребре известняковых плит. Судя по следам температурного воздействия, это мог быть очаг, переоборудованный в своеобразную полку. Между плитами был помещен поставленный горлом вниз сильно поврежденный лепной горшок, а внутри горшка *in situ* обнаружена рельефная «мегарская» чаша производства эфесской мастерской Менемаха с эротическими сценами, а также кувшин⁴⁵. Кувшин, возможно, использовался в хозяйстве уже в поврежденном виде – без ручки и венца (ручка не обнаружена, не стыкующийся фрагмент венца, вероятно, принадлежавший этому сосуду, найден в центральной части помещения).

13. Помещение VI, слой 3, в развале столовой амфоры. Три обломка скорлупы лещины обыкновенной (*Corylus avellana* (L.) H. Karst.), возможно, ее разновидности – лещины понтийской (рис. 8, 1). Этот вид широко распространяет в лесах Крымского полуострова, в настоящее время на небольшом расстоянии от изучаемого объекта существует искусственно посаженная роща лещины.

Контекст. Образец взят в плотном керамическом завале (рис. 8, 3), содержащем фрагменты не менее десяти тарных амфор различных центров (Кос, Книд, Родос, Сикион (?), Гераклея (?), Синопа), лепного горшка и столовой амфоры. Обломки лещины зафиксированы в процессе зачистки развала столовой амфоры (рис. 8, 2) и, с высокой долей вероятности, содержались именно в ней. Сосуд имеет валикообразный венец, яйцевидное туло, вогнутое дно и уплощенные ручки. Верхняя часть тула декорирована двумя неглубокими горизонтальными желобками.

Таким образом, на момент гибели позднеэллинистического укрепления Масляная гора значительная часть его площади была занята амфорной тарой, которая использовалась для хранения зерновых. Часть из них была установлена на полу помещений, однако некоторые, судя по высокой концентрации сосудов, стояли на специальных стеллажах или полках. Установлено, что не менее трех тарных сосудов, сгруппированных в одном месте, использовались для хранения пленчатого ячменя (*Hordeum vulgare*) (пробы 7–9). Как минимум одна амфора (проба 6) содержала макроостатки зерновок пшеницы (голозерной с примесью спелты и двузернянки), одна – проса (проба 5), и одна овса (проба 11). Следует отметить высокую чистоту большинства проб. Несомненно, количественное соотношение находок в данном случае носит отчасти субъективный характер, т.к. пробы брались преимущественно при наличии визуально видимых макроостатков.

Пленчатый ячмень (*Hordeum vulgare*), как и в случае с ранним горизонтом укрепления, встречен в этой группе образцов чаще остальных культур. Голозерная пшеница, прежде всего, *Triticum aestivum* (проба 6) была ведущей зерновой куль-

⁴⁵ Тюрин 2019, 244, рис. 6, 1, 6.

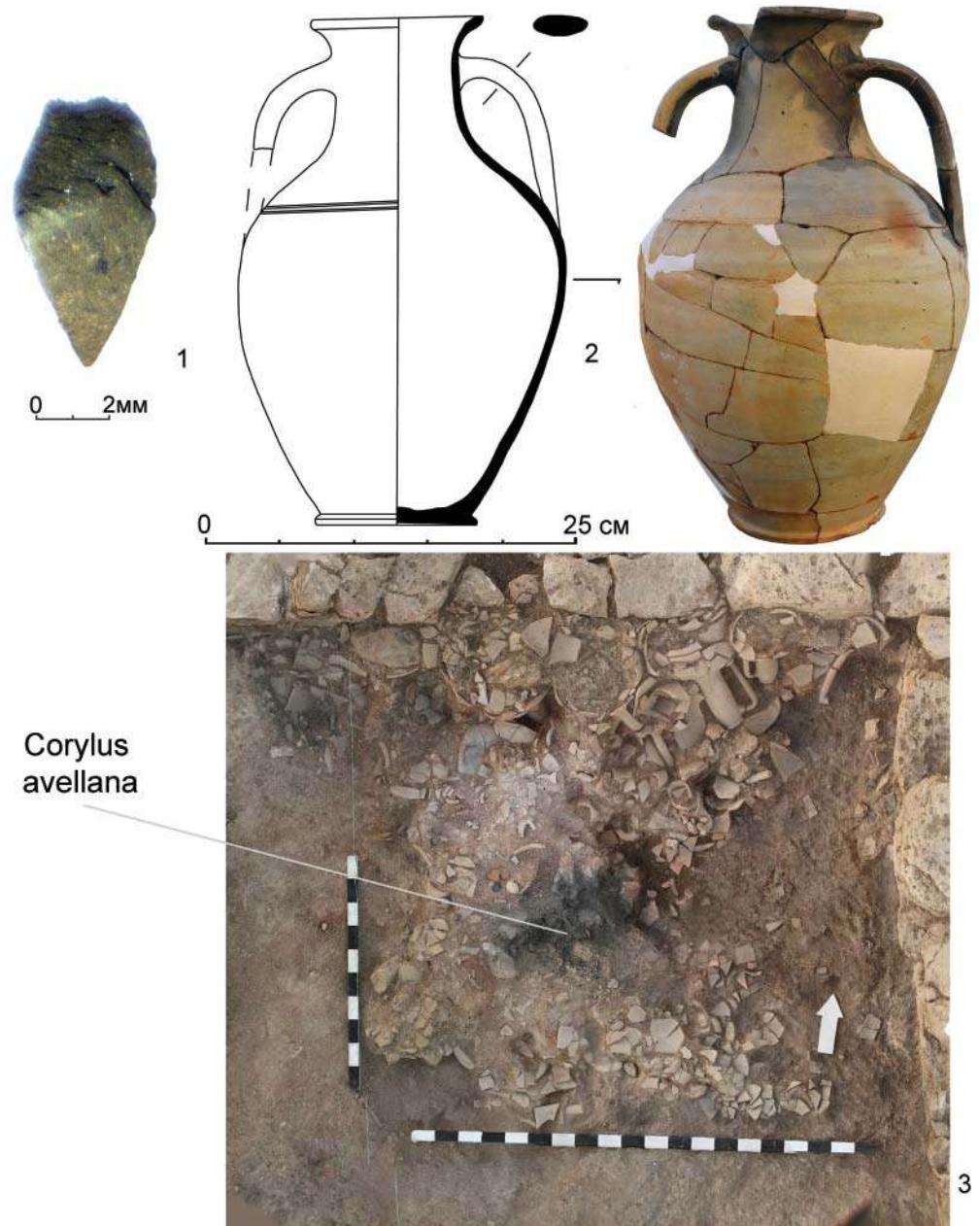

Рис. 8. Античное укрепление Масляная гора, керамический начала I в. до н.э. в помещении VI: 1 – скорлупа лещины (проба 13); 2 – столовая амфора; 3 – общий ортофотоплан керамического развала

Fig. 8. Maslyanaya Gora fortress, the pottery heap of the beginning of the 1st century BC in the Room 6: the hazelnut shell, sample 13 (1); table amphora (2); general orthophotoplan of the pottery heap (3)

турой греческого населения Крыма, что подтверждают данные палеоэтноботаники⁴⁶. Судя по результатам исследования зернохранилища на городище Тарпанчи, она сохраняла свое значение в Западной Таврике и в позднеэллинистическую эпоху⁴⁷. Среди описанных палеоэтноботанических находок следует отметить скопление зерновок проса (*Panicum miliaceum*) (проба 5). Для позднеэллинистических памятников Западного Крыма находки этой культуры нам не известны. Рожь, пока что единично встречающаяся на нашем памятнике в качестве примеси к пшенице (проба 6), также в качестве примеси известна в пробах из сгоревшего зернохранилища на городище Тарпанчи⁴⁸, а также из хозяйственной ямы в позднескифской Керкинитиде второй половины II в. до н.э.⁴⁹. На позднеэллинистическом этапе существования херсонесского поселения Маслины рожь, вероятно, возделывалась в качестве самостоятельной культуры⁵⁰.

Находки обломков скорлупы лещины (проба 12) указывают на то, что население укрепления использовало местные виды растений в качестве пищевых. Несколько более сложен вопрос о происхождении косточек винограда из синопской амфоры (проба 4): сосуд мог использоваться как повторно, для местного вина, так и содержать оригинальную южнопонтийскую продукцию.

Уникальной стала находка чистого скопления зерен овса (пробы 10, 11), относящаяся к первой половине I в. до н.э. Таких крупных археоботанических находок овса, характерных для данного временного периода, на территории нашей страны ранее известно не было. Считается, что овес – это вторичная культура, которая первоначально была видом-спутником (засорителем) других более древних культурных злаков, прежде всего, полбы. Здесь, очевидно, он встречен в качестве самостоятельной сельскохозяйственной культуры, что, возможно, позволит пересмотреть представления об истории происхождения этого культурного растения. На основе анализа трудов античных авторов (Теофраст, Катон, Варрон, Цицерон, Вергилий, Овидий и др.) исследователи⁵¹ делают заключение, что все эти источники упоминают об овсе только как о сорном растении, лишь иногда используемом в медицинских целях. Так, Плиний Старший воспринимал использование овса как результат «вырождения» традиционных посевных культур: «Первым бедствием для пшеницы является овес. И ячмень вырождается в овес настолько, что сам овес заступает место пшеницы; в самом деле, народы Германии сеют его и живут одной овсяной кашей. Опасность эта вызывается преимущественно влажностью почвы и климата» (Plin. HN, XVIII, 17, 44, 149). Таким образом, для античного автора середины I в. н.э. возделывание овса являлось чем-то необычным, традицией северных варваров, возникшей из-за суровости климата их земель.

В археологических комплексах Северного Причерноморья доримского времени овес ранее находили только как примесь к полбе, пшенице или ячменю⁵². Так, единичная зерновка известна по раскопкам Керкинитиды⁵³. Имеются данные об

⁴⁶ Янушевич 1986; Пашкевич 2005, 2016.

⁴⁷ Щеглов 1978, 104.

⁴⁸ Щеглов 1978, 104.

⁴⁹ Кутайсов 1999, 83.

⁵⁰ Латышева 1985, 76.

⁵¹ Мальцев 1930; Янушевич 1986; Пашкевич 2016.

⁵² Пашкевич 2016, 213.

⁵³ Янушевич 1986, 54.

одной обугленной зерновке из поселения Верхне-Садовое⁵⁴ первых вв. н.э.⁵⁵, расположенного также в нижнем течении р. Бельбек, в восьми километрах к востоку от укрепления Масляная гора.

В нашем случае скопления овса не смешиваются с находками ячменя и различных видов пленчатых пшениц. Очевидно, что овес представлял на тот момент самостоятельную ценность. Учитывая, что амфора с овсом найдена в помещении, уверенно интерпретируемом как кухня (см. ниже), можно утверждать, что он использовался для приготовления пищи, а не хранился в качестве фуража для скота или посевного фонда.

Оценить уникальность состава находок из слоя гибели укрепления Масляная гора весьма сложно, т.к. палеоэтноботанические материалы рубежа II–I вв. до н.э. из Западной Таврики ранее не публиковались. Единственными хронологически близкими образцами можно считать упомянутые выше образцы пробы из зернохранилища на городище Тарпанчи⁵⁶, а также из позднескифских слоев Керкинитиды⁵⁷, датируемые авторами раскопок в пределах середины – второй половины II в. до н.э. В этой связи чрезвычайную важность приобретают находки из слоев позднеэллинистического и раннеримского времени на городище Кара-Тобе, пока не введенные в научный оборот⁵⁸. В нескольких случаях для комплексов хозяйственных ям конца II–I вв. до н.э. здесь зафиксированы образцы зерновок овса (*Avena* sp.). Во всех случаях он относится к засорителям, а его доля среди последних не превышает 3%⁵⁹.

В ходе полевого сезона 2019 г. на городище Кара-Тобе был взят образец грунта массой 400 г из слоя горелого зерна в квадрате 95 (под полом помещения 92). Образование слоя датируется временем около второй четверти I в. до н.э. и связано с финалом pontийского военного присутствия на памятнике либо с началом его освоения поздними скифами после вывода pontийского гарнизона. Таким образом, взятая пробы хронологически близка образцам из слоя разрушения укрепления Масляная гора. Проведен разбор образца грунта, с помощью бинокуляра МБС-2 отобраны растительные макростатки. В результате было определено 177 зерновок овса, с наибольшей вероятностью *Avena sativa*; 111 зерновок пленчатого ячменя *Hordeum vulgare*; 2 зерновки пшеницы двузернянки *Triticum dicoccum*; 1 зерновка, сильно поврежденная, пшеницы мягкой или компактной *Triticum aestivum/compactum*; 1 целое семя и 1 семядоля от семени чечевицы *Lens culinaris*; еще 105 зерновок на данный момент не идентифицированы, часть из них можно отнести к роду *Avena* (овес), но однозначно сказать об их видовой принадлежности сложно. Некоторая часть зерновок, вероятно, относится к дикорастущим злакам. Большинство зерновок и семян сильно разрушены, около четверти всех растительных находок составляют обломки, не поддающиеся определению. Вероятно, в данном

⁵⁴ Янушевич 1986, 54.

⁵⁵ Савеля, Черных 1979, 398.

⁵⁶ Щеглов 1978, 103, 104.

⁵⁷ Кутайсов 1999, 83.

⁵⁸ Авторы приносят благодарность С.Ю. Внукову за возможность ознакомиться с материалами отчетной документации о раскопках на городище, выполненной Е.Ю. Лебедевой, лаборатория естественно-научных методов ИА РАН. Также благодарим С.Ю. Внукова и Е.Е. Антонова за предоставленные образцы палеоботанического материала из юго-восточной части городища (см. ниже).

⁵⁹ НАIA НАНУ. Ф. 7. Д. 2003/103. Л. 81-88.

слое мы наблюдаем смесь семян как культурных растений, так и дикорастущих видов, которые или засоряли посевы, или произрастали в окрестностях. Значительное количество зерновок овса в пробе позволяют предположить, что в финале эллинистической эпохи овес активно использовался в хозяйстве городища Кара-Тобе. Впрочем, единичный характер пробы и то, что в ходе более ранних исследований на памятнике значительное количество зерновок овса выявлено не было, не дает возможности уверенно установить характер его применения. В отличие от укрепления Масляная гора, где очевидно его потребление жителями форта, здесь это могла быть фуражная культура.

Палеоэтноботанические находки на хоре Херсонеса и ранее фиксировали культуры, не характерные для античного хозяйства. Материалы раскопок поселения Панское I⁶⁰ и Маслины⁶¹ позволяют утверждать, что в эллинистическое время здесь активно сеялась рожь, в чем видят проявление скифского влияния⁶². По всей видимости, использование овса на укреплении Масляная гора в позднеэллинистический период также нужно связать с варварским влиянием, но установить его источник пока не удается.

3. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО УКРЕПЛЕНИЯ МАСЛЯНАЯ ГОРА

Находки зерен ячменя, пшеницы, проса и овса в амфорах на укреплении Масляная гора показывают, что эти сосуды (а, скорее всего, и большинство амфор, обнаруженных на укреплении) использовались вторично для хранения зерна. Все из исследованных помещений имели ярко выраженное хозяйственное назначение. В них хранились амфоры с зерном (в помещении I обнаружены фрагменты не менее четырех амфор и пифос; в III и VI – не менее 11, в IV – не менее 9, в V – не менее 25 амфор). Как правило, срок вторичного использования амфор в античном мире составлял около 10–20 лет⁶³. В нашем случае хронологический диапазон родосских клейм из комплекса имеет рамки от 124–122 гг. до н.э. (эпоним *Τειμαγόρας*⁶⁴) до времени после 107 г. до н.э. (эпонимы *Φαινύλας* и *Σωκράτης*, VI хронологическая подгруппа, ок. 107–88/86 гг. до н.э.⁶⁵). Возможно, к более позднему времени относится амфора с клеймом фабриканта *Δόρος* 2 и плохо сохранившимся эпонимным штампом. Одним из вариантов восстановления имени в легенде этого клейма является *Ἀριστόνυμος* (?) (VIIa хронологическая подгруппа, 85–40 гг. до н.э.⁶⁶). Опираясь на данное определение⁶⁷, мы ранее датировали гибель укрепления временем после 85 г. до н.э. Однако детальная аутопсия штампа показывает, что он может содержать имя более раннего эпонима *Ἀντίπατρος* (VI группа). В любом случае, уничтожение форта должно быть отнесено ко времени не ранее

⁶⁰ Januševich, Šeglov 2002, 327.

⁶¹ Латышева 1985, 76.

⁶² Stolba 2014, 37.

⁶³ Внуков 2005, 168.

⁶⁴ Finkielstejn 2001, 195.

⁶⁵ Finkielstejn 2001, 196; Кац 2007, 421.

⁶⁶ Кац 2007, 421.

⁶⁷ Приносим благодарность за консультацию в определении этого и ряда других штампов Г. Канкардес-Шенол (Ege Üniversitesi, г. Измир, Турция); Тюрин и др. 2020, 206.

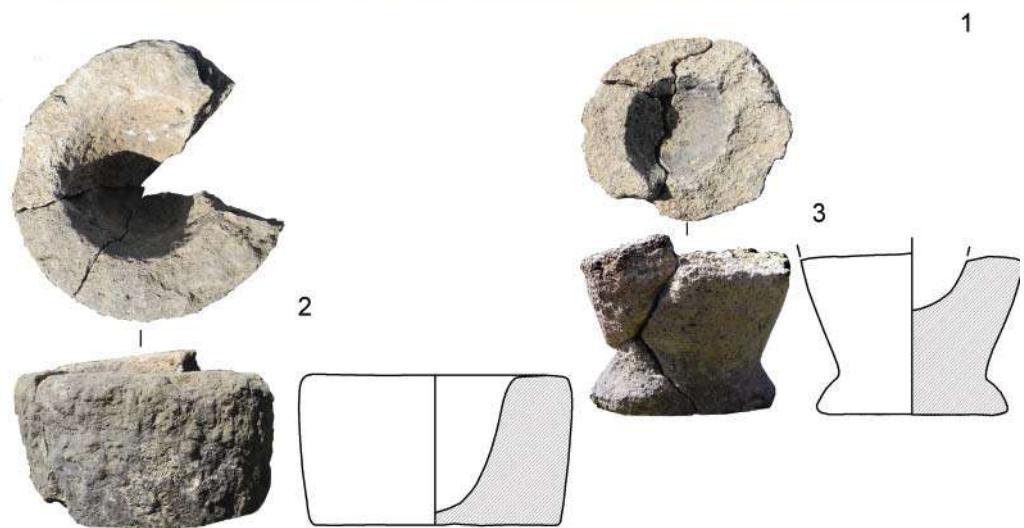

Рис. 9. Античное укрепление Масляная гора: 1 – Ю-В участок, раскопки 2014 г.; 2 – известняковая ступа из помещения I; 3 – известняковая ступа из помещения II.

Fig. 9. Maslyanaya Gora fortress: S-E district, 2014 excavations (1); limestone mortar from the Room 1 (2); limestone mortar from the Room 2 (3)

рубежа II и I вв. до н.э., скорее всего, к первым десятилетиям I в. до н.э. Срок использования некоторых амфор на укреплении, следовательно, составил не менее двадцати – тридцати лет.

Дважды, в помещениях I и II (рис 9, 1), обнаружены фрагментированные известняковые ступы цилиндрической формы (рис. 9, 2, 3), относящиеся к финальному периоду функционирования форта. Каменные ступы (греч. ὄλμος, lat. *pila*) были широко распространены в античном мире. Как правило, их использовали для обрушивания зерновых (преимущественно пленчатой пшеницы и ячменя) и изготовления крупы⁶⁸, применяя при этом деревянные песты (греч. ὑπέρος). Эта деятельность, относившаяся преимущественно к женским занятиям, нашла широкое отражение в вазописи архаического и классического времени, а также терракотах⁶⁹. Морфологически близкие ступы-голмосы известны на памятниках Эгейской Греции эллинистического периода⁷⁰. Среди памятников «Дальней» хоры Херсонеса наиболее яркая коллекция подобных орудий обнаружена на поселении Маслины⁷¹. Каменные ступы совместно с ручными мельницами зафиксированы на эталонном комплексе позднеримского времени – так называемой «киммерикской мукомольной мастерской»⁷².

В помещении I обнаружена фрагментированная ручная мельница (курант, в англоязычной традиции «*Olynthus mill*» или «*hopper-rubber*») из зеленого диорита (рис. 10, 1) и столик из этого же материала (рис. 10, 2). Такой же комплект (рис. 10, 3), только с хорошо сохранившейся известняковой (!) ручной мельницей квадратной формы (рис. 10, 4), зафиксирован в помещении IV. Эти предметы обнаружены непосредственно в слое разрушения укрепления, некоторые зафиксированы *in situ*, т.е. использовались на момент его гибели. Фрагменты подобного инвентаря также обнаружены в слое, образовавшемся в ходе проведения распашки территории памятника, проводившейся в 70-х гг. прошлого века. Единичные фрагменты мельниц из пород вулканического происхождения обнаружены в ходе разведок на прилегающей к укреплению территории⁷³. В целом инвентарь такого рода характерен для большей части античного мира, в том числе Средиземноморья, где зернотерки типа «*Olynthus mill*» появляются в классический период и постепенно выходят из употребления в позднеэллинистическое время, когда их сменяют мельницы типа «*Pompeian mill*», в работе которых использовался роторный принцип⁷⁴. В Северном Причерноморье ручные мельницы рассматриваемого типа появляются в IV в. до н.э.⁷⁵, использовались до позднеримского времени включительно⁷⁶; в материалах раскопок херсонесских памятников они хорошо известны на поселении Маслины⁷⁷. Ручные мельницы имели портативный характер и иногда храни-

⁶⁸ Блаватский 1953, 135; Пашкевич 2005, 62; Villing 2009, 324.

⁶⁹ Sparkes 1962, 122, Pl. VII, 2; Neils 2004, 56; Villing 2009, 324, 325, fig. 4.

⁷⁰ см., например: Pouplaki 2008, 109, fig. 2, 3.

⁷¹ Латышева 1985, 79. Наиболее близки к нашим образцам крупные ступы для работы стоя: Латышева 1985, рис. 2, 2, 3. Часть из этих орудий, очевидно, использовалась на последнем этапе функционирования объекта, окончание которого В.А. Латышева датировала серединой II в. до н.э.

⁷² Зеест 1950, 98.

⁷³ Тюрин 2018, рис. 4, 9.

⁷⁴ Takaoglu 2008, 676.

⁷⁵ Гаврилов 2004, 103.

⁷⁶ Зеест 1950, 99.

⁷⁷ Латышева 1985, 81, рис. 3, 5.

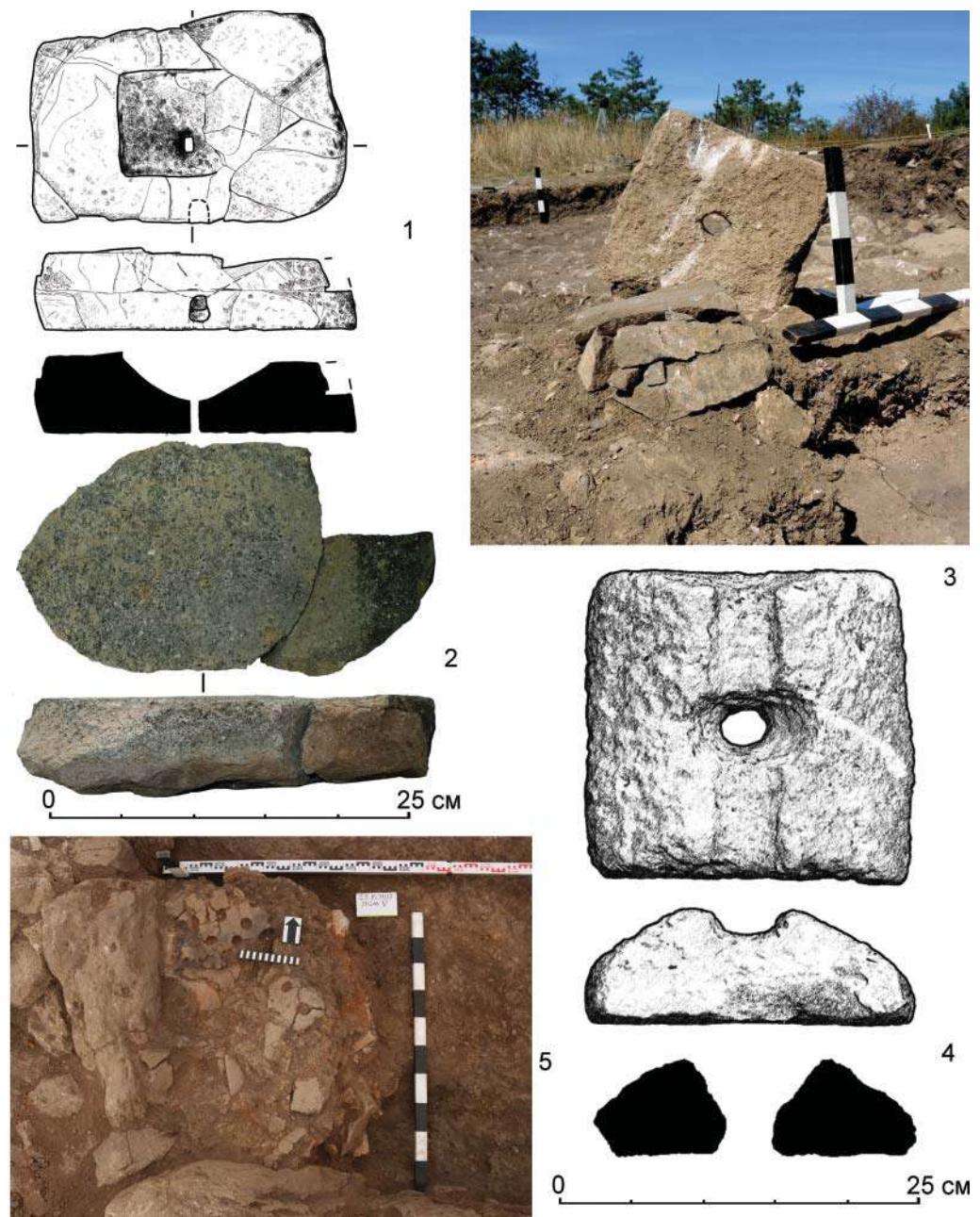

Рис. 10. Античное укрепление Масляная гора: 1, 2 – комплект ручной мельницы из помещения I; 3 – комплект ручной мельницы в помещении IV; 4 – ручная мельница из помещения IV; 5 – печь в помещении V

Fig. 10. Maslyanaya Gora fortress: a set of hopper-rubber millstone from the Room 1 (1, 2); a set of hopper-rubber millstone from the Room 4 (3); hopper-rubber millstone from the Room 4 (4); the oven in Room 5

лись вне помещений, где они использовались: например, в Олинфе они обнаружены в складских помещениях эллинистического дома⁷⁸.

В помещении III исследованы два временных глинобитных очага (в виде «столиков»), а также один стационарный очаг на каменном основании, пристроенный к внешней стене комплекса. Хорошо сохранившаяся глинобитная печь обнаружена в юго-западном углу помещения V (рис. 10, 5). Характерно, что именно в этом помещении зафиксировано также значительное количество лепной керамики, использовавшейся, несомненно, в качестве кухонной, а также фрагменты единственного пока что известного на памятнике гончарного кухонного сосуда позднеэллинистического периода. Очаги могли применять не только для приготовления пищи, но и для просушки и поджаривания зерна перед его дальнейшей обработкой⁷⁹.

Таким образом, в восточной части укрепления открыт хозяйственный комплекс по хранению и переработке зерна, относящийся к концу II – началу I в. до н.э. Фактически в одних и тех же или соседних помещениях имело место хранение зерновых (ячмень пленчатый, различные виды пшениц, просо, овес) в амфорной таре (помещения II–VI), обрушивание зерна (помещения I, II), помол муки (помещения I, IV), а также дальнейшая выпечка хлеба и приготовление прочих продуктов питания (помещения III, V). Сложно сказать, была ли эта продукция рассчитана исключительно на удовлетворение потребностей обитателей самого форта, имевшего весьма скромные размеры, либо также была предметом торговли.

Укрепление Масляная гора было расположено в контактной зоне между Херсонесским государством и варварским населением Крыма, поэтому полученные в ходе исследований выводы важны как для исследования быта жителей Горной Таврики, так и для изучения хозяйственной жизни античного Херсонеса. Среди палеоэтноботанического материала, обнаруженного в пробах из культурных на-пластований раннего горизонта памятника (конец IV – третья четверть III в. до н.э.), наиболее часто встречаются зерновки ячменя пленчатого; также зафиксированы просо и полба. Для этого периода функционирования памятника характерны крупные зерновые ямы, а также единичные находки фрагментов зернотерок и терочников. В конце II в. до н.э. укрепление перестраивается, в его восточной части исследован хозяйственный комплекс. Здесь осуществлялось складирование зерна в амфорах, а также его дальнейшая обработка (*in situ* зафиксированы ступы, ручные мельницы, очаги и печь). Во взятых образцах доминируют ячмень пленчатый, голозерная пшеница и просо; одна из амфор содержала запасы посевного овса. Если для проб 1–3, отражающих ранний период истории укрепления, условия попадания зерновок в слой носили относительно случайный характер, то пробы 4–13, иллюстрирующие хозяйство обитателей форта митридатовского времени, взяты преимущественно из заполнения хорошо сохранившихся тарных сосудов. Более надежно установить палеоэтноботанический спектр обоих горизонтов памятника – ранней херсонесской усадьбы и форта митридатовского времени – помогут дальнейшие комплексные исследования.

⁷⁸ Cahill 2002, 165.

⁷⁹ Латышева 1985, 78.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева, Т. М., Шолль, Т., Матера, М., Науменко, С. А., Ровиньска А. 2010: Исследования в Западном городском районе Танаиса в 2009 г. (раскоп XXV). *Światowit* VIII (XLIX), fasc. A., 87–106.
- Блаватский, В.Д. 1953: *Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья*. М.
- Виноградов, А.Ю. 2005: К изучению зерен культурных растений, найденных в Мирмекии. *ХСб XIV*, 94–98.
- Внуков, С.Ю. 2003: *Причерноморские амфоры I в. до н.э.–II в. н.э. (морфология)*. М.
- Внуков, С.Ю. 2007: Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе (конец II – первая половина I вв. до н. э.). В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Симферополь*, 67–80.
- Внуков, С.Ю. 2015: Продолжительность использования античных винных амфор. *КСИА* 238, 161–168.
- Внуков, С.Ю. 2016: Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму. *ДБ* 20, 90–121.
- Гаврилов, А.В., Пашкевич, Г.А., 2002: Палеоботанические материалы поселения Новопокровка 1 и некоторые вопросы организации земледелия в сельской округе Феодосии в IV–начале III вв. до. н.э. *Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища*. Т. 2. СПб., 134–138.
- Зеест, И.Б., 1950: Киммерийская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора. *КСИИМК* XXXIII, 96 часть 102.
- Кац, В.И. 2007: Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *БИ XVIII*, 3–478.
- Кутайсов, В.А., Смекалова, Т.Н. 2013: Археологические исследования херсонесского поселения Ортли на северном берегу Сасык-Сивашского озера. *МАКК*. Вып. XI. Ч. 2, 9–108.
- Кутайсов, В.А., Смекалова, Т.Н., 2014: Второй год археологических исследований херсонесской усадьбы Ортли. *МАКК XIV. История и археология Северо-Западного Крыма*, 165–218.
- Латышева, В.А. 1985: Развитие земледелия на территории херсонесской хоры (по данным поселений Маслины и Гроты). В сб.: *Археологические памятники юго-восточной Европы*. Курск, 68–86.
- Лебедева, Е.Ю. 2003: Результаты исследования археоботанических образцов с городища Кара-Тобе. В кн.: С.Ю. Внуков. *Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2003 г.* М. 2004. Науковий архів Інституту археології НАНУ. Ф. 7. Д. 2003/103. Л. 81–88.
- Мальцев, А.И. 1930: *Овсюги и овсы*. Л.
- Монахов, С.Ю. 2002: *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель*. М.–Саратов.
- Монахов, С.Ю. 2014: Косские и псевдокосские амфоры и клейма. *Stratum plus* 3, 195–222.
- Николаенко, Г.М., Янушевич, З.В. 1981: Культурные растения из сельской округи Херсонеса. *КСИА* 168, 26–34.
- Николаенко, Г.М., Бажанова, Т.И. 2013–2014: Херсонесская сельская усадьба древнего земельного участка № 193 (ст. № 132) на Гераклейском полуострове. *ХСб XVIII*, 117–158.
- Пашкевич, Г.А. 2003–2004: Палеоэтноботанические исследования Ольвии и ее округи. *Stratum plus* 3, 13–76.

- Пашкевич, Г.А. 2006: Современное состояние палеоэтноботанических исследований Херсонеса. *ХСб XV*, 165–180.
- Пашкевич, Г.А. 2015: Палеоэтноботанические исследования материалов из античной усадьбы Ортли в 2014 г. *ИИАК II*, 153–156.
- Пашкевич, Г.А. 2016: Археоботанические исследования Боспора. *БИ XXXII*, 205–299.
- Савеля, О.Я., Черных, А.А. 1978: Работы Севастопольской новостроечной экспедиции. *АО 1978 года*, 398–399.
- Стржелецкий, С.Ф. 1961: Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму. *ХСб VI*, 5–247.
- Тюрин, М.И. 2018: Ближайшая округа херсонесской усадьбы «Масляная гора» в нижнем течении р. Бельбек (по результатам разведок 2014–2015 гг.). В сб.: *Причерноморье № XXVI (VIII)*, 80–102.
- Тюрин, М.И. 2019: Поселение античного времени «4-й сектор СОР» в нижнем течении р. Бельбек (по материалам разведок 2014–2015 гг.). *ХСб XIX*, 319–336.
- Тюрин, М.И. 2019а: Рельефные чаши из закрытого комплекса на укреплении Масляная гора. *БИ XXXVIII*, 242–255.
- Тюрин, М.И., Федосеев, Н.Ф. 2018: Новое клеймо на эрифрской амфоре из раскопок укрепления Масляная гора. В сб.: *Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова*. Севастополь–Калининград, 248–253.
- Тюрин, М.И., Филиппенко, А.А., Макаев, И.И. 2020: Средиземноморский позднеэллинистический амфорный импорт в нижнем течении р. Бельбек (краткий обзор). В сб.: *Исторические, культурные, Межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со средиземноморским регионом и странами востока. IV международная научная конференция (Севастополь, 6–10 октября 2020 г.). Материалы конференции*. Т.1., М., 204–212.
- Щеглов, А.Н. 1978: *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Л.
- Янушевич, З.В. 1986: *Культурные растения Северного Причерноморья*. Палеоэтноботанические исследования. Кишинев.
- Cahill, N. 2002: *Household and City Organization at Olynthus*. Yale.
- Finkelsztein, G. 2001: *Chronologie détaillée et révise des eponyms amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ*. Oxford.
- Garnsey, P. 1988: *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis*. New York.
- Januševich, Z.V., Ščeglov, A.N. 2002: Palaeoethnobotanical material. In: L. Hannestad, V.F. Stolba, A.N. Ščeglov (eds.), Panskoye I. Vol. 1. *The Monumental Building U6*. Aarhus, 327–331.
- Handberg, S. 2011: Amphora fragments re-used as potter's tools in the rural landscape of Panskoye. In: M. Lawall, J. Lund (eds.), *Pottery in the Archaeological Record: Greece and Beyond. Acts of the International Colloquium Held at the Danish and Canadian Institutes in Athens, June 20-22, 2008*. Aarhus, 61–66.
- Neils, J. 2004: Kitchen or Cult-Women with Mortars and Pestles. In: S. Keay, S. Moser (eds.), *Greek Art in View. Essays in honor of Brian Sparkes*, 54–62.
- Poupaki, E. 2009: Stone agricultural implements from the island of Kos: The evidence from Kardamaina, the ancient demos of Halasarna. In: G. Deligiannakis, Y. Galanakis (eds.), *The Aegean and its Cultures. Proceedings of the first Oxford-Athens graduate student workshop organized by the Greek Society and the University of Oxford Taylor Institution, 22-23 April 2005*. Oxford, 109–119.
- Sparkes, B. 1962: The Greek Kitchen. *JHS* 85, 121–137.
- Stolba, V.F. 2014: Greek countryside in ancient Crimea: Chersonesean *chora* in the late Classical to early Hellenistic period. Aarhus.

- Takaoğlu, T. 2008: Archaeological evidence for Grain mills in the Greek and Roman Troad. In: E. Winter, R. Habelt (eds.), *Vom Euphrat bis zum Bosporus. Kleinasiens in der Antike Asia Minor Studien* 65. Bonn, 673–679.
- Villing, A. 2009: The Daily Grind of Ancient Greece: Mortars and Mortaria between Symbol and Reality. In: A. Tsingarida (ed.), *Shapes and Uses of Greek Vases (7th–4th centuries B.C.). Études d'archeology* 3, 319–333.

REFERENCES

- Arsen'eva, T.M., Sholl', T., Matera, M., Naumenko, S.A., Rovin'ska A. 2010: Issledovaniya v Zapadnom gorodskom rayone Tanaisa v 2009 g. (raskop XXV) [Investigations in the Western city district of Tanais (excavation site XXV)]. *Światowit* VIII (XLIX), fasc. A., 87–106.
- Blavatskiy, V.D. 1953: *Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya* [Agriculture in the ancient states of the Northern Black Sea Region]. Moscow.
- Cahill, N. 2002: *Household and City Organization at Olynthus*. Yale.
- Finkelsztejn, G. 2001: *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ*. Oxford.
- Garnsey, P. 1988: *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis*. New York.
- Gavrilov, A.B., Pashkevich G.A., 2002: Paleobotanical materials settlements Novopokrovka 1 and some questions of the organization of agriculture in the rural district of Feodosiya in the IV – beginning of III century BC]. In: *Bosporskiy fenomen: Pogrebal'nye pamyatniki i svyatishcha* [The Bosporan phenomenon: the Funerary monuments and shrines]. Vol. 2. Saint Petersburg, 134–138.
- Handberg, S. 2011: Amphora fragments re-used as potter's tools in the rural landscape of Panskoye. In: M. Lawall and J. Lund (eds.), *Pottery in the Archaeological Record: Greece and Beyond. Acts of the International Colloquium Held at the Danish and Canadian Institutes in Athens, June 20–22, 2008*. Aarhus, 61–66.
- Januševich Z.V., Šeglov A.N. 2002: Palaeoethnobotanical material. In: L. Hannestad, V.F. Stolba, A.N. Scuglo (eds.), *Panskoye I. Vol. 1. The Monumental Building U6*. Aarhus, 327–331.
- Kats, V. I. 2007: Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya) [Greek ceramic stamps of the Classical and Hellenistic epoch (experience of complex study)]. *Bosporskie Issledovaniya* [Bosporan studies] XVIII, 3–478.
- Kutaysov, V.A., Smekalova, T.N. 2013: Arkheologicheskie issledovaniya khersonesskogo poseleniya Ortli na severnom beregu Sasyk-Sivashskogo ozera [Archaeological studies of the Chersonese settlement of Ortli on the northern shore of the Sasyk-Sivash Lake]. In: V.A. Kutaisov, T.N. Smekalova (eds.), *Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma* [Materials for the archaeological map of Crimea] XI. Vol. 2, 9–108.
- Kutaysov, V.A., Smekalova, T.N., 2014: Vtoroy god arkheologicheskikh issledovaniy khersonesskoy usad'by Ortli [The second year of archaeological research of the Ortli estate in Chersonesos]. In: V.A. Kutaisov, T.N. Smekalova (eds.) *Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma* [Materials for the archaeological map of Crimea] XIV, 165–218.
- Latysheva, V.A. 1985: Razvitiye zemledeliya na territorii khersonesskoy khory (po dannym poseleniy Masliny i Grot) [Development of agriculture on the territory of the Chersonese Chora (according to the data of the settlements of Olives and Grottes)]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki yugo-vostochnoy Evropy* [Archaeological sites of South-Eastern Europe]. Kursk.
- Lebedeva, E.Yu. 2004: Rezul'taty issledovaniya arkheobotanicheskikh obraztsov s gorodishcha Kara-Tobe [Results of the archaeobotanical studies from Kara-Tobe]. In: S.Yu. Vnukov

- Otchet o rabotakh Kara-Tobinskogo otryada v 2003 g. [Report on the works of the Kara-Tobinsky detachment in 2003]*. Moscow. Naukoviy arkhiv Instituta arkheologii NANU [Scientific archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine]. F. 7. No. 2003/103. 81–88.
- Maltsev, A. I. 1930: *Ovsyugi i ovsy* [The wild oats and oats]. Leningrad.
- Monakhov, S.Yu. 2002: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedu-shchikh tsentrov-ekspoterov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog-opredelitel'* [Greek amphorae in the Black Sea region. Typology of amphorae of leading centers-exporters of goods in ceramic containers: catalogue identifier]. Moscow–Saratov.
- Monakhov, S.Yu. 2014: *Kosskie i psevdokosskie amfory i kleyma* [Koan and Pseudo-Koan Amphorae and Stamps]. *Stratum plus* 3, 195–222.
- Neils, J. 2004: Kitchen or Cult-Women with Mortars and Pestles. In: S. Keay, S. Moser (eds.), *Greek Art in View. Essays in honor of Brian Sparkes*, 54–62.
- Nikolaenko, G.M., Yanushevich, 3.V. 1981: *Kul'turnye rasteniya iz sel'skoy okrugi Khersonesa* [Cultural plants from the rural district of Chersonesos]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 168, 26–34.
- Nikolaenko, G.M., Bazhanova, T.I. 2013–2014: *Khersonesskaya sel'skaya usad'ba drevnego zemel'nogo uchastka № 193 (st. № 132) na Gerakleyском полустрове* [Chersonesian rural farmstead of the ancient land plot No. 193 (former No. 132) on the Heraclean Peninsula]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesian almanac] XVIII, 117–158.
- Pashkevich, G.A. 2003–2004: *Paleoetnobotanicheskie issledovaniya Ol'vii i ee okrugi* [Paleoethnobotanical studies of Olbia and its vicinity]. *Stratum plus* 3, 13–76.
- Pashkevich, G.A. 2006: *Sovremennoe sostoyanie paleoetnobotanicheskikh issledovaniy Khersonesa* [The current state of paleoethnobotanical studies of Chersonesos]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesian almanac] XV, 165–180.
- Pashkevich, G.A. 2015: *Paleoetnobotanicheskie issledovaniya materialov iz antichnoy usad'by Ortli v 2014 godu* [Paleoethnobotanical studies of materials from the ancient Ortli estate in 2014]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archeology of the Crimea] II, 153–156.
- Pashkevich, G.A. 2016: *Arkheobotanicheskie issledovaniya Bospora* [Archeobotanical studies of the Bosphorus]. *Bosporskie Issledovaniya* [Bosporan studies] XXXII, 205–299.
- Poupaki, E. 2009: Stone agricultural implements from the island of Kos: The evidence from Kardamaina, the ancient demos of Halasarna. In: G. Deligiannakis, Y. Galanakis (eds.), *The Aegean and its Cultures. Proceedings of the first Oxford-Athens graduate student workshop organized by the Greek Society and the University of Oxford Taylor Institution, 22-23 April 2005*, 109–119.
- Savelya, O.Ya., Chernykh, A.A. 1978: *Raboty Sevastopol'skoy novostroechnoy ekspedi-tsii* [The Works of the Sevastopol Rescue Expedition]. *Arheologicheskie Otkrytiya 1978 goda* [Archaeological Discoveries of 1978], 398–399.
- Strzheletskiy, S.F. 1961: *Klery Khersonesa Tavricheskogo. K istorii drevnego zemledeliya v Krymu* [The Clerks of the Tauric Chersonesos. On the history of ancient land-farming in Crimea]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesian almanac] VI, 5–247.
- Takaoglu, T. 2008: Archaeological evidence for Grain mills in the Greek and Roman Troad. In: E. Winter, R. Habelt (eds.), *Vom Euphrat bis zum Bosphorus. Kleinasiens in der Antike Asia Minor Studien* 65. Bonn, 673–679.
- Tyurin, M.I. 2018: *Blizhayshaya okruga khersonesskoy usad'by «Maslyanaya gora» v nizhnem techenii r. Bel'bek (po rezul'tatam razvedok 2014–2015 gg.)* [The nearest vicinity of the Chersonesian farmstead ‘Maslyanaya Gora’ in the lower reaches of the Belbek River (according to the results of 2014–2015 exploration)]. *Prichernomor'e* [The Black Sea region] XXVI (VIII), 80–102.
- Tyurin, M.I. 2019: *Poselenie antichnogo vremeni «4-y sektor SOR» v nizhnem teche-nii r. Bel'bek (po materialam razvedok 2014–2015 gg.)* [The ancient settlement of ‘The fourth

- sector SOR' in the lower reaches of Belbek river (according to the 2014–2015 archaeological reconnaissance)]. *Khersonesskiy sbornik [Chersonesian almanac]* XIX, 319–336.
- Tyurin, M.I. 2019a: Rel'efnye chashi iz zakrytogo kompleksa na ukreplenii Maslyanaya gora [Mouldmade bowls from the assemblage from Maslyanaya Gora fort]. *Bosporskie Issledovaniya [Bosporan studies]* XXXVIII, 242–255.
- Tyurin, M.I., Fedoseev, N.F. 2018: Novoe kleymo na erifrskoy amfore iz raskopok ukrepleniya Maslyanaya gora [The new stamp on the Eriphian amphora from the excavations of the Maslyanaya Gora fort]. In: V.V. Mayko (red.), *Arkeologiya antichnogo i srednevekovogo goroda. Sbornik stately v chest' Stanislava Grigor'evicha Ryzhova [Archeology of the ancient and medieval city. Essays presented in honor of Stanislav Ryzhov]*. Sevastopol–Kalinograd, 248–253.
- Tyurin, M.I., Filippenko, A.A., Makaev, I.I. 2020: Sredizemnomorskiy pozdneel-linisticheskiy amfornyy import v nizhnem techenii r. Bel'bek (kratkiy obzor) [Mediterranean Late Hellenistic amphorae import in the lower reaches of the Belbek River (a brief review)]. In: A.D. Vasil'ev (red.), *Istoricheskie, kul'turnye, Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (Sevastopol', 6–10 oktyabrya 2020 g.). Materialy konferentsii [Historical, cultural, Interethnic, religious and political relations of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East. IV International Scientific Conference (Sevastopol, October 6–10, 2020). Proceedings of the conference]*. Vol. 1, Moscow, 204 A.D. 212.
- Shcheglov, A.N. 1978: *Severo-Zapadnyy Krym v antichnyu epokhu [The North-Western Crimea in the Ancient Epoch]*. Leningrad.
- Sparkes, B. 1962: The Greek Kitchen. *JHS* 85, 121–137.
- Stolba, V.F. 2014: *Greek countryside in ancient Crimea: Chersonesean chora in the late Classical to early Hellenistic period*. Aarhus.
- Yanushevich, Z.V. 1986: *Kul'turnye rasteniya Severnogo Prichernomor'ya Paleoetnobotanicheskie issledovaniya [Cultural plants of the Northern Black Sea region Paleoethnobotanical studies]*. Chisinau.
- Villing, A. 2009: The Daily Grind of Ancient Greece: Mortars and Mortaria between Symbol and Reality. In: A. Tsingarida (ed.), *Shapes and Uses of Greek Vases (7th–4th centuries B.C.). Études d'archéologie* 3, 319–333.
- Vinogradov, A.Yu. 2005: K izucheniyu zeren kul'turnykh rasteniy, naydennykh v Mirmekii [To the study of grains of cultivated plants found in Myrmekia]. *Khersonesskiy sbornik [Chersonesian almanac]* XIV, 94–98.
- Vnukov, S.Yu. 2003: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiya) [Black Sea amphorae of the 1st century BC–2nd century AD (morphology)]*. Moscow.
- Vnukov, S.Yu. 2007: Tsentral'nyy stroitel'nyy kompleks gorodishcha Kara-Tobe (konets II – pervaya polovina I vv. do n. e.) [The Central building complex of the Kara-Tobe settlement (the end of the II – first half of the I centuries BC)]. In.: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika [Ancient Tavrica]*, Simferopol, 67–80.
- Vnukov, S.Yu. 2015: Prodolzhitel'nost' ispol'zovaniya antichnykh vinnykh amfor [Duration of the period Classical wine amphorae were used]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 238, 161–168.
- Vnukov, S.Yu. 2016: Pozdneellinisticheskie amfory gorodishcha Kara-Tobe v Krymu [Late Hellenistic amphorae from hill-fort of Kara-Tobe in Crimea]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of Bosporus]* 20, 90–121.
- Zeest, I.B., 1950: Kimmerikskaya mukomol'naya masterskaya i zernovoe khozyaystvo Bospora [The flour workshop on Kimmerikon and grain production of the Bosphorus]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief communications of the Institute of the History of Material Culture]* XXXIII, 96–102.

ARCHEOBOTANICAL STUDIES AT THE ANCIENT FORTRESS OF MASLYANAYA GORA IN THE VICINITY OF TAURIC CHERSONESE

Maksim I. Tyurin^{1, 2}, Irena G. Chukhina³, Andrey A. Filippenko⁴

¹*State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”, Sevastopol, Russia*

²*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

tyurin.m.i@mail.ru

³*Vavilov all-Russian Institute of Plant Genetic Resources, Saint-Petersburg, Russia*

irena_wir@mail.ru

⁴*Independent Researcher, Sevastopol, Russia*

andreyphil@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the archaeobotanical studies of the Maslyanaya Gora fortress as well as to issues related to its household features. The fortress is located in the lower reaches of the Belbek River (Southwestern Crimea), in the contact zone between Chersonese and the local barbarian population. Two stages of the object's existence have been distinguished: the early, Chersonesian (late 4th – the third quarter of the 3rd century BC), and the late Hellenistic one, associated with the period of Mithridates VI (ending with the destruction of the fort on the verge of the 2nd and the 1st centuries or in the very beginning of the 1st century BC). Among the material detected in the samples from the deposits of the early horizon of the site, the grains of barley (*Hordeum vulgare*) are the most common. Millet (*Panicum miliaceum*) and emmer (*Triticum dicoccum*) were also recorded. For this period, large grain pits are also characteristic, as well as fragments of saddle querns. In the late 2nd century BC, the fortress was rebuilt; profound household complex of this period has been investigated in its eastern part. The grain (barley, common wheat, millet, oats) was stored in amphorae here, and its further processing took place here too (mortars, hopper rubbers, fireplaces and oven have been recorded). The finds of oat grains (*Avena sativa*) in the amphora is of great importance as it allows us to suggest the cultivation of oats in the vicinity of the fort in the Late Hellenistic period. For samples 1–3, reflecting the early fort's phases, the archaeologisation of the grains was relatively random, whereas the samples 4–13, illustrating the economy of the inhabitants of the Fort of Mithridatic period, are taken from the fills of the well-preserved amphorae.

Keywords: archaeobotany, chora of Chersonesos, Maslyanaya gora fortress, Hellenism, amphorae.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2021), 92–120
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2021), 92–120
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-92-120

ОБ ОДНОМ ТИПЕ НАБОРОВ БУС ИЗ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА

А.А. Стоянова

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия
ancient2008@mail.ru, stoyanova.anastasiya@gmail.com

Аннотация. В некоторых погребениях Крыма первых веков нашей эры зафиксированы большие, устойчивые по составу наборы стеклянных бус, расположенные на костях голеней погребенных. Их основу составляют цилиндрические пронизи красного и белого цвета, призматические красные, белые и зеленые пронизи, бусы 14-гранной формы зеленого, синего и лилового цветов, округлые бусы с внутренней металлической прокладкой. Число бус в наборе в среднем составляет несколько сотен экземпляров. Наиболее устойчивая их взаимосвязь проявляется с одночленными лучковыми подвязными фибулами 5-го варианта и с фибулами «инкерманской» серии по классификации А.К. Амброза. На основании датировок фибул можно сделать заключение о появлении таких наборов в предгорном Крыму во второй половине II в. н.э., возможно ближе к концу столетия, и их использовании всю первую половину III в. н.э. Подтверждается этот вывод сочетанием наборов с зеркалами типа Хазанов-IX, крупными подвесками-лунницами и монетами. Эти бусы являлись частью костюма женщин старше 20 лет, ими, по всей вероятности, обшивался подол платья, штаны или голенища сапог. Традиция расшивать обувь или подол платья бусами была широко распространена в сарматском мире и пограничных с ним регионах, однако за пределами Крыма наборы, аналогичные рассматриваемым, почти не встречаются. Исключение – сарматские погребения Альфельда и Баната, где очень близкие по составу и аналогичные по назначению комплекты использовались со II по IV века. Скорее всего, рассматриваемые наборы бус – явление, сформировавшееся у населения крымских предгорий во второй половине II века, причем распространенное не везде, а в отдельных коллективах, хоронивших на определенных некрополях. Особенно интересен факт присутствия таких наборов в склепах с короткими дромосами, которые появляются в крымских предгорьях в первой половине III в. н.э. и связываются исследователями с мигрантами с Северного Кавказа. Он отражает сложные процессы взаимодействия пришельцев и аборигенных жителей, возможно, маркируют формирование смешанных брачных союзов.

Ключевые слова: предгорный Крым, римское время, набор бус, женский костюм, хронология, этнические процессы.

Данные об авторе: Стоянова Анастасия Анзоровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-59-23001 «Население горного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты».

Среди аксессуаров женского костюма первых веков нашей эры бусы по своему количеству и разнообразию занимают доминирующее положение. Сочетания типов бус в индивидуальных наборах и способы использования наборов в костюме выступают хронологическими реперами и отражают изменения в культурно-этнической структуре населения предгорного Крыма в римский период. В данной статье рассмотрен феномен, зафиксированный в некоторых могильниках полуострова: сотни стеклянных бус определенных типов расположены рядами поперек костей голеней погребенных. Основу этих наборов составляют цилиндрические бусы из глухого красного и белого стекла (типы 57 и 55 соответственно¹), призматические пронизи из красного, белого и зеленого стекла (типы 117, 116 и 120), 14-гранные пронизи из зеленого (тип 131), реже, синего (тип 134) или лилового (тип 128) стекла. Часто они дополнены округлыми бусами из стекла с внутренней металлической прокладкой из металла белого или желтого цвета (типы 1б и 2б). В состав набора иногда входят единичные экземпляры стеклянных бус других типов, но они мало влияют на его облик. Такие наборы сопровождали погребенных в могильниках Курское, Нейзац, Опушки, Левадки, Фонтаны, Усть-Альма, в погребении у с. Мичурино. В некоторых случаях они не зафиксированы *in situ* из-за ограблений². Однако многие могилы представляют собой закрытые комплексы с разнообразным сопровождающим инвентарем, позволяющим установить хронологические рамки бытования таких комплектов, особенности составления и использования наборов в костюме.

В Нейзацком могильнике рассматриваемые наборы обнаружены в 23 погребениях (3,8% от общего количества раскопанных комплексов).

Могила № 17, склеп³. Бусы в ногах расчищены у двух погребенных – I и II, но у погребения I, из-за смещения костей и инвентаря в результате обрушения свода камеры, состав набора восстанавливается плохо. В погребении II комплект сохранившихся бус состоял из 70 экземпляров: 27 цилиндрических красных (57⁴), 10 цилиндрических белых (55), 6 цилиндрических зеленых (63), 14 с металлической прокладкой (1б, 2б). Захоронение сопровождалось железной шарнирной фибулой⁵.

Могила № 29, подбойная. Погребение женское⁶, возраст не определен. На костях голеней зафиксировано большое скопление бус (рис. 1, 1), сохранилось после расчистки 488 экземпляров (рис. 1, 3–6, 9–12, 14), среди которых: 119 цилиндрических белых (55), 112 цилиндрических красных (57), 19 призматических и 46 четырнадцатигранных зеленых (120 и 131), 15 четырнадцатигранных синих (127), 174 с позолотой (1, 2). Набор дополнен единичными бусами других типов⁷. Бусы располагались на костях ног и под ними, практически полностью обивая голени, длина рядов составляла около 30 см. В могиле найдены херсонесский тетрассарий 161–180 гг. (рис. 1, 7), одночленная лучковая подвязная фибула

¹ Типы бус даны по классификации Е. М. Алексеевой (Алексеева 1978).

² Мульд 2001, 56; Стоянова 2005, 156–159.

³ Храпунов, Мульд 2004, 300–308.

⁴ Здесь и далее в скобках указан тип бус.

⁵ Храпунов, Мульд 2004, 301, 303, рис. 6,2.

⁶ Все антропологические определения материалов из Нейзацкого могильника сделаны В.Ю. Радочиной.

⁷ Храпунов, Мульд 2000, 511, рис. 13.

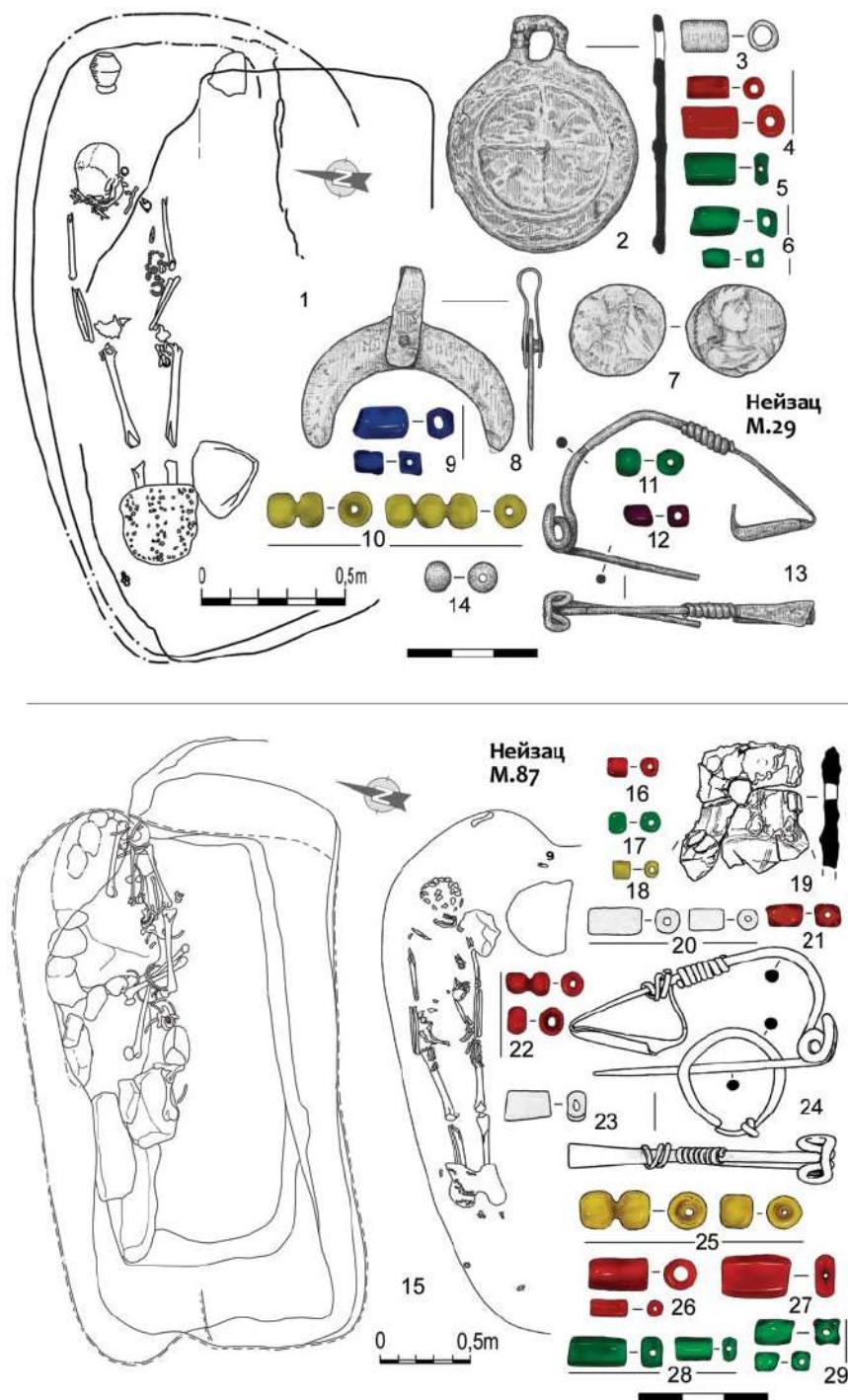

Рис. 1. Могильник Нейзац: 1–14 – погр. № 29; 15–29 – погр. № 87
 Fig. 1. Neyzats Necropolis: 1–14 – grave 29; 15–29 – grave 87

варианта 5⁸ (рис. 1, 13), зеркало типа IX⁹ (рис. 1, 2) и крупная подвеска-лунница¹⁰ (рис. 1, 8).

Могила № 87, подбойная¹¹. Погребение женщины 30 лет. Бусы располагались рядами поперек голеней, от середины берцовых костей до щиколоток (рис. 1, 15). В набор входило более 400 экземпляров, среди сохранившихся присутствуют бусы следующих типов (рис. 1, 16–18, 20–23, 25–29): 51 цилиндрическая белая (55), 126 цилиндрических красных (57), 42 призматических красных (117), 57 призматических зеленых (120), 32 зеленых, 10 красных и 18 лиловых в форме 14-гранников (131, 127, 128), 27 шаровидных красных (3), 27 шаровидных с внутренней металлической прокладкой (16). В состав погребального инвентаря входила лучковая подвязная фибула 5-го варианта по А.К. Амбrozу (рис. 1, 24) и обломок зеркала с боковой петлей типа Хазанов-IX (рис. 1, 19).

Могила № 104, склеп¹². Разграбленный, кости погребенных практически не сохранились, но на полу *in situ* расчищены два скопления бус, по составу аналогичных рассматриваемым наборам. Скопление 1¹³: 87 цилиндрических красных (57), 72 цилиндрических белых (55), 39 призматических красных (117), 18 призматических зеленых (120), 5 красных, 13 зеленых и 32 лиловых в форме 14-гранников (127, 131 и 128 соответственно), 117 округлых с позолотой (16, 26).

Состав скопления 2¹⁴: 11 цилиндрических белых (55), 37 цилиндрических красных (57), 15 призматических красных (117), 8 призматических зеленых (120), 3 четырнадцатигранных зеленых (131). Набор дополнен небольшим количеством шаровидных бус из белого (тип 2) и бесцветного (тип 17) стекла.¹⁵ Нет уверенности в том, что и скопление 2, и другой инвентарь, обнаруженный недалеко от него на полу камеры, принадлежат одному погребению. Тем не менее отметим, что среди найденных предметов присутствуют бронзовая лучковая подвязная фибула 4-го варианта по А.К. Амбrozу, а также украшенные фасетками пряжка и наконечник ремня¹⁶.

Могила № 170, подбойная (рис. 2, 1). Антропологическое определение отсутствует. В скопление бус (сохранилось около 240 экз.) в районе щиколоток входили следующие бусы (рис. 2, 3–9, 11, 12): 49 цилиндрических красных (57), 41 призматическая красная (117), 37 в форме 14-гранника зеленых (131), 54 шаровидных белых (2), 49 округлых с внутренней прокладкой (16, 26). Набор дополняли несколько бусин из стекла других типов. Длина нитей – около 25 см, ширина обшивки – около 15 см. Погребение сопровождала лучковая подвязная фибула 4-го

⁸ Амбroz 1966, 51. В публикации 2000 года авторы ошибочно отнесли фибулу к 3-му варианту (Храпунов, Мульд 2000, 511), в более поздней публикации фибул из Нейзацкого могильника застежка отнесена к 5-му варианту (Khrapunov, Stoyanova 2018, 457, № 17).

⁹ Хазанов, 1963, 65.

¹⁰ Храпунов, Мульд 2000, 511–513.

¹¹ Часть материалов из могильников Нейзац и Опушки, приведенных в данной статье, не опубликована и предоставлена для работы автором раскопок этих памятников И.Н. Храпуновым, за что выражают ему глубокую благодарность.

¹² Храпунов, Мульд 2004, 308–310.

¹³ Храпунов, Мульд 2004, рис. 8,17.

¹⁴ Храпунов, Мульд 2004, рис. 8,1.

¹⁵ Данные о наборах бус уточнены по отчетной документации, в публикации (Храпунов, Мульд 2004, табл.2) представлена обобщенная информация о всех найденных в комплексе бусах.

¹⁶ Храпунов, Мульд 2004, рис. 9,6,19,20.

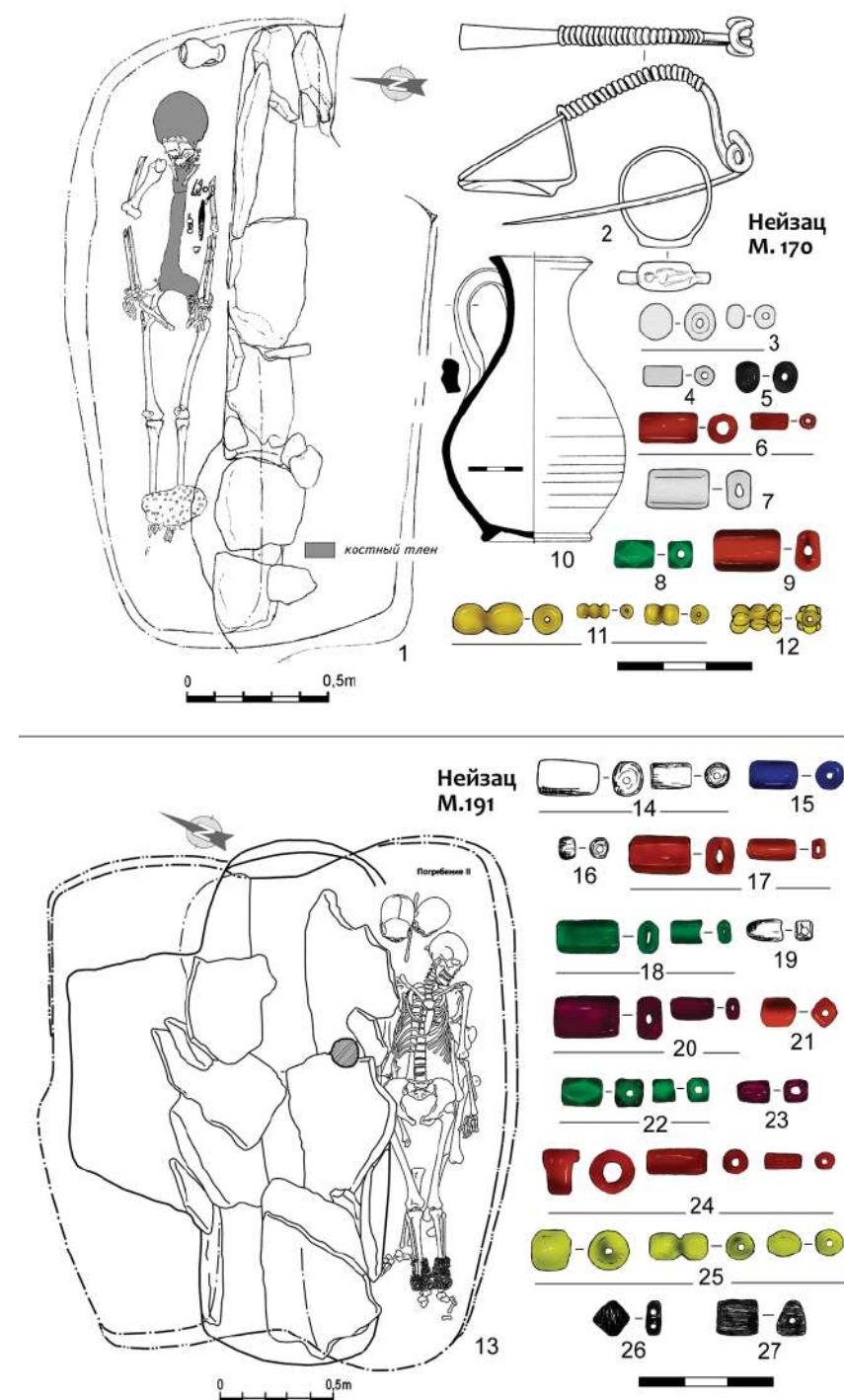

Рис. 2. Могильник Нейзац: 1–12 – погр. № 170; 13–27 – погр. № 191
 Fig. 2. Neyzats Necropolis: 1–12 – grave 170; 13–27 – grave 191

варианта по А.К. Амброзу (рис. 2, 2) и краснолаковый кувшин (рис. 2, 10) формы 39 по Д.В. Журавлеву¹⁷.

Могила № 191, подбойная. В одном из подбоев совершены погребения в два яруса. Погребение II (нижнее) женское, возраст 25–30 лет. В районе щиколоток расчищены два компактных скопления бус (сохранилось 445 экз.), имеющих четкие границы и не соединяющихся друг с другом. Бусы лежали горизонтальными рядами над берцовыми костями и под ними, длина рядов в каждом скоплении — около 10 см, ширина — около 15 см (рис. 2, 13). В набор входили (рис. 2, 14–27): 27 цилиндрических белых бус (55), 149 цилиндрических красных (57), 30 призматических зеленых (120), 50 зеленых и 120 лиловых в форме 14-гранников (131 и 128), 35 призматических лиловых (118), 14 округлых с позолотой (1б, 2б). Сопровождающий погребение инвентарь беден и представлен, кроме бус, фрагментом зеркала с боковой петлей типа Хазанов-IX.

Могила № 300, подбойная. Набор сопровождал захоронение I, пол и возраст умершего не определен¹⁸. Бусы располагались горизонтальными рядами длиной около 30 см поперек голеней, почти полностью их перекрывая (рис. 3, 1). Ширина обшивки — 25 см. После расчистки сохранилась 521 бусина (рис. 3, 6–14): 208 цилиндрических красных (57¹⁹), 58 цилиндрических и 5 призматических белых (55, 116), 32 призматических красных (117), 18 призматических зеленых (120), 27 четырнадцатигранных зеленых (131), 168 округлых с позолотой (1б, 2б). Погребение сопровождалось разнообразным инвентарем, в частности лучковой подвязной фибулой II («инкерманской») серии по классификации А.К. Амброза (рис. 3, 4), зеркалом-подвеской типа Хазанов-IX (рис. 3, 3), шарнирным браслетом со щитком (рис. 3, 5) и подвеской-лунницей (рис. 3, 2).

Могила № 307, подбойная, с многократными погребениями²⁰. Бусы сопровождали самое раннее погребение VIII, принадлежавшее женщине старше 35 лет (рис. 3, 15). Они лежали в семь, неплотно прилегающих друг к другу рядов длиной 28–30 см. В состав набора входило более 900 бусин (рис. 3, 16, 17, 19, 21–32): 150 цилиндрических белых (55), 18 призматических белых (116), 30 цилиндрических красных (57), 29 призматических красных (117), 22 четырнадцатигранных и призматических зеленых (120, 131), 539 округлых с позолотой (1б, 2б). В набор также входили единичные экземпляры стеклянных бус других форм и несколько десятков цилиндрических и граненых пронизей из стекла плохой сохранности, не позволяющей определить цвет изделия. Погребение сопровождалось серебряными серьгами с овальными щитками (рис. 3, 18), аналогии которым известны в крымских комплексах II–III вв. н. э.²¹ Для уточнения хронологии погребения VIII важно присутствие двучленной лучковой подвязной фибулы серии III по классификации А.К. Амброза (рис. 3, 20) на расположеннном рядом костяке VII, совершенном, по всей видимости, ненамного позже захоронения VIII.

¹⁷ Журавлев 2010, 171.

¹⁸ Храпунов 2011, 197–198

¹⁹ В публикации комплекса к этому типу отнесено только 25 бусин, остальные охарактеризованы как бусы из ирригированного стекла (Храпунов 2011, 197–198).

²⁰ Храпунов 2014.

²¹ Храпунов 2014, 83.

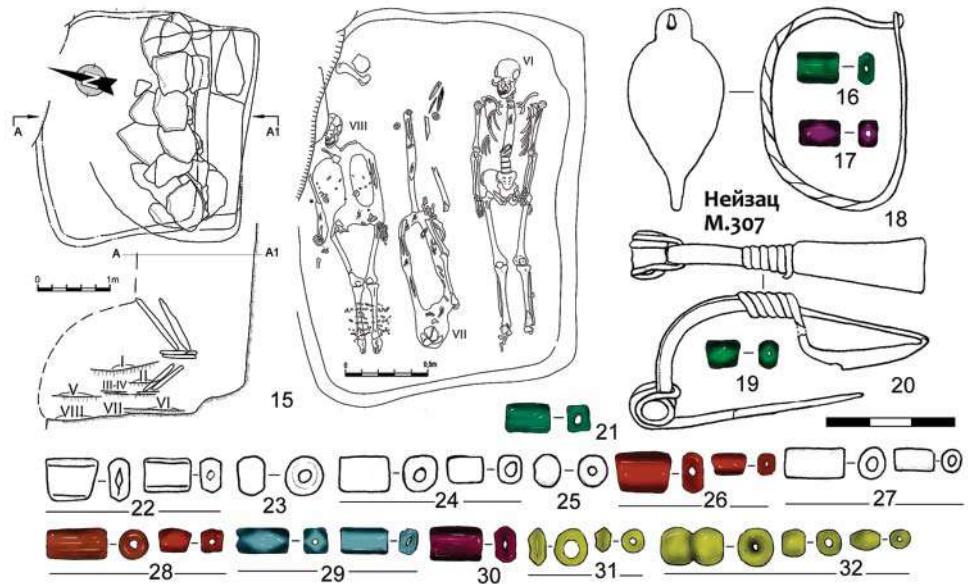
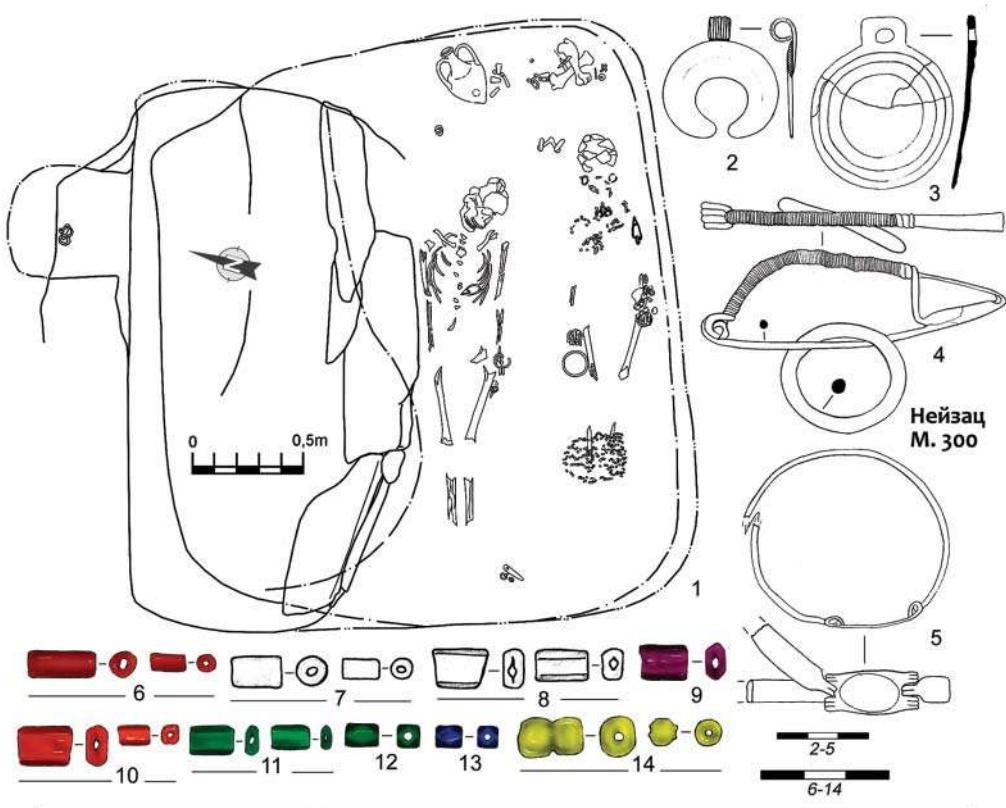

Рис. 3. Могильник Нейзац: 1–14 – погр. № 300; 15–31 – погр. № 307
 Fig. 3. Neyzats Necropolis: 1–14 – grave 300; 15–31 – grave 307

Могила № 583, подбойная (рис. 4, 1). Пол и возраст погребенного не установлены. Около 400 сохранившихся экземпляров бус компактно располагались рядами вокруг нижней части голеней, в том числе: 2 и множество фрагментов цилиндрических белых (55), 202 цилиндрических красных (57), 50 призматических и 21 четырнадцатигранная зеленые (120, 131), 112 круглых с позолотой (16, 26) (рис. 4, 3–8, 10, 11). При расчистке погребения удалось зафиксировать порядок расположения рядов бус длиной 20–22 см, составлявших сплошную полосу шириной около 20 см (рис. 4, 12):

- 1 ряд (верхний): цилиндрические белые
- 2 ряд: круглые из стекла с внутренней позолотой
- 3 ряд: цилиндрические красные
- 4 ряд: круглые из стекла с внутренней позолотой
- 5 ряд: цилиндрические белые
- 6 ряд: цилиндрические красные
- 7 ряд: цилиндрические белые
- 8 ряд: 14-гранные и призматические зеленые
- 9 ряд: круглые из стекла с внутренней позолотой
- 10 ряд: цилиндрические красные
- 11 ряд: цилиндрические белые
- 12 ряд: круглые из стекла с внутренней позолотой
- 13 ряд: цилиндрические белые
- 14 ряд: цилиндрические красные
- 15 ряд: цилиндрические белые и призматические или 14-гранные зеленые
- 16 ряд: цилиндрические красные
- 17 ряд: цилиндрические белые
- 18 ряд: цилиндрические красные и призматические зеленые
- 19 ряд (нижний): круглые из стекла с внутренней позолотой.

В состав погребального инвентаря входила лучковая подвязная фибула «инкерманской» серии (рис. 4, 2) и зеркало-подвеска типа Хазанов-IX (рис. 4, 9).

В Опушкинском могильнике открыто 9 могил (2,8% от общего числа раскопанных комплексов), в которых присутствуют наборы рассматриваемого типа, причем во всех случаях бусы зафиксированы *in situ*. В отличие от других памятников, значительная часть опушкинских погребений с такими бусами сосредоточена в грунтовых склепах.

Могила № 38, склеп. Погребение V, женское, 35–45 лет. Бусы располагались тремя горизонтальными рядами в нижней части голеней (рис. 5, 1). Сохранившиеся экземпляры представлены следующими типами (рис. 5, 4–13): 10 цилиндрических белых (55), 36 цилиндрических красных (57), 14 белых и 44 красных призматических (116, 117), 31 круглых белых (2, 21), 46 круглых с внутренней прокладкой (16, 26). Набор дополняли несколько стеклянных пронизей других типов. Другой инвентарь в погребении V отсутствовал. Расположенное рядом с ним в центре камеры погребение IV, по всей видимости, самое позднее в склепе, сопровождалось так называемой «двухсоставной» фибулой (рис. 5, 2) и пряжкой с прогнутым, слегка выступающим за край рамки язычком (рис. 5, 3).

Могила № 75, склеп. В камере склепа на полу сохранились остатки нескольких захоронений (рис. 5, 14). У погребенного III (антропологическое определение

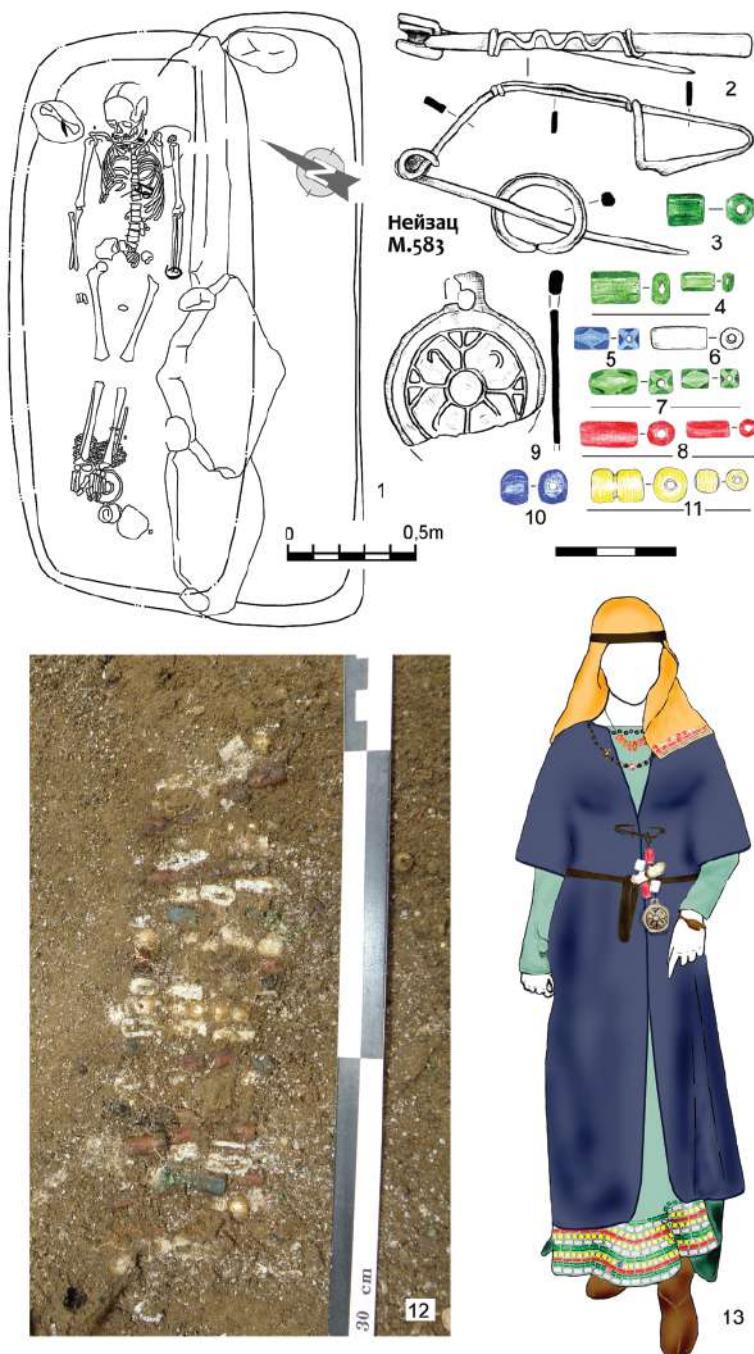

Рис. 4. Могильник Нейзац, мог. № 583: 1–11 – план и инвентарь, 12 – расположение бус *in situ* (фото – С.А. Мульд), 13 – вариант реконструкции костюма (рисунок – А. А. Стоянова)
 Fig. 4. Neyzats Necropolis, grave 583: 1–11 – ground plan and grave goods, 12 – beads *in situ* (photo by S. Muld), 13 – possible reconstruction of costume (drawing by A. Stoyanova)

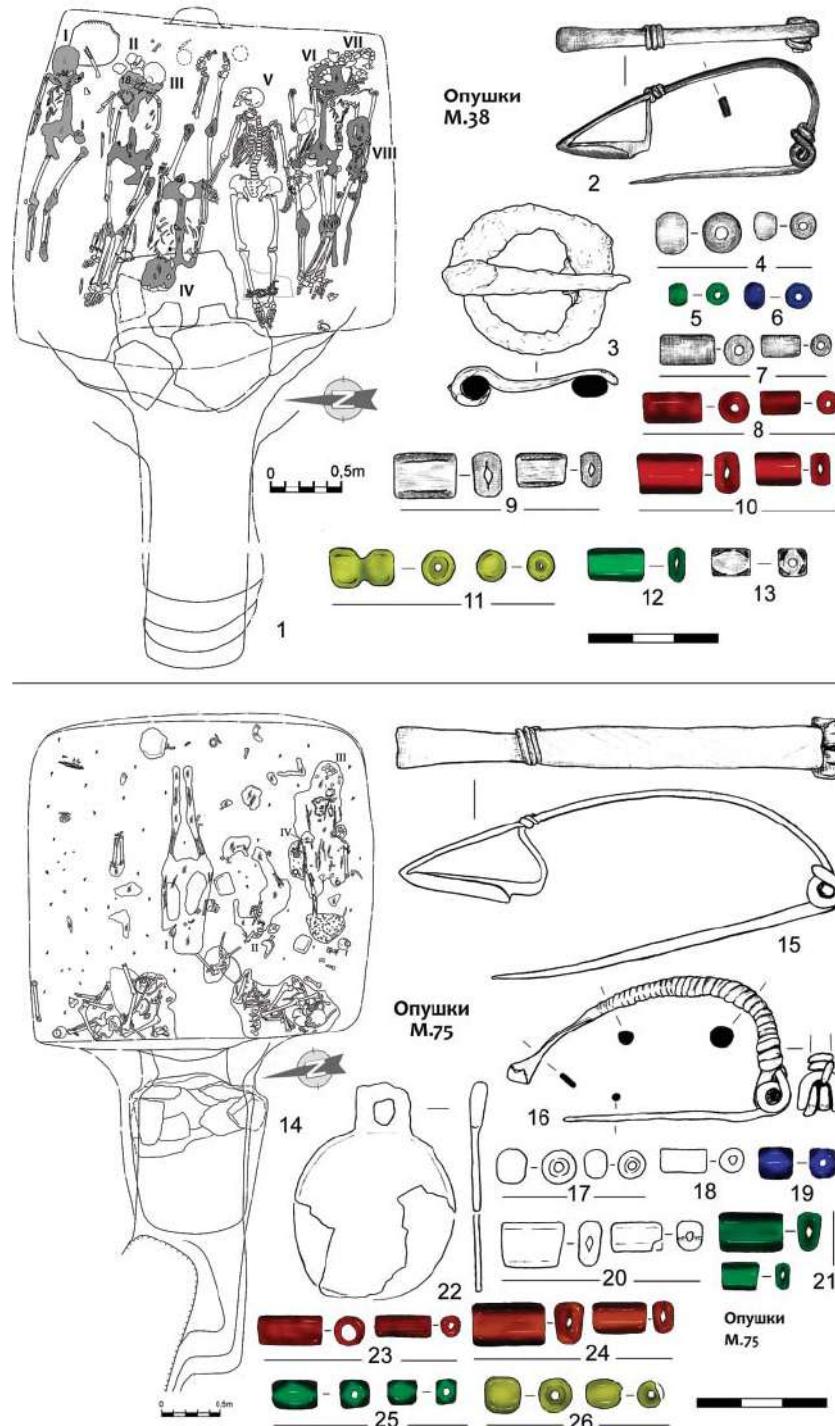

Рис. 5. Могильник Оpushки: 1–13 – мог. № 38; 14–26 – мог. № 7
 Fig. 5. Opushki Necropolis: 1–13 – grave 38; 14–26 – grave 7

отсутствует) расчищено скопление размером 35x25 см из нескольких сотен бус, перекрывавшее обе берцовые кости. Основу набора составили пронизи следующих типов (рис. 5, 17–21, 23–26): 16 цилиндрических белых (55), 150 цилиндрических красных (57), 17 призматических зеленых (120), 27 призматических красных (117), 77 четырнадцатигранных зеленых (131), 30 округлых с позолотой (16, 26). Погребение сопровождалось двумя фибулами (рис. 5, 15, 16), одна из которых относится к «кинкерманской» серии по А.К. Амбrouзу, а также зеркалом типа Хазанов-IX (рис. 5, 22).

*Могила № 133*²². В склепе зафиксирован нестандартный случай расположения набора бус рассматриваемого типа. Он сопровождал совершенное в деревянном гробу погребение IV (рис. 6, 1). Из-за плохой сохранности костей, антропологическое определение этого захоронения отсутствует. Из инвентаря на костяке располагалась лишь железная фибула неопределенного типа. Остальные связанные с этим захоронением вещи компактно сложены у ног умершего, в углу гроба. Здесь на слое черного органического тлена лежали стержневидный предмет с остатками деревянной рукояти, кремневый отщеп, две железные пряжки, точильный камень, стопка монет (рис. 6, 2–7) и большое скопление (размером примерно 15x18 см) интересующих нас бус (рис. 6, 8)²³. Только сохранившихся экземпляров в наборе – 563, многие бусины рассыпались. Состав набора: 83 цилиндрических белых (55), 97 цилиндрических красных (57), 16 призматических белых (116), 50 призматических красных (117), 13 призматических синих (124), 14 призматических зеленых (120), 9 синих и 8 зеленых в форме 14-гранника (134, 131), 203 округлых с позолотой (16, 26).

Особенностью этого набора является присутствие в нем бус и подвесок из гагата. Кроме того, инвентарь погребения IV, за исключением бус, характерен больше для мужских погребений: железные фибулы и пряжки, железный предмет с кремневым отщепом, которые можно трактовать как огниво, оселок – такие находки сосредоточены преимущественно в мужских захоронениях²⁴.

Могила № 134, склеп (рис. 7, 1). Бусы сопровождали погребения I и II, антропологическое определение отсутствует. В погребении I пронизи лежали горизонтальными рядами длиной около 25 см, почти полностью перекрывая обе кости голени (рис. 7, 30). Зафиксировано не менее 18 рядов. Сохранилось более 650 экземпляров бус (рис. 7, 5–18): 54 цилиндрических белых (55), 248 цилиндрических красных (57), 29 призматических зеленых (120), 29 в форме 14-гранника зеленых (131), 280 округлых с металлической прокладкой (16, 26). Погребение сопровождалось фибулой «кинкерманской» серии (рис. 7, 2), зеркалом типа Хазанов-IX (рис. 7, 3), подвеской-лунницей (рис. 7, 4), а также серебряной монетой Юлии Домны 211–217 гг.²⁵

У расположенного рядом погребения II ряды бус также перекрывали обе берцовые кости, длина нитей достигала 20 см, ширина обшивки – 15–18 см (рис. 7, 31). После зачистки сохранилось около 260 бусин (рис. 7, 19–29): 80 цилиндрических белых (55), 54 цилиндрических красных (57), 54 призматических зеленых

²² Храпунов 2020.

²³ Храпунов 2020, 249.

²⁴ Храпунов 2020, 252; Mączyński, Polit 2016.

²⁵ Определение монеты Н.И. Храпунова.

Рис. 6. Могильник Оpushки, мог. № 133
Fig. 6. Opushki Necropolis, grave 133

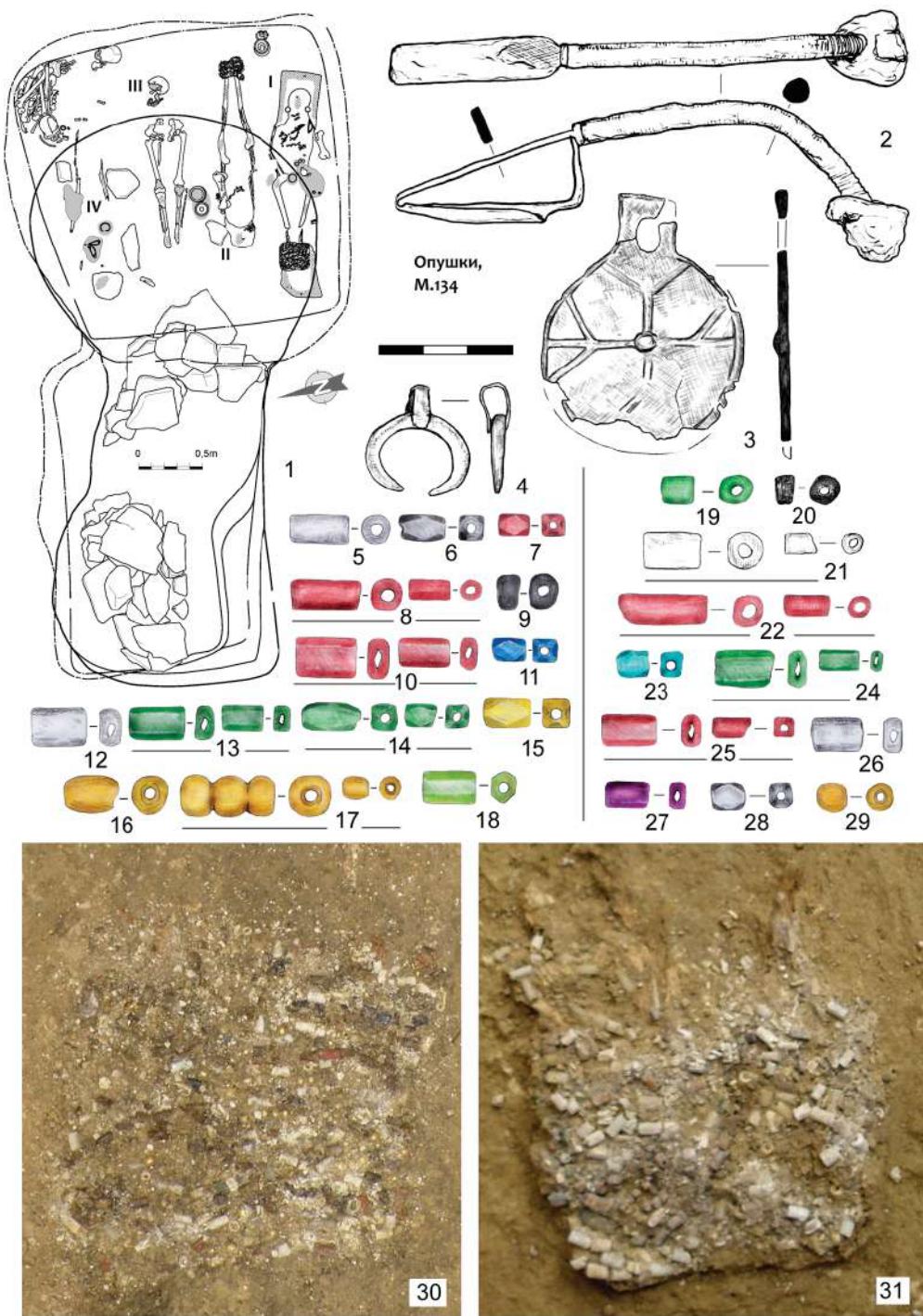

Рис. 7. Могильник Оpushки, мог. № 134
Fig. 7. Opushki Necropolis, grave 134

(120), 51 шаровидная с металлической прокладкой (16). Хронологически значимые вещи в погребении II отсутствуют. Очевидно, что оно было сделано позже погребения I, но вряд ли оба захоронения разделяет большой промежуток времени. Монета Юлии Домны дает *terminus post quem* для погребения I.

Могила № 158, склеп²⁶. Более 530 бусин, расположенных в ногах, сопровождали погребение IV, принадлежавшее женщине 30–40 лет²⁷. Зафиксировано 15 рядов бус длиной около 25 см, лежавших поперек голеней. Бусы перекрывали большую часть берцовых костей, доходя практически до колен умершей (рис. 8, 1). Основу набора составляли следующие бусы (рис. 8, 4–6, 8–19): 68 цилиндрических белых (55), 146 цилиндрических красных (57), 15 призматических зеленых (120), 18 призматических лиловых (118), 11 призматических красных (117), 234 округлых с позолотой (16, 26). Захоронение не сопровождалось значимым в хронологическом отношении инвентарем. С находившимся рядом погребением III, совершенным явно несколько позже расположенного у стенки камеры погребения IV, связаны сразу две лучковых подвязных фибулы — «инкерманского» типа (рис. 8, 2) и 4-го варианта по А.К. Амбродзу (рис. 8, 3), определяющие *terminus post quem* для погребения IV. Погребения второго, более раннего яруса, сопровождал серебряный денарий Септимия Севера 204 г. н.э.²⁸ (рис. 8, 7).

В могильнике у с. Курское рассматриваемые наборы пронизей зафиксированы в 7 подбойных могилах (27% от общего числа исследованных комплексов). По определению авторов раскопок, все погребения женские, возраст погребенных в публикациях не указан²⁹. Наборы из могил № 18 и № 22 отличаются малочисленностью бус из стекла с внутренней металлической прокладкой, кроме того, в могиле № 22 стандартные призматические и цилиндрические пронизи дополняют около сотни шаровидных бусин из красного стекла³⁰. Бусы располагаются рядами поперек берцовых костей умерших, длина рядов 25–30 см, ширина скоплений варьируется от 12 до 20 см, в двух могилах бусы почти полностью закрывают берцовые кости от щиколоток до колен³¹. Качество публикации планов погребений из Курского могильника не позволяет уверенно определить, перекрывали ли бусы обе берцовые кости или ряды украшений обвивали каждую ногу умершей по отдельности. Второй вариант более вероятен, по крайней мере авторы публикаций высказывают предположение, что бусами была расшита обувь погребенных³². В погребениях Курского могильника интересующие нас наборы всегда сочетаются с фибулами: в одном погребении — с лучковой подвязной фибулой 4-го варианта³³, в двух погребениях — с лучковыми подвязными 5-го варианта³⁴, два раза — с шарнирными фибулами с кнопкой на конце пластинчатого приемника³⁵, в одном случае — с «двуихсоставной» лучковой подвязной застежкой «инкерманской»

²⁶ Храпунов, Стоянова 2021.

²⁷ Антропологическое определение В.И. Безбородых.

²⁸ Определение Н.И. Храпунова.

²⁹ Труфанов, Колтухов 2001–2002; Труфанов 2004.

³⁰ Труфанов 2004, 507, 514.

³¹ Труфанов, Колтухов 2001–2002, рис. 4,6; Труфанов 2004, рис. 2,8.

³² Труфанов, Колтухов 2001–2002, 278.

³³ Труфанов, Колтухов 2001–2002, рис. 2,2.

³⁴ Труфанов 2004, рис. 2,6; 8,9.

³⁵ Труфанов, Колтухов 2001–2002, рис. 5,6; 6,3.

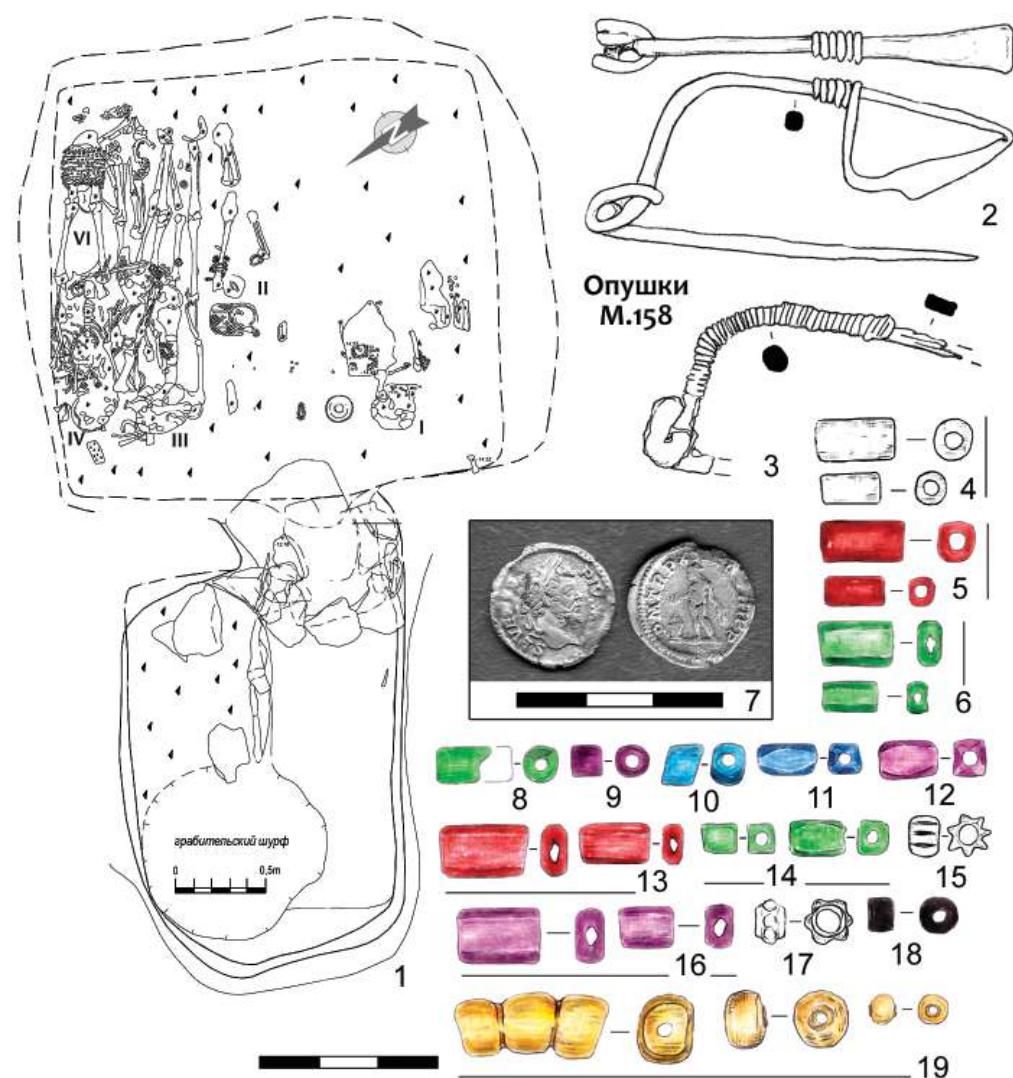

Рис. 8. Могильник Оpushки, мог. № 158
Fig. 8. Opushki Necropolis, grave 158

серии³⁶. В состав инвентаря погребений также входили зеркала типа Хазанов-IX и крупные подвески-лунницы.

В Усть-Альминском некрополе аналогичные комплекты пронизей присутствуют как минимум в 11 погребениях, сопровождая, по определению авторов публикаций, женские захоронения в подбойных и грунтовых могилах. Как и в других некрополях, набор инвентаря в этих погребениях стандартен — лучковые подвязные фибулы 5-го варианта (в трех случаях), фибула «инкерманской» серии (один случай), зеркала-подвески типа Хазанов-IX, в двух погребениях — крупные пластинчатые подвески-лунницы, еще в двух погребениях — краснолаковые тарелки типа III-Д-3 по А.А. Труфанову³⁷. От наборов из Опушкинского и Нейзацкого могильника усть-альминские отличаются немногочисленностью золотостеклянных бус и частым присутствием нескольких десятков шаровидных бус из белого, красного, зеленого и черного стекла³⁸.

В могильниках Левадки и Фонтаны известно по одному комплексу, в которых наборы граненых и цилиндрических стеклянных пронизей зафиксированы *in situ*. В обоих случаях бусы сопровождали погребения в подбойных могилах. Сопутствующий инвентарь представлен лучковой подвязной фибулой 4-го варианта по А.К. Амбрузу и зеркалом типа Хазанов-IX в Левадках³⁹ и краснолаковой тарелкой типа III-Д-3⁴⁰ в могильнике Фонтаны⁴¹.

Набор, по составу подобный описанным выше, присутствует среди находок из склепа, раскопанного у с. Мичуринское. Из-за отсутствия документации проблематично судить о месте его первоначального расположения на костяке. Отмечается лишь, что на костях ног обнаружены золотые бляшки и бусы. Учитывая достаточно устойчивое расположение рассматриваемых наборов, можно предположить, что входившее в состав погребального инвентаря большое количество цилиндрических и призматических бусин из красного и белого стекла в сочетании с округлыми бусами из стекла с внутренней позолотой как раз и располагались в районе ног погребенного в склепе.⁴²

ХРОНОЛОГИЯ

Наиболее устойчивая взаимосвязь наборов рассматриваемого типа проявляется с фибулами, которые присутствуют в 18 погребениях из 25 захоронений представленной в таблице 1 выборке комплексов, или в 72% случаев. Чаще всего они сочетаются в погребениях с одночленными лучковыми подвязными фибулами 5-го варианта и с фибулами «инкерманской» серии по А.К. Амбрузу. Застежки 5-го варианта исследователь датирует III в. н.э. с возможностью появления в конце II в. н.э.⁴³, но на сегодняшний день общепринятым считается время бытования таких

³⁶ Труфанов 2004, рис. 11,1.

³⁷ Труфанов 1997, 189.

³⁸ Труфанов 2010, 193, таблица; Пуздровский, Труфанов 2016, 43–44, 71, 80; 2017, 54, 86–88.

³⁹ Храпунов, Стоянова, Мульд 2001, 127–

⁴⁰ Труфанов 1997, 189.

⁴¹ Храпунов 2008, 13–14, рис. 22; 23, 16–41.

⁴² Мульд 2001, 51, 56.

⁴³ Амбров 1966, 51.

застежек с конца II до середины III в. н.э.⁴⁴ Хронология фибул «инкерманской» серии, датированных А.К. Амброзом в широких пределах второй половины II–III вв. н.э.⁴⁵, значительно сузилась на основании находок из предгорного Крыма, где они характерны главным образом для второй четверти – середины III в. н. э.⁴⁶

В четырех погребениях наборы сочетаются с лучковыми подвязными фибулами 4-го варианта по А.К. Амброзу, распространение которых исследователи относят ко второй половине II – рубежу II и III вв. н.э.⁴⁷ В трех случаях в погребениях присутствовали шарнирные дуговинные фибулы, датировать которые В. В. Кропотов предлагает концом II – первой половиной III в. н.э.⁴⁸, К. Хельстрём – второй половиной II–III вв. н.э.⁴⁹ Железные фибулы этого типа из нейзацкого склепа № 17 и могилы 4 некрополя Курское близки северокавказским экземплярам, присутствующим в погребениях II в. н.э.⁵⁰

На основании датировок фибул можно сделать заключение о появлении рассматриваемых наборов бус во второй половине II в. н.э., возможно, ближе к концу столетия, и их использовании всю первую половину III в. н.э. Подтверждается этот вывод частым сочетанием наборов с зеркалами типа Хазанов-IX, особая концентрация которых в предгорном Крыму наблюдается в комплексах II – первой половины III в. н.э.,⁵¹ и с крупными подвесками-лунницами, характерными для первой половины – середины III в. н.э.,⁵² а также монетами из двух погребений – херсонесским тетрассарием 161–180 гг. и денарием Юлии Домны 211–217 гг.

По всей видимости, к числу наиболее поздних захоронений с комплектами цилиндрических и граненых пронизей следует отнести погребения VIII из нейзацкой могилы № 307 и IV из опушкинского склепа № 133. Могила № 307 – уникальный случай многоярусных, хорошо стратифицированных захоронений, совершившихся во второй половине III – начале IV в. н.э.⁵³ Погребение VIII – самое раннее в комплексе. Двухлопастная фибула серии III группы 15 по А.К. Амброзу с датой не ранее середины III в. н.э.⁵⁴ сопровождала соседнее захоронение VII и может определять для интересующего нас погребения VIII *terminus post quem*. Особый интерес представляет набор из опушкинского склепа № 133, дату которого уверенно определяют монеты, лежавшие стопкой рядом с бусами. Самая поздняя из них – монета Траяна Деция выпуска 249–251 гг. – свидетельствует о том, что погребение IV не могло быть совершено раньше середины III в., а в целом погребения в склепе совершались в течение второй половины III – начала IV в.⁵⁵

⁴⁴ Скрипкин 1977, 107; Кропотов 2010, 79.

⁴⁵ Амброз 1966, 52.

⁴⁶ Храпунов, Масякин 1998, 139–143.

⁴⁷ Амброз 1966, 50; Скрипкин 1977, 107; Hellström 2018, 55.

⁴⁸ Кропотов 2010, 275, форма 30.

⁴⁹ Hellström 2018, 99–100.

⁵⁰ Габуев, Малашев 2009, 133–134.

⁵¹ Труфанов 2007, 178–179.

⁵² Труфанов 2010, 150–151; Стоянова 2016, 135–136, тип 28а.

⁵³ Храпунов 2014, 89.

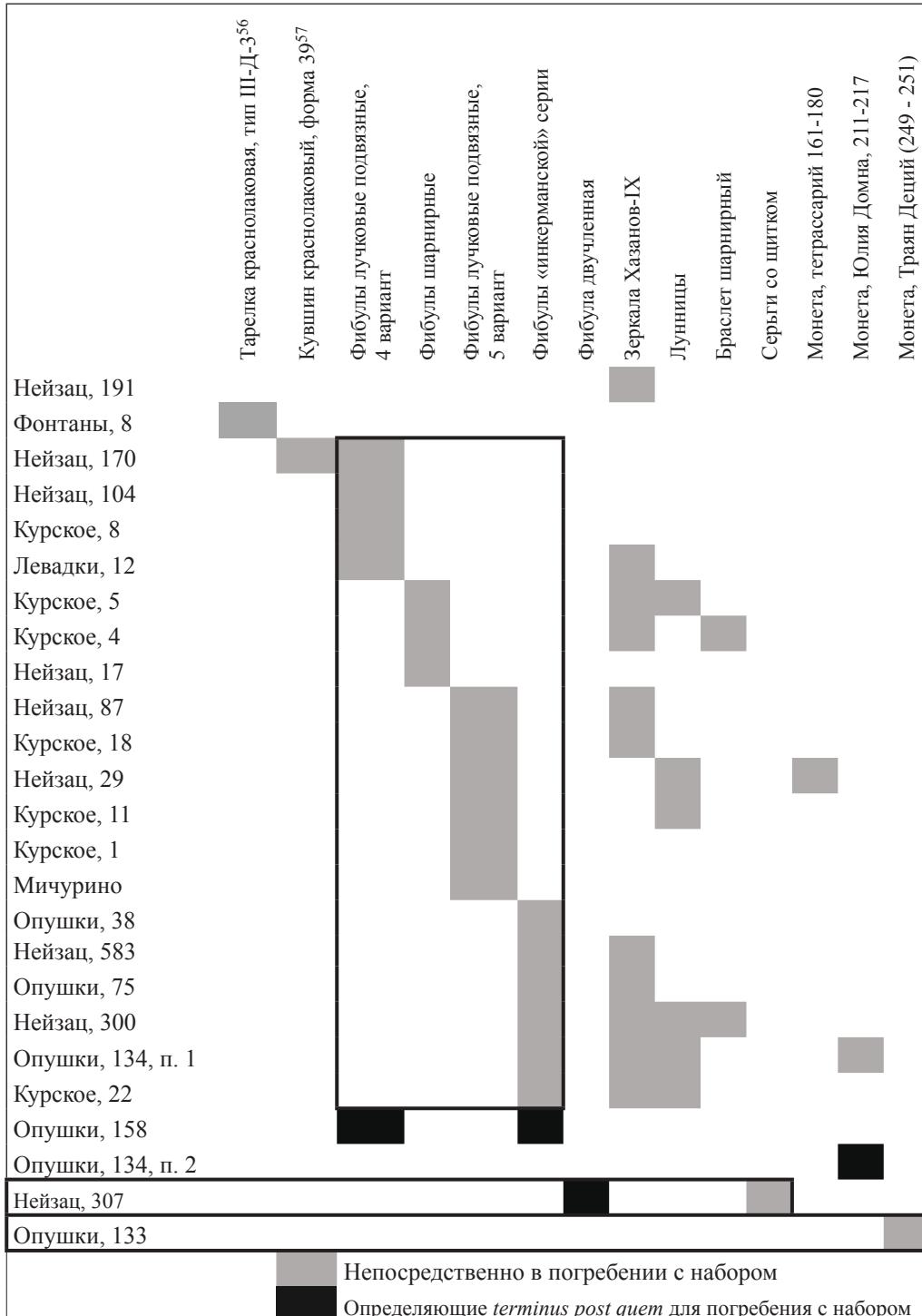
⁵⁴ Храпунов, Масякин 1997, 168; Кропотов 2010, 151.

⁵⁵ Храпунов 2020, 253, 255.

⁵⁶ По: Труфанов 1997.

⁵⁷ По: Журавлев 2010.

Таблица 1. Хроноиндикаторы в погребениях с наборами бус

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЕННЫХ

По данным антропологического анализа костяков, изучаемые наборы сопровождали только женские захоронения. По возрасту погребенных данные распределяются следующим образом: группа *Infans II* (7–14 лет) – 1 случай, группа *Juvenis* (15–19 лет) – 0 случаев, группа *Adultus* (20–44 года) – 14 случаев, группа *Maturus* (45–60 лет) – 1 случай, антропологическое определение отсутствует для 28 погребений. Можно заключить, что наборы цилиндрических и граненых бус являются частью костюма женщин старше 20 лет и, по всей видимости, отражают их социальный статус в коллективе. Лишь один раз набор зафиксирован в группе *Infans II*: это захоронение девочки 10–11 лет в могиле № 73 Опушкинского некрополя. От других детских погребений эта могила отличается размером погребальной конструкции, вполне подходящей для захоронения взрослого человека⁵⁸. Возможно, два этих факта указывают на то, что социальный статус подростков 10–11 лет отличался от положения детей более младшего возраста и они уже рассматривались как члены взрослого коллектива. В этом случае, правда, не совсем понятно отсутствие рассматриваемых наборов в группе *Juvenis*, скорее всего это обусловлено крайне малым объемом имеющихся данных.

ФУНКЦИЯ В КОСТЮМЕ

Во всех сохранившихся *in situ* захоронениях, кроме одного случая в склепе № 133 из могильника Опушки, бусы лежали поперек берцовых костей, над и под ними, являясь, очевидно, остатками обшивки подола платья, штанов или голенищ сапог. Как правило, пронизи располагались рядами, которые обивали кости обеих ног или, реже, кости каждой ноги по отдельности. В некоторых погребениях фиксируется количество рядов от 5 до 19, обычно ряд формировался из бус одного типа или цвета. Длина рядов в первом случае варьируется от 20 до 35 см, во втором составляет 10–12 см.

Насчет удобства использования расшитой таким образом одежды можно высказать несколько соображений. Во-первых, если допустить, что обшивка маркирует ширину подола платья (до 35 см) и его длину (до уровня щиколоток), то носить такое платье и тем более выполнять в нем какую-либо работу невозможно. Возможность движения в платье со столь узким подолом могут обеспечить только глубокие разрезы. Можно предположить также, что подол платья расшивался бусами не по всей ширине, а лишь частично, по центру спереди и сзади; нельзя исключать и вероятность расшивки бусами нижнего края распашного халата. Во-вторых, составляющие набор стеклянные бусы достаточно крупные (средняя длина бус – 8–12 мм, высота – 5–8 мм) и тяжелые. Расшить сотнями таких пронизей тонкую ткань без риска порвать ее или деформировать крой одежды невозможно. Скорее всего, рассматриваемыми наборами украшалась верхняя одежда из плотной ткани или кожи, использовавшаяся в холодное время года. Но и в этом случае такой декор ее утяжелял и делал не очень удобной для передвижения и выполнения каких-то бытовых действий. Эти, сугубо умозрительные, заключения

⁵⁸ Стоянова 2012, 59, 88, рис. 53.

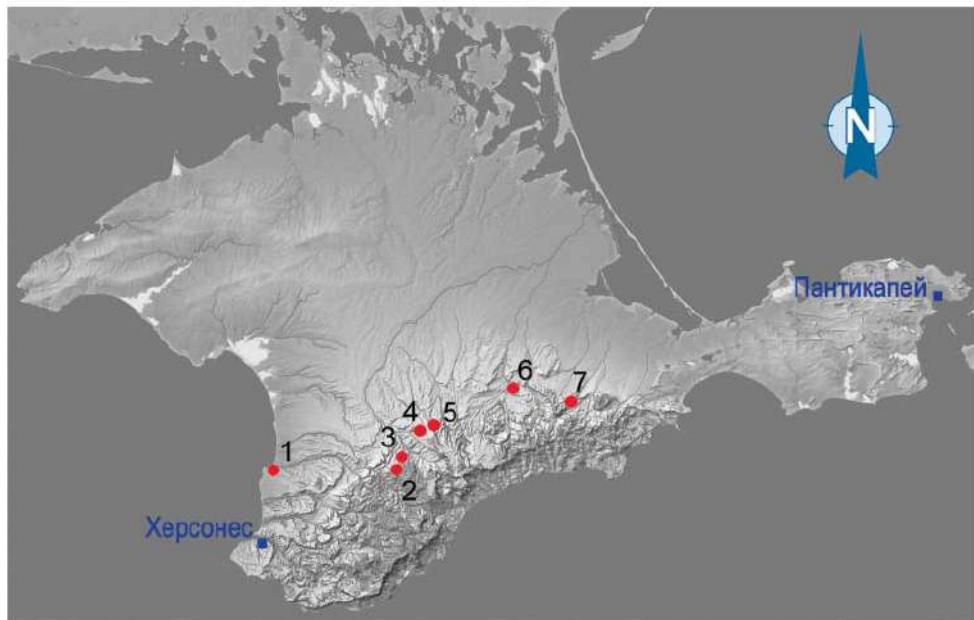

Рис. 9. Распространение наборов стеклянных бус: 1 – Усть-Альминский могильник, 2 – могильник Левадки, 3 – могильник Фонтаны, 4 – могильник Оpushки, 5 – могильник Нейзат, 6 – погребение у с. Мичурино, 7 – могильник Курское
 Fig. 9. Distribution of sets of beads: 1 – Ust'-Al'ma Necropolis; 2 – Levadki Necropolis; 3 – Fontany Necropolis; 4 – Opushki Necropolis; 5 – Neyzats Necropolis; 6 – grave burial near Michurino village; 7 – Kurskoye Necropolis

позволяют предположить, что костюм, столь обильно расшитый бусами, был скорее обрядовым, может быть – погребальным, чем повседневным. С другой стороны, несмотря на общую стандартность, наборы из разных погребений имеют и индивидуальные особенности в виде включения в них единичных бусин других типов, отличающихся от базовых формой и цветом. Такие дополнения могли являться результатом «ремонта» обшивки, когда бусы в процессе использования одежды ломались и заменялись другими, находящимися «под рукой», пронизями.

В Оpushкинском могильнике, в склепе № 133, отмечен единственный случай, когда бусы, зафиксированные *in situ*, располагались не на костяке, а рядом с ним в углу гроба, компактным скоплением (рис. 6, 1). Этот комплекс отличается от остальных еще рядом существенных моментов: в состав набора входили гагатовые пронизи и подвески; сопровождающий инвентарь (кроме бус) типичен для мужского, а не женского, погребения; захоронение совершено во второй половине III в. н.э., возможно, ближе к середине столетия, но в любом случае в то время, когда рассматриваемые наборы уже не использовались. Бусы лежали на слое органического тлена черного цвета: очевидно, они были нашиты на какой-то материал – ткань или кожу⁵⁹. Можно предположить, что с умершим в гроб положили свернутое в рулон женское платье, подол которого был расшит цилиндрическими и гранеными сте-

⁵⁹ Храпунов 2020, 249, 254, 255, рис. 4, IV; 14, 7.

клянными пронизями и бусами с позолотой, а ворот или нагрудная часть – гагатовыми украшениями (расположение гагатового бисера, которым могла расшиваться верхняя часть одежды, часто встречается в погребениях предгорного Крыма)⁶⁰.

АРЕАЛ

Концентрация рассматриваемых наборов бус отмечается в могильниках центральной части крымских предгорий (рис. 9) – чаще всего они представлены в погребениях Опушкинского и Нейзацкого могильников, хотя в процентном соотношении число захоронений с такими наборами крайне незначительно (3,8% и 2,8% соответственно). В памятниках юго-западного Крыма, судя по опубликованным материалам, эти наборы отсутствуют, за исключением Усть-Альминского некрополя, где доля захоронений с такими украшениями также невелика – всего 11 погребений на более чем тысячу исследованных комплексов. Иная ситуация наблюдается в некрополе у с. Курское. Здесь рассматриваемые наборы зафиксированы почти в каждой третьей раскопанной могиле, но объяснить это иначе, чем случайностью, проблематично из-за слабой изученности памятника. В любом случае вряд ли можно утверждать, что украшение одежды рассматриваемыми наборами было общепринятой «модой», скорее такие комплекты бус использовались как один из способов декора костюма наряду с другими наборами, состоящими, например, из фаянсового бисера или гагатовых пронизей⁶¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиция расшивать обувь или подол платья бусами была присуща кочевым сарматам и населению, испытавшему влияние сарматской культуры. Для этой цели чаще всего использовались небольшие наборы стеклянного, гагатового или фаянсового бисера, составлявшие 1–2 ряда обшивки⁶². Наборы, по числу бус сопоставимые с предгорно-крымскими, за пределами полуострова встречаются крайне редко⁶³, а схожие по составу – отсутствуют. Исключение – сарматские погребения конца II–IV вв. н.э. из Альфельда и Баната, где зафиксированы очень близкие и по количеству, и по составу наборы.⁶⁴ Такое положение дел дает основание считать, что рассматриваемые комплекты бус – явление региональное, сформировавшееся у населения крымских предгорий, причем распространенное не везде, а в отдельных коллективах, хоронивших на определенных некрополях. Интересно, что погребения с такими наборами встречены как в позднескифских могильниках (Усть-Альма, Левадки, Фонтаны), так и в некрополях эклектичной по своему характеру нейзацкой культуры (Курское, Нейзац, Опушки).⁶⁵ В последних двух памятниках обращает на себя внимание присутствие наборов стеклянных и золотостеклянных пронизей в склепах с короткими дромосами позднеримского времени. Такие скле-

⁶⁰ Стоянова 2011, 119.

⁶¹ Стоянова 2011, 119–120.

⁶² Боталов, Гуцалов 2000, 50–53, 109; Власкин 2000, 14; Захаров 2000, 28; Беспалый, Лукьяненко 2018, 146; Лимберис, Марченко 2019, 179, 182.

⁶³ Медведев 1990, 146, 147; Беспалый 2000, 163; Румянцева 2009, 386.

⁶⁴ Иштванович и др. 2020, 37; Grumeza, Bârcă 2020, 409–412, Fig. 7, 9.

⁶⁵ Храпунов 2019.

пы появляются в предгорьях Крыма в первой половине III в. н.э., в IV в. н.э. в них производится большинство захоронений. Считается, что в Крым они привнесены мигрантами с Северного Кавказа⁶⁶. Женские погребения с остатками расшивки нижнего края одежды из нейзацких склепов № 17, 104 и опушкинских склепов № 38, 75, 134, 158 не отличаются от захоронений в подбойных могилах, которые известны на крымских некрополях с I в. н.э. и связываются с сарматами⁶⁷. Традиционный костюм – явление очень консервативное, поэтому маловероятно, чтобы пришедшие в конце II – первой половине III в. на новую территорию женщины (если они вообще были в числе мигрантов) в течение нескольких десятилетий заимствовали традиции украшения одежды у автохтонного населения крымских предгорий. Скорее всего, присутствие в склепах с дромосами женских погребений с богатым декором подола платья отражает сложные процессы взаимодействия пришельцев и аборигенных жителей, возможно, маркируют формирование смешанных брачных союзов. О гетерогенном составе коллективов, хоронивших своих умерших в новых для предгорного Крыма погребальных конструкциях, свидетельствуют также зафиксированные в некоторых склепах первой половины III в. н.э. многоярусность захоронений и сдвижение костей ранее погребенных соплеменников – черты, типичные для позднескифских склепов раннеримского времени⁶⁸.

Приложение I

Химический состав стеклянных бус

Для семи образцов бус из набора, обнаруженного в могиле № 283 Опушкинского некрополя, проведен химический анализ стекла. Определение химического состава бус выполнено методом электронно-зондового микроанализа в Лаборатории локальных методов исследования вещества геологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Анализ бус и первичная обработка результатов проведены старшим научным сотрудником Лаборатории, кандидатом геолого-минералогических наук Т.Н. Лубковой⁶⁹. Исследованы по одному экземпляру пронизей следующих типов: цилиндрическая красная (образец Б1), цилиндрическая белая (образец Б2), призматическая белая (образец Б3), призматическая красная (образец Б4), призматическая зеленая (образец Б5), 14-гранная зеленая (образец Б6) и бочковидная из стекла с внутренней металлической прокладкой (образец Б7). Результаты анализа сведены в таблицу.

Результаты анализа внутренней металлической прокладки в образце Б-7 (выполнен методом РФА-ЭД (спектрометр Termo Niton FXL-950))

№ образца	№ измерения (точки)	Массовые % элементов			
		Cu	Ag	Au	сумма
Энергодисперсионный рентгенофлуоресцентный анализ (РФА-ЭД)					
Б-7	среднее из двух измерений	<0.1	8.6	91.3	99.9

⁶⁶ Храпунов 2016, 124; 2019, 33–34; Айбабин, Хайрединова 2017, 41–42.

⁶⁷ Храпунов 2016, 122.

⁶⁸ Храпунов, Мульд 2004, 312; Храпунов, Стоянова 2021.

⁶⁹ Пользуясь случаем, благодарю Татьяну Николаевну за проделанную работу.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СТЕКЛЯННЫХ БУС ИЗ МОГИЛЫ №283 МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ

Образец	Цвет, прозрачность	Примечание	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃	Cl	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	FeO	CoO	CuO	SnO ₂	Sb ₂ O ₃	PbO
Б1	Практически бесцветное, прозрачное	основа	13.40	3.86	1.66	62.93	1.18	0.23	0.95	1.67	11.37	0.15	0.36	1.38	<0.01	0.01	0.05	0.31	0.04
	Красное, глохое	покрытие	11.92	2.26	1.94	55.78	0.74	0.31	0.92	2.11	7.31	0.13	0.42	1.31	0.01	2.26	0.33	0.40	10.05
Б2	Белое, глохое	режим фокусировки	16.21	0.67	2.07	70.70	<0.01	0.29	1.16	0.55	6.06	0.10	0.03	0.47	0.01	<0.01	<0.01	0.85	0.01
		область включений Ca-Sb-оксида (фаза Ca ₃ Sh ₂ O ₇)	15.57	2.71	1.99	66.68	0.01	0.43	0.69	0.57	7.03	0.13	0.01	0.56	0.01	0.02	<0.01	4.56	0.31
		сканирование по площади	18.14	0.88	1.91	68.18	0.02	0.37	1.09	0.54	6.68	0.07	0.01	0.41	<0.01	0.03	<0.01	1.74	0.05
Б3	Белое, глохое	сканирование по площади; отмечены включения Ca-Sb- оксида, зерен кварца	18.64	1.69	1.70	65.28	<0.01	0.38	0.93	0.45	5.26	0.06	0.02	0.31	0.02	<0.01	0.07	4.57	0.09
Б4	Красное, глохое	сканирование по площади	10.34	2.59	2.03	54.91	1.09	0.29	0.80	3.00	7.20	0.25	0.40	1.28	<0.01	2.59	0.48	0.35	11.20
Б5	Темно-зеленое, прозрачное	сканирование по площади	15.12	2.38	1.96	63.08	0.80	0.25	0.96	1.89	8.73	0.14	0.27	1.67	0.08	2.28	0.07	0.38	0.06
Б6	Темно-синее, прозрачное	сканирование по площади	18.53	0.58	1.92	67.30	0.01	0.40	1.03	0.59	5.80	0.09	0.07	1.57	0.08	0.27	0.11	1.21	0.06
Б7	Бл. прозрачное, с внутренней металлической стеклой	сканирование по площади; анализ стекла	18.62	0.56	2.06	69.06	<0.01	0.33	1.02	0.58	6.02	0.12	<0.01	0.54	<0.01	<0.01	1.11	0.08	

ЛИТЕРАТУРА

- Айаббин, А.И., Хайрединова, Э.А. 2017: *Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.).* Симферополь.
- Алексеева, Е.М. 1978: *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ Г1-12). М.
- Амбroz, А.К. 1966: *Фибулы юга европейской части СССР* (САИ Д1-30). М.
- Беспалый, Е.И. 2000: Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном. В сб.: Ю.К. Гугуев (ред.), *Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона I.* Ростов-на-Дону, 156–168.
- Беспалый, Е.И., Лукьяшко, С.И. 2018: *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Т. 2. Курганный могильник у с. Новоалександровка.* Ростов-на-Дону.
- Боталов, С.Г., Гуцалов, С.Ю. 2000: *Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей.* Челябинск.
- Власкин, М.В. 2000: Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I. В сб.: Ю.К. Гугуев (ред.), *Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона I.* Ростов-на-Дону, 9–26.
- Габуев, Т.А., Малашев, В.Ю. 2009: *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа.* М.
- Журавлев, Д.В. 2010: *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины).* Симферополь.
- Захаров, А.В. 2000: Сарматское погребение в кургане «Крестовый». В сб.: Ю.К. Гугуев (ред.), *Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона I.* Ростов-на-Дону, 27–45.
- Иштванович, Э., Кульчар, В., Стоянова, А.А., 2020: Бусы в костюме населения сарматского времени Крыма и Альфельда. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) VI.* Симферополь, 10–43.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2019: Сарматское погребение из кургана «Кирпичный» в Прикубанье. *NAB* 18/1, 178–191.
- Медведев, А.П., 1990: *Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья).* Воронеж.
- Мульд, С.А. 2001: Позднесарматское погребение в Центральном Крыму. *МАИЭТ VIII*, 51–66.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2016: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг.* Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг.* Симферополь.
- Румянцева, О.С. 2009: Бусы могильника Брут 2 2-й половины II – III вв. н.э. В кн.: Т.А. Габуев, В.Ю. Малашев (ред.), *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа.* М., 341–437.
- Скрипкин, А.С. 1977: Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений). *СА* 2, 100–121.
- Стоянова, А.А. 2005: Подбойная могила № 193 из могильника Нейзац в Центральном Крыму. *МАИЭТ XI*, 153–169.
- Стоянова, А.А. 2011: Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н.э. из могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Исследования могильника Нейзац.* Симферополь, 115–152.
- Стоянова, А.А. 2012: *Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.).* Симферополь.
- Стоянова, А.А. 2016: Подвески из могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) II.* Симферополь, 122–165.

- Труфанов, А.А. 1997: Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников юго-западного и центрального Крыма). В сб.: Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов (ред.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник I*. Симферополь, 181–192.
- Труфанов, А.А. 2004: Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.). В сб.: Н.М. Куковальская (ред.), *Судейский сборник*. Киев–Судак, 495–521.
- Труфанов, А.А. 2007: Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика*. Симферополь, 173–186.
- Труфанов, А.А. 2010: Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя. *Stratum plus* 4, 145–195.
- Труфанов, А.А., Колтухов, С.Г. 2001–2002: Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму. *Stratum plus* 4, 278–295.
- Хазанов, А.М. 1963: Генезис сарматских бронзовых зеркал. *СА* 4, 58–72.
- Храпунов, И.Н. 2008: *Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000–2001 гг.)*. Симферополь.
- Храпунов, И.Н. 2011: Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 13–60.
- Храпунов, И.М. 2014: Підбійна могила з похованнями III – IV ст. з могильника Нейзац. *Археологія* 2, 80–90.
- Храпунов, И.Н. 2016: Население горного Крыма в позднеримское время. *ВДИ* 76/1, 118–134.
- Храпунов, И.Н. 2019: Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму. *РА* 1, 32–49.
- Храпунов, И.Н. 2020: Склеп с монетами III в. н. э. из могильника Опушки. *НАВ* 19/2, 247–278.
- Храпунов, И.Н., Масякин, В.В. 1997: Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное. *Stratum plus. Петербургский археологический вестник*, 164–180.
- Храпунов, И.Н., Масякин, В.В. 1998: Могила с двумя подбоями III в. н. э. из некрополя Дружное в Крыму. *РА* 4, 133–149.
- Храпунов, И.Н., Мульд, С.А. 2000: Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму. In: М. Мацяńska, Т. Grabarczyk (red.), *Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungzeit in Mittel- und Osteuropa*. Lódź, 479–521.
- Храпунов, И.Н., Мульд, С.А. 2004: Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац. *БИ* VII, 299–326.
- Храпунов, И.Н., Стоянова, А.А. 2021: Склеп с многократными погребениями III в. н. э. из могильника Опушки. *НАВ* 20, № 1, 217–250.
- Храпунов, И.Н., Стоянова, А.А., Мульд, С.А. 2001: Позднескифский могильник у с. Левадки. В сб.: Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов (ред.-сост.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник II*, 105–168.
- Grumeza, L., Bârcă, V. 2020: Glass beads discovered in the Sarmatian cemeteries from southwestern Romania. В сб.: А.В. Буйських (ред.), *Археологія і давня історія України* 3(36), 402–415.
- Hellström, K. 2018: *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.)*. Bonn.
- Khrapunov, I., Stoyanova, A., 2018: Fibulae in the Necropolis of Nejzac. In: B. Niezabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiewicz, S. Sadowski, M. Stasiak-Cyran, M. Erdrich (ed.). *Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskemu w 65. rocznicę urodzin* I. Lublin, 456–479.

Mączyński, P., Polit, B. 2016: Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.) II: 20 лет исследований могильника Нейзат*. Симферополь, 76–96.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1978: *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient beads in the Northern Black Sea Area] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] G1–12). Moscow.
- Ambroz, A.K. 1966. *Fibuly iuga evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n. e. – IV v. n. e.* [The brooches on the south of the European Part of the USSR, 2nd century BC to 4th century AD] (Svod arkheologicheskikh istochnikov D1–30). Moscow.
- Aybabin, A.I., Khayredinova, E.A. 2017: *Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [The Crimean Goths in the Region of Dory (mid-3rd to 7th centuries)]. Simferopol.
- Bespally, E.I. 2000: Pozdnesarmatskoe pogrebenie iz mogil'nika Vysochino V na vodorazdelle mezhdu Kagal'nikom i Donom [Late Sarmatian Burial of the Vysochino V Necropolis at the Kagalnik-Don watershed]. In: Yu.K. Guguev (eds.), *Sarmaty i ikh sosedni na Donu: Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* [The Sarmatians and their neighbours on the Don] I. Rostov-na-Donu, 156–168.
- Bespally, E.I., Lukyashko, S.I. 2018: *Drevnee naselenie mezhdu rech'ya Dona i Kagal'nika. T. 2. Kurgannyy mogil'nik u s. Novoaleksandrovka* [Ancient Population of the Don and the Kagal'nik. Vol. 2: A Burial Mound near the Village of Novoaleksandrovka]. Rostov-on-Don.
- Botalov, S.G., Gutsalov, S.Yu. 2000: *Gunno-sarmaty Uralo-kazakhstanskikh stepey* [The Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk.
- Gabuev, T.A., Malashev, V.Yu. 2009: *Pamyatniki rannikh alan central'nykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Sites of the early Alans of the central regions of the North Caucasus]. Moscow.
- Grumeza, L., Bârcă, V. 2020: Glass beads discovered in the Sarmatian cemeteries from southwestern Romania. In: A.V. Buyskikh (ed.), *Arkeologiya i davnya istoriya Ukrayi'ny* [The archaeology and ancient history of Ukraine] 3(36), 402–415.
- Hellström, K. 2018: *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.)*. Bonn.
- Ishtvanovich, E., Kul'char, V., Stoyanova, A.A. 2020: Busy v kostyume naseleniya sarmatskogo vremeni Kryma i Al'fyel'da [Beads in the costume of the Sarmatian Age population in Crimea and Great Hungarian Plain]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [The Crimea in the Age of Sarmatians, 200 BC – AD 400] VI. Simferopol, 10–43.
- Khazanov, A.M. 1963: Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [The origin of the Sarmatian bronze mirrors]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 58–72.
- Khrapunov, I., Stoyanova, A., 2018: Fibulae in the Necropolis of Nejzac. In: B. Niezabitowska-Wiśniewska, P. Łuczkiewicz, S. Sadowski, M. Stasiak-Cyran, M. Erdrich (eds.). *Studio barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin* I. Lublin, 456–479.
- Khrapunov, I.N. 2008: *Pozdneskifskiy mogil'nik Fontany (po rezul'tatam raskopok 2000–2001 gg.)* [Late Scythian Necropolis of Fontany (according to 2000–2001 excavation)]. Simferopol.
- Khrapunov, I.N. 2011: Nekotorye itogi issledovaniy mogil'nika Neyzats [Some results of the researches of the Necropolis of Neizats]. *Issledovaniya mogil'nika Neyzats* [Exploring the Necropolis of Neizats]. Simferopol, 13–113.
- Khrapunov, I.N. 2016: Naselenie gornogo Kryma v pozdnerimskoe vremya [Population of the Crimean Mountains area in the Late Roman period]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 76/1, 118–134.

- Khrapunov, I.N. 2019: Arkheologicheskaya kultura pozdnerimskogo vremeni v predgornom Krymu [Archaeological Culture of the Late Roman Period in the Piedmont Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]* 1, 32–49.
- Khrapunov, I.N. 2020: Sklep s monetami III v. n. e. iz mogil'nika Opushki [A burial vault with third-century coins in the Necropolis of Opushki]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [The Lower Volga archaeological bulletin]* 19/2, 247–278.
- Khrapunov, I.N., Masyakin, V.V. 1997: Podboynaya mogila vtoroy poloviny III veka nashey ery iz mogil'nika Druzhnoe [Undercut grave of the second half of the 3rd century AD from the Druzhnoe Necropolis]. *Stratum Plus. Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik [Stratum Plus. Petersburg archaeological bulletin]*, 164–180.
- Khrapunov, I.N., Masyakin, V.V. 1998: Mogila s dvumya podboymi III v. n. e. iz nekropolya Druzhnoe v Krymu [A tomb with two cut niches dating to the 3rd century AD from the Necropolis Druzhnoye in the Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]* 4, 133–149.
- Khrapunov, I.N., Mul'd, S.A. 2004.: Sklepy s pogrebeniyami III v. n. e. iz mogil'nika Neyzats [The vaults with the 3rd century AD burials in the Necropolis of Neizats]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies]* VII, 299–326.
- Khrapunov, I.N., Mul'd, S.A. 2000: Novye issledovaniya mogil'nikov pozdnerimskogo vremeni v Krymu [New researches of cemeteries of the Late Roman period in the Crimea]. In: M. Mączyńska, T. Grabarczyk (eds.), *Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Lódź, 479–521.
- Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A. 2021: Sklep s mnogokratnymi pogrebeniyami III v. n. e. iz mogil'nika Opushki [A burial vault with repeated burials from the 3rd century A.D. in the Necropolis of Opushki]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik [The Lower Volga archaeological bulletin]* 20, no. 1, 217–250.
- Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A., Mul'd, S.A. 2001: Pozdneskifskiy mogil'nik u s. Levadki [Late Scythian Necropolis near Levadky Village]. In: Yu.M. Mogarichev, I.N. Khrapunov (eds.), *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik [Bakhchisaray Historical and archaeological collected works]* II, 105–168.
- Khrapunov, I.M. 2014: Pidbijna mogila z pohovannjami III – IV st. z mogil'nika Neyzats [Undercut grave with the 3rd – 4th c. burials from Neyzats Burial ground]. *Arheologiya [Archaeology]* 2, 80–90.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2019: Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana «Kirpichnyy» v Prikuban'e [The Sarmatian burial from “Kirpichnyy” barrow in Kuban region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]* 18/1, 178–191.
- Mączyński, P., Polit, B. 2016: Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400)]. Vol. II: 20 years of researches at the Necropolis of Neizats]. Simferopol, 76–96.
- Medvedev, A.P. 1990: *Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ya)* [Sarmatians and forest-steppe (according to Podonye materials)]. Voronezh.
- Muld, S.A. 2001: Pozdnesarmatskoe pogrebenie v Central'nom Krymu [Late Sarmatian burial in the Central Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]* VIII, 51–66.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2016: *Polevyye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* [Field researches at Ust'-Al'ma Necropolis in 2008–2014]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017: *Polevyye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg.* [Field researches at Ust'-Al'ma Necropolis in 2004–2007]. Simferopol.
- Rumyantseva, O.S. 2009: Busy mogil'nika Brut 2 2-y poloviny II–III vv. n. e. [Beads of the Brutus 2 Necropolis of the second half of the 2nd–3rd centuries AD]. In.: T.A. Gabuev, V.Yu. Malashev (eds.), *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza*

- [*Monuments of the early Alans of the central regions of the North Caucasus*]. Moscow, 341–437.
- Skripkin, A.S. 1977: Fibuly Nizhnego Povolzh'ya (po materialam sarmatskikh pogrebeniy) [Fibulae of the Lower Volga region (according to Sarmatian burial materials)]. *Sovetskaya arkeologiya [Soviet Archaeology]* 2, 100–121.
- Stoyanova, A.A. 2005: Podboynaya mogila no.193 iz mogil'nika Neyzats v Central'nom Krym [Shaft-and-chamber Grave no. 193 from Neizats Necropolis in the Central Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria]* XI, 153–169.
- Stoyanova, A.A. 2011: Akcessuary zhenskogo kostyuma II – pervoy poloviny III v. n. e. iz mogil'nika Neizats [The second and the first half of the third century AD female costume accessories from the Necropolis of Neizats]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Issledovaniya mogil'nika Neizats [Exploring the Necropolis of Neizats]*. Simferopol, 115–152.
- Stoyanova, A.A. 2012: *Detskie pogrebeniya iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003–2009 gg.)* [Children's burials in the Necropolis of Opushki (according to 2003–2009 excavations)]. Simferopol.
- Stoyanova, A.A., 2016: Podveski iz mogil'nika Neizats [Pendants from the Necropolis of Neizats]. In: I.N. Khrapunov (red.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC AD 400)]. Vol. II: 20 years of researches at the Necropolis of Neizats]. Simferopol, 122–165.
- Trufanov, A.A. 1997: Tipologiya krasnolakovykh tarelok s vertikal'nym bortikom (po materialam mogil'nikov yugo-zapadnogo Kryma) [A typology of the red-slip plates with vertical border (according to the materials from the south-western Crimea)]. In: Yu.M. Mogarichev, I.N. Khrapunov (eds.), *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik [Bakhchisarai historical and archaeological proceedings]* I. Simferopol, 181–192.
- Trufanov, A.A. 2004: Podboynye mogily III v. n. e. nekropolya u s. Kurskoe (po materialam raskopok 2001 g.) [The third-century AD undercut graves in the Necropolis of Kurskoe (according to 2001 excavation materials)]. *Sugdeyskiy sbornik [Sougdaia proceedings]* I. Kiev–Sudak, 495–521.
- Trufanov, A.A. 2007: Zerkala-podveski pervykh vekov n. e. iz mogil'nikov Krymsky Skifii [Mirrow-pendants of the first centuries A.D. from the necropolis of the Crimean Scythia]. In: Y.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika [The Ancient Taurika]*. Simferopol, 173–186.
- Trufanov, A.A. 2010: Pogrebeniya III v. n. e. na yugo-zapadnoy okraine Ust'-Al'minskogo nekropolya [Burials of 3rd Century A.D. from South-Western Margin of Ust-Alma Necropolis]. *Stratum plus* 4, 145–195.
- Trufanov, A.A., Koltukhov, S.G. 2001–2002: Issledovanie pozdneantichnogo nekropolya u s. Kurskoe v Yugo-Vostochnom Krymu [Researches of the Late-Antique Necropolis near the village of Kurskoye in the South-Eastern Crimea]. *Stratum plus* 4, 278–295.
- Vlaskin, M.V. 2000: Rannesarmatskie pogrebeniya mogil'nika Severo-Zapadnyy I [Early Sarmatian Burial at the Severo-Zapadnyi I Necropolis]. In: Yu.K. Guguev (ed.), *Sarmaty i ih sosedi na Donu: Materialy i issledovaniya po arkheologii Doma* [The Sarmatians and their neighbours on the Don] I. Rostov-on-Don, 9–26.
- Zakharov, A.V. 2000: Sarmatskoe pogrebenie v kurgane “Krestovyy” [A Sarmatian Burial under the Krestovy Barrow]. In: Yu.K. Guguev (ed.), *Sarmaty i ih sosedi na Donu: Materialy i issledovaniya po arkheologii Doma* [The Sarmatians and their neighbours on the Don] I. Rostov-on-Don, 27–45.
- Zhuravlev, D.V. 2010: *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n. e.: (po materialam pozdneskifskikh nekropolej Bel'bekskoy doliny)* [The red slip ware in the south-

western Crimea from the first to third century AD (according to the finds from the Late Scythian cemeteries in the Belbek river valley)]. Simferopol.

**A TYPE OF SETS OF BEADS FROM FEMALE BURIALS OF THE OF
THE ROMAN PERIOD FROM THE FOOTHILL CRIMEA**

Anastasiya A. Stoyanova

*Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol,
Russia
ancient2008@mail.ru, stoyanova.anastasiya@gmail.com*

Abstract. Some Crimean burials of the first centuries AD contain large, compositionally similar sets of glass beads laid across the lower-leg bones of the buried people. For the most part, they represent cylindrical red and white beads, prismatic red, white and green beads, green, blue and purple 14-faceted beads, rounded-bead necklaces with inner metallic shim. The average number of beads in a set amount to several hundred. They are for the most part related to the 5th-category one-segmented bow-shaped garter-type fibulae and to “Inkerman” series fibulae according to Ambroz’s classification. It can be concluded, on the basis of the fibulae dating records, that such sets appeared in the foothill Crimea in the second half of the 2nd century AD, possibly closer to the end of the century, and were used throughout the first half of the 3rd century AD. This conclusion is confirmed by the conjunction of the bead sets with the Khazanov-IX type mirrors, large lunulae pendants and coins. These beads were part of the costume of women aged over 20; they were most likely used to embroider the border of dress skirts, pants or boot tops. The tradition to embroider shoes or dress skirting with bead necklaces was widespread in the Sarmatian world and the bordering regions; however, the sets similar to those being explored are almost never found outside the Crimea. An exception is the Sarmatian Alföld and Banat burials where the sets much similar in composition and in purpose were used from the 2nd to the 4th centuries. Most probably, the considered sets of beads represent a phenomenon formed among the Crimean foothills population in the second half of the 2nd century. This tradition was not widespread, but was practiced in individual groups that buried their tribesmen at certain necropoleis. The presence of such sets in short-dromos crypt that are found in the Crimean foothills, being dated to the first half of the 3rd century AD, is particularly interesting – these burials are treated by the researchers as associated with the migrants from the North Caucasus. This fact reflects the complicated processes of interaction between the aliens and the indigenous population and, possibly, points to the formation of heterogeneous marriages.

Keywords: The Foothill Crimea, Roman period, sets of beads, female costume, chronology, ethnic processes.

СКЛЕП IV В. Н.Э. ИЗ МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ В КРЫМУ¹

С.Б. Шабанов

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», Симферополь, Россия
neizats2004@mail.ru

Аннотация. Могильник Опушки расположен в 15 км к востоку от г. Симферополя, в центре крымских предгорий. Исследования могильника ведутся с перерывами с 2003 г. За это время было открыто 318 погребальных сооружений: склепы, грунтовые, подбойные и плитовые могилы, каменный ящик. Судя по исследованным участкам, могильник беспрерывно использовался с I в. до н.э. по IV в. н.э. Среди погребальных сооружений встречаются склепы, характерные для позднескифской культуры, средне- и позднесарматские погребения, склепы, связанные с появлением в Крыму предков северокавказских алан, и кремация, совершенная по германскому обряду. Конструкция склепа № 287, погребальный обряд и инвентарь находят аналогии среди других синхронных могильников предгорного Крыма. Среди погребального инвентаря особый интерес вызывает стеклянный кубок, украшенный шлифованными овалами типа Egges 230. Находки таких сосудов известны на Северной, Центральной и Восточной Европе. Долгое время среди исследователей не было единого мнения о времени появления кубков Eggers 230. Сейчас же можно утверждать, что появляются они во второй половине III в. н.э., а время их наибольшего распространения пришлось на IV в. н.э. Пока нам были известны находки шести целых и четырех фрагментированных сосудов типа Eggers 230 в крымских предгорьях. Теперь этот ряд может дополнить еще один сосуд со шлифованными овалами из могильника Опушки. Появление этого сосуда здесь можно связать с усилением контактов между населением полуострова и германцами, в частности с носителями черняховской культуры, в IV в. н.э.

Ключевые слова: Крым, позднеримское время, могильник, Опушки, склеп, стеклянный сосуд.

Могильник Опушки расположен в 15 км к востоку от г. Симферополя, в центральной части крымских предгорий (рис. 1, I). Памятник был открыт грабителями в 2002 г. В результате их действий на площади около 3 га уничтожено более 200 погребальных сооружений. Научные исследования могильника ведутся с перерывами с 2003 года экспедицией Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. За время раскопок открыто 318 погребальных сооружений: склепы, подбойные, плитовые и грунтовые могилы, каменный ящик с трупосож-

Данные об авторе: Шабанов Станислав Борисович – руководитель проектов и программ Благотворительного фонда «Наследие тысячелетий».

¹ Выражаю благодарность И.Н. Храпунову за возможность работы с неопубликованными материалами из могильника Опушки.

жением. Результаты исследований показали, что некрополь, относящийся к различным культурам, непрерывно использовался с I в. до н.э. по IV в. н.э. Наиболее ранние захоронения совершились в типичных позднескифских склепах, количество погребенных в которых могло достигать сотни и более. Использовать их перестали, видимо, в первой половине II в. н.э., и занимали они на могильнике отдельную компактную территорию. В начале III в. н.э. появляются склепы другой конструкции. Их отличительными чертами стали наличие короткого дромоса между камерой и входной ямой, а также небольшое, по сравнению с позднескифской традицией, количество погребенных (4–8 человек) в один ярус. Некоторые из этих склепов перестали использовать около середины III в. н.э., другие продолжали функционировать и во второй половине столетия, и на протяжении IV в. н.э. Они также образовали компактную группу на территории могильника². Об одном из таких комплексов, исследованном в 2020 г., и пойдет речь дальше.

ОПИСАНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

Склеп № 287 имел прямоугольную в плане входную яму, ориентированную с запада на восток (рис. 1, II). Ее торцовая часть почти полностью разрушена другой могилой. Длина входной ямы составляет 2,4 м, ширина – 0,7 м. Дно входной ямы понижается в восточном направлении (рис. 2). В наиболее глубокой части ее глубина составляла 1,9 м от уровня материка и 2,9 м от современной дневной поверхности. В заполнении входной ямы обнаружен вертикально стоящий крупный камень. Вероятно, в древности он возвышался над дневной поверхностью и обозначал место могилы.

Вход в погребальную камеру был сделан в восточной стене входной ямы. Снаружи он был закрыт несколькими известняковыми плитами. Погребальная камера прямоугольная в плане. Ее размеры 3,0 х 2,5 м. Традиционная для такого типа погребальных сооружений перпендикулярность длинной оси камеры и длинной оси входной ямы в данном случае не была соблюдена, и погребальная камера были устроена с небольшим отклонением. Пол погребальной камеры расположен на 20 см ниже дна входной ямы. Переход оформлен в виде ступеньки. В юго-западной части камеры заполнение и то, что находилось на полу, были уничтожены грабительским лазом.

В центральной части погребальной камеры, на полу сохранились останки трех погребенных в виде костного тлена и частично сохранившихся костей рук и ног. Все погребения были совершены в вытянутом положении на спине головами на запад, т.е. ко входу в погребальную камеру (рис. 3).

Погребения пронумерованы с севера на юг. На костях правой ноги погребения I обнаружены две бронзовые пряжки (рис. 3, 3, 7; 4, 2, 3), железный нож (рис. 3, 4; 4, 9) и фрагмент железного предмета с деревянной рукоятью (рис. 3, 8; 4, 8). Между погребениями I и II лежали две янтарные подвески (рис. 3, 12; 4, 14), лепной сосуд (рис. 3, 11; 4, 15) со вставленным в него стеклянным кубком (рис. 3, 10; 4, 1), железные нож (рис. 3, 5; 4, 10), фрагмент предмета железного с деревянной рукоятью (рис. 3, 6; 4, 7) и бронзовое кольцо (рис. 3, 2; 4, 6).

² Храпунов 2019, 589–590.

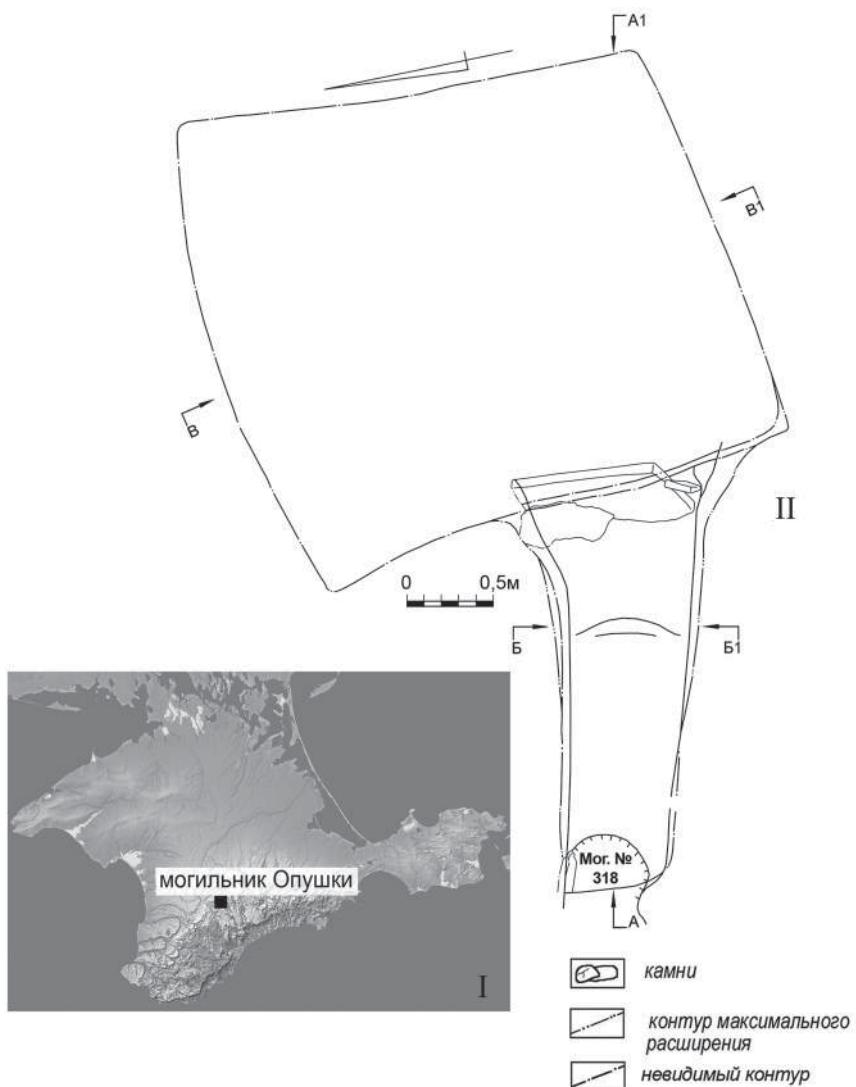

Рис. 1. I – Месторасположение могильника Оpushки; II – мог. №287, план (чертеж А.А. Стояновой)

Fig. 1. I – Location of the Necropolis of Opushki; II – grave no. 287, ground plan (drawing by A.A. Stoyanova)

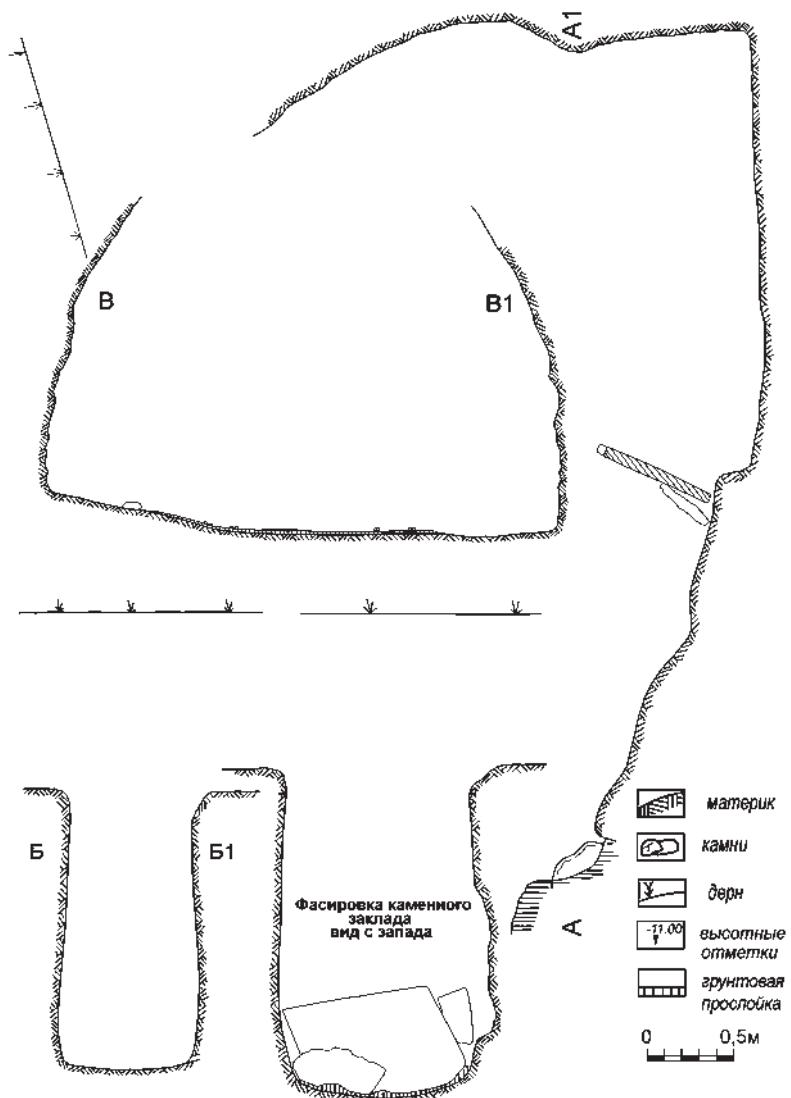

Рис. 2. Могильник Оpushки. Мог. №287, разрезы (чертеж А.А. Стояновой)
 Fig. 2. Necropolis of Opushki. Grave no. 287, cross-sections (drawing by A.A. Stoyanova)

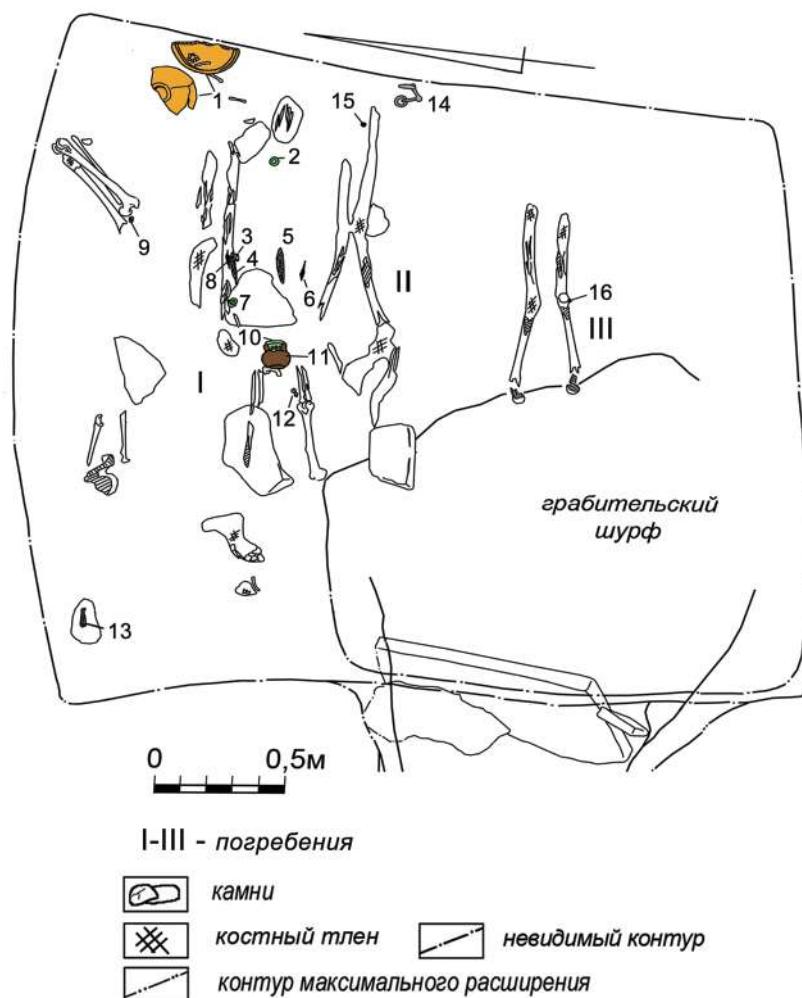

Рис. 3. Могильник Оpushки. Склеп №287. Общий план погребений в камере (чертеж А.А. Стояновой): 1 – краснолаковая миска; 2 – бронзовое кольцо; 3, 7, 9 – бронзовые пряжки; 4, 5 – железные ножи; 6, 8 – фрагменты железных предметов; 10 – стеклянный кубок; 11 – лепной сосуд; 12 – янтарные подвески; 13 – точильный камень; 14 – железные удила; 15 – железная пряжка; 16 – керамическое прядлище

Fig. 3. Necropolis of Opushki. Grave no. 287. General plan of the burials in the burial chamber (drawing by A.A. Stoyanova). 1 – red-slip bowl; 2 – bronze ring; 3, 7, 9 – bronze buckles; 4, 5 – iron knives; 6, 8 – fragments of iron artefacts; 10 – glass beaker; 11 – hand-formed vessel; 12 – amber pendants; 13 – stone grindstone; 14 – iron bit; 15 – iron buckle; 16 – ceramic spindle whorl

Между берцовыми костями *погребения II* обнаружена железная пряжка (рис. 3, 15; 4, 5). В ногах, у западной стены погребальной камеры, находились фрагментированные железные удила (рис. 3, 14; 4, 17). У правого колена *погребения III* обнаружен обломок глиняного пряслица (рис. 3, 16; 4, 11). В северо-западном углу погребальной камеры лежал точильный камень (рис. 3, 13; 4, 16), в 40 см от северной стены – бронзовая пряжка (рис. 3, 9; 4, 4), а у восточной – разбитая краснолаковая миска (рис. 3, 1; 4, 19).

Склеп был заполнен суглинком, а грабительская яма – прослойками суглинка и темной земли. В заполнении погребальной камеры обнаружены крупное глиняное пряслице (рис. 4, 12), бусина (рис. 4, 13) и краснолаковая миска (рис. 4, 18).

Несмотря на то, что часть погребального комплекса была разрушена грабителями, в склепе № 287 был найден разнообразный материал, на котором стоит остановиться подробнее.

Три бронзовые пряжки (рис. 4, 2–4) с овальной утолщенной в передней части рамкой, ступенчато срезанным в тыльной части язычком, конец которого загнут за рамку (размеры – 2,3 x 1,8; 3,1 x 2,3; 1,8 x 1,3 см), относятся к распространенному в IV в. н.э. в крымских предгорьях типу ременной гарнитуры³. Известны находки таких пряжек со щитками овальной или треугольной формы с заклепками, но в нашем случае они отсутствуют.

Из-за сильной коррозии сложно что-то сказать про небольшую железную пряжку (рис. 4, 5) с овальной рамкой и язычком, конец которого загнут за рамку (размеры – 2 x 1,3 см). Подобные пряжки встречаются в погребальных комплексах IV в. н.э., открытых в предгорном Крыму⁴.

Большая краснолаковая миска (рис. 4, 19) на невысоком кольцевом поддоне с округлыми стенками имеет почти вертикальный, слегка загнутый вовнутрь край (H – 7,3 см; D венчика – 21,5 см; D поддона – 8 см). Хорошо заметны резкое ребро при переходе от края к стенкам сосуда и несколько врезных линий с наружной стороны венчика. Такие миски, относящиеся к группе «Pontic Red Slip Ware», известны в крымских могильниках Дружное и Алмалык-Дере⁵. Датировать их можно IV в. н.э., возможно, второй половиной столетия.

Вторая полусферическая краснолаковая миска (рис. 4, 18) на кольцевом поддоне имеет меньшие размеры и сильно отогнутый наружу край (H – 4,8; D венчика – 10,8; D поддона – 4,9 см). Подобные сосуды встречаются в крымских погребальных комплексах IV в. н.э.⁶

³ Айбабин 1999, 252, 254; Гавритухин, Свиридов, Язиков 2020, 101; Зайцев 1997, рис. 62, 63; Зайцев, Мордвинцева 2003, рис. 8, 4–8; Лобода 2005, 211–212; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2003–2004, 147–148; Храпунов 2002, 48; Храпунов 2016а, 100.

⁴ Храпунов 2002, рис. 92, 25, 107, 13, 114, 2; 2008, рис. 5, 11, 13.

⁵ Храпунов 2002, рис. 145, 3, 147, 1; Иванова 2009, 39, 43.

⁶ Веймарн 1963, 36, 39, рис. 7, 17; Храпунов 1998, 124, рис. 5, 3; Нессель 2003, 116, рис. 4, 10; Зайцев, Мордвинцева 2003, 59, рис. 6, 8.

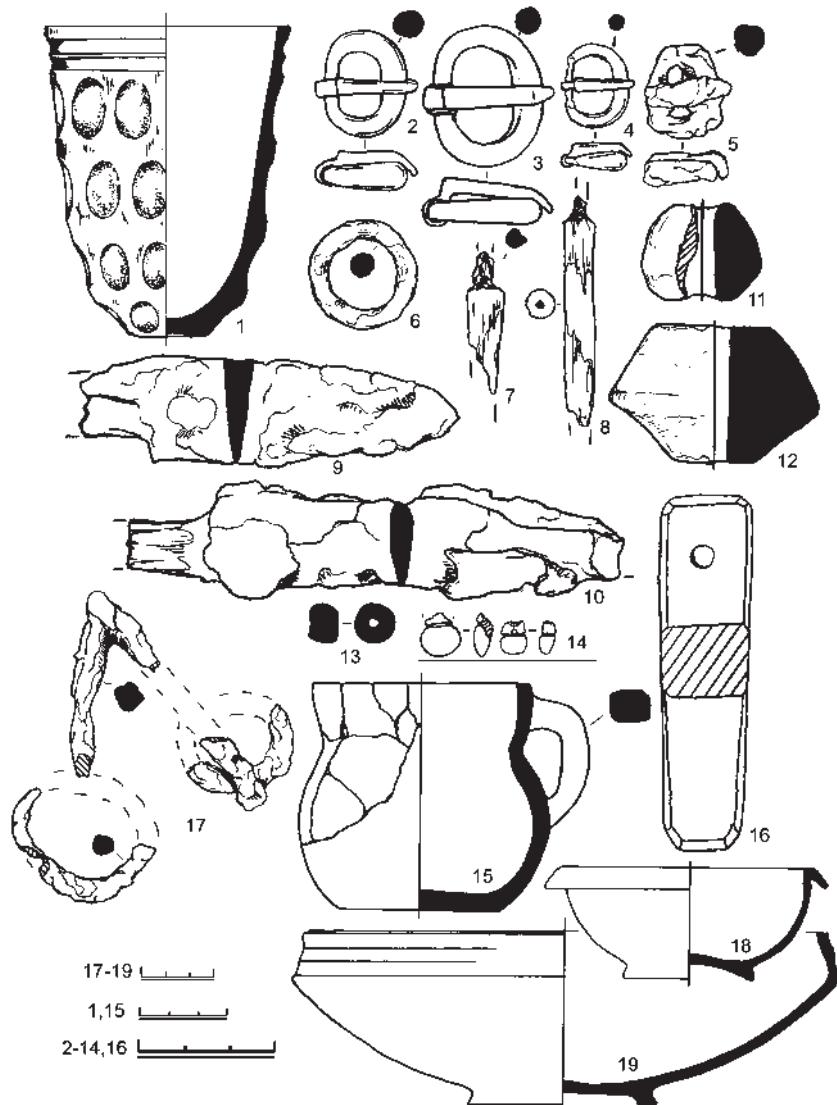

Рис. 4. Могильник Оpushки. Мог. №287. Погребальный инвентарь: 1 – стеклянный кубок; 2–4 – бронзовые пряжки; 5 – железная пряжка; 6 – бронзовое кольцо; 7, 8 – предметов железных фрагменты; 9, 10 – железные ножи; 11, 12 – керамические прядильные приспособления; 13 – гагатовая бусина; 14 – янтарные подвески; 15 – лепной сосуд; 16 – точильный камень; 17 – железные удильца; 18, 19 – краснолаковые миски

Fig. 4. Necropolis of Opushki. Grave no. 287. Grave goods: 1 – glass beaker; 2–4 – bronze buckles; 5 – iron buckle; 6 – bronze ring; 7, 8 – iron artefacts fragments; 9, 10 – iron knives; 11, 12 – ceramic spindle whorls; 13 – jet bead; 14 – amber pendants; 15 – hand-formed vessel; 16 – stone grindstone; 17 – iron bit; 18, 19 – red-slip bowls

Аналогии лепному одноручному сосуду (рис. 4, 15) (H – 9,9 см; D венчика – 9,1 см; D поддона – 6,5 см) можно найти среди материалов IV в. н.э. из могильников Дружное⁷, Вишневое⁸, Совхоз № 10⁹, Фронтовое 3¹⁰.

Обращает на себя внимание *стеклянный кубок* подцилиндрической формы и подкругляющимися книзу стенками (рис. 4, 1) (H – 10,9 см; D венчика – 8,1 см; D dna – 2 см), изготовленный из толстого стекла темно-оливкового цвета. Край сосуда обрезан, зашлифован и слегка отогнут наружу; дно вогнуто. На тулове сосуда нанесены четыре горизонтальных ряда прошлифованных овалов и две широкие врезные линии под краем. В крымских предгорьях найдено уже более десятка подобных сосудов, отличающихся техникой исполнения, толщиной стенок, четкостью овалов и линий¹¹. В могильнике Опушки это уже вторая находка¹². Исследователи относят такие сосуды к типу *Eggers 230* по классификации Х. Эгgersа¹³, типам *Kowalk* по Г. Рау¹⁴, *Straume I* по Э. Штрауме¹⁵. Все они датируются IV в. н.э.¹⁶ и встречаются на значительной территории от Скандинавии на севере до Причерноморья на юге¹⁷.

Железные удила с кольцевидными псалиями (рис. 4, 17), обнаруженные в склепе № 287, относятся к типу, широко распространенному в римское время в Северном Причерноморье, что связано, видимо, с простотой их изготовления. В то же время такая несложная их конструкция усложняет этнокультурную атрибуцию удил¹⁸. Из-за сильной коррозии и фрагментации не удалось обнаружить какие-либо особенные конструктивные детали для решения этой задачи.

В склепе были найдены две фрагментированные янтарные восьмерковидные (грибовидные) подвески (рис. 4, 14). Их размеры – 1,2 x 1,2 см; 1 x 0,7 см. По замечанию исследователей, в крымских предгорьях такие украшения появляются в III в. н.э., а наибольшее их распространение приходится на IV в. н.э.¹⁹ К этому же времени можно отнести и бочковидную поперечно сжатую бусину из гагата (рис. 4, 13) (размеры – 1,4 x 1 см), найденную в заполнении погребальной камеры²⁰. Типичными для погребальных комплексов римского времени предгорного Крыма также являются найденные в склепе орудия труда: железные ножи (рис. 4, 9, 10), керамические пряслица (рис. 4, 11, 12) и точильный камень (рис. 4, 16). Отдельно стоит выделить только фрагменты стержневидных предметов с остатками

⁷ Власов 1999, 346.

⁸ Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, 33, рис. 11, 7.

⁹ Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2003–2004, 133–134, табл. XXX, 18.

¹⁰ Суханов 2020, 71–72.

¹¹ Шабанов 2011, рис. 5, 35–39; Храпунов 2002, рис. 71, 14; Mączyńska, Gercen, Ivanova, Černyš, Lukin, Urbaniak, Bemann, Schneider, Jakubczyk, 2016, taf. 354; Шабанов 2020а, 394, рис. 2, 4.

¹² О первой находке см. Шабанов 2020б, 118, рис. 2, 8.

¹³ Eggers 1951, 180.

¹⁴ Rau 1972, fig. 52; Rau 2008, 222.

¹⁵ Straume 1987, 28–33.

¹⁶ Shabarov 2011, 209–214.

¹⁷ Rau 1975, 477–479, Abb. 6; Barkoczi 1988, 105, taf. XV, 166; Gomolka-Fuchs 1999, 137; Holland 2001, 37; Panczal, Dobos 2007, 69, fig. 2; Gavritukhin 2011, 39–46; Румянцева 2014, 403–404; Петраускас 2016, 96; Tica 2020, 214–215.

¹⁸ Антипенко 2016, 85.

¹⁹ Маstryкова 1999, 175–176; Высотская, Рыжова 1999, 127; Стоянова 2016, 129.

²⁰ Определение подвесок и бусины сделано А.А. Стояновой, за что выражают ей глубокую признательность.

деревянной рукояти (рис. 4, 7, 8), которые по внешнему виду напоминают шилья. Недавно было высказано мнение, что такие «шилья» могут представлять собой орудия для высекания огня – кресала, находки которых хорошо известны в Центральной и Северной Европе²¹.

ВЫВОДЫ

Конструкция склепа № 287 и погребальный обряд находят многочисленные сходства с другими комплексами IV в. н.э. из могильников, открытых в предгорном Крыму. К этому времени относится значительная часть погребений в склепах с трапециевидными или прямоугольными камерами и короткими дромосами, сопровождающимися большим количеством керамической и стеклянной посуды, украшениями и предметами вооружения. Появляются подобные сооружения в крымских предгорьях, видимо, в III в. н.э. и связываются с переселившейся в Крым частью северокавказских алан во время т.н. «готских походов»²². Конструктивной особенностью опушкинского склепа является его заметная асимметричность и отсутствие четко различимого коридора-дромоса между камерой и входной ямой. Возможно, эта индивидуальная черта связана с особой геологической ситуацией, не позволившей выкопать склеп традиционной конфигурации. Такие случаи известны в крымских могильниках позднеримского времени²³.

Склеп в недавнее время подвергся ограблению. Грабители через потолок погребальной камеры пробили шурф и нарушили целостность комплекса, при этом оставив нетронутым каменный заклад. Обвалившийся в древности свод не позволил им закончить начатое, и часть захоронений удалось полноценно доследовать. Сохранившийся в склепе погребальный инвентарь позволяет рассматривать IV в. н.э. как наиболее вероятное время использования погребального сооружения. Элементы ременной гарнитуры, краснолаковые и лепной сосуды, орудия труда, украшения находят аналогии в других синхронных могильниках предгорного Крыма.

Отдельно стоит упомянуть стеклянный кубок со шлифованными овалами (рис. 4, 1). Сохранился он полностью, поскольку был изготовлен из толстого стекла и, кроме того, был вставлен в небольшой лепной сосуд и плотно в нем зафиксирован. Практика ставить стеклянную посуду внутрь более крупных гончарных и лепных сосудов неоднократно отмечалась при исследовании позднеантичных крымских склепов, особенно в тех случаях, когда посуды было много и складывали ее у одной из стен погребальной камеры. Часто это помогало стеклянным сосудам остаться целыми при обрушении свода.

В могильнике Оpushki это уже вторая подобная находка. Первый кубок был найден в склепе № 274, исследованном в 2019 г., в 12 м от описываемого комплекса²⁴. Этот сосуд отличался более тонкими стенками и был изготовлен из светло-желтого, почти бесцветного стекла. По стилю и технике изготовления оба кубка, без сомнения, относятся к одному типу *Eggers 230*, получившему широкое распространение в варварской среде на обширной территории от Северного до

²¹ Mączyński, Polí 2016, 77–78.

²² Храпунов 2016б, 124; Храпунов 2018, 134–135; Айабин, Хайрединова 2017, 42–43.

²³ Мульд 2016, 43.

²⁴ Шабанов 2020а, рис. 2, 3; Храпунов, Стоянова 2020, 430.

Черного морей. На территории Крыма находки таких сосудов, за исключением двух случаев, сконцентрированы в центральной части крымских предгорий. Происходят они из могильников Опушки, Дружное и Нейзац, причем в последнем в одном из склепов IV в. н.э. было найдено сразу три стеклянных кубка²⁵. Еще два фрагментированных сосуда были найдены вне комплекса в Юго-Западном Крыму при исследовании могильника Алмалык-Дере на склоне Мангупа и на городище Пантикалея на Керченском п-ове²⁶.

В середине III в. н.э. в Северном Причерноморье происходят масштабные этнополитические события, связанные с т.н. «готскими походами». В их результате в Крым переселяются какие-то группы германцев, привнесшие с собой погребальные традиции и свою материальную культуру. Вещи германского круга, обычно представленные предметами вооружения, украшениями, керамикой становятся частой находкой в крымских погребальных комплексах позднеримского времени. Этот ряд могут дополнить и стеклянные кубки типа *Eggers 230*. Привезены ли они были сюда непосредственно «пришельцами» или появились в результате контактов с носителями, например, черняховской культуры, сказать сложно. Дискуссионным остается пока и сам вопрос появления и расселения германцев в Крыму²⁷.

ЛИТЕРАТУРА

- Айабин, А.И. 1999: *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь.
- Айабин, А.И., Хайдинова, Э.А. 2017: *Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.)*. Симферополь.
- Антипенко, А.В. 2016: Типология псалий I–IV вв. н.э. (по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья). *МАИЭТ* XXI, 84–109.
- Веймарн, С.В. 1963: Археологічні роботи в районі Інкермана. В сб.: А.Т. Брайчевська (ред.), *Археологічні пам'ятки УРСР* XIII, 15–42.
- Власов, В.П. 1999: Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н.э. Дружное в Крыму. В сб.: М.И. Гладких, М.Е. Левада (ред.), *Сто лет Черняховской культуры*. Киев, 322–371.
- Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А. 1999: Бусы могильника «Совхоз-10» («Севастопольский»). В сб.: В.И. Кадеев (ред.), *Древности 1997–1998*. Харьков, 116–133.
- Гавритухин, И.О., Свиридов, А.Н., Язиков, С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение). *РА* 2, 91–110.
- Зайцев, Ю.П. 1997: Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.), *Археологические исследования в Крыму. 1994*. Симферополь, 102–116.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2003: Исследования могильника у с. Суворово в 2001 г. *МАИЭТ* X, 57–77.
- Иванова, О.С. 2009: Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-Дере (Мангуп). *МАИЭТ* XV, 26–88.
- Лобода, И.И. 2005: Раскопки Красномакского могильника в 1983–1984 гг. *МАИЭТ* XI, 192–251.
- Мастыкова, А.В. 1999: О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье. В сб.: М.И. Гладких, М.Е. Левада (ред.), *Сто лет Черняховской культуры*. Киев, 171–202.

²⁵ Khrapunov 2008, 207–208, fig. 9, 1–3.

²⁶ Шабанов 2015, 215, 216.

²⁷ См. Шаров 2019.

- Мульд, С.А. 2016: Погребальные сооружения могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)* II. Симферополь, 37–75.
- Нессель, В.А. 2003: Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка. *Херсонесский сборник* XII, 107–123.
- Петраускас, О.В. 2016: Скляні посудини типу Еггерс/230 в черняхівській культурі: хронологічний аспект. В сб.: О.В. Петраускас, О.В. Гопкало, С.А. Горбаненко (ред.), *Черняхівська культура (Oium 5)*. Київ, 89–106.
- Пуздовский, А.Е., Зайцев, Ю.П., Неневоля, И.И. 2001: Новые памятники III–IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму. *МАИЭТ* VIII, 32–50.
- Румянцева, О.С. 2014: Стеклянные сосуды со шлифованым декором и хронология поселения Комаров. В сб.: А.М. Обломский (ред.), *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов (Раннеславянский мир 15)*. М., 401–434.
- Стоянова, А.А. 2016: Подвески из могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)* II. Симферополь, 122–165.
- Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. 2003–2004: Население окраин Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10»). *Stratum plus* 4, 27–277.
- Суханов, Е.В. 2020: Лепная керамика могильника римского времени Фронтовое 3 (предварительная публикация). *МАИЭТ* XXV, 66–89.
- Храпунов, И.Н. 1998: Склеп IV ст.н.е. із могильника Дружне. *Археологія* 4, 118–127.
- Храпунов, И.Н. 2002: *Могильник Дружнє (III–IV вв.н.э.)*. Lublin.
- Храпунов, И.Н. 2008: Склеп IV в.н.э. из могильника Нейзац. *ПИФК* XXI, 356–392.
- Храпунов, И.Н. 2016а: Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)* II. Симферополь, 97–121.
- Храпунов, И.Н. 2016б: Население горного Крыма в позднеримское время. *ВДИ* 1, 118–134.
- Храпунов, И.Н. 2018: Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)* IV. Симферополь, 133–145.
- Храпунов, И.Н. 2019: Некоторые итоги и перспективы исследований варварских памятников римского времени в предгорном Крыму (на примере могильника Опушки). В сб.: В.Н. Зинько, Е.В. Зинько (ред.), *XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований*. Симферополь–Керчь, 589–592.
- Храпунов, И.Н., Стоянова, А.А. 2020: Исследования могильника Опушки в 2019 г. В сб.: В.В. Майко (ред.), *История и археология Крыма* XIII, 429–434.
- Шабанов, С.Б. 2011: Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.). *МАИЭТ* XVII, 141–191.
- Шабанов, С.Б. 2015: Сармато-германские контакты в Предгорном Крыму в позднеримское время (по материалам стеклянной посуды). *ПИФК* 3, 213–230.
- Шабанов, С.Б. 2020а: Новые находки стеклянных сосудов позднеримского времени в крымских предгорьях. В сб.: В.Н. Зинько, Е.В. Зинько (ред.), *XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте*. Симферополь–Керчь, 392–397.
- Шабанов, С.Б. 2020б: Стеклянные сосуды римского времен из могильника Опушки в Крыму (по материалам раскопок 2003–2019 гг.). *ПИФК* 2, 110–134.
- Шаров, О.В. 2019: Появление германцев и сармато-германские контакты в Крыму в позднеримскую эпоху. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)* VI. Симферополь, 328–340.
- Barkoczi, L. 1988: *Pannonische Glassfunde in Ungarn (Acta Archaeologica IX)*. Budapest.

- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien*. Hamburg.
- Gavritukhin, I. 2011: Cut Glass Beakers within the Context of Studies in the Connections between the South of Eastern Europe and Scandinavia in the Late Period of Roman Influence and the Great Migration Periods. In: I. Khrapunov, F.A. Stylegar (eds.), *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand–Simferopol, 39–69.
- Gomolka-Fuchs, G. 1999: Gläser der Sântana de Mureş-Černjachov-Kulturaus Rumänien und der Republik Moldavien. In: G. Gomolka-Fuchs (ed.), *Die Sântana de Mureş-Černjachov-Kultur*. Bonn, 129–142.
- Holland, I. 2001: *Sustaining Life. Vessel import to Norway in the first millennium AD*. Stavanger.
- Khrapunov, I.N. 2008: The Vault with Openwork Plaque from the Necropolis of Neyzats in the Crimea. In: B. Niezabitowska-Wiśniewska, M. Juściński, P. Łuczkiewicz, S. Sadowski (eds.), *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. I. Lublin, 189–217.
- Mączyńska, M., Gercen, A., Ivanova, O., Černyš, S., Lukin, S., Urbaniak, A., Bemmam, J., Schneider, K., Jakubczyk, I. 2016: *Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fußedes Mangup auf der Südwestkrim*. Mainz.
- Mączyński, P., Polit, B. 2016: Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в.н.э.)*. II. Симферополь, 76–96.
- Pánczál, S., Dobos, A. 2007: Facet cut Glass Vessels of the Late 3rd to 5th century AD. Analysis of Finds from North Danubian Romania. In: C. Cosma (ed.), *Funerary offerings and votive depositions in Europe's 1st Millennium AD. Cultural artefacts and local identities*. Cluj-Napoca, 67–97.
- Rau, G. 1972: Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. Nachchristlichen Jachrunderts im Oder-Weichel-Raum. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 3, 109–196.
- Rau, G. H. 1975: Spätantike Glasfunde im Karpatenraum. In: H. Jankuhn (ed.), *Beiträge zur Erforschung der römischen Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa. Aufsätze und Forschungsberichte*. Marburg–Lahn, 464–485.
- Rau, G. 2008: Spätantike Facettschlöffläser in Nord- und Osteuropa. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 40, 221–240.
- Shabanov, S. 2011: Glass Beakers with Polished Ovals from the Late Roman Period in the Crimea. In: I. Khrapunov, F.A. Stylegar (eds.), *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period (Cultural-Historical Reports 10)*. Kristiansand–Simferopol, 209–216.
- Straume, E. 1987: *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.* Oslo.
- Tica, G. 2020: Stekleno posodje. In: A. Miškec, B. Županek, Š. Karo, G. Tica (eds.), *Severno emonsko grobišče – raziskave na najdišču Kozolec*, Ljubljana, 210–218.

REFERENCES

- Antipenko, A.V. 2016: Tipologiya psaliy I–IV vv. n.e. (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya) [A Typology of Check-Pieces from the Age of the Sarmatians (According to the Materials of Funeral Sites in the Northern Black Sea Area)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XXI, 84–109.
- Aybabin, A.I. 1999: *Etnicheskaya istoriya rannevizantyiskogo Kryma* [Ethnic history of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol.
- Aybabin, A.I., Khayredinova, E.A. 2017: *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (mid-3rd to 7th century)]. Simferopol.

- Barkoczi, L. 1988: *Pannonische Glass funde in Ungarn (Acta Archaeologica IX)*. Budapest.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien*. Hamburg.
- Gavritukhin, I. 2011: Cut Glass Beakers within the Context of Studies in the Connections between the South of Eastern Europe and Scandinavia in the Late Period of Roman Influence and the Great Migration Periods. In: I. Khrapunov, F.A. Stylegar (eds.), *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand–Simferopol, 39–69.
- Gavritukhin, I.O., Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2020: Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu (predvaritel'noe soobshchenie) [The Roman Period Necropolis Frontovoye 3 in Southwestern Crimea (preliminary publication)]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]* 2, 91–110.
- Gomolka-Fuchs, G. 1999: Gläser der Sintana de Mureş-Černjachov-Kulturaus Rumänien und der Republik Moldavien. In: G. Gomolka-Fuchs (ed.), *Die Sintana de Mureş-Černjachov-Kultur*. Bonn, 129–142.
- Holland, I. 2001: *Sustaining Life. Vessel import to Norway in the first millennium AD*. Stavanger.
- Ivanova, O.S. 2009: Krasnolakovaya keramika iz raskopok mogil'nika v balke Almalyk-Dere (Mangup) [Red-lacquered Ceramics from the Excavations in the Necropolis in the Gully of Almaluk-Dere (Mangup)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]* XV, 26–88.
- Khrapunov, I.N. 1998: Sklep IV v.n.e. iz mogil'nika Druzhne [Burial vault of the 4th century from Necropolis of Druzhnoe]. *Arkheologiya [Archaeology]* 4, 118–127.
- Khrapunov, I.N. 2002: *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv.n.e.) [The Necropolis of Druzhnoe (3rd–4th centuries AD)]*. Lublin.
- Khrapunov, I.N. 2008: Sklep IV v.n.e. iz mogil'nika Neyzac [Burial vault of the 4th c. AD from the Burial Ground Neizatz]. *Problemy istorii, filologii, kultury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* XXI, 356–392.
- Khrapunov, I.N. 2008: The Vault with Openwork Plaque from the Necropolis of Neyzats in the Crimea. In: B. Niegabitowska-Wiśniewska, M. Juściński, P. Łuczkiewicz, S. Sadowski (eds.), *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period I*. Lublin, 189–217.
- Khrapunov, I.N. 2016b: Naselenie gornogo Kryma v pozdnerimskoe vremya [Population of the Crimean Mountains area in the Late Roman Period]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 118–134.
- Khrapunov, I.N. 2016a: Serebryanye i bronzovye pryazhki iz mogil'nika Neyzats [Silver and Bronze Buckles from the Necropolis of Neyzats]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v.n.e.) [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400]* II. Simferopol, 97–121.
- Khrapunov, I.N. 2018: Sklepy s korotkimi dromosami v Krymu i na Severnom Kavkaze [Burial Short-Corridor Vaults in the Crimea and the North Caucasus]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v.n.e.) [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400]* IV. Simferopol, 133–145.
- Khrapunov, I.N. 2019: Nekotorye itogi i perspektivy issledovaniy varvarskikh pamyatnikov rimskogo vremeni v predgornom Krymu (na primere mogil'nika Opushki) [Some results and prospects of research of barbarian monuments of the Roman time in the piedmont Crimea (on the example of Opushki burial ground)]. In: V.N. Zinko, E.V. Zinko (eds.), *XX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i isrednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy [XX Bosphoran readings. Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Main results and prospects of research]*. Simferopol–Kerch', 589–592.
- Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A. 2020: Issledovaniya mogil'nika Opushki v 2019 g. [Exploring the Necropolis of Opushki]. In: *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of the Crimea]* XIII, 429–434.

- Loboda, I.I. 2005: Raskopki Krasnomakskogo mogil'nika v 1983–1984 gg. [Excavation on the Necropolis in Krasny Mak in 1983–1984]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]* XI, 192–251.
- Mączyńska, M., Gercen, A., Ivanova, O., Černyš, S., Lukin, S., Urbaniak, A., Bemmann, J., Schneider, K., Jakubczyk, I. 2016: *Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fuß des Mangup auf der Südwestkrim*. Mainz.
- Mączyński, P., Polit, B. 2016: Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyuepokhu (II v. do n.e. – IV v.n.e.) [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400]* II. Simferopol, 76–96.
- Mastykova, A.V. 1999: O rasprostranenii yantarnykh gribovidnyh bus-podvesok pozdnerimskogo vremeni na yuge Vostochnoy Evropy i v Zakavkaz'e [On the distribution of Amber 8-Shaped Pendants of the Late Roman period in the South of Eastern Europe and in Transcaucasia]. In: M.I. Gladkih, M.E. Levada (eds.), *Sto let Chernyahovskojkul'tury [100 Years of Chernyakhov culture]*. Kiev, 171–202.
- Mul'd, S.A. 2016: Pogrebal'nye sooruzheniya mogil'nika Neyzats [Burial Structures of the Necropolis of Neyzats]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v.n.e.) [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400]* II. Simferopol, 37–75.
- Nessel', V.A. 2003: Krasnolakovaya keramika iz mogil'nika Kilen-Balka [Red slip ceramic ware from the Necropolis of Kilen-Balka]. *Khersonesskiy sbornik [Chersonese collected papers]* XII, 107–123.
- Pánczál, S., Dobos, A. 2007: Facet cut Glass Vessels of the Late 3rd to 5th century AD. Analysis of Finds from North Danubian Romania. In: C. Cosma (ed.), *Funerary offerings and votive depositions in Europe's 1st Millennium AD. Cultural artefacts and local identities*. Cluj-Napoca, 67–97.
- Petrauskas, O.V. 2016: Sklyani posudyny tipu Eggers/230 v chernyakhiv's'kiy kul'turi: khronologichnyy aspect [Glass Vessels of Eggers/230 type in the Chernyakhov culture: chronological aspect]. In: O.V. Petrauskas, O.V. Gopkalo, S.A. Gorbanenko (eds.), *Chernyakhiv's'ka kul'tura [The Chernyakhov culture]* (Oium 5). Kiev, 89–106.
- Puzdrovskiy, A.E., Zaytsev, Yu.P., Nenevolya, I.I. 2001: Novye pamiatniki III–IV vv.n.e. v Yugo-Zapadnom Krymu [New monuments of the 3rd–4th centuries the South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]* VIII, 32–50.
- Rau, G. 1972: Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. Nachchristlichen Jachrunderts im Oder-Weichel-Raum. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 3, 109–196.
- Rau, G. 2008: Spätantike Facettschlöffläser in Nord- und Osteuropa. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 40, 221–240.
- Rau, G. H. 1975: Spätantike Glasfunde im Karpatenraum. In: H. Jankuhn (ed.), *Beiträge zur Erforschung der römischen Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa. Aufsätze und Forschungsberichte*. Marburg; Lahn, 464–485.
- Rumyantseva, O.S. 2014: Steklyannye sosudy so shlifovannym dekorom i khronologiya posele-niya Komarov [Facet cut glass vessels from the Komarov settlement (Middle Dniester) and the chronology of the site]. In: A.M. Oblomskiy (ed.), *Problemy vzaimodeistviya naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Interaction Issues of the Eastern Europe Population during the Great Migration]* (Early Slavonic World 15). Moscow, 401–434.
- Shabanov, S. 2011: Glass Beakers with Polished Ovals from the Late Roman Period in the Crimea. In: I. Khrapunov, F.A. Stylegar (eds.), *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period (Cultural-Historical Reports 10)*. Kristiansand–Simferopol, 209–216.

- Shabanov, S.B. 2011: Steklyanne sosudy iz mogil'nika Neyzats (po materialam raskopok 1996–2011 gg.) [Glass Vessels from Neizats Necropolis (on the Materials of Excavations in 1996-2011)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XVII, 141–191.
- Shabanov, S.B. 2015: Sarmato-germanskie kontakty v Predgornom Krymu v pozdnerimskoe vremya (po materialam steklyannoy posudy) [Sarmatian-Germanic Contacts in the Crimean Foothill Area (based on Glassware)]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 213–230.
- Shabanov, S.B. 2020a: Novye nakhodki steklyannikh sosudov pozdnerimskogo vremeni v krymskikh predgor'yakh [New finds of glass vessels of the late Roman time in the Crimea foothills]. In: V.N. Zinko, E.V. Zinko (eds.), *XXI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Ob'ekty iskusstva v arheologicheskom kontekste* [XXI Bosporan readings. Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Objects of art in an archaeological context]. Simferopol–Kerch, 392–397.
- Shabanov, S.B. 2020b: Steklyanne sosudy rimskogo vremeni z mogil'nika Opushki v Krymu (po materialam raskopok 2003–2019 gg.) [Glass Vessels from the Roman Period in Opushki Necropolis, the Crimea (Excavations in 2003–2019)]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 110–134.
- Sharov, O.V. 2019: Poyavlenie germancev i sarmato-germanskie kontakty v Krymu v pozdnerimskuyu epohu [The Appearance of the Germanic People and the Sarmatia-Germanic Contacts in the Crimea in the Late Roman Period]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v.n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400] VI. Simferopol, 328–340.
- Stoyanova, A.A. 2016: Podveski iz mogil'nika Neyzats [Pendants from the Necropolis of Neyzats]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v.n.e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400] II. Simferopol, 122–165.
- Straume, E. 1987: *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.* Oslo.
- Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2003–2004: Naselenie okrugi Khersonesa v pervoy polovine i tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz no. 10») [The Population of the Countryside of Chersonessos in the First Half of the 1st Millennium AD (after the Materials of the Necropolis “Sovkhoz no. 10”)]. *Stratum plus* 4, 27–277.
- Sukhanov, E.V. 2020: Lepnaya keramika mogil'nika rimskogo vremeni Frontovoe 3 (predvaritel'naya publikaciya) [Handmade pottery in the Roman Period Necropolis of Frontovoe 3 (A preliminary publication)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XXV, 66–89.
- Tica, G. 2020: Stekleno posodje. In: A. Miškec, B. Županek, Š. Karo, G. Tica (eds.), *Severno emonsko grobišče – raziskave na najdišču Kozolec*, Ljubljana, 210–218.
- Veymarn, Je.V. 1963: Arkheologichni roboti v rayoni Inkermana [Archaeological works in the Inkerman area]. In: A.T. Braychevs'ka (ed.), *Arkheologichni pam'yatki URSR* [Archaeological sites of the Ukrainian SSR] XIII, 15–42.
- Vlasov, V.P. 1999: Lepnaya keramika iz nekropolya III–IV vv.n.e. Druzhnoe v Krymu [Handmade pottery from Necropolis of 3–4th century Druzhnoe in Crimea]. In: M.I. Gladkih, M.E. Levada (eds.), *Sto let Chernyakhovskoy kul'tury* [100 Years of Chernyakhov culture]. Kiev, 322–371.
- Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A. 1999: Busy mogil'nika «Sovkhoz-10» («Sevastopol'skij») [The Beads of the Necropolis «Sovkhoz-10» («Sevastopol'skij»)]. In: V.I. Kadeev (ed.), *Drevnosti* [Antiquities] 1997–1998. Kharkov, 116–133.

- Zaytsev, Yu.P. 1997: Okhrannye issledovaniya v Simferopol'skom, Belogorskem i Bakhchisarayskom rayonakh [Rescue Archaeology in Simferopol, Belogorsk and Bakhchisarai Districts]. In: V.A. Kutaysov (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 [Archaeological Researches in Crimea. Year 1994]*. Simferopol, 102–116.
- Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2003: Issledovanie mogil'nika u s. Suvorovo v 2001 g. [Research of the Necropolis near the village of Suvorovo in 2001]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografi Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]* X, 57–77.

THE FOURTH-CENTURY AD VAULT IN THE OPUSHKI NECROPOLIS, THE CRIMEA

Stanislav B. Shabanov

Non-Profitable Foundation “Heritage of Millennia”, Simferopol, Russia
neizats2004@mail.ru

Abstract. This paper publishes a fourth-century AD burial assemblage from the Necropolis of Opushki located about 15 km east of modern Simferopol, in the centre of Crimean foothill area. This necropolis' excavation has been being conducted, with intervals, since 2003. During this period, 318 graves of different types have been uncovered (vaults, shaft-and-chambers graves, slabbed graves, underground graves and stone box). Judging by excavated sites, the necropolis was continuously used from the 1st century BC to the 4th century AD. Among the researched burial constructions, there are vaults typical for the Late Scythian period, burials attributed to Middle and Late Sarmatian cultures, vaults the construction of which indicates to appearance of ancestors of the Alans from the Northern Caucasus, and the cremations by German tradition. The construction, funeral rite, and grave goods of burial vault no. 287 meet with analogies among other synchronous sites in the foothill area of the Crimea. A glass beaker is of special interest, decorating with polished ovals (type *Eggers 230*). Such vessels have been discovered in many areas of North, Central and East Europe. For a long time, there was no common opinion regarding the time when *Eggers 230* beakers appeared. Now one can state that vessel appeared in the second half of the 3rd century AD, though the main period of their use was the 4th century AD. So far, we know finds of six complete and fourth fragmented beakers of *Eggers 230* type in the Crimean foothill area. Now this group can be enlarged with glass vessel with polished ovals from the Opushki Necropolis. Appearance of this glass beakers in the Crimea was possibly related to the intensification of contacts between the population of the peninsula and the Germans, people of the Chernyakhov culture in particular in 4th century AD.

Keywords: Crimea, Late Roman period, Necropolis, Opushki, vault, glass vessel,

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2021), 137–162
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2021), 137–162
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-137-162

ЛУКИ И СТРЕЛЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

Г.В. Медведев

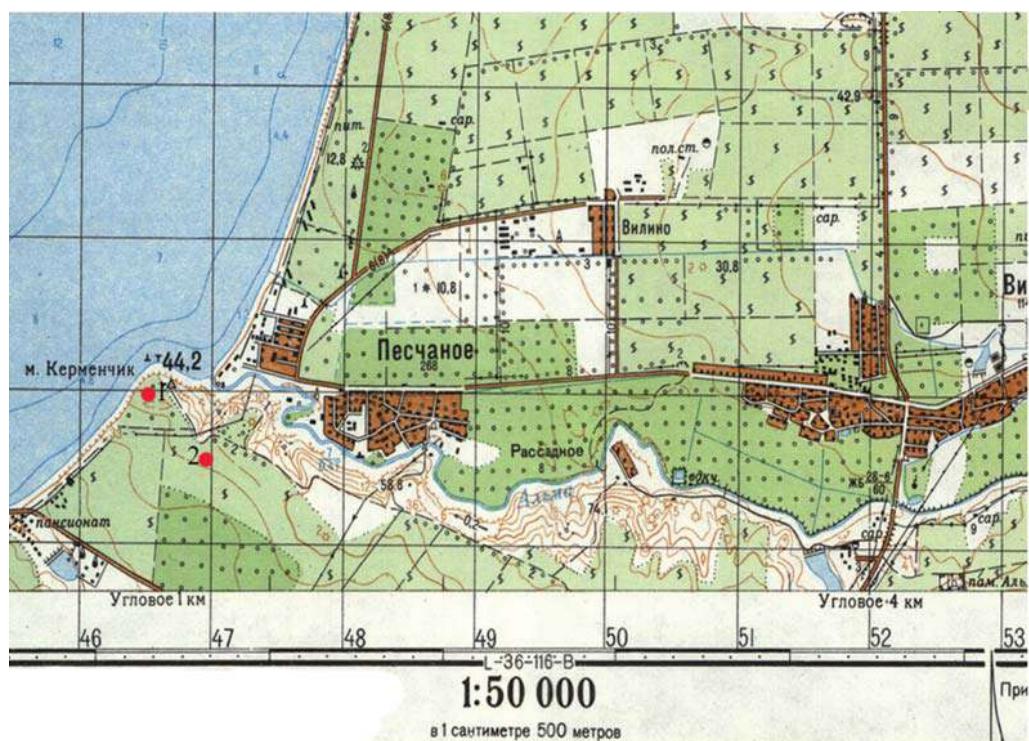
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия
medvedgen@gmail.com

Аннотация. По количеству вооружения Усть-Альминский некрополь выделяется среди позднескифских памятников Крыма. В статье рассматриваются погребения с оружием дистанционного боя (луками и стрелами), его типология, хронология, статистика, а также место и роль в погребальном обряде. Основная роль данного оружия в местном погребальном обряде – его функциональное назначение. Анализ погребальных комплексов показал, что значительная роль после клинкового оружия принадлежала лукам и стрелам. С середины I в. н.э. количество луков и наборов стрел в погребальных комплексах данного некрополя возрастает. В это время Херсонес и большая часть Крыма (включая государство поздних скифов) находились под контролем Боспорского царства. Крымская Скифия участвовала в римско-боспорской войне 45–49 гг. как союзник Боспора. Во II в. н.э. боевые действия боспорян велись на территории Крымской Скифии. Эти события нашли отражения в погребальном обряде некрополя Усть-Альмы. В первых веках н.э. традиции погребального обряда, характерные для населения сарматской эпохи степных районов Северного Причерноморья и Поволжья, характерны и для Усть-Альминского некрополя. Происходят изменения в этнической и социальной структуре позднескифского общества: вместе с гражданской элитой формируется и воинская, что отразилось в богатстве погребального инвентаря воинских захоронений. В погребальном обряде Усть-Альминского некрополя имеются сходные черты с обрядами сарматов в Поволжье, Прикубанье, Предкавказье, на Дону и Боспоре.

Ключевые слова: позднескифская культура, Крым, Усть-Альминский некрополь, колчанные наборы, сарматы, луки, стрелы.

Усть-Альминский некрополь позднескифской культуры локализуется рядом с одноименным городищем у устья р. Альма в Юго-Западном Крыму (Бахчисарайский район). Оружие дистанционного боя (луки и стрелы) из погребений данного некрополя и других синхронных могильников является важным источником для реконструкции этнокультурных и политических контактов и трансформаций на-

Данные об авторе: Медведев Геннадий Владимирович – младший научный сотрудник ИА Крыма РАН.

- 1 - Усть-Альминское городище.
2 - Усть-Альминский некрополь.

Рис. 1. Географическое положение Усть-Альминского городища и некрополя (Бахчисарайский район)

Fig. 1. Localization of Ust-Alma settlement and necropolis

селения Крыма в первые века н.э. Находки его характерны только для погребальных комплексов, почти не встречаясь в слоях поселений, в связи с чем возрастает значимость исследований погребений с таким видом оружия. В Усть-Альминском некрополе открыто значительное количество погребальных сооружений с оружием¹, в том числе с луками и стрелами, накоплен большой массив археологического материала из погребальных комплексов конца II в. до н.э. – середины III в. н. э. (рис. 1). После клинового оружия (59,7%) луки и стрелы являются наиболее массовым видом вооружения в погребениях данного некрополя (рис. 2). Значительная часть материалов погребений Усть-Альминского некрополя с луками и стрелами была опубликована ранее², однако специальной обобщающей работы, посвященной данному типу оружия и его роли в погребальном обряде, статистике находок, до сих пор не создано.

¹ Медведев 2019а, 100; 2020а, 266.

² Высотская 1994, 89, рис. 28, 11–13, табл. 9, 30, 30, 31; 28; Зайцев 1997, 161, 166, 3, 9; Пуздровский, Медведев 2005, рис. 4, 1; Puzdrovskij, Zajcev 2004, 243, Abb. 8, 6; Пуздровский 2007, 135–138, рис. 90; 92–94; Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 7, 7; 17, 10; 36, 7; 138, 20; 2017а, рис. 40; 84, 12; 110, 1–7; 158, 9; 170, 15, 203, 9; 2017б, рис. 7, 18; 15, 1; 92, 6; 118, 1–7; 122; 140, 5; 177.

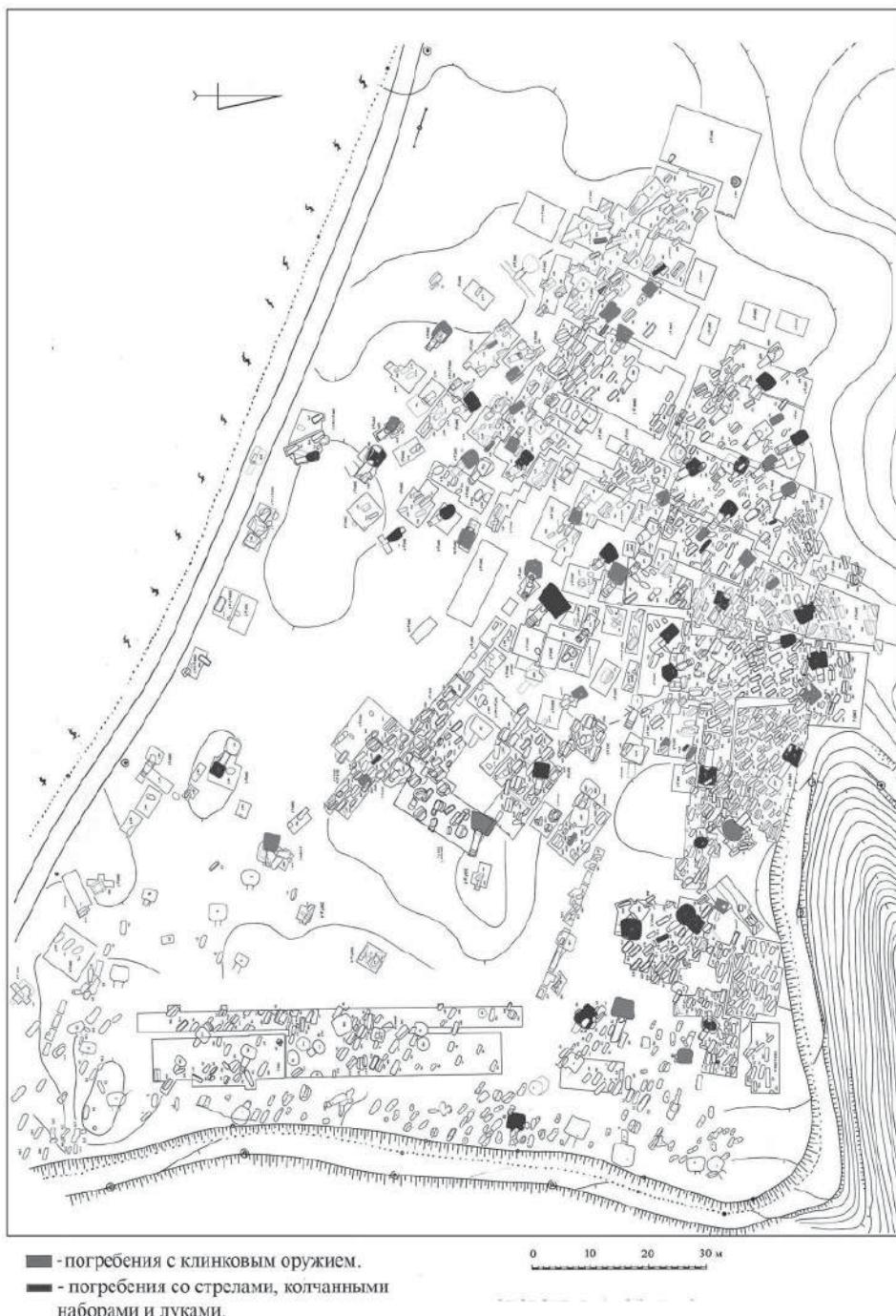

Рис. 2. План Усть-Альминского некрополя: погребения со стрелами, колчанными наборами и луками

Fig. 2. Plan of Ust-Alma necropolis: burials with arrows, sets of quivers and bows

Нами проанализировано 49 погребений Усть-Альминского некрополя с наконечниками стрел, колчанными наборами и остаткам луков, что составляет более четверти всех погребений с оружием (26,9 %); из них 43 погребения – в склепах и 6 – в могилах.

1. ДЕТАЛИ ЛУКОВ

Усть-Альминский некрополь дал целую серию луков (7 экз.), найденных в шести погребениях (14,2% от общего количества дистанционного оружия) (Прил., 6, 17–20, 22; рис. 7). В склепе 120/10 зафиксирована форма сохранившегося лука из цельного дерева «двойной кривизны с перехватом в центре» – справа у ног погребенного³. В остальных случаях это также простые луки, от которых сохранились деревянные детали (Прил., 6, 17–20, 22; рис. 6, 8; 7, 1–4). Все луки из Усть-Альминского некрополя относятся к 1 типу («скифскому»), по типологии Н.Е. Берлизова⁴. В сарматских погребениях со второй половины I в. н.э. появляются луки 2 типа («гуннского») – с костяными накладками и более крупными наконечниками стрел к ним, что связывают с приходом кочевников «восточной волны»⁵. В Усть-Альминском некрополе остатки костяных деталей луков не выявлены, но встречены два таких массивных наконечника стрел в могилах 794 и 826а/2 – среди костей грудной клетки и ребер (рис. 3, 20, 21)⁶.

В варварских погребениях Крыма присутствие лука – явление редкое. Например, в мавзолее Неаполя Скифского одного из погребенных сопровождают остатки лука⁷. В том же некрополе в одном из каменных склепов присутствует изображение лучника, на каменном рельефе из Марьино (Симферополь) – конника с изогнутым луком⁸. На надгробных стелах Боспора, принадлежавших представителям сарматской знати конца I в. до н.э. – первой половины II в. н.э. вместе с мечами фигурируют луки «скифского» и «гуннского» типов⁹.

На территории Северного Причерноморья ранее были зафиксированы несколько находок луков в сарматских погребениях. Один из них найден в кургане 8 Молочанского некрополя, другой – кургане у с. Весняное близ г. Николаев. В обоих погребениях луки были «скифского» типа¹⁰. Два других воинских погребения содержали луки «гуннского» типа. Один из самых ранних луков происходит из кургана у с. Пороги на Днестре – с костяными накладками и массивными наконечниками стрел¹¹. Второе погребение с костяными накладками происходит из «Золотого кладбища» в Прикубанье – из кургана 29 у ст. Усть-Лабинской¹². Остальные находки луков гуннского типа относятся к позднесарматскому времени¹³.

³ Высотская 1994, 89, табл. 40, 15; Пуздовский 2007, 135.

⁴ Берлизов 2011, 84.

⁵ Хазанов 1971, 33; Горончаровский 2003, 73, 74; Muscalu 2009, 193; Симоненко 2010, 93, 94; Зубов 2011, 43–44; Безуглов 2019, 49; Скрипкин, Клепиков 2020, 219.

⁶ Пуздовский 2007, 137; Пуздовский, Медведев 2005, 273; Пуздовский, Труфанов 2017б, 59, 84, рис. 122, 1; 177, 1.

⁷ Погребова 1961, 118; Дащевская 1991, 34.

⁸ Дащевская 1991, 34, табл. 39, 5; 45, 4.

⁹ Горончаровский 2003, рис. 24; Трейстер 2010, 486, рис. 5, 2; 10.

¹⁰ Simonenko 1997, 392, abb. 2, 1; Симоненко 2010, 91.

¹¹ Симоненко, Лобай 1991, 12–14, рис. 3; 5; 6; 7, 2–7; Симоненко 2010, 91, рис. 65.

¹² Гущина, Засецкая 1994, 10, табл. 37, 345.

¹³ Кривошеев 2007, 69; Симоненко 2010, 93–94.

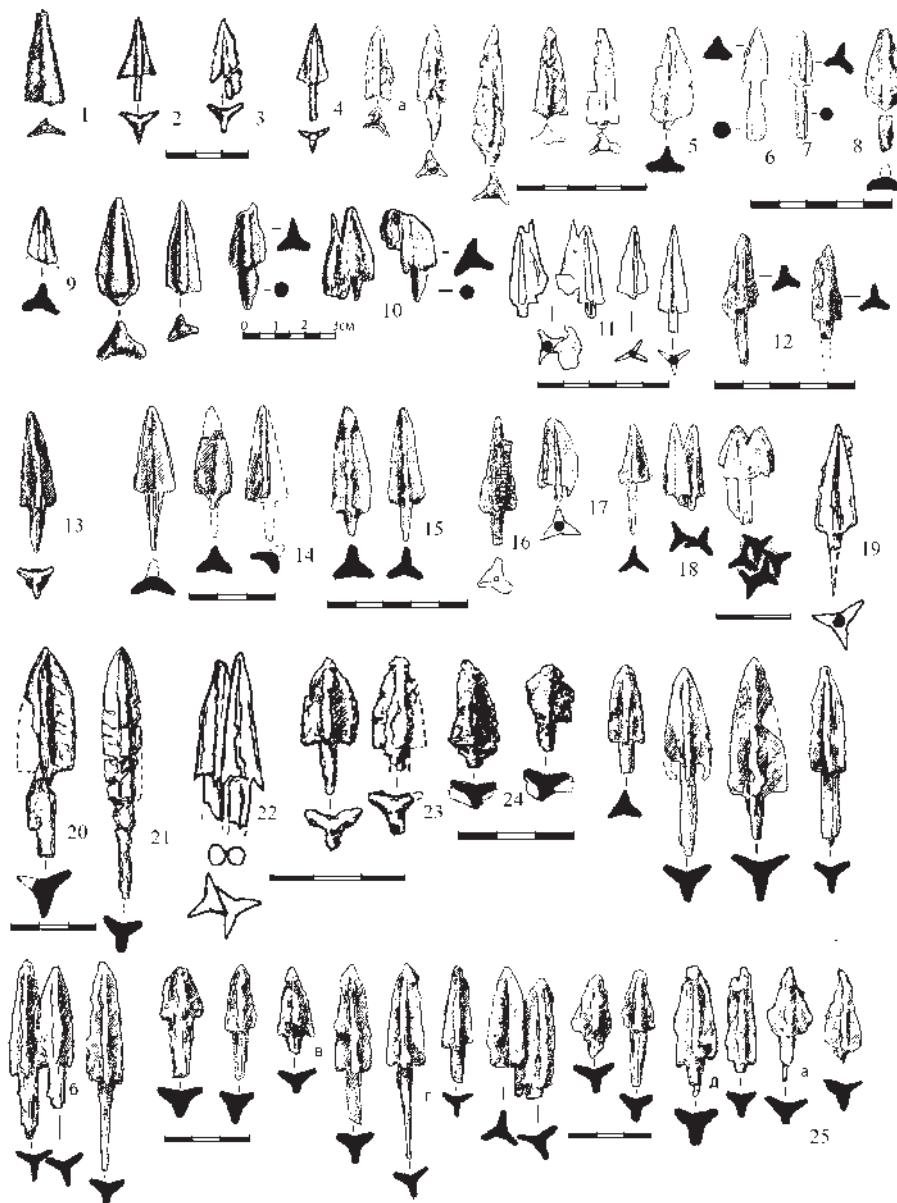

Рис. 3. Наконечники стрел и колчанные наборы из Усть-Альминского некрополя: 1–4 – склепы 43/3, 92/9, 17, 120/3; 5 – склеп 316; 6–8 – могила 332, склепы 348/58, 449/14; 9 – склеп 390/25; 10 – склеп 424; 11–13 – могила 433, склепы 449/5, 520/34; 14 – склеп 438/9; 15–18 – склепы 557, 650/5, могилы 736, 737; 19, 22 – склеп 690/3–9; 20, 21 – могилы 826а, 794; 23–25 – склепы 616, 620, 715

Fig. 3. Ust-Alma necropolis. Arrowheads and quivers' set: 1–4 – crypts 43/3, 92/9, 17, 120/3; 5 – crypt 316; 6–8 – grave 332, crypts 348/58 and 449/14; 9 – crypt 390/25; 10 – crypt 424; 11–13 – grave 433, crypts 449/5 and 520/34; 14 – crypt 438/9; 15–18 – crypts 557 and 650 / 5, graves 736 and 737; 19, 22 – crypt 690/3–9; 20, 21 – graves 826a, 794; 23–25 - crypts 616, 620, 715

У исследователей нет единого мнения по поводу причин присутствия незначительного количества луков в сарматских погребениях в Северном Причерноморье. Возможно, в сарматское время луки здесь изредка помещали в погребения именно в ритуальных целях¹⁴. Но Усть-Альминский некрополь составляет исключение с связи с особой частотой находок луков и стрел.

2. КОЛЧАННЫЕ НАБОРЫ

Колчанные наборы из Усть-Альминского некрополя составляют почти половину от общего количества погребений с оружием дистанционного боя (46,9%). Небольшие наборы (4–17 стрел) встречаются в 12 погребениях (52,1%), большие (20–146 стрел) – в 11 погребениях (47,9%); последние преимущественно происходят из могил воинской элиты¹⁵. От колчанов сохранились здесь лишь детали креплений и украшений¹⁶.

В позднескифских погребениях Крыма в первые века н.э. большие колчанные наборы встречаются редко. Колчаны найдены в трех погребениях мавзолея Неаполя Скифского – с небольшим количеством стрел; в одном из них колчан оказался без стрел¹⁷. В некрополе у с. Заветное (Юго-Западный Крым) в воинском погребении I в. н.э. встречен колчанный набор (51 наконечник 1(2) типа, по классификации А.Е. Пуздровского) – у стоп слева, справа у бедра находился меч с кольцевым навершием¹⁸. В элитном сарматском погребении I в. н.э. в кургане у с. Весняное близ г. Николаев найден большой колчанный набор (200 наконечников) вместе с мечем¹⁹. У с. Новолуганское (Донецкая область) в кургане с сарматским погребением I в. н.э. вместе с мечем и луком присутствовал большой колчанный набор (82 наконечника)²⁰.

В сарматских воинских погребениях Нижнего Приуралья, Подонья и Нижнего Поволжья в ранне- и среднесарматское время вместе с мечами часто встречаются колчанные наборы – обычно по 30–40 стрел²¹. В колчанных наборах среднесарматского времени вместе с черешковыми наконечниками стрел иногда соседствуют втульчатые. Например, воинские погребения Чертвицкого могильника на Верхнем Дону выделяются значительным количеством оружия, в том числе колчанных наборов, содержащих по 30–60 стрел. В других некрополях же встречались единичные экземпляры колчанов²². В Подкумском могильнике из Центрального Предкавказья в 39,4% погребений в подбойных могилах в I – начале II в. н.э. найдено значительное количество колчанных наборов²³. В поздне-

¹⁴ Симоненко 2010, 91; Зубов 2011, 44.

¹⁵ Зайцев, Мордвинцева 2003, 181; Медведев 2020, табл. 5

¹⁶ Пуздровский, 2007, 135, рис. 91.

¹⁷ Погребова 1961, 118–120; 184, 188–190, рис. 10, I, IV; Дащевская 1991, 34.

¹⁸ Волошинов, Масякин 2007, 292, рис. 2; 4.

¹⁹ Simonenko 1997, 390, 392, abb. 2, 1

²⁰ Шаповалов 1973, 86, рис. 4, 2, 3.

²¹ Абрамова 1987, 148; Мошкова 2004, 29; Глебов 2011, 70; 2017, 146, 149, рис. 3, 4, 9; 4; Глебов, Толочко 2016, 46, рис. 3; Яценко 2015, 93–94; Медведев и др. 2019, 178; Скрипкин 2003, 290; рис. 1; 2, 1; Скрипкин, Клепиков 2020, 218, рис. 1, 3, 5; 2.

²² Медведев 2004, 91.

²³ Абрамова 1987, 148.

сарматское время в Поволжье, например, колчанные наборы встречаются заметно реже и с меньшим количеством стрел²⁴.

3. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Погребения с отдельными наконечниками стрел в Усть-Альминском некрополе встречаются нередко; главным образом, это мужские захоронения. От одной до трех стрел содержалось в 24-х погребениях (48,9%) некрополя. В трех случаях в Усть-Альминском некрополе стрелы встречены в костяках, став причиной смерти, – в данной статистике мы их не учитываем (777/4, м. 794, 826а/2)²⁵. Следует исключить также погребение 9 из склепа 439 по той же причине: три наконечника стрел найдены среди костей грудной клетки²⁶. По мнению ряда исследователей, не все погребения с единичными наконечниками стрел можно считать воинскими²⁷. К последним из общего количества погребений Усть-Альминского некрополя с единичными наконечниками стрел можно отнести всего 8–9 из 24 погребений. В трех из них наконечники стрел в могиле располагались слева, не на костяке, остриями вниз (по направлению к ногам). Эти погребения из склепов 92/17, 20, 120/3, 439/12, 449/5, 14, 520/34, 690/1 и могилы 737 (Прил.. 3–5, 14, 15, 17, 35). В остальных захоронениях стрелы могли иметь иной смысл в погребальном обряде, не связанный в военным делом.

В Усть-Альминском некрополе доминируют железные черешковые наконечники, реже встречаются бронзовые и железные втульчатые архаических типов (они не вошли в данную статистку, поскольку использовались преимущественно в качестве амулетов)²⁸.

По типологии А.Е. Пуздровского и А.В. Симоненко, железные черешковые наконечники относятся к четырем типам²⁹. Наибольшее количество наконечников из Усть-Альминского некрополя принадлежит 1(2) типу: они встречаются в склепах 43/3, 316, 390/25, 424, 449/5, 520/34, 438/9, 557, 616, 620/2, 650/5, 715/1, 730/1, 736, 777/4, 791/1, 944/22, 972/2, 974/4, могилах – 332, 433, 736, 826а, 1077 (рис. 3, 1, 5, 6, 9–16, 18, 20, 25; 4, 1–4; 5, 1, 2, 3, 4; 6, 1–3, 7). В данном некрополе зафиксировано незначительное количество наконечников 2(3) типа – в склепах 120/3, 348/58, 449/5, 690/3, 715 и могиле 433 (рис. 3, 4, 7, 8, 11, 19, 25а; 6, 2а, 2б, 6а). Наконечники 3(4) типа³⁰ встречены в склепах 92, 316, 736, 690, 715 (рис. 3, 2, 3, 5а, 17, 22, 23, 25б, в, г, д; 6, 7а). Единственный наконечник 4 типа происходит из набора, найденного в склепе 715 (рис. 4, 1а). Использование стрел 1(2) типа в погребальном обряде некрополя Усть-Альмы фиксируется с рубежа I–II в. н.э. по II в. н.э. (Прил.).

²⁴ Кривошеев, Скрипкин 2011, 152; Медведев 2011, 283, рис. 1, 3; 3, 3; 2020, 338, рис. 5, 6; 6, 6.

²⁵ Пуздровский 2007, 137.

²⁶ Медведев 2020, табл. 4, 11.

²⁷ Глебов, Толочко 2016, 46; Шевченко 2020, 372.

²⁸ Медведев 2019, 103.

²⁹ Пуздровский 2007, 137–138; Симоненко 2010, 98.

³⁰ Пуздровский 2007, 138.

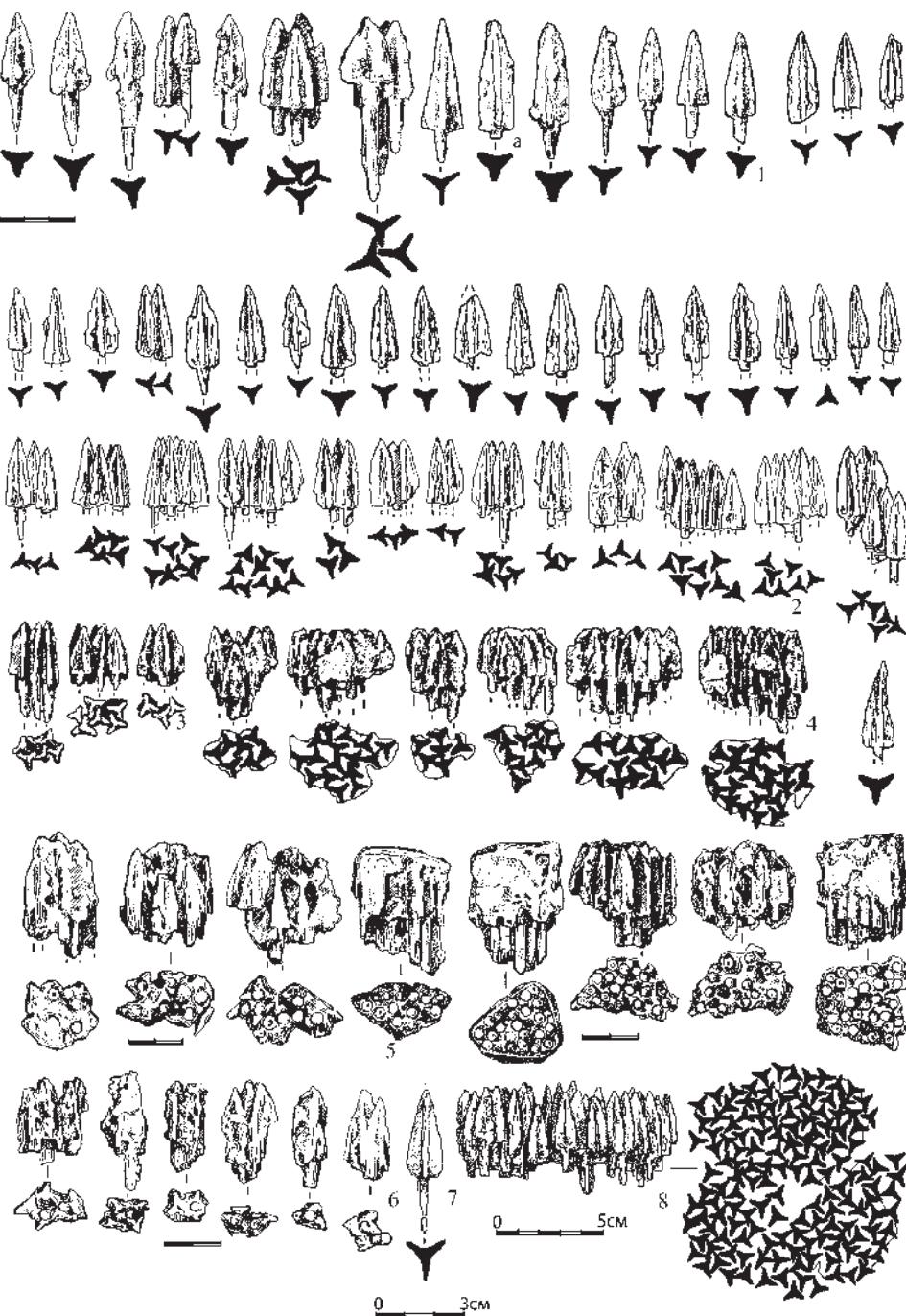

Рис. 4. Колчанные наборы из Усть-Альминского некрополя: 1, 2, 4–6 – склепы 715, 730/1, 616, 620/2, 612/1, 3; 7, 8 – склеп 777/1, 4

Fig. 4. Ust-Alma necropolis. Sets of quivers: 1–6 – crypts 715, 730/1, 616, 620/2, 612/1, 3; 7, 8 – crypt 777/1, 4

4. ПОЛОЖЕНИЕ ЛУКОВ И СТРЕЛ В ПОГРЕБЕНИЯХ

Основное положение наборов стрел (колчанов) – слева у ног (стоп, голени, бедра) наконечниками вниз. Единичные исключения составляют местонахождения в подголовье (склеп 520/2а), у плеча (могила 848), справа у ног (склепы 120/10 и 620/2), изредка – на костяке (груди, животе).

В склепах 120/10 и 520/34 луки найдены справа у ног; 550/3, 4, 14, 590/12 – слева у ног, плеча, или в области пояса. Наборы стрел встречены с луками только в склепе 120/10; в склепе 520/34 присутствует одна стрела между костей ног. В склепе 590/12 на животе умершего лежали только древки стрел без наконечников (Прил., 6, 17–20, 22; рис. 7).

Из 26 погребений мужские – 22, женские – 4, детские – 2. Вызывает особый интерес единственное женское погребение с наконечником стрелы и мечом (склеп 92/17), связанное с кругом сарматских женских погребений с оружием³¹.

5. ДАТИРОВКА

Наиболее ранние погребения с наконечниками стрел из Усть-Альминского некрополя датируются второй половиной I в. до н. э. – первой половиной I в. н.э. Это погребение 25 из склепа 390 и погребения 3 и 9 из склепа 690 с одним наконечником стрелы (Прил., 11). Большинство погребений с луками и стрелами Усть-Альминского некрополя датируется 30/50 гг. – рубежом I и II вв. н.э. Количество погребений с данным оружием сокращается после середины II в. н.э. так же, как и в сарматских погребениях на других территориях. В 15 погребениях кроме наконечников стрел, колчанных наборов, деталей луков представлено и другое оружие, в основном клинковое, в отдельных случаях – наконечник копья. В шести погребениях присутствуют мечи или кинжалы вместе с одной или несколькими стрелами. В восьми погребениях вместе с мечами встречены колчанные наборы (Прил.).

В Центральном и Западном Крыму в первые века н.э. наконечники стрел встречаются в погребениях поздних скифов – в основном, единичные экземпляры, реже наборы с небольшим количеством стрел³². В позднескифских погребениях преобладают наконечники стрел 1(2) типа, как и в сарматских могилах на других территориях. Например, в ограбленной воинской могиле из некрополя Оpushки найдены три черешковых наконечника, два из них 1(2) типа и один 3(4) типа³³. В могильнике Бельбек IV наконечники стрел среди оружия в погребениях почти не встречаются, за исключением архаических³⁴.

Большинство (49) мужских погребений «Золотого кладбища» (Прикубанье) были воинскими, а в наборах среди оружия в 14 случаях представлены стрелы; в четырех погребениях присутствуют только стрелы³⁵.

³¹ Богаченко 2017, 153–154, 185–186; Шевченко 2014, 412; 2020, 372; Медведев 2020, 276.

³² Сымонович 1983, 85, табл. XVI, 8–10, 13–29; Богданова 1989, 59; Пуздовский 2001а, рис. 7, 5; Puzdovskij 2005, 92, fig. 7, 3–5; 9, 15–17; Зайцев, Мордвинцева 2003, 149; Дащевская 2014, 87.

³³ Храпунов 2007, 116, рис. 2, 3–5.

³⁴ Гущина, Журавлев 2016, 73–74.

³⁵ Гущина, Засецкая 1994, 37–38, прил. 4.

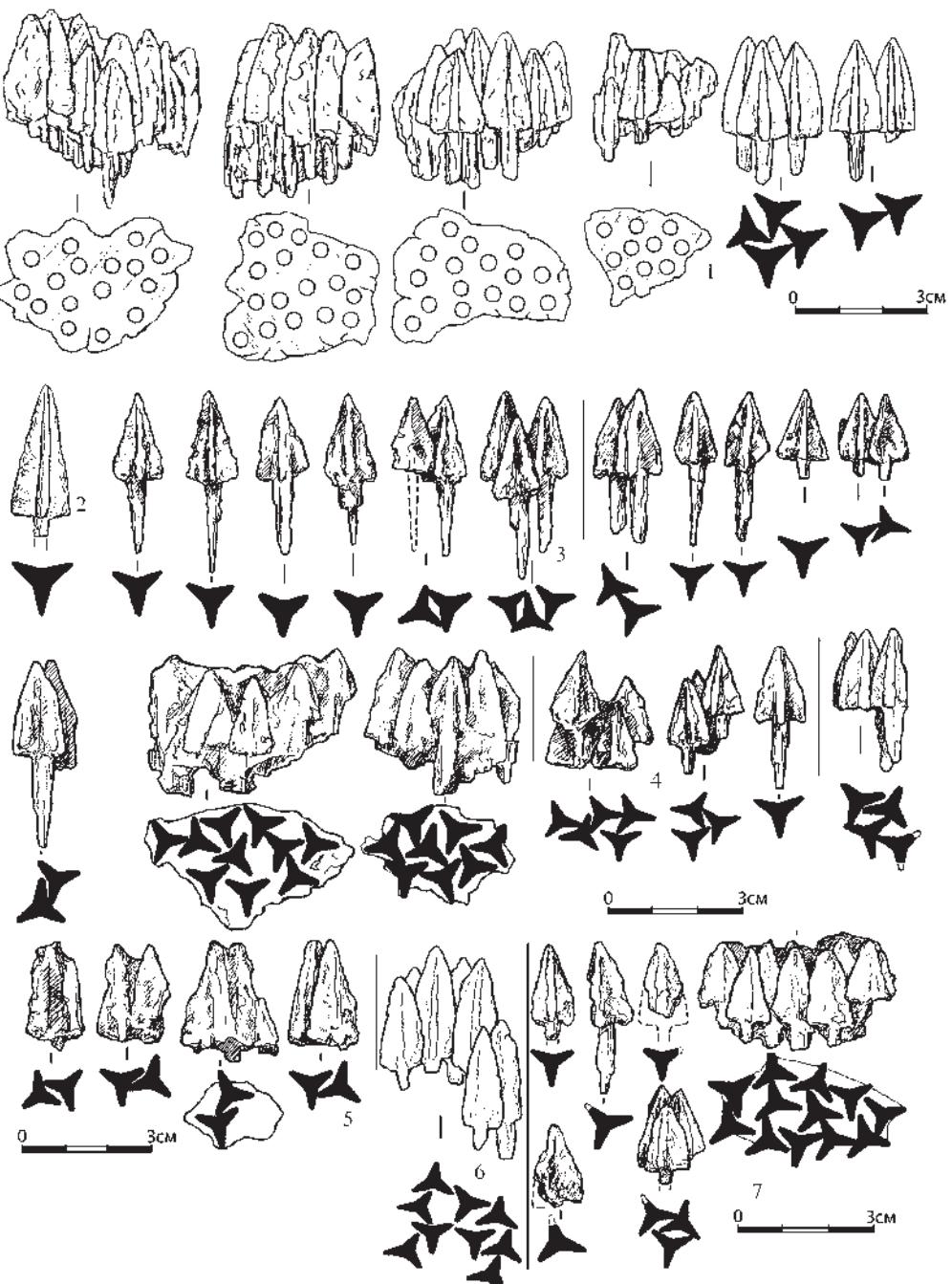

Рис. 5. Колчанные наборы из Усть-Альминского некрополя: 1–7 – склепа 791/1,805, могила 848, склепы 871, 890, 920, 930

Fig. 5. Ust-Alma necropolis. Sets of quivers: 1–7 – crypt 791/1, 805, grave 848, crypt 871, 890, 920, 930

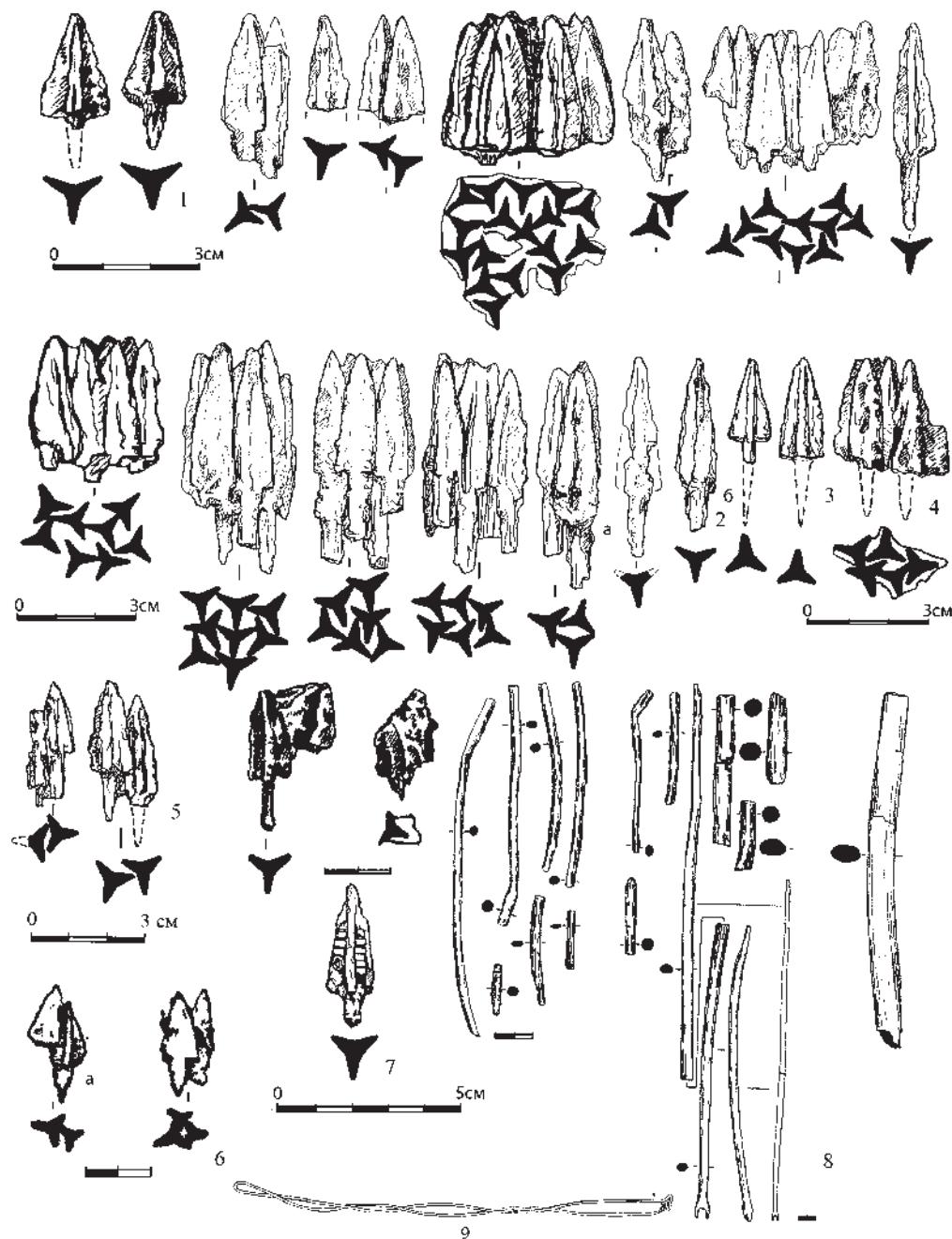

Рис. 6. Колчанные наборы, отдельные наконечники стрел и детали от деревянных луков из Усть-Альминского некрополя: 1–9 – склепы 944/22, 972/2, 974/4, 983, 1040, 520, могила 1077

Fig. 6. Ust-Alma necropolis. Sets of quivers, individual arrowheads and parts of wooden bows: 1–9 – crypts 944/22, 972/2, 974/4, 983, 1040, 520, grave 1077

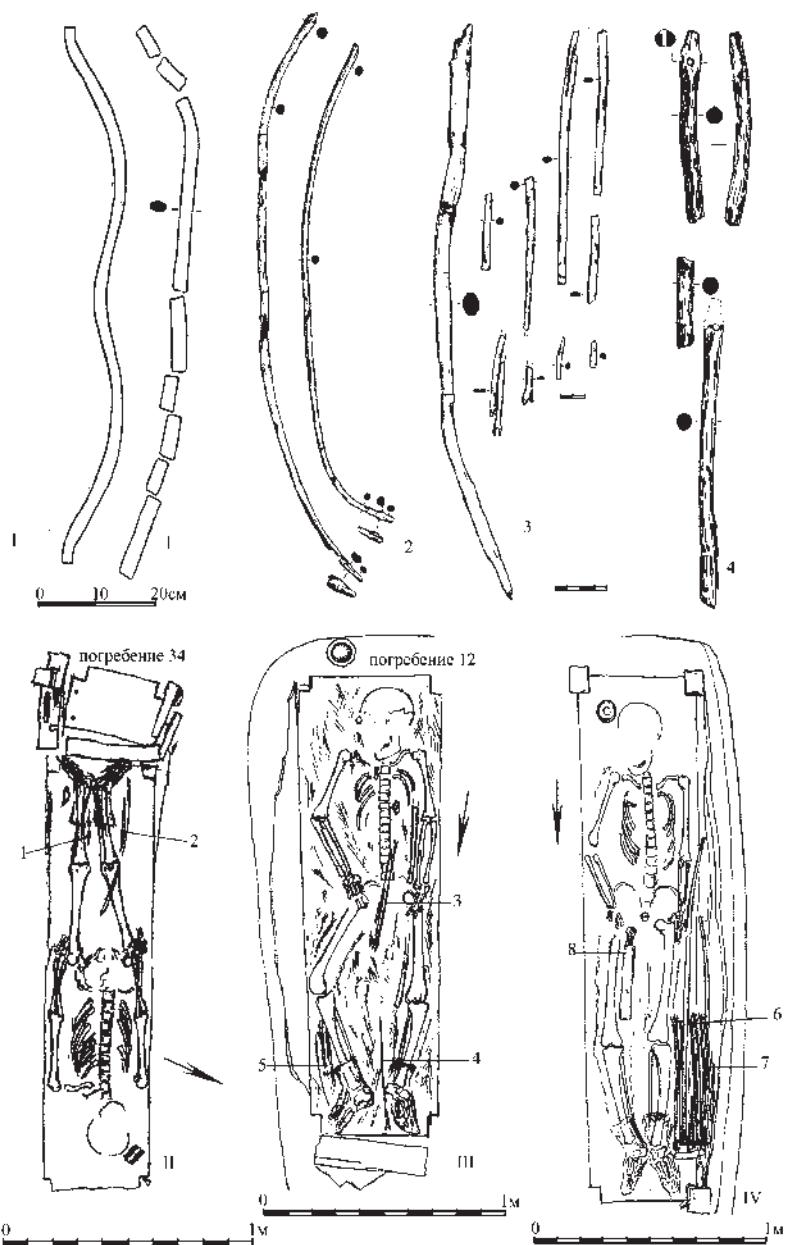

Рис. 7. Погребения и деревянные луки и детали от них из Усть-Альминского некрополя:
 I: 1 – склеп 120/10; 2, 4 – склеп 550, 3 – склеп 520/ 34 (по: Пуздровский 2007); II – склеп 520/34: 1 – наконечники стрел; 2 – детали от лука; III – склеп 590/12; IV – склеп 590/21; 1, 3, 4, 7 – наконечники стрел; 2, 5, 6 – детали от лука; 8 – меч с кольцевым навершием
 Fig. 7. Ust-Alma necropolis. Wooden bows and fragments: I: 1 – crypt 120/10; 2, 4 – crypt 550; 3 – crypt 520/34 (after: Puzdrovskiy 2007); II – crypt 520/34: 1 – arrowheads; 2 – details of bow; III – crypt 590/12; IV – crypt 590/21; 1, 3, 4, 7 – arrowheads; 2, 5, 6 – fragment of bow; 8 – sword

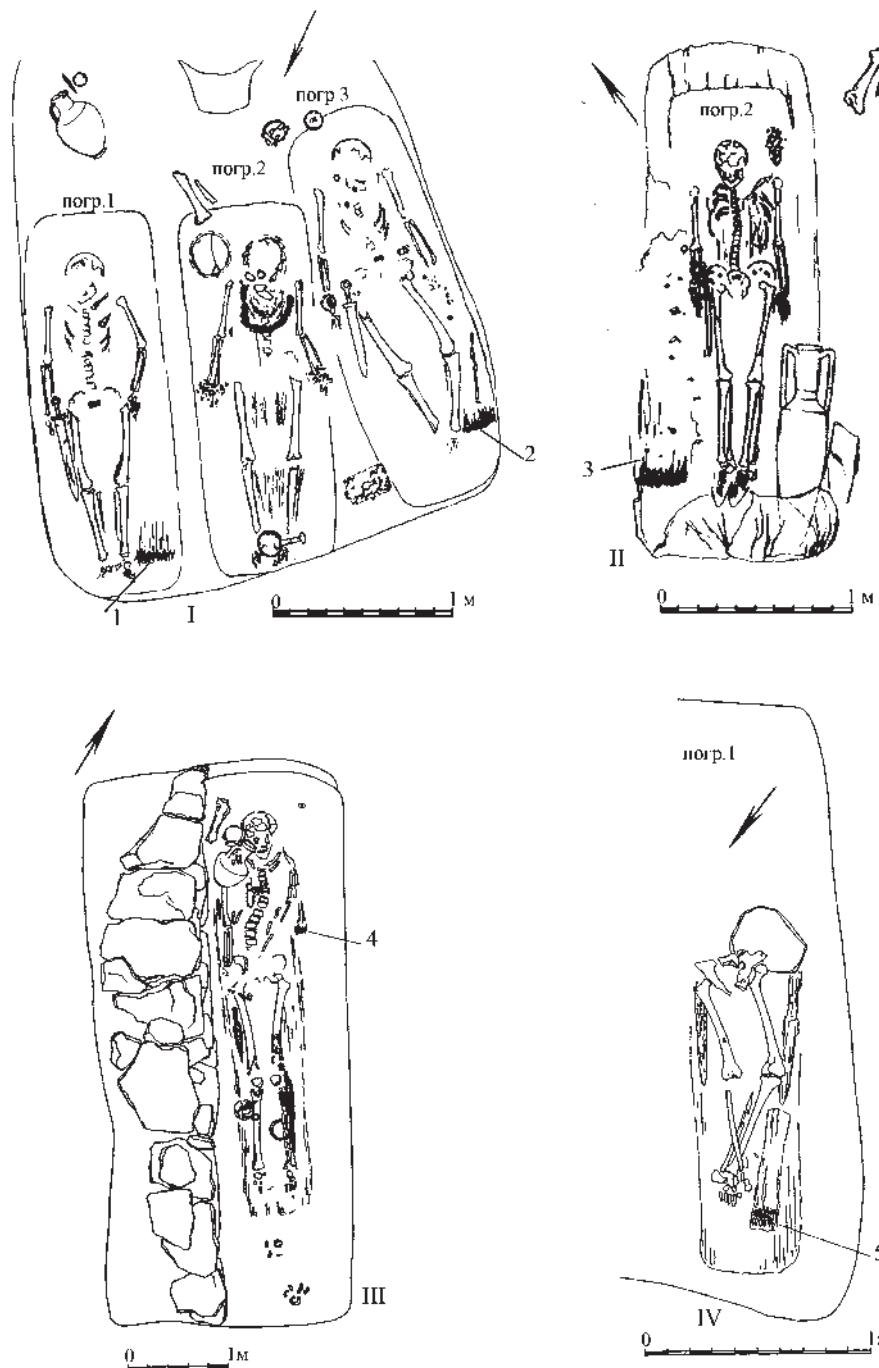

Рис. 8. Погребения с колчанными наборами из Усть-Альминского некрополя: I – склеп 612/1,3; II – склеп 620/2; III – могила 848; IV – склеп 791/1; 1–5 – колчанные наборы
 Fig. 8. Ust-Alma necropolis. Burials with quiver sets: I – crypt 612/1, 3; II – crypt 620/2; III – grave 848; IV – crypt 791/1; 1–5 – quiver sets

В позднесарматское время (во второй половине II в. н. э. – первой половине III в. н. э.) в Нижнем Поволжье в воинских погребениях наконечники стрел встречаются редко, в 4% из 19% погребений с оружием, в основном это единичные экземпляры³⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ погребальных комплексов Усть-Альминского некрополя демонстрирует, что в погребальном обряде оружие дальнего боя играет важную роль (26,9%) так же, как и у кочевых сармат, особенно в среднесарматский период. До середины I в. н. э. в погребениях данного некрополя оружие встречается редко. Напротив, во второй половине I в. н. э. появляется значительное количество погребений с оружием, в том числе с луками и стрелами. В целом, исследуемый некрополь выделяется по количеству оружия среди всех погребальных комплексов позднескифской культуры Крыма. В это время формируется воинская элита, в комплект вооружения которой входили кроме мечей и кинжалов колчанные наборы и луки. Начиная с середины II в. н. э. количество воинских захоронений заметно сокращается.

В I в. н. э. Херсонес и значительная часть Крыма, а также территория позднескифского государства контролировались Боспорским царством. Крымская Скифия принимает участие в событиях, связанных с римско-боспорской войной 45–49 гг. н. э. на стороне Боспора³⁷. В это время на Усть-Альминском городище происходит резкий рост численности населения, связанный с притоком мигрантов. После середины I в. н. э. происходят изменения в этносоциальной структуре общества Усть-Альминского городища: выделяется воинская элита. Во II в. н. э. военные действия боспорской армии вновь происходят на территории Крымской Скифии³⁸. Элементы погребального обряда Усть-Альминского некрополя находят аналогии в военных традициях погребальных комплексов сарматской культуры Северного Причерноморья, Поволжья, Центрального Предкавказья. Погребальный обряд некрополя также имеет много схожих черт с обрядом кочевого и оседлого населения среднесарматского времени Подонья, Прикубанья и Боспора.

³⁶ Кривошеев 2007, 69.

³⁷ Пуздовский 2001б, 103, 105; 2001в, 213; Горончаровский 2001, 220; 2003, 169, 171–172; Медведев 2020б, 120.

³⁸ Щеглов 1978, 135; Колтухов 1999, 97; Пуздовский 2001б, 109; 2007, 89; Уженцев 2006, 135; Медведев 2019а, 104; 2020, 276.

Луки и стрелы из Усть-Альминского некрополя

№	№ мотылы	Дата	Состояние	Место оружия в по- гребении	Другое ору- жие	Ориен- тация	Литература
1	c. 43/3	1	2-я -3-я четв. I в. н.э.	+	на груди	-	Ю3 Высотская 1994, табл. 9, 30
2	c. 92/9	2	30/50 гг. н.э - ок. 70 г. н.э.	+	слева у локтя и у стоп	ж?	3 Высотская 1994, табл. 30. Труфанов 2009, 273-274
3	c. 92/17	1	30/50 гг. н.э - ок. 70 г. н.э.	+	слева у бедра	ж? Меч с кольде- вым навер- шием	ЮЮ3 Высотская 1994, табл. 31, 28; Труфанов 2009, 273-274
4	c. 92/20	1	30/50 гг. н.э - ок. 70 г. н.э.	+	у левой голени	М?	- СВВ Труфанов 2009, 273-274
5	c. 120/3	10	30/50 гг. н.э - ок. 70 г. н.э.	+	слева у бедра	М Меч с пер- крестием	C33 Пуздовский 2007, 132; Труфанов 2009, 273-274
6	c. 120/10	+Лук	30/50 гг. н.э - ок. 70 г. н.э.	+	справа у ног	М	- C33 Пуздовский 1994, табл. 39, 27; Пуздовский 2007, 132; Труфанов 2009, 273-274
7	c. 316	10	I-II в. н.э	ограблен	-	-	- Пуздовский 2007, 131
8	c. 316	3	I-II в. н.э	ограблен	-	-	- Пуздовский 2007, 131
9	М. 332	2	II в. н.э	не сохра- нилось	слева у ног	Д	- ССВ Пуздовский 2007, 137
10	c. 348/58	1	сер. I в. н.э.	+	в ногах	ж? м более 60-ти лет	ЮВ Пуздовский 2007, 137
11.	c. 390/25	1	2-я пол. I в. до н.э. - 30/50 гг. н.э.	+	на тазу	-	Ю3 Зайцев 1997, 166; Труфанов 2009, 271-272
12	c. 424А	6	сер., 3-я четв. I в. н.э.	разрушено	-	-	- Пуздовский 2007, 133;
13	М. 433/1	5	рубеж I-II вв. н.э.	+	слева у стоп	-	ЮВ Пуздовский, Труфанов 2016, 51
14	c. 439/12	2	I в. н.э. - начало II в. н.э.	+	слева у колена	М (45- 55)	Ю3 Пуздовский, Зайцев, Лобода, 1997, 229
15	c. 449/5	2	сер. I в. н.э.	+	слева у стоп	-	Ю3 Пуздовский 2007, 137
16	c. 449/14	1	сер. I в. н.э.	+	слева у таза	-	ЮВ Пуздовский 2007, 137
17	c. 520/34	1+лук	ок.70 гг. - рубеж I-II вв.н.э	+	поверх правой ноги лук и между ног стрела	М В	Пуздовский 2007, 135, рис. 71 Труфанов 2009, 277-278

18	с. 550/3	лук	I в. н.э.	+	вдоль левой ноги	м	—	3	Пуздровский 2007, 135
19	с. 550/4	лук	I в. н.э.	+	вдоль левого плеча	м	—	3	Пуздровский 2007, 135
20	с. 550/14	2 лука	I в. н.э.	+	в области живота	м	—	3	Пуздровский 2007, 135
21	с. 557	2	II в. н.э.	ограблен	—	—	—	—	Там же.
22	с. 590/12	лук + 5 древк	30/50 гг. н.э. – ок. 70 г. н.э.	+	слева лук, стрелы на животе	м	—	Ю	Пуздровский 2007, 135; Труфанов 2009, 273–274
23	с. 590/21	50	30/50 гг. н.э. – ок. 70 г. н.э.	+	слева у ног	м	кинжал с кольцевым наверши- ем	Ю	Пуздровский 2007, 135; Труфанов 2009, 273–274
24	с. 612/1	120	30/50 гг. н.э. – ок. 70 г. н.э.	+	слева у голени	м	кинжал с кольцевым навер- шием	ЮВ	Пуздровский 2007, 168, рис. 73; Труфанов 2009, 273, 276
25	с. 612/3	97	30/50 гг. н.э. – ок. 70 г. н.э.	+	слева у голени	м	кинжал с кольцевым навер- шием	ЮВ	Пуздровский 2007, 168, рис. 73; Труфанов 2009, 273, 276
26	с. 616	17	I в. н.э.	ограблен	—	—	—	—	Пуздровский 2007, 137;
27	с. 620/2	76	30/50 гг. н.э. – ок. 70 г. н.э.	+	справа у голени	м	кинжал с кольцевым навершием	СВ	Пуздровский 2007, 168, рис. 74; Труфанов 2009, 273, 276
28	650/2а	4	30/50 гг. н.э. – ок. 70 г. н.э.	+	слева у черепа	м	—	ЮЮВ	Пуздровский 2007, 137;
29	с. 650/5	4	30/50 гг. н.э. – ок. 70 г. н.э..	череп	слева у голени	м?	—	ЮВ	Пуздровский 2007, 137;
30	с. 690/1	2	сер. I в. н.э.	+	слева у голени	м	кинжал с кольцевым навершием	С	Пуздровский 2007, 130; Труфанов 2009, 313
31	с. 690/3-9	1	2-я пол. I в. до н.э.. – сер. I в. н.э.	разруше- ны	—	—	—	—	Пуздровский 2007, 130; Труфанов 2009, 313
32	с. 715/2	41	рубеж I–II вв. н.э.	ограблен	—	—	—	—	Пуздровский 2007, 137
33	с. 730/1	92	сер. –3-я четв. I в. н.э.	ограблен	—	м?	—	—	Пуздровский 2007, 137
34	м. 736	1	кон. I–II вв. н.э..	ограблен	—	—	—	—	Пуздровский, Труфанов 2017б, 11, рис. 7, 18
35	м. 737	1	I – 1-я пол. III в. н.э	ограблен	—	копье и меч	—	—	Пуздровский, Труфанов 2017б, 11, рис. 15, 1

36	с. 777/1	146	2-я треть, сер., 3-я четв. I в. н.э.	слева в стороне	М	Меч и кинжал	СВ	Пуздровский, Труфанов 2017б, 43, 45, рис. 92, 6
37	с. 791/1	70	посл. треть I в. н.э.	верхняя часть раз- рушена	М	Меч и кинжал	ЮВ	Пуздровский, Труфанов 2017б, 57, рис. 117, 118, 1-7
38	с. 805	1	кон. I – 2-я треть II в. н.э.	ограблен	–	–	–	Пуздровский, Труфанов 2017б, 67, рис. 40, 5
39	М. 848	9	1-я пол. II в. н.э..	слева у плеча	М	копье и кин- жал	С3	Пуздровский, Труфанов 2017а, 20, рис. 40
40	С. 871	16	2-я пол. I – 1-я пол. II в. н.э..	ограблен	–	–	–	Пуздровский, Труфанов 2017а, 39, рис. 84, 12
41	С. 890	28	2-я пол. I в. н.э..	ограблен	–	–	–	Пуздровский, Труфанов 2017а, 49, рис. 110, 1-7
42	с. 920	9	2-я пол. I – 1-я пол. II в. н.э..	ограблен	–	–	–	Пуздровский, Труфанов 2017а, 71, рис. 158, 9
43	с. 930	23	2-я пол. I в. н.э..	ограблен	–	–	–	Пуздровский, Труфанов 2017а, 77–78, рис. 170, 15
44	с. 944/22	2	2-я пол. I в. н.э.	–	у таза	–	–	ЮВ
45	с. 972/2	68	2-я пол. I в. н.э..	–	слева у ног	М	–	ЮЮВ
46	с. 974/4,7	2	2-я пол. I – 1-я пол. II в. н.э..	разруш- ены	в3, д?	–	–	Пуздровский, Труфанов 2016, 12, рис. 7, 7
47	с. 983	2	сер. I в. н.э. – 1-я пол. II в. н.э.	ограблен	у ног	–	–	Пуздровский, Труфанов 2016, 26, рис. 36, 7
48	с. 1040	4	сер. I в. н.э..	ограблен	–	–	–	Пуздровский, Труфанов 2016, 68, 69, рис. 138, 20
49	М. 1077	1	II в. н.э..	ограблен	слева у бедра	ж?	–	ЮВ
						–	–	–

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова, М.П. 1987: *Подкумский могильник*. М.
- Безуглов, С.И. 2019: Степь и Танаис во II–III вв. н.э. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)*. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь, 47–52.
- Берлизов, Н.Е. 2011: *Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э. – V в. н. э.* Ч. I. Краснодар.
- Богаченко, Т.В. 2017: *Исторические основы сказаний о женщинах-воительницах южно-русских степей*. Ростов-на-Дону–Таганрог.
- Богданова, Н. А. 1989: Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное. *Археологические исследования юга Восточной Европы (Труды ГИМ 70)*. М, 18–70.
- Волошинов, А. А., Масякин, В.В. 2007: Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскопки 2005–2006 гг.). В кн.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика*. Симферополь, 291–302.
- Высотская, Т.Н. 1994: *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев.
- Глебов, В.П. 2011: Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья III вв. до н.э. В сб.: Г.Г. Матищов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко (ред.), *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Сборник статей*. Вып. III. Ростов на Дону, 63–87.
- Глебов, В.П. 2017: Сарматские погребения из кургана 1 могильника у с. Кулешовка 1. *NAB* 1, 143–161.
- Глебов, В.П. Толочко, И.В. 2016: Женские погребения с оружием на Нижнем Дону в эпоху позднего эллинизма: Танаис и сарматы. В сб.: С.И. Лукьяшко (ред.), *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летнему юбилею Б.А. Раева. Кагальник, 20–21 октября 2016 г.* Ростов на Дону, 44–84.
- Горончаровский, В.А. 2001: Боспорская кавалерия времени Митридата VIII с Римом в 45–49 гг. н. э. В сб.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен: колонизация региона формирование полисов образование государства. Материалы международной научной конференции*. СПб, 217–221.
- Горончаровский, В.А. 2003: *Междуд Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени*. СПб. – М.
- Горончаровский, В.А. 2005: Военно-политическая история Боспорского царства во второй половине I – середине III в. н.э.: от прочного союза с Римом до Готских войн. В сб.: Э.Д. Фролов (ред.). *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира* 4, СПб, 337–358.
- Гущина, И.И., Засецкая, И.П. 1994: «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Гущина, И.И., Журавлев, Д.В. 2016: *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму* (Труды ГИМ 205). М.
- Дашевская, О.Д. 1991: *Поздние скифы в Крыму* (САИ Д 1–7). М.
- Дашевская, О.Д. 2014: *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Зайцев, Ю.П. 1997: Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник 1*, Симферополь, 156 –166.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2003: Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода. *РА* 2, 134–154.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2004: Варварские погребения Крыма 2 в. до н.э. – 1 в. н.э. В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Доклады к V международной конференции «Проблемы*

- сарматской археологии и истории». Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 174–204.
- Зубар, В.М. 1988: Про похід Плавтія Сільвана в Крим. *Археологія* 63, 19–27.
- Зубарь, В.М. 1994: *Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории*. Киев.
- Зубов, С.Э. 2011: Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). *Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных*. Saarbrücken.
- Колтухов, С.Г. 1999: *Укрепления Крымской Скифии*. Симферополь.
- Кривошеев, М.В. 2007: Вооружение позднесарматского времени нижнего Поволжья. В сб.: Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров (ред.), *Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. Челябинск, 65–70.
- Кривошеев, М.В., Скрипкин, А.С. 2011: Формирование и развитие позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье (по данным погребального обряда). В сб.: Г.Г. Матищов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко (ред.), *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Сборник статей III*. Ростов на Дону, 146–164.
- Медведев, А.П. 2004: Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону. В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Доклады к V международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии*. Краснодар, 86–94.
- Медведев, А.П. 2011: Феномен Верхнедонских могильников в контексте позднесарматских и лесостепных культурных традиций. В сб.: Г.Г. Матищов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко (ред.), *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Сборник статей III*, Ростов на Дону, 277–293.
- Медведев, А.П., Березуцкий, В.Д., Бирюков, И.Е. 2019: Сарматы на Верхнем и Среднем Дону: результаты изучения и новые открытия. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» V*. Симферополь, 175–187.
- Медведев, А.П. 2020: Новые сарматские курганы на Среднем Хопре. *АДІУ* 3, 334–346.
- Медведев, Г.В. 2019а: Три погребения первых веков нашей эры с мечами из Усть-Альминского некрополя. *Історія і археологія Крима IX*. Симферополь, 100–113.
- Медведев, Г.В. 2019б: Наконечники стрел архаических типов из Усть-Альминского некрополя. *ХС ХХ*, 99–111.
- Медведев, Г.В. 2020а: Мечі та кинджали у поховальному обряді Усть-Альмінського некрополя. *АДІУ* 3, 266–280.
- Медведев, Г.В. 2020б: Керамические клейма и монеты из раскопок поселения Вилино (Рассадное), Юго-Задний Крым. *ПИФК* 4, 110–127.
- Мошкова, М.Г. 2004: Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья. В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Доклады к V международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии*. Краснодар, 22–44.
- Погребова, Н.Н. 1961: Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. *МИА* 96, 103–213.
- Пуздровский, А.Е. 2001а: Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой. *Поздние скифы Крыма. (Труды ГИМ* 118, 122–140).
- Пуздровский, А.Е. 2001б: Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. *ВДИ* 3, 86–118.

- Пуздровский, А.Е. 2001в: Римско-боспорская война и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии в середине I в. н. э. В сб.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен: колонизация региона формирование полисов образование государства. Материалы международной научной конференции*. СПб., 212–217
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н. э.–III в. н. э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Пуздровский, А.Е., Медведев, Г.В. 2005: Погребения I–II вв. н.э. из Усть-Альминского некрополя. *ХСб XIV*, 271–282.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2016: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг.* Симферополь–М. (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму 1).
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017а: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг.* Симферополь–М. (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму 2).
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017б: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг.* Симферополь–М. (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму 3).
- Симоненко, А.В. 2010: *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. СПб.
- Симоненко, А.В., Лобай, Б.И. 1991: *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги)*. Киев.
- Скрипкин, А. С. 1990: *Азиатская Сарматия*. Саратов.
- Скрипкин, А.С. 2003: Сарматский погребальный комплекс II–I вв. до н. э из Заволжья. *HAB* 6, 289–294.
- Скрипкин, А.С., Клепиков, В.М. 2020: Археологические памятники II–I вв. до н. э. Нижнего Поволжья и некоторые этнические проблемы сарматов. *АДИУ* 3, 214–222.
- Сымонович, Э.А. 1983: *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского)*. Киев.
- Трейстер, М.Ю. 2010: Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н. э. *ДБ* 14, 484–561.
- Труфанов, А.А. 2009: Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н.э.–III в. н.э. *Stratum plus* 4, 111–328.
- Уженцев, В.Б. 2006: Эллины и варвары Прекрасной Гавани (*Калос Лимен в IV в. до н. э.–II в. н.э.*). Симферополь.
- Шаповалов, Т.О. 1973: Сарматські поховання поблизу с. Новолуганське. *Археологія* 8, 82–88.
- Шевченко, Е.Б. 2014: «Амазонки» Южного Приуралья в сарматское время: миф и реальность (историографический обзор). В сб.: С.И. Лукьянко (ред.), *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции памяти А.И. Мелюковой*. Ростов-на-Дону, 407–416.
- Шевченко, Е.Б. 2020: Методика исследования женских погребений с оружием (на материалах сарматского могильника «Новый»). *АДИУ* 3, 367–374
- Щеглов, А.Н. 1978: *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Л.
- Хазанов, А.М. 1971: *Очерки военного дела сарматов*. М.
- Храпунов, И.Н. 2007: Погребение воина 2 в. н.э. из могильника Опушки. В кн.: Ю.П. Заичев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика*. Симферополь, 115–124.
- Яценко, С. А. 2015: Группы элиты у сарматов. В кн.: П.К. Дашковский (ред.), *Элита в истории древних и средневековых народов Евразии*. Барнаул, 86–98.
- Simonenko, A.V. 1997: Eine sarmatische Bestattung von südlichen Bug. *Eurasia Antiqua* 3, 389–408.
- Muscalu, B. 2009: Arme sarmatice descoperite în mediul sarmatic dintre Tisa și Dunăre. *Bhaut – otebibiblioteca historica et Arheologica universitatis Timisiensis* XI, 191–208.

Puzdrovskij, A.E., Zajcev, J.P. 2004: Prunkbestattungen des I Jh. n. C. in der Nekropole Ust-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999. *Eurasia antiqua* 10, 229–267.

Puzdrovskij, A.E. 2005: Tomb of Early Roman Period from the Region of Scythian Neapolis. *Ancient Civilizations from Scythia Siberia* 11, No. 1–2, 85–105.

REFERENCES

- Abramova, M.P. 1987: *Podkumskiy mogil'nik [Podkum Necropolis]*. Moscow.
- Berlizov, N.E. 2011: *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena Yuzhnoy Rossii v VII v. do n. e. – V v. n. e. [Rhythms of Sarmatia. Savromato-Sarmatian tribes of Southern Russia in the 7th Century BC to 5th Century AD]*. Pt. I. Krasnodar.
- Bezuglov, S.I. 2019: Step' i Tanais vo II–III vv. n. e [The Steppe and Tanais in the 2nd and 3rd centuries AD]. In I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskyyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.). Materialy X Mezdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii" [The Crimea in the Age of the Sarmatians (2nd century BC – 4th century AD). Proceedings of the 10th International Research Conference "The Aspects of Sarmatian Archeology and History"]*. Simferopol, 47–52.
- Bogachenko, T.V. 2017: *Istoricheskie osnovy skazaniy o zhenshchinakh-voitel'nitsakh yuzhnorusskikh stepey [Historical foundations of the legends about women-warriors of the Southern Russian steppes]*. Rostov-on-Don–Taganrog.
- Bogdanova, N.A. 1989: Mogil'nik pervykh vekov nashey ery u s. Zavetnoe [A necropolis of the first centuries AD near the village of Zavetnoye]. *Arkeologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy [Archaeological research in the south of Eastern Europe]*. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya) [Proceedings of the State Historical Museum] 70, 18–70.
- Dashevskaya, O.D. 1991: *Pozdnie skify v Krymu [Late Scythians in the Crimea]*. (Svod arkheologicheskikh istochnikov) [Corpus of Archaeological Sources] D 1–7). Moscow.
- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol' Belyausa [Necropolis of Belyaus]*. Simferopol.
- Glebov V.P. 2017: Sarmatskie pogrebeniya iz kurgana 1 mogil'nika u s. Kuleshovka 1 [Sarmatian burials from mound 1 of the necropolis near the village of Kuleshovka1]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Nizhnevolzhsky Archaeological Bulletin]* 1, 143–161.
- Glebov, V.P. 2011: Pogrebal'naya obryadnost' rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Podon'ya III vv. Do n. e [Funeral rituals of the Early Sarmatian culture of the Lower Don region of the 3rd century BC]. In: G.G. Matishov, L.T. Yablonskiy, S.I. Lukyashko (eds.), *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii. Sbornik statey [Death custom of the early nomads of Eurasia. Materials and research on archaeology of Southern Russia. Collection of articles]* III, Rostov-on-Don, 63–87.
- Glebov, V.P., Tolochko, I.V. 2016: Zhenskie pogrebeniya s oruzhiem na Nizhnem Donu v epokhu pozdnego ellinizma: Tanais i sarmaty [Female burials with weapons in the Lower Don in the era of Late Hellenism: Tanais and the Sarmatians]. In: S.I. Lukyashko (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 70-letnemu yubileyu B.A. Raeva. Kagal'nik, 20–21 oktyabrya 2016 g [Ancient civilization and the barbarian world of the Ponto-Caspian: materials of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 70th anniversary of B.A. Raev. Kagalnik, October 20–21, 2016]*. Rostov-on-Don, 44–84.
- Goroncharovskiy, V.A. 2001: Bosporskaya kavaleria vremeni voynы Mithridata VIII c Rimom v 45–49 gg. n. e [Bosporan Cavalleria during the war of Mithridates VIII against Rome in 45–49 AD]. In: M. Yu. Vakhtina, V.Yu. Zuev (eds.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona formirovaniye polisov obrazovanie gosudarstva. Materialy mezdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporus phenomenon: colonization of the region; formation of*

-
- policies; formation of the state. Materials of the international scientific conference]. Pt. 2. Saint Petersburg, 217–221.*
- Goroncharovskiy, V.A. 2003: *Mezhdu imperiey i varvarami: voennoe delo Bospora rimskego vremeni* [Between the Empire and the barbarians: the military affairs of the Bosporus during the Roman period]. Saint Petersburg–Moscow.
- Goroncharovskiy, V.A. 2005: *Voenno-politicheskaya istoriya Bosporskogo tsarstva vo vtoroy polovine I – seredine III v. n. e.: ot prochnogo soyuza s Rimom do Gotskikh voyn* [Military and political history of the Bosporus kingdom in the second half of the 1st to the mid-3rd century AD: from a strong community with Rome to the Gothic Wars]. In: E.D. Frolov (ed.), *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Research and Publications on the History of the Ancient World] 4, Saint Petersburg, 337–358.
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016: *Nekropol' rimskego vremeni Bel'bek IV v Ygo-Zapadnom Krymu* [Necropolis of the Roman Period Belbek IV in Southwestern Crimea (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 205). Moscow.
- Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1994: “*Zolotoe kladbischche*” rimskego epokhi v Prikuban’ye [“Golden cemetery” of the Roman age in the Kuban` basin. Saint Petersburg.
- Khazanov, A.M. 1971: *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on the military affairs of the Sarmatians]. Moscow.
- Khrapunov, I. N. 2007: *Pogrebenie voina 2 v. n. e. iz mogil`nika Opushki* [A burial of the warrior of second century AD from the Opushki Necropolis]. In: Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Tavrika]. Simferopol, 115–124.
- Koltukhov, S.G. 1999: *Ukrepleniya Krymskoy Skifii* [Fortifications of the Crimean Scythia] Simferopol.
- Krivosheev, M.V. 2007: *Vooruzhenie pozdnesarmatskogo vremeni Nizhnego Povolzh’ya* [Armament of the Late Sarmatian time of the lower Volga region]. In: L.T. Yablonskiy, A.D. Tairov (eds.), *Doklady k VI mezhdunarodnoy konferentsii “Problemy sarmatskoy arxeologii i istorii”*. *Vooruzhenie sarmatov: regional’naya tipologiya i khronologiya* [Papers of the VI International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”. *Armament of the Sarmatians: regional typology and chronology*]. Chelyabinsk, 65–70.
- Krivosheev, M.V., Skripkin, A.S. 2011: *Formirovanie i razvitiye pozdnesarmatskoy kul’tury v Nizhnem Povolzh’ye* (po dannym pogrebal’nogo obryada) [Formation and development of the Late Sarmatian culture in the Lower Volga region (according to the funeral rite)]. In: G.G. Matishov, L.T. Yablonskiy, S.I. Lukyashko (eds.), *Pogrebal’nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii. Sbornik statey* [Funeral rite of the first nomads of Eurasia. Materials and research on archaeology of the South of Russia. Collection of articles] III. Rostov-on-Don, 146–164.
- Medvedev, A.P. 2004: *Periodizatsiya i khronologiya sarmatskikh pamyatnikov na Sredнем i Verkhnem Donu* [Periodization and chronology of Sarmatian sites in the Middle and Upper Don]. In: B.A. Raev (ed.), *Doklady k V mezhdunarodnoy konferentsii “Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii”*. *Sarmatskie kul’tury Evrazii: problemy regional’noy khronologii* [Papers of the Vth International conference “Problems of Sarmatian archaeology and history”. *Sarmatian cultures of Eurasia: problems of regional chronology*]. Krasnodar, 86–94.
- Medvedev, A.P. 2011: *Fenomen Verkhnedonskikh mogil’nikov v kontekste pozdnesarmatskikh i lesostepnykh kul’turnykh traditsiy* [The phenomenon of the Upper Don burial grounds in the context of the Late Sarmatian and forest-steppe cultural traditions.]. In: G.G. Matishov, L.T. Yablonskiy, S.I. Lukyashko (eds.), *Pogrebal’nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii. Sbornik statey* [Funeral rite of the

first nomads of Eurasia. Materials and research on archeology of the South of Russia. Collection of articles] III, Rostov-on-Don, 277–293.

- Medvedev, A.P. 2020: Novye sarmatskie kurgany na Srednem Khopre [New Sarmatian burial mounds in the Middle Khoper]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrayiny* [Archaeology and Ancient History of Ukraine] 3, 334–346.
- Medvedev, A.P., Berezutskiy, V.D., Biryukov, I.E., 2019: Sarmaty na Verkhinem i Srednem Donu: rezul'taty izucheniya i novye otkrytiya [The Sarmatians in the Upper and Middle Don Areas: The Results of Researches and New Discoveries]. In: I.N. Khrapunov (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*. Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii” [The Crimea in the Age of the Sarmatians (the 2nd century BC to the 4th century AD). Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archeology and History”]. Simferopol, 175–187.
- Medvedev, G.V. 2019a: Tri pogrebeniya pervykh vekov nashey ery s mechami iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [Three burials of the first centuries AD with the swords from the Ust-Alma Necropolis]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] IX, 100–113.
- Medvedev, G.V. 2019b: Nakonechniki strel arkhaicheskikh tipov iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [Arrowheads of archaic types from the Ust-Alma necropolis]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesian Collection] XX, 99–111.
- Medvedev, G.V. 2020a: Mechta i kindzhaly u pokhoval'nomu obryadi Ust'-Al'mins'kogo nekropolya [Swords and daggers in the funeral ritual of the Ust-Alma necropolis]. *Arkeologiya i davnya istoriya Ukrayiny* [Archaeology and ancient history of Ukraine] 3, 266–280.
- Medvedev, G.V. 2020b: Keramicheskie kleyma i monety iz raskopok poseleniya Vilino (Rassadnoe), Yugo-Zadnyy Krym [Ceramic stamps and coins from Vilino (Rassadnoe) settlement, the Southwestern Crimea]. *Problemy istorii filologii kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 4, 110–127.
- Moshkova, M. G. 2004: Srednesarmatskie i pozdnesarmatskie pamyatniki na territorii Yuzhnogo Priural'ya [Middle Sarmatian and Late Sarmatian sites in the Southern Urals]. In.: B.A. Raev (ed.), *Doklady k V mezhdunarodnoy konferentsii “Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii”*. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regionalnoy khronologii* [Papers of the V International conference “Problems of Sarmatian archaeology and history”. *Sarmatian cultures of Eurasia: problems of regional chronology*]. Krasnodar, 22–44.
- Muscalu, B. 2009: Arme sarmatice descoperite în mediul sarmatic dintre Tisa și Dunăre. *Bhaut-otebibliotheca historica et Arheologica universitatis Timisiensis* XI, 191–208.
- Pogrebova, N.N. 1961: Pogrebeniya v mavzolee Neapolya Skifskogo [Burials in the mausoleum of Scythian Neapolis]. *Materialy instituta arkheologii* [Materials of the Institute of Archaeology] 96, Moscow, 103–213.
- Puzdrovskij, A.E., Zajcev, J.P. 2004: Prunkbestattungen des I Jh. n. C. in der Nekropole Ust-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999. *Eurasia antiqua* 10, 229–267.
- Puzdrovskiy, A.E. 2001a: Pogrebeniya Bitakskogo mogil'nika pervykh vekov n.e. s oruzhiem i konskoy uzdoy [Burials of the Bitak necropolis of the first centuries AD, containing weapons and horse bridle]. *Pozdnie skify Kryma* [Late Scythians of Crimea]. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum 118]), 122–140.
- Puzdrovskiy, A.E. 2001b: Politicheskaya istoriya Krymskoy Skifii vo II v. do n. e. – III v. n. e [The political history of Crimean Scythia in the 2nd century BC – 3rd century A.D]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 86–118.
- Puzdrovskiy, A.E. 2001v: Rimsko-Bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n. e [The Roman-Bosporan War and the ethnopolitical

- situation in Crimean Scythia in the mid-1st century AD]. In: M.Yu. Vakhtina, V.Yu. Zuev (eds.). *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona formirovanie polisov obrazovanie gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosphorus phenomenon: colonization of the region; formation of policies; formation of the state. Materials of the International Scientific Conference] 2, Saint Petersburg, 212–217.
- Puzdrovskiy, A.E. 2005: Tomb of Early Roman Period from the Region of Scythian Neapolis. *Ancient Civilizations from Scythia Siberia* 11, No. 1–2, 85–105.
- Puzdrovskiy, A.E., Medvedev, G.V. 2005: Pogrebeniya I–II vv. n. e. iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [Burials of the 1st–2nd centuries AD in the Ust-Alma necropolis]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesian Collection] XIV, 271–282.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia. The 2nd Century BC to 3rd Century AD. Burials]. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2016: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* [Excavations of the Ust-Alma Necropolis in 2008–2014] (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Yugo-Zapadnom Krymu [Ust-Alma Settlement and Necropolis in the Southwestern Crimea] 1). Simferopol–Moscow.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017a: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg.* [Field studies of the Ust'-Al'ma Necropolis in 2004–2007] (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Yugo-Zapadnom Krymu [Ust-Alma Fortified Sie and Necropolis in the South-Western Crimea] 2). Simferopol–Moscow.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017b: *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* [Excavations of the Ust-Alma Necropolis in 2000–2003] (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Yugo-Zapadnom Krymu [Ust-Alma Settlement and Necropolis in the Southwestern Crimea] 3). Simferopol–Moscow.
- Shapovalov, T.O. 1973: Sarmats'ki pokhovannya poblyzu s. Novolugans'ke [Sarmatian burials near the village of Novoluhanske]. *Arkhеologiya* [Archaeology] 8, 82–88.
- Shcheglov, A.N. 1978: *Severo-Zapadnyy Krym v antichnyu epokhu* [The Northwestern Crimea in the ancient era]. Leningrad.
- Shevchenko, E.B. 2014: “Amazonki” Yuzhnogo Priural’ya v savromatskoe vremya: mif i real’nost’ (istoriograficheskiy obzor) [The Amazons of the Southern Ural Region during the Sauromatian phase: the myths and reality (historiographic review)]. In.: S.I. Lukyashko (ed.), *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii pamyati A.I. Melyukovoy* [The war and the military affair in the Scythian-Sarmatian world. Proceedings of International Scientific Conference in the memory of A.I. Melyukova (Kagalnik, 26–29 April 2014)]. Rostov-on-Don, 407–416.
- Shevchenko, E.B. 2020: Metodika issledovaniya zhenskikh pogrebeniy s oruzhiem (na materialakh sarmatskogo mogil’nika “Novyy”) [Research Methods for the Women’s Buries with Weapons by the Materials of the Sarmatian Burial ground “Novy”]. *Arheologiya i davnja istorija Ukrayiny* [Archaeology and Ancient History of Ukraine] 3, 367–374.
- Simonenko, A.V. 1997: Eine sarmatische Bestattung von südlichen Bug. *Eurasia Antiqua* 3, 389–408.
- Simonenko, A.V. 2010: *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor’ya* [Sarmatian riders of the North Pontic region]. Saint Petersburg.
- Simonenko, A.V., Lobay, B.I. 1991: *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor’ya v I v. n. e. (pogrebeniya znati u s. Porogi)* [Sarmatians of the Northwestern Black Sea region in the 1st century AD (burials of the nobility near the village of Porogi)]. Kiev.
- Skripkin, A. S. 1990: *Aziatskaya Sarmatiya* [Asian Sarmatia]. Saratov.
- Skripkin, A.S. 2003: Sarmatskiy pogrebal’nyy kompleks II–I vv. do n. e iz Zavolzh’ya [The Sarmatian funeral complex of the 2nd–1st century BC from the steppe of Zavolzhye]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Nizhnevolzhsky Archaeological Bulletin] 6, 289–294.

- Skripkin, A.S., Klepikov, V.M. 2020: *Arkheologicheskie pamyatniki II–I vv. do n. e. Nizhnego Povolzh’ya i nekotorye etnicheskie problemy sarmatov* [Archaeological Sites of the Lower Volga Region of the 2nd–1st Centuries BC and some Ethnic Issues of the Sarmatians]. *Arkheologija i davnya istoriya Ukray’ny* [Archaeology and Ancient History of Ukraine] 3, 214–222.
- Symonovich, E.A. 1983: *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo nekropolya Neapolis Skifskogo)* [Population of the capital of the Late Scythian Kingdom (according to materials of the Eastern Necropolis of Scythian Neapolis)]. Kiev.
- Treister, M.Yu. 2010: *Oruzhie sarmatskogo tipa na Bospore v I–II vv. n. e.* [Weapons of the Sarmatian type in the Bosporan Kingdom in the 1st–2nd centuries AD]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 14, 484–561.
- Trufanov, A.A. 2009: *Khronologiya mogil’nikov predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e.* [The Chronology of the Necropoleis of the Crimean Foothills]. *Stratum plus* 4, 117–328.
- Uzhentsev, V.B. 2006: *Elliny i varvary Prekrastnoy Gavani (Kalos Limen v IV v. do n. e. – II v. n. e.)* [Hellenes and barbarians of the Beautiful Harbor (Kalos-Limen in the 4th century BC – 2nd century AD)]. Simferopol.
- Voloshinov, A.A., Masyakin, V.V. 2007. Pogrebeniya s oruzhiem iz nekropolya rimskogo vremeni u s. Zavetnoe v Yugo-Zapadnom Krymu (raskopki 2005–2006 gg.) [Burials with weapons of the Roman period necropolis near the village of Zavetnoye, the Southwestern Crimea (2005–2006 excavations)]. In: Iu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva, (eds.), *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Taurice]. Simferopol, 291–302.
- Vysotskaya, T.N. 1994. *Ust’-Alminskoe gorodishche i nekropol’* [Ust-Alminskoe Settlement and Necropolis]. Kiev.
- Yatsenko, S.A. 2015: Gruppy elity u sarmatov [Elite groups of Sarmatians]. In: P.K. Dashkovskiy (ed.), *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* [Elite in the history of ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul, 86–98.
- Zaytsev, Yu.P. 1997: Sklep № 390 Ust’-Al’minskogo pozdneskifskogo nekropolya [Crypt No. 390 of the Ust-Alma Late Scythian necropolis]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Bakhchisarayskiy arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisarai Archaeological Collection 1, Simferopol, 156 –166.
- Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2003: Podvyaznye fibuly v varvarskikh pogrebeniyakh Severnogo Prichernomor’ya pozdneellinisticheskogo perioda [Fibulas in the Northern Pontic barbarian burials of the Late Hellenistic period]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 134–154.
- Zubar, V.M. 1988: Pro pokhod Plavtiya Sil’vana v Krim [Plautius Silvanus’ march to the Crimea]. *Arkheologiya* [Archaeology] 63, 19–27.
- Zubar, V.M. 1994: *Khersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya: ocherki voenno-politicheskoy istorii* [Tauric Chersonese and the Roman Empire: essays on military-political history]. Kiev.
- Zubov, S.E. 2011: *Voinskie migratsii rimskogo vremeni v Sredнем Povolzh’ye (I–III vv.). Migratsionnye protsessy v formirovaniii novoy etnokul’turnoy sredy po materialam arkheologicheskikh dannykh* [Military migrations of the Roman period in the Middle Volga region (the 1st–3rd century AD). Migration processes and the formation of a new ethnocultural environment based on archaeological data]. Saarbrücken.

BOWS AND ARROWS IN FUNERAL RITE OF THE UST-ALMA NECROPOLIS,
THE SOUTHWESTERN CRIMEA

Gennady V. Medvedev

Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Simferopol, Russia
medvedgen@gmail.com

Abstract. In terms of the number of weapons, the Ust-Alma necropolis stands out the Late Scythian sites of the Crimea. The article examines burials with bows and arrows, their typology, chronology, statistics, as well as the place of this weapon in the local death custom. The main role of a such weapon in the funeral rite was its functional purpose. Analysis of the burial complexes shows that a significant role belonged to bows and arrows, after swords and daggers, in the funeral ritual of the Ust-Alma necropolis. Since the mid-1st century AD, a number of such weapons in the burial complexes of the Ust-Alma necropolis has increased. At this time, Chersoneses and the most part of the Crimea (including the late state of the Scythians) came under the control of the Bosporan kingdom. Crimean Scythia participated in the Roman-Bosporan War of AD 45-49. In the second century AD, the operations of the Bosporan army took place in Crimean Scythia. These events influenced to the local death custom. In the first centuries AD, the traditions of funeral rite, characteristic for the Sarmatians of the steppe regions of the Northern Black Sea and the Volga region, appeared in the Ust-Alma necropolis. Besides, there were changes in the ethnic and social structure of the Late Scythian society: along with the civil elite, a military one was also formed. This is reflected in the richness of the grave goods in the burials of warriors. One can find similarities between the funeral rites of the Ust-Alma necropolis and the Sarmatians in the Volga region, the Don, the Kuban, the Caucasus and the Bosphorus.

Keywords: Late Scythian culture, Crimea, Ust-Alma Necropolis, Sarmatians, bows and arrows.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2021), 163–173
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2021), 163–173
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-163–173

ХИОССКАЯ КЕРАМИКА И ЕЕ ИМИТАЦИИ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Е.С. Лесная

*Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», Севастополь, Россия
lesnaya.kat@gmail.com*

Аннотация. Публикация посвящена находкам хиосской столовой керамики, обнаруженным при раскопках городища и некрополя Херсонеса Таврического. Эти сосуды рассматриваются в контексте формирования ранней керамической коллекции памятника и распространения хиосского импорта в античных центрах Северного Причерноморья. Среди редких типов – неангобированный чернофигурный канфар позднего варианта. Из-за плохой сохранности сложно определить основной сюжет росписи. Однако благодаря находкам аналогичных сосудов в закрытых комплексах Ольвии и Нимфея, херсонесский экземпляр может быть отнесен к первой половине V в. до н.э. Ангобированные формы представлены фрагментами миниатюрной чаши и закрытого сосуда (ольпы?), датирующимися второй половиной VI в. до н.э. Обнаружение этих сосудов в Херсонесе подтверждает верхнюю хронологическую границу периода их бытования, установленную по материалам Ольвии и Березани. В свою очередь, они являются одними из самых ранних находок в керамической коллекции Херсонеса. Несколько экземплярами представлены ангобированные канфары. Целая форма происходит из погребения в раннем некрополе, ещё два фрагментированных сосуда обнаружены на городище. Их датировка ограничивается началом V в. до н.э. Помимо ангобированных канфаров, в Херсонесе известны три фрагмента монохромных чернолаковых канфаров. Исходя из особенностей профилировки их следует датировать концом V – первой половиной IV вв. до н.э. Также удалось выделить около 10 сероглиняных сосудов, являющихся имитациями чернолаковых канфаров. Они полностью повторяют их форму и имеют тёмное лакообразное покрытие. Эти находки происходят из комплексов с материалами конца V – первой половины IV в. до н.э., то есть синхронны своим прототипам. Место их изготовления на данный момент не установлено.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, хиосская керамика, сероглиняная керамика, греческая колонизация, хронология.

В составе ранней керамической коллекции Херсонеса хиосские сосуды и их имитации представляют сравнительно небольшую, но разнообразную группу находок. Продукция керамических мастерских Хиоса включает в основном простые

Данные об авторе: Лесная Екатерина Сергеевна – научный сотрудник отдела античной истории Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

ангобированные и чернолаковые столевые формы. Всего же в настоящее время нам удалось идентифицировать фрагменты от 9 экземпляров¹.

Особый интерес представляет обломок верхней части неангобированного сосуда, расписанного в чернофигурном стиле с использованием белой накладной краски, пурпур и гравировки (рис. 1, 1). Край на внешней поверхности декорирован фризом из наклонных сигм (zeta-фриз). Фигуру, смотрящую влево, в основной части росписи сложно уверенно распознать из-за плохой сохранности фрагмента (возможно, это петух?). За ней изображен слегка раскрывшийся бутон лотоса. Внутренняя поверхность изделия покрыта плотным слоем черного лака, узкая полоса по верхнему краю оставлена в резерве. Данный сосуд можно соотнести с достаточно редкой разновидностью хиосских расписных форм – неангобированными чернофигурными канфарами². Они появляются во второй четверти VI в.³ и получают распространение в третьей четверти – второй половине столетия⁴. Для их росписей характерны изображения птиц (петухов, куриц, гусей / лебедей), дельфинов, фигуры людей встречаются редко. Внутренняя поверхность обычно декорирована цветами лотоса и/или полосами, нанесенными белой краской, пурпуром либо лаком.

В Северном Причерноморье находки чернофигурных неангобированных канфаров засвидетельствованы на Березани⁵, в Ольвии⁶, Пантиакапе⁷. Из раскопок Ольвии и Нимфея происходят сосуды наиболее позднего варианта, их отличает отсутствие декора внутренней поверхности. Стиль росписи внешней части объединяет в себе влияния клазоменской, коринфской и аттической школ⁸. Так, на фрагментированном канфаре из Нимфея сохранились пальметты в зоне ручек, вероятно, фланкирующие сюжетное изображение⁹. Верхний край выделен фризом из точек черного лака, расположенных в шахматном порядке. Окончания листьев пальметт подчеркнуты белыми точками. Сосуд был обнаружен в засыпи ямы позднеклассической эпохи, но по морфологии датирован Д.Е. Чистовым более ранним временем – первой половиной V в.¹⁰

В росписи ольвийского экземпляра, на котором частично сохранились изображения фигур мужчины и коня, использованы пурпур и белая краска, а детали рисунка подчеркнуты гравировкой¹¹. Верхний край также декорирован фризом с точечным орнаментом в шахматном порядке. Нахodka происходит из заполнения ямы, засыпь которой приходится на третью четверть V в. Основываясь на особенностях стилистики росписи и формы сосуда (близость аттическим чернолаковым канфарам с высокими ручками), А.В. Буйских отнесла его ко второй четверти V в.¹²

¹ Статья является расширенной и доработанной версией тезисов доклада, прочитанного автором на международной конференции «Patrimoniu cultural: cercetare, valorificare, promovare», которая проходила в г. Кишинев 29–31 октября 2019 г.

² Благодарю Аллу Валерьевну Буйских за помощь в атрибуции этого фрагмента.

³ Здесь и далее все даты указаны до н.э.

⁴ Boardman 1967, 168; Lemos 1991, 175–177, 190; Буйских 2013, 162; Буйських 2017, 112–113.

⁵ Буйських 2017, 111–112, рис. 1.

⁶ Буйских 2013, кат. 10.50–10.54, рис. 158; Буйських 2017, 113–114, рис. 2.

⁷ Сидорова 1992, 154–155, рис. 10.

⁸ Буйських 2017, 117.

⁹ Čistov, Domžalski 2003, 130, cat. 260, fig. 15.15, pl. XXII.2.

¹⁰ Čistov, Domžalski 2003, 107.

¹¹ Буйських 2017, 114, рис. 2, 7.

¹² Буйських 2017, 114.

Рис. 1. Хиосский неангобированный чернофигурный канфар (1) и ангобированные сосуды: миниатюрная чаша (2), ольпа(?) (3), канфары (4, 5)

Fig. 1. Chian unslipped black-figured kantharos (1) and white-slip vessels: a miniature cup (2) and a close-shaped vessel (olpe?) (3), kantharoi (4, 5)

Херсонесский фрагмент происходит из раскопок Р.Х. Лепера 1913 г., и в настоящее время установить точный контекст этой находки не представляется возможным. Вместе с тем приведенные аналогии из Нимфея и Ольвии позволяют датировать его в рамках первой половины V в. К сожалению, степень сохранности рассматриваемого образца не позволяет нам существенно обогатить уже известный набор сюжетов, используемых в росписи поздних неангобированных канфаров. Тем не менее круг памятников региона, куда поступали эти редкие изделия, теперь дополняет и Херсонес.

Ангобированные формы представлены, прежде всего, фрагментом редкой миниатюрной чаши, декорированной узкими полосами лака по внутренней поверхности (рис. 1, 2). Найдены подобных чащ известны в комплексах второй половины VI в. в Ольвии¹³ и на Березани¹⁴. Херсонесский экземпляр И.И. Вдовиченко соотнесла с аттическими миниатюрными киликами и датировала ок. 460 г.¹⁵ Однако приведенные нами аналогии свидетельствуют не в пользу такой атрибуции.

Фрагмент нижней части закрытого сосуда на кольцевом поддоне, вероятно, принадлежит ольпе(?). Этот тип хиосских сосудов был недавно выделен на материалах Ольвии и датирован второй половиной VI – началом V вв.¹⁶ В придонной части туловы нанесена тонкая полоса коричневого лака, а на внешнюю поверхность поддона – широкая полоса темно-коричневого лака (рис. 1, 3).

Оба фрагмента обнаружены при раскопках на городище в раннем культурном слое. Как правило, этот слой содержит материалы широкого хронологического периода – от конца VI в. до второй четверти IV в., что исключает возможность уточнить датировку фрагментов по сопутствующему контексту. Судя по находкам керамики других восточногреческих центров, начало поступления массового керамического импорта в Херсонес фиксируется с конца VI / рубежа VI–V вв.¹⁷ Следовательно, в данном случае рассматриваемые нами находки как раз подтверждают верхнюю границу датировки, установленную для этих типов хиосских столовых сосудов.

На данный момент в херсонесской коллекции нам известны три экземпляра ангобированных канфаров. Целая форма происходит из детского погребения в амфоре (раскопки Р.Х. Лепера) и уже неоднократно упоминалась в литературе¹⁸ (рис. 1, 4). Р.В. Стоянов датировал находку временем не позднее начала V в.¹⁹, и на данный момент эта дата ни у кого из исследователей не вызывает возражений. Фрагменты еще двух сосудов обнаружены в ходе исследований на городище. Их следует относить к этому же времени – они имеют плавный изгиб стенки в зоне нижнего прилепа ручек, а в интерьере полосу под краем, оставленную в резерве или покрытую тонким слоем ангоба, что характерно для позднего варианта сосудов²⁰ (рис. 1, 5; 2, 1).

¹³ Буйских 2013, кат. № 10.105, 10.106.

¹⁴ Чистов 2006, илл. 29, 2, 3.

¹⁵ Вдовиченко, Рыжов, Жесткова 2019, 137, кат. 391.

¹⁶ Буйских 2013, 175, кат. № 10.152.

¹⁷ Лесная 2020, 109.

¹⁸ Белов 1972, рис. 1; Золотарёв 1993, кат. 198, табл. XIV, 1; Монахов, Абросимов 1993, 135, табл. 12, № 40.

¹⁹ Стоянов 2005, 41, рис. 2, II 1.

²⁰ Буйских 2013, 173.

Рис. 2. Хиосские канфары: ангобированный (1) и чернолаковые (2–4)
Fig. 2. Chian kantharoi: white-slip (1) and black-glazed (2–4)

Также удалось выделить фрагменты трех монохромных чернолаковых канфаров (рис. 2, 2–4). Это изделия колоколовидной формы, их поверхность, за исключением дна и придонной части, покрыта матовым черным лаком, роспись отсутствует. Глина светло-оранжевая с мелкими светлыми включениями и частицами слюды. Впервые такие сосуды были подробно описаны К.И. Зайцевой на основе коллекции из раскопок Ольвии²¹. По ее мнению, их изготовление началось не позднее середины V в. и продолжалось в следующем столетии. У ранних образцов приземистое тулово и широкое устье, у поздних же пропорции более вытянутые. Всего исследовательница выделила три хронологические группы. Основная часть

²¹ Зайцева 1972, 95, рис. 3.

ольвийских находок вошла во вторую группу, которая охватывает период с конца V по первую половину IV вв.²² К этой же хронологической группе относятся канфары, обнаруженные в Никонии. Они изготовлены из глины коричневато-оранжевого и красновато-коричневого тонов, тесто содержит мелкие светлые и тёмные включения. Внутренняя и внешняя поверхность (за исключением дна) покрыта тусклым лаком с металлическим блеском²³. Херсонесские сосуды, исходя из особенностей их формы, следует датировать этим же временем. Среди материалов раскопок курганного некрополя Истрии известен ещё один экземпляр. Судя по описанию, его глина имеет розово-коричневый цвет, лак тусклый с металлическим блеском. Он датируется в рамках всего V в.²⁴

Кроме собственно хиосских монохромных канфаров, в херсонесской коллекции встречаются сосуды, являющиеся их имитациями. Они сероглиняные и имеют матовое или глянцевое покрытие, имитирующее черный лак (рис. 3, I–II). Вертикальные ручки слегка приподняты над краем сосуда, в зоне их нижнего прилипа тулово плавно изгибается, дно плоское или уплощенное. Покрытие, как правило, нанесено неравномерным слоем, в процессе обжига оно приобретало серый, темно-коричневый или черный цвет. В некоторых случаях «лак» полностью покрывает и внутреннюю поверхность изделия, но чаще – только его верхнюю часть. В целом, эти сосуды практически полностью повторяют облик хиосских чернолаковых канфаров.

В Херсонесе они встречаются в комплексах с материалом второй половины V – первой трети IV вв. Например, яма «Г» 1983 г. в III квартале²⁵ (рис. 3, I); яма 1992 г. в помещении 9 Х «А» квартала (рис. 3, 3, 8); в засыпи т.н. «нимфеума»²⁶ (рис. 3, 6, 7). Один экземпляр обнаружен в погребении раннего некрополя, которое по стратиграфии датируется не позднее начала IV в. (рис. 3, 2)²⁷. Подобный сосуд происходит из погребения 3 кургана 75 Елизаветовского могильника, где комплекс находок дает близкую дату²⁸. К этому же времени, началу IV в., Е.Я. Рогов отнес аналогичный канфар из могилы 34 некрополя Панское 1²⁹.

Представленные нами образцы сформованы из плотной глины в разной степени насыщенной светлыми известковыми включениями. Из-за условий обжига черепок на сколе в ряде случаев имеет серо-розовый или серо-коричневый цвет. Для глины канфаров, отождествляемых К.И. Зайцевой с местной ольвийской продукцией, характерны светло-желтый, реже оранжевый или красный цвет, включения кварцевого песка, серебристые примеси слюды, белые и чёрные

²² Зайцева 1972, 93.

²³ Кокоржицкая 1986, 81.

²⁴ Alexandrescu 1966, 230, pl. 102, m3,1.

²⁵ Золотарьов 1990, рис. 5; Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017, 31–32.

²⁶ В настоящее время опубликованы только керамические клейма из этого комплекса (см.: Иванченко 2014).

²⁷ Монахов, Абросимов 1993, 135–136, табл. 12, № 41; Стоянов 2005, 41–42, рис. 2, II, 3.

²⁸ Брашинский 1980, кат. 205, табл. XVI, 205, табл. XX, 205. В этом же погребении обнаружена хиосская амфора с колпачковой ножкой (см.: Брашинский 1980, кат. 22; Монахов 2003, табл. 11, 4), чернолаковый килик (см.: Брашинский 1980, кат. 162). На указанной в каталоге таблице XIV чертёж данного килика отсутствует, И.Б. Брашинский в качестве аналогии к нему приводит сосуд типа Delicate class concave rim последней четверти V в. (см.: Sparkes, Talcott 1970, № 494) и красноглиняный канфар (см.: Брашинский 1980, кат. 228).

²⁹ Рогов 2011, кат. 84, рис. 48, 6.

Рис. 3. Имитации хиосских канфаров – сероглиняные сосуды неустановленного центра производства (1–11)

Fig. 3. Imitations of the Chian black-glazed kantharoi – greyware vessels of unidentified production center (1–11)

вкрапления³⁰. Сероглиняные изделия в ее выборке включают всего несколько экземпляров, включая канфар из Нимфея, отнесённый К.И. Зайцевой к боспорскому производству³¹. Все они отличаются от херсонесских находок деталями профилировки. Сосуды, похожие на рассматриваемые нами, не засвидетельствованы и в недавних публикациях сероглиняной керамики из раскопок Ольвии³².

³⁰ Зайцева 1984, 120–121.

³¹ Зайцева 1972, 93–95; 1984, 110, 113–114, 121.

³² Крапівіна 2007; Karjaka 2010; Лейпунская, Крапивина, Буравчук 2014.

Состав глины канфара из некрополя Панское-1 Е.Я. Рогов описал как «совершенно идентичный образцам достоверно ольвийского производства»³³: она имеет оранжевый цвет и содержит мелкие частицы слюды. Лаковое покрытие в процессе обжига приобрело тусклый красноватый оттенок³⁴. В случае с сосудом из Елизаветовского могильника, И.Б. Брашинский указал только на «сероватый, тусклый» лак³⁵. Исходя из сказанного, можно заключить, что в настоящее время уверенно локализовать центр изготовления сероглиняных канфаров, обнаруженных в Херсонесе, не представляется возможным.

Публикуемые предметы, конечно, являются собой предельно скромную выборку, но вместе с тем и весьма ценную для уточнения времени бытования отдельных типов хиосской столовой посуды. В свою очередь, фрагменты миниатюрной чаши и ольпы являются одними из наиболее ранних в керамической коллекции Херсонеса. В ее составе среди керамики, изготовленной в других восточногреческих центрах, также встречаются изделия, датировка которых охватывает всю вторую половину VI в.³⁶ Все эти сосуды, в том числе и ангобированные хиосские канфары, подтверждают предложенную нами ранее дату начала поступления массового керамического импорта на городище – конец VI / рубеж VI – V вв.³⁷ Обращает на себя внимание присутствие в выборке редких форм, которые не входили в «базовый» ассортимент керамической продукции Хиоса. Сероглиняные сосуды, подобные хиосским чернолаковым монохромным канфарам второй хронологической группы по К.И. Зайцевой, синхронны своим прототипам. Они бытовали в конце V – первой половине IV в. и встречаются как в засыпи хозяйственных комплексов на городище, так и на некрополе. Центр их производства пока остается неизвестным.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов, Г.Д. 1972: Ионийская керамика из Херсонеса. *ТГЭ XIII*, 17–26.
- Брашинский, И.Б. 1980: *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э.* Л.
- Буйских, А.В. 2013: *Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации)*. Киев.
- Буйских, А.В. 2017: Хіоський чорнофігурний канфар з Борисфена. *Археологія і давня історія України* 3 (24), 111–115.
- Вдовиченко, И.И., Рыжов, С.Г., Жесткова, Г.И. 2019: *Античная расписная керамика Херсонеса Таврического из раскопок С.Г. Рыжова в 1976–2011 годах*. Севастополь.
- Зайцева, К.И. 1972: Кубки V–IV вв. до н.э. из Ольвии. *ТГЭ XIII*, 90–97.
- Зайцева, К.И. 1984: Ольвийские кубки VI–IV вв. до н.э. *ТГЭ XXIV*, 110–124.
- Золотарев, М.И. 1993: *Херсонесская архаика*. Севастополь.
- Золотарьов, М.И. 1990: Про початковий етап будівництва в античному Херсонесі. *Археологія* 3, 68–76.
- Иващенко, М.В. 2014: Керамические клейма из херсонесского «нимфеума». *Stratum plus* 6, 273–281.

³³ Рогов 2011, 119.

³⁴ Рогов, Тункина 1998, 167.

³⁵ Брашинский 1980, 134.

³⁶ Лесная 2020, 102, 105, 107.

³⁷ Лесная 2020, 109.

- Кокоржицкая, Т.Н. 1986: Хиосские чернолаковые кубки из Никония. В сб.: Г.А. Дзис-Райко (отв. ред.), *Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья*. К., 79–82.
- Крапівіна, В.В. 2007: Сірогліняна кераміка Ольвії VI–V ст. до н.е. *Археологія* 1, 98–106.
- Лейпунская, Н.А., Крапивина, В.В., Буравчук, О.Е. 2014: Сероглинная керамика. В кн.: С.Д. Крыжицкий (ред.), *Жилые дома Центрального квартала Ольвии (МАИЭТ Suppl. 13)*. Симферополь–Керчь, 410–434.
- Лесная, Е.С. 2020: Восточногреческая керамика из раскопок Херсонеса Таврического. *AB* 27, 99–112.
- Монахов, С.Ю. 2003: *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель*. М.–Саратов.
- Монахов, С.Ю., Абросимов, Э.Н. 1993: Новое о старых материалах из херсонесского некрополя. *АМА* 9, 118–159.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Чурекова, Н.Б. 2017: *Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: Каталог*. Саратов.
- Рогов, Е.Я. 2011: *Некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму (МАИЭТ Suppl. 10)*. Симферополь.
- Рогов, Е.Я., Тункина, И.В. 1998: Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I. *AB* 5, 159–174.
- Рыжков, С.Г., Лесная, Е.С. 2018: О некоторых находках из раскопок 6-й поперечной улицы в Херсонесе. *БЧ XIX*, 409–414.
- Сидорова, Н.А. 1992: Керамика архаического периода из раскопок Пантикея 1965–1985 гг. (кроме аттической краснофигурной). *СГМПИ* 10, 131–172.
- Стоянов, Р.В. 2005: Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Херсонеса Таврического V–I вв. до н. э. *БИ* 8, 39–53.
- Чистов, Д.Е. 2006: Работы на острове Березань археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. В кн.: *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции*. Т. 1. СПб, 55–112.
- Alexandrescu, P. 1966: *Necropola tumulara*. Bucureşti.
- Boardman, J. 1967: *Excavations in Chios 1952–1955. Greek Emporio*. Oxford.
- Čistov, D.E., Domžalski, K. 2001: Nymphaion – results of excavations in sector N, 1994–1998. *Archeologia* LII, 97–137.
- Karjaka, A.V. 2010: Greyware Pottery. In: N.A. Lejpunskaya & others (eds.) *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD*. Vol. 1. Aarhus, 289–304.
- Lemos, A.A. 1991: *Archaic Pottery of Chios. The Decorated Styles*. Oxford.
- Sparkes, B.A., Talcott, L. 1970: *Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B.C.* Princeton.

REFERENCES

- Alexandrescu, P. 1966: *Necropola tumulara*. Bucureşti.
- Belov, G.D. 1972: Ioniyskaya keramika iz Khersonesa [Ionian pottery from Chersonesos]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermytazha [Transactions of the State Hermitage Museum]* XIII, 17–26.
- Boardman, J. 1967: *Excavations in Chios 1952–1955. Greek Emporio*. Oxford.
- Brashinskii, I.B. 1980: *Grecheskiy keramicheskiy import na Nizhnem Donu v V–III vv. do n.e.* [Greek ceramic import on Lower Don in 5th – 3th centuries BC] Leningrad.
- Buyskikh, A.V. 2013: *Archaicheskaya raspisnaya keramika iz Ol'vii (vostochnogrecheskaya, lakonskaya, korinf'skaya, imitatsii)* [Archaic painted pottery from Olbia (East Greek, Laconian, Corinthian, imitations)]. Kiev.

- Buyš'kikh, A.V. 2017: Khios'kiy chornofigurniy kanfar z Borisfena [Chian blackfigured kantharos from Borisfen]. *Arkhеologiya i davnya istoriya Ukrayini* [Archaeology and Ancient History of Ukraine] 3 (24), 111–115.
- Chistov, D.E. 2006: Raboty na ostrove Berezan' arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. In: *Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii*. V.1. Saint Petersburg, 55–112.
- Čistov, D.E., Domžalski, K. 2001: Nymphaion – results of excavations in sector N, 1994–1998. *Archeologia* LII, 97–137.
- Ivashchenko, M.V. 2014: Keramicheskie kleyma iz khersonesskogo «nimfeuma» [Ceramic stamps from the Chersonesian ‘nimfeum’]. *Stratum plus* 6, 273–281.
- Karjaka, A.V. 2010: Greyware Pottery. In: N.A. Lejpunskaya & others (eds.), *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD*. Vol. 1. Aarhus, 289–304.
- Kokorzhitskaya, T.N. 1986: Khioskie chernolakovye kubki iz Nikoniya [Chian black-glazed chalices from Nikonion]. In: G.A. Dzis-Rayko (ed.), *Pamyatniki drevnego iskusstva Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Monuments of ancient art from the Northwest Black Sea region]. K., 79–82.
- Krapivina, V.V. 2007: Siroglinyana keramika Ol'vii VI–V st. do n.e. [Greyware pottery of the 6th – 5th centuries BC of Olbia]. *Arkhеologiya* [Archaeology] 1, 98–106.
- Lemos, A.A. 1991: *Archaic Pottery of Chios. The Decorated Styles*. Oxford.
- Lesnaya, E.S. 2020: Vostochnogrecheskaya keramika iz raskopok Khersonesa Tavricheskogo [Eastgreek pottery from the excavation at Tauric Chersonese]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological Proceedings] 27, 99–112.
- Leypunskaya, N.A., Krapivina, V.V., Buravchuk, O.E. 2014: *Seroglinyayana keramika* [Grey pottery ceramics]. In: Kryzhitskiy S.D. *Zhilye doma Tsentral'nogo kvartala Ol'vii: monografiya* [Dwelling houses in the Central Quarter of Olbia: monograph] (Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria Suppl. 13]). Simferopol–Kerch, 410–434.
- Monakhov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amforы v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog-opredelitel'* [Greek amphorae in the Black Sea Region: Typology of amphorae of the leading centers-exporters of goods in ceramic containers: Catalogue]. Moscow–Saratov.
- Monakhov, S.Yu., Abrosimov, E.N. 1993: Novoe o starykh materialakh iz khersonesskogo nekropolya [The new about old materials from the necropolis of Tauric Chersonese]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology] 9, 118–159.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Churekova, N.B. 2017: *Amforы V–II vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika “Khersones Tavricheskiy”*: Katalog [Amphorae of the 5th – 2nd centuries from the Collection of the State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”: Catalogue]. Saratov.
- Rogov, E.Ja. 2011: *Nekropol' Panskoe I v Severo-Zapadnom Krymu* [Necropolis Panskoe I in the Northwestern Crimea] (Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria Suppl. 10]). Simferopol.
- Rogov, E.Ya., Tunkina, I.V. 1998: Raspisnaya i chernolakovaya keramika iz nekropolya Panskoe I [Painted and black-glazed pottery from the necropolis Panskoe I]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological Proceedings] 5, 159–174.
- Ryzhov, S.G., Lesnaya, E.S. 2018: O nekotorykh nakhodkakh iz raskopok 6-y poperechnoy ulitsy v Khersonese [About some finds from the excavations 6th cross-street in Tauric Chersonese]. *Bosporskie chteniya* [Bosporan Readings] XIX, 409–414.
- Sidorova, N.A. 1992: Keramika arkhaicheskogo perioda iz raskopok Pantikapeya 1965–1985 gg. (krome atticheskoy krasnofigurnoy). *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv* [Communications of the State Museum of Fine Arts] 10, 131–172.

- Sparkes, B.A., Talcott, L. 1970: *Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B.C.* Princeton.
- Stoyanov, R.V. 2005: *Raspisnaya i chernolakovaya keramika iz nekropolya Khersonesa Tavricheskogo V–I vv. do n. e.* [The 5th to 1 cc. BC painted and black-glazed pottery from the Tauric Chersonese necropolis]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporan Studies]* 8, 39–53.
- Vdovichenko, I.I., Ryzhov, S.G., Zhestkova, G.I. 2019: *Antichnaya raspisnaya keramika Khersonesa Tavricheskogo iz raskopok S.G. Ryzhova v 1976–2011 godakh* [Greek painted pottery of the Tauric Chersonese from excavation by S.G. Ryzhov in 1976–2011]. Sevastopol.
- Zaytseva, K.I. 1972: *Kubki V–IV vv. do n.e. iz Ol'vii* [Chalices of the 5th – 4th centuries BC from Olbia]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermytazha [Transactions of the State Hermitage Museum]* XIII, 90–97.
- Zaytseva, K.I. 1984: *Ol'viyskie kubki VI–IV vv. do n.e.* [Olbian chalices of the 6th – 4th centuries BC] *Trudy Gosudarstvennogo Ermytazha [Transactions of the State Hermitage Museum]* XXIV, 110–124.
- Zolotarev, M.I. 1993: *Khersonesskaya arkhaika [Chersonesian archaic]*. Sevastopol'.
- Zolotarev, M.I. 1990: *Pro pochatkoviy etap budivnitstva v antichnomu Khersonesi* [About the first building period in ancient Chersonesos]. *Arkheologiya [Archaeology]* 3, 68–76.

CHIAN POTTERY AND ITS IMITATIONS FROM EXCAVATIONS AT TAURIC CHERSONESE

Ekaterina S. Lesnaya

State Museum-Preserve “Tauric Chersonese” Sevastopol, Russia
lesnaya.kat@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the Chian pottery found during excavations at Tauric Chersonese. These vessels are considered in the context of the formation of the early ceramic collection of the site and distribution of Chian imports to Greek sites in the Northern Black Sea region. There are unslipped black-figure kantharos of the late variant among rare types of Chian imports. We have no opportunity to determine the main painting plot because of a poor preservation of the fragment. But similar vessels from the ceramic deposits at Olbia and Nymfaion allow us to date Chersonesian sherd to the first part of the 5th cent. BC. White-slip forms are presented by fragments of a miniature cup and a close-shaped vessel (olpe?) decorated with brown-painted bands. Their date is limited to the second half of the 6th cent. BC. Finding of these vessels at Chersonese confirms the upper chronological border of the period of its production that was determined according to the Olbian and Berezan finds. With that these sherds are one of the earliest in the Chersonesian ceramic collection. Also several white-slip kantharoi are known. One complete vessel was found in the burial and two fragmentary forms were found in the city. This type was widespread until the beginning of the 5th cent. BC. Apart from white-slip kantharoi, there are three monochrome black-glazed kantharoi in the Chersonesian collection. Based on the features of their shape they should be dated within the frame of the end of the 5th and the first half of the 4th cent. BC. At the same time, I know about a dozen sherds of greyware vessels that seem to be imitations of the black-glazed kantharoi. They completely copied Chian shape and are covered with dark slip. These vessels were found in the ceramic deposits of the end of the 5th and the first half of the 4th cent. BC. That is they were in sync with their prototypes. It is still not clear where greyware kantharoi were imported from.

Keywords: Tauric Chersonese, Chian pottery, greyware pottery, Greek colonization, chronology.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2021), 174–193
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2021), 174–193
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-174-193

ФАНАГОРИЯ И СПАРТОКИДЫ (историко-археологический очерк)

А.А. Завойкин

Институт археологии РАН, Москва, Россия
bospor@inbox.ru

Аннотация. О Фанагории времени правления на Боспоре династии Спартокидов (IV–II вв. до н.э.) античные авторы хранят полное молчание. На рубеже новой эры Страбон называет Фанагорию «столицей азиатских боспорцев» и одним из трех эмпориев, через который поступают товары из Прикубанья (Strab. XI. 2: 2, 10). В данной статье доказывается, что эти характеристики древнего географа в полной мере применимы и к предшествующим столетиям истории города, по крайней мере с того момента, как он вошел в состав Боспорского государства.

Автор статьи предпринял попытку установить статус Фанагории в державе Спартокидов, реконструировать некоторые узловые моменты ее истории в указанный период времени. Для достижения этой цели было необходимо проанализировать синхронные источники, прямо или косвенно отражающие положение Фанагории в IV–II вв. до н.э. Это сравнительно немногочисленные эпиграфические памятники, нумизматические материалы и большой массив данных, полученных в ходе археологических раскопок памятника. Лишь их комплексное исследование, наряду с учетом широкого исторического контекста (в пределах Боспорского государства в целом), позволило конкретно характеризовать Фанагорию как важнейший центр в «азиатских» владениях Спартокидов. В статье показано, что именно в ней, по всей видимости, размещались представительства центральной власти (административное, налоговое, военное), ее доверенные лица, призванные контролировать, в том числе, внешнеторговую деятельность (таможня), лояльность подданных в «азиатской» части государства и военно-политическую ситуацию в регионе в целом.

История монетного дела Фанагории (чеканка монеты от имени граждан полиса), а также городской фортификации ярко высвечивает эволюцию взаимоотношений полиса и власти Спартокидов. Для понимания статуса Фанагории на протяжении трех столетий существенную роль играет анализ ситуации в период правления Митридата VI Евпатора, сменившего на престоле последнего представителя династии Спартокидов в 110/09 г. до н.э.

Ключевые слова: Боспорское государство, Спартокиды, тираны, полис, Фанагория, Азиатский Боспор, административный, торговый центр.

Данные об авторе: Завойкин Алексей Андреевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН.

Работа выполнена в рамках темы НИР «Археологические культуры Евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18-118011790093-2), ИА РАН. Этот очерк представляет собой обобщение результатов исследований, опирающееся на детальный анализ материалов раскопок Фанагории, итоги которых опубликованы автором очерка в ряде статей. В этом причина обильного «самоцитирования» в тексте, за что приношу свои извинения читателю.

По опыту мне известно, как иногда возможно при стремлении к решению вопроса путем исследования мелких эпиграфических признаков дойти до того или другого определенного вывода и, сознавая при этом лично неполному доказательности и даже прямо заявляя о ней, обставить вывод такими убедительными для других данными, что он легко будет признан за несомненный и может остановить дальнейшее исследование и даже повести к ошибочным заключениям.

А. Никитский. Дельфийские эпиграфические этюды

На рубеже двух эпох Страбон назвал Фанагорию «городом, заслуживающим внимания / замечательным» (πόλις ἀξιόλογος), она отмечена географом как один из трех эмпориев Боспора¹, а также как «столица азиатских боспорцев» (Strab. XI. 2. 2. 10). В первую очередь, разумеется, необходимо ответить на вопрос: в какой мере эти характеристики распространяются и на тот период, когда Фанагория находилась под властью правителей Боспора из династии Спартокидов, пришедших к власти в 438/7 г. до н.э. и правивших около 330 лет? Очевидно, что в этом случае недостаточно общих слов о том, что Страбон широко использовал в своем сочинении источники эллинистического времени, из которых мог заимствовать и интересующую нас сейчас информацию. Следует предоставить конкретные доказательства того, что полис фанагорийцев занимал в азиатских владениях потомков Спартока I исключительное положение, а не просто был наиболее значительным в числе других.

Столичный статус Фанагории в «азиатских» владениях Спартокидов подразумевает прежде всего то, что именно этот город в составе их державы стал главным административным центром данного региона, что именно в нем располагались представительства (гражданские и военные) центральной государственной власти и назначенные правителями их доверенные лица, следившие за соблюдением установленного порядка (в том числе – лояльности граждан полисов, входивших в состав Боспорского государства), сбором налогов, поддержанием военной безопасности на границах государства и т.д. Логично предполагать, что аналогичный порядок вещей сохранялся (конечно, с определенными изменениями, может быть, даже значительными) и позднее, вплоть до первых веков н.э., когда глава местной администрации назывался «наместником Острова» (ὁ ἐπὶ τῆς νήσου – КБН 40, 697, 982, 1000) или «нессарх» (νησσάρχης – Кузнецов 2007, надпись № 1, стк. 8)². В Фанагории, которая располагалась на Острове и была центром «островного наместничества», засвидетельствован и «наместник царской резиденции» (ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας – КБН 1051; Завойкина 2018)³.

¹ Не ясно, относится ли указание о существовании эмпория «Фанагории» к свидетельству Гекатея Милетского (FGrHist. 1. F212 Jacoby = Steph. Byz. s.v. Φαναγόρεια: «Фанагория. Город, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в “Азии”. Есть остров Фанагора и Фанагория. Имеется также эмпорий Фанагории (ἐπιτόριον τὰ Φαναγόρεια)»).

² См.: Гайдукевич 1949, 343; Кузнецов 2007, 238; Завойкина 2013, 158–159; Завойкин 2017, 149–150.

³ Завойкина 2018, 114–115.

К большому сожалению, древние писатели практически не оставили нам свидетельств, в которых бы хоть что-то сообщалось о событиях истории Фанагории времени правления Спартокидов. Странным образом, мы имеем хотя бы и скучную информацию о самом начальном этапе истории этого города – основании Фанагории выходцами из ионийского города Теоса под предводительством Фанагора⁴. Мы также располагаем важными сведениями Аппиана о ходе восстания фанагорийцев в 63 г. до н.э. против власти царя Митридата VI Евпатора (App. Mithr. 108). Однако отрывочные данные о жизни столицы Азиатского Боспора в течение первых трех столетий в составе Боспорского царства становятся доступны нам исключительно благодаря эпиграфическим, нумизматическим и археологическим исследованиям. Что же удалось узнать о положении и истории Фанагории между этими, известными по письменным источникам событиями?

Оставляя в стороне первые полтора столетия жизни древнего города, обратимся к тому моменту, когда Фанагорийский полис – самостоятельное политическое образование, основанное на гражданской организации общества, – лишился своей независимости и вошел в состав Боспорского государства.

Раскопки на южной окраине города в 1980-х гг. открыли материальные следы этого события⁵. Здесь были обнаружены остатки домов, единовременно погибших в пожаре, причем в слое разгрома найдены многочисленные наконечники стрел, которые подтверждают военный характер произошедшей катастрофы. Вопрос же о том, кто был ее виновником, можно решить, опираясь на ряд косвенных данных. *Во-первых*, известно, что незадолго до интересующих нас событий южная окраина города была огорожена оборонительными стенами (30-е годы V в. до н.э.), а сразу после них эти фортификационные сооружения были разобраны до основания. И Фанагория оставалась незащищенной от врагов почти два столетия. Очевидно, что если бы разгром был связан с нашествием местных воинственных «варваров» (племен меотов, что обитали в Нижнем Прикубанье и тревожили время от времени боспорских греков своими набегами), то правители Боспора, весьма успешно воевавшие с ними в IV в. до н.э. и даже установившие свою «царскую» власть над некоторыми из этих племен, предприняли бы усилия, чтобы как можно скорее восстановить оборонительные линии важного для их государства города. Но этого не случилось. Поэтому логично предположить, что как раз один из Спартокидов (Сатир I, 432–392 гг.) стал виновником военного разгрома Фанагории в конце V в. до н.э., он и приказал демонтировать оборонительные стены (обычная для греков практика после военного захвата «недружественного» города), а его наследники продолжили политику Сатира I, призванную сделать невозможными сепаратистские поползновения граждан Фанагории, если таковые возникнут в их умах. Заботу же о безопасности границ государства Спартокиды приняли на себя.

Во-вторых, лет за десять–двадцать до катастрофы в Фанагории была начата чеканка собственной серебряной монеты, на лицевой стороне которой изображен в профиль основатель их города в шлеме-пилосе⁶, а на обратной – «бодающийся бык» (на мелких номиналах монеты – его передняя часть, на мельчайших – зер-

⁴ См.: Hec. Mil. Fr. 212 Jacoby (ap. St. Byz. s.v. Φαναγόεια); Hdt. I. 168 + Ps.-Scymn. Per. 886–887 + Eust. Comm. ad Dion. Per. 549 (со слов Арриана, ср. Ps.-Arr. PPE. 74).

⁵ Об этом подробно см.: Завойкин 2004; 2013, 148–153, 160–176.

⁶ Завойкин 2021а, 260–273.

но) плюс зерно и легенда – сокращенное наименование гражданского коллектива (ФАНА). Эта чеканка обрывается как раз на рубеже V и IV вв. до н.э.⁷ Так же, как и другие города, что были включены в состав Боспорского государства (раньше – Нимфей, позже – Феодосия), Фанагория лишается права чеканки, которая теперь концентрируется исключительно на монетном дворе столичного Пантикея под полным контролем Спартокидов. Лишь спустя два столетия в Фанагории возобновляется чеканка, но это уже медная монета, которая дублирует чеканку медной монеты Пантикея⁸. К слову сказать, примерно в то же время (точная дата нам, к сожалению, не известна) в Фанагории были построены новые крепостные стены, на том же самом месте, где располагались ранние городские оборонительные сооружения.

Показательно, что спустя еще полтора-два века ситуация с фортификацией Фанагории повторилась. После восстания против Митридата, постоянно воевавшего с Римом, в благодарность за то, что Фанагория стала первым городом, выступившим против власти царя, римский полководец Помпей Великий предоставил ей независимость. Однако новый царь Боспора, сын Митридата Фарнак, осадил город, голодом заставил фанагорийцев выйти за городские стены, принять бой в поле и одержал над ними победу. Дабы принудить граждан к смирению (тем более что Фарнак готовился к походу против римлян в Малой Азии ради захвата исконных владений своих предков – Понтийского царства, где был разбит войсками Цезаря), он взял заложников (App. 108, 113, 120). Тогда же, как показывает анализ археологических источников, вновь были демонтированы городские оборонительные стены⁹.

Но вернемся к эпохе Спартокидов. Закономерен вопрос: почему именно Фанагория стала «азиатской столицей» в их государстве, которое со времен Левкона I именовалось «Боспором», точнее – «Боспором и Феодосией»¹⁰? Однако прежде чем искать ответ на этот вопрос, необходимо уделить некоторое внимание проблеме статуса полиса в составе державы Спартокидов вообще. Поскольку уже неоднократно приходилось более или менее подробно высказываться по этой проблеме, ограничусь отсылкой читателя к разделу монографии, в которой суммируются мои соображения по этой проблеме¹¹, которых в главных чертах придерживаюсь и ныне. Здесь же ограничусь самыми общими формулировками. Боспор Спартокидов представлял собой государство с монархической (тиранической¹²) верховной властью, генетически связанной с полисом (Пантикеем), структурно организованное как «мегаполис», в котором гражданские общины, включенные в его состав, утратили часть исконных полисных прав и прерогатив, узурпированных Спартокидами, и по своему статусу приблизились к положению «демов». Только таким образом, на мой взгляд, можно объяснить (и альтернативные варианты объяснений мне неизвестны), почему при Спартокидах «полис пропал», и

⁷ Обсуждение датировки монет см. Завойкин 2013, 363–364.

⁸ Анохин 1986, 56.

⁹ См. Завойкин 2021б, 153–157, 160.

¹⁰ См. Завойкин 2013, 319, табл. 22; КБН 1111; Белова 1967; Соколова, Павличенко 2002; и т.д.

¹¹ Завойкин 2013, 434–456.

¹² С.Ю. Сапрыкин неоднократно и справедливо отмечает, что даже официальное принятие Спартоком III царского титула в начале III в. до н.э. по существу ничего не изменило в характере государственного строя (например, см. Сапрыкин 2003, 28–29).

со времен М.И. Ростовцева¹³ до наших дней не стали известны какие-либо свидетельства гражданской активности отдельных полисов (гражданских общин) в их взаимоотношениях между собой или с центральной властью¹⁴. Вместе с тем со второй половины IV в. до н.э. позволительно говорить о формировании гражданства «общебоспорского», что очень ярко отразилось в таких специфически полисных документах, как проксенические декреты, с одной, но весьма существенной оговоркой: на Боспоре (и только в нем!) эти декреты изданы не от имени гражданской общины, а от лица правителя с его сыновьями¹⁵. С «общебоспорским гражданством» коррелируется этоним «боспорит» (и т.п.)¹⁶, который входит в оборот с начала III в. до н.э. за пределами Боспорского государства¹⁷. При этом понятие единого гражданства внутри государства понималось исключительно как единство статуса боспоритов в качестве подданных Спартокидов. Однако эти подданныческие отношения применительно к эллинам, над которыми Спартокиды были архонтами, выражались термином *πολῆται*.

Очевидно, что процесс формирования некоего политического, экономического и культурного единства был сравнительно продолжительным и сопровождался если не открытыми конфликтами, то противоречиями. Полностью и окончательно преодолеть генетически заложенную предрасположенность полиса к автономии было практически невозможно. Баланс сил и интересов на протяжении столетий мог меняться. И в зависимости от конкретной ситуации боспорские полисы, которые, хотя бы «в латентном состоянии», оставались в составе державы Спартокидов своего рода «государством в государстве», потенциально готовы были заявить свои права на независимость.

Но вернемся к Фанагории. Это был, несомненно, самый большой и богатый город к востоку от пролива. Его богатство и сила во многом определялись чрезвычайно выгодным географическим положением. Страбон, как было отмечено, называет Фанагорию одним из трех *εμποριεῶν* Боспора (наряду с Пантикеем и Танаисом в устье Дона), в который по Гипанису-Антику поступали товары из Прикубанья. Эмпорий – не только торжище, это также место, где обустроена государственная таможенная служба, контролирующая внешнюю торговлю, здесь взимаются налоги за ввоз и вывоз товаров в государство или из него. Спартокиды монополизировали не только право чеканки монеты в своем государстве, но и сбора торговых пошлин. Лишь в нескольких портах было позволено законно совер-

¹³ См. Ростовцев 1989, 183: «Наконец, не имеет аналогий в греческой тирании тот факт, что основные институты греческой *πόλις* – народное собрание и совет, *δῆμος* и *βουλή* – не действуют и, очевидно, не имеют конституционного существования в городах Боспора; во всяком случае мы не имеем до сих пор ни одного ни литературного, ни эпиграфического свидетельств, которые хотя бы намекали на существование этих учреждений...».

¹⁴ Чуть не единственный пример – разовая пассивная деятельность экклесии в столичном Пантикее, собранной по инициативе Эвмела, желавшего легитимировать узурпированную им власть (Diod. XX. 24).

¹⁵ Подробно с литературой см.: Шелов-Коведяев 1985, 72; Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002, 59; Иванчик 2018, 69–75; Завойкин, Завойкина 2020, 134, 149–150; Сапрыкин 2021, 339–340.

¹⁶ Ср.: Strab. XI. 2, 10: «Все народы, подвластные боспорским правителям, называются боспорцами. Столицей европейских боспорцев служит Пантикей, а азиатских – Фанагория...»

¹⁷ Например, боспорцем назван царь Спарток III в афинском декрете 288 г. до н.э. (IG II2, 653; Syll³, 370).

шать внешнеторговые операции. Фанагория – в их числе. Об этом красноречиво говорят декреты, изданные от лица Спартокидов, предоставляющие определенные привилегии иностранным купцам. В Фанагории найдены обломки трех таких документов. Больше, и значительно, только в Пантике – не менее 17, один найден в Горгиппии, а больше – нигде; хотя, согласно свидетельству Демосфена (Demosth. XX. 33)¹⁸, несомненно в порту Феодосии, специально перестроенном Левконом I, внешнеторговые операции тоже совершились¹⁹.

Наличие в порту Фанагории государственной таможни предполагает присутствие людей, которые несли «государеву службу». Кем они были, гражданами Фанагории или представителями центральной власти из других городов, – нам не известно (возможно, как те, так и другие). В принципе не вызывает сомнений, что представители верхних слоев фанагорийского общества в той или иной степени инкорпорируются в «надполисную» структуру Боспорского государства, хотя документально подтвердить этот тезис нечем.

Социальная и имущественная дифференциация общества, усилившаяся в объединенном Боспорском государстве, прежде всего прослеживается на погребальных памятниках. Именно в IV в. до н.э. появляются самые грандиозные по размерам насыпи-курганы и выдающиеся в архитектурном отношении склепы с уступчатым перекрытием под ними²⁰. Не требует комментариев то, что такого рода сооружения «царского ранга» располагаются прежде всего в окрестностях столицы Боспора, Пантикея. (Самые исключительные из них с большим или меньшим основанием соотносят с погребениями конкретных правителей Боспора: от Сатира I и его сына Левкона I до Перисада I и его сыновей – Сатира II, Притана и Эвмела, узурпировавшего власть старших братьев²¹). Но и Фанагория в этом плане не была исключением. Курганы, которые располагались вдоль древних дорог, ведущих во все стороны от города, – тем больше, чем ближе к нему. В одном из таких курганов в 2003 г. открыт уникальный по архитектуре круглый в плане каменный склеп с уступчатым перекрытием второй половины IV в. до н.э. И хотя он полностью был ограблен еще в древности, не может быть сомнений в том, что в этой погребальной конструкции покоялся представитель верхушки фанагорийского общества и весьма состоятельный человек²², если и не связанный напрямую с административной структурой Боспора, то сильно подверженный влиянию уже сформировавшейся «культуры боспорской элиты».

Но все-таки по своему статусу он заметно уступал другому лицу, похороненному в некотором удалении (в 6 км) от города. Речь идет об одном из самых статусных курганов Таманского п-ова, Боюр Горе (он же – Буерова Могила), диаметром более 90 м и высотой около 9 м (первоначально, конечно, больше)²³. Само месторасположение этого замечательного памятника, исследованного Фанагорийской экспедицией ИА РАН в 2011 г. на вершине гряды-водораздела, что окаймляет с юга ближнюю сельскохозяйственную округу (*хору*) Фанагории, на некотором

¹⁸ О предоставлении ательи купцам, вывозившим в Афины хлеб из недавно обустроенного Левконом I порта Феодосии. О значении порта Феодосии в торговле зерном см. также Strab. VII. 4, 6.

¹⁹ См.: Жижина-Гефтер 1918, 81–87; Завойкин, Завойкина 2020, 151–152.

²⁰ См.: Савостина 1984; Кузнецов 2004, 122.

²¹ Например, см. Виноградов 2014, 497–509.

²² Кузнецов 2004, 94–123.

²³ Подробно о нем см. Кузнецов, Ворошилов, Жуковский 2016, 279–324.

удалении от ее исконного некрополя, говорит о том, что человек, погребенный в склепе кургана, выделялся из числа обычных граждан города²⁴. Центральное погребение в кургане было совершено в необычной гробнице. Она построена из сырцового кирпича, внутренние поверхности стен и пол облицованы плитами известняка; перекрывал могилу накат из бревен и слой морской травы. Кем был человек, похороненный в этой гробнице, мы уже никогда не узнаем, как не узнаем и того, какие предметы были положены в его могилу для сопровождения умершего в иной мир (они расхищены задолго до того, как захоронение открыли археологи, впервые в 1870–1871 гг.). Очевидно лишь то, что в социальной иерархии фанагорийского общества он был лицом высочайшего ранга, не исключено даже, исполнявшим высокую должность в боспорской администрации.

Первый век истории Боспорского государства (IV в. до н.э.) стал временем наивысшего его экономического расцвета. Это отразилось не только в богатстве погребений, но и на росте городов и их благосостоянии. Фанагория была довольно большим (60–65 га), по меркам античности, и благоустроенным городом, в котором были построены монументальные ордерные здания и храмы, улицы и площади украшены скульптурами. Однако до наших дней от этого былого величия и красоты сохранилось немногое. Главная причина этого – дефицит строительного камня в этом регионе. Поэтому со временем стены старых построек разбирались, и камень из них снова шел в дело... Лишь время от времени в руки археологов попадают обломки некогда величественных зданий, эти фрагменты позволяют лишь отчасти реконструировать облик города времени его расцвета. Так, подводные исследования причального сооружения в затопленной части городища, построенного не раньше конца III – начала IV вв. н.э.²⁵, привели к открытию значительной коллекции обломков великолепных архитектурных деталей из мрамора и известняка, фрагментов скульптуры и рельефов, которые свидетельствуют о высоком уровне строительного дела и богатстве архитектурного убранства Фанагории в эпоху Спартокидов (и позднее)²⁶.

Об этом же говорят найденные раньше постаменты статуй и архитрав с посвятительными надписями в храмы богов (*КБН* 971–974). Среди них наиболее почитаемой оставалась Афродита Урания, владычица Апатура – знаменитого святилища в округе Фанагории, культ которой выходит далеко за пределы самой Фанагории, «казиатского» региона и становится общебоспорским. Наряду с этой богиней почитается Геракл, его с Афродитой Апатурой связывает местный миф времен колонизации, изложенный Страбоном (Strab. XI. 2. 10)²⁷. В то же время в Фанагории утверждается общегосударственный кульп Аполлона Иетра (*КБН* 974)²⁸, бога-покровителя милетских колоний, и в частности – столицы Спартокидов Пантикеапея.

²⁴ Так же, как и представители, считается, жреческого рода, что покоились под насыпями расположенных по соседству знаменитых курганов Большая и Малая Близницы, драгоценности заупокойного инвентаря из склепов и каменных ящиков которых по сей день служат украшением Золотой кладовой Государственного Эрмитажа.

²⁵ Голофаст, Ольховский 2016, 50–51.

²⁶ См.: Кузнецов и др. 2006, 273, рис. 4; 278–279, рис. 9, 10; Кузнецов и др. 2008, 385, рис. 6; 392, рис. 14; 399, рис. 21; 400, рис. 22; 409, рис. 31.

²⁷ См. Кошеленко 2010, 360–373. Вероятно, уместно отметить и мифологическое предание об основании Абдеры, сестринской колонии Фанагории, Гераклом (об этом см. Кошеленко 1999, 151).

²⁸ Засвидетельствован в Фанагории посвятительной надписью времени Спартока III.

Казалось бы, можно ожидать, что многолетние раскопки на акрополе Фанагории, где стояли общественные здания и храмы, должны наилучшим образом отразить процветание города в эпоху Спартокидов. Но, парадоксальным образом, это не совсем так. Высочайшее качество построек и строительных материалов, из которых были возведены в этом общественном центре здания, имело следствием неизбежный и особо тщательный их демонтаж ради вторичного использования камня в новых постройках. В данном случае можно сказать с уверенностью, когда и почему это произошло. В конце II или же в самом начале I вв. до н.э. здесь было начато строительство огромного дворцового комплекса – резиденции царя Митридата Евпатора, почему предшествовала основательная разборка более древних зданий²⁹.

Но все же кое-какие остатки построек IV–II вв. до н.э. дошли до наших дней (в основном, это те их части, что были заглублены в землю), и они позволяют в общих чертах наметить узловые моменты истории этого района, элементы его планировки и планы некоторых зданий.

К первой половине IV в. до н.э. относится квадратное в плане здание площадью ок. 100 м², возведенное на мощном каменном фундаменте, рассчитанном на два этажа; нижний этаж был разделен на четыре помещения³⁰. С восточной стороны располагался вход, оформленный двухколонным портиком. Крыша здания была черепичной. Интересно отметить, *во-первых*, что в фундаменте использовались огромные глыбы песчаника, которые – на мой взгляд, с высокой степенью вероятности – были извлечены из основания демонтированных городских оборонительных стен; а *во-вторых*, что новая постройка расположилась точно над главным помещением общественного здания, которое функционировало с середины VI по середину V в. до н.э.³¹ и находилось на перекрестке двух главных улиц (одна вела с севера на юг, другая – с запада на восток). Напротив, через улицу, тоже на углу квартала, располагался небольшой храм в антах³². Площадь перед входом в двухэтажное здание была замощена колотым камнем, улица, что проходила к западу от него, имела покрытие из черепков керамики, как и узкий «тrotуар», отделявший здание от полотна улицы. Эта улица южным своим краем упиралась в монументальное сооружение, которое как бы отгораживало весь этот комплекс от остальной территории. От него сохранилось каменное основание (цоколь), шириной около 2,3 м, и на нем – нижняя часть конструкции из глины (до 0,5 в высоту). Прослеженная протяженность этого сооружения с запада на восток – более 18 м, но это только часть загадочного объекта³³. Достоверно определить размеры и функциональное назначение этой постройки не представляется возможным. Очевидно лишь одно: она никаким образом не связана ни с предыдущей, ни с последующей планировкой этого района, но, скорее, в определенном смысле «противоречит» ей.

²⁹ Завойкин 2019, 315–317. Аналогичная судьба полвека спустя постигла и сам этот дворец, правда, после пожара в ходе восстания фанагорийцев в 63 г. до н.э. (см. Абрамзон, Кузнецов 2015, 25, 35–36).

³⁰ Подробно см. Завойкин 2018.

³¹ Абрамзон и др. 2019, 7–9.

³² С момента основания Фанагории на этом месте он был уже четвертой культовой постройкой. О трех из них см. Кузнецов 2019, 402–405.

³³ С восточной стороны его «обрыывает» строительный котлован более позднего большого общественного здания (см. ниже), с западной – «разведывательная траншея», заложенная в 1869–1872 гг. известным историком и археологом И.Е. Забелиным.

Жизнь этого необычного по своей планировке здания обрывается катастрофически: оно погибает в пожаре огромной силы (в огне оплавляется даже упавшая черепица кровли), но локальном: на прилегающей территории заметные следы пожара нигде не обнаружены. О причинах этого события судить невозможно (хотя и напрашиваются аналогии с пожаром 63 г. до н.э.), так же как затруднительно решить вопрос о функциональном назначении этого здания. Представляется, что эта постройка, возведенная вскоре после того, как Фанагория утратила свою независимость и насильственно была включена в состав державы Сатира I, являлась в определенном отношении «кинородным элементом» в структуре общественного центра полиса. Не исключено, что ее присутствие здесь отражает вторжение центральной власти Боспорского государства в общественное пространство недавно подчиненного гражданского коллектива. Впрочем, приходится признать, эта догадка пока не находит поддержки в других источниках.

Наиболее ярким свидетельством потери полисом автономии являются упомянутые ранее найденные в Фанагории проксенические декреты, изданные от лица боспорских правителей (Левкон I, Перисад I)³⁴. Кроме того, эти документы подтверждают высокий статус Фанагории как крупнейшего центра Азиатского Боспора, через порт которого велась контролируемая Спартокидами масштабная торговля хлебом со Средиземноморьем (прежде всего, с Афинами). Учитывая это обстоятельство, полагаю, можно с уверенностью распространить определение Страбоном (XI. 2. 2) Фанагории как «столицы азиатских боспорцев» и на весь период правления потомков Сатира I.

В этом свете допустимо предполагать, что в городе находились не только служащие портовой таможни, но и другие представители центральной власти³⁵, контролировавшие ситуацию на недавно присоединенных территориях, ведали сбором налогов и проч. В городе мог быть расквартирован и какой-то воинский контингент, задачей которого было не только контроль лояльности граждан, но и ведение, время от времени, военных действий по охране восточных границ Боспора или же в связи с покорением отдельных меотских племен Прикубанья (*синды, тореты, дандарии, псессы* и др.)³⁶, над которыми, согласно официальной титулатуре, «царствовали» Спартокиды.

К сожалению, всё это суждения из области логических допущений, не подкрепленных прямыми источниками. Пожалуй, лишь надгробие наемника Пантия из Тегеи времени Левкона I³⁷ и туманное упоминание патриды Мантинеи в стихотворной надписи неясного содержания (КБН 991) дают основание осторожно предположить, что практика расквартирования «царских» наемников в городе восходит к ранним Спартокидам, а не была привнесена на Боспор Митридатом Евпатором³⁸.

³⁴ См. Завойкин, Завойкина 2020, 135–149.

³⁵ Следует отметить особо точку зрения исследователей, которые считают, что младшие соправители боспорских тиранов имели под управлением азиатскую часть государства, а их резиденция могла располагаться в Фанагории (например, см. Яйленко 1995, 229–230).

³⁶ Аналогичным целям должно было служить переселение (скорее всего в Синдику) тысячи каллатийцев Эвмелом, который дал им «город для поселения, а кроме того, разделил на участки так называемую Псою и область» (Ψόαν καὶ τὴν χώραν) (Diod. XX. 25).

³⁷ Яйленко 1986.

³⁸ См. Виноградов 1991, 16 сл. Ю.Г. Виноградов считает, что упомянутые в надписи 88/7 г. до н.э. солдаты, получившие по решению Совета и Народа фанагорийцев в сложной финансовой ситу-

Принудительное лишение Фанагории городских оборонительных стен безусловно предполагало ее защиту силами центральной власти³⁹ от всяких инцидентов, подобных враждебным действиям первого десятилетия IV в. до н.э. со стороны меотов Тиргатао, подвергших разорению владения Сатира I (Polyaen. VIII. 55)⁴⁰.

С учетом других эпиграфических свидетельств и данных литературных источников об использовании Спартокидами наемных воинов для борьбы с внешними и внутренними врагами, легко можно допустить, что в Фанагории, ставшей главным центром Азиатского Боспора, был расквартирован воинский контингент наемников. Разумеется, не на акрополе⁴¹.

После того как погибает в пожаре «необычное» здание, в начале 40-х годов IV в. до н.э. происходит радикальная перепланировка открытого раскопками участка акрополя⁴². Новые постройки теперь ориентированы стенами строго по сторонам света (раньше строили с небольшими отклонениями). Доминирующее положение занимает большое здание (130 м²) с полуподвальным помещением, разделенным на три части⁴³. Судя по его размерам, пропорциям и планировке, оно имело гражданское, а не культовое предназначение. К северу от него (напротив входа) и к востоку от храма в антах были возведены пятиколонные пропилеи, оформлявшие парадный вход на площадь. К востоку и югу от главного здания располагались вытянутые в ряд постройки из нескольких помещений, которые могли служить различным целям. Также с востока немного позднее (видимо, уже в III в. до н.э.) на цоколе из вторично использованных пиленных блоков известняка была возведена постройка, которая, по мнению В.Д. Кузнецова, была небольшим храмом (*templum in antis*), но не исключено, что она использовалась как «сокровищница»⁴⁴, в которой, например, хранилась городская казна (?). С ремонтами и перестройками эти здания и сооружения дожили до конца II в. до н.э., когда и были разобраны⁴⁵. Никаких следов насильственных разрушений здесь не было обнаружено.

В течение трехвекового периода, о котором здесь ведется речь, конечно, многое менялось как в экономике и военно-политическом положении Боспорского го-

ации гражданство, были наемниками города, а не царя, хотя, разумеется, и признает наличие здесь царского гарнизона, по крайней мере, в поздний период правления Митридата, ссылаясь на App. Mithr. 108 (там же, 29–30). Аналогичным образом, по свидетельству Полиена (VI. 7, 2), будущий тиран Кассандрии Аполлодор перед 279 г. до н.э. предоставил гражданские права и участки земли в Паллена гарнизону, покинувшему цитадель, «чтобы они оставались стражами свободы» (там же, 17 и прим. 21).

³⁹ О роли гражданского ополчения в этот период говорить сложно (см. Виноградов 1991, 29).

⁴⁰ Конечно, здесь речь идет об азиатских владениях пантиканейского тирана. См. Завойкин 2013, 294

⁴¹ А вот в момент восстания граждан Фанагории против Митридата в 63 г. до н.э. акрополь, т.е. то самое место, о котором идет речь, «... был уже занят Артаферном и другими сыновьями Митридата» (App. Mithr. 108). Надо полагать, что здесь расположился контингент воинов-понтийцев, защищавших царскую резиденцию и обитавших в ней детей царя (см. Абрамзон, Кузнецов 2016, 35).

⁴² См. Завойкин, Павличенко 2020.

⁴³ Завойкин 2019. По-своему примечательно, что в его фундаменте были использованы, в том числе, камни из описанного выше здания, обгоревшие в пожаре.

⁴⁴ Кузнецов 2003, 4–5. Это определение в целом поддержала Ю.Н. Кузьмина, отметив, правда, что в функциональном отношении постройки такого рода могли использоваться в качестве сокровищниц (θησαυρός), как, например, в Дельфах и Олимпии (Кузьмина 2012, 258–259).

⁴⁵ Завойкин 2020, 11–13.

сударства, так и в жизни его «азиатской» столицы. «Золотой век Боспора» (IV в. до н.э.) сменился затяжным финансово-экономическим кризисом (до третьей четверти III в. до н.э.). В начале III в. до н.э. Спарток III (304–284 гг.) официально принял царский титул, подобно некоторым другим правителям эллинистических государств. В том же столетии Фанагории было дозволено заново отстроить городские стены⁴⁶, но в чем причина этого – сказать невозможно. Явных следов военной угрозы Боспору со стороны кочевников-сарматов в это время мы, вроде бы, не наблюдаем⁴⁷. Но если даже предполагать, что новые оборонительные сооружения города связаны с обострением военно-политической ситуации в регионе, не следует упускать из виду, что их строительство должно было быть согласовано со Спартокидами или даже санкционировано ими: только царь мог дезавуировать решение своих предков по этому вопросу.

Ближе к концу того же столетия или в начале следующего, как уже отмечалось, в Фанагории возобновляется чеканка монеты. На ее реверсе в сокращенной форме представлено наименование гражданской общины полиса (ФА / ФАН)⁴⁸. Однако монетный двор Фанагории работает в это время в качестве филиала пантикопейского монетного двора, и выпуск мелких номиналов медной монеты, скорее, следует оценивать отнюдь не как свидетельство «сепаратистских устремлений» полиса (так считали и считают некоторые исследователи), а как возложение на жителей крупнейшего города Азиатского Боспора обременительных обязанностей⁴⁹.

Важно принять во внимание, что динамика взаимоотношений Фанагории и царской власти на протяжении столетий определялись целым комплексом изменяющихся с течением времени причин. С одной стороны, насилиственно включенный в состав державы Спартокидов полис был лишен автономии и, вместе с ее утратой, ряда исконных прав, а его жители должны были выплачивать налоги в пользу

⁴⁶ К сожалению, более точно определить дату этого строительства не представляется возможным (Завойкин 2021б, 152–154).

⁴⁷ Насколько мне известно, пока только в Горгиппии фиксируются следы серьезного пожара середины – третьей четверти III в. до н.э. (Алексеева 2010, 486; Савостина, Тихонова 2021, 328). В Гермонассе установлена гибель во второй половине III в. до н.э. общественного (или богатого частного) перистильного здания (Коровина 2002, 62–63), однако масштабы разрушений в этом городе остаются не ясны.

⁴⁸ Тетрахали типа «голова бородатого сатира в плющевом венке, вправо / лук и стрела, ФА» (Шелов 1956, 173–174, 221, табл. IX, 112; Голенко 1952, 149: II в. до н.э.; Анохин 1986, 142, № 147: ок. 230–220 гг. до н.э.; 2011, 168, № 1169, 1170: ок. 155–145 и 125–115 гг. до н.э. Наиболее поздние монеты этого типа перечеканены на пантикопейских монетах типа «голова сатира / шапки Диоскуров», который датируют ок. 120–110 гг. до н.э. (Шелов 1956, 175, табл. VIII, 101). Тип «безбородая голова вправо / виноградная гроздь, ФАН» Д.Б. Шелов (1956, 175–176, 221, табл. IX, 113) датировал с рубежа III–II вв. до н.э. (вслед за: Зограф 1951, 181) и первой половиной II в. до н.э. В.А. Анохин (1986, № 177, Фа-6) считает изображение на лицевой стороне этих монет (дихалков) головой Диониса и датирует их ок. 130–125 гг.

⁴⁹ Анохин 1986, 56. Я поддерживаю также мнение киевского нумизматов в отношении датировки чеканки в Фанагории тетроболов или триоболов типа «голова Артемиды, вправо, слева лук» на аверсе – «роза» и развернутая легенда – ФΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ на реверсе первым десятилетием правления Митридата (Анохин 1986, 72). То же относится к анэпиграфным диоболам типа «голова Аполлона в венке / роза» (ср. Абрамзон, Кузнецов 2018, 276, рис. 1, 1; 277–278: ок. 120–110 гг. до н.э.). Это серебро Фанагории А.Н. Зограф рассматривал как отражение «ослабления центральной власти и роста значения «городских органов», датируя монеты ок. 200–121 гг. до н.э. (Зограф 1951, 181, табл. XLII, 12), а Д.Б. Шелов относил этот тип к «последнему десятилетию правления Спартокидов» (Шелов 1956, 176–177, 221, табл. IX, 114).

царской казны. Но с другой стороны, эта власть обеспечивала защиту от внешних угроз со стороны воинственных «варваров». Фанагория стала административным и экономическим центром «азиатской» части Боспорского государства, через ее порт осуществлялась торговля товарами, привозимыми из средиземноморских и черноморских городов или вывозимыми в них, а кроме того, здесь концентрировались товарные потоки из Прикубанья. Безусловно, некоторая часть доходов от этой деятельности служила интересам населения Фанагории и, тем самым, стимулировала лояльность ее граждан в отношении царей Боспора. Верхушка фанагорийского общества так или иначе интегрировалась в административный аппарат боспорской монархии, выступая посредником между центральной властью и гражданским коллективом родного полиса. В условиях экономического спада и, возможно, некоторого ослабления царской власти баланс взаимоотношений боспорских царей и полиса мог сместиться в сторону расширения прав последнего.

И вновь должен констатировать отсутствие источников, которые дают возможность конкретно и детально осветить эти процессы. Однако факт, что до конца правления династии Спартокидов не обнаруживаются какие-либо признаки открытого противостояния гражданских общин Боспора с его царями, и Фанагория – не исключение. Это равновесие интересов оказалось нарушенным после того, как престол боспорских монархов отошел владыке Понтийского царства, Митридату VI Евпатору. Этот царь пришел на Боспор под знаменем покровителя и защитника эллинства от «варваров». Следствиями «филэллинской» политики первых десятилетий его правления, вероятно, следует считать явные признаки реанимации полисных институтов и некоторых прав, ранее, по-видимому, не выходивших за рамки права муниципального. Упомянутый выше декрет 88/7 г. до н.э. в честь наемников был принят от лица Совета и Народа фанагорийцев. Никогда ранее высшие органы полисной власти в надписях или еще где-то не упоминались (разумеется, из этого не следует, что они отсутствовали вовсе⁵⁰), да и сами декреты такого рода – столь обычные для деятельности полиса, независимого или же находящегося в составе эллинистической державы, – не известны ни в Фанагории, ни где-либо еще на Боспоре. В городе производится, правда, весьма кратковременная (ок. 90–80 гг. до н.э.⁵¹) чеканка серебряной монеты с развернутым наименованием гражданской общинны – ФΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ⁵². Эти заигрывания с гражданской общиной, как известно, имели в итоге дурные для Митридата последствия. Во-первых, постоянно растущие непомерные поборы с населения Боспора из-за бесконечных войн амбициозного царя против могущественного Рима (только на первых порах относительно успешных, а затем крайне плачевых для Митридата), вследствие чего были блокированы

⁵⁰ Уже сам факт того, что чеканилась монета (пусть только медная), отмеченная легендой ФА или ФАН (сокращения от ФΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ), говорит о том, что Фанагория не перестала быть полисом, раз монета чеканилась от лица гражданской общинны (хотя бы и в интересах центральной власти).

⁵¹ См. прим. 49.

⁵² Самое многочисленное серебро Фанагории – драхмы типа «голова Аполлона / тирс» (Анохин 1986, № 206), а также дидрахмы типа «голова Диониса в плющевом венке вправо / плющевой венок, с внутренней стороны – гроздь винограда, наименование гражданской общинны, с внешней вверху монограмма (общая для трех городов)». Эта монета чеканилась на монетном дворе Пантикея и ее нельзя считать полноценной автономной монетой (Голенко 1960, 36; 1965, 143–145, 153). То же относится и к дидрахмам Гонгиппии, города с особым статусом, расположенным в Синдице, ранее вообще не чеканившем монеты.

черноморские проливы и нарушен нормальный ход торговли в регионе, никак не компенсировались формальным расширением полисных свобод. А во-вторых, реанимация традиций полиса, по своей природе ориентированного на свободу и независимость (*элевтерию и автономию*), разрушало интегрированность гражданских обществ в структуру единого Боспорского государства, которое фактически стало лишь частью черноморской Понтийской державы, интересам которой (а вернее, интересам ее монарха) оно было подчинено. Оба этих фактора в условиях военных поражений Митридата предопределили ход событий в 63 г. до н.э.

Представляется закономерным, что именно Фанагория выступила застрельщиком восстания против царя, ее примеру последовали другие города Боспора (Феодосия, Нимфей) и иных регионов Причерноморья, находившихся под властью Митридата VI (App. Mithr. 108). Материальные свидетельства этих событий весьма наглядно представлены на акрополе Фанагории. Раскопками открыта радикальная перестройка на акрополе в начальный период царствования Митридата. Здесь, на месте традиционного полисного центра, в конце II в. до н.э. все общественные постройки были разобраны до основания, им на смену возводится огромное здание царской резиденции. Этот факт плохо согласуется с «филэллинской» политикой царя, вернее – раскрывает ее противоречивый и формальный характер: царь был заинтересован в том, чтобы найти поддержку населения боспорских городов, но им двигали вовсе не соображения благотворительности или симпатия к эллинам. В конечном итоге политика Митридата приводит к тому, что было достаточно частного повода (фанагориец Кастрон подвергся телесному наказанию царским *евнухом* Трифоном⁵³), чтобы вспыхнуло восстание, в ходе которого сгорела и царская резиденция на акрополе. Раскопки на ее месте служат материальным подтверждением свидетельству Аппиана (Mithr. 108) и открывают ряд подробностей этой драматической истории⁵⁴.

Все сказанное о Боспоре постспартокидовского времени преследовало одну лишь цель – выявить отличия в характере взаимоотношений правителей государства и полиса до Митридата VI и при нем, рассуждая «от противного»⁵⁵. По мнению С.Ю. Сапрыкина, Митридат Евпатор перестроил политическую систему Боспорского государства по образцу «эллинистического» Понтийского царства, частью которого стал и Боспор⁵⁶. Признавая резонность данной точки зрения⁵⁷,

⁵³ Вероятно, руководитель царской администрации в Фанагории.

⁵⁴ См.: Абрамзон, Кузнецов 2010, 61 сл., 80–81; 2011, 64–67; 2015, 35–36.

⁵⁵ Такой подход, впрочем, имеет коренной недостаток: мы не можем быть уверенными до конца в том, что некоторые инновации, отмеченные для первой половины I в. до н.э., не коренятся в предшествующей эпохе.

⁵⁶ См.: Виноградов 1990, 247–248; Сапрыкин 1996, 288; 2003, 29–30 («Именно с 80–60-х годов до н.э. можно говорить о зарождении эллинистической государственности на Боспоре, сменившей полисную структуру экономики, земельных отношений и политической власти тиранов»); 2017, 141–143 («...митридатовский и постмитридатовский периоды в истории Боспора, включая правление Тибериев-Юлиев, характеризуется развитием эллинизма»).

⁵⁷ Хотя и с оговоркой: «эллинизм» был привнесен на Боспор тогда, когда эллинистическая эпоха уже клонилась к закату. В том случае, если мы признаем, что сложившаяся при Митридате VI политическая структура находит продолжение в последующие века истории Боспора, определение государства как «эллинистического» приобретает несколько холастический оттенок. Занятно, что Боспорское государство позднеклассического времени (т.е. державу ранних Спартокидов) некоторые исследователи характеризуют определением «прото-эллинистическое» (обзор литературы и анализ мнений см. Завойкин 2001; ср. Суриков 2012, 314; 2014, 96 сл., 116). Если следовать подобной па-

мы неизбежно приходим к заключению, что до конца династии Спартокидов политическая структура их государства строилась на иных принципах. Суть ее определялась не тем, что монархическая по характеру власть правителей была «тиранической» или «царской»⁵⁸, а тем, какое место в этой структуре занимал полис.

На примере Фанагории мы видим, что полис был настолько глубоко инкорпорирован в структуру государства Спартокидов (или иначе: тираны Пантикея / Боспора настолько глубоко вторгаются в область полисного права), что полис как бы «исчезает», и мы не находим каких-либо признаков активности гражданской общины, она как бы растворяется в «общебоспорском гражданстве». Однако гражданского права за пределами полиса античность никогда и нигде не знала. Из этого следует неизбежный вывод: Боспорское государство Спартокидов само было организовано как полис, который управлялся монархической властью династов на протяжении трех веков. И Фанагория была одним из узловых элементов этой государственной системы, выполняя функцию столицы ее «азиатской» части.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д., Сапрыкина, И.А. 2019: Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории. *Hypanis* 1, 5–27.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2010: Фанагорийское восстание 63 г. до н.э. (Новые нумизматические материалы). *ВДИ* 1, 59–85.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2011: Новые данные о Фанагорийском восстании 63 г. до н.э. *ВДИ* 2, 64–94.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2015: *Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории* (Фанагория. Т. 3). М.
- Алексеева, Е.М. 2010: Горгиппия. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. I. М., 470–509.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Белова, Н.С. 1967: Новая надпись из Гермонассы. *ВДИ* 1, 60–69.
- Виноградов, Ю.А., 2014: Цари Боспора и боспорские курганы. *БИ XXX*, 497–509.
- Виноградов, Ю.Г., 1990: Боспор и эллинизм / А.П. Акопян, А.Н. Бадер, Боспор и Эллинизм. III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (Ереван 18–22 мая 1988 г.). *ВДИ* 1, 242–248.
- Виноградов, Ю.Г., 1991: Фанагорийские наемники. *ВДИ* 4, 14–33.
- Виноградов, Ю.Г., Толстиков, В.П., Шелов-Коведяев, Ф.В. 2002: Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикея. *ВДИ* 4, 58–75.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Голенко, К.В. 1960: Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. *НЭ* II, 28–40.
- Голенко, К.В. 1965: Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н.э. *ВДИ* 4, 141–158.
- Голофаст, Л.А., Ольховский, С.В. 2016: Комплекс керамики из подводного фундамента в акватории Фанагории. В сб.: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 2 (Фанагория. Т. 4). М., 46–82.
- Жижина-Гефтер, В.Б. 1918: Новый статус Феодосии в составе Боспорского царства: к истолкованию пассажа Demosth. XX. 30–33. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.),

радигме, Боспорское государство со временем правления приемников Митридата следовало бы называть «постэллинистическим». Не думаю, что в этом имеется какой-либо содержательный смысл.

⁵⁸ Смена титула имела значение разве что на внешнеполитической арене, отражала вхождение в новую историческую эпоху.

- Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира.* СПб, 81–88.
- Завойкин, А.А. 2001: «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре. *ДБ* 4, 150–180.
- Завойкин, А.А. 2004: *Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам «Южного города»)* (ДБ. Supplementum I). М.
- Завойкин, А.А. 2013: *Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов* (БИ. Supplementum 10). Симферополь–Керчь.
- Завойкин, А.А. 2017: «Боспор Кубанский» – остров – Гермонасса (заметки по исторической географии Таманского полуострова). *ПИФК* 3, 147–163.
- Завойкин, А.А. 2018: Общественное знание 4 в. до н.э. на акрополе Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 3 (Фанагория. Т. 6). М., 101–141.
- Завойкин, А.А. 2019: Эллинистическое общественное здание на акрополе Фанагории. *ПИФК* 4, 297–321.
- Завойкин, А.А. 2020: Акрополь Фанагории в эпоху Спартокидов. *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. Т. II. Самара, 11–13.
- Завойкин, А.А. 2021а: «Портрет» Фанагора. *КСИА* 262, 260–273
- Завойкин, А.А. 2021б: Южная окраина Фанагории в IV–I вв. до н.э.: некоторые итоги и проблемы исследований. *ДБ* 26, 111–134.
- Завойкин, А.А., Завойкина, Н.В. 2020. Третий декрет Спартокидов из Фанагории. *ДБ* 25, 134–154.
- Завойкин, А.А., Павличенко, Н.А. 2020: Перепланировка на акрополе Фанагории в середине 4 в. до н.э. *Нурания* 2, 141–168.
- Завойкина, Н.В. 2013: *Боспорские фиасы: между полисом и монархией*. М.
- Завойкина, Н.В. 2018: Новая посвятительная надпись из Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 4 (Фанагория. Т. 7). М., 106–116.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты* (МИА. № 16). М.–Л.
- Иванчик, А.И. 2018: Боспорское царство эпохи Спартокидов: уникальная форма греческой государственности. В сб.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Ч. 1. СПб, 69–75.
- Коровина, А.К. 2002: *Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове*. М.
- Кошеленко, Г.А. 1999: Боспорский вариант мифа о гибели гигантов. *ДБ* 2, 147–160.
- Кошеленко, Г.А. 2010: Религия и культуры. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. II. М., 355–416.
- Кузнецов, В.Д. 2003: *Отчет о работе Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 2002 г.* Архив ИА РАН. Р-1, № 27068, 27069–27071. М.
- Кузнецов, В.Д. 2004: Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием. *ПИФК* XIV, 94–123.
- Кузнецов, В.Д. 2007: Новые надписи из Фанагории. *ВДИ* 1, 227–243.
- Кузнецов, В.Д. 2019: К ранней истории Фанагории. *ДБ* 24, 398–416.
- Кузнецов, В.Д., Ворошилов, А.Н., Жуковский, М.О. 2016: Курган Боюр-Гора (предварительная публикация). В сб.: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 2 (Фанагория. Т. 4). М., 279–324.
- Кузнецов, В.Д., Колесников, А.Б., Ольховский, С.В. 2008: Подводные исследования в Фанагории в 2006–2007 гг. *ДБ* 12/II, 370–412.
- Кузнецов, В.Д., Латарцев, В.Н., Колесников, А.Б. 2006: Предварительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории. *ДБ* 9, 260–280.

- Кузьмина, Ю.Н. 2012: Сакральные комплексы Фанагории в контексте городского ландшафта. В сб.: *Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации* (Боспорские чтения XIII). Керчь, 256–264.
- Ростовцев, М.И. 1989: Исследования по истории Скифии и Боспорского царства. Т. II. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 1. Государство и социальный строй эпохи Спартокидов. *ВДИ* 2, 183–197.
- Савостина, Е.А. 1984: *Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация)*: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.
- Савостина, Е.А., Тихонова, Т.С. 2021: Мастерская коропласта в контексте городской жизни и ремесленного производства Горгиппии. *ДБ* 26, 309–331.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2003: Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии. *ВДИ* 1, 11–35.
- Сапрыкин, С.Ю. 2017: Эллинизм в Причерноморье. *БИ* XXXV, 126–166.
- Сапрыкин, С.Ю. 2021: *Epigraphica regni Bosporani. Varia. ДБ* 26, 332–358.
- Соколова, О.Ю., Павличенко, Н.А. 2002: Новая посвятительная надпись из Нимфея. *Hyperboreus* 8/1, 99–121.
- Суриков, И.Е. 2012: Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады»). В сб.: А.В. Подосинов (ред.), *Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции*. М., 311–315.
- Суриков, И.Е. 2014: Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады»). В сб.: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства* (ДГВЕ 2012 г.). М., 76–122.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* М.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 1985: Новые боспорские декреты. *ВДИ* 1, 57–72.
- Яйленко, В.П. 1986: Одна боспорская эпитафия. В сб.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Проблемы античной культуры*. М., 222–226.
- Яйленко, В.П. 1995: Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях. В сб.: Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин (ред.), *Женщина в античном мире*. М., 204–272.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2010: *Fanagoriyskoe vosstanie 63 g. do n.e.* (Novye numizmaticheskie materialy) [Phanagorian revolt in 63 BC (New numismatic evidence)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 59–85.
- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2011: *Novye dannye o Fanagoriyskom vosstanii 63 g. do n.e.* [New facts about Phanagorian revolt in 63 BC]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 64–94.
- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2015: *Monetnye klady vremeni Mithridata VI Eupatopra s khory Fanagorii* [The coin hoards of Mithridates VI Eupator time from the Phanagorian chora] (Phanagoria. Vol. 3). Moscow.
- Abramzon, M.G., Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D., Sapryina, I.A. 2019: *Monety pozdnearkhaicheskogo i ranneklassicheskogo vremeni iz raskopok Fanagorii* [Late Archaic and Early Classical coins from excavation at Phanagoria]. *Hypanis* 1, 5–27.
- Alekseeva, E.M. 2010: *Gorgippiya* [Gorgippia]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban] I. Moscow, 470–509.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [The Coinage of Bosporus]. Kiev.

- Belova, N.S. 1967: Novaya nadpis' iz Germonassy [A new inscription from Hermonassa]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 60–69.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo* [The Bosporan kingdom]. Moscow–Leningrad.
- Golenko, K.V. 1960: Iz istorii monetnogo dela na Bospore v I v. do n.e. [From the coinage history of the Bosphorus in the 1st c. BC]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphy] II, 28–40.
- Golenko, K.V. 1965: Fantalovskiy klad bosporskikh didrakhm I v. do n.e. [A first century BC hoard of Bosporan didrachms from stanitsa Fantalovskaya]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 141–158.
- Golofast, L.A., Olkhovskiy, S.V. 2016: Kompleks keramiki iz podvodnogo fundamenta v akvatorii Fanagorii [Ceramics assemblage from underwater foundation in aquatoria of Phanagoria]. In: A.A. Zavoykin (ed.), *Materialy po arkheologii Fanagorii* [Materials on Archaeology of Phanagoria] 2 (Phanagoria. Vol. 4). Moscow, 46–82.
- Ivanchik, A.I. 2018: Bosporskoe tsarstvo epokhi Spartodidov: unikal'naya forma grecheskoy gosudarstvenosti [Bosporan kingdom of the Spartokids era: a unique form of Greek statehood]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskii fenomen: Obshchее i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira* [The Bosporan phenomenon: General and special in the historical and cultural space of the ancient world. Proceedings of the International Scientific Conference]. Pt. 1. Saint Petersburg, 69–75.
- Korovina, A.K. 2002: *Germonassa. Antichnyy gorod na Tamanskom pokuostrove* [Hermonassa. Ancient city on the Taman Peninsula]. Moscow.
- Koshelenko, G.A. 1999: Bosporskiy variant mifa o gibeli gigantov [Bosporan version of the myth of the death of giants]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 2, 147–160.
- Koshelenko, G.A. 2010: Religiya i kul'ty [Religion and cults]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient heritage of Kuban]. II. Moscow, 355–416.
- Kuzmina, Yu.N. 2012: Sakral'nye kompleksy Fanagorii v kontekste gorodskogo landshafta [Sacred complexes of Phanagoria in the context of the urban landscape]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Problemy urbanizatsii* [Cimmerian Bosphorus and the barbaric world in the period of Antiquity and the Middle Ages. Problems of urbanization] (Bosporskiye chteniya [Bosphorus Readings] XIII). Kerch, 256–264.
- Kuznetsov, V.D. 2003: *Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii IA RAN v 2002 g.* [The report on work of the Phanagorian mission of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences in 2002]. Archive of IA RAS. P-1. No. 27068. Album No. 27069–27071. Moscow.
- Kuznetsov, V.D. 2004: Fanagoriyskiy sklep s ustupchatym perekrytiem [Phanagorian tomb with stepped overlap]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XIV, 94–123.
- Kuznetsov, V.D. 2007: Novye nadpisi iz Fanagorii [New inscriptions from Phanagoria]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 227–243.
- Kuznetsov, V.D. 2019: K ranney istorii Fanagorii [To the early history of Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 24, 398–416.
- Kuznetsov, V.D., Kolesnikov, A.B., Ol'khovskiy, S.V. 2008: Podvodnye issledovaniya v Fanagorii v 2006–2007 gg. [Underwater research in Phanagoria in 2006–2007]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 12/II, 370–412.
- Kuznetsov, V.D., Latartsev, V.N., Kolesnikov, A.B. 2006: Predvaritel'nye zamechanuya o portovykh sooruzheniyakh v Fanagorii [Preliminary comments on port facilities in Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 9, 260–280.
- Kuznetsov, V.D., Voroshilov, A.N., Zhukovskiy, M.O. 2016: Boyur-Gora (predvaritel'naya publikatsiya) [Burial mound Boyur-Gora (preliminary publication)]. In: A.A. Zavoykin (ed.),

- Materialy po arkheologii Fanagorii [Materials on archaeology of Phanagoria]* 2 (Phanagoria. Vol. 4). Moscow, 279–324.
- Rostovtsev, M.I. 1989: Issledovaniya po istorii Scifii I Bosporskogo tsarstva. T. II. Glava VI. Gosudarstvo i kul'tura Bosporskogo tsarstva. 1. Gosudarstvo i sotsial'nyy story epokhi Spartokidov [Research on the history of Scythia and the Bosporan kingdom. Vol. II. Ch. VI. State and culture of the Bosporan kingdom. 1. The state and social system of the Spartokids' era]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 183–197.
- Saprykin, S.Ju. 2021: Epigraphica regni Bosporani. Varia. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]* 26, 332–358.
- Saprykin, S.Yu. 1996: Pontiyskoe tsarstvo. Goudarstvo Gekov i varvarov v Prichernomirye [Pontic kingdom. State of Greeks and barbarians in the Black Sea region]. Moscow.
- Saprykin, S.Yu. 2003: Bosporskoye tsarstvo: ot tiranii k ellinisticheskoy monarkhii [Bosporan kingdom: from tyranny to Hellenistic monarchy]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 11–35.
- Saprykin, S.Yu. 2017: Ellinism v Prichernomirye [Hellenism in Black Sea region]. *Bosporskiye issledovaniya [Bosporos Studies]* XXXV, 126–166.
- Savostina, E.A. 1984: *Bosporskie sklepy* (tipologiya, evolyutsiya, istoricheskaya interpretatsiya) [Bosporan tombs (typology, evolution, historical interpretation)]. PhD thesis. Moscow.
- Savostina, E.A., Tikhonova, T.S. 2021: Masterskaya koroplasta v kontekste gorodskoy zhizni i remeslennogo proizvodstva Girkipii [Coroplast workshop in the context of urban life and craft production of Gorgippia]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]* 26, 309–331.
- Shelov, D.B. 1956: Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e. [Coinage of Bosporus, 6th to 2nd cc. BC]. Moscow.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 1985: Novye bosporskie dekretы [New Bosporan decrees]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 57–72.
- Sokolova, O.Yu., Pavlichenko, N.A. 2002: Novaya psvyatitel'naya nadpis' iz Nymfeya [A new dedicatory inscription from Nymphaion]. *Hyperboreus* 8/1, 99–121.
- Surikov, I.E. 2012: Dve problem bosporskogo politogeneza V–IV vv. do n.e. (vzglyad iz Ellady) [Two problems of Bosporan polygenesis of 5th and 4th centuries BC (a look from Hellas)]. In: A.V. Podosinov (ed.), *Vostochnaya Evropa v drevnosti isrednevekov'e. Migratsii, rasselenie, voyna kak factory politigeneza. XXIV Chteniya pamyati V.T. Pashuto. Materialy konferentsii [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Migration, resettlement, war as factors of polygenesis. XXIV Readings in memory of V.T. Pashuto. Abstracts of the conference]*. Moscow, 311–315.
- Surikov, I.E. 2014: Nekotorye problem bosporskogo politogeneza V–IV vv. do n.e. (vzglyad iz Ellady) [Some problems of Bosporan polygenesis of 5th and 4th centuries BC (a look from Hellas)]. In: A.V. Podosinov, O.L. Gabelko (eds.), *Problemy ellinizma i obrazovanie Bosporskogo tsarstva [Problems of Hellenism and formation of Bosporan kingdom]*. Moscow, 76–122.
- Vinogradov, Yu.A., 2014: Tsari Bospora i bosporskie kyrgany [Kings of Bosporus and Bosporan burial mounds]. *Bosporskiye Issledovaniya [Bosporos Studies]* XXX, 497–509.
- Vinogradov, Yu.G., 1990: Bospor i ellinism [Bosporus and Hellenism] / A.P. Akoyan, A.N. Bader (eds.), Bospor i Ellinism. III Vsesoyuznyy simpozium po problemam ellinisticheskoy kul'tury na Vostoke (Erevan 18–22 maya 1988 g.) [Bosporus and Hellenism. III All-USSR symposium on the problems in Hellenistic culture on West (Erevan 18–22 may 1988)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 242–248.
- Vinogradov, Yu.G., 1991. Fanagiriyskie naemniki [Mercenaries of Phanagoria]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 14–33.

- Vinogradov, Yu.G., Tolstikov, V.P., Shelov-Kovedyaev, F.V. 2002: Novye dekrey Levkona I, Perisada i Evmela iz Pantikapeya [New decrees of Leucon I, Pairisades and Eumelos from Pantikapaion]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 58–75.
- Yalenko, V.P. 1986: Odna bosporskaya epitafiya [A Bosporan epitaph]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Problemy antichnoy kul'tury* [Issues of Classical culture], 222–226.
- Yalenko, V.P. 1995: Zhenshchiny, Agrodita i zhritsa Spartokidov v novykh bosporskikh nadpisyakh [Women, Aphrodite and Spartokids' priestess in new Bosporan inscriptions]. In: L.P. Marinovich, S.Yu. Saprykin (eds.), *Zhenshchina v antichnom mire* [Woman in the Ancient world]. Moscow, 204–272.
- Zavoykin, A.A. 2001: "Bosporskiy fenomen" ili psevdo-ellinizm na Bospore ["The Bosporan phenomenon" or pseudo-Hellenism in Bosphorus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 4, 150–180.
- Zavoykin, A.A. 2004: Fanagoria vo vtoroi polovine V – nachale IV vv. do n.e. (po materialam "Yuzhnogo goroda") [Phanagoria in the second half of the 5th and early 4th centuries BC. (based on the materials of the "Southern City" Site)] (*Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus]. Suppl. I). Moscow.
- Zavoykin, A.A. 2013: Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva. Arkheologiya i khronologiya stanovleniya derzhavy Spartokidov [Creation of the Bosporus state. Archeology and chronology of the formation of the power of the Spartokids] (Bosporskiye Issledovaniya [Bosporos Studies]. Suppl. 10). Simferopol–Kerch.
- Zavoykin, A.A. 2017: "Bospor Kubanskiy" – Ostrov – Germonassa (zametki po istoricheskoi geografi Tamanskogo poluostrova ["Kuban Bosphorus" – Island – Hermonassa (notes on the historical geography of the Taman Peninsula)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 147–163.
- Zavoykin, A.A. 2018: Obshchestvennoe zdanie 4 v. do. n.e. na akropole Fanagorii [The public building of the 4th century BC on the Phanagorian acropolis]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii Fanagorii* [Materials on archaeology of Phanagoria] 3 (Phanagoria. Vol. 6). Moscow, 101–141.
- Zavoykin, A.A. 2019: Ellinisticheskoe obshchestvennoe zdanie na akropole Fanagorii [The hellenistic public building on the acropolis of Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 297–321.
- Zavoykin, A.A. 2020: Akropol' Fanagorii v epokhu Spartokidov [Acropolis of Phanagoria in the age of the Spartokids]. *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo c'ezza v Smare* [Works of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara]. Vol. II. Samara, 11–13.
- Zavoykin, A.A. 2021a: "Portret" Fanagora [Phanagores' "portrait"]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of Institute of Archaeology] 262, 260–273.
- Zavoykin, A.A. 2021b: Yuzhnaya okraina Fanagorii v IV–I vv. do n.e. [The southern outskirts of Phanagoria in the 4th to 1st centuries BC: some results and research problems]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 26, 111–134.
- Zavoykin, A.A., Pavlichenko, N.A. 2020: Pereplanirovka na akropole Fanagorii v seredine 4 v. do n.e. [Rebuilding on the acropolis of Phanagoria in the middle of the 4th century BC]. *Hypanis* 2, 141–168.
- Zavoykin, A.A., Zavoykina, N.V. 2020. Tretiy dekret Spartokidov iz Fanagorii [Third Decree of the Spartokids from Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 25, 134–154.
- Zavoykina, N.V. 2013: *Bosporskie fiasy: mezdu polisom i monarkhiei* [Bosporan phiasoi: between the policy and the monarchy]. Moscow.
- Zavoykina, N.V. 2018: Novaya posvyatitel'naya nadpis' iz Fanagorii [New dedicatory inscription from Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii* [Materials on archaeology] 3 (Phanagoria. Vol. 6). Moscow, 101–141.

- gii *Fanagorii* [Materials on archaeology of Phanagoria] 4 (Phanagoria. Vol. 7). Moscow, 106–116.
- Zhizhina-Gefter, V.B. 1918: Novyi status Feodosii v sostave Bosporskogo tsarstva: k istolkovaniyu passazha Demosth. XX. 30–33 [The new status of Theodosia as part of the Bosphorus kingdom: to the interpretation of the Demosth. XX. 30–33 passage]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen: Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstvye antichnogo mira* [The Bosporan phenomenon: General and special in the historical and cultural space of the ancient world. Proceedings of the International Scientific Conference]. Pt. 1. Saint Petersburg, 81–88.
- Zograf, A.N. 1951: Antichnye monety [Ancient Coins] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Researches on Archaeology of the USSR] 16). Moscow–Leningrad.

PHANAGORIA AND SPARTOKIDS (HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL ESSAY)

Aleksey A. Zavoykin

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
bospor@inbox.ru

Abstract. Ancient writers remain completely silent about the Phanagoria under the Spartokid dynasty's reign on the Bosphorus (the 4th to 2nd centuries BC). At the turn of the new era, Strabo calls Phanagoria the “capital of the Asian Bosphorus” and one of the three *emporia* through which the turnover of goods from Kuban region passed (Strab. XI. 2: 2, 10). In this article, the author argues that these characteristics of the ancient geographer are fully applicable to the previous centuries of the history of the city, at least from the moment when it became part of the Bosphorus state.

The author of the article attempted to define the status of Phanagoria in the power of the Spartokids and to reconstruct some nodal moments of its history during the specified period of time. To achieve this goal, it was necessary to analyze synchronous sources directly or indirectly reflecting the position of Phanagoria in the 4th–2nd centuries BC. These are relatively few epigraphic documents, numismatic materials and a large array of data obtained during archaeological excavations of the city. Only their comprehensive study, along with taking into account the wide historical context (within the Bosporan state as a whole), made it possible to specifically characterize Phanagoria as the most important center in the “Asian” possessions of the Spartokids. The article shows that it apparently housed central authorities (administrative, tax and military), dynast proxies, designed to control, among other things, foreign trade activities (customs), the loyalty of citizens in the “Asian” part of the state and the military-political situation in the region as a whole.

The history of the coinage of Phanagoria (on behalf of the citizens of the *polis*), as well as the history of urban fortification, clearly highlights the evolution of the relationship between the *polis* and the power of the Spartokids. To understand the status of Phanagoria for three centuries, an analysis of the situation during the reign of Mithridates VI Eupator, who replaced the last representative of the Spartokid dynasty in 110/9 BC, plays a significant role.

Keywords: Bosporan state, Spartokids, tyranny, polis, Phanagoria, Asian Bosphorus, administrative and trade center.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2021), 194–208
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2021), 194–208
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-194-208

ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРУССОВ (по данным могильника Kl.Kaup)

В.И. Кулаков

Институт археологии РАН, Москва, Россия
drkulakov@mail.ru

Аннотация. Анализ находок, обнаруженных вне комплексов погребений, в слое выше данных комплексов, позволяет сделать следующие выводы о поминальной обрядности пруссов эпохи викингов и предорденского периода. Значительная часть находок на изучаемом могильнике является следами проведения поминальных обрядов родственниками или соплеменниками погребённого. При этом следует учитывать, что часть находок вне погребений (прежде всего – со следами воздействия погребального костра) происходит из разрушенных более поздними комплексами кремаций. Наконечники копий и дротиков являются остатками обозначения места погребения на территории могильника или следами поминальных жертвоприношений (памяти воинов?). Предметы быта, реже – украшения, ещё реже – деньги участники поминальных акций возлагали на поверхность заполнения погребений мастеров и купцов, не содержавших предметы вооружения. Места проведения поминальных жертвоприношений (жертвеники) обитателей окрестностей Kl. Kaup оформляли в виде групп камней овальной и прочей формы в плане, сооружавшихся над погребениями. Жертвовавшиеся участниками церемониями предметы находятся рядом с этими камнями. Это свидетельствует о том, что родственники покойного помещали свои жертвы, находясь на некотором отдалении от группы камней.

Ключевые слова: раннее средневековье, Самбия, пруссы, могильник Kl. Kaup.

Грунтовой могильник в лесном урочище Kleine Kaup, расположенный у основания Куршской косы (рис. 1), в 3 км к югу от центра Cranz/Зеленоградска (Зеленоградский р-н Калининградской области), находится в центре камовой возвышенности высотой 11 м от уровня Балтийского моря и с запада ограничен курганным скандинавским могильником в урочище Große Kaup (рис. 2). Два упомянутых лесных урочища разделены просёлочной дорогой Wosegau/Вишнево–Mühlsen/Охотное. При её строительстве в 1860-е гг. был частично разрушен слой грунтового могильника. По следам этого нарушения данный памятник археологии был обнаружен в 1865 г. лейтенантом Вульфом¹. С 2009 по 2013 гг. Балтийская экспедиция ИА РАН вскрыла на грунтовом могильнике Kl. Kaup раскопы 4–11 (рис. 3). Обнаруженные в этих раскопах прусские и куршские захоронения IX–XIII вв.

Данные об авторе: Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья ИА РАН.

¹ Wulff 1865, 641–646.

Рис. 1. Положение могильников в урочище Кауп на Самбии
Fig. 1. Localization of necropoleis in Kaup tract, Sambia

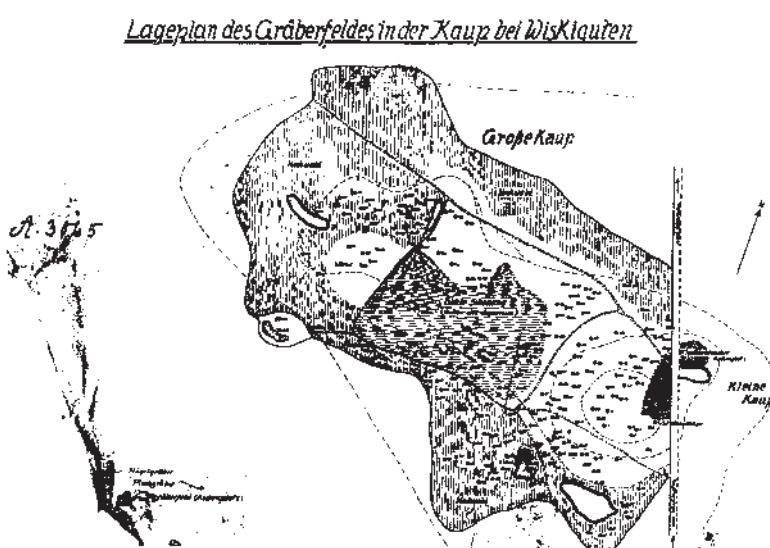

Рис. 2. План могильников в урочище Gr. & Kl. Kaup (план К. Энгеля, 1932 г. По: Мюлен 1975. Тaf. 2)
Fig. 2. Plan of burial grounds in the tract. Gr. & Kl. Kaup (K. Engel's plan, 1932; after: Mühlen 1975. Taf. 2)

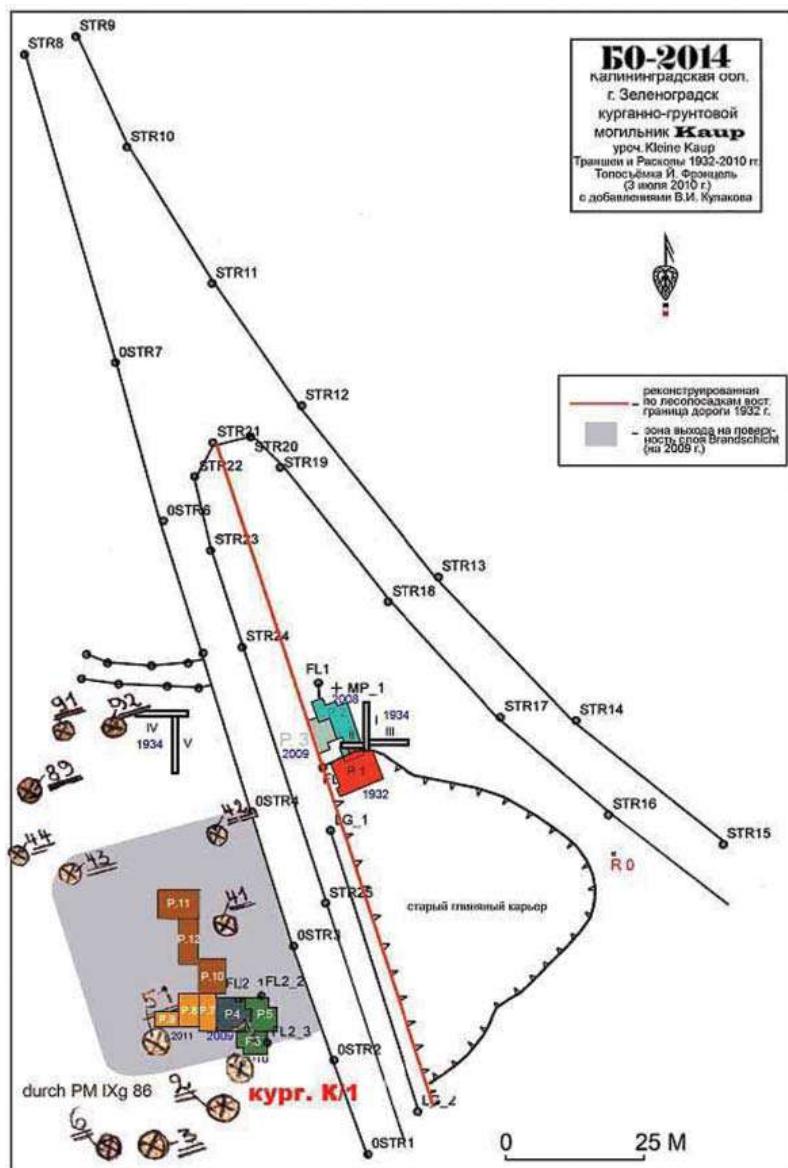

Рис. 3. План раскопов на грунтовом могильнике в урочище Кл. Кауп, вскрытых в 1932, 1934 и 2009-2013 гг. (по: Kulakov 2015, Abb. 2 с добавлениями автора)
Fig. 3. Plan of excavations at a burial ground in the tract Kl. Kaup, opened in 1932, 1934 and 2009–2013 (after: Kulakov 2015, Abb. 2)

были мною опубликованы в монографии². К сожалению, за пределами этого издания остались предметы, обнаруженные в перекрывающем погребения культурном слое могильника и в разной степени связанные с обнаруженными на нём комплексами. Их количество значительно превышает число подобных находок на других раннесредневековых могильниках Самбии из-за того, что залесённая поверхность могильника в урочище К1. Кауп очень давно (никогда?) не распахивалась.

Наибольшее число находок вне комплексов было найдено в слое над погребениями раскопов 4, 5 и 6 (рис. 4). Обращает на себя внимание слабо обожжённый (?) наконечник копья, найденный к западу от раскопа 4 (рис. 5,1). Данный наконечник, относящийся к типу Ruttkai IVb³, отличается от своих среднеевропейских прототипов псевдо-дамаскованным узором на пере и уникальными фигурами в виде «процветшего ростка» на плакированной серебром втулке. Необычными для данного типа древкового орудия являются парные выступы, расположенные в нижней части втулки наконечника копья и предназначенные, возможно, для крепления вымпела/штандарта. Данный роскошный наконечник копья по своему высокому социальному значению близок инвентарю погр. К24(26), содержавшего останки вождя местной дружины в кон. X – нач. XI вв.⁴ и, возможно, определял своим древком местоположение данного комплекса на территории могильника, будучи вонзённым в грунт над погребением. Нередко наконечники копий/дротиков, топоры и даже мечи находятся над могилами воинов-пруссов эпохи викингов именно в таком положении⁵.

Отмеченная выше специфика расположения деталей вооружения над погребениями воинов указывает на то, что копья и мечи, скорее всего, являлись обозначением места этой могилы на территории могильника и выполняли, не исключено, меморативные функции. Эти функции в начале нашей эры и в эпоху викингов на могильниках жителей Янтарного берега обеспечивали отдельно вертикально стоящие над погребениями камни (нем. Merkstein) и/или столбы⁶. Обозначение места конкретного погребения позволяло родственникам и потомкам погребённого персонажа адресно возносить ему поминальные жертвы. В ряде случаев столбы помещались в нижнем ярусе могилы⁷.

В этнографических данных Нового времени сохранилась информация о том, что пруссы используют острия ножей при погребальной церемонии, мистически отгоняя ими враждебные инфернальные силы от погребальной процесии⁸. Соответственно, ножи присутствуют в поминальных комплексах над могилами XI в., вскрытыми в урочище К1. Кауп⁹. Возможно, охранными функциями в эпоху викингов обладали, кроме ножей, копья, и мечи. Наконечники копий присутствуют и в отдельных поминальных комплексах (расположенное в культурном слое могильника К1. Кауп «погр.» К66)¹⁰.

² Кулаков 2016.

³ Ruttkai 1976, 299.

⁴ Кулаков 2016, 37–9.

⁵ Кулаков 1999, 218, 222.

⁶ Кулаков 2017, 242–248.

⁷ Кулаков 2016, 189.

⁸ Кулаков 2020, 23.

⁹ Кулаков 2016, 223.

¹⁰ Кулаков 2016, 243.

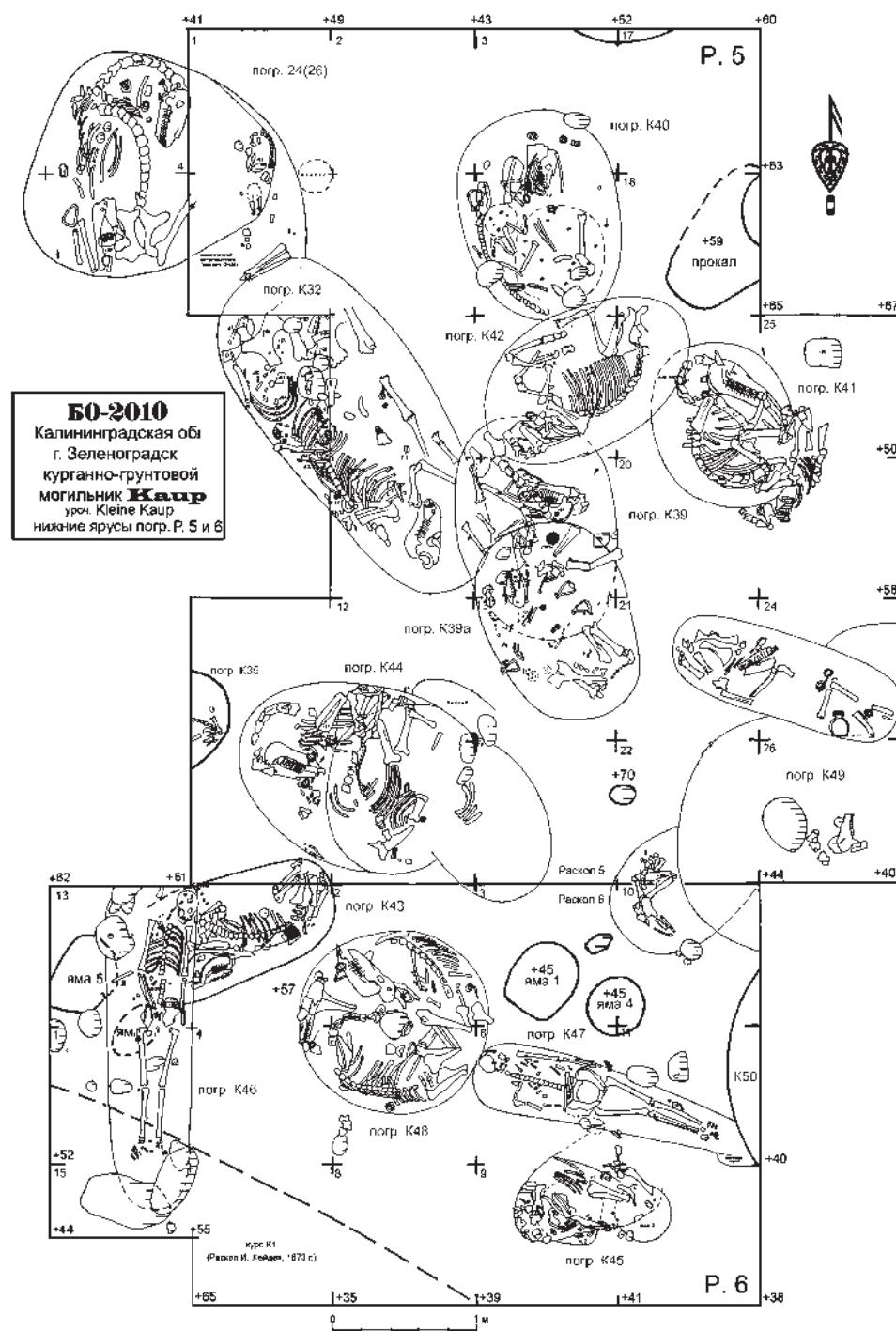

Рис. 4. Планы погребений в раскопах 5 и 6 (БАЭ-2010) (см. Кулаков 2010)
Fig. 4. Plans of burials in Sites 5 and 6 (BAE-2010) (after: Kulakov 2010)

Однако находки предметов вооружения над погребениями могли являться и остатками поминального жертвоприношения. Так, непосредственно к западу от ямы погр. K85 (Х – нач. XI вв.), выбранной на материке, на уровне шт. 3 были обнаружены рядом с овальной в плане каменной кладкой лежавшие в слое горизонтально ланцетовидный наконечник стрелы и наконечник копья типа J.P. G (рис. 8). Наконечники двух копий и двух дротиков лежали на шт. 4 в верхнем ярусе погр. K75¹¹. К акту жертвоприношения могли относиться и найденные в слое остатков погребального костра упомянутого выше погребения детали мужского убора: подковообразная фибула, бронзовая псевдо-лировидная пряжка и прочие предметы¹². Группы камней в верхних ярусах могил эпохи викингов на могильнике K1. Кауп могли содержать и лепные и круговые сосуды, явно свидетельствующие о проводившихся здесь поминальных жертвоприношениях¹³ посредством использования продуктов питания.

Ряд находок, случайно обнаруженных на/у раскопов 5 и 6, может являться остатками поминальных жертв. К ним относится серебряный фальсификат динария (рис. 5, 11), серебряный поясной крючок (рис. 5, 5). Серебряные монеты сер. XIX в. (рис. 5, 8–10), имеющие практически одинаковое значение (1/6 прусского талера), времени открытия данного могильника лейтенантом Вульфом, найденные под дёром на пространстве примерно 2 x 1 м, формально также могут относиться к поминальным жертвам. Как известно из результатов новейших раскопок в Калининградской области, поминальные жертвы в виде серебряных монет, рассыпавшихся над могилой на завершающем этапе погребальной церемонии, практиковались в земле пруссов ещё в XVII в.¹⁴. Эта традиция могла существовать и позднее.

Случайно на поверхности могильника оказались, скорее всего, бронзовый ажурный наконечник ножен меча вар. Kazakevičius Ia с эмблемой дружин севера и востока Европы IX–X вв.¹⁵ и плакированная серебром шпора подтипа Кирпичников Ia с сигарообразным шипом, поставленным под углом к дуге шпоры (рис. 5, 2, 4)¹⁶. Скорее всего, эти детали воинского снаряжения эпохи викингов, характерные для дружинных древностей Северной Европы и Балтии, были утеряны их владельцами ввиду естественных причин (ногой или концом ножен меча воин задел за кустарник/густую траву/древесный корень). Хозяева этих предметов появлялись на территории могильника для погребальных или же поминальных церемоний. Принадлежность остальных случайных находок в данной части могильника (рис. 5, 6, 7, 12) не ясна.

Упомянутые выше жертвенные комплексы (группы камней, выложенных в виде овала или иных геометрических фигур над погребениями) неоднократно были встречены при раскопках могильника в урочище K1. Кауп. В пределах этих конструкций и/или рядом с ними найдены, кроме предметов вооружения (см. выше) находки, связанные в основном с бытом. Так, в центральной части раскопа 5 на шт. 2 были выявлены северная и южная группа камней. С первой планигра-

¹¹ Кулаков 2016, 270.

¹² Кулаков 2016, 240.

¹³ Кулаков 2016, 285.

¹⁴ Архив ИА РАН, Валуев 2000, № 23737.

¹⁵ Кулаков 2021а, 154.

¹⁶ Кирпичников 1973, рис. 37.

Рис. 5. Подъёмный материал (под дёрном и шт. 1) с территории раскопов 5 и 6 (БАЭ-2010): 1 – наконечник копья, обнаруженный под дёрном к западу от Р. 4; 1а – реконструкция данного наконечника копья; 2 – бронзовый наконечник ножен меча из Р. 5, кв. 9, шт. 1, № 12; 3 – железный футляр складного ножа/бритвы под дёрном в Р. 5, № 53; 4 – обожжённая железная шпора с серебряной плакировкой, подъёмный материал к северу от Р. 4; 5 – серебряный поясной крючок из Р. 5, кв. 27, шт. 1, № 63; 6 – фрагмент бронзового блюда, подъёмный материал из Р. 5, № 54; 7 – обломок бронзовой балки весов, подъёмный материал из Р. 5, № 55; 8 – серебряная монета 1/6 талера, Пруссия, Фридрих-Вильгельм III, 1818 г., Р. 5, кв. 22, шт. 1, № 6; 9 – серебряная монета 1/6 талера, Фридрих-Вильгельм III, 1818 г., Р. 65, кв. 11, шт. 1, № 46; 10 – серебряная монета ¼ флорина, Австро-Венгрия, Франц-Иосиф I, 1859 г., Р. 6, кв. 11, № 47; 11 – обожжённая серебряная монета (денарий ?), вес – 1,02 г, Р. 5, кв. 84, шт. 1; 12 – бронзовая гирька с прорезным крестом, подъёмный материал в 10 м к С-3 от соответствующего угла Р. 5 (см. Кулаков 2010)

Fig. 5. Casual finds (under the turf and basket 1) from the territory of Sites 5 and 6 (BAE-2010): 1 – spearhead; 1a – reconstruction of this spearhead; 2 – bronze tip of sword's scabbard; 3 – iron case for folding knife/blade; 4 – burnt iron spur with silver plating; 5 – silver belt hook; 6 – fragment of a bronze dish; 7 – fragment of a bronze balance beam; 8–9 – silver 1/6 thaler, Prussia, Frederick-Wilhelm III, 1818; 10 – silver ¼ florin, Austria-Hungary, Franz Joseph I, 1859; 11 – burnt silver denarius? 1.02 g; 12 – bronze weight with a slotted cross (after: Kulakov 2010)

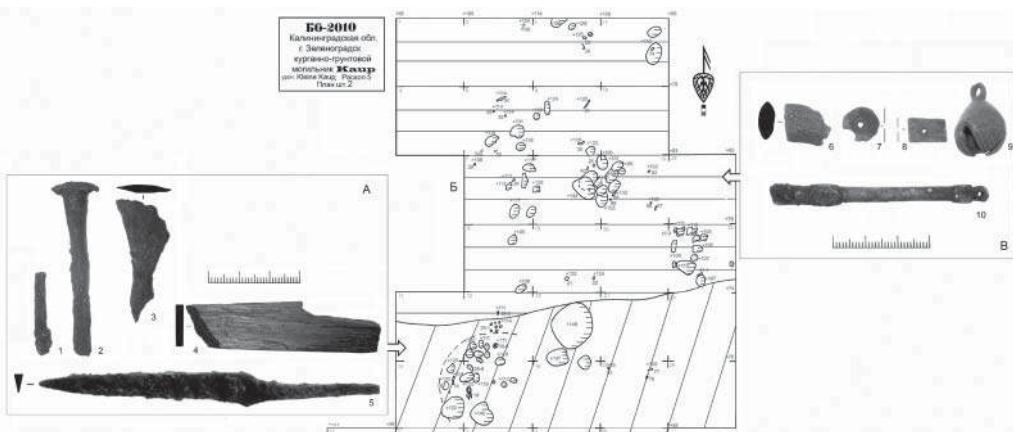

Рис. 6. Группа камней и инвентарь, найденный рядом с ними на шт. 1–3 раскопа 5: А – находки в кв. 14–15: 1 – фрагмент железного стержня; 2 – железный гвоздь/костыль; 3 – фрагмент наконечника стрелы № 19; 4 – обломок сланцевого точила из кв. 14, шт. 3, № 93; 5 – нож из кв. 14, шт. 2, № 14; Б – план Р. 5 на уровне шт. 2; В – находки в кв. 19: 6 – фрагмент дужки бронзовой подковообразной фибулы № 86; 7, 8 – фрагменты бронзовых на-кладок № 87, 88; 9 – бронзовый бубенчик № 83; 10 – часть бронзового коромысла весов № 85 (см. Кулаков 2010)

Fig. 6. Group of stones and goods found next to them at Site 5: A – finds in sq. 14–15: 1 – fragment of an iron rod; 2 – iron nail/crutch; 3 – broken arrowhead; 4 – fragment of shale sharpener; 5 – knife; B – plan of excavation site 5; B – finds in sq. 19: 6 – fragment of bow of bronze fibula; 7, 8 – fragments of bronze plates; 9 – bronze bell; 10 – part of bronze rocker of balance (after: Kulakov 2010)

физически связаны нож, точило, обломки гвоздей и часть стрелы (рис. 6, 1–4). Важно отметить, что остальные стрелы, найденные на могильнике, следов повреждений не имеют¹⁷. Можно полагать, что наконечник из северного поминального комплекса в раскопе 5 сломан специально, в культовых целях. С южным комплексом камней связаны обожжённые обломки предметов, происходящих, видимо, из более ранних, разрушенных позднейшими комплексами погребений (рис. 6, 6–9). Поминальный комплекс над погр. К60 (Х в.) в раскопе 8 содержал железную подковообразную фибулу, янтарную бусину, фрагмент ножа и нарочито(?) сломанный ключ «с бородкой» (рис. 7, 1–4). В этом случае и в ряду иных примеров групп предметов, оставленных на месте поминальных комплексов, складывается впечатление о том, что участники поминальных церемоний приносили в жертву своим ушедшим родичам или детали своего убora (буквально снимали с себя), или бытовые предметы, находившиеся под рукой. Также и в процессе поминальных и погребальных церемоний скандинавские женщины эпохи викингов возлагали в могилу украшения со своей одеждой¹⁸.

¹⁷ Кулаков 2021б, 148–158.

¹⁸ Кулаков 2012, 162, 163.

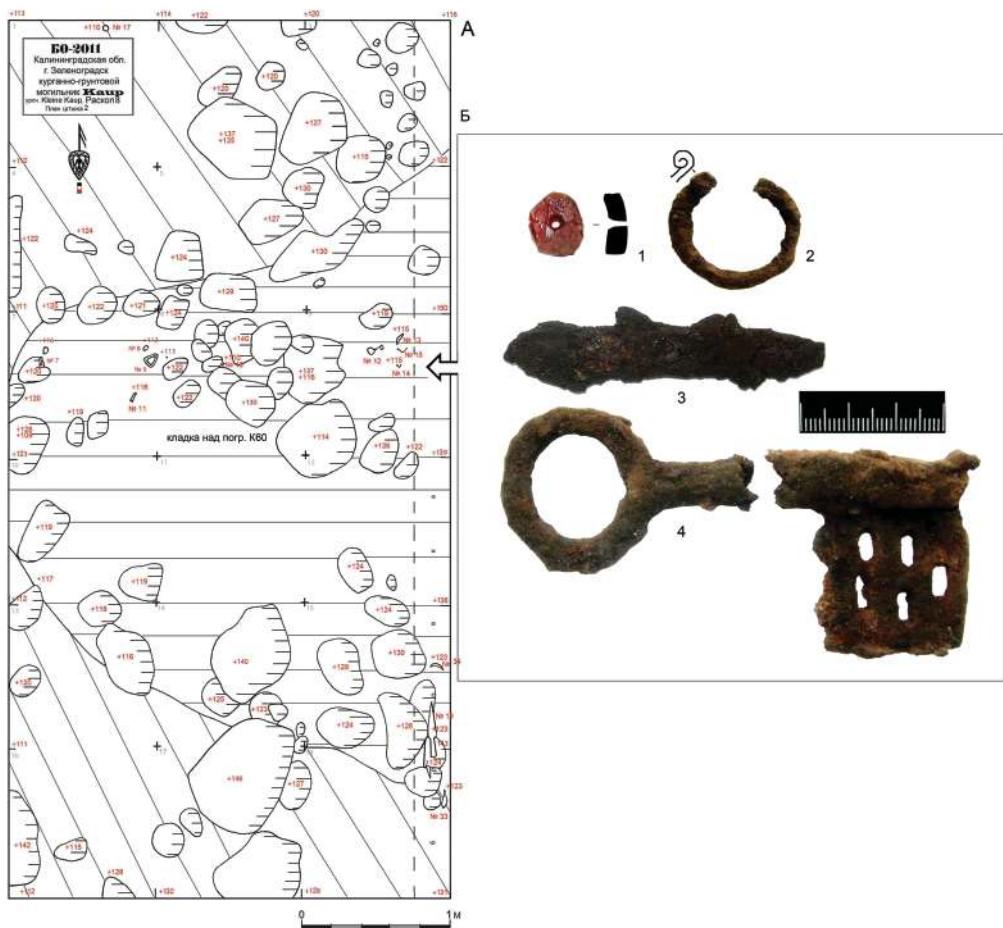

Рис. 7. Группа камней над погр. К60 и инвентарь, найденный рядом с ними на шт. 1–2 раскопа 8: А – план Р. 8 на уровне шт. 2; Б – 1 – янтарная бусина из кв. 9, шт. 1, № 134; 2 – железная дуга фибулы из кв. 9, шт. 1, № 3; 3 – обломок ножа № 13; 4 – сломанный железный ключ из кв. 9, шт. 2, № 12 (см. Кулаков 2010)

Fig. 7. Group of stones over burial K60 and grave goods: A – plan of Site 8; B – 1 - amber bead; 2 – iron arch of fibula; 3 – fragment of knife; 4 – broken iron key (after: Kulakov 2010)

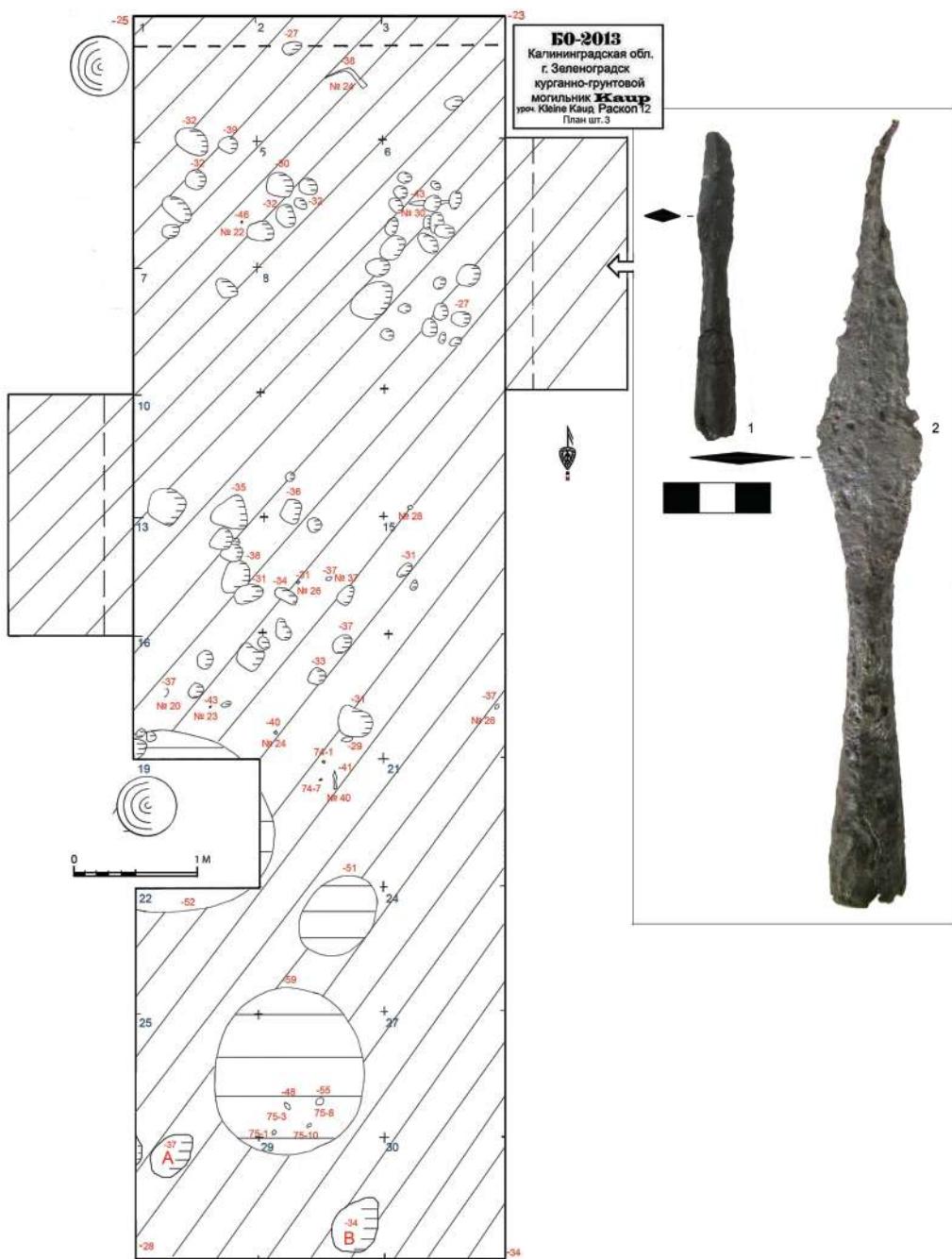

Рис. 8. Группа камней в кв. 3 и 6 раскопа 12 и инвентарь, найденный рядом с ними на шт. 3: А – план Р. 12 на шт. 3; Б – 1 – наконечник стрелы со шт. 2, № 11; 2 – наконечник копья из кв. 3, шт. 4, № 30 (см. Кулаков 2010)

Fig. 8. Group of stones in the squares 3 and 6 of excavation site 12 and grave goods: A – plan of Site 12; B – 1 – arrowhead; 2 – spearhead (after: Kulakov 2010)

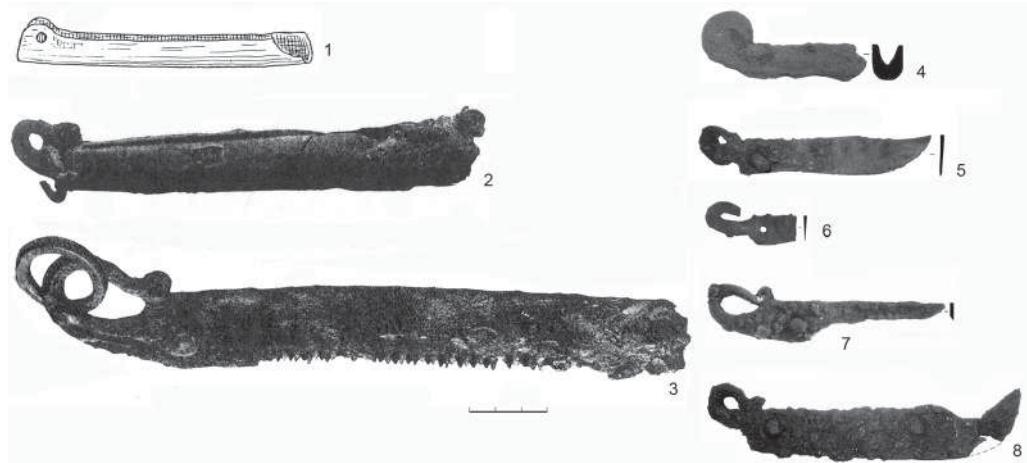

Рис. 9. Детали складных ножей, ножниц и бритв в прусских древностях эпохи раннего средневековья: 1 – бронзовый футляр ножа(?) из погр. 32 могильника Heinrichsdorf/Janowen, woj. mazursko-warmińskie Polski; 2 – складной нож в железном футляре из погр. 71 могильника Linkuhnen/Ржевское, Славский р-н; 3 – складная пила из могильника Dollkeim/Коврово, Зеленоградский р-н; 4–8 – находки на могильнике Kl. Kaup: 4 – фрагмент железного футляра для ножа из подъёмного материала на Р. 5, № 53; 5 – лезвие складного ножа из верхней части (шт. 4) заполнения погр. K32, Р. 5, кв. 7); 6 – обломок складной бритвы из Р. 10, шт. 3, № 38; 7 – фрагмент ножниц из Р. 5, кв. 2, шт. 2; 8 – лезвие складного ножа из заполнения погр. K36, Р. 9, № 95 (1–3 (Engel 1931. Abb. 1–3); 4–7 (Кулаков 2010–2013); 8 (Кулаков 2016, рис. 34)

Fig. 9. Details of folding knives, scissors and blades from the Prussian antiquities of the Early Middle Ages: 1 – bronze knife's case (?) (Heinrichsdorf / Janowen, woj. mazursko-warmińskie Polski); 2 – folding knife in an iron case (Linkuhnen / Rzhevskoe, Slavsky district); 3 – folding saw (Dollkeim / Kovrovo, Zelenogradsky district); 4–8 – finds at Kl. Kaup Necropolis: 4 – fragment of iron case for knife; 5 – folding knife blade from grave K32; 6 – piece of a folding razor; 7 – fragment of scissors; 8 – folding knife blade from burial K36 (after: Kulakov 2010–2013; 2016)

Особое место среди находок, сделанных в слое над погребениями могильника Kl. Kaup, занимают складные бытовые аксессуары. К ним относятся ножи (рис. 9, 5, 8), бритвы (рис. 9, 6) и футляры к ним (рис. 5, 3; 9, 4). Встречена и часть шарнирных ножниц (рис. 9, 7). В восточноевропейской археологии шарнирный принцип применялся носителями салтовской культуры при создании складных серпов¹⁹. Пара таких серпов (один из них – бронзовый, использовался в ритуальных целях) известна в прусских раннесредневековых древностях²⁰. Примечательно значительное количество предметов, изготовленных прусскими металлистами с использованием шарнирного принципа. Они представлены ножами (рис. 9, 1, 2) и небольшой пилой (рис. 9, 3). Убедительной датировке эпохой викингов под-

¹⁹ Черевичник 2013, 48–62.

²⁰ Кулаков 2020, 198–201.

даётся лишь складной нож, обнаруженный Карлом Энгелем в 1929 г. при раскопках скальского грунтового могильника Linkuhnen/Ржевское в погр. L-71 вместе с тремя каролингскими мечами, семью наконечниками копий и прочим воинским снаряжением²¹.

Обнаружение значительного количества деталей быта с шарнирным устройством в слое могильника K1. Кауп указывает как на высокий уровень металлообработки у членов местной балтской общины в X–XI вв., так и на использование при поминальных жертвоприношениях, к которым скорее всего относятся упомянутые находки, личных вещей участников поминальный акций.

Таким образом, рассмотрение находок, обнаруженных в слое могильника в урочище K1. Кауп выше погребений позволяет сделать следующие выводы:

1. Значительная часть находок на изучаемом могильнике является следами проведения поминальных обрядов родственниками или соплеменниками погребённого. При этом следует учитывать, что часть находок вне погребений (прежде всего – со следами воздействия погребального костра) происходит из разрушенных более поздними комплексами кремаций.

2. Наконечники копий и дротиков являются остатками обозначения места погребения на территории могильника или следами поминальных жертвоприношений (памяти воинов?). Предметы быта, реже – украшения, ещё реже – деньги участники поминальный акций возлагали на поверхность заполнения погребений мастеров и купцов, не содержавших предметы вооружения.

3. Места проведения поминальных жертвоприношений (жертвенные) обитателей окрестностей K1. Кауп оформляли в виде групп камней овальной и прочей формы в плане, сооружавшихся над погребениями. Жертвовавшиеся участниками церемониями предметы находятся рядом с этими камнями. Это свидетельствует о том, что родственники (?) покойного помещали свои жертвы, находясь на некотором отдалении от группы камней.

ЛИТЕРАТУРА

- Валуев, А.А. 2000: *Отчёт по раскопкам грунтового могильника Альт-Велау (Гвардейский р-н Калининградской обл.) Калининградским отрядом Балтийской археологической экспедиции в 2000 году*. Архив ИА РАН. № 23737.
- Кирпичников, А.Н. 1973: *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.* (САИ Е1–36).
- Кулаков, В.И. 2016: *Прусы эпохи викингов. Жизнь и быт общины Кауна*. М.
- Кулаков, В.И. 1999: Ирзекапинис. *Stratum plus* 5, 211–273.
- Кулаков, В.И. 2010. *Отчёт о раскопках и разведках, проведённых Балтийским отрядом ИА РАН в 2010 г. на курганном могильнике Моховое, расположеннем в лесном урочище Кауп (г. Зеленоградск Калининградской обл.)*. Архив ИА РАН.
- Кулаков, В.И. 2012: *Неманский янтарный путь в эпоху викингов*. Калининград.
- Кулаков, В.И. 2013. *Отчёт о раскопках, проведённых Балтийским отрядом ИА РАН в 2013 г. на территории курганного могильника Моховое в восточной части лесного урочища Кауп (К1. Кауп), г. Зеленоградск Калининградской обл.* Архив ИА РАН.
- Кулаков, В.И. 2017: Меморативная традиция у эстонцев и пруссов. *Археологические вести* 23, 241–249.

²¹ Engel 1931, 63.

- Кулаков, В.И. 2020: Консервативность черт погребального обряда западных балтов. *Учёные записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки* 162.3, 21–26.
- Кулаков, В.И. 2020: Нахodka складного серпа салтовского типа на Самбии. *ПИФК* 2, 195–204.
- Кулаков, В.И. 2021а: Наконечники ножен прусских мечей эпохи викингов: происхождение и семантика изображений. *Учёные записки Казанского университета. Серия гуманитарных наук.* Т. 163. Кн. 3, 151–163.
- Кулаков, В.И. 2021б: Стрелы Каупа. *Вестник МГУ. История* 3, 148–158.
- Кулаков, В.И.: 2011. *Отчёт о раскопках, проведённых Балтийским отрядом ИА РАН в 2011 г. на территории курганныго могильника Мокховое в восточной части лесного урочища Кауп (КЛ. Кауп), г. Зеленоградск Калининградской обл.* Архив ИА РАН.
- Черевичник, Д.Л. 2013: К вопросу о функциях хазарского складного серпа. *История оружия* 8–9, 48–62.
- Engel, C. 1931: Ein prähistorisches Taschenmesser. *Prussia.* Bd. 29. Königsberg, 65–67.
- Kulakov, W.I. 2015: Ausgrabungen des frühmittelalterlichen Gräberfeldes Kleine Kaup im Zeitraum von 2008 bis 2013. *Materiały do Archeologii Warmii i Mazur.* T. I. *Białystok–Gdańsk–Olsztyn: Ośrodek badań Europy Środkowo-Wschodniej w Białymostku.* Warszawa–Białystok, 237–246.
- Mühlen, B. 1975: *Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen (Bonner Hefte zur Vorgeschichte 9).* Bonn, 287.
- Ruttkai, A. 1976: Waffen und Reiterausrüstung des 9 bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei (II). *Slovenská archeologija* 24.2, 280–311.
- Wulff, 1865: Bericht über die Afdeckung altpreußischer Begräbnisstätten bei dem zum Gute Bledau gehörigen Vorwerke im Samlande. *Altpreußische Monatschrift.* Bd. 2. Königsberg, 641–646.

REFERENCES

- Cherevichnik, D.L. 2013: K voprosu o funktsiyakh khazarskogo skladnogo serpa [On the issue of the functions of the Khazar folding sickle]. *Istoriya oruzhiya* [History of Weapons] 8–9, 48–62.
- Engel, C. 1931: Ein prähistorisches Taschenmesser. *Prussia.* Bd. 29. Königsberg, 65–67.
- Kirpichnikov, A.N. 1973: *Snaryazheniye vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX–XIII vv.* [Equipment of a rider and a riding horse in Russia in the 9th–13th centuries (Svod Arkheologicheskikh istochnikov E1–36 [Corpus of Archaeological Sources E1–36]). Leningrad.
- Kulakov, V.I. 1999: Irzekapinis. *Stratum plus* 5, 211–273.
- Kulakov, V.I. 2010: *Otchet o raskopkakh i razvedkakh, provedonnykh Baltiyskim otryadom IA RAN v 2010 g. na kurgannom mogil'niye Mokhovoye, raspolozhennom v lesnom urochishche Kaup (g. Zelenogradsk Kaliningradskoy obl.)* [Report on excavations and explorations carried out by the Baltic team of IA RAS in 2010 at the Mokhovoye Necropolis located in the Kaup forest tract (Zelenogradsk, Kaliningrad region)]. Archive of IA RAN.
- Kulakov, V.I. 2011: *Otchet o raskopkakh, provedonnykh Baltiyskim otryadom IA RAN v 2011 g. na territorii kurgannogo mogil'nika Mokhovoye v vostochnoy chasti lesnogo urochishcha Kaup (KL. Kaup), g. Zelenogradsk Kaliningradskoy obl.* [Report on the excavations carried out by the Baltic team of IA RAS in 2011 on the territory of the Mokhovoye Necropolis in the eastern part of the forest tract Kaup (Kl. Kaup), Zelenogradsk, Kaliningrad region]. Archive of the IA RAS.
- Kulakov, V.I. 2012: *Nemanskiy yantarnyy put' v epokhu vikingov* [Neman Amber Road in the Viking Age]. Kaliningrad.

- Kulakov, V.I. 2013: *Otchet o raskopkakh, provedennykh Baltiyskim otryadom IA RAS v 2013 g. na territorii kurgannogo mogil'nika Mokhovoye v vostochnoy chasti lesnogo urochishcha Kaup (Kl. Kaup), g. Zelenogradsk Kaliningradskoy obl.* [Report on excavations carried out by the Baltic team of IA RAS in 2013 on the territory of the Mokhovoye burial mound in the eastern part of the Kl.Kaup forest tract, Zelenogradsk, Kaliningrad region]. Archive of IA RAS.
- Kulakov, V.I. 2016. *Prussy epokhi vikingov. Zhizn'i byt obshchiny Kaupa* [Viking Age Prussians. Life and everyday life of the Kaup community]. Moscow.
- Kulakov, V.I. 2017: Memorativnaya traditsiya u estiyev i prussov [Memorial tradition among the Aestians and Prussians]. *Arkhеologicheskiye vesti* [Archaeological News] 23, 241–249.
- Kulakov, V.I. 2020: Konservativnost' chert pogrebal'nogo obryada zapadnykh baltov [Conservative features of the Western Balts' funeral rite]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnyye nauki* [Scientific Notes of Kazan University. Series of humanities] 162.3, 21–26
- Kulakov, V.I. 2020: Nakhodka skladnogo serpa saltovskogo tipa na Sambii [Finding of a folding sickle of the Saltov type on Sambia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, Philological and Cultural Studies] 2, 195–204.
- Kulakov, V.I. 2021a: Nakonechniki nozhen prusskikh mechey epokhi vikingov: proiskhozhdeniye i semantika izobrazheniy [Viking Age Prussian Sword Scabbards: Origins and Semantics of Images] *Uchonyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnyye nauk* [Scientific notes of Kazan University. Series of humanities] 162.3, 151–163
- Kulakov, V.I. 2021b: Strely Kaupa [Arrows of Kaup]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Iстория* [Moscow State University Bulletin. History] 3, 148–158.
- Kulakov, W.I. 2015: Ausgrabungen des frühmittelalterlichen Gräberfeldes Kleine Kaup im Zeitraum von 2008 bis 2013. *Materiały do Archeologii Warmii i Mazur.* T. I. Białystok–Gdańsk–Olsztyn: Ośrodek badań Europy Środkowo-Wschodniej w Białymstoku. Warszawa–Białystok, 237–246.
- Mühlen, B. 1975: *Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen* (Bonner Hefte zur Vorgeschichte 9). Bonn, 287.
- Ruttkai, A. 1976: Waffen und Reiterausrüstung des 9 bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei (II). *Slovenská archeologija* 24.2, 280–311.
- Valuyev, A.A. 2000: *Otchet po raskopkam gruntovogo mogil'nika Alt-Velau (Gvardeyskiy r-n Kaliningradskoy obl.) Kaliningradskim otryadom Baltiyskoy arkeologicheskoy ekspeditsii v 2000 godu, № 237* [Report on the excavation of the Alt-Velau Necropolis (Gvardeysky District, Kaliningrad Region) by the Kaliningrad detachment of the Baltic Archaeological Mission in 2000]. Archive of IA RAN. No. 23737.
- Wulff, 1865: Bericht über die Afdeckung altpreußischer Begräbnisstätten bei dem zum Gute Bledau gehörigen Vorwerke im Samlande. *Altpreußische Monatschrift*. Bd. 2. Königsberg, 641–646.

FUNERAL RITE OF THE EARLY MEDIEVAL PRUSSIANS
(ACCORDING TO KL. KAUP NECROPOLIS DATA)

Vladimir I. Kulakov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
drkulakov@mail.ru

Abstract. An analysis of the finds found outside the burial complexes, in the layer above these complexes, allows us to draw the following conclusions about the funeral rituals of the Prussians of the Viking Age and the Pre-Order period: (1) a significant part of the finds at the studied burial ground provides evidence for funeral rites carried out by relatives or tribesmen of the deceased. It should be borne in mind that some of the finds outside the burials (primarily with traces of the impact of the funeral pyre) come from cremations destroyed by later complexes; (2) spearheads and heads of darts are the remnants of the designation of the burial place on the territory of the burial ground or the traces of memorial sacrifices (in memory of the warriors?). Household items, less often, jewelry, even less often, the participants of the memorial actions laid money on the filling surface of the burials of craftsmen and merchants that did not contain weapons; (3) places of memorial sacrifices (altars) of the inhabitants of the vicinity of Kl. Kaup was designed in the form of groups of oval and other shaped stones in the plan, which were erected over the burials. Items donated by the participants in the ceremonies are next to these stones. This indicates that the relatives of the deceased placed their victims at some distance from the group of stones.

Keywords: Early Middle Ages, Sambia, Prussians, necropolis of Kl. Kaup.

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ

О.В. Зеленцова, А.Н. Ворошилов, А.А. Строков

Институт археологии РАН, Москва, Россия
olgazelentsova2010@yandex.ru, voroshilov.aleksej@yandex.ru, anton-strokov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности реконструкции археологических памятников по архивным материалам Института археологии РАН. В архив ИА РАН научные отчеты начинают поступать после Великой Отечественной войны и именно с этого времени наиболее активно начинает развиваться советская археологическая наука. Актуальным этапом развития ГИС АПР стало включение данных о памятниках археологии, исследованных в первое послевоенное двадцатилетие. Результаты разведочных работ подтвердили обоснованность избранной методики реконструкции положения объектов археологического наследия по информации из наиболее ранних полевых отчетов архива ИА РАН. Положительный результат проверки реконструированного местоположения археологических памятников в полевых условиях при помощи современных технических средств дает основания использовать эту методику в дальнейшей работе по изучению археологического наследия России.

Ключевые слова: археологический памятник, геоинформационная система, археология России, картографирование.

Институтом археологии РАН была создана ГИС национального масштаба «Археологические памятники России» (АПР), которая включает данные об объектах археологического наследия в период 2008–2012 гг.¹. На начальном этапе разработки системы для внесения в нее намеренно были выбраны годы, когда в большинстве отчетов уже содержались точные координаты памятников археологии, полученные при помощи системы глобального позиционирования (GPS). Таким образом созданная ГИС АПР представляет собой основу, которая ориентирована на постоянное развитие: она может и должна наполняться новыми данными об археологическом наследии страны. В базу был внесен массив информации, который составляет 15% от памятников археологии, стоящих на государственном уч-

Данные об авторах: Зеленцова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН; Ворошилов Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИА РАН; Строков Антон Александрович – младший научный сотрудник ИА РАН.

Работа выполнена в рамках работы над проектом РФФИ № 18-09-40053 «Археологические исследования двух послевоенных десятилетий (1945–1964 гг.) на карте России».

¹ Макаров и др. 2016а; 2016б; Makarov et al. 2016.

те по данным государственных органов охраны памятников субъектов РФ. В то же время данный массив составляет почти 70% от объема памятников археологии, представленных в 29 выпусках издания ИА РАН «Археологической карте России» (АКР). В нем представлено 23 тыс. памятниках из 15 регионов. С одной стороны, зафиксированные в базе памятники археологии представляют собой достаточно представительную выборку из всей совокупности археологических памятников России, сведения о которых присутствуют в научно-справочной литературе или официальной документации, но с другой стороны эти данные явно не полные и не отражают реальной картины. Поэтому дальнейшее наполнение базы является одной из актуальнейших задач, позволяющих увеличить ее потенциал при решении общеисторических проблем и практических задач сохранения наследия.

Следующим шагом в направлении развития информационной системы национального масштаба стало обращение к материалам о полевых исследованиях наших предшественников – к научным отчетам советского времени. В архив ИА РАН научные отчеты начинают поступать после Великой Отечественной войны. Именно в это время наиболее активно начинает развиваться археологическая наука, постепенно нарабатывая методику и научные парадигмы, характерные для современной археологии. В связи с этим, следующим этапом наполнения ГИС АПР стало включение данных о памятниках археологии, исследованных в первое послевоенное двадцатилетие.

Данный хронологический промежуток отражает эпоху послевоенного восстановления народного хозяйства, масштабных перемен в области промышленной и сельскохозяйственной области, которые привели к существенному возрастанию антропогенного воздействия на объекты археологического наследия. Таким образом, в рассматриваемый период можно считать это воздействие минимальным по сравнению с последующим временем. Кроме того, существенные трудности в финансировании научной жизни в СССР в послевоенные годы ограничивали масштаб проведения археологических изысканий, который постепенно нарастал с конца 1950-х – начала 1960-х гг., когда вновь начинаются охранно-спасательные работы, связанные с крупными народно-хозяйственными проектами (например, строительство Куйбышевской ГЭС и связанные с этим масштабные археологические исследования).

Работа по внесению информации о памятниках, излучавшихся в послевоенное двадцатилетие, кардинально отличается по своей сложности от ранее выполнявшегося ввода информации последних лет полевого обследования, поскольку в этом случае отсутствуют данные о точном месторасположении памятников, зафиксированные с помощью приемников системы глобального спутникового позиционирования (GPS). Процесс восстановления географических координат объектов археологического наследия затруднен отсутствием ситуационных планов и подробных описаний местоположения памятников. Поэтому одной из основных задач исследования стала выработка методики географической локализации археологических объектов, исследовавшийся в 1945–1964 гг.

В качестве источников для работы, как и прежде служат отчеты, хранящиеся в научно-отраслевом архиве ИА РАН. Согласно трем томам каталога, которые включают исследования 1945–1964 г., за этот период в архиве хранится 2473 отчета. Статистика отчетов показывает динамику постепенного расширения архео-

логических работ в первые послевоенные годы. Так в 1945 году было сдано всего 7 отчетов о работах 1944 года, затем в 1946 году наблюдается пятикратный рост поступивших отчетов – в первое послевоенное лето в стране работало уже 30 экспедиций. Далее от года к году фиксируется постепенное увеличение количества археологических работ в стране: ежегодно археологами-полевиками сдается на 10–20 отчетов больше. В 1952 году общее количество отчетов впервые превышает сотню. Резкое падение показателей поступивших в архив отчетов фиксируется в 1953 г., когда их было сдано всего 67, что более чем на 40% меньше, чем в предыдущий год. Вероятно, эта цифра отражает политическую нестабильность 1953 года, когда часть исследователей не сдали отчеты за 1952 год и они поступили на хранение только в 1954 году (35 отчетов) и даже в 1955 году (13 отчетов). Тем самым 50-е годы демонстрируют достаточно стабильную ситуацию постепенного повышения количества археологических работ в стране и в 1962 году уже создается более 200 отчетов.

Исследования в первое послевоенное десятилетие были сосредоточены преимущественно в европейской части России и зачастую, особенно в первые пять лет, это только раскопки. Затем постепенно наращивается объем разведочных работ, которые проводятся параллельно с раскопками (например работы А.Я. Брюсова, О.Н. Бадера, А.В. Збруевой, И.К. Цветковой, А.П. Смирнова, П.Д. Степанова и мн. др.). Хотя на карте послевоенного десятилетия мало точек в азиатской части нашей страны, но уже с 1946 года начинают вновь работать экспедиции за Уралом: на территории Сибири ведет исследования А.П. Окладников, в Новосибирской области и Алтайском крае – М.П. Грязнов, в Тюменском крае и на территории современной ХМО – В.Н. Чернецов.

Еще одна выявленная тенденция послевоенного двадцатилетия – археологические работы проводятся в рамках больших экспедиций, когда на начальника работ берется один открытый лист на раскопки и разведки. По этому листу работает несколько отрядов, но в архив ложится один отчет. Как правило это новостроечные экспедиции, которые работали в зонах крупных социалистических строек: Сталинградская экспедиция во главе с Е.И. Крупновым, затем К.Ф. Смирновым обследовала зону затопления к северу от современного Волгограда на территории строительства Сталинградской ГЭС; Куйбышевская экспедиция (рук. А.П. Смирнов) в течении 5 лет работает в Среднем Поволжье на территории затопляемой при строительстве Куйбышевской ГЭС; Волго-Донская археологическая экспедиция (рук. М.И. Артамонов) работает в зоне строительства Волго-Донского речного канала; Красноярская экспедиция (рук. М.П. Грязнов) на территории Красноярской области и др. В рамках крупных экспедиций работало множество отрядов, которые в короткие сроки обследовали территории, уходящие под затопление и строительство, и раскапывали наиболее значимые для науки тех лет памятники археологии. Результаты работ таких экспедиций колоссальны, они стали значительными страницами в изучении огромных регионов нашей страны. Так, например Куйбышевская экспедиция в течении двух лет на берегах Волги открыла около 200 новых памятников археологии и стала настоящей кузницей кадров в Поволжье.

Таким образом несмотря на то, что число отчетов, относящееся к первому послевоенному десятилетию не велико, а по современным меркам ничтожно мало,

так как близкое количество отчетов поступает в архив ИА РАН ежегодно, по наполненности информацией и сложности ее обработки и внесения в информационную систему они в разы превосходят современные отчеты.

Главная сложность ввода информации о памятниках археологии, исследованных в послевоенное двадцатилетие, заключается не только в отсутствии точных координат размещения памятников, но, зачастую в отсутствии карт и ситуационных планов. Поэтому важной задачей стала разработка методики реконструкции мест расположения памятников для их последующего корректного внесения в информационную систему. Эта нетривиальная задача потребовала разработки определенного алгоритма действий для археолога-оператора системы, занимающегося поиском информации об археологических памятниках, ее проверкой и внесением в базу данных. Сложность локализации конкретного объекта из наиболее ранних отчетов архива Института археологии РАН на современной археологической карте страны объясняется разной степенью полноты и достоверности информации о местоположении памятников, нередко низкой современной актуальностью ориентировок из старых отчетов, когда привычные для того времени ориентиры (например, от края деревни) изменились и уже не актуальны. В данной ситуации единственным возможным способом локализации объекта археологического наследия является анализ всех возможных источников. В нашем случае это текст отчета о полевых исследованиях и графические материалы (карты, ситуационные планы, схемы), фотоматериалы, публикации (особенно МИА и другие работы тех лет), а также доступные на открытых Интернет-порталах карты в том числе максимально приближенных к тем годам (как например карта Волги до сооружения Куйбышевской ГЭС или карты Менде и другие топографические карты).

Для приведения всего массива информации из отчетов в форму для заполнения информационных полей ГИС необходима кропотливая аналитическая работа. На этом этапе большое значение имеет не только полнота данных в отчете, но и квалификация археолога, занимающегося реконструкцией географического положения археологического памятника. Важно знание оператором системы закономерностей расположения различных типов археологических памятников на местности и их зависимости от хронологической позиции и разновидности самого памятника. При реконструкции необходимо учитывать изменившуюся за 60–80 лет природную среду (динамика гидрологической ситуации, изменение рельефа, растительного покрова и т.д.), а также антропогенные воздействия на нее (изменения ландшафтов, например, в результате создания водохранилищ и дамб; исчезновение или изменение границ населенных пунктов, на которые ориентировался археолог при характеристике местоположения объекта в отчете, появление нового населенного пункта, изменение деления страны на регионы и др.). Большую эффективность в данной деятельности показало обращение к веб-картографии. Так, обнадеживающие результаты были получены при аналитической работе по со-поставлению архивной информации с современными геоинформационными ресурсами, находящимися в открытом доступе (Яндекс.Карты, Карты Google, SAS. Планета). В большинстве случаев при использовании различных подснов (в том числе исторических картографических материалов, результатов аэрофотосъемки, космоснимков) археологам удается достаточно точно реконструировать местоположение «архивных» объектов. Однако стоит оговориться, что степень точности

подобной реконструкции различна и во многом определяется прежде всего качеством полевого отчета и сохранностью исторического ландшафта.

Для верификации методики локализации археологических памятников их архивных материалов на современной Археологической карте было выполнено сравнение результатов «кабинетной» реконструкции месторасположения памятника с результатами современных полевых изысканий. Проверке подверглись памятники с реконструированными координатами территории Центрального и Поволжского регионов. В ходе археологических разведок было проверено местоположение селища Брейтovo и курганных могильников Сумские, Берелево, Покровское в Ярославской области, селища Бородино и курганного могильника Сенинские Дворики во Владимирской области, стоянок Малоокуловская 10, Новое Щербинино 14 и грунтовых могильников Кужендеевского и Корниловский в Нижегородской области. В результате сопоставления точных координат, взятых на памятниках в ходе полевых археологических работ 2019 г., и координат, реконструированных по архивным данным, была установлена разная степень точности реконструкции координат. Так Корниловский и Кужендеевский могильники, курганный могильник Покровские, селища Брейтово и Бородино удалось локализовать на местности очень точно, или с небольшой погрешностью в 100–150 м. В локализации других памятников – курганные могильники Суминские, Сенинские дворики, стоянки Малое Окулово 10 и Новое Щербинино 14 прослежена ошибка в пределах 1-1,5 км. Погрешность, связанную с местоположением стоянок в Нижегородской области, можно объяснить запутанной историей их наименований, когда в районе с. Малое Окулово и Новое Щербинино расположено до полутора десятков стоянок, а их названия в отчетах и публикациях зачастую не соотносятся друг с другом. Ошибка локализации курганных могильников вызвана тем, что ориентировка в старых отчетах давалась от окраины деревни, которые к настоящему времени значительно изменились и тем самым создали ощущимую погрешность при реконструкции. Следует отметить, что в перспективе желательно проверить координаты всех памятников археологии современными методами, однако в целом реконструкция месторасположения на основе словесного описания и сопоставления картографического материала достаточно точная и в масштабе археологической карты страны получаемая погрешность не критична и актуализируется исключительно на микроуровне. В целом, результаты современных разведочных работ подтвердили обоснованность избранной методики реконструкции положения объектов археологического наследия по информации из наиболее ранних полевых отчетов архива ИА РАН.

Позитивные результаты проверки реконструированного местоположения археологических памятников в полевых условиях при помощи современных технических средств дает основания использовать эту методику в дальнейшей работе по изучению археологического наследия советских лет. Необходимо отметить, что расширение базы данных о памятниках археологии информацией о полевых работах послевоенного десятилетия позволяет не только пополнить археологическую карту современной России, но и проследить динамику восстановления археологических исследований в столь непростую для нашего государства эпоху, а также более наглядно представить масштабы дальнейшего развития археологии в стране.

ЛИТЕРАТУРА

- Макаров, Н.А., Зеленцова, О.В., Коробов, Д.С., Черников, А.П., Ворошилов, А.Н. 2016а: Россия как археологическое пространство: первые итоги работы по созданию национальной географо-информационной системы «Археологические памятники России». *PA* 4, 5–15.
- Макаров, Н.А., Зеленцова, О.В., Коробов, Д.С., Черников, А.П., Ворошилов, А.Н. 2016б: Археологические памятники России: опыт создания и аналитического использования ГИС. В кн.: Н.А. Макаров (ред.), *Россия как археологическое пространство*. М., 9–39.
- Makarov, N.A., Zelentsova, O.V., Korobov, D.S., Voroshilov, A.N. 2016: Realms of antiquity – archaeological sites in the GIS “Archaeological monuments of Russia”. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 46/4, 555–569.

REFERENCES

- Makarov, N.A., Zelentsova, O.V., Korobov, D.S., Chernikov, A.P., Voroshilov, A.N. 2016a: Rossiya kak arkheologicheskoye prostranstvo: pervye itogi raboty po sozdaniyu natsionalnoy geografo-informatsionnoy sistemy “Arkheologicheskie pamyatniki Rossii” [Russia as archaeological space: first results of the development of the geographic information system “Archaeological sites of Russia”]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]* 4, 5–15.
- Makarov, N.A., Zelentsova, O.V., Korobov, D.S., Chernikov, A.P., Voroshilov, A.N. 2016b: Arkheologicheskie pamyatniki Rossii: opyt sozdaniya i analiticheskogo ispol'zovaniya GIS [Archaeological sites of Russia: experience of development and analytical use of geographic information system]. In: N.A. Makarov (ed.), *Rossiya kak arkheologicheskoye prostranstvo [Russia as archaeological space]*. Moscow, 9–39.
- Makarov, N.A., Zelentsova, O.V., Korobov, D.S., Voroshilov, A.N. 2016: Realms of antiquity – archaeological sites in the GIS “Archaeological monuments of Russia”. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 46/4, 555–569.

ON THE ISSUE OF RECONSTRUCTION OF THE RUSSIAN
ARCHAEOLOGICAL SITES' LOCATION

Olga V. Zelentsova, Aleksey N. Voroshilov, Anton A. Strokov

Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
olgazelentsova2010@yandex.ru, voroshilov.aleksej@yandex.ru, anton-strokov@yandex.ru

Abstract. The article deals with the reconstruction methodology of the archaeological sites' location using the archive materials from the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Reports have been submitted to the IA RAS archive since the end of the Second World War, and it was the time when the Soviet archaeology started to develop very actively. At the current stage, data on archaeological sites studied during the first twenty years after the War was included into GIS (Geographic Information System) of Russian archaeological sites. Results of exploration works confirmed the feasibility of methodology used to reconstruct the location of archaeological heritage sites based on information from the earliest field reports from the IA RAS archive. The positive results of checking the reconstructed location of archaeological sites in field conditions with using advanced equipment provide the basis for using this methodology in the subsequent research of Russian archaeological heritage.

Keywords: archaeological site, Geographic Information System, Russian archaeology, mapping.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2021), 215–236
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2021), 215–236
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-215–236

«НОВЫЕ» И «СТАРЫЕ» ДЕКРЕТЫ МАКЕДОНСКИХ ПОЛИСОВ ПО ПОВОДУ АСИЛИИ СВЯТИЛИЩА АСКЛЕПИЯ НА КОСЕ

Ю.Н. Кузьмин

*Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара,
Россия*
yurimac@yandex.ru; yuri.kuzmin.1978@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются политические учреждения и гражданские коллективы городов Македонского государства в эпоху эллинизма в свете декретов о признании священности Асклепийона на о. Кос в июле и августе 243 г. до н.э. – как известных ранее (Пелла, Кассандрия, Амфиполь, Филиппы), так и опубликованных недавно Д. Боснакисом и К. Халлофом. Среди новых документов декреты Эг и Берои, а также, возможно, Фессалоники и еще одного города (представлены аргументы, что им мог быть Дий, а не Эдесса или какой-то другой македонский полис, как считают издатели надписей). Также рассмотрены: характер взаимоотношений македонских городов и царей из династии Антигонидов; внешнеполитический фон кампаний по признанию асилии святилища Асклепия на Коце, которая пришла на время Третьей Сирийской войны (246–241 гг. до н.э.) и потери Македонией контроля над Коринфом (лето 243 г. до н.э.); вопрос о симмахии македонян и косцев, упоминаемой в трех новых постановлениях. Города Македонского государства, чьи декреты сохранились в «архиве» косского Асклепийона, имели разное происхождение и политические традиции. Постановления по поводу асилии позволяют провести сравнение их политических и гражданских учреждений. В рассматриваемых декретах македонские города обозначаются как полисы. В них функционировали народные собрания, советы, а также различные магистраты (эпистаты, архонты, жрецы-эпонимы, стратеги, номофиляки, казначеи). То, что в декретах Эг, Берои и Пеллы не засвидетельствовано решение Антигона Гоната признать асилию (упомянутое в постановлениях Кассандрии, Амфиполя и Филипп, которые теоры посетили позднее), может служить дополнительным аргументом в пользу мнения о том, что, по крайней мере, в 243 г. до н.э. македонские города могли признавать асилию самостоятельно, т.к. это не являлось подлинной внешней политикой. Возможно, что теоры встретились с Гонатом уже после посещения ими Пеллы, и согласие царя признать асилию было упомянуто только в постановлениях городов, в которых они побывали позднее. Также рассмотрены декреты

Данные об авторе: Кузьмин Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала МГПУ.

Автор выражает благодарность О.Л. Габелко, А.Л. Зелинскому, Д.А. Кузьминой, К. Милете, В.П. Никонорову, С.К. Сизову, И.Е. Сурикову, К. Франк, М. Хадзопулосу, К. Халлофу и В. Хекелю за содействие в работе над статьей. Конечно же, они не несут ответственности за представленные выводы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00099 («Институт гражданства в федеративных и имперских государствах античности в постклассическое время: правовые основы, практики, дискурсы»).

по поводу косской асилии ряда фессалийских городов, бывших частью державы Антигонидов (Гонны, Гомолий, Фтиотидские Фивы), в которых тоже не упоминается решение царя. То, что в связи с асилией Асклепийона на Коце сохранились декреты минимум восьми македонских городов, свидетельствует, что в эпоху эллинизма они воспринимались как полисы, бывшие частью эллинского мира в политическом, религиозном и культурном отношениях.

Ключевые слова: Македония, Кос, Асклепийон, эпоха эллинизма, асилия, полисы, гражданские коллективы, теоры, Антигон Гонат, Третья Сирийская война.

В 243 г. до н.э. жители Кося объявили об учреждении панэллинского праздника в честь Асклепия и обратились ко многим греческим государствам и эллинистическим правителям с приглашением принять в нем участие, а также признать священную неприкосновенность (*асилию*) расположенного на острове святилища этого бога. На настоящий момент благодаря находкам надписей (все они происходят с самого Кося) известны несколько десятков ответов на обращения косских священных послов (*теоров*). Наиболее полная подборка этих документов представлена в вышедшем в 2010 г. косском разделе корпуса *«Inscriptiones Graecae»* (IG XII 4 1 207–245)¹.

В 2020 г. Д. Боснакис и К. Халлоф опубликовали новые документы по поводу асилии святилища Асклепия на Коце². Это начертанные на двух сторонах одной стелы декреты четырех македонских городов, среди которых Эги и Бероя (сторона А), декрет Темна в Эолиде, а также письма «царицы Лаодики» и «царя вифинян Зигэла» (Зиэла) (сторона В)³.

Хронология деятельности нескольких групп косских теоров, которые в 243 г. до н.э., примерно за год до празднования первых панэллинских Асклепий, объехали многие государства в бассейне Средиземного моря – от Малой Азии до Сицилии и Италии – с приглашениями на праздник и просьбами о признании асилии, основывается на датировках трех документов. Время пребывания косских посланников в Македонии известно благодаря тому, что декреты Берои и Амфиполя датированы сорок первым годом царствования Антигона II Гоната (284/3–239 гг. до н.э.) и разными днями (2 и 19) месяца горпиэя (т.е. временем примерно с конца

¹ Подборка, актуальная на середину 1990-х гг., имеется в монографии К. Ригсби об асилии (Rigsby 1996, 106–153). Первая общая публикация так называемых «Asylieurkunden aus Kos», известных к началу 1950-х гг.: Herzog, Klaffenbach 1952.

² Bosnakis, Hallof 2020, 287–326.

³ «Царица Лаодика», чье письмо было скреплено печатью с изображением якоря (об этом упоминается в «заголовке» перед текстом ее послания косцам), очевидно, была вдовой селевкидского царя Антиоха II (261–246 гг. до н.э.) (ср. Bosnakis, Hallof 2020, 321–323). Нет необходимости искать какую-то другую кандидатуру (например, видеть в ней носивших это же имя и бывших ее родственницами жену Селевка II или супругу Митридата II Понтийского; о них см.: Grainger 1997, 48 [Laodike 2, 4]). Мнение А. Чошкуна о том, что Лаодика, вдова Антиоха II, погибла в самом начале Третьей Сирийской войны в 246 г. до н.э. (Coşkun 2018, 213–214, 231), не имеет серьезных оснований (ср. Bosnakis, Hallof 2020, 323). Что касается «Зигэла», то это один из вариантов написания имени вифинского правителя Зиэла (о нем см. подробнее: Gabelko 2005, 198–226; Paganoni 2019, 76–95). Его более раннее письмо по поводу асилии Асклепийона на Коце (в котором он назван Зиэлом), известно с начала XX в. (IG XII 4 1 209).

июля до середины августа)⁴. Этим же месяцем датирован и декрет Пеллы⁵. А в опубликованном недавно письме «царя вифинян Зигэла» имеется датировка «39-м годом»⁶ – очевидно, она сделана по эре, использовавшейся в Никее и некоторых других городах Вифинского царства, которая отсчитывалась с 282/1 г. до н.э.⁷. Это позволило уточнить датировку миссий косских теоров – перенести их с 242 г. до н.э., как обычно считалось прежде⁸, на 243 г. до н.э. (как это ранее обосновывал в связи с исчислением царствования Антигона Гоната М. Хадзопулос⁹).

Македонию во второй половине лета 243 г. до н.э. посетили архитеор Аристох, сын Змендрона, и теор Макарей, сын Апата¹⁰. В свете датировок декретов Берои вторым днем горпиэя и Амфиполя девятнадцатым днем этого же месяца очевидно, что теоры начали свой путь по Македонии не с востока, направившись потом в Фессалию, как это иногда допускается¹¹, а с юга, с Пиерии¹². В постановлении Кассандрии говорится, что Асклепийи должны состояться через девять месяцев после посещения этого македонского полиса косскими теорами (IG XII 4 1 220I, стк. 17: … ἡ θυσία εἰς ἐνάτην σελήνην).

В настоящей статье в первую очередь рассматривается вопрос о городах Македонского государства – их политических учреждениях и гражданских коллективах – в свете декретов об асилии косского Асклепийона, как известных ранее, так и опубликованных недавно Д. Боснакисом и К. Халлофом. Также затронуты и другие проблемы и сюжеты – о характере взаимоотношений македонских полисов с Антигонидами и внешнеполитическом фоне кампаний по асилии косского святилища Аскелепия, хотя они требуют более пристального рассмотрения.

Прежде были известны декреты четырех македонских городов по поводу косской асилии – Пеллы, Кассандрии, Амфиполя и Филипп¹³. Они упоминались или анализировались с разной степенью глубины в большом числе работ, посвящен-

⁴ Dittenberger, Bischoff 1912, 1664.

⁵ Бероя (Bosnakis, Hallof 2020, 291 [сткк. 26–27]): βασιλεύοντος Ἀντιγόνου ἔτους ἑνὸς καὶ τεσσαροκοστοῦ, ἵερέως δὲ Νικάνορος τοῦ Ἀλεξάνδρου, μηνὸς Γορπιάου δευτέραι; Амфиполь (IG XII 4 1 220II, сткк. 19–20): βασιλεύοντος Ἀντιγόνου ἔτους ἑνὸς καὶ τεσσαροκοστοῦ, ἐπιστάτου Ξενίου τοῦ Ὑργέως, ἐφ' ἵερέως Λυσιμάχου· ψηφίσματα Γορπιάου ἐνάτη ἐπὶ δέκα; Пелла (IG XII 4 1 221AI, стк. 2): ἐφ' ἵερέως Ἀσκληπιοδώρου, Γορπιάου.

⁶ Bosnakis, Hallof 2020, 293 (сткк. 74–75): ἐνάτου καὶ τριακοστοῦ, Βριεττίου ἐβδόμη ἐφ' ίκαδι.

⁷ Bosnakis, Hallof 2020, 318–320.

⁸ Данная датировка основана на мнении, что начало царствования Антигона Гоната отсчитывалось с 283/2 г. до н.э. (например: Chambers 1954, 385–394; Hammond, Walbank 1988, 581–583; Rigsby 1996, 106–108; Xydopoulos 1997, 53, σημ. 2; Buraselis 2004, 15; Knäpper 2018, 88). Гонат принял царский титул, видимо, после смерти своего отца Деметрия I Полиоркета, за несколько лет до воцарения в Македонии. На тот момент Антигон контролировал лишь некоторые осколки державы Деметрия (Пирей, Коринф, Деметриада). Македонию Антигон Гонат захватил ок. 276 г. до н.э., окончательно утвердившись в ней после разгрома и гибели Пирра в 272 г. до н.э.

⁹ Gounaropoulou, Hatzopoulos 1998, 93–94.

¹⁰ О теорах и их семьях см.: Paschidis 2008, 368–370, 373–376. Теор Макарей мог быть однозначно именем ему косским историком (BNJ 456; см.: Nelson 2005, 209–236; Nelson 2013, 249).

¹¹ Paschidis 2008, 369.

¹² Ср. Knäpper 2018, 89–90.

¹³ IG XII 4 1 220I–III–221AI; ср. Herzog, Klaffenbach 1952, 15–19 (№ 6–7); Rigsby 1996, 134–140 (№ 23, 25–27); Hatzopoulos 1996 II, 54 (№ 36), 60 (№ 41), 64–65 (№ 47), 74–75 (№ 58). Далее при ссылке на данные документы указывается только их издание в IG.

ных различным аспектам истории Македонии в правление династии Антигонидов, эллинистического мира в целом и института асилии¹⁴.

На стеле с постановлением Пеллы был помещен декрет еще одного города, возможно, македонского (IG XII 4 1 221AII). От названия его гражданской общины сохранились только три последние буквы – «[с. 4–5]ίων» (текст самого постановления утрачен, т.к. нижняя часть стелы отколота). Высказывались мнения, что это был декрет граждан Пидны¹⁵ или Берои¹⁶. После публикации Д. Боснакисом и К. Халлофом настоящего постановления беройцев, второй вариант должен быть оставлен, но идентификация этого города, как Пидны остается лишь предположительной.

Теперь к ответам македонских полисов по поводу асилии косского Асклепийона добавились декреты Эг и Берои (их тексты практически не пострадали)¹⁷, а также части постановлений еще двух городов, названия которых неизвестны из-за повреждений стелы. Декреты были начертаны в следующем порядке: I – неизвестный город; II – Эги; III – Бероя; IV – неизвестный город.

Декрет (I), который находился на стеле перед постановлением Эг, можно попытаться связать с Дием – главным религиозным центром древней Македонии, а не с Эдессой или каким-то другим городом, как это делают Д. Боснакис и К. Халлоф¹⁸. Основанием для версии о Дие служит то, что косские теоры, покинув Фессалию через Темпейское ущелье (они посетили расположенный на выходе из него Гомолий – IG XII 4 1 216II), двигались по Македонии до Эг и Берои с юга на север; затем они повернули на восток. Представляется маловероятным, что до Эг и Берои теоры не посетили Дией. Помимо важности этого города, как главного святилища македонян¹⁹, известно, что Дией имел связи с авторитетнейшими панэлинскими храмовыми центрами. Так, Дией фигурирует в обширном дельфийском списке *теородоков*, датируемым временем ок. 215 г. до н.э.²⁰. Ок. 180 г. до н.э. Филипп V (221–179 гг. до н.э.) отправил гражданам Дией письмо по поводу своего согласия признать асилию Кизика (SEG XLVIII 785).

С другой стороны, можно согласиться с Д. Боснакисом и К. Халлофом в том, что декрет (IV), который находился на стеле после постановлений Эг и Берои, скорее всего, был решением фессалоникийцев. Наименование гражданской общины оканчивается на -έων и приблизительное число букв (12–14) допускает восстановление «[Θεσβαλονικ]έων»²¹.

Необходимо отметить, что среди декретов о признании асилии косского Асклепийона имеются постановления и нескольких фессалийских городов (IG XII 4 1 216–218), бывших частью державы Антигона Гоната (которая, помимо собственно Македонии, включала Фессалию и некоторые другие территории; ряд госу-

¹⁴ Например: Tarn 1913, 184, n. 54; Bengtson 1955, 456–463; Giovannini 1977, 465–472; Errington 1990, 229–238; Hatzopoulos 1996 I, *passim*; Rigsby 1996, 134–140; Xydopoulos 1997, 53–61; Raynor 2016, 225–262; Daubner 2018, 131–157; Knäpper 2018, *passim*.

¹⁵ Rigsby 1996, 135.

¹⁶ Paschidis 2008, 369, n. 1.

¹⁷ Тексты и переводы декретов Эг и Берои см. в Приложении.

¹⁸ Bosnakis, Hallof 2020, 306.

¹⁹ Hatzopoulos 2013, 163–172.

²⁰ Plassart 1921, 17 (столб. III, стк. 54).

²¹ Bosnakis, Hallof 2020, 304.

дарств в центральной Греции и Эгейде находились в сфере влияния Антиона)²². Фессалийские декреты имеют разную степень сохранности (лучше всего она у документов из Гонн, Фтиотидских Фив и Гомолия – IG XII 4 1 216A–B), но ни в одном из них не упоминается Антигон Гонат, нет указаний на македонское владычество и решение монарха о признании асилии. Декреты фессалийских городов по поводу косской асилии обычно рассматриваются отдельно от постановлений македонских полисов²³, хотя их сравнительный анализ позволяет делать важные наблюдения и выводы (см. далее).

В недавно опубликованных декретах Эг и Берои зафиксированы: «этнос македонян», полисные органы власти и магistrаты, разные системы датировок документов, терминология, связанная с отношениями родства и гостеприимства на межгосударственном уровне; также в них присутствует загадочное упоминание о *симмахии* македонян и косцев.

Данные надписи сохранили имена нескольких граждан Эг и Берои. Декрет Эг датирован именем жреца Антиона, а теородоком в этом городе стал Галеста, сын Аминты. В Берое жрецом-эпонимом в 243 г. до н.э. был Никанор, сын Александра. Упомянутые жители Эг не фигурируют в других источниках; также не представляется возможным проследить их родственные связи²⁴. Однако жрец Никанор, сын Александра из Берои, возможно, упоминается двадцать лет спустя (в августе 223 г. до н.э.) в списке *гегемонов* (офицеров) из этого города (ЕКМ I 4, стк. 13: Νικάνωρ Ἀλεξάνδρου)²⁵, которым царь Антигон III (229–221 гг. до н.э.) пообещал освобождение от полисных *литургий* по завершении войны против Спарты (Клеменова война 229–222 гг. до н.э.).

В настоящее время прежняя «догма» о том, что даже в эпоху эллинизма македонские города не имели подлинного самоуправления и контролировались представителями царей²⁶, должна восприниматься только как историографический реликт. В правление династии Антигонидов (270-е – 168 гг. до н.э.) македонские города обладали автономией во внутренних делах, интервенции в которые со стороны царей засвидетельствованы, но они не были постоянным явлением²⁷. В эпиграфических и литературных источниках (в том числе и в рассматриваемых декретах по поводу косской асилии) многие города Македонии обозначаются как πόλεις, а их жители – πόλιται. В македонских полисах функционировали народные собрания, советы, коллегии магистратов. Города имели собственное гражданство, даровали гражданские права и *проксению*, а также признавали асилию и назнача-

²² Ср. Buraselis 2004, 16.

²³ Например: Graninger 2011, 140–142.

²⁴ Имена Аминта и Антиона были широко распространены в Македонии; с другой стороны, Галеста – имя очень редкое (LGPN IV s.v. Ἀμύντας[-ης], Ἀντίονος, Γαλέστας[-ης]). В Эгах имя Галеста фиксируется еще однажды на амфоре, которую датируют концом II – началом I в. до н.э. (SEG XL 655; ср. Bosnakis, Hallot 2020, 298).

²⁵ Ср. Bosnakis, Hallot 2020, 300.

²⁶ Например: Bengtson 1954, 462–463; Errington 1990, 230.

²⁷ Так, в 248 г. до н.э. наследник Антиона Гоната, будущий Деметрий II (239–229 гг. до н.э.) решил в пользу храма Геракла Кинегида его финансовый спор с властями г. Бероя (ЕКМ I 3). См. также: Mari 2018b, 138–139.

ли гостеприимцев (теородоков) для теоров общеэллинских святыни²⁸. Происхождение городов, их политические традиции и исторический опыт, несомненно, влияли на специфику органов власти (особенно на наименования магistrатов), но в их положении было много общего в плане функционирования локальных политических институтов и характера отношений гражданских общин с царями.

Говоря о косской асилии 243 г. до н.э., следует отметить, что в связи с ней сохранились декреты минимум восьми македонских городов. Столь большое число явно не случайно. Очевидно, что в эпоху эллинизма македонские города воспринимались именно как полисы, бывшие частью эллинского мира в политическом, религиозном и культурном отношениях²⁹, хотя, конечно же, признание асилии не свидетельствует о том, что они могли проводить самостоятельную внешнюю политику.

Также важно, что македонские города, чьи декреты сохранились в «архиве» косского Асклепийона, имели разное происхождение и политические традиции. Декреты по поводу асилии, принятые практически одновременно – в течении примерно месяца в июле-августе 243 г. до н.э., – позволяют провести сравнение политических и гражданских учреждений этих городов³⁰.

Среди полисов, признавших косскую асилию (см. карту), были старые нижнемакедонские города – такие, как Эги и Бероя (а также Дий, если верно его отождествление с городом, издавшим первый декрет на недавно опубликованной стеле). Эги, первая резиденция македонских царей из династии Аргеадов-Теменидов, сохраняли «столичный» статус и после переноса главной царской резиденции в Пеллу в конце V – или начале IV в. до н.э. Такое положение было характерно и для времени Антигонидов, при которых царские дворцы функционировали в Пелле, Эгах, а также в фессалийской Деметриаде. Бероя, возможно, малая родина Антигонидов, в эпоху эллинизма являлась одним из важнейших городов Македонского царства³¹. Пелла, как уже отмечалось, была главной резиденцией македонских царей. Кассандрия и Фессалоника (если Д. Боснакис и К. Халлоф правы по поводу четвертого декрета) являлись новыми полисами, основанными в эпоху диадохов. Ктистом обоих городов выступал Кассандр (316–297 гг. до н.э.). И, наконец, Амфиполь и Филиппы (изначально Крениды) до их завоевания Филиппом II были греческими полисами.

Есть мнение, что Филиппы находились за пределами «национальной» македонской территории, которая на восточном направлении, возможно, была ограничена р. Струмой, и имели союзный статус в отношениях с македонскими монархами³². В декрете Филипп упоминается, что следующей целью теоров был расположенный на побережье Неаполис (IG XII 4 1 220III, сткк. 52–54). Однако неизвестно, планировали ли косцы обратиться к его гражданам с просьбой признать асилию, или лишь хотели сесть там на корабль, чтобы покинуть царство Антигона Гоната.

²⁸ См. подробнее, например: Hatzopoulos 2020, 88–103.

²⁹ Ср. Giovannini 1977, 467; Hatzopoulos 1996 I, 365; Daubner 2018, 136, 146–149.

³⁰ Ср. Mari 2018a, 179–180.

³¹ См. подробнее: Edson 1934, 213–246; Tataki 1988, 420; Kuzmin 2013, 28–31.

³² См. подробнее: Hatzopoulos 1996 I, 184–189; Hatzopoulos 2016, 106–112; Mari 2018a, 184–186; Panagopoulou 2019, 368.

Македония эллинистического времени / Hellenistic Macedonia

Среди македонских полисов, признавших неприкосновенность святилища Асклепия на Косе, явно не случайно отсутствуют сравнительно немногочисленные города Верхней Македонии, которые это время, очевидно, не имели полисного статуса³³.

Декреты по поводу косской асилии фиксируют наименования органов власти и магistratov, как совпадающие, так и отличающиеся в разных македонских городах, а также различные системы датировок локальных документов. Постановления только двух городов (Берои и Амфиполя) датированы царскими годами. Также в них добавлены и местные датировки – в Берое именем жреца-эпонима и месяцем с указанием дня; в Амфиполе именами *эпистата*³⁴, жреца и месяцем с указанием дня. В Эгах и Пелле решения датированы именами жрецов³⁵. В Пелле также указан и месяц (горпиэй). Декреты Кассандрии и Филипп не имеют да-

³³ Hatzopoulos 1996 I, 77–104.

³⁴ По поводу эпистатов, которые в Македонии эллинистического времени, скорее всего, были ежегодными полисными магистратами, отвечающими за взаимодействие с царским двором, см.: Hatzopoulos 1996 I, 372–429. Данная точка зрения, тем не менее, не стала общепризнанной. Согласно традиционной концепции, эпистаты в городах, подчинявшихся эллинистическим монархам, были исключительно царскими представителями (например: Papazoglou 2000, 172–176).

³⁵ По мнению М. Хадзопулоса, жрецы-эпонимы во всех или же в большинстве городов Македонии в эпоху эллинизма были жрецами Асклепия (Hatzopoulos 1996 I, 154, n. 2, 6; Hatzopoulos 2020, 101–102). В ряде случаев в надписях как эпонимные магистраты прямо засвидетельствованы «жрецы Асклепия», но где-то присутствует имя жреца без указания божества, что все же оставляет вопрос о его культе (ср. Mari 2018a, 184).

тировок. Следует отметить отсутствие датировок годами царствования Антигона Гоната в царских резиденциях – Пелле и Эгах.

В рассматриваемых декретах засвидетельствованы следующие магистраты: эпистат (Амфиполь)³⁶; *архонты* (Амфиполь, Филиппы, Фессалоника?); *стратеги и номофилаки* (Кассандрия); казначеи (Пелла, Кассандрия, Филиппы); жрецы-эпонимы (Бероя, Пелла, Амфиполь).

В постановлении Филипп упоминается стратег, который должен был организовать эскорт из наемников для косских теоров на их пути к Неаполису (IG XII 4 1 220III, сткк. 52–54). В данном случае, очевидно, подразумевается именно военный чин, в отличие от стратегов в Кассандрии, которые вместе с номофилаками, являлись магистратами, обладавшими законодательной инициативой, как это следует из эпиграфических источников³⁷.

После приема косских теоров граждане Эг, Берои, Пеллы, Амфиоля и Филипп избрали из своего числа официальных гостеприимцев-теородоков. В постановлении Кассандрии об этом не упоминается. В декретах «неизвестного города» (Дия?), Эг, Берои и Пеллы имеются отсылки к уже имеющемуся опыту принятия чужеземных теоров (в том числе и с упоминанием конкретных празднеств – Немейских и Пифийских) и практике их финансового обеспечения за счет полисов.

В декрете Филипп засвидетельствовано наличие в городе *пританея*, в который были приглашены косские теоры (IG XII 4 1 220III, сткк. 50–51). В Кассандрии Аристох и Макарей побывали в культовом сооружении (*ἀρχηγέτειον*), очевидно, связанном с основателем города Кассандром (IG XII 4 1 220I, стк. 15: … καλέσαι δὲ αὐτοὺς καὶ εἰς τὸ ἀρχηγέτειον).

Декреты по поводу неприкосновенности косского Асклепийона были приняты полисами и их гражданами³⁸. В постановлениях Эг и Пеллы говорится о решении полиса. В декрете Берои засвидетельствован созыв *эклесии* и решение граждан (*политов*) по поводу асилии³⁹. В Амфиополе теоры также посетили экклесию, а решение было вынесено от имени полиса. В декрете Филипп говорится о решении экклесии и постановлении от имени полиса.

Лишь в Кассандрии постановление было принято советом (*булэ*), но в документе упоминается и «наш полис»⁴⁰. Принятие декретов советом, очевидно, было

³⁶ Именем эпистата, наряду со жрецом Асклепия, датирован и декрет из фессалийского Гомолия (IG XII 4 1 216II). Остается под вопросом, был ли эпистат в Гомолии, выступавший эпонимом, полисным магистратом (как это, видимо, имело место в македонских городах), или же, согласно обычной точке зрения по поводу эпистатов в эллинистических государствах, их функций и статуса, он являлся царским представителем (Helly 2004, 88). Известны случаи, когда эпистатами назывались люди, представлявшие Антигонидов вне пределов Македонии (Polyb. XX.5.12 – Спарта; I. Stratouikeia I 4 – Панамара в Карии).

³⁷ Hatzopoulos 1996 II, 63–64 (№ 45–46).

³⁸ Ср. Raynor 2016, 258; Daubner 2018, 146.

³⁹ До публикации постановления Берои по поводу косской асилии *πολίται* были зафиксированы в македонской эпиграфике времени Антигонидов только в письме Филиппа V о священной неприкосновенности Кизика (ок. 180 г. до н.э.), найденном в Дие, в котором фигурируют эпистат, пелигаги (члены совета) и «остальные политы (граждане)» (SEG XLVIII 785: Βασιλεὺς Φίλιππος Διεστῶν Εὐρυλόχῳ τῷ ἐπιστάτῃ καὶ τοῖς πελεγῆσι καὶ τοῖς λοιποῖς πολίταις χαίρειν κτλ.).

⁴⁰ Эги (Bosnakis, Hallof 2020, 291 [стк. 15]); Пелла (IG XII 4 1 221AI, стк. 9); Бероя (Bosnakis, Hallof 2020, 291 [сткк. 28, 33–34]); Амфиполь (IG XII 4 1 220II, сткк. 22–23, 27); Филиппы (IG XII 4 1 220III, стк. 43); Кассандрия (IG XII 4 1 220I, сткк. 8, 13).

обычной практикой в Кассандрии⁴¹, как об этом свидетельствуют надписи. Вряд ли это можно объяснить тем, что в них постановления представлены в сокращенной форме. Скорее, роль совета была связана с особенностями политической организации полиса кассандрийцев⁴².

В декретах только трех городов Македонского царства, признавших в 243 г. до н.э. асилию храма Асклепия на о. Кос, присутствует отсылка к решению Антиона Гоната по этому поводу – κατὰ τὴν τοῦ βασιλέως βούλησιν (Кассандрия – IG XII 4 1 220I, стк. 10); καθάπερ καὶ ὁ βασιλεὺς Ἀντίγονος προαιρεῖται (Амфиполь – IG XII 4 1 220II, стк. 31; Филиппы – IG XII 4 1 220III, сткк. 48–49).

Очевидно, что в какой-то момент имела место личная встреча косских теоров с македонским царем⁴³. П. Пасхидис убедительно показал, что после посещения Македонии посланниками с Коса были установлены связи между семьей архитеора Аристолоха и царским домом Антигонидов, сохранявшиеся, согласно косвенным данным эпиграфики и литературных источников, вплоть до времени правления правнука Антиона Гоната Персея (179–168 гг. до н.э.) и крушения македонской монархии⁴⁴. При этом в сохранившихся списках победителей на Асклепийях (IG XII 4 2 453–454), относящихся ко времени ок. 240–170 гг. до н.э., македоняне отсутствуют, хотя следует отметить утрату немалых частей данных надписей⁴⁵.

К. Ригсби высказал предположение, что Антиону Гонату могло принадлежать одно из писем по поводу асилии косского Асклепийона (IG XII 4 1 208), исходя из фразеологии, явно происходившее из царской канцелярии, но из-за повреждений текста не позволяющее установить отправителя⁴⁶. В конце письма постулируется, что царь объявил своим подданным о признании им асилии святыни. Впрочем, не обязательно, что данным монархом был Гонат⁴⁷. Так, решение признать асилию косского Асклепийона со стороны эпирского царя Александра II, судя по всему, присутствовало в сильно поврежденном декрете Левкады (IG XII 4 1 220V, сткк. 69–70)⁴⁸.

Возвращаясь к вопросу о решении Антиона Гоната по поводу косской асилии следует отметить, что, видимо, не является случайным отсутствие упоминаний о нем в декретах Эг, Берои и Пеллы – городов, которые теоры посетили в начале своего путешествия по Македонии⁴⁹. Конечно, данное обстоятельство можно попытаться объяснить тем, что упоминание о решении царя не было включено в де-

⁴¹ Hatzopoulos 1996 II, 62–62 (№ 44), 64 (№ 46).

⁴² О статусе Кассандрии в Македонском государстве см.: Hatzopoulos 1996 I, 143–145.

⁴³ У Афинея сохранился рассказ жившего при македонском дворе философа-стоика Персея о посещении Антиона Гоната некими теорами из Аркадии и их приеме царем (Athen. XIII.607c–d). Исторический фон этого события и его датировка неизвестны (ср. Tarn 1913, 435–436 + н. 11; Rutherford 2013, 162).

⁴⁴ Paschidis 2008, 368–369, 373–376; cp. Sherwin-White 1978, 116–117; Habicht 2006, 148–152.

⁴⁵ Cp. Höghammer 2016, 151, 155.

⁴⁶ Rigsby 1996, 117–118; cp. Knäpper 2018, 98–100.

⁴⁷ Cp. Bosnakis, Hallof 2020, 302 + Anm. 37.

⁴⁸ Cp. Hatzopoulos 2007, 271–274.

⁴⁹ Cp. Hatzopoulos 2020, 100.

креты данных полисов, но это крайне маловероятно⁵⁰. Скорее следует согласиться с мнением, что города, в постановлениях которых нет отсылок к решению царя, теоры посетили еще до встречи с ним⁵¹. В связи с этим следует вспомнить высказанное ранее и подвергавшееся критике мнение, что македонские полисы могли признавать асилию без санкции монарха⁵².

В свете декретов Эг и Берои, которые прояснили путь теоров по Македонии, можно сделать заключение о том, что если ранее теоры не побывали, например, в Деметриаде и не встретили Антигона там (гипотетически это допустимо, учитывая то, что данный город был одной из «столиц» его державы)⁵³, то, скорее всего, первые собственно македонские города они посетили еще до того, как получили согласие на признание асилии от царя. В таком случае, македонские полисы действительно имели полномочия самостоятельного признания священной неприкословенности (по крайней мере, в случае косской асилии в 243 г. до н.э.). Представляется странным и необъяснимым – почему, если теоры уже перед посещением Эг, Берои и Пеллы имели решение царя, упоминания о нем появляются в декретах, только начиная с Кассандрии.

Прежде, когда были известны декреты только четырех македонских полисов в связи с косской асилией (в трех из которых упоминалось решение Антигона), выдвигались разные объяснения по поводу роли монарха и прав городов и их гражданских коллективов в признании права священной неприкословенности. Так, было высказано мнение, что Антигон после обращения к нему теоров с Коса издал общую *διάγραμμα*, адресованную его подданным, со своим решением⁵⁴. Согласно другой точке зрения, царь отправил письма в отдельные города, как это, возможно, имело место позднее в случае с асилией Кизика ок. 180 г. до н.э., когда сначала Филипп V получил просьбу, согласился с ней, а затем послал по этому поводу письмо гражданам Дия (SEG XLVIII 785)⁵⁵. Похожий механизм засвидетельствован и в случае с письмом Филиппа V совету и народу Халкиды с сообще-

⁵⁰ Ближе к концу III в. до н.э. Филипп V признал равный дельфийским Пифийским играм и другим «венчанным» агонам (на которых наградой были венки), статус праздника в честь Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре. Решение царя по данному поводу зафиксировано в декрете, принятом советом и народным собранием Халкиды, бывшей частью державы Филиппа V (Rigsby 1996, 233–235 [№ 97]). Можно отметить, что в отличие от декретов македонских полисов в связи с косской асилией, в трех из которых только упоминается о решении Антигона Гоната, в постановлении Халкиды приводится аргументированная часть письма Филиппа V. Однако в декретах об асилии храма Артемиды в Магнесии-на-Меандре и статуса праздника в честь богини, изданных в соседней с Халкидой Эретрии и Коринфе (оба города также были в македонской сфере влияния) отсылок к решению царя вообще нет (Эретрия – Rigsby 1996, 235–236 [№ 98]; Коринф – Rigsby 1996, 224–225 [№ 92]). Такая же ситуация и в Гоннах – постановление их граждан создает впечатление декрета независимого полиса, несмотря на то что город был частью державы Антигонидов (Rigsby 1996, 209–210 [№ 83]). Только то, что теоры из Магнесии получили от гоннцев субсидию в «деметриевых драхмах», косвенно отсылает к македонскому владычеству.

⁵¹ Rigsby 1996, 134–135; Knäpper 2018, 99; Bosnakis, Hallof 2020, 300.

⁵² Raynor 2016, 253–262; contra: Mari 2018a, 180, п. 5.

⁵³ Диоген Лазертский упоминает о посольстве с участием философа Аркесилая, которое Антигон Гонат принимал в Деметриаде (Diog. Laert. IV.39).

⁵⁴ Giovannini 1977, 469; contra: Rigsby 1996, 135, п. 67.

⁵⁵ Mari 2006, 2016; Hatzopoulos 2007, 273–274; Mari 2018b, 135–136. Письмо Филиппа V гражданам Дия по поводу асилии Кизика могло быть связано и со значением Дия как главного святилища македонян, и тем, что там публиковались важнейшие документы общегосударственного значения (см. Hatzopoulos 2013, 167).

нием о признании им празднества в честь Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре⁵⁶.

В декретах всех македонских городов имеется упоминание об οίκειότης (родство, близость по происхождению) и благорасположении (εύνοια) косцев к их гражданам, македонянам, а начиная с декрета Пеллы и к царю Антигону. Его подданные и их родина обозначаются как «этнос македонян» (Эги и Бероя), «македоняне» (Пелла, Кассандрия, Амфиполь), «хора (земля) македонян» (Пелла), «другие эллины и македоняне» (Филиппы)⁵⁷.

Есть мнение, что в случае с декретами Пеллы и Амфиполя под «македоняниами», которые в обращениях косцев упоминаются раньше граждан этих городов и царя Антигона, могла подразумеваться федеративная (или квазифедеративная) структура, так называемый «союз македонян», который рядом исследователей признается составным элементом Македонского государства наряду с монархией в эпоху эллинизма⁵⁸.

В новых декретах Эг и Берои фигурирует «τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων». Подобное обозначение может указывать на некую представительную структуру⁵⁹, хотя термин τὸ ἔθνος не самый употребительный в официальных документах в таком контексте (значительно более распространенное обозначение – τὸ κοινόν)⁶⁰. Новые декреты по поводу косской асилии могут стимулировать продолжение дискуссии об официальном представительстве македонян в Македонском государстве и их таковом восприятии извне. Однако представляется, что фразеология этих надписей все же не дает веских оснований для подобных выводов.

⁵⁶ Rigsby 1996, 233–235 [№ 97].

⁵⁷ «Неизвестный город» (Дий?) (Bosnakis, Hallof 2020, 291 [сткк. 4–5]): … [καὶ τῇ φιλ.]ανθρωπίαι τῇ πρὸς Μακεδόνα[ζ].

Эги (Bosnakis, Hallof 2020, 291 [сткк. 12–14, 18–20]): … εὗνοιαν ὑπάρχουσαν καὶ οἰκειότητα πρὸς τὴν πόλιν ἡμῶν καὶ τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων ἀνε[νέ]σαντο; … ἐπαινέσαι δὲ καὶ τὴν πόλιν τὴν Κώιων ἐπὶ τῇ πρὸς τοὺς θεοὺς εὐσέβεια καὶ τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων εὐνοίαι…

Бероя (Bosnakis, Hallof 2020, 291 [сткк. 31–32, 38–39]): … οἰκειότητα καὶ εὗνοιαν ὑπάρχουσαν πρὸς τὴν πόλιν τὴν Βεροαίων καὶ τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων ἀνήγγελλον; ἐπαινέσαι δὲ καὶ τὴν πόλιν τὴν [Κώι]ων ἐπὶ τε τῇ πρὸς τοὺς θεοὺς εὐσέβεια καὶ τῇ πρὸς τὸ Μακεδόνων ἔθνος εὐνοίαι…

Пелла (IG XII 4 1 221AI): … τὴν τε οἰκειότητα ἀνενεώσαντο τὴν ὑπάρχουσαν Κώιοις πρὸς Μακεδόνας καὶ τὴν εὗνοιαν ἀπελογίζοντο, ἦν ἔχουσα τυγχάνει ἡ πόλις ἡ Κώιων πρὸς τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ πρὸς Πελλαίους καὶ τὴν λοιπὴν χώραν τὴν Μακεδόνων (сткк. 3–6); … καὶ ἐπὶ τῇ εὐνοίᾳ τῇ πρὸς τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ πρὸς Μακεδόνας (сткк. 11–12).

Кассандрия (IG XII 4 1 220I): … καὶ ἀπολογίζονται τὴν εὗνοιαν τῆς αὐτῶν πόλεως, ἦν ἔχουσα διατελεῖ πρὸς τε τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ τὴν Κασσανδρέων πόλιν καὶ πρὸς τοὺς λοιποὺς Μακεδόνας πάντας (сткк. 4–7); … καὶ τὴν ὑπάρχουσαν αὐτῇ εὐνοίαν διαφυλάσσει πρὸς τε τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ τὴν ἡμετέραν πόλιν καὶ Μακεδόνας πάντας (сткк. 12–14).

Амфиполь (IG XII 4 1 220II): … καὶ τὴν εὗνοιαν ἐνεφάνιζον, ἦν ἔχουσα διατελεῖ ἡ πόλις πρὸς τε τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ πρὸς Μακεδόνας (сткк. 24–25); … καὶ ἐπὶ τῇ εὐνοίᾳ τῇ πρὸς τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ πρὸς Μακεδόνας (сткк. 29–30).

Филиппы (IG XII 4 1 220III): … τὴν οἰκειότητα τὴν ὑπάρχουσαν τῇ πόλει τῇ Κώιων πρὸς τὴν πόλιν τὴν Φιλίππων καὶ πρὸς τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ πρὸς τοὺς ἄλλους Ἐλληνας καὶ Μακεδόνας ἐνεφάνισαν καὶ ἀνενεώσαντο (сткк. 40–42); … καὶ ἐπὶ τῇ εὐνοίᾳ τῇ πρὸς τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ τὴν πόλιν τὴν Φιλίππων καὶ τοὺς ἄλλους Ἐλληνας καὶ Μακεδόνας (сткк. 46–47).

⁵⁸ Panagopoulou 2019, 367–368.

⁵⁹ Cp. Hatzopoulos 2020, 48.

⁶⁰ Cp. Rzepka 2017, 15.

Тем более не следует допускать, что у «македонян» и македонских полисов хоть в какой-то мере было право проведения внешней политики⁶¹. Политическое и дипломатическое значение имело признание асилии царем, а со стороны полисов это был лишь сакрально-культурный акт. Постановление граждан Филипп начинается с его классификации как относящегося к религиозной сфере (IG XII 4 1 220III, стк. 36: *ἱερῶν ὑπὲρ τῆς ἐκ Κῶ θεωρίας*). Реальную безопасность святилищу, просившему признать его священную неприкосновенность, мог гарантировать только монарх⁶².

М. Хадзопулос высказывал мнение, что македонские полисы самостоятельно согласились лишь принять участие в празднике в честь Асклепия на Коце, но, признавая асилию, они сделали ссылку к решению царя, в чьей компетенции это находилось⁶³. Однако подобное заключение должно быть отвергнуто, особенно в свете новых документов⁶⁴.

Кампания косцев в 243 г. до н.э. была первым опытом признания священной неприкосновенности святилища в таких широких географических и geopolитических масштабах не только для македонских городов, но и эллинистического мира в целом⁶⁵. Первые македонские полисы (до Пеллы включительно), которые посетили косские теоры, не имея возможности ориентироваться на прецеденты⁶⁶, признали асилию самостоятельно (так же, как ранее это сделали и фессалийские города), потом теоры встретились с Антигоном, тот дал свое согласие, которое в других городах стало восприниматься как рекомендация и включаться в тексты их постановлений. В декретах Эг, Берои и Пеллы говорится о том, что косский Асклепийон получает асилию, «как и другие святилища, имеющие неприкосновенность» (... *καθάπερ καὶ τὰ λοιπὰ ἱερὰ τὰ ἄσυλα*) – возможно, что здесь подразумевается неприкосновенность храма в традиционном понимании (как убежища

⁶¹ Есть мнение, что ок. 180 г. до н.э. наряду с Филиппом V асилию Кизика признали и «македоняне» (Hatzopoulos 1996 I, 365–366; Panagopoulou 2019, 368–369). Основанием для этого служит, анонсированный Д. Пандермалисом еще в начале 1990-х гг., но до сих пор так и не опубликованный фрагментарный декрет из Дия, в котором упоминаются «предки царя», «македоняне», а также священная неприкосновенность Кизика и его территории (см.: Hatzopoulos 1996 II, 51–52 [№ 32]). Как упоминалось выше, гражданам Дия было адресовано письмо Филиппа V по поводу асилии Кизика (SEG XLVIII 785).

⁶² В рамках данной работы лучше обойти вопрос о характере института территориальной асилии в эпоху эллинизма – давала ли она реальную неприкосновенность не только самому святилищу, но и полису, на территории которого оно было расположено, или же носила формально-почетный характер. В конце письма по поводу асилии косского Асклепийона одного из так называемых «неизвестных царей», в котором многие видят Антигона Гоната, подчеркнуто, что он признает неприкосновенность святилища в его границах (IG XII 4 1 208, стк. 9–13: ... *καὶ τοῖς ὑφ' ἡμᾶς τασσομένοις παραδόσομεν ἄσυλον ἡγεῖσθαι τὸ ἱερὸν ὡς τοὺς ὄρους τεθείκατε*). Очевидно, что асилия не распространялась этим монархом на полис косцев.

⁶³ Hatzopoulos 1996 I, 365.

⁶⁴ Ср. Hatzopoulos 2020, 100.

⁶⁵ Ср. Rigsby 1996, 106. О более ранних, но локальных примерах признания асилии см., например: Knäpper 2018, 82–87.

⁶⁶ Развитие практики принятия теоров греческих святилищ в Македонии и избрания местных теородоков можно проследить с конца 60-х гг. IV в. до н.э. Если в первом известном случае – святилища Асклепия в Эпидавре – теородоком, представляющим Македонское государство, выступал царь Пердикка III (ок. 365–359 гг. до н.э.) (IG IV² 1 94B1, стк. 9), то впоследствии теородоков для разных эллинских культовых центров стали назначать уже македонские города (см. подробнее: Raynor 2016, 228–253; Daubner 2018, 138–145).

для гонимого). После Пеллы отсылка к практике неприкословенности «других святилищ» исчезает, и в декретах Кассандрии, Амфиполя и Филипп появляется решение царя Антигона (... κατὰ τὴν τοῦ βασιλέως βούλησιν; ... καθάπερ καὶ ὁ βασιλεὺς Ἀντίγονος προαιρεῖται).

Самым загадочным местом в трех новых декретах по поводу косской асилии является указание на некую симмахию македонян и косцев. В постановлениях Эг и Берои присутствуют идентичные формулировки, что косцы поступают достойно «родству и симмахии» (... ὅτι ἄξια πράσσουσι τῆς τε οἰκειότητος καὶ τῆς συμμαχίας); в поврежденном декрете (I – Дия?) сохранилось лишь слово συμμαχία. Однако если термин οἰκειότητης присутствует в подобном контексте и в декретах других македонских городов, которые теоры посетили позднее, то συμμαχία в них уже не фигурирует⁶⁷.

В связи с рассматриваемой проблематикой следует обратиться к декретам фессалийских городов по поводу косской асилии. В начальной части постановления Гонн в Перребии говорится о том, что косские теоры, обращаясь к их жителям, напомнили о «дружбе и родстве» (φιλία καὶ συγγένεια), но в конце декрета от имени гоннейцев засвидетельствованы «φιλία καὶ συμμαχία» перребов и косцев⁶⁸. Однако военный союз между ними, конечно же, невозможен, т.к. фессалийская Перребия была частью державы Антигона Гоната⁶⁹.

Может быть, в случае с фразеологией постановления граждан Гонн следует видеть отголоски традиции о мифологических связях фессалийцев и косцев⁷⁰, которая могла отразиться в формуле «φιλία καὶ συμμαχία?» Высказывались предположения, что фраза «φιλία καὶ συμμαχία» в финальной части декрета из Гонн вообще является ошибкой резчика вместо «φιλία καὶ συγγένεια»⁷¹. Именно такое определение зафиксировано в постановлении по поводу косской асилии из Гомолия (IG XII 4 1 216AI, сткк. 23–24), в котором говорится о «φιλία καὶ συγγένεια» фессалийских магнетов и косцев.

В декрете Гонн, изданном ближе к концу III в. до н.э. по поводу асилии святилища Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре, фигурируют «дружба и родство» (φιλία καὶ συγγένεια; φιλία καὶ οἰκειότητης)⁷², причем в обоих декретах из Гонн (243 г. до н.э. и принятого более трех десятилетий спустя) имеет место общая композиция, подчеркивающая древность связей его жителей и перребов в целом с косцами и малоазийскими магнетами⁷³.

⁶⁷ Ср. Bosnakis, Hallof 2020, 306–307.

⁶⁸ IG XII 4 1 216AI, сткк. 9–11: δεδόχθαι τῇ πόλει τῇ Γοννέων τὴν τε φιλίαν καὶ συμμαχίαν ὑπάρχειν πᾶσι Περραιβοῖς πρός τὴν Κώιων πόλιν καθάπερ καὶ ἐξ ἀρχῆς ὑπῆρχεν.

⁶⁹ Северная часть Перребии – Трехградье (Долиха, Азор и Пифий) административно принадлежала не к Фессалии, а к Элимее – одной из областей Верхней Македонии.

⁷⁰ См. подробнее: Rigsby 2004, 9–14.

⁷¹ Helly 2004, 99, п. 37; Parker 2011, 113, п. 18; Graninger 2011, 142.

⁷² Rigsby 1996, 209–210 (№ 83): ... ἐπειδὴ Μάγνητες οἱ ἐπὶ Μαιάνδρου φίλοι δοντες καὶ συγγενεῖς Γοννέων (сткк. 4–5); ... καὶ ἀνενεώσαντο τὴν ἐξ ἀρχῆς ὑπάρχουσαν φιλίαν καὶ οἰκειότητα Μάγνησίν τε καὶ Γοννέδσιν (сткк. 14–16).

⁷³ Koc (IG XII 4 1 216AI, сткк. 3–6, 10–11): ... ἐμφαν[ι]ζόντων τὴν τε [φιλίαν καὶ τὴν συγγένειαν τὴν ὑπάρχουσαν ταῖς πόλεσ[ιν ἐξ ἀρχῆς αὐταῖς] πρὸς αὐτὰς καὶ τῷ ἄλλῳ ἔθνει τ[ῷ] Περραιβῶν; ... τὴν τε φιλίαν καὶ συμμαχίαν ὑπάρχειν πᾶσι Περραιβοῖς πρός τὴν Κώιων πόλιν καθάπερ καὶ ἐξ ἀρχῆς ὑπῆρχεν;

Таким образом, термин *συμμαχία* в декрете Гонн по поводу косской асилии 243 г. до н.э., возможно, имеет какое-то необычное значение⁷⁴ или, действительно, является ошибкой. В связи с этим можно вспомнить очевидную ошибку, допущенную косским резчиком в тексте постановления Эг, где во фразе «προσδέξασθαι τὴν τε θεωρίαν τὴν ἀπεσταλμένην ὑπὸ τῶν Αἰγαίων» вместо «эгийцев» должны быть «косцы» (... ἀπεσταλμένην ὑπὸ τῶν Κώιων), как об этом корректно говорится в декрете Берои. Однако, учитывая, что *συμμαχία* фигурирует в декретах трех македонских полисов, вероятность ошибки резчика в данном случае практически исключена.

Встают вопросы: почему термин *συμμαχία* присутствует только в декретах трех городов, которые теоры посетили в начале пути по Македонии; следует ли его понимать буквально, как «военный союз»⁷⁵ или, может быть, он в данном случае имеет какое-то редкое значение почетного характера?

Есть мнение, что, обращаясь к македонским городам и Антигону Гонату, теоры с Коса косвенно апеллировали к связям знаменитого врача Гиппократа и его потомков с Македонией и царским домом Аргеадов-Теменидов⁷⁶. Но даже если это действительно так, то отношения *κσενίη*, засвидетельствованные для косских Асклепиадов и первой династии македонских царей (Hipp. Ep. 27.7; cf. Suda s.v. Δράκων, Ἰπλοκράτης), вряд ли могли в 243 г. до н.э. привести к появлению термина «симмахия» в характеристике отношений македонян и косцев.

Хотя, как уже было отмечено выше, внешнеполитическая перспектива выходит за рамки данной работы, требуя особого рассмотрения, все же необходимо представить некоторые наблюдения. Обычно считается, что Кос, место рождения Птолемея II Филадельфа, в 243 г. до н.э., когда царствовал его сын Птолемей III Эвергет и когда косцы начали кампанию по признанию асилии, являлся или птолемеевским союзником⁷⁷, или находился в сфере влияния этой династии, имея с ней «особые отношения»⁷⁸. Однако следует отметить, что все свидетельства в пользу косско-птолемеевского союза являются косвенными⁷⁹ и определение «сфера влияния» представляется более корректным⁸⁰.

Впрочем, можно вспомнить, что в 260-х гг. до н.э. или в следующем десятилетии (ок. 255 г. до н.э.) в сражении, произошедшем при Коце, флот Антигона Гоната разгромил эскадру Птолемея II⁸¹. Немногочисленные источники, лишь кратко упоминающие об этой битве (Plut. Moral. 545b; Athen. V.209e; cf. Plut. Moral. 183d;

Магнесия-на-Меандре (Rigsby 1996, 209–210 [№ 83, сткк. 14–16]): ... καὶ ἀνενεόσαντο τὴν ἐξ ἀρχῆς ὑπάρχουσαν φιλίαν καὶ οἰκειότητα Μάγγησίν τε καὶ Γοννεῦσιν.

⁷⁴ Cf. Helly 2004, 99, n. 37; Graninger 2011, 142.

⁷⁵ Cf. LSJ⁹ s.v. *συμμαχία*.

⁷⁶ См. подробнее: Nelson 2007, 234–246; Nelson 2013, 262.

⁷⁷ Например: Chambers 1954, 391; Rigsby 1996, 106, 135.

⁷⁸ Подробнее см.: Sherwin-White 1978, 110–111.

⁷⁹ В первом письме Зиэла об отношениях косцев и Птолемея III (хотя не следует исключать возможность, что подразумевается еще его отец Птолемей II), который именуется «другом и союзником» вибинского правителя, говорится следующее: «...γνόσιν καὶ διὰ τὸ βασιλέα Πτολεμαῖον οἰκείως διακεῖσθαι τὰ πρὸς ὄμας, ὃντα ἡμέτερον φίλον καὶ σύμμαχον» (IG XII 4 1 209A, сткк. 22–25). См. также: Sherwin-White 1978, 96.

⁸⁰ См. подробнее: Bagnall 1976, 103–105.

⁸¹ См. подробнее: Buraselis 1982, 141–151, 160–170; Hammond, Walbank 1988, 290–295, 587–600; Reger 1993, 155–177.

Diog. Laert. IV.39), не дают оснований считать, что после нее Кос оказался в македонской сфере влияния или, тем более, стал союзником Антигонидов. Однако в свете упоминаний *συμμαχία* с косцами в декретах трех македонских полисов в 243 г. до н.э. такая вероятность появляется, хотя подобная трактовка требует внесения серьезных корректировок в сложившееся ранее понимание отношений Коса с великими эллинистическими державами⁸². Впрочем, не исключено, что выражение в декретах Эг, Берои и Дия (?) о том, что косцы поступают достойно «родству и симмахии», все же не следует понимать в качестве констатации реального союза.

Кампания косцев по признанию асилии пришла на время Третьей Сирийской войны (246–241 гг. до н.э.) между Птолемеями и Селевкидами⁸³ и очередного македонско-египетского конфликта, в ходе которого Антигон Гонат, несмотря на установление птолемеевского контроля над частью фракийского побережья Эгейды⁸⁴, нанес поражение эскадре Птолемея III в битве при Андросе (ок. 246–245 гг. до н.э.)⁸⁵. При этом нет уверенности в том, что македонский царь выступал официальным союзником Селевкидов. По сути, во второй половине 240-х гг. до н.э. имела место не просто очередная селевкидско-птолемеевская война, а широкий и многоплановый конфликт на территориях от Вавилонии до Балкан, в который были вовлечены как великие эллинистические державы, так и ряд других государств⁸⁶.

Все это наводит на мысль о взаимосвязи стремления косцев получить признание асилии с международной ситуацией того времени. По мнению К. Буразелиса, после поражения египетского флота от Антигона Гоната при Андросе Птолемей III уже не мог гарантировать защиту Коса, поэтому его жители предприняли кампанию по признанию священности святилища Асклепия⁸⁷. Похожее суждение представил и П. Пасхидис, сделавший акцент на том, что косцы, учреждая панэллинские Асклепии, пытались маневрировать между эллинистическими сверхдержавами во время их очередного большого конфликта⁸⁸. А.Л. Зелинский считает, что широкая косская кампания по получению асилии (территориально охватившая даже Западное Средиземноморье) была инспирирована Птолемеем III Эвергетом для защиты Коса от угрозы со стороны Селевка II⁸⁹.

⁸² См. Sherwin-White 1978, 108–110; Reger 1993, 167–170; Paschidis 2008, 370, п. 1.

⁸³ О Третьей Сирийской войне см., например: Grainger 2010, 153–170 (традиционное представление весьма немногочисленных источников об этом конфликте и их минималистическая трактовка); Coşkun 2018, 197–252 (оригинальная и обширная, но по многим пунктам уязвимая интерпретация).

⁸⁴ Города Эн и Маронея вошли в состав птолемеевской державы еще до того, как в 243 г. до н.э. их посетили теоры с Коса. Среди надписей по поводу косской асилии присутствуют декреты этих полисов (IG XII 4 1 224I, III). В постановлении Эна упоминаются молитвы за «здравье и спасение царя Птолемея, царицы Береники и их детей», эйицев и косцев, а также жрец царского культа (IG XII 4 1 224III, сткк. 15–20).

⁸⁵ Plut. Pelop. 2.4; Trog. Prol. 27; Pap. Naupl. 6. См. подробнее: Buraselis 1982, 119–141, 144–145; Hammond, Walbank 1988, 306–307, 587–600.

⁸⁶ Cp. Chaniotis 2018, 79. Не следует забывать, что в то время, когда косские теоры посетили некоторые греческие полисы на Сицилии и в южной Италии (Гела, Камарина, Элея, Неаполис), в Западном Средиземноморье еще продолжалась Первая Пуническая война (264–241 гг. до н.э.).

⁸⁷ Buraselis 2004, 19; cp. Xydopoulos 1997, 60–61.

⁸⁸ Paschidis 2008, 370.

⁸⁹ Zelinskyi 2020, 146–147.

Однако масштабы деятельности косских теоров не оставляют сомнений в том, что их полис, обращаясь в 243 г. до н.э. с просьбами признать священную неприкасновенность святилища Асклепия, праздника в честь этого бога и перемирия (ἐκεχειρία) на время его проведения, смотрел в будущее, не ограничиваясь перспективой Третьей Сирийской войны. Асклепийи с широким международным участием проводились на Косе и десятилетия спустя⁹⁰.

Одним из звеньев в серии конфликтов в эллинистическом мире во второй половине 240-х гг. до н.э. стали события в районе Истма. Согласно Плутарху, в «средине лета» 243 г. до н.э. Арат и ахейцы захватили Коринф (Plut. Arat. 21.2)⁹¹, бывший главным центром македонского военного присутствия в Элладе, частью так называемых «оков Эллады» (наряду с Деметриадой и Халкидой). Возникает соблазн соотнести отсутствие упоминаний Антигона Гоната и его решения о признании асилии косского Асклепийона в декретах Эг, Берои и Пеллы с тем, что престарелый царь был вынужден спешно реагировать на потерю Коринфа⁹².

Также то, что в декретах Эг и Берои говорится о благоволении косцев только к «этносу македонян» и жителям этих полисов, а в декретах других городов, которые они посетили позднее (Пеллы, Кассандрии, Амфиполя и Филипп), о благоволении еще и к царю Антигону, могло быть связано с внешнеполитической ситуацией. Косские теоры начали движение по Македонии где-то во второй половине июля 243 г. до н.э. (в Берое они были в самом конце месяца). Ахейский союз, захвативший Коринф, и лично Арат были связаны с династией Птолемеев, и вскоре ахейцы даже провозгласили Эвергета своим почетным гегемоном (Plut. Arat. 24.4). За захватом оплота македонского владычества в Элладе, возможно, стоял именно царь Египта. Кос, если симмахию македонян и косцев в декретах Эг, Берои и Дия (?) не понимать буквально, вероятно, ассоциировался с птолемеевской династией. Может быть, получив известия о событиях вокруг Коринфа, косские теоры стали дипломатично выражать благоволение и к царю Антигону, включив упоминание о нем в свои обращения к гражданам македонских полисов?

В какой-то момент теоры Аристолох и Макарей встретились с Антигоном Гонатом. Если это не произошло еще до начала их пути по Македонии, что очень маловероятно (см. выше), то тогда, скорее всего, аудиенция с царем состоялась уже после пребывания теоров в Пелле. В декрете города, в котором находилась главная царская резиденция, присутствует упоминание о благоволении косцев к македонянам, царю Антигону и гражданам Пеллы, но не говорится о решении царя признать асилию, которая была объявлена от имени полиса (IG XII 4 1 221AI).

После декретов «неизвестного города» (Дия?), Эг и Берои в постановлениях других македонских полисов уже не фигурирует симмахия македонян и косцев, начиная с декрета Пеллы теоры выражают благоволение и к царю Антигону, а не только к македонянам и жителям конкретных городов, а с постановления Кассан-

⁹⁰ См. подробнее: Höghammer 2016, 147–161.

⁹¹ О датировке см. подробнее: Porter 1937, 64.

⁹² Ср. Raynor 2016, 257. Известно, что в какой-то момент после потери Коринфа Антигон Гонат заключил договор с этолийцами, направленный против Ахейского союза, который, впрочем, не оказался эффективным (Polyb. II.43.9; IX.34.6; см. подробнее: Hammond, Walbank 1988, 311–313).

дрии упоминается о решении со стороны Антигона Гоната признать асилию. Возможно, все это не случайно и взаимосвязано, но на многие остающиеся вопросы еще предстоит искать ответы.

Разные аспекты признания асилии косского Асклепийона Антигоном Гонатом и городами его державы (не только македонскими полисами), заслуживают комплексного монографического исследования. В более широком контексте перспективной и важной представляется тема о политике династии Антигонидов в отношении признания священной неприкосновенности эллинских святилищ и полисов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕКРЕТЫ ЭГ И БЕРОИ ПО ПОВОДУ АСИЛИИ СВЯТИЛИЩА АСКЛЕПИЯ НА КОСЕ
(Bosnakis, Hall of 2020, 291–293 [№ II–III])

Αὶ γε αἱ ων·
ἐφ’ ἱερέως Ἀντιγόνου· ἐπειδὴ παραγενόμεν[ος παρὰ Κώιων]
Ἀριστόλοχος Ζμένδρωνος ἀρχιθέωρος καὶ θεω[ρὸς Μακα]-
ρεὺς Ἀράτου διελέγοντο τῇ πόλει καὶ τὴν παρὰ τ[ῆς πόλε]-
ως τῆς τῶν Κώιων εὗνοιαν ὑπάρχουσαν καὶ οἰκει[ότη]-
τα πρὸς τὴν πόλιν ἡμῶν καὶ τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων ἀνε[νε]-
ώσαντο καὶ ἡξίουν τὸ ἱερὸν τοῦ Ἀσκληπιοῦ τὸ ἐν Κῶι ἄσυλο[ν]
εἶναι, ἔδοξεν τῇ πόλει τῇ Αἰγειαίων προσδέξασθαι τήν τε
θεωρίαν τὴν ἀπεσταλμένην ὑπὸ τῶν Αἰγειαίων περὶ τῆς
θυσίας τοῦ Ἀσκληπιοῦ· δεδόχθαι δὲ καὶ τὸ ἱερὸν τοῦ Ἀσκληπιοῦ
εἶναι ἄσυλον καθάπερ καὶ τὰ λοιπὰ ἱερὰ τὰ ἄσυλα· ἐπαινέσαι δὲ
καὶ τὴν πόλιν τὴν τῶν Κώιων ἐπὶ τῇ πρὸς τοὺς θεοὺς εὐσεβεί-
αι καὶ τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων εὐνοίαι, ὅτι ἄξια πράσσουσιν τῆς τε
οἰκειότητος καὶ τῆς συμμαχίας· δοθῆναι δὲ τοῖς θεωροῖς ξένι-
ον, ὅσον καὶ Ἀργείοις δίδοται τοῖς τὰ Νέμεια ἐπαγγέλουσιν,
καὶ τὸ ἀνάλωμα τοῦτο θέσμιον εἶναι: <άι>ρέθη δὲ καὶ θεωροδό-
κος τῆς πόλεως τῆς Κώιων Γαλέστης Αμύντου.

Эгийцев.

При жреце Антигоне. Поскольку, прибыв от косцев, архитеор Аристолох, сын Змендрана, и теор Макарей, сын Агата, обратились к полису, напомнили о благорасположении и родстве полиса косцев к нашему полису и этносу македонян и просили о том, чтобы святилище Асклепия было неприкосновенным – полис эгийцев постановил: принять *теорию*, отправленную эгийцами <должно быть – «косцами» (ср. с декретом из Берои – ὑπὸ τῶν Κώιων> по поводу жертвоприношения Асклепию. Постановили также, чтобы святилище Асклепия было неприкосновенным, как и другие неприкосновенные святилища. Восхвалить же и полис косцев за благочестие по отношению к богам и за благорасположение к этносу македонян, т.к. они поступают достойно родству и *симвахии*. Дать же теорам *ксерий*, как дают и тем аргивянам, которые объявляют о Немейских играх, а расходы на это пусть будут согласно закону. Избрали *теородоком* полиса косцев Галесту, сына Аминты.

Β ε ρ ο α ί ω ν·
 βασιλεύοντος Ἀντιγόνου ἔτους ἐνδός καὶ τεσσαρακοστοῦ, ἵερέ-
 ως δὲ Νικάνορος τοῦ Ἀλεξάνδρου, μηνὸς Γορπιάίου δευτέραι·
 συναχθείσης ἐκλησίας· ἐπειδὴ παραγενόμενοι παρὰ Κώιων Ἀρισ-
 τόλοχος Ζμένδρωνος ἀρχιθέωρος κ[α]ὶ θεωρὸς Μακαρεὺς Ἀράτου
 θεωρὸς διελέγοντο τοῖς πολίταις καὶ τήν τε παρὰ τῆς πόλεως
 τῆς τῶν Κώιων οἰκειότητα καὶ εὗνοιαν ὑπάρχουσαν πρὸς τὴν
 πόλιν τὴν Βεροαίων καὶ τὸ ἔθνος τὸ Μακεδόνων ἀνήγγελλον κα[ι]
 ἡξίουν τὸ ιερὸν τοῦ Ἀσκληπιοῦ τὸ ἐν Κῶι ἄσυλον εἶναι, δεδόχθαι
 τοῖς πολέιταις· τὴν θεωρίαν τὴν <ν> ἀπεσταλμένην ὑπὸ τῶν Κώιων
 περὶ τῆς θυσίας τῷ Ασκληπιῷ[[ει]]δοι καὶ τῇ Ύγιείᾳ προσδέξασθαι·
 δεδόχθαι δὲ καὶ τὸ ιερὸν τοῦ Ἀσκληπιοῦ τὸ ἐν Κῶι ἄσυλον εἶναι κα-
 θάπερ καὶ τὰ λοιπὰ ιερὰ τὰ ἄσυλα· ἐπανέσαι δὲ καὶ τὴν πόλιν τὴν
 [Κώι]ων ἐπί τε τῇ πρὸς τοὺς θεοὺς εὐσεβείᾳ καὶ τῇ πρὸς τὸ Μακε-
 [δόνων ἔθ]νος εὐνοίᾳ, ὅτι ἄξια πράσσουσι τῆς τε οἰκειότητος
 [καὶ τῆς συμμ]αχίας· δοθῆναι δὲ αὐτοῖς καὶ ἔννια, ὅσον καὶ τοῖς
 [τοὺς λοιπὸὺς στεφανίτα]ς ἀγῶνας ἐπαγγέλλουσιν ἔθος ἐστὶν δο-
 [θῆναι —————· ἀ]ιρέθη δὲ καὶ θεωροδόκος Κώιων
 [—————] *vacat*

Беройцев.

В сорок первый год царствования Антигона, при жреце Никаноре, сыне Александра, второго числа месяца горпиэя. На собрании экклесии. Поскольку, прибыв от косцев архитеор Аристолох, сын Змендрана, и теор Макарей, сын Арат, обратились к гражданам, возвестили о родстве и благорасположении полиса косцев к полису беройцев и этносу македонян и просили о том, чтобы святилище Асклепия на Коце было неприкосновенным – граждане постановили: принять *теорию*, отправленную косцами по поводу жертвоприношения Асклепию и Гигией. Постановили также, чтобы святилище Асклепия на Коце было неприкосновенным, как и другие неприкосновенные святилища. Восхвалить же и полис косцев за благочестие по отношению к богам и за благорасположение к этносу македонян, т.к. они поступают достойно родству и *симмахии*. Дать же им и *ксении*, как это обычно и для тех, кто объявляет о других агонах, на которых награждают венками [...]. Избрали *теородоком* косцев [...].

ADDENDUM

Когда данная работа была уже сдана в печать, вышла статья М. Хадзопулоса, также ставшая откликом на публикацию новых декретов македонских полисов о признании асилии косского Асклепийона (Hatzopoulos 2021, 199–213). В ней предложено, что городом (I), фрагментарный конец постановления которого присутствует в верхней части стелы, изданной Д. Боснакисом и К. Халлофом, была Пидна; что термин «симмахия» отражает реальный союз между царством Антигонидов и Косом; что первые македонские города признали асилию, не упоминая решение Антигона Гоната, т.к. это входило в компетенцию «этноса македонян», который как часть Македонского государства связывали с Косом отношения сим-

макии (эта схема на примере Гонн распространяется и на подконтрольную Антигонидам Фессалию). В статье М. Хадзопулоса демонстрируются во многом иные подходы и решения в сравнении с представленными в настоящей работе. Отчасти это связано с его концепцией государственности Македонии в эпоху эллинизма.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Bagnall, R. 1976: *The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt*. Leiden.
- Bengtson, H. 1955: Randbemerkungen zu den koischen Asylieurkunden. *Historia* 3, 456–463.
- Bosnakis, D., Hallof, K. 2020: Alte und neue Inschriften aus Kos VI. *Chiron* 50, 287–326.
- Buraselis, K. 1982: *Das hellenistische Makedonien und die Ägäis: Forschungen zur Politik des Kassandros und der drei ersten Antigoniden (Antigonos Monopthalmos, Demetrios Polortekes und Antigonos Gonatas) im Ägäischen Meer und in Westkleinasien*. München.
- Buraselis, K. 2004: Some Remarks on the Koan Asylia (242 BC). Against its International Background. In: K. Höghammer (ed.), *The Hellenistic Polis of Kos: State, Economy and Culture*. Uppsala, 15–20.
- Chambers, M. 1954: The First Regnal Year of Antigonus Gonatas. *American Journal of Philology* 75/3, 385–394.
- Chaniotis, A. 2018: *Age of Conquests. The Greek World from Alexander to Hadrian*. Cambr., Mass.
- Coşkun, A. 2018: The War of Brothers, the Third Syrian War, and the Battle of Ankyra (246–241 BC): A Re-Appraisal. In: K. Erickson (ed.), *The Seleukid Empire, 281–222 BC. War within the Family*. Swansea, 197–252.
- Daubner, F. 2018: Peer Polity Interaction in Hellenistic Northern Greece: Theoroi going to Epirus and Macedonia. In: H. Börm, N. Luraghi (eds.), *The Polis in the Hellenistic World*. Stuttgart, 131–157.
- Dittenberger, W., Bischoff, E. 1912: Gorpiaios. In: *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* VII. Stuttgart, 1664.
- Edson, Ch.F. 1934: The Antigonids, Heracles and Beroea. *Harvard Studies in Classical Philology* 45, 213–246.
- Errington, R.M. 1990: *A History of Macedonia*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Gabelko, O.L. 2005: *Istoriya Vifinskogo Tsarstvija [A History of Bithynian Kingdom]*. Moscow. Габелко, О.Л. История Вифинского царства. М.
- Giovannini, A. 1977: Le statut des cités de Macédoine sous les Antigonides. In: *Ancient Macedonia*–II. Thessaloniki, 465–472.
- Gounaropolou, L., Hatzopoulos, M.B. 1998: *Επιγραφές Κάτω Μακεδονίας* I. Αθήνα.
- Grainger, J.D. 1997: *A Seleukid Prosopography and Gazetteer*. Leiden–New York–Köln.
- Grainger, J.D. 2010: *The Syrian Wars*. Leiden–Boston.
- Graninger, D. 2011: *Cult and Koinon in Hellenistic Thessaly*. Leiden–Boston.
- Habicht, Chr. 2006: *The Hellenistic Monarchies. Selected Papers*. Ann Arbor.
- Hammond, N.G.L., Walbank, F.W. 1988: *A History of Macedonia* III. 336–167 B.C. Oxford.
- Hatzopoulos, M.B. 1996: *Macedonian Institutions under the Kings* I. *A Historical and Epigraphic Study*; II. *Epigraphic Appendix*. Athens.
- Hatzopoulos, M.B. 2007: Décrets d'asylie, de Macédoine et d'Epire. In: D. Berranger-Auserve (ed.), *Épire, Illyrie, Macédoine: Mélanges offerts au Professeur Pierre Cabanes*. Clermont-Ferrand, 271–274.
- Hatzopoulos, M.B. 2013: Was Dion Macedonia's Religious Centre? In: P. Funke, M. Haake (eds.), *Greek Federal States and Their Sanctuaries: Identity and Integration*. Stuttgart, 163–172.

- Hatzopoulos, M. 2016: *Philippes, πόλις ἑλληνικής Μακεδόνων κτίσμα*. In: J. Fournier (ed.), *Philippes, de la Préhistoire à Byzance. Études d'archéologie et d'histoire*. Athènes, 97–112.
- Hatzopoulos, M.B. 2020: *Ancient Macedonia*. Berlin–Boston.
- Hatzopoulos M. 2021: Quatre nouveaux décrets macédoniens: géographie historique et institutions. *Revue des études grecques* 134/1, 199–213.
- Helly, B. 2004: Décrets de cités thessaliennes à Cos. *Chiron* 34, 87–107.
- Herzog, R., Klaffenbach, G. 1952: *Asylieurkunden aus Kos*. Berlin.
- Höghammer, K. 2016: International Networks of an Island Port in the Hellenistic Period – the Case of Kos. In: K. Höghammer, B. Alroth, A. Lindhagem (eds.), *Ancient Ports. The Geography of Connections*. Uppsala, 95–165.
- Knäpper, K. 2018: *Hieros kai Asylos. Territoriale Asylie im Hellenismus in ihrem historischen Kontext*. Stuttgart.
- Kuzmin, Yu.N. 2013: *Aristokratiya Beroii v epokhu ellinizma* [The Aristocracy of Beroia in the Hellenistic Epoch]. Moscow.
- Кузьмин, Ю.Н. *Аристократия Берои в эпоху эллинизма*. М.
- Mari, M. 2006: L'activité législative du roi et des cités en Macédoine. In: A.M. Guimier-Sorbets, M.B. Hatzopoulos, Y. Morizot (eds.), *Rois, cités, nécropoles. Institutions, rites et monuments en Macédoine*. Athènes, 209–225.
- Mari, M. 2018a: Macedonian Cities under the Kings: Standardization or Variety? A View from Amphipolis. In: M. Kalaitzi, P. Paschidis, C. Antonetti, A.-M. Guimier-Sorbets (eds.), *Βορειοελλαδικά. Tales from the Lands of the Ethne. Essays in honour of Miltiades B. Hatzopoulos*. Athens, 179–197.
- Mari, 2018b: Power in Dialogue. The Letters and *Diagrammata* of Macedonian Kings to Local Communities. In: P. Ceccarelli, L. Doering, T. Fögen, I. Gildenhard (eds.), *Letters and Communities. Studies in the Socio-Political Dimensions of Ancient Epistolography*. Oxford, 121–146.
- Nelson, E.D. 2005: Coan Promotions and the Authorship of the Presbeutikos. In: Ph.J. van der Eijk (ed.), *Hippocrates in Context*. Leiden–Boston, 209–236.
- Nelson, E.D. 2007: Hippocrates, Heraclids, and the «Kings of the Heracleidai»: Adaptations of Asclepiad History by the Author of the «Presbeutikos». *Phoenix* 61/3–4, 234–246.
- Nelson, E.D. 2013: Coan Asylia: Small-State Diplomacy and the Hippocratic Legend. In: F. De Angelis (ed.), *Regionalism and Globalism in Antiquity. Exploring Their Limits*. Leuven–Paris–Walpole, Mass., 247–266.
- Paganoni, E. 2019: *Forging the Crown. A History of the Kingdom of Bithynia from its Origin to Prusias I*. Roma.
- Panagopoulou, K. 2019: Between Federal and Ethnic: The Koinon Makedonōn and the Makedones Revisited. In: H. Beck, K. Buraselis, A. McAuley (eds.), *Ethnos and Koinon. Studies in Ancient Greek Ethnicity and Federalism*. Stuttgart, 363–383.
- Papazoglou, F. 2000: Polis et souveraineté. *Živá antika* 50, 169–176.
- Parker, R. 2011: The Thessalian Olympia. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 177, 111–118.
- Paschidis, P. 2008: *Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 BC)*. Athens.
- Plassart, A. 1921: Inscriptions de Delphes, la liste des théorodoques. *Bulletin de correspondance hellénique* 45, 1–85.
- Porter, W.H. 1937: *Plutarch's Life of Aratus. With Introduction, Notes, and Appendix*. Dublin–Cork.
- Raynor, B. 2016: Theorodokoi, Asylia, and the Macedonian Cities. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 56, 225–262.
- Reger, G. 1993: The Date of the Battle of Kos. *American Journal of Ancient History* 10, 155–177.

- Rigsby, K.J. 1996: *Asylia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Rigsby, K.J. 2004: Theoroi for the Koan Asklepieia. In: K. Höghammer (ed.), *The Hellenistic Polis of Kos: State, Economy and Culture*. Uppsala, 9–14.
- Rutherford, I. 2013: *State Pilgrims and Sacred Observers in Ancient Greece. A Study of Theōriā and Theōroi*. Cambridge.
- Rzepka, J. 2017: *Greek Federal Terminology*. Gdańsk.
- Sherwin-White, S.M. 1978: *Ancient Cos: An Historical Study from the Dorian Settlement to the Imperial Period*. Göttingen.
- Tarn, W.W. 1913: *Antigonos Gonatas*. Oxford.
- Tataki, A.B. 1988: *Ancient Beroea: Prosopography and Society*. Athens.
- Xydopoulos, I.K. 1997: Ψηφίσματα μακεδονικών πόλεων (242 π.Χ.) και η πολιτική του Αντιγόνου Γονατά στη Νότια Ελλάδα. *Ελληνικά* 47/1, 53–61.
- Zelinsky, A.L. 2020: [From Basileis-Pharaohs to Pharaohs-Basileis. The First 100 Years of the Ptolemaic Monarchy]. Vinnytsia–Kiev.
- Зелінський, А.Л. *Від басилевсів-фараонів до фараонів-басилевсів: перші 100 років птолемеївської монархії*. Вінниця–Київ.

“NEW” AND “OLD” DECREES OF THE MACEDONIAN POLEIS ON THE ASYLVIA OF THE KOAN SANCTUARY OF ASKLEPIOS

Yuri N. Kuzmin

Samara branch of Moscow City University, Samara, Russia
yurimac@yandex.ru; yuri.kuzmin.1978@gmail.com

Abstract. The article deals with political and civic institutions of the Macedonian cities in the Hellenistic epoch in the light of decrees on the recognition of the Koan asylia during July and August of 243 BC, both previously known (Pella, Kassandreia, Amphipolis, Philippi) and recently published by D. Bosnakis and K. Hallof. Among the new documents are the decrees of Aigai and Beroia, as well as those possibly of Thessalonike and another Macedonian city (arguments have been put forward in favour of Dion, not Edessa or some other city as the editors have suggested). Furthermore, this article considers a problem of the nature of interrelations between the Macedonian cities and the Antigonid kings, as well as an international background of the campaign for the Koan asylia, which occurred during the Third Syrian War (246–241 BC) and was very close to the time of the loss of Macedonian control over Corinth in the mid-summer of 243 BC. The article also explores the nature of mysterious symmachia between Macedonians and Koans attested in new asylia decrees. The cities of the Macedonian state whose decrees are preserved in the archive of the Koan Asklepieion had different origins and political traditions. The Koan asylia decrees allow us to compare their political and civic institutions. In these decrees, the Macedonian cities are designated as poleis that had assemblies, councils and various magistrates (epistatai, archons, eponymous priests, strategoi, nomophylakes, treasurers). The fact that the decrees of Aigai, Beroia, and Pella do not attest Antigonos Gonatas' decision to recognize the asylia (mentioned in the decrees of Kassandreia, Amphipolis, and Philippi, the cities which were later visited by the theoroi) may serve as an additional argument for the point of view that at least in 243 BC the Macedonian cities could recognize the asylia independently because it was not genuine foreign policy. It is possible that the Koan theoroi met Antigonos

somewhere after their visit to Pella and so his decision to recognize the asylia was mentioned only in the decrees of the cities that were visited by the theoroi just later. Also the decrees on the Koan asylia from a number of Thessalian cities which were part of the Antigonid empire (Gonnoi, Homolion, Phthiotic Thebes) are discussed. In these decrees the decision of the king also is not mentioned. In light of the fact that on the occasion of the Koan asylia of 243 BC the decrees of at least eight Macedonian cities have been preserved, we have an indication that in the Hellenistic epoch they were perceived as poleis that were part of the Greek world in the political, religious and cultural aspects.

Keywords: Macedonia, Kos, Asklepieion, Hellenistic epoch, asylia, poleis, civic communities, theoroi, Antigonos Gonatas, Third Syrian War.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2021), 237–251
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2021), 237–251
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-237-251

ЦАРСКИЕ И ХРАМОВЫЕ ЗЕМЛИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КОММАГЕНЕ В I В. ДО Н.Э. ПО ЭПИГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ

С.В. Обухов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
veretragna@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам социально-экономической истории эллинистической Коммагены в I в. до н.э. Опираясь на скудные сведения из царских надписей Антиоха I Теоса (69–34 гг. до н.э.), автор приходит к выводу, что в эллинистической Коммагене царь, по всей вероятности, являлся верховным земельным собственником, распоряжающимся государственными землями достаточно свободно. На этих землях работали крестьяне, объединенные в общину (территориально-соседские?) и платившие подати в казну. Вряд ли положение коммагенских земледельцев надписей Антиоха I можно сравнить с положением селевкидских лаий – категорией зависимого населения, сидевшего на царских и частных землях и напоминавшего до известной степени рабов. Судя по надписям Артагеса I (189–160 гг. до н.э.), описанная система весьма напоминает порядок взимания ренты-налога в Великой Армении II в. до н.э., имеющей явное сходство с тем, как взимались налоги в Армении эпохи Ахеменидов (конец V в. до н.э.). Красноречивое описание ахеменидской практики взимания податей на территории сатрапии Восточная Армения (к которой относилась и Коммагена) сохранилось в «Анабасисе» греческого писателя и историка Ксенофонта. Кроме того, ясно, что в экономике эллинистической Коммагены преобладал сельский уклад; при этом земледелие на ее территории носило оазисный характер, а города были малоразвиты. В этом смысле мало что изменилось по сравнению с доэллинистической эпохой. В надписях Антиоха I имеется и некоторая информация о храмовых землях, в первую очередь, принадлежавшим святыни царского и династического культа. Земля выделялась святыни по решению царя, причем крестьяне, до этого сидевшие на государственных землях, переводились в разряд так называемых храмовых рабов (иеродулов), отныне обслуживавших жрецов царского и династического культа. Иеродулы не подлежали никакому отчуждению, к примеру, их нельзя было продавать. Автор полагает, что коммагенские иеродулы действительно были рабами, однако не античного, а, скорее, более примитивного – древневосточного типа. Как полагает автор, наиболее близкой аналогией практике создания святыни царского и династического культа в Коммагене является хеттская практика, отраженная в эдикте царицы Асмуникал (XIV–XIII вв. до н.э.): создание «каменного дома» – заупокойного храма в честь усопшего царя, причем согласно эдикту ему передавались царские земли с находившимися на них деревнями,

Данные об авторе: Обухов Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

скотом и ремесленным производством. Учитывая, что на территории Коммагены в начале I тыс. до н.э. существовало позднекеттское царство Куммух, подобная аналогия не выглядит невероятной. Автор не считает, что следует говорить об автономии коммагенских святилищ царского культа; по сути, они выступали в роли филиалов царского хозяйства. То же самое было и в Древнем Египте. Таким образом, на примере Коммагены видно, что в некоторых случаях эллинистическое государство является продолжением восточных форм социально-экономического и социально-политического быта, лишь слегка затронутого греческим влиянием.

Ключевые слова: эллинизм, Коммагена, Антиох I, надписи, царские земли, Ахемениды, Великая Армения, храмовые земли, хетты, иеродулы.

О религии и культуре эллинистической Коммагены (II в. до н.э.–I в. н.э.), небольшого одноименного государства, расположенного на юго-востоке Малой Азии и граничащего с северной Сирией, написано достаточно много; в первую очередь, этим занимались зарубежные специалисты. Однако исследователи обычно не рассматривали вопросы, связанные с социально-экономическими отношениями, характерными для этого государства в эпоху его независимости во время правления династии Оронтидов (персидского происхождения). В лучшем случае исследователи обходились некоторыми, хотя и подчас цennыми, замечаниями по данной проблематике. А между тем определение сущности социально-экономических отношений, наличествовавших в Коммагене в рассматриваемую эпоху, представляет немалый интерес в связи с дискуссиями об эллинизме как историческом явлении.

К сожалению, источники, позволяющие хоть в какой-то мере судить об социально-экономических отношениях в эллинистической Коммагене, весьма и весьма немногочисленны. В первую очередь, это некоторые пассажи из грекоязычных манифестов об установлении царского и династического культа коммагенского властителя Антиоха I (69–34 гг. до н.э.). В основном в них идет речь о храмовых землях, но ряд выводов, носящих во многом предварительный характер, можно сделать и о землях, находившихся в собственности царя. По-видимому, исследователи, осознавая всю скучность источников базы, и не обращались к указанной теме. Наша работа должна в какой-то мере претендовать на то, чтобы восполнить этот пробел.

С географической точки зрения Коммагена представляла собой область, буквально изрезанную отрогами малоазиатского Тавра, поэтому земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, в ней было недостаточно, и земледелие в стране носило оазисный характер. Об этом, в частности, говорит Страбон, отмечая, что плодородные земли в стране имелись в основном у столицы царства – Самосаты (Strab. XVI. II. 3). Еще М.И. Ростовцев справедливо указывал, что в хозяйстве эллинистическо-римской Коммагены преобладал сельский уклад, а города были малоразвиты¹. Вплоть до конца XIX – первой половины XX вв. население этого региона активно занималось земледелием и скотоводством, живя в основном в деревнях².

¹ Rostovtzeff 1941, 849.

² Жуковский 1933, 7, 117, 119.

Переходя непосредственно к анализу пассажей надписей Антиоха I, касающихся социально-экономической проблематики, отметим, что они дают сугубо косвенные и порой случайные данные о царских землях в Коммагене. Так, в нимруд-дагской надписи читаем: *χώραν τε ίκανήν καὶ προσόδους ἐξ αὐτῆς ἀκινήτους εἰς θυσίων πολυτέλειαν ἀπένειμα...* (OGIS. I. 383. стк. 69–70) – «... земли достаточно, и неприносимых доходов выделил из своего для обильных жертвоприношений...» (для отправления царского и династического культов – *прим. авт.*). Почти то же самое читаем в надписи из Арсамеи на реке Нимфей: *χώραν τε ἐκ βασιλικῆς κτήσεως εἰς ταῦτα καθωσίωσα καὶ προσόδους ἐκ ταύτης ἀκινήτους ἀπέταξα...*³ – «...и землю из царских владений для этого (для отправления царского и династического культов – *прим. авт.*) посвятил и неотчуждаемые доходы из этого (с бывших царских земель – *прим. авт.*) установил...». Полностью повторяет указанное место из нимруд-дагской надписи и фрагментированный манифест из Самосаты: *χώραν τε ίκανήν καὶ προσόδους ἐξ αὐτῆς ἀκινήτους εἰς θυσίων πολυτέλειαν ἀπένειμα...*⁴ Из этих пассажей ясно, что коммагенский царь обладал земельными владениями – доменом; на это напрямую указывает надпись из Арсамеи-на-Нимфее⁵. О величине царской земельной собственности говорит тот факт, что идентичные друг другу манифести об установлении царского и династического культов были найдены практически на всей территории Коммагены. Не исключено, что коммагенский царь был верховным земельным собственником, как и цари из династии Селевкидов⁶. Необходимо заметить, что во многих древних обществах, особенно древневосточных, юридические понятия «владение» и «собственность» четко не разделялись и скорее совпадали⁷, поэтому предположение не выглядит таким уж невероятным.

Кто работал на государственных землях и как была организована их эксплуатация, мы опять же знаем только по косвенным указаниям царских надписей. Обратимся к пассажам надписей Антиоха I, также посвященным храмовым землям. В надписи из Нимруд-Дага царь провозглашает: *προσόδους τε λαμβάνων ἀπὸ κωμῶν, ὃν ἐγὼ καθωσίωσα φύσεως ἡρῷοις χάριστιν ιεραῖς...* (OGIS. I. 383. стк. 140–141) – «...и получив от деревень доходы, которые я посвятил для героической природы (имеется в виду культ властителя и царских предков – *прим. авт.*) в соответствии со священными благодеяниями...». Примерно то же читаем в надписи из Арсамеи-на-Евфрате: *προσόδους τε λαμβάνων ἀπὸ χώρας, ὃν ἐγὼ καθωσίωσα φύσεως ἡρῷοις χάριστιν ιεραῖς...*⁸ и Нимфеи: *προσόδους τε λαμβάνων ἀπὸ χώρας, ὃν ἐγὼ καθωσίωσα φύσεως ἡρῷοις χάριστιν ιεραῖς*⁹. Комы и хоры в указанных надписях – сельские общины¹⁰. Из приведенных выше отрывков из надписей Антиоха Коммагенского видно, что до царских указов комы и хоры, находящиеся на царской земле, платили подати не-

³ Dörner, Goell 1963, 44, сткк. 73–74.

⁴ Dörner, Naumann 1939, 36, стк. 24–25.

⁵ Cp. Dörrie 1964, 49.

⁶ Kreibig 1977, 5–26; Бокшанин 1960, 138–140; Шифман 1966, 91–93; cp. Zawadzki 1952, 61–63.

К.А. Аветисян не приходит к однозначному заключению по этой проблеме: Аветисян 1984, 3–8.

⁷ Менабде 1970, 60–63.

⁸ Jalabert, Mouterde 1929, 50, III столб. сткк. 25–26.

⁹ Dörner, Goell 1963, 46, сткк. 119–121.

¹⁰ Голубцова 1972, 14–17.

посредственно в казну. Ясно, что эти подати подпадают под определение ренты-налога, имевшей весьма широкое распространение в древневосточных и эллинистических государствах¹¹.

Эксплуатация непосредственных производителей на царских землях в Коммагене во многом аналогична той, которую мы знаем по материалам Древней Армении II в. до н.э., прежде всего по арамеязычным надписям, найденным в основном на берегах озера Севан и посвященным размежеванию общинных земель царской властью в лице Арташеса I¹². И в Парфии эллинистического времени (I в. до н.э.) система эксплуатации общинного крестьянства, находящегося на государственных землях, мало чем отличалась от вышеописываемой, как об этом сообщают пергаменты из Авромана (иранский Курдистан)¹³. Все это обнаруживает преемственность с тем, как взимались подати в Армении ахеменидского времени (конец V в. до н.э.) в описании одного из предводителей 10 000 греческих наемников, отступающих из Месопотамии к Черному морю, афинянина Ксенофonta. Он пишет, что центр власти сатрапа состоял из дворца правителя и окружавших его деревень (Xen. *Anab.* IV. 4. 2; IV. 4. 8). Деревни, в которых жили крестьяне-общинники, должны были коллективно платить подати царю через сатрапа. За сбор налогов был ответственен сельский староста-комарх (Xen. *Anab.* IV. 5. 24)¹⁴. Вероятно, практика взимания ренты с царских земель не сильно изменилась в Коммагене и в Великой Армении II в. до н.э. по сравнению с персидской эпохой. Только теперь все подати, взимаемые с государственных земель, оседали в казне властителя Коммагены – фактического наследника ахеменидских сатрапов Восточной Армении V–IV вв. до н.э.

Можно ли считать коммагенских общинников лаой – царскими земледельцами эллинистических эпохи, сказать сложно¹⁵. По крайней мере, в коммагенских царских надписях они не упоминаются, поэтому можно сомневаться в отождествлении коммагенских кометов с лаой эллинистических государств, в первую очередь, Селевкидской державы.

Теперь рассмотрим имеющиеся сведения о храмовых землях в эллинистической Коммагене. Вновь обращаясь к пассажам Антиоха I о создании святилищ царского и династического культа, напомним, что для их оформления выделялись земельные участки с находящимися на них деревнями, жители которых теперь должны были обслуживать потребности жреческих коллективов, отправлявших царский и династический культы¹⁶. Вряд ли является верным утверждение И.Ш. Шифмана, согласно которому было возможно отчуждение земли без отчуждения с нее доходов¹⁷. В отношении Коммагены это выглядит маловероятным.

¹¹ Briant 1982, 137–160; Никольский 1939, 68–76; Тюменев 1957, 59–62, 64–69; 1957, 40–41. Ср. Струве 1962, 67–95.

¹² Борисов 1946, 97–104; Дьяконов, Старкова 1955, 161–174; Тирацян 1959, 88–90; Периханян 1965, 108; Тирацян 1980, 99–104; Новосельцев 1980, 161–163.

¹³ Minns 1915, 28, сткк. 9–10, 12, 17; Периханян 1952, 21–24; Пигулевская 1956, 92–93.

¹⁴ На важную роль общины в раннеклассовых обществах указывала и В.И. Горемыкина. См.: Горемыкина 1978, 86–94; Горемыкина 2002, 8–15.

¹⁵ Papazoglou 1997; Ковалев 1936, 30; Свенцицкая 1963, 33; Шифман 1969, 32–38; Голубцова 1969, 142–145, 165, 170–182. В последней работе, на наш взгляд, убедительно доказывается, что лаой эллинистической Малой Азии и Сирии не являлись крестьянами-общинниками.

¹⁶ Ср. Dörtrie 1964, 49.

¹⁷ Шифман 1977, 34.

Такая практика не была новой, характерной только для эллинистической эпохи. Налоги с храмовых земель для обслуживания культа богов известны и в Месопотамии новоассирийской эпохи (VIII–VII вв. до н.э.)¹⁸. Мало что изменилось и в эллинистическую эпоху, как это яствует из дарственной надписи Антиоха III Селевкида (223–187 гг. до н.э.) о наделении храма Зевса в Бетокэкэ землями с находящимися на них деревнями (II в. до н.э.) (OGIS.I. 262)¹⁹. В надписях на остраконах из раскопок Старой Нисы – священной столицы Парфянской державы во II–I вв. до н.э. – упоминаются Фриапатиевская, Артабановская, Митридатова, Готарзова земли, названные в честь предков правящего монарха из династии Аршакидов, возможно, Орода I (57–38 гг. до н.э.). С обозначенных земель поступали подати для отправления культа династии²⁰.

Но, как мы думаем, наиболее яркой и близкой аналогией описываемому созданию святилищ царского и династического культа в Коммагене является хеттская практика, отраженная в эдикте царицы Асмуникал (XIV–XIII вв. до н.э.) о создании «каменного дома» – заупокойного храма в честь усопшего царя, причем согласно эдикту ему передавались царские земли с находившимися на них деревнями, скотом и ремесленным производством²¹. Между эдиктом царицы Асмуникал и надписями Антиоха I времененная разница почти в 1500 лет, однако обретение Коммагеной в 164/163 г. до н.э. независимости от Селевкидов означало в том числе и определенное возрождение древних, хеттских традиций, возможно, и в социально-экономической сфере, ведь на месте этой области в начале I тыс. до н.э. располагалось сиро-хеттское царство Куммух²². К тому же возрождение хеттских традиций на официальном уровне проявилось в Коммагене II–I вв. до н.э. в искусстве и архитектуре.

Далее коммагенский царь устанавливает некоторые нормы социально-экономической и правовой организации учреждаемых святилищ царского и династического культа. В нимруд-дагской надписи он говорит: μῆθενὶ δὲ ὅσιον ἔστω μήτε βασιλεῖ μήτε δυνάστει μήτε ἀρχοντι τούτους ἵεροδούλους, οὓς ἐγὼ θεοῖς τε καὶ τιμαῖς ἐμαῖς κατὰ δαιμόνιον βούλησιν ἀνέθηκα, μηδὲ μήν παιδας ἐκγόνους τε ἐκείνων, οἵτινες ἀν ἐν ἀπαντι χρόνῳ τούτῳ γένος διαδέχωνται, μήτε αὐτῷ καταδουλώσασθαι μήτε εἰς ἔτερον ἀπαλλοτριῶσαι τρόπῳ μηδενὶ μήτε κακῶσαι τινα τούτων ἡ περισπάσαι λειτουργίας ταύτης, ἀλλ ἐπιμελείσθωσαν μὲν αὐτῶν ἵερεις, ἐπαμυνέτωσαν δὲ βασιλεῖς τε καὶ ἀρχοντες ἴδιῶται τε πάντες. οἵ ἀποκείσεται παρὰ θεῶν καὶ ἡρώων χάρις εὐσεβείας. ὅμοιώς δὲ μηδὲ κώμας, ἃς ἐγὼ καθειέρωσα δαιμοσιν τούτοις, μηδενὶ ὅσιον ἔστω μήτε ἐξιδιάσασθαι μήτε ἐξαλλοτριῶσαι μήτε μεταδιατάξαι μήτε βλάψαι κατὰ μηδένα τρόπον κώμας ἐκείνας ἡ πρόσοδον ἦν ἐγὼ κτῆμα δαιμόνων ἀσυλον ἀνέθηκα (OGIS.I. 383. стк. 171–200) – «...И не будет позволено никому: ни царю, ни династу, ни жрецу, ни архонту – этих иероду-

¹⁸ Дьяконов 1949, 124.

¹⁹ Грушевой 2013, 139.

²⁰ Дьяконов, Дьяконов, Лившиц 1953, 124–126, 128; Дьяконов, Лившиц 1960, 69–119.

²¹ Менабде 1965, 87–94; Гиоргадзе 1973, 29–43.

²² Это отмечено и Э.А. Менабде (Менабде 1965, 94, прим. 54), но он слишком прямолинейно сближает социально-экономические отношения в Коммагене эпохи эллинизма с хеттскими реалиями, не учитывая тех изменений, которые произошли на Востоке после походов Александра Македонского. О царстве Куммух см.: Герни 1987, 26, 31; Косян 1994, 81–84; Hawkins 1975, 5–10.

лов, которых я богам и своему культу, согласно желаниям духов, посвятил, равно как детей и потомков их, кто бы ни явились преемниками этого рода во всякие времена, ни самим порабощать, ни в пользу других отчуждать каким-либо образом, ни причинять вред кому-либо из них или отвлекать от этой литургии; и пусть защитят их от этого жрецы, цари и архонты, а также все частные лица, за что им будет благовение богов и героев. Равным образом и деревни, которые я духам этим посвятил, не разрешается никому ни присваивать, ни отчуждать, не менять устройство или каким-либо образом наносить ущерб этим деревням или доходу, которые я посвятил в качестве неприкосновенного имущества духов». То же самое мы читаем в манифестах из Арсамеи-на-Нимфе²³, из Арсамеи-на-Евфрате²⁴, из Сейлика²⁵. В надписях из Арсамеи-на-Нимфе и Арсамеи-на-Евфрате вместо κῶμαι стоит χώρα²⁶, что говорит о взаимозаменяемости этих понятий, т.е. деревни фактически прикреплялись к земле того или иного создаваемого святилища. Из надписей также ясно, что крестьяне-общинники, поступив в распоряжение жреческих коллективов, становятся иеродулами, т.е. так называемыми «священными рабами», собственностью храма, которую нельзя ни отчуждать, ни продавать, т.е. земля юридически не является частной собственностью. Кроме Коммагены, подобное социально-экономическое положение иеродулы занимали в храмовых общинах Каппадокии (Strabo. XII. 2. 3; 3. 34), Понта (Strabo. XII. 3. 31; 37; 3. 31), Кавказской Албании (Strab. XI. 4. 7; 14, 16). Вряд ли, конечно, их всех следует считать рабами классического античного типа²⁷, скорее, по своему социально-экономическому положению они стоят ближе к спартанским илотам, фессалийским пенестам или сиракузским килирриям, служба которых, как и коммагенских «священных рабов», являлась наследственной²⁸. Однако образование обозначенных классов-сословий являлось во многом последствием завоевания²⁹, чего совершенно нельзя сказать про иеродулов, связанных с храмами божеств или с центрами царского и династического культа, как и в Коммагене³⁰. Еще менее вероятно объяснение, данное Т.Р.С. Броутоном, заключающееся в том, что коммагенские иеродулы – аналог крепостных крестьян Средневековья³¹. Впрочем, коммагенские иеродулы I в. до н.э. также напоминают тех хеттских крестьян и ремесленников³², которые по эдикту царицы Асмуникал переходили в собственность жрецов «каменного дома» и также не подлежали отчуждению, продаже или порабощению

²³ Dörner, Goell 1963, 50, 52, сткк. 151–171.

²⁴ Jalabert, Mouterde 1929, 51, столб. IV, сткк. 5–21.

²⁵ Jalabert, Mouterde 1929, 57, сткк. 14–28.

²⁶ Это подметила А.Г. Периханян (Периханян 1959, 118). Правда, исследовательница ошибочно посчитала, что в надписи из Сейлика вместо «деревень» стоит γῆ – «земля».

²⁷ Ср. Струве 1968, 22.

²⁸ Ср. Еремян 1950, 25; Lotze 1959. Некоторые аналоги античной илотии (примитивного, коллективного рабства) отмечены и на Древнем Востоке, к примеру, в раннем Египте. См.: Коростовцев 1978, 77–83.

²⁹ Это было показано еще В.В. Струве. См.: Струве 1933, 363–373.

³⁰ Ср. Ямпольский 1960, 1–15; Ямпольский 1962, 118–145.

³¹ Broughton 1938, 636.

³² Как показал Х. Крейссиг, и в эллинистических государствах (в частности, в Селевкидском) весьма трудно разделить рабов и свободных ремесленников, подчас находившихся на положении первых. В этом смысле аналогия с древневосточными социально-экономическими отношениями налицо. См.: Kreißig 1978, 139–142.

частными лицами³³. Развивая это положение, отметим, что предписания Антиоха I относительно статуса иеродулов и вообще земельных владений святилищ царского и династического культа в Коммагене – неотчуждаемость и неприкосновенность деревень, доходов, поступающих в храмовую казну³⁴, – практически не отличаются и от правового положения населения и земельных владений религиозных центров Древнего Египта, судя по так называемым «иммунитетным грамотам», выдаваемых последним центральной властью, начиная с эпохи Древнего царства³⁵. По-видимому, можно считать коммагенских иеродулов рабами, однако не «классического» античного типа, а, скорее, более примитивного, древневосточного, имеющего черты своеобразного «крепостничества»³⁶, заключающегося в том, что 1) коммагенские иеродулы владеют средствами производства; 2) привязаны к земле того или иного святилища – тот или иной жреческий коллектив, обслуживающий царский и династический культы коммагенской династии, в полной мере не распоряжается ими; его власть над ними весьма ограничена.

Кроме того, надо отметить, что если храмовые центры в Каппадокии³⁷, Понте³⁸, Кавказской Албании, Карии³⁹ и Армении⁴⁰ обладали весьма значительной самостоятельностью (даже политической) и во многом выступали продуктом естественного социально-экономического и политического развития, то это совершенно нельзя сказать о коммагенских центрах царского и династического культа, созданных по указке сверху. Как справедливо писала А.Г. Периханян, перед нами отнюдь не полноценные храмовые общины, «...а территории, специально выделенные из царской земли для обслуживания нового царского культа...»⁴¹.

Можно сомневаться и в абсолютной налоговой автономии коммагенских святилищ. В надписи из Килафик-Хуюк засвидетельствована должность эклогиста⁴², очевидно заимствованная у Селевкидов – Коммагена входила в состав этого государства с 201 по 164 гг. до н.э. Занимающие ее лица были ответственны за сбор налогов со священных земель⁴³. По-видимому, и коммагенские эклогисты

³³ Следует согласиться с Б.Ф. Поршневым, который полагал, что «рабство» как социально-экономическое понятие вряд ли стоит ограничивать только его «классической» (античной) разновидностью. Он писал: «...в экономическом смысле под рабством, очевидно, следовало бы понимать полную невозможность для трудящегося распоряжаться своей рабочей силой, хозяйством, средствами и условиями труда. В этом широком смысле рабами в древних государствах могут быть названы и широчайшие слои трудового населения, хотя бы юридически они принадлежали к категории “свободных”. Подлинный антагонист раба – не свободный, а господин, рабовладелец, т.е. тот, кто действительно распоряжается рабочей силой рабов и ведением хозяйства...» (Поршнев 1975, 30). Подобное определение вполне соотносится с коммагенскими реалиями эллинистической эпохи (I в. до н.э.).

³⁴ См. Dörgie 1964, 49.

³⁵ Лурье 1939, 93–139; Коростовцев 1939, 239–287; Лурье 1960, 95, 143–156.

³⁶ В данном случае никакого отношения к феодализму это не имеет. Тем более феодализм может существовать (и по большей части существовал) без крепостнических отношений.

³⁷ Ramsay 1941, 103–104.

³⁸ Сапрыкин 1996, 248–266.

³⁹ Круглов 1985, 63–75.

⁴⁰ Периханян 1959, 79–81.

⁴¹ Периханян 1957, 54; Периханян 1959, 118.

⁴² Dörner, Naumann 1939, 45, стк. 16. Надпись детально проанализирована нами в специальной работе (Обухов 2017, 75–84).

⁴³ Смирнов 2013, 221; Plischke 2014, 41. Комиссия эклогистов, связанная с храмовым строительством, засвидетельствована в эллинистическом Милете II в. до н.э. (Кузнецов 2000, 359–360).

обладали похожими функциями. По всей вероятности, земельные владения с находящимися на них деревнями коммагенских центров царского и династического культа являлись, по сути, филиалами того же царского хозяйства. В свое время И.А. Стучевский пришел к сходным выводам по отношению к древнеегипетским храмам и их собственности⁴⁴.

Таким образом, основываясь на материалах Коммагены, можно согласиться с теми исследователями, которые полагали, что эллинистическое государство и общество в некоторых случаях строилось, прежде всего, на восточных формах социально-экономического и социального-политического быта, лишь весьма поверхностно затронутого античным влиянием⁴⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Аветисян, К.А. 1984: Земельные отношения в Сирии конца IV—I вв. до н.э. (царские и по-лисные земли). В сб.: Ю.М. Сапрыкин (ред.), *Общество и государство в Древности и Средние века*. М., 3–14.
- Бокщанин, А.Г. 1960: *Парфия и Рим*. Ч. 1. *Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии*. М.
- Борисов, А.Я. 1946: Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении. *ВДИ* 2, 97–104.
- Броутон, Т.Р.С. 1970: *Преемственность и борьба на Ближнем Востоке в древности*. М.
- Герни, О. 1987: *Хетты*. М.
- Гиоргадзе, Г.Г. 1973: *Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства (о непосредственных производителях в хеттском обществе)*. Тбилиси.
- Голубцова, Е.С. 1969: Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии. В кн.: К.К. Зельин, С.Л. Утченко, Е.М. Штаерман (ред.), *Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н.э.* М., 128–199.
- Голубцова, Е.С. 1972: *Сельская община Малой Азии (III в. до н.э. –III в. н.э.)*. М.
- Горемыкина, В.И. 1978: К проблеме возникновения государства. В сб.: В.М. Фомин (ред.), *Вопросы истории* V. Минск, 86–94.
- Горемыкина, В.И. 2002: *О цивилизациях и формациях*. Рыбинск.
- Грушевский, А.Г. 2013: Попечение о храмах и храмовых хозяйствах в эллинистических монархиях (на примере государства Селевкидов). I. Переводы и комментарии. В сб.: Э.Д. Фролов (ред.), *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 13, 133–148.
- Дьяконов, И.М. 1949: *Развитие земельных отношений в Ассирии*. Л.
- Дьяконов, И.М., Дьяконов, М.М., Лившиц, В.А. 1953: Парфянский архив из древней Нисы. *ВДИ* 4, 114–130.
- Дьяконов, И.М., Старкова, К.Б. 1955: Надписи Артаксия (Арташеса I), царя Армении. *ВДИ* 2, 161–174.
- Дьяконов, И.М., Лившиц, В.А. 1960: *Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работ (XXV международный конгресс востоковедов)*. М.
- Ейне, А. 1976: Некоторые проблемы истории эллинизма. *ВИ* 4, 72–89.
- Еремян, С.Т. 1950: О рабстве и рабовладении в Древней Армении. *ВДИ* 1, 12–26.
- Жуковский, П.М. 1933: *Земледельческая Турция (Азиатская часть — Анатolia)*. М. –Л.
- Ковалев, С.И. 1936: *Эллинизм. Рим*. Л.

⁴⁴ Стучевский 1962.

⁴⁵ Тюменев 1935, 104–105, прим. 2; Пигулевская 1956, 22; Саркисян 1960, 15–16; Меликишвили 1984, 9–14; ср. Ейне 1976, 82–89; Броутон 1970, 15–16.

- Коростовцев, М.А. 1939: Декрет Сети I в Наури (Документы к истории древнего Египта в 1326 г. до н.э.). *Исторический Архив* 2, 239–287.
- Коростовцев, М.А. 1978: Древнеегипетская илотия и вопрос о рабстве в древних обществах. В сб.: Л.В. Черепнин (ред.), *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 77–83.
- Косян, А.В. 1994: *Лувийские царства Малой Азии и прилегающих областей в XII—VIII вв. до н.э. (по иероглифическим лувийским источникам)*. Ереван.
- Круглов, Е.А. 1985: Полис и гражданско-храмовая община в Карии в V–IV вв. до н.э. В сб.: Э.Д. Фролов (ред.), *Проблемы политической истории античного общества*. Л., 63–75.
- Кузнецов, В.Д. 2000: *Организация общественного строительства в Древней Греции*. М.
- Лурье, И.М. 1939: Иммунитетные грамоты Древнего царства. *ТОВЭ* I, 93–139.
- Лурье, И.М. 1960: *Очерки древнеегипетского права XVI–X вв. до н.э. (памятники и исследования)*. Л.
- Меликишвили, Г.А. 1984: «Древневосточный» социально-экономический строй и развитие ближневосточного общества в эллинистическую, позднеантичную и средневековую эпохи. В сб.: Г.Г. Гиоргадзе (ред.), *Кавказско-ближневосточный сборник VII*. Тбилиси, 9–23.
- Менабде, Э.А. 1965: *Хеттское общество. Экономика, собственность, семья и наследование*. Тбилиси.
- Менабде, Э.А. 1970: Проблема собственности в Древнем мире. В сб.: Г.Г. Гиоргадзе (ред.), *Кавказско-ближневосточный сборник III. Вопросы древней истории*. Тбилиси, 31–63.
- Никольский, Н.М. 1939: К вопросу о ренте-налоге в древнем Двуречье (к вопросу о форме эксплуатации труда на Востоке) *ВДИ* 2, 68–76.
- Новосельцев, А.П. 1980: *Пути развития феодализма в странах Закавказья*. М.
- Обухов, С.В. 2017: Надпись из Килафик-Хуюк – источник по истории и культуре античной Коммагены в эпоху Антиоха I (69–34 гг. до н.э.). В сб.: А.В. Короленков (ред.), *Studia Historica XV*. Москва, 75–84.
- Периханян, А.Г. 1952: К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. *ВДИ* 4, 13–27.
- Периханян, А.Г. 1957: Иеродулы и ИЕРОИ храмовых объединений Малой Азии и Армении. *ВДИ* 3, 49–68.
- Периханян, А.Г. 1959: *Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н.э. – III в. н.э.)*. М.
- Периханян, А.Г. 1965: Арамейская надпись из Занзегура (некоторые вопросы среднеиранской диалектологии). *ИФЖ* 4, 107–128.
- Пигулевская, Н.В. 1956: *Города Ирана в раннее средневековье*. М.–Л.
- Поршнев, Б.Ф. 1975: Роль социальных революций в смене формаций. В сб.: Е.М. Жуков (ред.), *Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования*. М., 25–39.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Саркисян, Г.Х. 1960: *Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин*. М.
- Свенцицкая, И.С. 1963: *Социально-экономические особенности эллинистических государств*. М.
- Смирнов, С.В. 2013: *Государство Селевка I. Политика, экономика, общество*. М.
- Струве, В.В. 1933: Плебеи и илоты. В сб.: С.Н. Быков, Ф.В. Кипарисов, А.Г. Пригожин, М.А. Рафаил (ред.), *Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к сорокапятилетию научной деятельности Н.А. Марра*. М.–Л., 363–373.
- Струве, В.В. 1962: Общественный строй эллинистического Египта. *ВИ* 4, 67–95.

- Струве, В.В. 1968: *Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии*. Л.
- Стучевский, И.А. 1962: *Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта*. М.
- Тирацян, Г.А. 1959: Новонайденная надпись Арташеса I, царя Армении. *ВДИ* 1, 88–90.
- Тирацян, Г.А. 1980: Еще одна арамейская надпись Арташеса I, царя Армении. *ВДИ* 4, 99–104.
- Тюменев, А.И. 1935: *История античных рабовладельческих обществ*. М. –Л.
- Тюменев, А.И. 1957: Передний Восток и античность (особенности социально-экономического развития). *ВИ* 6, 50–70.
- Тюменев, А.И. 1957: Передний Восток и античность (страны речных культур (Двуречье и Египет) в эллинистическую и римскую эпохи). *ВИ* 9, 37–56.
- Шифман, И.Ш. 1966: Царские и полисные земли в эллинистическо-римской Сирии. *ПС* 15 (78), 91–106.
- Шифман, И.Ш. 1969: Царские люди в эллинистической Сирии и Малой Азии. *ПС* 19 (82), 32–38.
- Шифман, И.Ш. 1977: *Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н.э.)*. М.
- Ямпольский, З.И. 1960: *Атропатена и Кавказская Албания III–I вв. до н.э. Вопросы общественного строя. Ч.1. Храмовая собственность (к вопросу о закономерностях общественного развития). Историко-этнографические наблюдения*. Баку.
- Ямпольский, З.И. 1962: *Древняя Албания III–I вв. до н.э.* Баку.
- Briant, P. 1982: *Rois, tributs et paysans. Etudes sur les formations tributaires du moyen Orient ancien*. Paris.
- Broughton, T.R.S. 1938: *An Economic Survey of Ancient Rome. Roman Asia Minor*. Baltimore.
- Dörner, F.K., Naumann, R. 1939: *Forschungen in Kommagene*. Berlin (Istanbuler Forschungen Herausgegeben von der Zweigstelle Istanbul des Archäologischen Instituts des Deutschen Reiches. Bd. 10).
- Dörner, F.K., Goell, Th. Arsameia am Nymphaios. 1963: *Die Ausgrabungen im Hierothesion des Mithradates Kallinikos von 1953–1956*. Berlin.
- Dörrie, H. 1964: *Der Königskult des Antiochos von Kommagene im Lichte neuer Inshriftens-Funde*. Göttingen.
- Hawkins, J.D. 1975: Von Kummuch nach Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte. Sondernummer* 6, 5–10.
- Jalabert, L., Mouterde, R. 1929: *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. Paris.
- Kreißig, H. 1977: Landed property in the “Hellenistic” Orient. *Eirene* XV, 5–26.
- Kreißig, H. 1978: Free labour in the Hellenistic Age. In: M. Flinn (eds.), *Proceedings of the Seventh International Economic History Congress* 2. Edinburgh, 139–142.
- Lotze, D. 1959: *METAΞΥ ΕΛΕΥΘΕΡΟΝ ΔΟΥΛΩΝ. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr.* Berlin.
- Minns, E.H. 1915: Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan. *JHS* XXXV, 22–65.
- Papazoglou, F. 1997: *LAOI et PAROIKOI. Recherches sur la structure de la société hellénistique*. Beograd.
- Plischke, S. 2014: *Die Seleukidien und Iran. Die seleukidische Herrschaftspolitik in den östlich-en Satrapien*. Wiesbaden.
- Ramsey, W.M. 1941: *The Social basis of roman power in Asia Minor*. Aberdeen.
- Rostovtzeff, M.I. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol. I. Oxford.
- Zawadzki, T. 1952: *Z zagadnien struktury agrarno-spolocznej krajow maloazjatyckich w epoce hellenizmu*. Poznan.

REFERENCES

- Avetisyan, K.A. 1984: Zemelnye otnosheniya v Siri kontsa IV—I vv. do n.e. (tsarskie i polisnye zemli). In: Yu.M. Saprykin (ed.), *Obshchestvo i gosudarstvo v Drevnosti i Srednie veka [The Society and the state in the Ancient and Middle Ages]*. Moscow, 3–14.
- Bokshchanin, A.G. 1966: *Parfiya i Rim. Ch. 1. Vozniknovenie sistemy politicheskogo dualizma v Peredney Azii [The Parthia and Rome. Pt. 1. The emergence of the system of political dualism in Asia Minor]*. Moscow.
- Borisov, A.Ya. 1946: Nadpisi Artaksiya (Artashesa), tsarya Armenii [The Inscriptions of Artaxias (Artashes), the king of Armenia]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 97–104.
- Briant, P. 1982: *Rois, tributs et paysans. Etudes sur les formations tributaires du moyen Orient ancien*. Paris.
- Broughton, T.R.S. 1938: *An Economic Survey of Ancient Rome. Roman Asia Minor*. Baltimore.
- Broughton, T.R.S. 1970: *Preemstvennost i borba na Blizhnem Vostoke v drevnosti [The continuity and the struggle in the Near East in the antiquity]*. Moscow.
- Dörner, F.K., Naumann, R. 1939: *Forschungen in Kommagene*. Berlin (Istanbuler Forschungen Herausgegeben von der Zweigstelle Istanbul des Archäologischen Instituts des Deutschen Reiches. Bd. 10).
- Dörner, F.K., Goell, Th. 1963: *Arsameia am Nymphaios. 1963: Die Ausgrabungen im Hierothesion des Mithradates Kallinikos von 1953–1956*. Berlin.
- Dörrie, H. 1964: *Der Königskult des Antiochos von Kommagene im Lichte neuer Inshrienenfunde*. Göttingen.
- Dyakonov, I.M. 1949: *Razvitiye zemelnykh otnosheniy v Assirii [The development of land relations in Assyria]*. Leningrad.
- Dyakonov, I.M., Dyakonov, M.M., Livshits, V.A. 1953: Parfyanskiy arkhiv iz drevney Nisy [The Parthian archive from ancient Nisa]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 114–130.
- Dyakonov, I.M., Starkova, K.B. 1955: Nadpisi Artaksiya (Artashesa I), tsarya Armenii [The Inscriptions of Artaxias (Artashes I), the king of Armenia]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 161–174.
- Dyakonov, I.M., Livshits, V.A. 1960: *Dokumenty iz Nisy I v. do n.e. Predvaritelnye itogi rabot (XXV mezhdunarodnyy congress vostokovedov) [The Documents from the Nisa of the first century BC. The Preliminary results of the work (XXV international Congress of Orientalists)]*. Moscow.
- Eremyan, S.T. 1950: O rabstve i rabovladeniya v Drevney Armenii [On the slavery and slave-owning in Ancient Armenia]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 12–26.
- Eyne, A. 1976: Nekotorye problemy istorii ellinizma [The Some problems in the history of Hellenism]. *Voprosy istorii [The Questions of History]* 4, 72–89.
- Gerni, O. 1987: *Khetty [The Hittites]*. Moscow.
- Giorgadze, G.G. 1973: *Ocherki po sotsialno-ekonomicheskoy istorii Khettskogo gosudarstva (o neposredstvennykh proizvoditelyakh v khettskom obshchestve) [The Essays on the socio-economic history of the Hittite state (about direct producers in Hittite society)]*. Tbilisi.
- Golubtsova, E.S. 1969: Rabstvo i zavisimost' v ellinisticheskoy Maloy Azii. In: K.K. Zefin, S.L. Utchenko, E.M. Shtaerman (ed.), *Rabstvo v ellinisticheskikh gosudarstvakh v III—I vv. do n.e. [The slavery in the Hellenistic states in the 3rd–1st BC]*. Moscow, 128–199.
- Golubtsova, E.S. 1972: *Selskaya obshchina Maloy Azii (III BC – III AD) [The rural community of Asia Minor (the 3rd century BC – 3rd century AD)]*. Moscow.
- Hawkins, J.D. 1975: Von Kummuch nach Kommagene. *Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte. Sondernummer* 6, 5–10.

- Jalabert, L., Mouterde, R. 1929: *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. Paris.
- Kovalev, S.I. 1936: *Ellinizm. Rim* [The Hellenism. The Rome]. Leningrad.
- Korostovtsev, M.A. 1939: Dekret Seti I v Nauri (Dokumenty k istorii drevnego Egipta 1326 g. do n.e.). *Istoricheskiy Arkhiv* [The Historical Archives] 2, 239–287.
- Korostovtsev, M.A. 1978: Drevneegipetskaya ilotiya i vopros o rabstve v drevnikh obshchestvakh. In: L.V. Cherepnin (ed.), *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekove* [The Eastern Europe in the ancient times and the Middle Ages]. Moscow, 77–83.
- Kosyan, A.V. 1994: *Luviyskie tsarstva Maloy Azii i prilegayushchikh oblastey v XII–VIII vv. do n.e. (po ieroglificheskim luviyskim istochnikam)* [The luvian kingdoms of Asia Minor and surrounding areas in the 12th–8th BC (according to hieroglyphic luvian sources)]. Erevan.
- Kruglov, E.A. 1985: Polis i grazhdansko-khramovaya obshchina v Karii v V–IV vv. do n.e. In: E.D. Frolov (ed.), *Problemy politicheskoy istorii antichnogo obshchestva* [The problems of the political history of ancient society]. Leningrad, 63–75.
- Kreiβig, H. 1977: Landed property in the «Hellenistic» Orient. *Eirene* XV, 5–26.
- Kreiβig, H. 1978: Free labour in the Hellenistic Age. In: M. Flinn (eds.), *Proceedings of the Seventh International Economic History Congress* 2. Edinburgh, 139–142.
- Kuznetsov, V.D. 2000: *Organizatsiya obshchestvennogo stroitelstva v Drevney Gretsii* [The Organization of public construction in Ancient Greece]. Moscow.
- Lotze, D. 1959: *METAΞΥ ΕΛΕΥΘΕΡΟΝ ΔΟΥΛΩΝ. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr.* Berlin.
- Lurye, I.M. 1939: Immunitetnye gramoty Drevnego tsarstva [The immunity certificates of the ancient Kingdom]. *Trudy Otdela Vostoka Ermitazha* [The Proceedings of the Hermitage's Oriental Department] I, 93–139.
- Lurye, I.M. 1960: *Ocherki drevneegipetskogo prava XVI–X vv. do n.e. (pamyatniki i issledovaniya)* [The Essays on ancient Egyptian law of the 16th–10th centuries BC (the monuments and research)]. Leningrad.
- Melikishvili, G.A. 1984: «Drevnevostochnyy» sotsialno-ekonomicheskiy story I Razvitiye blizhnevostochnogo obshchestva v ellinisticheskuyu, pozdneantichnuyu i srednevekovuyu epokhi. In: G.G. Giorgadze (ed.), *Kavkazsko-blizhnevostochnyy sbornik* [The Caucasian-middle Eastern collection] VII. Tbilisi, 9–23.
- Menabde, E.A. 1965: *Khettskoe obshchestvo. Ekonomika, sobstvennost, sem'ya i nasledovanie* [The Hittite society. Economy, property, family and inheritance]. Tbilisi.
- Menabde, E.A. 1970: Problema sobstvennosti v Drevnem mire. In: G.G. Giorgadze (ed.), *Kavkazsko-blizhnevostochnyy sbornik* [The Caucasian-middle Eastern Collection] III. Tbilisi, 31–63.
- Minns, E.H. 1915: Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan. *JHS* XXXV, 22–65.
- Nikołskiy, N.M. 1939: K voprosu o rente-naloge v drevnem Dvurech'e (k voprosu o forme ekspluatatsii truda na Vostoke) [To the question of rent-tax in the ancient Two rivers (to the question of the form of labor exploitation in the East)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 68–76.
- Novosełtsev, A.P. 1980: *Puti razvitiya feodalizmu v stranakh Zakavkazyya* [The ways of development of feudalism in the Transcaucasian countries]. Moscow.
- Obukhov, S.V. 2017: Nadpis' iz Kilafik-Khuyuk – istochnik po istorii i kulture antichnoy Kommageny v epokhu Antiokha I (69–34 BC). In: A.V. Korolenkov (ed.), *Studia Historica* [The Historical Studies] XV. Moscow, 75–84.
- Papazoglou, F. 1997: *LAOI et PAROIKOI. Recherches sur la structure de la société hellénistique*. Beograd.
- Perikhanyan, A.G. 1952: K voprosu o rabovladeniye i zemlevladeniye v Irane parfyanskogo vremeni [On the question of slavery and land ownership in Parthian Iran]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 13–27.

- Perikhanyan, A.G. 1957: Ieroduly i IEPOI khramovykh ob«edineniy Maloy Azii i Armenii [The Hierodules and IEPOI of the temple associations of Asia Minor and Armenia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 49–68.
- Perikhanyan, A.G. 1965: Arameyskaya Nadpis' iz Zanzegura (nekotorye voprosy sredneiranskoy dialektologii) [The Aramaic inscription from Sasaguri (some questions middle Iranian dialectology)]. *Istoriko-Filologicheskiy Zhurnal* [The Historical and Philological Journal] 4, 107–128.
- Pigulevskaya, N.V. 1956: *Goroda Irana v rannem srednevekove* [The Cities of Iran in the early Middle Ages]. Moscow–Leningrad.
- Plischke, S. 2014: *Die Seleukidien und Iran. Die seleukidische Herrschaftspolitik in den östlichen Satrapien*. Wiesbaden.
- Porshnev, B.F. 1975: Rol' sotsialnykh revolyutsiy v smene formatsiy. In: E.M. Zhukov (ed.), *Problemy sotsialno-ekonomiceskikh formatsiy. Istoriko-tipologicheskie issledovaniya* [The Problems of socio-economic formations. Historical and typological researches]. Moscow, 25–39.
- Ramsey, W.M. 1941: *The Social basis of roman power in Asia Minor*. Aberdeen.
- Rostovtzeff, M.I. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol. I. Oxford.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo. Gosudarstvo grekov I varvarov v Prichernomore* [The Kingdom of Pontus. The state of the Greeks and barbarians in the Black Sea region]. Moscow.
- Sarkisyan, G.Kh. 1960: *Tigranakert. Iz istorii drevnearmyanskikh gorodskikh obshchin* [Tigranakert. From the history of ancient Armenian urban communities]. Moscow.
- Shiftman, I. SH. 1966: Tsarskie I polisnye zemli v ellinisticheskoy-rimskoy Sirei [The royal and policy lands in the Hellenistic-Roman Syria]. *Palestinskiy Sbornik* [Palestinian Collection] 15 (78), 91–106.
- Shiftman, I. SH. 1969: Tsarskie lyudi v ellinisticheskoy Sirei I Maloy Azii [The Royal people in Hellenistic Syria and Asia Minor]. *Palestinskiy Sbornik* [Palestinian Collection] 18 (82), 32–38.
- Shiftman, I. SH. 1977: Siriyskoe obshchestvo epokhi principata (I–III vv. n. e.) [The syriac society of the Principate era (1st–3rd centuries A.D.)]. Moscow.
- Smirnov, S.V. 2013: *Gosudarstvo Seleuka I. Politika, ekonomika, obshchestvo* [The state of Seleucus I. The politics, economy, society]. Moscow.
- Struve, V.V. 1933: Plebei i iloty. In: S.N. Bykov, F.V. Kiparisov, A.G. Prigozhin, M.A. Rafail (ed.), *Iz istorii dokapitalisticheskikh formatsiy. Sbornik statey k sorokapyatletiyu nauchnoy deyatel'nosti N.A. Marra* [From the history of pre-capitalist formations. Collection of articles for the forty-fifth anniversary of N.A. Marr's scientific activity]. Moscow–Leningrad, 363–373.
- Struve, V.V. 1962: Obshchestvennyy stroy ellinisticheskogo Egipta [The social system of Hellenistic Egypt]. *Voprosy Istorii* [The Questions of History] 4, 67–95.
- Struve, V.V. 1968: *Etyudy po istorii Severnogo Prichernomorya, Kavkaza i Sredney Azii* [The etudes on the history of the Northern Black Sea region, the Caucasus and Central Asia]. Leningrad.
- Sventsitskaya, I.S. 1963: *Sotsialno-ekonomiceskie osobennosti ellinisticheskikh gosudarstv* [The socio-economic features of hellenistic states]. Moscow.
- Stuchevskiy, I.A. 1962: *Khramovaya forma tsarskogo khozyaystva drevnego Egipta* [The temple form of the royal economy of ancient Egypt]. Moscow.
- Tiratsyan, G.A. 1959: Novonayennaya nadpis' Artashesa I, tsarya Armenii [The newly found inscription of Artashes I, king of Armenia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 88–90.

- Tiratsyan, G.A. 1980: Eshchye odna nadpis' Artashesa I, tsarya Armenii [The another aramaic inscription of Artashes I, king of Armenia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 99–104.
- Tyumenev, A.I. 1935: *Istoriya antichnykh rabovladelcheskikh obshchestv* [The history of ancient slave-holding societies]. Moscow–Leningrad.
- Tyumenev, A.I. 1957: Peredniy Vostok i antichnost' (osobennosti sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya) [The front East and antiquity (features of socio-economic development)]. *Voprosy Istorii* [Questions of History] 6, 50–70.
- Tyumenev, A.I. 1957: Peredniy Vostok i antichnost' (strany rechnykh kultur (Dvurech'e i Egipet) v ellinisticheskuyu i rimskuyu epokhi) [The fore East and antiquity (the countries of river cultures (Mesopotamia and Egypt) in the Hellenistic and Roman eras)]. *Voprosy Istorii* [Questions of History] 9, 37–56.
- Yampolskiy, Z.I. 1960: *Atropatena I Kavkazskaya III–II BC Voprosy obshchestvennogo stroya*. Ch. 1. *Khramovaya sobstvennost' (k voprosu o zakonomernostyakh razvitiya)*. *Istoriko-ethnograficheskie nablyudeniya* [Atropatena and Caucasian Albania 3rd–1st BC Issues of social order. Part 1. Temple property (to the question of the laws of social development). The historical and ethnographic observations]. Baku.
- Yampolskiy, Z.I. 1962: *The Drevnya Albaniya III–I vv. do n.e.* [The ancient Albania in the 3rd–1st centuries BC]. Baku.
- Zawadzki, T. 1952: *Z zagadnien struktury agrarno-spolocznej krajow maloazjatyckich w epoce hellenizmu*. Poznan.

THE ROYAL AND TEMPLE LANDS IN HELLENISTIC COMMAGENE IN THE FIRST CENTURY BC ACCORDING TO EPIGRAPHIC DATA

Sergey V. Obukhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
veretragna@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the problems of socio-economic history of the Hellenistic Commagene in the first century BC. Based on the scant information from the royal inscriptions of Antiochus I Theos (69–34 BC), the author comes to the conclusion, that in Hellenistic Commagene, the king, in all probability, was the supreme land owner, who disposed of state lands quite freely. On these lands, peasants worked, united in communities (territorial-neighboring?), and paid taxes to the treasury. It is unlikely that the situation of the Commagene farmers of the inscriptions of Antiochus I can be compared with the situation of the Seleucid *laoi* – a category of dependent population who sat on royal and private lands and resembled to a certain extent slaves. In general, the described system is very similar to the order of collecting rent-tax in great Armenia of the second century BC, judging by the inscriptions of Artashes I (189–160 BC), which has a clear similarity to the way taxes were collected in Armenia of the Achaemenid era (late 5th century BC). An eloquent description of the Achaemenid practice of levying taxes on the territory of the satrapy of Eastern Armenia (which included Commagene) is preserved in the “Anabasis” of the Greek writer and historian Xenophon. In addition, it is clear that the economy of Hellenistic Commagene was dominated by a rural lifestyle, while agriculture on its territory was of an oasis nature, and the cities were poorly developed. In this sense, little has changed compared to the pre-Hellenistic era. In the inscriptions of Antiochus I there is also some information about the temple lands, primarily belonging to the sanctuaries of the royal and dynastic cults. The land was allocated to sanctuaries by the decision of the king, and the peasants

who had previously sat on state lands were transferred to the category of so-called temple slaves (hierodules), who now served the priests of the royal and dynastic cults. The hierodules were not subject to any alienation, for example, they could not be sold. The author believes that the Commagenian hierodules were indeed slaves, but not of the antique, but rather of the more primitive, ancient eastern type. According to the author, the closest analogy to the practice of creating sanctuaries of the royal and dynastic cults in Commagene is the Hittite practice reflected in the edict of Queen Asmunikal (14th –13th centuries BC) – the creation of a “stone house” – a funeral temple in honor of the deceased king, and according to the edict, the royal lands with villages, livestock and handicrafts were transferred to him. Given that on the territory of Commagene at the beginning of the first millennium BC there was a late Hittite kingdom of Kummukh and this analogy is not improbable. The author does not believe that it is necessary to speak about the autonomy of the Commagenian sanctuaries of the royal cult; in fact, they acted as branches of the royal economy. It was the same in Ancient Egypt. Thus, the example of Commagene shows that in some cases the Hellenistic state is a continuation of the Eastern forms of socio-economic and socio-political life, only slightly affected by Greek influence.

Keywords: Hellenism, Commagene, Antiochus I, inscriptions, royal lands, Achaemenids, Great Armenia, temple lands, Hittites, hierodules.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2021), 252–269
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2021), 252–269
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-252-269

ФЕСТ И ЕГО BREVIARIUM RERUM GESTARUM POPULI ROMANI: К ВОПРОСУ ОБ АВТОРЕ, СТРУКТУРЕ И ИСТОЧНИКАХ

Д.В. Кареев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
dima75ru@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать с учетом современного состояния исторических источников и на основе современной историографии личность автора *Breviarium rerum gestarum populi Romani*, структуру и источники его труда. Однако, исходя из современного состояния источников, сделать какой-либо однозначный вывод о личности автора «Бревиария» и его религиозной позиции нельзя. Круг источников базы Феста во многом традиционен для авторов того времени. Тем не менее на примерах отбора историком своих источников и оригинальных авторских вставок опровергается тезис об отсутствии у Феста оригинальной исторической концепции. «Бревиарий» Феста ориентирован, главным образом, на «событийное» время, где основными векторами служат только последовательный перечень образования провинций и описание внешней политики Рима на Востоке, поэтому в нем соединяются два принципа изложения материала –географический (образование провинций и расширение государства) и внешнеполитический, с акцентом на те войны, которые Рим вел на Востоке. «Бревиарий», несмотря на кажущуюся простоту и поверхностность, позволяет ответить на вопрос об особом, присущем только этому историку взгляде на римскую историю. Произведение Феста во многом несло политическую и пропагандистскую нагрузку, особо подчеркивая патриотическую тенденцию в официальной латинской историографии того времени. Историк своим описанием многочисленных успешных примеров завоеваний из прошлого Рима приглашал современных ему императоров и, в частности, Валента II к более агрессивной внешней политике на Востоке, что отражало пропагандистскую цель его сочинения.

Ключевые слова: Фест, Евтропий, Аммиан Марцеллин, «малая» римская историография, поздняя Римская Империя.

Целью данной статьи является анализ личности римского историка IV в. Феста и его произведения – так называемого «Бревиария деяний римского народа» («*Breviarium rerum gestarum populi Romani*»), созданного в 369 или 370 гг. по поручению императора Валента II.

Римская историография, особенно в период поздней Империи, всегда обращалась к истории своего отечества, подчеркивая и выделяя во всемирной истории

Данные об авторе: Кареев Дмитрий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, декан социолого-психологического факультета ИГУ.

именно «свое» римское. Интерес к прошлому величию Рима на фоне явного упадка античной цивилизации определял и главную моралистическую функцию всего исторического повествования.

В IV в. так называемая «малая» римская историография развивалась по двум основным направлениям: одни историки, следя в русле традиции, основателем которой был Светоний, создают краткие биографии выдающихся людей прошлого (Секст Аврелий Виктор – автор «Эпитом из Цезарей», книги «О знаменитых людях»), тогда как другие, основываясь, главным образом, на трудах Тита Ливия и Луция Аннея Флора, пишут сокращенные обзоры римской истории (Евтропий, Фест), сочетая в своих произведениях и традицию анналов, и биографический жанр¹. Такой концептуальный контекст во многом предопределил создание Фестом своего «Бревиария».

1. АВТОР

О самом Фесте нам известно еще меньше, чем о его современнике Евтропии. На момент создания им своего «Бревиария» он, по всей видимости, был старше императора Валента, которому адресовал свой труд, на что достаточно ясно намекают последние строки его сочинения (*Quibus me licet in parem dicendi nisu et aevo graviorem parabo. Fest. 30. 1*). Валент II погиб в битве при Адрианополе в августе 378 г., когда ему было около 50 лет (Amm. Marc. XXXI. 14. 1), поэтому, по мнению Д. Рорбахера, Фест должен был родиться не позднее 318 г.².

Различные кодексы «Бревиария» предоставляют нам разную информацию об имени его автора. Так кодексы класса I, создававшиеся с конца VIII по XII вв., дают нам имя *Festus*, кодексы класса II, создававшиеся с VII по XII вв., предлагаю чтение *Ruf(i)us Festus* или *Ruffus Festus*. Один кодекс IX в. (*Bambergensis E III 22*) называет автора *magister memoriae*, т.е. фиксирует ту же должность, которую занимал другой историк и чиновник администрации Валента Евтропий³.

В этом имени содержится намек на некоего Фестина из Тридента, почти полностью негативный портрет которого описан в произведениях четырех языческих авторов – Аммиана Марцеллина, Евнапия, Либания и Зосимы. Он получил должность «*magister memoriae*» и сделал свою карьеру в правление императоров Валента II и Валентиниана I (Amm. Marc. XXIX. 2. 22). Из его достаточно подробной биографии, изложенной Аммианом Марцеллином, известно, что он был правителем Сирии в 365 или 368 гг.⁴ («*ibique administrata Syria*»), «магистром канцелярии рескриптов» в 370 г.⁵ («*magisterioque memoriae peracto*»), при этом «оставил доказательства своей мягкости и уважения к законам» и в звании проконсула управлял Азией («*unde regere Asiam proconsulari potestate exorsus*»). Тем не менее в дальнейшем Аммиан рисует Фестина как достаточно жестокого человека, «низкого и неизвестного происхождения» («*ultimi sanguinis et ignoti*»), преследовавшего философов и предсказателей из единственного желания получить префектуру

¹ Durov 1993, 116; Kareev 2004, 12.

² Rohrbacher 2002, 57. Обзор историографии см.: Semicheva 2016, 35–39.

³ Подробнее о кодексах Бревиария Феста см.: Arnaud-Lindet 1994, XXV–XXIV.

⁴ Rohrbacher 2002, 58.

⁵ Rohrbacher 2002, 58.

(Amm. Marc. XXIX. 2. 23–27). Из биографии Фестина становится ясно, что фигура этого чиновника была нужна Аммиану, чтобы подчеркнуть другой негативный образ – Максимина – будущего префекта претория Галлии, поэтому историк говорит о ранних годах административной службы Фестина из Тридента исключительно в положительном ключе. Впоследствии, уже в Азии, тот попал под влияние этого Максимины, который «стал врагом всех хороших людей» («audiens autem Maximinum optimo cūique exitialem»), и когда Фестин «узнал, что казни невинных возвысили этого недостойного человека до префектуры, то почувствовал жажду совершить подобное и достигнуть то же» (Amm. Marc. XXIX. 2. 23). Среди его жертв были философ Кораний и множество других невинных людей, которые не только не практиковали магию, но преследовались за то, что просто выполняли простые захарские заговоры или осуждались по надуманным предлогам (Amm. Marc. XXIX. 2. 25–28). Аммиан замечает, что в этих преступлениях Фестин «подражал тому, что совершено было в Риме» (Amm. Marc. XXIX. 2. 24).

В отличие от Аммиана Марцеллина Либаний упоминает имя Феста в исключительно негативном ключе. Если у Аммиана Фестин из Тридента предстает как человек, попавший в дурное окружение и вследствие этого запятнавший себя многочисленными преступлениями, то Фест у Либания изображен жестоким и коварным чиновником с самого начала своей карьеры (Lib. Or., 1. 156). Либаний замечает, что он был человеком недалеким и «не владел эллинской речью», и обвиняет его в сговоре со своим врагом Евбулом⁶, которому обещал, «что поедал ежедневно; то были жирные гуси, сладкое вино, фазаны» (Lib. Or., 1. 156). Фест попытался сорвать публичное выступление Либания, однако потерпел неудачу в попытке связать мнимые преступления оратора с предполагаемыми преступлениями некоего Мартирия, обвинявшегося в колдовстве (Lib. Or., 1. 158). Это напоминает аналогичные случаи, зафиксированные Аммианом Марцеллином в его описании Фестина из Тридента, который также был проконсулом Азии, как и Фест у Либания. Фест при личной встрече с императором Валентом вновь попытался связать обвинения в отношении Либания и историка Евтропия с колдовством Мартирия, но и во второй раз ему это не удалось (Lib. Or., 1. 159). Тем не менее «Фесту наградой за его недобропорядочность послужил брак, молодая жена, большое состояние и теперь он роскошествует, благодаря городам, которые привел к оскудению» (Lib. Or., 1. 159).

В том же историческом контексте Фест упомянут и у Евнапия в его «Жизни философов и софистов» – как кровожадный человек «с душой мясника», который казнил философа Максима Эфесского, друга императора Юлиана (Eunap. 480). В отличие от других авторов, Евнапий подробно рассказывает историю заката карьеры и смерти Феста, так как, по его словам, он «сам присутствовал при этом» (Eunap. 481). После гибели Валента II в 378 г. под Адрианополем Фест был отстранен от должности императором Феодосием, по всей видимости, обвинившим чиновника в злоупотреблении властью (Eunap. 481). Однако он достаточно легко отделался от обвинений в свой адрес и «решил устроить роскошный пир, пригласив на него высших должностных лиц и знать» (Eunap. 481). Перед этим он захотел посетить храм богини Немезиды, хотя, по свидетельству Евнапия, язычником

⁶ Либаний особо отмечает, что с Евбулом он даже беседовал через переводчика (Lib. Or., 1. 156). См. также: Rohrbacher 2002, 58.

он не был, «не испытывал почтения перед богами и казнил своих жертв именно за поклонение богам» (Eunap. 481). В храме на него снизошло видение, в котором казненный им Максим Эфесский «набросил ему на шею петлю и потащил в аид, чтобы предстать на суд перед Плутоном» (Eunap. 481). Хотя Фест и последовал совету людей, находящихся в храме, и «обратился к богиням с молитвой», но выйдя из храма, «поскользнулся на обеих ногах и упал на спину, не издав при этом ни звука», после чего его отнесли домой, «где он тотчас умер» (Eunap. 481).

Фест в должности проконсула Азии упомянут в «Новой истории» Зосимы, писавшего уже в начале V в., в правление Юстиниана. Он характеризует его «преступным злодеем», способным на любую жестокость (Zos. IV. 15. 2). По мнению этого историка, Фест был направлен в Азию с единственной целью – «чтобы ни один образованный человек не мог уцелеть». Результатом его деятельности стало то, что он всех (образованных людей) «убил без суда, а другие вынуждены были бежать за границу» (Zos. IV. 15. 2).

Все вышеперечисленные факты дали основание В. Ден Боеру сделать два противоположных вывода о личности и религиозной позиции чиновника администрации Валента II Фестина из Тридента, или Феста и Феста-историка, автора «Бревиария». Фестин из Тридента, упомянутый Аммианом Марцеллином, вероятнее всего, был христианином, поскольку в пользу этого говорит его преследование и казни философов и гадателей⁷. По мнению голландского историка, Фест Либания, Евнапия и Зосимы – это тот же чиновник, что и Фестин Аммиана, так как его позиция в религиозном вопросе также сугубо антиязыческая и монотеистическая («according to Eunapius' account, Festus professed monotheism», – отмечает голландский историк)⁸.

Второй вывод В. Ден Боера касается уже историка Феста, автора «Бревиария деяний римского народа», который, вероятно, был язычником, как и многие другие «малые» римские историки того времени⁹. Данное обстоятельство, казалось бы, подтверждают заключительные слова его «Бревиария»: «Лишь бы только удачу, [которую] ниспосылают боги и [которая] даруется благосклонной божественностью, в которую ты веришь и которой ты наделен, была милостива [к тебе]...» («Maneat modo concessa dei nutu et ab amico, cui credis et creditus es, numine indulta felicitas» Fest. 30. 2). Выражение «dei nutu» намекает на языческих богов. В свою очередь словосочетание «amicum numen, cui credis et creditus es» относится непосредственно к христианству, которое исповедовал Валент II¹⁰.

Вместе с тем существует версия отождествления историка с Фестином, или Фестом из Тридента, которая далеко не нова, хотя ранние сторонники этой теории не были так уверены в своей правоте, как их современные коллеги¹¹. В защиту этого утверждения выступил еще в 1915 г. А. Гаррони¹². Он справедливо критиковал Т. Моммзена, который отстаивал тезис о том, что автор «Бревиария» и представитель сенатской аристократии, поэт Руф Фест Авиен из Вольсиний – это

⁷ Boer 1972, 179.

⁸ Boer 1972, 179–180.

⁹ Boer 1972, 178.

¹⁰ Boer 1972, 178.

¹¹ Boer 1972, 181.

¹² Boer 1972, 181; Garroni 1915, 133.

одно и то же лицо. Сам факт, что поэт был знатным человеком, показывает, что он не мог быть тем же лицом, что и Фестин просто потому, что последний, как ясно утверждает Аммиан Марцеллин, был скромного происхождения¹³. А. Гаррони был убежден в том, что Фест первоначально был язычником, и поэтому считал, что всю его жизнь можно разделить на три периода. К первому периоду он относит создание «Бревиария деяний римского народа», впоследствии состоялось обращение Феста в христианство, преследование им философов и «образованных людей» и, наконец, испугавшись видения в храме Немезиды, перед самой смертью произошел возврат к язычеству¹⁴. Однако В. Ден Боер считает, что этот факт входит в противоречие с сообщением Евнапия о том, что Фест «не испытывал почтения перед богами» (Eunap. 481). «Это может означать только то, что он никогда не был политеистом, а, следовательно, в его жизни не могло быть никаких языческих периодов», – делает вывод голландский историк¹⁵.

С В. Ден Боером не соглашается Б. Болдуин, который полагает, что взгляды автора «Бревиария» необязательно должны быть исключительно языческими. Он критикует аргументы Дж. Эади, издавшего в 1967 г. латинский текст Феста, которые сводятся к тому, что во всем произведении отсутствуют упоминания о христианстве как таковом, дается положительная оценка правлению императора Юлиана, которому, в свою очередь, отводится значительное место в самом «Бревиарии» и заключительные строки, адресованные Валенту II. Б. Болдуин считает, что необязательно проводить тонкое различие между выражениями «*dei nutu*», якобы относящегося к языческим богам, и «*amicum numen*», намекающего на христианство¹⁶. Комplименты Валенту II могли быть и красноречивым свидетельством христианской принадлежности автора «Бревиария». Количество места, отводимого в «Бревиарии» императору Юлиану, также достаточно слабый аргумент в пользу язычества Феста. Так, христианскому императору Констанцию II в тексте уделено не меньше места, чем язычнику Юлиану. Фест был вынужден в своем кратком повествовании включить расширенный рассказ о персидской кампании Юлиана. Историк, каковы бы ни были его религиозные убеждения, не мог не рассмотреть эту тему и не уделить при этом должного внимания данному событию, тем более что эта кампания была слишком свежа в умах римлян, чтобы о ней можно было умолчать¹⁷. Отсутствие каких-либо упоминаний о христианстве в «Бревиарии» свидетельствует лишь о его весьма незначительном месте в общей структуре повествования¹⁸. Это уже является общим местом для всей «малой» римской историографии IV в. Положительное отношение Аврелия Виктора к династии Константина привело его лишь к мимолетному намеку на христианство. Евтропий, в свою очередь, совсем не упоминает об обращении Константина I в новую религию, а его единственная ссылка на христианство – это осуждение Юлиана как чрезмерного преследователя христианской религии («*nimius religiosus Christianae insectator*» Eutr. X. 16. 3)¹⁹. То есть «Бревиарий» не дает нам никаких

¹³ Boer 1972, 181; Baldwin 1978, 197; Garroni 1915, 133.

¹⁴ Boer 1972, 181; Garroni 1915, 133.

¹⁵ Boer 1972, 181.

¹⁶ Baldwin 1978, 203.

¹⁷ Baldwin 1978, 204.

¹⁸ Baldwin 1978, 203.

¹⁹ Baldwin 1978, 203.

ких доказательств религиозных взглядов его автора, – делает вывод английский исследователь. Если Фестин, или Фест из Тридента был христианином, убежденным или номинальным, как это подразумевается в рассказах Аммиана и Евнапия, то целесообразно подчеркнуть, что и автор «Бревиария» неизбывательно был язычником²⁰. Также, по мнению Б. Болдуина, не может быть и достоверной идентификации автора «Бревиария» с Фестом, или Фестином из Тридента, поскольку в самом произведении нет ничего, что указывало бы на то, что оно было написано чиновником Валентом²¹. Должности «magister memoriae», которую якобы занимал историк, нет в основном тексте, она упомянута всего лишь в одном кодексе IX в. (Bambergensis E III 22) и, по всей видимости, представляет собой яркий пример ошибки переписчика, который просто соотнес ее с аналогичной должностью, занимаемой Евтропием, произведение которого также имеется в этом кодексе²². С ним согласен и В. Ден Боер, считающий предположение, что два историка или чиновника, занимающих одно и то же положение при одном и том же императоре в течение нескольких лет, довольно невероятным²³. В этом же кодексе упомянут и ранг Феста – «vir clarissimus», который имел и Евтропий. «Светлайшие мужи», согласно административной реформе Диоклетиана-Константина, были начальниками провинций, в зависимости от статуса своих провинций носили титулы проконсулов, консуларов, корректоров и президов и относились к третьей категории высших чиновников Империи²⁴.

Напротив, Дж. Бонаменте не видит ничего необычного в переплетении карьер Феста и Евтропия. Он полагает, что в 370/371 г. Евтропий стал проконсулом Азии, о чем упоминает Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXIX. 1. 36). В это же время Евтропия обвиняют в заговоре против Валента вместе с его ближайшим другом Либанием, и, видимо, к этим обвинениям и был причастен Фест, получивший за это должность проконсула Азии и управлявший провинцией с 376 по 378 гг. Впоследствии Евтропий был оправдан, Либаний же подвергся преследованию в последние годы правления Валента II (Lib. Ep. 159; 163; Amm. Marc. XXIX. 1. 6–8; XXIX. 2. 4)²⁵. Этот Фест и был в конечном итоге автором «Бревиария».

Издатель текста «Бревиария» на французском языке М.-П. Арно-Линде полагает, что отождествить Феста-историка и Фестина из Тридента невозможно в силу разницы их возраста. Фестин, или Фест из Тридента, как и его покровитель Максимин, были современниками императора Валента, в то время как Фест – автор «Бревиария» должен был принадлежать, скорее, к предыдущему поколению, о чем он сам упоминает в последней главе своего труда («et aevo graviorem parabo» Fest. 30. 1)²⁶. Доводы относительно того, что автор «Бревиария» был язычником, французский ученый также считает малодоказательными²⁷.

По сути, отождествление историка Феста и Фестина из Тридента, упомянутого у Аммиана Марцеллина, Феста Либания, Евнапия и Зосимы, а также Руфа

²⁰ Baldwin 1978, 205.

²¹ Baldwin 1978, 205.

²² Baldwin 1978, 199; Kelly 2003, 74.

²³ Boer 1972, 183.

²⁴ Demandt 1989, 27–29; Kareev 2004, 15.

²⁵ Bonamente 1986, 32–34; Bonamente 2003, 114; Kareev 2004, 16–19.

²⁶ Arnaud-Lindet 1994, VIII–IX.

²⁷ Arnaud-Lindet 1994, XIV.

Феста Авиена оказалось неоправданно запутанным. Одна из причин этой путаницы должность *magister memoriae*, упомянутая в единственном кодексе и соотносимая с должностью проконсула Азии Феста²⁸. Второй причиной являются рукописные свидетельства с разночтениями полного имени автора «Бревиария», которые именовали его то, как *Rufi Festi*, то, как *Rufini Consul*, *Rufus Festus*, или даже *Ruffi Sexti*, что привело, по мнению Г. Келли, к изобретению некоего Секста Руфа²⁹. Все эти искажения принадлежат одному классу кодексов, самым старым представителем которого является кодекс *Escorialensis bibl. reg. R II 18*, созданный в VII в. в Испании и отличающийся большим количеством ошибок и лакун³⁰. Это дало повод необоснованно отнести автора «Бревиария» к знатной семье поэта Руфа Феста Авиена вопреки утверждениям Аммиана Марцеллина и других авторов о «низком» происхождении Феста³¹. То есть, исходя из современного состояния источников базы, сделать какой-либо однозначный вывод о личности автора «Бревиария» и его религиозной позиции нельзя. Единственно, что можно с уверенностью сказать о нем, – это то, что звали его Фест или, вполне возможно, Руф Фест, он принадлежал к окружению императора Валента II, вследствие этого был высокопоставленным чиновником, занимавшим должность проконсула, и, возможно, хотя и маловероятно, должность *«magister memoriae»*.

2. СТРУКТУРА «БРЕВИАРИЯ» ФЕСТА

При всей краткости и лаконичности изложения материала «Бревиарий» обладает весьма оригинальной структурой и концепцией, которую можно представить в виде шести не равных между собой частей:

1. Вступление, обращение к Валенту II с последующим объяснением принципа изложения материала (1. 1–2).
2. Подсчет лет от основания Рима и общее количество лет царского, республиканского и императорского периода истории (2. 1–4).
3. Краткое описание расширения территории Рима и последовательного захвата провинций в царский, республиканский и императорский периоды истории (3. 1–4).
4. Порядок образования каждой провинции (4. 1–14. 5):
 5. захват Сицилии и перечень должностей, кто ей управляет (4. 1);
 6. захват Сардинии и Корсики и перечень должностей, кто ими управляет (4. 2);
 7. захват Карфагена и Африки и перечень должностей, кто ими управляет (4. 3);
 8. захват Нумидии (4. 4);
 9. захват Мавритании (4. 5);

²⁸ В этой связи можно поставить под сомнение и должность *magister memoriae* Евтропия. См. также: Kelly 2003, 74.

²⁹ Kelly 2003, 75. Кстати, под таким именем Фест впервые фигурирует и в отечественном издании частичного перевода текста «Бревиария», выполненного Т.И. Кузнецовой. См. об этом: Gasparov 1964, 338–342.

³⁰ Arnaud-Lindet 1994, XXX–XXXI; Kelly G. 2003, 75.

³¹ Kelly G. 2003, 75.

10. выделение шести провинций в Африке и перечень должностей, кто ими управляет (4. 6);
11. восстание лузитанов в Испании (5. 1);
12. восстание кельтиберов, захват Нуманции, Серторианская война, восстание кантабров и астуров (5. 2);
13. перечисление шести провинций в Испании и перечень должностей, кто ими управляет (5. 3);
14. войны против галлов (6. 1–2);
15. перечисление восемнадцати провинций в Галлии, Аквитании и Британии (6. 3);
16. образование провинции Крит (7. 1);
17. завоевание Ахайи и Эпира (7. 2);
18. войны против Филиппа и Персея и присоединение Македонии (7. 3);
19. покорение иллирийцев, дарданов и мезов (7. 4);
20. образование провинций Норик и Паннония (7. 5);
21. изгнание «из области Валерии» маркоманнов и квадов (8. 1);
22. победа над даками императора Траяна, образование провинции Дакия, ее потеря при Аврелиане и образование провинций Мезия и Дардания (8. 2);
23. перечень восемнадцати провинций в Иллирике (8. 3);
24. война со скордисками во Фракии (9. 1);
25. войны с фракийскими племенами (9. 2–3);
26. образование шести провинций во Фракии (9. 4);
27. переход к описанию внешней политики Рима на Востоке (10. 1);
28. завоевание Азии, областей Лидия, Кария, Геллеспонта и Фригия (10. 2);
29. завоевание острова Родос и образование провинции Острова при Веспасиане (10. 3);
30. завоевание Памфилии, Ликии и Писиды (11. 1);
31. передача Риму по завещанию Никомеда Вифинии (11. 2);
32. завоевание и образование провинции Галатия (11. 3);
33. образование провинции Каппадокия (11. 4);
34. образование провинций Понт и Пафлагония (11. 5);
35. переход римлян через Тавр и образование провинции Сирия (12. 1);
36. покорение киликийцев и исавров (12. 2);
37. захват Кипра (13. 1);
38. завоевание Ливии (13. 2);
39. образование провинции Египет (13. 3);
40. победы римлян под командованием Луция Лукулла в Озроене и захват Нисибиса (14. 1);
41. войны против армянского царя Тиграна и победы над арабами и иудеями (14. 2);
42. образование провинций Армения, Месопотамия, Ассирия и Аравия в правление императора Траяна и последующая их добровольная сдача при императоре Адриане (14. 3);
43. упоминание о том, сколько раз захватывали и теряли Месопотамию римляне в правление Марка Аврелия и Луция Вера (14. 4);

44. краткий рассказ о римско-персидских войнах при императоре Диоклетиане и заключение Нисибисского мирного договора с персами в 298 г. (14. 5).
45. История внешней политики Рима на Востоке (15. 1–29. 2):
46. риторический ответ Феста на просьбу Валента II описать столкновения римлян и «ававилонян» на Востоке (15. 1);
47. описание победы Луция Лукулла над Митридатом и Тиграном; захват Нисибиса (15. 2);
48. победа Гнея Помпея над Митридатом (16. 1);
49. победа Гнея Помпея над Тиграном у Артаксаты (16. 2);
50. описание побед Гнея Помпея над албанами и их царем Ородом, над Иберией, сарацинами, арабами, захват Иудеи и Иерусалима заключение договора с «персами» (парфянами) (16. 3);
51. описание войны Марка Красса с парфянами (17. 1);
52. описание поражения и гибели Красса (17. 2);
53. описание побед Луция Кассия над «персами» (парфянами) (17. 3);
54. описание вторжения парфян в Сирию под командованием Лабиена и победы над ними Публия Вентидия Басса (18. 1);
55. описание войны Марка Антония с парфянами (18. 2);
56. подробное описание военных действий на Востоке Клавдия Цезаря внука Октавиана Августа (19. 1–2);
57. неудачные военные действия Нерона в Армении (20. 1);
58. описание завоеваний Траяна на Востоке (20. 2–3);
59. отзыв войск Адрианом из Армении, Месопотамии и Ассирии (20. 4);
60. описание побед Луция Вера над «персами» (парфянами) (21. 1);
61. победы Септимия Севера над парфянами, жителями Адиабены и арабами и создание провинции Аравия (21. 2);
62. подготовка Каракаллой похода против «персов» (парфян) (21. 3);
63. описание победы Александра Севера «над известнейшим персидским царем Ксерксом» (22. 1);
64. описание побед Гордиана III над «парфянами» (персами) и его гибели (22. 2);
65. описание поражения и пленения императора Валериана (23. 1);
66. набеги персов на Месопотамию в правление Галлиена, описание побед Одената над персами (23. 2);
67. приход к власти в Пальмире Зенобии и описание ее поражения от войск императора Аврелиана (24. 1);
68. победа над персами императора Кара и описание его гибели (24. 2);
69. подробное описание войны с персами Диоклетиана и Максимиана; пленение Нарсе (25. 1–3);
70. подготовка Константином Великим похода против персов (26. 1);
71. описание внешней политики Констанция II на Востоке, три осады Нисибиса, победа римлян при Нарасаре (27. 1–2);
72. подробное описание «ночной» битвы у крепости Сингара (27. 3–4);
73. подробное описание персидского похода Юлиана и его гибели (28. 1–3);

74. подробное описание завершения персидского похода Иовиана и заключение мира с персами (29. 1–2).
75. Риторическое завершение «Бревиария» и надежда Феста на новый поход Валента II против персов (30. 1–2).

Как мы можем видеть, «Бревиарий» объединяет два принципа изложения материала – географический (образование провинций и расширение государства) и внешнеполитический, с акцентом на те войны, которые Рим вел на Востоке.

3. ХРОНОЛОГИЯ «БРЕВИАРИЯ»

Хронология имела большое значение в трудах историков IV в., поскольку во времена смут, потрясений и войн необходимо было помнить, что история Римского государства – это непрерывная цепь событий, связующих славное прошлое с настоящим. Во многом именно благодаря этому император Валент включался в ряд законных правителей Рима³².

В самом начале «Бревиария» в обращении к императору Фест говорит о том, что, поскольку у него «нет возможности для красноречивого изложения, и, следуя примеру счетоводов, которые огромные суммы денег воспроизводят сжато», он обозначит деяния «не излагая их [подробно]» («*ac morem secutus calculonum qui ingentes summas aeris brevioribus exprimitunt, res gestas signabo, non eloquar*»; Fest. 1. 1).

Однако при, казалось бы, заявленном в самом начале хронологическом принципе изложения материала («*non tam legere tibi, gloriosissime princeps, quam numerare videaris*») Фест только в первой части считает нужным очертить временные рамки своего сочинения. Историк называет общее количество лет со времени основания Римского государства, и отмечает, что царский период римской истории продолжался 243 г., консульский – 467 лет, а императорский – 407 лет («*Ab Urbe igitur condita in ortum perennitatis vestrae, quo prosperius fratrum imperium Roma sortita est, anni numerantur MCXVII. Sic sub regibus anni numerantur CCXLIII, sub consulibus anni CCCCLXVII, sub imperatoribus anni CCCCCVII*»; Fest. 2. 1). Далее идет перечисление семи римских царей и сколько лет каждый из них правил (Fest. 2. 2)³³, затем подсчет общего количества консулов, лет их правления и других экстраординарных магistrатур в республиканский период (Fest. 2. 3), и, наконец, все завершается подсчетом количества императоров от Октавиана Августа до Иовиана и общего числа лет их правления (Fest. 2. 4). И, действительно, Фест здесь выступает своеобразным счетоводом. Он не упоминает консулов за каждый год, как это делает Евтропий, когда ему надо датировать то или иное событие, и не вычисливает продолжительность правления каждого императора³⁴, он сводит весь комплекс хронологических данных к общим итоговым суммам. Подобная хронологическая схема описания событий больше ни у кого не встречается³⁵.

Таким образом, как и сочинение Евтропия, «Бревиарий» Феста ориентирован, главным образом, на «событийное» время, где основными ориентирами служат

³² Boer 1972, 186.

³³ При этом хронологическая схема этой главы такая же, как и в «Бревиарии» Евтропия.

³⁴ Kareev 2004, 129–130.

³⁵ Boer 1972, 186.

только последовательный перечень образования провинций и описание внешней политики Рима на Востоке. Однако, несмотря на это, основная часть «Бревиария» полностью погружена в хронологический хаос.

4. ИСТОЧНИКИ «БРЕВИАРИЯ» ФЕСТА

По справедливому замечанию Б. Болдуина, если Фестин, или Фест из Тридента и автор «Бревиария» – одно и тоже лицо, то, следуя информации Либания (Or. 1. 156), этот человек совсем не знал греческого языка и, следовательно, все источники его труда должны быть исключительно на латыни³⁶. С ним соглашается В. Ден Боер, считая, что Фест в значительной степени опирался на Евтропия и Луция Аннея Флора, в то время как Секст Аврелий Виктор был ему малополезен из-за его пессимизма, постоянного морализаторства и сложного стиля повествования³⁷. Здесь уместно вспомнить о таком гипотетическом источнике, каким является так называемая *«Kaisergeschichte»*. Впервые к проблеме источниковской базы сочинений Евтропия, Секста Аврелия Виктора и авторов «Жизнеописаний Августов» обратился А. Энманн, предложивший теорию общего источника сведений для всех историков IV в., который он назвал *«Императорская история»* (*«Kaisergeschichte»*)³⁸. Существование этого не дошедшего до нас источника было призвано объяснить общий отбор фактов, стилистическое и вербальное сходство, а также общий набор ошибок в исторических трудах IV в. Потерянная *«Императорская история»* стала уже общим местом в трудах всех западных исследователей³⁹. В. Ден Боер, не отвергая, но и не разделяя данную гипотезу, полагает, что было бы слишком легко решить проблему источниковской базы «малых» римских историков вообще и Феста, в частности, просто сославшись на этот гипотетический источник. Это предположение, по его мнению, уводит нас от восприятия этих историков как самостоятельных и весьма оригинальных авторов. Не исключено и то, что Фест мог опираться и на устную традицию⁴⁰.

Как и Евтропий, Фест, следуя историографической традиции, не называет свои источники. Тем не менее, несмотря на всю подчеркнутую сжатость изложения, можно выделить два основных способа, с помощью которых Фест использует доступные ему сведения.

Первый способ – это прямое заимствование, включающее один и тот же набор слов, компоновку предложений и сюжетной линии. Здесь наиболее близким Фесту автором оказывается Евтропий и его *«Бревиарий от основания Города»*. Между обоими историками прослеживаются не только концептуальные, но и текстуальные параллели. Приведем несколько примеров:

³⁶ Baldwin 1978, 207.

³⁷ Boer 1972, 187.

³⁸ Enmann 1886, 337–501.

³⁹ Burgess 2005, 166–192; Kareev 2004, 74–91.

⁴⁰ Boer 1972, 187.

Festus	Eutropius
Traianus Dacos sub rege Decibalo vicit et Daciam trans Danubium in solo barbariae provinciam fecit, quae in circuitu habuit decies centena milia passum (8. 2).	Traianus... Daciam Decibalo victo subegit, provincial trans Danubium facta in his agris quos nunc Taifal, Victohali et Teruingi habent. Ea provincia decies centena milia passum in circuitu tenuit (VIII. 2. 2).
Traianus, qui post Augustum Romanae rei publicae movit lacertos, Armeniam receipt a Parthis , sublato diademate Armeniae maioris regnum ademit. Albanis regem dedit ; Hiberos, Bosphorianos, Colchos in fidem Romanae dicionis receipt ; Osrhoenorum loca et Arabum occupavit; Carduenos, Marcomedos obtinuit, Anthemusium , optimam Persidis regionem , Seleuciam , Ctesiphontem , Babyloniam accepit ac tenuit. Usque ad Indiae fines post Alexandrum accesit. In mari rubro classem instituit . Provincias fecit Armeniam, Mesopotamiam, Assyriam , quae inter Tigris et Euphratem sita in rugis amnibus instar Aegypti fecundatur (20. 2–3).	Traianus... Armeniam quam occupaverant Parthi recepit , Parthomasi occiso, qui eam tenebat. Albanis regem dedit . Hiberorum regem et Sauromatarum et Bosphoranorum et Arabum et Osdroenorum et Colchorum in fidem accepit . Carduenos, Marcomedos occupavit et Anthemusium , magnam Persidis regionem , Seleuciam , Ctesiphontem , Babylonem ; Messenios vicit ac tenuit. Usque ad Indiae fines et mare Rubrum accessit atque ibi tres provincias fecit , Armeniam, Assyriam, Mesopotamiam , cum his gentibus quae Madenam attingunt. Arabiam postea in provinciae formam rededit. In mari Rubro classem instituit , ut per eam Indiae fines vastaret (VIII. 3. 1–2).
Hadrianum gloriae Traiani certum est invidisse . Qui ei successor in imperio sponte propria revocatis exercitibus Armeniam, Mesopotamiam, Assyriam concessit et inter Romanos ac Persas Euphraten medium esse voluit (20. 4).	Hadrianus... Traiani gloriae invidens statim provincias tres reliquit, quas Traianus addiderat. Et de Assyria, Mesopotamia, Armenia revocavit exercitus ac finem imperii esse voluit Euphraten (VIII. 6. 2).
Severus natione Afer , acerrimus imperator Parthos strenue vicit, Aziabenos delevit, Arabas interiores obtinuit et Arabiam provinciam fecit. Huic cognomina ex victoriis quaesita sunt; nam Azabenicus, Parthicus, Arabicus cognominatus (21. 2).	...Septimius Severus... oriundus ex Africa... Parthos vicit et Arabas interiores et Adiabenos . Arabas eo usque superavit, ut etiam provinciam ibi faceret. Idcirco Parthicus, Arabicus, Adiabenicus dictus est (VIII. 18. 1–4).
Antoninus, cognomento Caracalla, filius Severi imperatoris, expeditionem in Persas parans, in Osrhoena apud Edessam propria morte obit et ibidem sepultus est (21. 3).	Aurelius Antoninus Bassianus, idemque Caracalla... defunctus est in Osdroena apud Edessam , moliens adversum Parthos expeditionem... (VIII. 20. 1–2).

Обнаруживаются также совпадения между текстом Феста и Периками Тита Ливия:

Festus 18. 1	Periocha 127
Parthi Labieno, qui Pompeianarum partium fuerat ac victus ad Persas refugerat, duce in Syriam inruperunt ac totam provinciam occuparunt .	Parthi Labieno, qui Pompeianarum partium fuerat, duce in Syriam inruperunt... totam eam provinciam occupaverent .
Festus 18. 2	Periocha 130
M. Antonius Medianum ingressus... bellum Parthis intulit , et primis eos proeliis vicit. Post duabus legionibus amissis...	M. Antonius... Medianum ingressus bellum... Parthis intulit... et cum duabus legionibus amissis...

Однако в случае с сочинением Евтропия не все так однозначно, хотя эти совпадения могут быть и неслучайными. Можно предположить, что более краткий Фест заимствует из более расширенного Евтропия. М.-П. Арно-Линде считает, что оба автора не копировали друг друга и не работали вместе, а пользовались

единным источником информации, предположительно, все той же «*Kaisergeschichte*». Действительно, начиная с правления Марка Антония и Луция Вера и заканчивая гибелью императора Кара, рассказы Евтропия и Феста во многом совпадают, но далее Фест более подробен, и за исключением использования нескольких похожих слов или выражений оба историка сильно отличаются в своих версиях изложенных событий⁴¹.

В. Ден Боер полагает, что, хотя Фест действительно иногда черпал свои сведения из письменных источников, это не должно наводить нас на мысль, что он напрямую от них зависел⁴². И здесь мы подходим ко второму способу интерпретации историком своей источниковской базы. Речь идет о том, что Фест, как и его современник Евтропий, не бездумно перелагает своих предшественников или современников, а выписывает только ему одному нужные факты, подчас синтезируя их с данными других источников и, тем самым подчиняя своей собственной оригинальной концепции. Вкрапления в текст «Бревиария» авторских ремарок также говорит в пользу предварительной обработки Фестом своих первоисточников. Поясним вышеизложенное на примерах. Так, описывая внешнюю политику Нерона, Фест традиционно для «малых» историков IV в. черпает сведения из Светония. И построение фраз, и описание событий, на первый взгляд, казалось бы, демонстрирует полную зависимость автора «Бревиария» от автора «Жизни двенадцати цезарей».

Festus 20. 1	Suet. Nero.
Nero, quem turpissimum imperatorem Romana est passa res publica, amisit Armeniam. Duae tunc Romanae legiones sub iugum a Persis missae extremo dedecore Romani exercitus sacramenta foedarunt.	...ignominia ad Orientem legionibus in Armenia sub iugum (39. 1); Britannia Armeniaque amissa ac rursus utraque recepta... (40. 2).

События, о которых пишет Фест, разделены у Светония несколькими абзацами текста. Восточная политика Нерона во многом сознательно искажается Фестом в угоду общей концепции «Бревиария»⁴³. Светоний более объективен к этому императору в этом вопросе, хотя и говорит о его «бесславных» делах на Востоке («*ignominia ad Orientem*»), но, однако, считает нужным упомянуть, что он «вернул Армению и Британию» («*Britannia Armeniaque amissa ac rursus utraque recepta*»), чего не делает Фест. То есть Фест, как и Евтропий, отбирал только нужный ему материал, монтируя из него новые конструкции, и «комбинировал» сюжеты, в результате чего появлялись новые логические и смысловые структуры⁴⁴.

Другой пример связан уже с построением риторических фраз в «Бревиарии». Он выдает знакомство Феста с Луцием Аннем Флором и представляет собой образец авторской переработки первоисточника:

Festus 20. 2	Florus I. 1. 8
Traianus, qui post Augustum Romanae reipublicae movit lacertos...	Nisi quod sub Traiano principe movit lacertos

⁴¹ Arnaud-Lindet 1994, XXIII.

⁴² Boer 1972, 188.

⁴³ Baldwin 1978, 208.

⁴⁴ Kareev 2004, 89.

Фест заимствует у Флора и принцип подсчета лет в самом начале своего «Бревиария»:

Festus 2. 1–4	Florus I. 1. 5–7
Sic sub regibus anni numerantur CCXLIII, sub consulibus anni CCCCLXVII, sub imperatoribus anni CCCCCVII. Regnarunt Romae per annos CCXLIII reges numero VII. Consules fuerunt a Bruto et Publicola in Pansam et Hirtium numero DCCCCXVII, praeter eos qui in eundem annum sorte aliqua sunt subrogati, per annos CCCCLXVII. Imperatores ab Octaviano Caesare Augusto usque in Iovianum fuerunt numero XLIII per annos CCCCCVII.	Prima aetas sub regibus fuit prope per annos CCL, quibus circum urbem ipsam cum finitimiis luctatus est. Haec erit eius infantia. Sequens a Bruto Collatinoque consulibus in Appium Claudium Marcum Fulvium consules CCL annos patet, quibus Italianum subegit. Hoc fuit tempus viris, armis incitatissimum, ideoque quis adulescentiam dixerit. Deinceps ad Caesarem Augustum CC anni, quibus totum orbem pacavit. Hic iam ipsa iuventus imperii et quaedam quasi robusta maturitas.

Таким образом, если очертить круг источниковой базы Феста, то мы получим во многом традиционных для того времени авторов. Это, прежде всего, *Периохи книг Тита Ливия*, «Жизнь двенадцати цезарей» Светония, «Две книги римских войн» Луция Аннея Флора, гипотетический сборник императорских биографий «Kaisergeschichte» (который вполне возможно включал в себя и выписки из труда Светония), вероятно, «Бревиарий» Евтропия, а также непосредственные рассказы очевидцев, участников событий⁴⁵.

5. ФЕСТ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИК

У Феста мы можем обнаружить сведения, которые полностью отсутствуют в других подобных сочинениях. Прежде всего, это касается описания внешней политики на Востоке в период правления императора Констанция II и обстоятельств персидского похода императора Юлиана (Fest. 25–28). Так, Фест – это единственный латинский источник, из которого мы узнаем о захвате персами крепости Амиды и некоей победе римлян при Нарасаре (предположительно в 336 г.), а также об убийстве Нарсе, брата Шапура II, и трех осадах Нисибиса («Ter autem a Persis est obsessa Nisibis, sed maiore suo detimento dum obsidet, hostis adfectus est. Narasarensi autem, ubi Narseus occiditur, superiores discessimus»; Fest. 27. 2)⁴⁶. Фесту также принадлежит достаточно подробное для его «Бревиария» описание так называемого «ночного» сражения у Элии или Гилей близ крепости Сингара (Fest. 27. 3–4)⁴⁷. Персидскому походу 363 г. императора Юлиана Фест уделил четыре абзаца текста (Fest. 28–29). Мы узнаем о подготовке к этому походу, последующем захвате множества городов и крепостей («Strenuus in ingressu multa Persarum oppida et castella aut suscepit dedita aut manu cepit»; Fest. 28. 1), устройстве военного лагеря близ Ктесифона («Cum contra Ctesiphontem... castra haberet»; Fest. 28. 2) и последующей битве римлян и персов у незащищенных ворот города, решении императора скечь свои корабли («exustis navibus»; Fest. 28. 3) и, доверившись предателю, отправиться вдоль правого берега Тигра на «Мадену» («cum a transfuga qui se ad fallendum obiecerat inductus viae in Madenam compendia sectaretur, dextrum

⁴⁵ В. Ден Боер считает нужным оставить проблему источников сочинения Феста такой, какая она есть из-за принципиальной невозможности ее решить. См. об этом: Boer 1972, 187.

⁴⁶ Kareev 2018, 147.

⁴⁷ Dmitriev 2012, 77–86; Kareev 2018, 140–142.

adversa Tigridis ripa nudato militum latere iter relegens»; Fest. 28. 3). С точностью к деталям описаны и обстоятельства гибели императора Юлиана («*Inter effusionem nimii sanguinis, cum suorum ordines licet saucius instaurasset, cunctantem animam multa suos allocutus efflavit*»; Fest. 28. 3).

Фест традиционен для римской историографии IV в. в описании заключения мирного договора римлян с персами, он называет условия этого договора вредными для Римского государства («*condicionibus (quod numquam antea accidit) dispensiosis Romanae rei publicae impositis*»; Fest. 29. 2) и поэтому считает императора Иовиана «неискусным» в управлении государством («*quiibus cupidior regni quam gloriae Iovianus in imperio rudis adquievit*»; Fest. 29. 2).

Нетрудно заметить, что Фест, начиная с описания правления Диоклетиана и политики этого императора на Востоке, становится более подробным в своем изложении фактов. И характеристики императоров, в свою очередь, более продуманные и информативные. Б. Болдуин склонен объяснять это тем, что многие сведения историк воспроизводил по памяти, из устных рассказов очевидцев, а также его возможной зависимостью от гипотетической «Kaisergeschichte»⁴⁸. Для подробного описания персидского похода Юлиана и обстоятельств гибели императора Фесту также был нужен непосредственный опрос очевидцев этого события⁴⁹.

Но усложнения стиля и языка при этом у Феста не происходит. Он пользуется почти теми же фразами, что и в основной части текста. Вполне возможно, что это может быть еще одним аргументом против «Kaisergeschichte». Б. Болдуин приводит ряд таких примеров. Так, словосочетание «*expertae felicitatis*» в характеристике императора Юлиана (Fest. 28. 1) можно встретить и в описании Гнея Помпея (Fest. 16. 1). Фраза «*pompa victoriae nota de Persis*» (Fest. 25. 1) в описании побед над персами императора Диоклетиана – это переработанное предложение «*De Persis Romae pompa spectabili triumphavit*» (Fest. 22. 1) из описания триумфа императора Александра Севера. Выражение «*victoria gloriosior*» (Fest. 26. 1), характеризующее победу Константина Великого над готами, вновь взято из описания побед того же императора («*glorioso vicit*»; Fest. 22. 1). Высказывание «*collecta Syrorum agrestium manu*» (Fest. 23. 2) – это реминисценция фразы «*collecta de agris multitudine*» (Fest. 6. 1)⁵⁰.

Интересны и оригинальные авторские вставки в тексте, которые во многом выдают в историке ритора. В начале «Бревиария» Фест заявляет о цели своего сочинения, а именно – о необходимости составить краткий обзор римской истории по поручению императора Валента («*Brevem fieri clementia tua praesepit: parebo libens praecepto, quippe cui desit facultas latius eloquendi, ac morem secutus calculonum qui ingentes summas aeris brevioribus exprimunt, res gestas signabo, non eloquar*»; Fest. 1. 1). Фест на протяжении своего труда постоянно напоминает императору о тех промежуточных задачах, которые он ставит, среди них рассказ о территориальном росте Рима при трех основных формах правления («*Sub his igitur tribus imperandi generibus, hoc est regio consulari imperatorio, quantum Roma profecerit, breviter intimabo*»; Fest. 3. 1), история образования каждой провинции («*Quo ordine autem singulas provincias Romana res publica adsecuta sit, infra ostenditur*»; Fest.

⁴⁸ Baldwin 1978, 211–212.

⁴⁹ Baldwin 1978, 212.

⁵⁰ Baldwin 1978, 213.

4. 1), история войн Рима на Востоке и пропаганда наступательных действий императора Валента в этом регионе («*Nunc Eoas partes totumque Orientem ac positas sub vicino sole provincias, qui auctores sceptris tuis paraverint, explicabo, quo studium clementiae tuae, quod in isdem propagandis habes, amplius incitetur*»; Fest. 10. 1).

В конце «Бревиария» Фест высказывает надежду на продолжение своего труда («*Quam mango deinceps ore tua, princeps invicte, facta sunt personanda! Quibus me licet inparem dicendi nisu et aevo graviorem parabo*»; Fest. 30. 1) и надеется, что когда-нибудь ему удастся описать и подвиги Валента⁵¹. Это является общим риторическим приемом у многих римских историков, таких, как Веллей Патеркул («*iusto servemus operi*»; Vel. Pat. II. 99. 3), Корнелий Тацит («*principatum divi Nervae et imperium Traiani, uberiorem securioremque materiam senectuti seposui*»; Tac. Hist. I. 1), Аммиан Марцеллин («*scribant reliqua potiores... quos id (si libuerit) adgressuros procudere lingua ad maiores moneo stilos*»; Amm. Marc. XXXI. 16. 9), Евтропий («*Quae nunc non tam praetermittimus quam ad maiorem scribendi diligentiam reservamus*»; Eutr. X. 18. 3), авторы жизнеописаний Августов («*nam Diocletianus et qui secundor stilo maiore dicendi sunt*»; SHA. Quad. Tug. XV. 10).

Вслед за Луцием Аннем Флором, перспективы второй молодости римского народа Фест связывает с деятельностью Марка Ульпия Траяна. Восхваляется именно завоевательная политика Траяна, особенно его действия на Востоке, так как император был примером полководца, способного утвердить окончательное главенство Рима на восточной границе, что было весьма актуально для IV в. Поэтому произведение Феста несло определенную политическую и пропагандистскую нагрузку, особо подчеркивая патриотическую тенденцию в официальной историографии того времени. Без сомнения, историк учитывал эти обстоятельства и своим описанием многочисленных успешных примеров завоеваний из прошлого Рима приглашал современных ему императоров, и, в частности, Валента II к более агрессивной внешней политике на Востоке, что отражало пропагандистскую цель его сочинения. То есть в лице Феста, как и в случае других «малых» римских историков, мы вновь видим не «бездумного» компилятора, а самостоятельно мыслящего автора, подчиняющего текст своего произведения оригинальной исторической концепции, направленной, прежде всего, на описание восточной политики Рима.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаспаров, М.Л. (отв. ред.) 1964: *Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V века*. М.
- Дмитриев, В.А. 2012: «Ночное сражение» под Сингарой: к вопросу о хронологии военно-политических событий середины IV в. н. э. в Верхней Месопотамии. *ПИФК* 3 (37), 77–86.
- Дуров, В.С. 1993: *Художественная историография древнего Рима*. СПб.
- Кареев, Д.В. 2004: *Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания города»*. СПб.
- Кареев, Д.В. 2018: Сражения у крепости Сингара и римско-персидские войны Констанция II: к вопросу о хронологии и последовательности событий. *ПИФК* 4 (62), 135–152.

⁵¹ Boer 1972, 188.

- Семичева, Е.А. 2016: «Бревиарий» Феста в зарубежной и отечественной историографии. *Научные ведомости. Серия история. Политология* 15 (236), 35–39.
- Arnaud-Lindet, M.-P. 1994: *Introduction Festus et son oeuvre / Festus Rufius. Abrege des hauts faits du peuple romain*. In: *Festus: Texte etabli et trad. par M.-P. Arnaud-Lindet*. Paris.
- Baldwin, B. 1978: *Festus the Historian. Historia*. 27. P. 197–217.
- Boer, W. den 1972: *Some minor Roman Historians*. Leiden.
- Bonamente, G. 1986: *Giuliano l'Apostata e il «Breviario» di Eutropio*. Roma.
- Bonamente, G. 2003: Minor Latin Historians of the Fourth Century A.D. In: G. Marasco (ed.), *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity Fourth to Sixth Century A.D.* Leiden–Boston, 85–127.
- Burgess, R.W. 2005: A common source for Jerome, Eutropius, Festus, Ammianus, and the Epitome de Caesaribus between 358 and 378, along with further thoughts on the date and nature of the Kaisergeschichte. *Classical Philology* 100, 166–192.
- Demandt, A. 1989: *Die Spatantike: Romische Geschichte von Diokletian bis Justinian, 284–565 n. Chr.* Munchen.
- Enmann, A. 1884: Eine verlorene Geschichte der romischen Kaiser und das Buch *De Viris Illustribus Urbis Romae*. Quellenstudien. *Philologus* 4, 337–501.
- Garroni, A. 1915: L'iscrizione di Rufio Festo Avieno e l'autore del Breviarium Historiae Romanae. *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma* 43, 123–135.
- Kelly, G. 2003: The Roman World of Festus' Breviarium. *Unclassical Traditions. Alternatives to the Classical Past in Late Antiquity*. Vol. I, 72–91.
- Rohrbacher, D. 2002: *The Historians of Late Antiquity*. London–New York.

REFERENCES

- Baldwin, B. 1978: *Festus the Historian. Historia* 27, 197–217.
- Boer, W. den 1972: *Some minor Roman Historians*. Leiden.
- Bonamente, G. 1986: *Giuliano l'Apostata e il «Breviario» di Eutropio*. Roma.
- Bonamente, G. 2003: Minor Latin Historians of the Fourth Century A.D. In: G. Marasco (ed.), *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity Fourth to Sixth Century A.D.* Leiden–Boston, 85–127.
- Burgess, R.W. 2005: A common source for Jerome, Eutropius, Festus, Ammianus, and the Epitome de Caesaribus between 358 and 378, along with further thoughts on the date and nature of the Kaisergeschichte. *Classical Philology* 100, 166–192.
- Demandt, A. 1989: *Die Spatantike: Romische Geschichte von Diokletian bis Justinian, 284–565 n. Chr.* Munchen.
- Dmitriev, V.A. 2012: “Nochnoe srazhenie” pod Singaroy: k voprosu o khronologii voenno-politicheskikh sobytiy serediny IV v. n. e. v Verkhney Mesopotamii [“Night battle” at Singara: the question of the chronology of military and political events in the mid-4th century BC in Upper Mesopotamia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 3 (37), 77–86.
- Enmann, A. 1884: Eine verlorene Geschichte der romischen Kaiser und das Buch *De Viris Illustribus Urbis Romae*. Quellenstudien. *Philologus* 4, 337–501.
- Garroni, A. 1915: L'iscrizione di Rufio Festo Avieno e l'autore del Breviarium Historiae Romanae. *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma* 43, 123–135.
- Gasparov, M.L. (ed.) 1964: *Pamyatniki pozdney antichnoy nauchno–khudozhestvennoy literatury II–V veka* [Literary landmark of late ancient scientific and artistic literature of the 2nd–5th centuries]. Moscow.
- Kareev, D.V. 2004: *Pozdnerimskaya istoriografiya pered vyzovom vremeni: Evtropiy I ego “Breviariy ot osnovaniya Goroda”* [Late Roman historiography before the challenge of time: Eutropius and his “Breviary from the Foundation of the city”]. Saint Petersburg.

- Kareev, D.V. 2018: Srazheniya u kreposti Singara i rimsко-persidskie voyne Konstantsyya II: k voprosu o khronologii i posledovatel'nosti sobytiy [Battle of the fortress Singara and roman-persian wars of the Constantius II: to the question of the chronology and sequence of events]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 4 (62), 135–152.
- Kelly, G. 2003: The Roman World of Festus' Breviarium. *Unclassical Traditions. Alternatives to the Classical Past in Late Antiquity*. Vol. I, 72–91.
- Semicheva, E.A. 2016: “Breviary” Festa v zarubezhnoy i otechestvennoy istoriografii [Breviarium of Festus in the foreign and russian historiography]. *Nauchnye vedomosti. Seriya istoriya. Politologiya* [Scientific reports. History series. Political science] 15 (236), 35–39.
- Rohrbacher, D. 2002: *The Historians of Late Antiquity*. London–New York.

FESTUS AND HIS BREVIARIUM GESTARUM POPULI ROMANI: THE AUTHOR, STRUCTURE AND SOURCES

Dmitriy V. Kareev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
dima75ru@yandex.ru

Abstract. The article attempts to analyze, taking into account the current state of historical sources and on the basis of modern historiography, the personality of the author of “Breviarium rerum gestarum populi Romani”, the structure and sources of his work. However, based on the current state of the sources, it is impossible to make any unambiguous conclusion about the identity of the author of “Breviary” and his religious position. The circle of Festus’ source base is largely traditional for authors of that time. Nevertheless, on the examples of the historian’s selection of his sources and original author’s inserts, the thesis that Fest does not have an original historical concept is refuted. “Breviary” of the Festus focuses mainly on the “event” time, where the main landmarks are the only consecutive list of education provincial and description of the external policy of Rome in the East, so it combined the two principles of presentation – geographical (education provinces and the extension of the state) and foreign policy, with a focus on those wars that Rome waged in the East. “Breviary”, despite its apparent simplicity and superficiality, allows you to answer the question of a special, inherent only to this historian’s view of Roman history. Festus’ work largely carried a political and propaganda load, emphasizing the Patriotic trend in the official Latin historiography of the time. The historian’s description of numerous successful examples of conquests from the past of Rome invited contemporary emperors, and in particular Valens II, to a more aggressive foreign policy in the East, which reflected the propaganda goal of his work.

Keywords: Festus, Eutropius, Ammianus Marcellinus, “small” Roman historiography, Late Roman Empire.

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-270-285

СТРАБОН И КИЗИКЕНСКАЯ ПОЛИТИЯ: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА И ПОНИМАНИЯ

С.О. Деркачева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
svede_res@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена интерпретации параграфа XII. 8. 11 «Географии» Страбона, содержащего описание города Кизика на Пропонтиде. Даётся краткий обзор неоднозначной традиции перевода на современные языки пассажа из этого параграфа: *ἔοικε τε τῷ παραπληθίῳ τύπῳ κοσμεῖσθαι ὥπερ ἡ τὸν Ῥοδίον καὶ Μασσαλιώτῶν καὶ Καρχηδονίων τὸν πάλαι.* Переводчики вкладывают в него смысл сходства между городами Кизиком, Родосом, Массалией и древним Карфагеном либо в законодательстве, либо в общественно-политическом устройстве, либо в строительстве и украшении городов. В статье рассматриваются приводимые Страбоном параллели в государственном устройстве Кизика и перечисленных полисов в свете концепции государственного устройства Аристотеля, а также некоторые методы, при помощи которых Страбон работал с материалом. В заключение делается вывод о том, что с наибольшей вероятностью цитированный пассаж следует интерпретировать применительно к сфере государственного устройства.

Ключевые слова: Кизик, Родос, Массалия, Карфаген, Страбон, полития, аристократия, олигархия, Аристотель.

В настоящей статье приводятся некоторые наблюдения над текстом «Географии» Страбона, которые были сделаны автором в ходе изучения истории города Кизика. Кизик – греческий полис, основанный, вероятно, в первой трети VII в. до н.э., крупный порт, который находился на южном побережье современного Мраморного моря. Несмотря на свое экономическое, политическое и культурное значение, он совсем не часто становился предметом исследований историков-антиковедов. Единственная монография, посвященная Кизику, была написана Ф. Хэзлаком в 1910 г.¹; она не слишком основательна. Затем, после векового перерыва, в 2014 г. в ознаменование столетия книги Хэзлака вышел сборник «Кизик, полис античной Пропонтиды, знаменитый и неизвестный»², содержащий статьи ряда авторов по различным частным вопросам кизикенской истории. В начале XXI в., можно ска-

Данные об авторе: Дергачева Светлана Олеговна – соискатель кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

¹ Hasluck 1910.

² Sève, Schlosser 2014.

зать, наблюдается некоторое оживление интереса ученых к Кизику, выходит ряд статей по отдельным сюжетам в периодических изданиях и сборниках³.

ТРАДИЦИЯ ПЕРЕВОДА ПАРАГРАФА XII. 8. 11 «ГЕОГРАФИИ» СТРАБОНА

Страбон в «Географии» упоминает Кизик по разным поводам в нескольких местах, но основные сведения приводит в параграфе XII. 8. 11⁴. В этом пассаже содержится неясность: в каком смысле Кизик устроен (κοσμεῖσθαι) по образцу Родоса, Массалии и древнего Карфагена? Многозначный глагол κοσμέω⁵ можно отнести и к законодательству, и к социальному-политическому устройству, и к строительству, и к фортификации и внешнему благоустройству. На последнее наводит параллель с Родосом, Массалией и Карфагеном, которые были значительными портами, крупными и благоустроеными городами с мощной фортификацией. Иллюстрацию фортификации Кизика Страбон дает в том же параграфе XII. 8. 11 некоторыми строками далее, когда приводит описание безуспешной осады города Митридатом VI Евпатором в 73 г. до н.э. во время Третьей Митридатовой войны⁶.

Традиция перевода Страбона на современные языки допускает в приведенном фрагменте параграфа XII. 8. 11 разные интерпретации. Их можно свести в три группы. Представитель первой группы, французский перевод А. Тардье 1873 г., трактует указанный фрагмент в смысле социальному-политическом, проводя пря-

³ Из недавних публикаций: Sèvè 1979; Thornton 1999; Martin 2003; Avram 2004; 2020; Ehrhardt 2008; Prêteux 2008; Habicht 2010; Carbon 2014. Можно также упомянуть результаты ведущихся в последние годы археологических исследований Кизика, которые регулярно освещает руководитель раскопок Нуруттин Кошхан (Nurettin Koçhan) в публикациях и выступлениях на турецком языке (перечень статей см.: <https://scholar.google.com.tr/citations?user=dTjVROUAAAJ&hl=tr>, выступления на конференциях см.: <https://rehber.bandirma.edu.tr/BildiriveKongreler/nkochan>). Однако приходится согласиться с мнением о том, что на сегодня Кизик остается «наименее изученным из крупных городов Азии» (Avram 2004, 983).

⁴ Strabo XII. 8. 11: Ἐστι δὲ νῆσος ἐν τῇ Προποντίδι ἡ Κύζικος... ἔστι δ' ἐνάμιλλος ταῖς πρώταις τῶν κατὰ τὴν Ασίαν ἡ πόλις μεγέθει τε καὶ κάλλει καὶ εὐνομίᾳ πρός τε εἰρήνην καὶ πόλεμον ἔσικέ τε τῷ παραπλησίῳ τύπῳ κοσμεῖσθαι ὥπερ ἡ τῶν Ροδίων καὶ Μασσαλιωτῶν καὶ Καρχηδονίων τῶν πάλαι. τὰ μὲν οὖν πολλὰ ἐώ, τρεῖς δ' ἀρχιτέκτονας τοὺς ἐπιμελουμένους οἰκοδομημάτων τε δημοσίων καὶ ὄργανων, τρεῖς δὲ καὶ θησαυροὺς κέκτηται, τὸν μὲν ὅπλων τὸν δ' ὄργανων τὸν δὲ σίτου... Ρωμαῖοι δ' ἐτίμησαν τὴν πόλιν, καὶ ἔστιν ἐλευθέρα μέχρι νῦν καὶ χώραν ἔχει πολλὴν τὴν μὲν ἐκ παλαιοῦ τὴν δὲ τῶν Ρωμαίων προσθέντων. Здесь и далее греческий текст «Географии» Страбона приводится по наиболее авторитетному изданию: Radt 2002–2011. Параграф XII. 8. 11: Radt 2004, 514–516.

⁵ κοσμέω – «строить, выстраивать, устраивать, располагать в порядке, готовить, управлять, править, заправлять, убирать, прибирать, наряжать, одевать, украшать, разукрашивать, приукрашивать, служить украшением, обряжать, готовить к погребению, причислять, относить» (Дворецкий 1958, 973; Вейсман 1991, 724–725); order, arrange, prepare rule, adorn, equip, dress, embellish, honour, bury, to be assigned, ascribed to (Liddell, Scott, Jones, McKenzie 1996).

⁶ «Царь неожиданно напал на них с войском 150000 пехотинцев и многочисленной конницей и захватил гору, возвышающуюся против города <...> Затем Митридат переправился через перешеек над городом и начал осаждать Кизик с суши и с моря на 400 кораблях. Кизикенцы выдержали все нападения...» (Страбон 1994, 539).

мые аналогии между конституциями Кизика, Массалии, Родоса, Кафагена⁷. Близок к нему перевод на немецкий язык Х.Г. Гроскурда 1831 г.⁸.

В английском переводе Х. Гамильтона и В. Фальконе середины XIX в. космéо переводится как «украшение»⁹. Таким же образом его употребляют Х.Л. Джонс¹⁰ и Д. Роллер¹¹. Ф.Г. Мищенко в переводе на русский язык 1879 г. трактует космéо в смысле городской топографии¹², что также близко по значению.

Наиболее распространенный перевод на русский язык Г.А. Стратановского выполнен с сохранением неопределенности оригинала, возможно, намеренным: «Устроен Кизик, по-видимому, по одному образцу с городами родосцев, массалиотов и древних карфагенян»¹³. Такой же подход представлен в авторитетных переводах Ф. Лассера на французский язык¹⁴ и Ш. Радта¹⁵ на немецкий.

Таким образом, беглый обзор традиции перевода параграфа XII. 8. 11 показывает, что понимание его разными переводчиками противоречиво и не может служить основанием для сколько-нибудь определенных выводов исторического

⁷ Strabon 1873, 546: “Cyzique peut rivaliser avec les premières villes de l’Asie, non seulement sous le rapport de l’étendue et de la beauté des édifices, mais aussi pour la sagesse de ses institutions aussi bien conçues en vue de la guerre que de la paix et qui semblent avoir été modelées sur un type analogue à celui des antiques constitutions de Rhodes, de Marseille et de Carthage”. («Кизик может соперничать с первыми городами Азии не только размерами и красотой своих построек, но и мудростью законов, разработанных для войны и для мира, которые, кажется, были смоделированы по типу, аналогичному с античными конституциями Родоса, Массалии и Карфагена»). Здесь и далее переводы с английского, французского и немецкого языков выполнены автором, если не указано иное.

⁸ Strabo 1831, 528: “Kyzikos wetteifert mit den ersten Städten Asiens an Grösse und Schönheit und weiser Gesetzgebung für Frieden und Krieg, und sie scheint nach ähnlichem Muster gebildet zu sein, wie die Städte der Rhodier, der Massalioten und der ehemaligen Karchedonier” («Кизик соперничает с первыми городами Азии по величине, красоте и мудрому законодательству для мира и войны, и он, по-видимому, образован по модели, аналогичной городам родосцев, массалиотов и древних карфагенян»).

⁹ Hamilton, Falconer 1856, 331: “It appears to be embellished in a manner similar to Rhodes, Massalia, and ancient Carthage” («Он, по-видимому, украшен таким же образом, что и Родос, Массалия и древний Карфаген»).

¹⁰ Strabo 1961, 501: “...its adornment appears to be of a type similar to that of Rhodes and Massalia and ancient Carthage” («...его украшение похоже на украшение Родоса, Массалии и древнего Карфагена»).

¹¹ Roller 2015, 550: “Its adornment seems to be similar to that of the Rhodians and Massaliotes, or the ancient Karchedonians” («Его украшение похоже на то, что было у родосцев и массалиотов или у древних карфагенян»).

¹² Страбон 1879, 586–587: «Он построен, кажется, по тому же плану, как и города родосцев, массалиотов и древних кархедонян».

¹³ Страбон 1994, 539.

¹⁴ Strabon 1981, 138: “La ville est digne de rivaliser avec les plus importantes des cites d’Asie par sa grandeur et sa beauté, ainsi que par l’excellence de sa legislation regardant la paix et la guerre. Elle donne l’impression d’avoir été aménagée selon un modèle très semblable à ceux qui ont prévalu à Rhodes, à Massalia et dans l’ancienne Carthage” («Город достоин соперничать с крупнейшими городами Азии по своему величию и красоте, а также по совершенству своего законодательства по отношению к миру и войне. Создается впечатление, что он был благоустроен по образцу, похожему на те, которые преобладали в Родосе, Массалии и в древнем Карфагене»).

¹⁵ Radt 2004, 515: “Die Stadt kann es mit den ersten Städten Asiens aufnehmen was Größe, Schönheit und gute Organisation für Frieden und Krieg anbelangt, und scheint nach einem ähnlichen Muster eingerichtet zu sein wie die Stadt der Rhodier, der Massalioten und der alten Karthager” («Город может быть включен в ряд первых городов Азии с точки зрения размера, красоты и хорошей организации в вопросах мира и войны, и, похоже, устроен по образцу, подобному городам родосцев, массалиотов и древних карфагенян»).

характера. Данный пассаж не привлек в историографии того внимания, которого он, на наш взгляд, заслуживает. Только Ф. Хэзлак вполне уверенно писал, что Страбон сравнивает государственную организацию Кизика с Родосом¹⁶. Между тем, детальный анализ описания устройства Кизика Страбоном может помочь лучше представить ряд особенностей исторического развития этого города (отчасти и других эллинистических полисов) и одновременно прояснить взгляды географа на полис вообще как на социально-политический организм, а также выявить особенности его языка, стиля и некоторые методы его работы с источниками. Ну и, наконец, любопытным представляется выяснение некоторых особенностей творческих методов, применяемых к переводу Страбона филологами-классиками разных стран.

Страбон употребляет глагол *κοσμέω* в тексте «Географии» около 30 раз. В большинстве случаев контекст вполне однозначен и указывает на действие по украшению чего или кого-либо в прямом или переносном смысле¹⁷. Но в нескольких местах *κοσμέω* не имеет четко определенного смыслового оттенка. Так, например, в параграфе XIII. 2. 3 такая неоднозначность позволила Г.А. Стратановскому перевести *κοσμέω* как «возвышать»¹⁸, а в III. 4. 6 – как «иметь»¹⁹ с определенным упрощением смысла.

КИЗИК, РОДОС, МАССАЛИЯ, КАРФАГЕН: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Возникает вопрос: почему для сопоставления Страбон избрал именно Кизик, Родос, Массалию и древний (то есть до разрушения римлянами) Карфаген? Это сопоставление, стоит подчеркнуть, встречается не единожды: в частности, при описании Родоса Страбон также проводит параллель с Кизиком и Массалией (XIV. 2. 5)²⁰. При этом сопоставляемые города довольно далеко разнесены как

¹⁶ Hasluck 1910, 170.

¹⁷ Например: ὃν τῶν πάντων μάλιστα ἀρετῇ πάσῃ κοσμεῖ (I. 2. 4) («Он украшает героя всяческими доблестями предпочтительно перед всеми другими героями» (Страбон 1994, 23); τὸ ἱερὸν τοῦ Ἀπόλλωνος ἐκόσμησε πολλάκις τὸ ἐν Δελφοῖς ἀπὸ τῶν ἀκροθινίον (VI. 2. 10) («Липара часто украшала святилище Аполлона в Дельфах посвятительными дарами из лучшей части военной добычи» (Страбон 1994, 253); μονολίθους γάρ κίονας καὶ πλάκας μεγάλας ὄραν ἐστιν ἐν τῇ Ῥώμῃ τῆς ποικίλης λιθείας, ἀφ' ἣς ἡ πόλις κοσμεῖται δημοσίᾳ τε καὶ ιδίᾳ (IX. 5. 16) («Колонны из цельных кусков и большие плиты разноцветного мрамора можно видеть в Риме. Город украшается этим мрамором на общественные и частные средства» (Страбон 1994, 414).

¹⁸ ὁ συγγραφεὺς Θεοφάνης... ὃν τὴν τε πατρίδα ἐκόσμησε...: «...историк Феофан <...> возвысил свою родину...» (Страбон 1994, 579). Впрочем, данный контекст дает возможность перевести и как «...украсил свою родину...».

¹⁹ Μετὰ ταῦτα τοίνυν ἐστὶ Καρχηδόνη ἡ Νέα, κτίσμα Ασδρούβα τοῦ διαδεξαμένου Βάρκαν τὸν Αννίβα πατέρα, κρατίστη πολὺ τῶν ταύτη πόλεων· καὶ γάρ ἐρυμνότητι καὶ τείχει κατεσκεύασται καλῶς καὶ λιμέσι καὶ λίμνη κεκόσμηται καὶ τοῖς τοῦ ἀργύρου μετάλλοις: «После Абдеры идет Новый Карфаген, основанный Гасдрубалом, преемником Барки, отца Ганнибала, – самый могущественный из городов этой страны; он прекрасно укреплен, обведен отличными стенами, имеет гавань, озеро и серебряные рудники...» (Страбон 1994, 154).

²⁰ Strabo XIV.2.5: λιμέσι δὲ καὶ οδοῖς καὶ τείχεσι καὶ τῇ ἄλλῃ κατασκευῇ τοσοῦτον διαφέρει τῶν ἄλλων ὥστ' οὐκ ἔχομεν εἰπεῖν ἔτεραν ἀλλ' οὐδὲ πάρισον, μή τι γε κρείττω ταύτης τῆς πόλεως. Θαυμαστή δὲ καὶ ἡ εὐνομία καὶ ἡ ἐπιφέλεια πρός τε τὴν ἄλλην πολιτείαν καὶ τὴν περὶ τὰ ναυτικά, ἀφ' ἣς ἐθαλαττοκράτησε πολὺν χρόνον καὶ τὰ ληστήρια καθεῦδε καὶ Ρωμαίοις ἐγένετο φίλη καὶ τῶν βασιλέων τοῖς φιλορωμαίοις τε καὶ φιλέλλησιν· ἀφ' ὃν αὐτόνομός τε διετέλεσε καὶ πολλοῖς ἀναθήμασιν ἐκοσμήθη <...> δημοκρητεῖς δ' εἰσιν οἱ Ρόδιοι καίπερ οὐ δημοκρατούμενοι, συνέχειν δ' ὅμως βουλδμενοι τὸ τῶν πενήτων πλῆθος.

географически, так и непосредственно в тексте «Географии»: описание Массалии приводится в IV книге, Кизика – в XII, Родоса – в XIV, а Карфагена – в последней, XVII книге. Таким образом, читателю главы о Кизике или Родосе для того, чтобы освежить в памяти сведения о Массалии, придется возвращаться к началу сочинения.

Обратимся теперь к тем городам, которые Страбон сопоставляет с Кизиком. В описании Родоса (XIV. 2. 5) содержатся прямые аналогии с Кизиком: *εὐνομία*, которая является основой благополучия, благорасположение римлян, обширные земельные владения, часть из которых приобретена благодаря римлянам, общий панегирический тон. Специально отмечаются особенности организации строительства и военно-морского дела. Аналогия дополняется параллелью периода Митридатовых войн, когда оба города успешно выдержали осаду Митридата Евпатора: Родос в 88 г. до н.э. (о чем Страбон, правда, не упоминает – но наверняка знает), а Кизик в 73 г. до н.э.

К середине I в. до н.э. Родос, несмотря на конкуренцию со стороны Делоса, оставался процветающим городом и крупнейшим центром международной торговли. Конечно, период максимального его могущества завершился к концу третьей Македонской войны, как справедливо указывает Ю.В. Горлов²¹, однако и позже город обладал значительной военной и экономической мощью. Об этом свидетельствует письменная традиция, эпиграфические источники, да и сам Страбон в приведенном пассаже²². Таким образом, возникает еще одна параллель в описании Родоса и Кизика как крупных процветающих городов.

Однако сам параграф XIV. 2. 5 является предметом дискуссий. В отношении общественно-политического устройства Родоса Страбон употребляет выражение *οὐ δημοκρατούμενοι*, которое большинство переводчиков понимают как «не управляемые демократически»²³. Это противоречит известным данным о том, что на

σιταρχεῖται τε δὴ ὁ δῆμος καὶ οἱ εὐπόροι τοὺς ἐνδεεῖς ὑπολαμβάνουσιν ἔθει τινὶ πατρίφ λειτουργίαι τέ τινές εἰσιν δύψωνιασμοῦ, ὥσθ' ἂμα τὸν τε πένητα ἔχειν τὴν διατροφὴν καὶ τὴν πόλιν τῶν χρειῶν μὴ καθυστερεῖν, καὶ μάλιστα πρὸς τὰς ναυστολίας, τῶν δὲ ναυστάθμων τινὰ καὶ κρυπτὰ ἥν καὶ ἀπόρρητα τοῖς πολλοῖς: τῷ δὲ κατοπτεύσαντι ἡ παρελθόντι εἰσω θάνατος ὥριστο ἡ ζημία. κάνταῦθα δὲ, ὥστερ ἐν Μασσαλίᾳ καὶ Κυζίκῳ, τὰ περὶ τοὺς ὄρχιτέκτονας καὶ τὰς ὄργανοποιίας καὶ θησαυροὺς ὅπλων τε καὶ τῶν ἄλλων ἐσπούδασται διαφερόντως, καὶ ἔτι γε τῶν παρ' ἄλλοις μᾶλλον. Перевод Г.А. Стратановского: «...в отношении гаваней, дорог, стен и прочих сооружений он [Родос – С.Д.] настолько выгодно отличается от всех прочих городов, что я не могу назвать другого приблизительно равного или тем более несколько лучше его. Удивительно также основанное на законах благоустройство города родосцев и то заботливое внимание, которое они уделяют государственным делам вообще и в частности флоту, благодаря которому они долгое время господствовали на море, уничтожили пиратство и стали “друзьями” римлян и всех царей, приверженцев римлян и греков. Вследствие этого Родос не только оставался независимым, но даже украсился множеством посвятительных даров... [далее следует описание полученных городом даров. – С.Д.]. Родосцы заботятся о народных интересах, хотя у них и нет демократического правления, но они все же желают поддерживать массу бедняков. Таким образом, народ снабжает хлебом или люди состоятельные помогают беднякам по обычаям предков; существуют известные общественные повинности по поставке продовольствия <...> Здесь, как в Массалии и Кизике, все, что имеет отношение к архитекторам, изготовлению военных орудий и складам оружия и прочего, служит предметом особой заботы и даже в большей степени, чем где бы то ни было» (Страбон 1994, 610–611).

²¹ Горлов 1990, 221.

²² Краткую характеристику политico-экономического положения Родоса во II–I вв. до н.э. см., например, Кофанов 2012, 33–35.

²³ Migeotte 1989, 525.

Родосе существовало демократическое правление как в эллинистический период, так и позже (Sall. Ep. ad Caes. II. 7. 12; Dio Chrys. 31. 6; Tac. Dial. 40. 3). Родосской демократии периода эллинизма посвящена обширная литература²⁴.

Для разрешения противоречия выдвигались различные гипотезы²⁵. В частности, предлагалось понимать δῆμοκρατούμενοι как «быть управляемым демосом» в узком смысле, соответственно оύ δῆμοκρατούμενοι означает широкие полномочия правительственные элит и (или) богатых торговцев, не совместимые с понятием демократии. Предполагалось также изменение общественного строя на Родосе в антидемократическую сторону с течением времени. Ф. Гриб в специальной главе книги «Эллинистические демократии», посвященной рассматриваемому параграфу XIV. 2. 5, предполагает, что источником выражения оύ δῆμοκρατούμενοι был философ Посидоний. Согласно выводам исследователя, в период после Третьей Македонской войны на Родосе происходили постепенные изменения политического строя, в результате которых ко времени Страбона этот строй уже не являлся демократией в традиционном понимании термина из-за определяющего влияния небольшой группы внутри полиса²⁶. При этом, на взгляд римлян, например, Цицерона, родосский строй был вполне демократичен (Cic. De res publ. I. 31. 47), однако неясно, к какому периоду истории Родоса относится суждение Цицерона. Кроме того, Ф. Гриб подчеркивает необходимость при интерпретации учитывать дифференциацию населения Родоса, а именно: разделение населения на демос (граждан), богатых торговцев-неграждан и остальную массу.

Л. Мижот вслед за Дж. Пульезе Карателли указывает на связь выражения оύ δῆμοκρατούμενοι (возможно, через Панетия и Посидония) с понятием государственного устройства в виде «политии» (πολιτεία) в терминологии Аристотеля из IV книги «Политики». Это вполне обоснованно, учитывая серьезное знакомство Страбона с философией перипатетиков²⁷.

Согласно Аристотелю, «...полития является как бы смешением олигархии и демократии. Те виды государственного строя, которые имеют склонность в сторону демократии, обычно называются политиями, а те, которые склоняются скорее в сторону олигархии, обычно именуются аристократиями» (Pol. IV. 6. 2)²⁸. Аристотель рассуждает о политии как условно-образцовом виде государственно-

²⁴ Подробное описание родосской демократии см.: Berthold 1984, 38–41. См. также: Papachristodoulou 1999; Кудина 2018.

²⁵ Краткий обзор работ, связанных с указанной дискуссией, приведен в: Radt 2006, 71, прим. к ст. 34.

²⁶ Grieb 2008, 344–353.

²⁷ О своих занятиях философией Аристотеля совместно с философом Боэтом из Сидона Страбон прямо говорит в XVI. 2. 24. Боэт был философом-перипатетиком, и предполагается, что он мог быть главой этой школы на рубеже эр (Lindsay 1997, 297). Страбон демонстрирует хорошее знакомство с «Политиями» Аристотеля (VII. 7. 2). Общий очерк философских взглядов Страбона, включая рассмотрение вопроса о влиянии аристотелизма на них, см.: Lindsay 1997, а также Hatzimichali 2017, 17–18.

²⁸ Аристотель 2012, 148. Ср. IV. 5. 2: «...Во многих местах государственное устройство в силу тамошних законов не демократическое, но является таковым в силу господствующих обычаяев и всего уклада жизни; точно так же в других государствах бывает обратное явление: по законам строй скорее демократический, а по укладу жизни и господствующим обычаям скорее олигархический» (Аристотель 2012, 144); IV. 6. 5 «...Политией следует называть такой государственный строй, при котором имеется смешение двух начал – состоятельных и неимущих» (Аристотель 2012, 149), что проиллюстрировано у Страбона описанием снабжения бедных граждан состоятельными на Родосе.

го строя, лучшем виде строя, осуществимом в реальности²⁹, в противовес крайностям – радикальной демократии и тирании. Более того, аристократические формы правления столь тесно примыкают к политиям, что их следует рассматривать как одно и то же³⁰.

Таким образом, в случае Родоса Страбон приводит пример теоретически рассмотренного Аристотелем образцового государственного устройства. К этому мы еще вернемся ниже.

Что касается Массалии, то Страбоново описание ее государственного устройства исследователи достаточно уверенно возводят к несохранившемуся описанию массалиотской политии у Аристотеля³¹. В отношении Массалии Страбон сообщает, что «массалиоты придерживаются аристократического и строго законного образа правления» (IV. 1. 5)³². А, по словам Аристотеля, в Массалии олигархия в результате развития стала схожа с политией³³: «πολιτικοτέρα ἐγένετο ἡ ὀλιγαρχία» (Pol. V. 5. 1).

Заметим, что описание Массалии у Страбона явным образом распадается на две части. Первая часть – общая обрисовка города, вторая содержит информацию о школе риторов и вообще о высоком развитии искусств в современной Страбону Массалии и, по-видимому, имеет своим источником некоего ритора, родившего-

Далее Аристотель дает определение аристократии как смешения трех начал: свободы, богатства, добродетели (Аристотель 2012, 149).

²⁹ Доватур 1965, 44–46. Рассмотрению взглядов Аристотеля на условно-образцовый государственный строй в книге А.И. Доватура посвящена целиком вторая глава первого раздела (Доватур 1965, 37–58).

³⁰ Доватур 1965, 44.

³¹ Radt 2006, 410, прим. к ст. 26–32; Strabon 1966, 205. См. также: Козловская 2009, 42–44.

³² IV. 1. 5: Διοικοῦνται δ' ἀριστοκρατικῶς οἱ Μασσαλιῶται πάντων εὐνομώτατα... (далее идет подробное описание структуры управления) ὑστερον μέντοι ταῖς ἀνδραγαθίαις ἵσχυσαν προσλαβεῖν τινα τῶν πέριξ πεδίων ἀπὸ τῆς αὐτῆς δυνάμεως ἀφ' ἡς καὶ τὰς πόλεις ἔκτισαν ἐπιτειχίσματα <...> εἰσὶ δὲ καὶ νεώσοικοι παρ' αὐτοῖς καὶ ὀπλοθήκη· πρότερον δὲ καὶ πλοίων εὐπορία καὶ ὅπλων καὶ ὄργανων τῶν τε πρὸς τὰς ναυτιλίας χρησίμων καὶ τῶν πρὸς πολιορκίας. ἀφ' ὧν πρός τε τοὺς βαρβάρους ἀντέσχον καὶ Ρωμαίους ἐκτήσαντο φίλους καὶ πολλὰ καὶ αὐτοὶ χρήσιμοι κατέστησαν ἐκείνοις κάκενοι προσελάβοντο τῆς αὐξήσεως αὐτοῖς <...> (Σέξτιος) τὴν δὲ λειφθεῖσαν ὑπ' ἐκείνων (βάρβαρων) τοῖς Μασσαλιώταις παραδέδωκεν <...> πρότερον μὲν οὐν εὐτύχουν διαφερόντως περὶ τε τᾶλλα καὶ περὶ τὴν πρὸς Ρωμαίους φιλίαν (ἥς πολλὰ ἄν τις λάβοι σημεῖα...) <...> κατὰ δὲ τὴν Πομπήιον πρὸς Καίσαρα στάσιν τῷ κρατηθέντι μέρει προσθέμενοι τὴν πολλὴν τῆς εὐδαιμονίας ἀπέβαλον. ὅμως δ' οὖν ἔχην λείπεται τοῦ παλαιοῦ ζήλου παρὰ τοῖς ἀνθρώποις καὶ μάλιστα περὶ τὰς ὄργανοποιίας καὶ τὴν ναυτικὴν παρασκευὴν <...> καὶ οἱ Καίσαρ δὲ καὶ οἱ μετ' ἐκεῖνον ἡγεμόνες πρὸς τὰς ἐν τῷ πολέμῳ γενηθείσας ἀμαρτίας ἐμετρίασαν μεμνημένοι τῆς φιλίας καὶ τὴν αὐτονομίαν ἐφύλαξαν, ἥν εξ ἀρχῆς εἶχεν ἡ πόλις, ὥστε μὴ ὑπακούειν τῶν εἰς τὴν ἐπαρχίαν πειμπομένων στρατηγῶν μήτε αὐτὴν μήτε τοὺς ὑπηκόους. Перевод Г.А. Стратановского: «Массалиоты придерживаются аристократического и строго законного образа правления <...> Впоследствии их доблесть дала им возможность захватить несколько равнин в окрестности благодаря той же самой военной силе, с помощью которой они основали свои города <...> У массалиотов есть верфи и арсенал. В прежние времена у них было очень много кораблей, оружия и инструментов, пригодных для мореплавания, а также осадные машины; с помощью всего этого они устояли против натиска варваров и приобрели дружбу римлян; во многих случаях они не только сами оказывали полезные услуги римлянам, но и римляне помогали им усилиению <...> (Секстий) оставленную варварами территорию <...> передал массалиотам <...> Таким образом, в прежние времена массалиотам вообще сопутствовало исключительное счастье, особенно же в их дружбе с римлянами; можно привести много примеров этого... следы старинного трудолюбия еще остались у населения, особенно при сооружении военных машин и корабельного снаряжения <...> императоры <...> сохранили городу автономию, которой он пользовался с самого начала...» (Страбон 1994, 172–174).

³³ Доватур 1965, 288.

ся или долго там работавшего³⁴. При сравнении историко-политического очерка города с очерками о Родосе и Кизике отмечаем вновь тот же план: благое законодательство, общее процветание, дружба с римлянами и их расположение, сохранение статуса свободного города, земельные владения, часть из которых (и это отмечается особо) получена от римлян, прекрасная организация военных и морских дел – и снова общий возвышенный тон.

Таким образом, историко-политические очерки Массалии, Родоса и Кизика построены аналогично друг другу. Можно заключить, что характеристики общественно-политического устройства Массалии и Родоса у Страбона восходят, по-видимому, к Аристотелю, и эти устройства в разной степени приближаются к тому, что философ классифицирует как политию.

Изменения общественно-политического устройства Массалии шли в направлении, противоположном тому, что происходило на Родосе³⁵. Первоначально всей полнотой власти располагал замкнутый круг прямых потомков колонистов-перво-поселенцев. С течением времени в результате ряда гражданских противостояний правящий слой расширился сначала за счет других потомков первых колонистов, а затем – за счет богатых представителей остальной массы граждан³⁶. Страбон (IV. 1. 5) приводит подробное описание государственного устройства Массалии, отмечая, что вся власть была сосредоточена у совета из шестисот человек (ти-мухов). Члены совета не были избираемы народом, а кооптировались самим советом в его состав пожизненно. По-видимому, условием для введения в совет, надо предполагать, было как соответствие имущественному цензу, позволяющему иметь досуг для занятий управлением и средства на расходы для отправления литургий, так и некоторый необходимый набор моральных и гражданских качеств (ἄξιος)³⁷. Демос не имел никаких прав и не осуществлял никакого контроля над управляющими³⁸. С другой стороны, правящая элита обеспечивала стабильность в обществе и соблюдение законности, что, как указывает М. Клавель-Левек, позволило Цицерону дать такую характеристику правлению массалиотов: «Если массалийцами, клиентами нашими, с величайшей справедливостью правят выборные и притом первенствующие граждане, то все-таки такое положение народа в некоторой степени подобно рабству» (*De res publ. I. 27. 43*)³⁹.

О древнем Карфагене Страбон приводит лишь сведения по фортификации, а общественно-политического устройства не касается (XVII. 3. 14). Зато оно подробно анализируется Аристотелем в «Политике» (II. 8. 1–9). Философ характеризует государственный строй Карфагена как аристократический (IV. 5. 11) и отклоняющийся к демократии в одних моментах, а к олигархии – в других (II. 8. 1–9). По классификации Аристотеля, для аристократического устройства определяющим является то, что оно «считается и с богатством, и с добродетелью, и с народом» (IV. 5. 11)⁴⁰. Отклонение к демократии выражается в некотором участии народного

³⁴ Strabon 1966, 205.

³⁵ Об общественно-политическом устройстве Массалии и его эволюции см.: Clavel-Lévéque 1977, 115–122; Collin-Bouffier 2005, 219–22 и другие работы этого же автора; Циркин 1982, 31–44.

³⁶ Clavel-Lévéque 1977, 116.

³⁷ Collin-Bouffier 2005, 220.

³⁸ Clavel-Lévéque 1977, 121.

³⁹ Цицерон 1994, 22.

⁴⁰ Аристотель 2012, 147.

собрания в управлении (но собрание рассматривает только вопросы, выносимые на его обсуждение правящей элитой). Отклонение к олигархии выражается в том, что, во-первых, вакансии в управляющем слое замещаются кооптацией, причем принимается во внимание, кроме происхождения, также и богатство; во-вторых, управленцы находятся у власти продолжительное время, и, в-третьих, один человек может замещать несколько должностей. Если принять во внимание анализ аристократии Карфагена у Аристотеля, то в пассаже XII. 8. 11 Страбон сближает Карфаген с олигархией Массалии, с которой, исходя из Аристотеля, у Карфагена действительно было много общего.

В реальности ситуация, видимо, отличалась. Существование олигархии в Карфагене единодушно признается исследователями, однако ее характер и время ее установления остается предметом дискуссий⁴¹. Споры во многом связаны с тем, что исследования по этому вопросу опираются в основном на греко-римские источники (Аристотель, Полибий, Помпей Трог в эпитоме Юстиниа, Страбон, Плиний Старший, Диодор, Непот, Ливий и др.), которые были неточны в описании Карфагена из-за различий в политическом бэкграунде и политической терминологии греков, римлян и финикийцев. Споры ведутся относительно института карфагенских «царей» и сущности их власти, содержания полномочий высших должностных лиц («суфетов»), структуры и разделения полномочий высших советов и коллегий, полномочий народного собрания, а также изменений, происходивших в общественно-политическом устройстве Карфагена с течением времени.

В частности, исследователи сходятся во мнении, что термин «царь» (баси-левс, архонт, рекс, дукс, претор, император)⁴² использовался греческими и римскими авторами для обозначения карфагенских высших магistratov «суфетов» за неимением точного аналога в греко-римском мире. Объем полномочий суфетов и его изменение во времени остается открытым. Суфеты обладали судебной властью, но неясно, в какой мере они располагали военными полномочиями⁴³; их магистратура была коллегиальной и срочной, но в каком-то смысле пожизненной⁴⁴; в назначении суфетов играло роль народное собрание (по крайней мере, во времена Аристотеля⁴⁵), но для занимания должности нужно было принадлежать к аристократии и иметь определенный доход⁴⁶. Олигархическую природу государства выражал Совет (Совет старейшин – герусия в терминах Аристотеля, или сенат в римских терминах) и его специальные коллегии⁴⁷.

Возвращаясь к «Географии» Страбона, обратимся к значению глагола κοσμέω в значении «благоукрашение городов». Отметим, что в этом смысле древний Карфаген, будучи финикийским городом, естественным образом выбивается из ряда Массалия – Родос – Кизик. Несмотря на некоторые сходные черты, обусловлен-

⁴¹ Об общественно-политическом устройстве Карфагена и его эволюции см. Bondi 1995; Дриди 2009, 135–152; Хусс 2015, 326–331; Шифман 1963 и ее переиздание Шифман 2006, 179–186; Циркин 1986, 94–113.

⁴² Дриди 2009, 139.

⁴³ Bondi 1995, 296.

⁴⁴ Дриди 2009, 140.

⁴⁵ Хусс 2015, 329.

⁴⁶ Bondi 1995, 296.

⁴⁷ Bondi 1995, 296–297.

ные культурными контактами, изобразительное искусство и архитектура Карфагена были в целом пунийскими.

О κοσμέω в значении «организация городского пространства» мы не имеем никаких свидетельств об общезвестных фактах, которые бы объединяли топографию рассматриваемых городов и одновременно выделяли бы их среди прочих. Соблюдая осторожность в использовании такого рода аргументов *ex silentio*, следует признать: возможно, такие свидетельства до нас просто не дошли.

Тем не менее археологические исследования дают основания заключить, что в части городской топографии явных параллелей между Массалией, Родосом, Кизиком и Карфагеном не прослеживается. Известно, в частности, что Массалия, будучи типичным греческим городом, поддерживала регулярную планировку (хотя и не Гипподамову)⁴⁸. Карфаген же в одном районе имел регулярную планировку, а в другом – радиальную⁴⁹. Порт Массалии располагался на берегу залива Лакедон, имевшем вид рога⁵⁰ (и в этом смысле напрашивается параллель с Византием [Dion. Byz. 5–6], гавани которого находились на заливе Рог (Κέρας, совр. Золотой Рог)⁵¹. Кизик, будучи расположен на полуострове, имел два порта по двум сторонам перешейка, соединявшего полуостров с материком⁵². В Карфагене была круглая закрытая военная гавань со стеной, с искусственным островом, на котором располагались сухие доки и торговый порт шестиугольной формы за искусственным молом⁵³.

Таким образом, основываясь на параллелях в описаниях Массалии, Родоса, Кизика и Карфагена, можно предположить, что в отношении Кизика в выражении Страбона ἔοικέ τε τῷ παραπλησίῳ τύπῳ κοσμεῖσθαι речь идет об общественно-политическом устройстве этого полиса: оно в той или иной степени приближалось к смешанному между политией, олигархией и аристократией (по классификации Аристотеля). По Аристотелю, именно эти виды правления относятся к «лучшим» в противовес крайним демократиям и тираниям. При этом Страбон ставит в один ряд аристократию Массалии (близкую к политии, но с элементами олигархии), политию Родоса (по мнению Страбона, с уклоном в олигархию) и карфагенскую аристократию (с элементами демократии и олигархии).

При оценке исторической достоверности полученного вывода об общественно-политическом устройстве Кизика следует принять во внимание, во-первых, что «Политика» Аристотеля представляла собой нечто вроде лекционного курса для преподавания в школе перипатетиков⁵⁴. Во-вторых, и описание Страбона в конечном итоге есть школьно-дидактическое построение.

На этом следует остановиться особо. Л.И. Грацианская в своей диссертации и последующих работах⁵⁵ убедительно представляет «Географию» Страбона

⁴⁸ Tréziny 2014, 10–14.

⁴⁹ Дриди 2009, 84.

⁵⁰ Clavel-Lévéque 1977, 106–107.

⁵¹ Russell 2016, 29.

⁵² Koçhan 2014, 279 fig. 32, 281.

⁵³ Имеется в виду так называемый Новый порт Карфагена, построенный в IV в. до н.э.: Хусс 2015, 34; Дриди 2009, 88–96.

⁵⁴ Доватур 1965, 49.

⁵⁵ Грацианская 1982; Грацианская 1986; Gratsianskaya 2021.

как творческую компиляцию⁵⁶, цель которой – обучение начинающих государственных деятелей проримского толка⁵⁷. Не вдаваясь в вопрос, насколько декларируемые Страбоном цели соответствуют истинным, основная задача «Географии», согласно самому автору, – утилитарно-дидактическая, а среди его методов Л.И. Грацианская отмечает простейшую систематизацию, школьный принцип убеждения и механические аналогии. В таком контексте понимания «Географии» как учебного пособия для начинающих римских управленцев городá из ряда Массалия – Родос – Кизик – Карфаген выступают положительными примерами процветающих полисов с «лучшим», в соответствии со схемой Аристотеля, государственным устройством. Массалия, Родос и Кизик, кроме того, выступают в качестве примеров верных сателлитов Рима и приемов управления по отношению к ним.

Таким образом, в заключение следует отметить, что, хотя некоторую неопределенность в трактовке параграфа XII. 8. 11 окончательно разрешить не удается, можно полагать, что в данном случае речь идет о государственном устройстве Кизика, которое было сходно с государственным устройством Массалии, Родоса и древнего Карфагена. Оно представляла собой смешение политии, олигархии и аристократии (в системе Аристотеля). При этом следует не упускать из виду, что в отношении этих городов Страбон использует схематические построения, которые базируются на концепции Аристотеля.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель, 2012: *Политика*. Пер. с древнегреч. С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова. М.
 Вейсман, А.Д. 1991: *Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г.* М.
 Горлов, Ю.В. 1990: Эллинистический Родос. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 186–222.
 Грацианская, Л.И. 1982: «География» Страбона как исторический источник: дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. н.: 07.00.09. М.
 Грацианская, Л.И. 1988: «География» Страбона. Проблемы источниковедения. В кн.: А.П. Новосельцев (ред.), *Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования*. 1986 г. М.
 Дворецкий, И.Х. 1958: *Древнегреческо-русский словарь: около 70000 слов (в обоих томах)*. Т. 1. М.
 Доватур, А. И. 1965: *Политика и политии Аристотеля*. М.–Л.
 Дриди, Э. 2009: *Карфаген и Пунический мир*. М.
 Козловская, В.И. 2009: Фокейская Массалия и ее организация: от умеренной олигархии к политии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история* (1), 40–47.
 Кофанов, Л.Л. 2012: *Ius gentium* в текстах римских юристов и его трансформации в истории правовой мысли. В сб.: И.М. Никольский, М.С. Бобкова, М.П. Айзенштат, А.И. Сидоров (ред.), *Люди и тексты. Исторический альманах*. М., 12–50.

⁵⁶ Грацианская 1982, 164–173.

⁵⁷ Gratsianskaya 2021, 651–652. Похожую характеристику потенциальных читателей Страбона дает М. Хадзимихали в упомянутой статье «Философия Страбона и стоицизм»: «...Программные заявления о правах [«Географии». – С.Д.] в области философии – важный сигнал предполагаемому читателю Страбона, который, как ожидается, обладает широким образованием, наряду с практическим интересом, и принимает участие в государственных делах» (Hatzimichali 2017, 18).

- Кудина, Ю.И. 2018: Организация управления внешней политикой на эллинистическом Родосе. *Исторический вестник*. Т. 26. М., 218–233.
- Страбон, 1879: *География Страбона в семнадцати книгах*. Перевод с греческого с предисловием и указателем Ф. Г. Мищенко. М.
- Страбон, 1994: *География в 17 книгах*. Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. Репринтное издание. Воспроизведение текста издания 1964 года. М.
- Хусс, В. 2015: *История карфагенян*. СПб.
- Циркин, Ю.Б. 1982: Эволюция политического строя Массалии. В кн.: Э.Я. Фролов (ред.), *Социальная структура и политическая организация античного общества*. Л., 31–44.
- Циркин, Ю.Б. 1986: *Карфаген и его культура*. М.
- Цицерон, Марк Туллий 1994: *Диалоги. О государстве. О законах*. Перевод с латинского и комментарии В. О. Горенштейна. М.
- Шифман, И.Ш. 1963: *Возникновение Карфагенской державы*. М.–Л.
- Шифман, И.Ш. 2006: *Карфаген*. СПб.
- Avram, A. 2004: 747. Kyzikos. In: M. Hansen, T. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford, 983–986.
- Avram, A. 2020: Autour de quelques monuments funéraires de Mésie Inférieure: Cyzique, Nicomédie ou les deux à la fois? In: Vedat Keleş (ed.), *Parion Studies III: Propontis and Surrounding Cultures*. İstanbul, 147–159.
- Berthold, R. 1984: *Rhodes in the Hellenistic Age*. London.
- Bondi, S.F. 1995: Les institution, l'organisation politique et administrative. In: V. Krings (ed.), *La civilisation phénicienne et punique: manuel de recherché*. Leiden, 290–302.
- Carbon, J.M. 2014: A Hellenistic ritual calendar from Kyzikos. *Epigraphica Anatolica* 47, 149–155.
- Clavel-Lévêque, M. 1977: *Marseille grecque. La dynamique d'un impérialisme marchand*. Marseille.
- Collin-Bouffier, S. 2005: Marseille pendant l'Antiquité grecque et romaine. In: M.-P. Rothé, H. Tréziny (eds.), *Carte archéologique de la Gaule. 13/3. Marseille et ses alentours*. Paris, 217–224.
- Ehrhardt, N. 2008: Der Bürger als Heros: Staatsbergräbnis und öffentlichkeit in Kyzikos. In: E. Winter (ed.), *Asia Minor Studien Bd. 65: Vom Euphrat bis zum Bosporus: Kleinasiens in der Antike : Festschrift für Elmar Schwertheim zum 65. Geburtstag*. Bonn, 187–196.
- Gratsianskaya, L. 2021: Studia Straboniana. The didactic character of the Geography and the Romanophilia of its author. In: Gocha R. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave (eds.) *The Greeks and Romans in the Black Sea and the Importance of the Pontic Region for the Graeco-Roman World (7th century BC–5th century AD): 20 Years On (1997–2017)*. Oxford.
- Grieb, V. 2008: *Hellenistische Demokratie: Politische Organisation und Struktur in freien griechischen Poleis nach Alexander dem Großen*. Stuttgart.
- Habicht, Ch. 2010: Chapter 25. The City of Kyzikos, Client of Oracles. In: G. Reger, F.X. Ryan, T.F. Winters (eds.), *Studies in Greek epigraphy and history in honor of Stefen V. Tracy*. Pessac, 311–322.
- Hamilton, H.C., Falconer, W. 1856: *The Geography of Strabo. Vol. II*. London.
- Hasluck, F.W. 1910: *Cyzicus*. Cambridge.
- Hatzimichali, M. 2017: Strabo's philosophy and stoicism. In: D. Dueck (ed.), *The Routledge companion to Strabo*. New York, 9–21.
- Koçhan, N. 2014: New proposals on Cyzicus Hadrian Temple. In: M. Sève, P. Schlosser (eds.), *Cyzique, cité majeure et méconnue de la Propontide antique*. Metz, 279–294.
- Liddell, H., Scott, R., Jones, H., McKenzie, R. 1996: A Greek-English lexicon, <https://stephanus.tlg.uci.edu/lsj/>
- Lindsay, H. 1997: Strabo on Apellicon's library. *Rheinisches Museum für Philologie* 140.3/4, 290–298

-
- Martin, K. 2003: Zum Kult der Kore Soteria im kaiserzeitlichen Kyzikos. In: E. Schwertheim, E. Winter (eds.), *Asia Minor Studien Bd. 45: Religion und Region. Götter und Kulte aus dem östlichen Mittelmeerraum*. Bonn, 115–158.
- Migeotte, L. 1989: Démocratie et entretien du peuple à Rhodes d'après Strabon, XIV, 2, 5. *Revue des études grecques* 102. Paris, 515–528
- Papachristodoulou, I. 1999: The Rhodian Demes within the Framework of the Function of the Rhodian State. In: V. Gabrielsen et al. (eds.), *Hellenistic Rhodes. Politics, culture and society*. Aarhus, 27–44
- Prêteux, F. 2008: Le commerce de Cyzique au IVe siècle. In: J. Napoli (éd.), *Ressources et activités maritimes des peuples de l'Antiquité* (Les Cahiers du littoral, 2, №6). Boulogne-sur-Mer, 353–368.
- Radt, S. 2002–2011: Strabons *Geographika*. Band 1–10. Göttingen.
- Radt, S. 2004: *Strabons Geographika. Band 3: Buch IX–XII: Text und Übersetzung*. Göttingen.
- Radt, S. 2006: *Strabons Geographika Band 5: Buch I–IV: Kommentar*. Göttingen.
- Roller, D.W. 2015: *The Geography of Strabo: An English Translation, with Introduction and Notes*. Cambridge.
- Russell, T. 2016: *Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople*. Oxford.
- Sèvre, M. 1979: Un décret de consolation à Cyzique. *Bulletin de Correspondance Hellénique*. Vol. 103, livr. 1. Athènes, 327–359.
- Sèvre, M., Schlosser, P. 2014: *Cyzique, cité majeure et méconnue de la Propontide antique*. Metz.
- Strabon, 1831: Groskurd, C. Gottlieb. 1831: *Strabons Erdbeschreibung in siebenzehn Büchern: nach berichtigtem Griechischen Text unter Begleitung kritischer erklärender Anmerkungen*. Vol.3. Berlin.
- Strabon, 1873: *Géographie de Strabon. Vol. II. Livres VII–XII*. Traduction nouvelle par Amédée Tardieu. Paris.
- Strabo, 1961: *The geography of Strabo*. With an English translation by Horace Leonard Jones. London.
- Strabon, 1966: *Strabon Géographie. Tome 2 (Livres III et IV)*. Texte établi et traduit par François Lasserre. Paris.
- Strabon, 1981: *Strabon Géographie. Tome IX (Livre XII)*. Texte établi et traduit par François Lasserre. Paris.
- Thornton, J. 1999: Una città e due regine. Eleuteria e lotta politica a Cizico fra gli Attalidi e Giulio Claudi. *Mediterraneo antico. Economie società culture*. Anno 2, fascicolo 2. Pisa–Roma, 497–538.
- Tréziny, H. 2014: Marseille, une ville ionienne dans l'Occident grec. In: S. Bouffier, D. Garcia (eds.), *Les territoires de Marseille antique*. Arles, 9–17.

REFERENCES

- Aristotle, 2012: *Politika*. Per. s drevnegrech. S.A. Zhebeleva, M.L. Gasparova [*Politics*. Translated from the Ancient Greek by S.A. Zhebelev, M.L. Gasparov]. Moscow
- Avram, A. 2004: 747. Kyzikos. In: M. Hansen, T. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford, 983–986.
- Avram, A. 2020: Autour de quelques monuments funéraires de Mésie Inférieure: Cyzique, Nicomédie ou les deux à la fois? In: V. Keleş (ed.), *Parion Studies III: Propontis and Surrounding Cultures*. İstanbul, 147–159.
- Berthold, R. 1984: *Rhodes in the Hellenistic Age*. London.
- Bondi, S.F. 1995: Les institution, l'organisation politique et administrative. In: V. Krings (ed.), *La civilisation phénicienne et punique: manuel de recherché*. Leiden, 290–302.

- Carbon, J.M. 2014: A Hellenistic ritual calendar from Kyzikos. *Epigraphica Anatolica* 47, 149–155.
- Cicero, M.T. 1994: *Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh*. Perevod s latinskogo i kommentarii V.O. Gorensteina [Disputationes. *De re publica. De legibus*. Translated from the Latin and comments by V.O. Gorenstein]. Moscow.
- Clavel-Lévéque, M. 1977: *Marseille grecque. La dynamique d'un impérialisme marchand*. Marseille.
- Collin-Bouffier, S. 2005: Marseille pendant l'Antiquité grecque et romaine. In: M.-P. Rothé, H. Tréziny (eds.), *Carte archéologique de la Gaule. 13/3. Marseille et ses alentours*. Paris, 217–224.
- Dovatur, A. I. 1965: *Politika i politii Aristotelya* [Aristotle's politics and polities]. Moscow–Leningrad.
- Dridi, H. 2009: *Karfagen i Punicheskiy mir* [Carthage et Le Monde Punique]. Moscow.
- Dvoretskiy, I.Kh. 1958: *Drevnegrechesko-russkiy slovar'*: okolo 70000 slov (v oboikh tomakh). [Ancient Greek-Russian dictionary: about 70,000 words (in both volumes)]. Vol. 1. Moscow.
- Ehrhardt, N. 2008: Der Bürger als Heros: Staatsbergräbnis und öffentlichkeit in Kyzikos. In: E. Winter (ed.), *Asia Minor Studien Bd. 65: Vom Euphrat bis zum Bosporus: Kleinasiens in der Antike : Festschrift für Elmar Schwertheim zum 65. Geburtstag*. Bonn, 187–196.
- Gorlov, Yu.V. 1990: Ellinisticheskiy Rodos [Hellenistic Rhodes]. In: E.S. Golubtsova (red.) *Ellinizm: ekonomika, politika, kultura* [Hellenism: economy, politics, culture]. Moscow, 186–222.
- Gratsianskaya, L.I. 1982: “*Geografiya*” Strabona kak istoricheskiy istochnik [Strabo's geography as a historical source]. PhD diss. Moscow.
- Gratsianskaya, L.I. 1988: “*Geografiya*” Strabona. Problemy istochnikovedeniya [Strabo's geography. Problems of source studies]. In: A.P. Novoseltsev (ed.), *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR: materialy i issledovaniya. 1986 g.* [Ancient states on the territory of the USSR: materials and research. 1986]. Moscow.
- Gratsianskaya, L. 2021: Studia Straboniana. The didactic character of the Geography and the Romanophilia of its author. In: Gocha R. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave (eds.) *The Greeks and Romans in the Black Sea and the Importance of the Pontic Region for the Graeco-Roman World (7th century BC–5th century AD): 20 Years On (1997–2017)*. Oxford.
- Grieb, V. 2008: *Hellenistische Demokratie: Politische Organisation und Struktur in freien griechischen Poleis nach Alexander dem Großen*. Stuttgart.
- Habicht, Ch. 2010: Chapter 25. The City of Kyzikos, Client of Oracles. In: G. Reger, F.X. Ryan, T.F. Winters (eds.), *Studies in Greek epigraphy and history in honor of Stefen V. Tracy*. Pessac, 311–322.
- Hamilton, H.C., Falconer, W. 1856: *The Geography of Strabo*. Vol. II. London.
- Hasluck, F.W. 1910: *Cyzicus*. Cambridge.
- Hatzimichali, M. 2017: Strabo's philosophy and stoicism. In: D. Dueck (ed.), *The Routledge companion to Strabo*. New York, 9–21.
- Huss, W. 2015: *Istoriya karfagenyan* [Die Karthager]. Saint Petersburg.
- Koçhan, N. 2014: New proposals on Cyzicus Hadrian Temple. In: M. Sève, P. Schlosser (eds.), *Cyzique, cité majeure et méconnue de la Propontide antique*. Metz, 279–294.
- Kofanov, L.L. 2012: *Ius gentium v tekstakh rimskikh yuristov i ego transformatsii v istorii pravovoy mysli* [Ius gentium in the Texts of the Roman Jurists and its Transformations in the History of Legal Thought]. In: I.M. Nikolskiy, M.S. Bobkova, M.P. Aizenshtat, A.I. Sidorov (eds.), *Lyudi i teksty. Istoricheskii al'manakh* [People and texts. Historical almanac]. Moscow, 12–50.

- Kozlovskaya, V.I. 2009: Fokeiskaya Massaliya i ee organizatsiya: ot umerennoy oligarkhii k politii [Phocian Massalia and its Organization: from moderate oligarchy to polity]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya* 1, 40–47.
- Kudina, Yu.I. 2018: Organizatsiya upravleniya vneshey politikoy na ehllisticheskem Rodose [Organization of foreign policy management in Hellenistic Rhodes]. *Istoricheskii vestnik*. Vol. 26. Moscow, 218–233
- Liddell, H., Scott, R., Jones, H., McKenzie, R. 1996: *A Greek-English lexicon*, <https://stephanus.tlg.uci.edu/lsj/>
- Lindsay, H. 1997: Strabo on Apellicon's library. *Rheinisches Museum für Philologie* 140.3/4, 290–298
- Martin, K. 2003: Zum Kult der Kore Soteria im kaiserzeitlichen Kyzikos. In: E. Schwertheim, E. Winter (eds.), *Asia Minor Studien Bd. 45: Religion und Region. Götter und Kulte aus dem östlichen Mittelmeerraum*. Bonn, 115–158.
- Migeotte, L. 1989: 15. Démocratie et entretien du peuple à Rhodes d'après Strabon, XIV, 2, 5, *Revue des études grecques* 102 (1989), 515–528. In: Économie et finances publiques des cités grecques, volume I. Choix d'articles publiés de 1976 à 2001. (Collection de la Maison de l'Orient méditerranéen. Série épigraphique 44). Lyon 2011, 181–194
- Papachristodoulou, I. 1999: The Rhodian Demes within the Framework of the Function of the Rhodian State. In: V. Gabrielsen et al. (eds.), *Hellenistic Rhodes. Politics, culture and society*. Aarhus, 27–44
- Prêteux, F. 2008: Le commerce de Cyzique au IVe siècle. In: J. Napoli (éd.), *Ressources et activités maritimes des peuples de l'Antiquité* (Les Cahiers du littoral 2.6). Boulogne-sur-Mer, 353–368.
- Radt, S. 2004: *Strabons Geographika. Band 3: Buch IX–XII: Text und Übersetzung*. Gottingen.
- Radt, S. 2006: *Strabons Geographika Band 5: Buch I–IV: Kommentar*. Gottingen.
- Roller, D.W. 2015: *The Geography of Strabo: An English Translation, with Introduction and Notes*. Cambridge.
- Russell, T. 2016: *Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople*. Oxford.
- Sève, M. 1979: Un décret de consolation à Cyzique. *Bulletin de Correspondance Hellénique*. Vol. 103, livr. 1. Athènes, 327–359.
- Sève, M., Schlosser, P. 2014: *Cyzique, cité majeure et méconnue de la Propontide antique*. Metz.
- Shifman, I.Sh. 1963: *Vozniknovenie Karfagenskoy derzhavy* [The origin of the Carthaginian Empire]. Moscow–Leningrad.
- Shifman, I.Sh. 2006: *Karfagen* [Carthage]. Saint Petersburg.
- Strabo, 1879: *Geografiya Strabona v semnadtsati knigakh*. Perevod s grecheskogo s predisloviem i ukazatelem F.G. Mishchenko [The Geography of Strabo in seventeen books. Translation from the Greek with a preface and index by F.G. Mishchenko]. Moscow.
- Strabo, 1961: *The geography of Strabo*. With an English translation by Horace Leonard Jones. London.
- Strabo, 1966: *Strabon Géographie*. T. 2 (Livres III et IV). Texte établi et traduit par François Lasserre. Paris.
- Strabo, 1981: *Strabon Géographie*. T. IX (Livre XII). Texte établi et traduit par François Lasserre. Paris.
- Strabo, 1994: *Geografiya v 17 knigakh*. Perevod, stat'ya i kommentarii G.A. Stratanovskogo. Reprintnoe izdanie. Vospriozvedenie teksta izdaniya 1964 goda [Geography in 17 books. Translation, article and comments by G.A. Stratanovsky. Reprint. Reproduction of the text of the 1964 edition]. Moscow.
- Strabo, Groskurd, C.Gottlieb. 1831: *Strabons Erdbeschreibung in siebenzehn Büchern: nach berichtigtem Griechischen Text unter Begleitung kritischer erklärender Anmerkungen*. Vol. 3. Berlin.

- Strabon, 1873: *Géographie de Strabon*. Vol. II. Livres VII–XII. Traduction nouvelle par Amédée Tardieu. Paris.
- Thornton, J. 1999: Una città e due regine. Eleuteria e lotta politica a Cizico fra gli Attalidi e Giulio Claudi. *Mediterraneo antico. Economie società culture*. Anno 2, fascicolo 2. Pisa-Roma, 497–538.
- Tréziny, H. 2014: Marseille, une ville ionienne dans l’Occident grec. In: S. Bouffier, D. Garcia (eds.), *Les territoires de Marseille antique*. Arles, 9–17.
- Tsirkin, Yu.B. 1982: Ehvolyutsiya politicheskogo stroya Massalii [Evolution of the Political system of Massalia]. In: E.Ya. Frolov (ed.) *Sotsial’naya struktura i politicheskaya organizatsiya antichnogo obshchestva* [The social structure and political organization of the ancient society]. Leningrad, 31–44.
- Tsirkin, Yu.B. 1986: *Karfagen i ego kul’tura* [Carthage and its culture]. Moscow.
- Veisman, A.D. 1991: *Grechesko-russkiy slovar’* [Greek-Russian dictionary]. Moscow.

STRABO AND THE POLITY OF CYZICUS: DIFFICULTIES IN TRANSLATION AND UNDERSTANDING

Svetlana O. Derkacheva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
svede_res@mail.ru

Abstract. The article is concerned with the interpretation of paragraph XII. 8. 11 Strabo’s Geography, containing a description of the city of Cyzicus on the Propontis. A brief overview of the controversial tradition of translating a passage from this paragraph “ἔοικέ τε τῷ παραπλησίῳ τύπῳ κοσμεῖσθαι ὥπερ ἡ τῶν Ροδίων καὶ Μασσαλιωτῶν καὶ Καρχηδονίων τῶν πάλαι” into modern languages is given. The translators use this passage in the sense of the similarity between the cities of Cyzicus, Rhodes, Massalia and ancient Carthage, either in legislation, in the socio-political structure, or in the construction and decoration of cities. Then the article examines the parallels given by Strabo in the state structure of Cyzicus, Rhodes, Massalia and ancient Carthage in the light of the concept of the state structure of Aristotle, and also some of the Strabo’s methods, which he uses in his work with the source material. In conclusion, it is probably that this passage from XII. 8. 11 is should be interpreted in the sense of the state structure of Cyzicus, which was similar to the state structure of Massalia, Rhodes, and ancient Carthage.

Keywords: Cyzicus, Rhodes, Massalia, Carthage, Strabo, polity, aristocracy, oligarchy, Aristotle.

Круглый стол
**«Новые подходы к изучению источников
цивилизаций Древнего Востока»**

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2021), 286–296
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2021), 286–296
©Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-286-296

**К УТОЧНЕНИЮ ПРОЧТЕНИЯ ТРЕХ ЛИНЕЙНЫХ НАДПИСЕЙ
ЭЛАМСКОГО ПРАВИТЕЛЯ КУКТИК-ИНШУШИНАКА**

А.Н. Алимирзоев

*Институт истории им. А.А. Бакиханова, НАН Азербайджана,
Баку, Азербайджан
alimirzoev.60@mail.ru*

Линейный вариант эlamской письменности, используемый в древнем Иране, окончательно не расшифрован. Это письмо происходит от более старой пиктографической системы письма. На сегодняшний день известно около 40 линейных текстов. Попытки К. Франка, Ф. Борка, В. Хинца и П. Мериджи не являются полностью удовлетворительными. Предлагаемая статья посвящена уточнению прочтения трех надписей, составленных линейной разновидностью древнеэlamской письменности. Их принято обозначать латинскими буквами А, В, С. С момента их первой публикации в 1905 г. ученые разных стран попытались внести ясность в прочтение знаков. Ключевой в процессе дешифровки стала надпись А, являющаяся частичным переводом аккадского текста; оба текста нанесены на каменное изваяние в форме льва. В 1962 г. В. Хинц установил значение знаков и предложил перевод текста А, но некоторые положения его дешифровки не были приняты другими исследователями. Результаты своей дешифровки он применил для чтения более десяти линейных текстов. В целом, ему удалось правильно установить значение большинства знаков. Проведенный нами детальный анализ показывает, что некоторые предложенные им значения вызывают сомнения, ибо не соответствуют нормам морфологии и

Данные об авторе: Данные об авторе: Алимирзоев Аллахверди Нузи оглы – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом «Древняя история Азербайджана» Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана.

синтаксиса эламского языка. Следовательно, прочтение других текстов также нуждается в сверке. Наше исследование основано на результатах В. Хинца, но, в отличие от него, было установлено, что: 1. имеются знаки и слова, заимствованные из аккадского письма и языка; 2. имя автора текста передавалось слоговыми знаками Ku-uk-ti-ki-šu-ši-na-ik; 3. перед именем его отца пишется слово si-in «наследник». Результаты нашей сверки по уточнению чтений знаков могут быть применены при дешифровке других линейных надписей Элама.

Ключевые слова: Эламское царство, древняя эпиграфика Ирана, дешифровка древних текстов, линейные надписи Элама, реликтовые языки, первая аккадо-эламская билингва.

ВВЕДЕНИЕ

Первые образцы линейной разновидности древнеэламской письменности были обнаружены в самом начале прошлого века французскими археологами при раскопках в Сузах. Для удобства их принято обозначать буквами латинского алфавита. Позже в других регионах Ирана были найдены новые образцы. Эти образцы (тексты A–R) были нанесены на каменные и глиняные предметы и опубликованы В. Шейлем, Р. Де Меккенемом, В. Хинцем¹. Тексты A, C, I сопровождаются староаккадскими переводами, т.е. являются билингвами.

Самая большая заслуга в дешифровке сузских образцов принадлежит В. Хинцу. Именно он предложил значение 60 знаков и раскрыл содержание 12 сузских текстов. Определенный вклад в дело изучения линейных текстов внес также П. Мериджи, исследование которого базировалось на работах В. Хинца².

С 1960-х гг. при разных обстоятельствах в восточных провинциях Ирана были найдены новые линейные тексты, нанесенные на глиняный и металлический соусы³. В ходе археологических раскопок 2005–2006 гг. в деревне Конар-Сандал (вблизи города Джерофт провинции Керман) были найдены четыре надписи; знаки трех текстов имеют аналогии в пиктографических и линейных надписях Элама⁴. В начале 2016 г. в Университете Хамадана состоялась презентация 10 серебряных сосудов, каждый из которых содержит надписи (тексты X, Y, W, Z, F', H', I', J', K', L') с эламским линейным письмом. Таким образом, к настоящему времени известно около 40 линейных текстов⁵. Тем не менее такое количество текстов не создает полного представления о линейном письме Элама. С их помощью удается уста-

¹ Scheil 1905, 83–85, fig. 2; 1908, fig. 4, 5; 1913, fig. 3; 1935, XI–XIV; Macqueuem 1949, 5–15; 1956, 200; Hinz 1962; 1969, 11–44; 1971; 1975. Все предметы хранятся в Лувре.

² Meriggi 1971, 184–220.

³ Текст S нанесен на глиняный сосуд, что происходит из древнего захоронения Шахдада (60 км восточнее Кермана. См. Hinz 1971), а надпись Q, начертанная на серебряном сосуде в виде стакана, была найдена в ходе ирригационных работ вблизи Персеполя (Hinz 1975). Обе находятся в Национальном музее Тегерана.

⁴ Тексты B', C', D', E'. См. Madjidzadeh 2009, 97–126.

⁵ По сообщению X. Махбубиана, надписи X, Y, Z, H', I', J', K' были найдены в 1922–1924 гг. в ходе коммерческих раскопок в районе Кам-Фируз (примерно в 40 км к северо-западу от Таль-и-Малияна, древн. Аншан), а другие обнаружены в Бейзе (в 4,5 км к югу от Таль-и-Малияна). Семь сосудов в форме усеченных конусов, которые условно называют стаканами типа “Gunagi”, находятся в Галерее Хушенг Махбубиана в Лондоне. Один сосуд с текстом F' хранится в коллекции Шеэна в Осло. См. Mahboubian 2004, 50–55; Dessel 2018, 111–118. Недавно команда молодых дешифровщиков из Института языкоznания Бернского университета подготовила автографию этих надписей и составила каталог встречающихся в них знаков. См. Mäder et al. 2018.

новить лишь смысл некоторых знаков и определить содержание отдельных фраз. Главное, появилась возможность не только сверить предварительные заключения, но и совершить новые открытия.

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА ЭЛАМА

Происхождение линейного письма не ясно. Первоначально его считали продолжением так называемого эламского пиктографического письма. Изобретение пиктографической письменности было важным достижением раннеэламского общества. Ее местное происхождение не вызывает сомнения; несложно заметить графическую схожесть некоторых пиктограмм с декорами и орнаментами керамики Сузианы V–IV тыс. до н.э., имевших, по мнению исследователей, смысловую нагрузку. С помощью пиктографического письма фиксировали значимые операции крупных централизованных хозяйств государства или храма, вели оперативный учет о поступлениях, расходах и т.п. Считается, что эта письменность применялась 400 лет и около 2500 г. до н.э. вышла из употребления. Тем самым, по мнению некоторых исследователей, теория о генетической связи между пиктографической и линейной письменностями исчезла сама по себе. Но то, что пиктографическое письмо перестало существовать к середине III тыс. до н.э., далеко не доказано. 40% всех знаков линейного письма употреблялись еще в пиктографических табличках. Несомненно, что и после 2500 г. до н.э. эламское общество нуждалось в подобных записях. В Сузах было найдено более 90 хозяйственных текстов, составленных месопотамской клинописью на староаккадском языке⁶. Нельзя исключить, что некоторые поздние по времени пиктографические записи отражали хозяйственную жизнь эламитов доаккадского вассалитета, ибо государственные институты функционировали и до этого. Они-то могли служить основой для линейного письма. Некоторые сочетания знаков линейных текстов имеют аналоги в пиктографических табличках Элама (см., например, табл. 1). Не исключено, что сходные по форме знаки в пиктографических и линейных текстах имели одинаковые слоговые и словесные значения. Помимо однотипных знаков, применялись «контейнеры», вовнутрь которых наносили горизонтальные, вертикальные, поперечные линии и точки, но эти элементы не повлияли на чтение. Эти «контейнеры», как пережитки старой письменной традиции, в пиктографических табличках обозначали разные сосуды и всякие элементы в виде линий и точек, скорее указывающие на содержание этих сосудов. По этой причине мнение В. Хинца о линейной письменности как о независимой системе следует считать спешенным.

Линейная разновидность древней письменности Иранского плато использовалась несколько веков от Суз до Конар Сандал, т.е. в ареале протяженностью 1000 км. Поскольку пиктографические и линейные разновидности древней письменности Иранского нагорья окончательно еще не расшифрованы (не считая отдельные группы знаков), вопрос об их языке (или языках) считается нерешенным. Но учитывая, что эти тексты территориально и по времени связаны с Эламом, их язык может быть именно эламский.

⁶ Scheil, Legrain 1913, 62–126.

2. ХАРАКТЕР ЛИНЕЙНЫХ НАДПИСЕЙ

Десять сузских текстов с уверенностью могут быть связаны с Пузур-Шушинаком (A, B, C, E, F, G, H, I, P, U). По большей части они обращены к богу-покровителю Суз Иншушинаку⁷. Время составления других текстов остается неизвестным. Надписи на серебряных сосудах имеют много общего, их содержание частично совпадает. Это устанавливается наличием целых фраз, встречаемых в разных текстах. Обнаруживается сходство Y с Z, K' с I', H' с J', X. Например, только в Y и Z совпадают целые фразы из 6, 7 и даже 20 знаков⁸.

3. НАПРАВЛЕНИЕ ПИСЬМА

В течение 60 лет с момента обнаружения в Сузах первых образцов этой письменности, было установлено, что тексты писались как слева на право, так и наоборот. В большинстве случаев тексты написаны справа налево (A, C, D, U, P, X, Z, F', H', I', K' и L'). Тексты B, E, R составлены слева направо. Надпись J и начало надписи K написаны в форме спирали. В некоторых текстах даже в пределах одной строки наблюдается изменение направления написания. Например, первые две строки текста Y написаны справа налево, но III строка с 13 знаками начинается с головы персонажа в обратном направлении. Продолжение текста следует от затылка персонажа справа налево. Такое чередование направления III строки устанавливается сочетаниями знаков, которые встречаются и в других надписях.

4. ХАРАКТЕР ЗНАКОВ

Линейная разновидность эламского письма была смешанной, использующей одновременно и силлабограммы, и логограммы. С учетом графических вариантов общее количество знаков составляет 297, но в реальности их было в два раза меньше⁹. В редких случаях в пределах одной надписи наблюдается применение двух разновидностей знака.

Некоторые слова (например, в D, Q, Z, A', C', D', F') или фразы (например, в B, C, F, G, H, I) разделялись вертикальными штрихами, но подобное деление не всегда соблюдалось. Сравните, например, концы текстов Y, K' и фрагмента I'b. Кроме того, «разделитель», стоявший во второй строке текста F, не был использован в идентичных по содержанию надписях G, H. Цифровые знаки используются в редких случаях (например, в O, K, в текстах из Джерофта).

Создатели линейного письма явно были знакомы с письменностью Месопотамии. Для передачи некоторых слогов они использовали не клинописные, а линейные формы знаков шумеро-аккадского письма, используемых до начала XVIII в. до н.э. Линейные тексты Элама писались в основном слоговыми знаками, но для некоторых понятий (например, таких как «бог», «правитель» и т. п.) использовались идеограммы.

⁷ Имя восходит к шумерскому en + šušin + ke4 «Хозяин Сузы».

⁸ Идентичные сочетания были рассмотрены в Dessel 2018, 126–131, 137; Mäder et al. 2018, 9–25, 35–38.

⁹ Dessel 2018, 107–108, 110.

В этой статье мы рассмотрим три линейных текста (A, B, C), связанных со строительством¹⁰.

1. Текст А

Линейная надпись вместе с клинописным аккадским текстом нанесена на каменное изваяние в форме льва¹¹. Первые исследования этой надписи, предпринятые Ф. Борком¹² и К. Франком¹³, не дали ожидаемых результатов; удалось определить значение пары знаков. Лишь в 1962 г. В. Хинц предложил прочтение и перевод некоторых сузских текстов, в том числе надписи A. Однако Ф. Валла скептически отнесся к некоторым положениям дешифровки В. Хинца. Разногласия заключались в чтении некоторых знаков, а также в предложенном Хинцом толковании эламской и аккадской версий билингвы A¹⁴, так как именно эта билингва стала ключевой в процессе дешифровки. Например, идентичные по форме два знака Хинц в одном случае читает -iš, в другом – -im¹⁵. Ф. Валла не согласен и с тем, что В. Хинц отрицал наличие линейного знака с более чем одним значением. По мнению Ф. Валла, предложенное В. Хинцом чтение ša-ki-ri (форма третьего лица) является грамматической ошибкой по отношению к надписям, стоявшим в контексте в форме первого лица¹⁶. При этом Ф. Валла не учитывал одну из существенных ошибок В. Хинца, что слово «сын» по нормам эламского синтаксиса должно стоять после имени отца. Нет также единого мнения по чтению начала текста; В. Хинц предложил te-im-tik-ki (от эламского temti «господин»), а Ф. Валла ошибочно tu-uk-tu-ki.

Итак, несмотря на многолетние исследования, предложенные дешифровки признаны неудовлетворительными. Поскольку эта надпись играет ключевую роль при дешифровке эламской линейной письменности в целом, то мы сочли необходимым исследовать ее детально.

Аkkадский вариант надписи (см. рис. 1) состоит из двух колон. Эламский писец перевел на свой язык лишь общее содержание I колонки¹⁷, которая гласит:

1. a-na 2. ^dInšušinak 3. be-li-su 4. Puzur-Šušinak 5. ensi₂ 6. Susim^{ki} 7. šagana 8. ma-ti 9. Elam^{ki} 10. mar Šim-bi-iš-hu-uk 11. urudu sikkat erin išruk

«Богу Иншушинаку, его господин Пузур-Шушинак, правитель Сузы, наместник страны Элам, задвижку из бронзы [и] кедра посвятил».

¹⁰ Несмотря на то, что содержание их во многом совпадает, судя по титулу их автора, они составлены в разное время и по разным поводам. Поскольку в текстах В и С упоминается лишь титул «управитель сузийцев», то они скорее всего были составлены раньше текста A. Следовательно, Куттик-Шушинак (по В. Хинцу, Кутик-Иншушинак) прежде управлял Сузами, а позже стал наместником Элама. Известно 4 аккадоязычных текста, где он упоминается с таким титулом. Следовательно, он уже в ранние годы своей политической карьеры пользовался линейным письмом. Полное прочтение текстов А, В, С было предложено В. Хинцом. См. Hinz 1962, 2–12.

¹¹ Scheil 1905, Tabl. II, Nr. 1; Mecquenem 1949, 9, fig. 3; Andre, Salvin 1989, 57–58.

¹² Ему принадлежит мнение о двуязычности этой надписи. См. Bork 1905, 327.

¹³ Frank 1912, 11–32.

¹⁴ Vallat 1986, 342–345.

¹⁵ Vallat 1986, 344. Однако это замечание Ф. Валла не справедливо, они являются графически схожими, но разными по значению знаками.

¹⁶ Vallat 1986, 344–345.

¹⁷ Во второй колонке говорится: «Кто эту надпись сотрет пусть боги Иншушинак, Нанай, Нарунде и Нергал того и его род уничтожат». См. Scheil 1905, 8.

Рис. 1. Аккадский текст.
Fig. 1. Akkadian text.

Рис. 2. Линейный текст А.
Fig. 2. Linear text A.

Эта часть аккадской надписи состоит из 36 клинописных знаков. Посредством 48-линейного знака содержание было переведено на эламский язык. Эта самая древняя известная науке аккадо-эламская билингва. Предлагаемое нами чтение эламского варианта, хотя и основано на хинцевском¹⁸ прочтении, все же несколько отличается. Надпись (см. рис. 2) читается справа налево.

¹⁸ Hinz 1962, 3–10; 1969, 29; 1975, 109–111.

-
1. te-ib-tu-ki¹⁹ NAP in-šu-ši-na-ik-un-ki²⁰
 2. ku-uk-ti-ki-šu-ši-na-ik TAAK²¹ hal-me NAP
 3. hal-me-ni-ik su-si-ib-kii²²
 4. si-in²³ šim²⁴-pi²⁵-iš-hu-ik
 5. ka-ki tir²⁶ NAP-ir²⁷lik²⁸pi-it-ti-ik²⁹ ku-ši³⁰

¹⁹ У Хинца второй знак -im. Сравнительно четкая форма знака сохранилась в III строке, что напоминает месопотамского IP. См. Labat 1988, №. 535. Помимо графической схожести, наше чтение обосновано чередованием в эламском звуков -m- и -b-. Обе формы термина (tepti/temti) встречаются в текстах Шилхак-Шушинака. См. König 1965, №. 35, 36, 41, 47. Суффикс -k в этом термине в тексте А является показателем локутива и указывает на то, что текст составлен от имени первого лица. См. Reiner 1969, 77.

²⁰ Приставка -up-ki является показателем направительного падежа; в результате ассилияции позже получила форму -ik/g-ki. См. Khachikyan 2010, 101.

²¹ Знак в виде треугольника, вопреки мнению В. Хинца, не мог означать zunkik «царь», ибо Пузур-Шушинак не носил этот титул. Предложенное нами чтение аргументируется следующим доводом: аккадский термин šagana (иначе šakkanakku), переданный шумерограммами GIR3NITA2, восходит к глаголу šakanu «ставить» и дословно означает «ставленник». Согласно одной билингве, аккадскому šakanu в эламской лексике соответствовал глагол ta. См. König 1965, 166-167. По аналогии с аккадским словообразованием считаем, что соответствующий эламский термин мог звучать ta-ak (локутивная форма, буквально « тот, кто устанавливает/помещает»). Видимо к делокутивной форме термина (ta-ag) восходит имя второго царя Аванской династии Элама. См. Hinz, Koch, 1987, 246.

²² Знак -ki, хотя и был заимствован из письменности Месопотамии, тем не менее не являлся топонимическим детерминативом, а указывал на родительный падеж. Срав., zunkir Anšan Šušunka4 «царь Аншан[а и] Сузы» в клинописных текстах среднеэламского периода. См. König 1965, Nы. 44c, 46, 47, 54. Самая ранняя форма записи Сузы (su-sim/sin2) встречается в надписи Эаннатума. См. Steible, Behrens 1982, Ean.1. Rs. 6-7. В клинописных эламоязычных надписях название Сузы впервые засвидетельствовано в перечне богов в договоре-клятве с Нарам-Суэном в форме [d]s[u-si]-ib-ba («боги Сузские»). См. Hinz 1967, 68, 91, 93. Учитывая чередования фонем -b- и -m- в эламском считаем, что уже в ранние времена эламиты называли свой главный город Сусиб (или Шусиб, Сусим, Шушим).

²³ К. Франк читал ši-in и правильно переводил как «сын». Он обратил внимание на то, что šin в качестве компонента встречается в личном имени Ši-in-ša-tin-pe, упомянутом в одном эламском тексте I тыс. до н.э. См. Frank 1912, 31. Позже это имя было этимологизировано как «Змея жрецов». См. Hinz, Koch, 1159. Мы считаем, что имя могло означать «Отпрыск/Наследник/Потомок/Преемник жрецов». Не исключено, что к слову šin восходит титул sunkir (от sun < sin + kir = «наследник первый», «первенец»).

²⁴ Знак является схематическим изображением распахнутых крыльев, т.е. изображает птицу в полете. Предложенное нами чтение šim- исходит из месопотамского знака, пиформа которого восходит к схематизированному рисунку какой-то птицы. См. Labat 1988, №. 79. Разновидность и более древняя форма эламского знака, многократно встречающегося в пиктографических табличках.

²⁵ Знак является графическим вариантом знака (по Хинцу -ip). Это подтверждается сочетаниями (в пиктографической табличке MDP, XVII, 140) и (Y, Z), что читается te-ri «писец».

²⁶ Слово заимствовано из шумеро-аккадского GIŠ. kak (= аккад. sikkatu «деревянная задвижка»). См. Labat: 1988, №. 230. Название этого предмета в форме ka4-ak упоминается в тексте Шилхак-Шушинака вместе с каким-то предметом из бронзы. См. König 1965, №. 54, §14. См. также иконографию текста В. Эламский писец лишь заменил слово GIŠ на другое слово (tir) из шумеро-аккадского лексикона. См. Labat 1988, №. 375.

²⁷ Конечный -g является суффиксом принадлежности. См. Khachikyan 2010, 107.

²⁸ Чтение В. Хинца.

²⁹ Термин pitega являлся названием части храмового комплекса Сианкук. См. König 1965, 58, Ann. 15. Термин восходит к аккадскому bīt «дом», который упоминается в строке 12 второй колонки аккадского варианта текста А. Данное слово в форме pi-it встречается также в линейном тексте D.

³⁰ Эламское kuši («построить») не является буквальным переводом аккадского išruk, переданного шумерограммами A.MU.NA.RU. («посвятил»). Слово ku-ši встречается также в конце II строки

«1. Господину, богу Иншшинаку 2. Куктик-Шушинак, властелин страны божественной, 3. правитель сузийцев³¹, 4. отпрыск Шимпишихука. 5. Святую (?) задвижку деревянную поистине для жилища создал».

В аккадской версии надписи, как и во многих аккадоязычных текстах, имя правителя написано в идеографической форме

BA+ŠA (=BUZUR₄). DINGIR.NINNI.ERIN.

Такая передача имени позволяет этимологизировать его как «Покровитель богини Иншшинак». В одном случае, в сузском списке царей Авана и Симашки, имя передано в форме BUZUR₂ (=MAN).NINNI.ERIN., т.е. без детерминатива DINGIR(«бог»)³². Интересно, что в эlamском варианте текста А, как и в других линейных надписях, при записи имени этого правителя детерминатив «бог» и знак -in- отсутствуют. Поэтому оригинальная эlamская форма имени (Куктик-Шушинак) может быть интерпретирована как «Покровитель Суз»³³.

Некоторые слова текста А встречаются в аналогичных по содержанию надписях G, H. Срав., например, начальная фраза надписи A te-ib-tu-ki nap и окончание текстов G и H: nap te-ib-ti-ik-gi («бог господина»).

2. Текст В³⁴

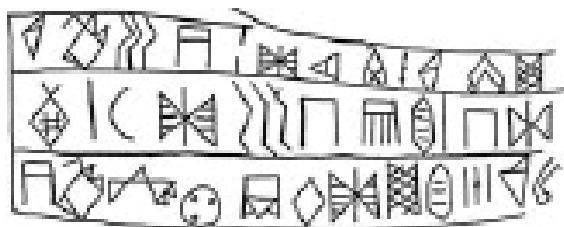

Рис. 3. Линейный текст В.

Fig. 2. Linear text B.

Надпись расположена на рельефном каменном блоке (см., рис. 3) вместе с изображениями змеи, Куктик-Шушинака и его жены (?). Надпись частично дублирует текст А, но читается в обратном направлении.

текстов G и H.

³¹ В отличие от аккадской версии, в эlamской версии титулы Куктик-Шушинака перечислены в хронологической последовательности. См. Scheil 1905, 8.

³² Scheil 1931, 1.

³³ Слово kuktik восходит к глаголу kuktia (частичная редупликация корня kuti «защищать, охранять»). См. Hinz, Koch 1987, 503, 507, 553-554, 559. Слово ku-uk-ti встречается также в линейной надписи M. В линейном письме личные имена записывались в слоговой форме и без применения детерминативов.

³⁴ Scheil 1905, Tabl. II, No. 2; Frank 1912, 32-34; Mecquenem 1949, 9, fig. 4; Hinz 1962, 10-11.

1. NAP in-šu-ši-na-ik ТААК(?) hal-me NAP-ir ka- [...]
2. hal-me-ni-ik su-si-ib-ki-me³⁵ si-gi-[ik it-ki...]
3. si-in šim-pi-iš-hu-ik ka-ki tir NAP-ir [pi-it ti-ik ku-ši].

«Бог Иншушинак, владыка страны божественной..., управитель сузийцев, кирпичную стену ... отпрыск Шимбишхука, задвижку деревянную для божества [создал]».

3. Текст С³⁶

Совпадает с текстом В. Сопровождается аккадоязычным текстом, уцелевшие знаки которого не дают основания считать его билингвой (см., рис. 4). Эламский текст читается справа налево³⁷.

1. [ku-uk-ti-ki-šu-ši-na]-ik hal-me-ni-ik
 2. su-si-ib-ki si-gi-ik³⁸ it-ki³⁹
 3. me- [...] -ki : si-in šim-
 4. [pi-iš-hu]-ki : NAP
 5. ?-in
 6. te-m-ti (?)
- «[Куктик-Шушина]к, управитель сузийцев, кирпичную стену ... отпрыск Шим[биху]ка, богу...господин...».

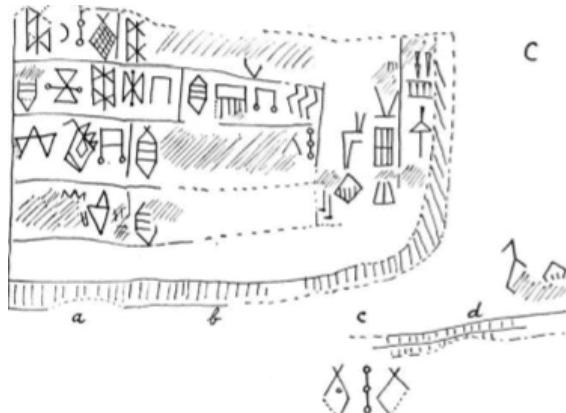

Рис. 4. Линейный текст С.

Fig. 2. Linear text C.

³⁵ Поскольку второго факта применения в этом тексте знака в виде одной вертикальной линии нет, то считаем, что он не мог быть словоразделителем (или фразоразделителем). Данный знак являлся графическим вариантом знака -те и указывал на то, что топоним Сузы стоит в родительном падеже. Сравнивай, А.Ш. Šu-ši-un-me в одном тексте Шильхак-Шушинака. См. König 1965, №. 56. В клинописном эламском имеется немало фактов применения суффикса -те как показателя родительного падежа в личных именах и топонимах. См. König 1965, Nos. 41, 43, 45, 46, 55, 86.

³⁶ Scheil 1908, 11, fig. 4; Frank 1012, 34–36; Mecquenem 1949, 11, fig. 5; Hinz 1962, 11–12.

³⁷ Двоеточием отмечается вертикальная линия («фразоразделитель»).

³⁸ Видимо является заимствованным термином; либо соответствует шумерскому SIG4 = аккадскому libittu «кирпичная стена», либо же месяцу симану аккадского календаря. См. Hinz, Koch 1987, 1070.

³⁹ Значение неизвестно.

Таким образом, анализ эламских линейных текстов А, В, С позволяет дать, в общем, положительную оценку исследованиям В. Хинца. За исключением чтения некоторых знаков, ему удалось правильно установить значение большинства знаков и содержание текстов. Значение некоторых знаков уточняется по синтаксису текстов. В целом, полученные результаты могут быть применены при дешифровке надписей из коллекции X. Махбубiana.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES⁴⁰

- Andre, B, Salvini, M. 1989: *Reflexions sur Puzur-Inšušinak. IA* 24, 53–72.
- Bork, F. 1905: *Sur Potoelamischen Schrift. Orientalische Literaturzeitung* 8. Leipzig, 323–330.
- Desset, F. 2018: Nine Linear Elamite Texts inscribed on Silver “Gunagi” Vessel (X, Y, Z, F’, H’, I’, J’, K’ and L’): New Data on Linear Elamite Writing and the history of the Sukkalmah Dynasty. *Iran* 56 (2), 105–143.
- Frank, C. 1912: *Zur Entzifferung Altelamischen Inschriften*. Berlin.
- Hinz, W. 1962: Zur Entzifferung der elamischen Strichschrift. *IA* 2, 1–21.
- Hinz, W. 1967: Elams Vertrag mit Naram-Sin von Akkad. *Zeitschrift für Assyriologie. Neue Folge* 58, 66–96.
- Hinz, W. 1969: *Altiranische Funde und Forschungen*. Berlin.
- Hinz, W. 1971: Eine Altelamische Tonkrug-Aufschrift vom Rande de Lut. *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 4, 21–24.
- Hinz, W. 1975: Problems of Linear Elamite. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* 2, 106–115.
- Hinz, W., Koch, H. 1987: *Elamische Wörterbuch*. Bd. I–II. Berlin.
- Khachikyan, M. 2010: Elamskiy yazyk. In: N.N. Kazanskiy, A.A. Kibrik, Yu.B. Koryakov (eds.). *Yazyki mira: Drevnie reliktovyye yazyki Peredney Azii [Languages of the World: Ancient Relict Languages of the Near East]*. Moscow, 95–117.
- Хачикян, М. 2010: Эламский язык. В кн.: Н.Н. Казанский, А.А. Кибрик, Ю.Б. Коряков (ред.). *Древние реликтовые языки Передней Азии. (Языки мира.)*. М., 95–117.
- König, F. 1965: *Die Elamische Königsinschriften*. Graz.
- Labat, R. 1988: *Manuel d'éigraphie Akkadienne (signes, syllabaires, ideogrammes)*. La 6⁰ ed. Paris.
- Mäder, M., Balmer, S., Plachtzik, S., Rawyler, N. 2018: Sequenzanalysen zur elamischen Strichschrift. In *Elamica 8. Elamandist Neighbors. Proceedings of the International Congress Held at Johannes Gutenberg University Mainz. September 21–23, 2016*. Hildesheim, 49–104.
- Madjidzadeh, Y. 2009: Jiroft Inscriptions and Origin of the Elamite Writing System. *Iranian Journal of Anthropology, Anthropological Society of Iran* 10, 97–126.
- Mahboubian, H. 2004: *Elam: Art and Civilization of Ancient Iran, 3000–2000 BC*. Salsburg.
- Mecquenem, de R. 1949: *Epigraphie proto-élamite (MDP 31)*.
- Meriggi, P. 1971: *La scrittura proto-élamica, parte I. La scrittura e il contenuto dei testi*. Roma.
- Reiner, E. 1969: The Elamite Language. In B. Spuler, H. Kees (Hrsg.), *Handbuch der Orientalistik*. Bd. 2/1. Leiden–Köln, 54–118.
- Scheil, V. 1905: Documents archaïques en écriture proto-élamite. *MDP* 6, 57–128.
- Scheil, V. 1908: *Textes élamites-semitiques (quatrième série)*. (MDP 10).
- Scheil, V. 1923: Textes de comptabilité proto-élamites. (MDP 17).

⁴⁰ Поскольку список литературы и references полностью совпадают за исключением одной работы на русском яз., перевод названия которой включен в references, редколлегия решила не дублировать список работ на иностранных яз.

-
- Scheil, V. 1931: Dynasties élamites d'Awan et de Simaš. *Révue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale* 28, 1–8.
- Scheil, V., Legrain, L. 1913: Textes élamites-sémitiques, 5 sér. (MDP 14).
- Steible, H., Behrens, H. 1982: *Die altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Teil I: Inschriften aus, Lagas'*. Wiesbaden (Freiburger Altorientalische Studien. Bd. 5)
- Vallat, F. 1986: The Most Ancient Scripts of Iran: The Current Situation. *World Archaeology* 17/3, 335–347.

TO CLARIFY THE READING OF THREE LINEAR INSCRIPTIONS
OF THE ELAMITE RULER KUKTIK-INSHUSHINAK

Allahverdi Nusi oglı Alimirzoyev

*Institute of History named after A.A. Bakikhanov,
National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan
alimirzoev.60@mail.ru*

Abstract. The linear version of the Elamite script used in ancient Iran has not been completely deciphered. This letter comes from the older pictographic writing system. Today, about 40 linear texts are known. Attempts by C. Frank, F. Bork, W. Hinz and P. Meriggi brought limited success. The article is devoted to clarifying the reading of three inscriptions compiled by a linear variety of ancient Elamite writing; they are usually denoted by the Latin letters A, B, C. Since their first publication (1905), scholars have tried to clarify the reading of the signs. The key in the deciphering process was the inscription A, which is a partial translation of the Akkadian text; both are engraved on a stone statue in the shape of a lion. In 1962, W. Hinz established the meaning of the signs and proposed a translation of the text A, but some provisions of its deciphering were not accepted by other researchers. He used the results of his decryption to read more than ten linear texts. In general, he was able to correctly establish the meaning of most of the characters. Our detailed analysis shows that indeed some of the meanings he proposed raise doubts, because they do not correspond to the norms of the morphology and syntax of the Elamite language. Therefore, the readings of other texts proposed by W. Hinz also need to be verified. Our study is based on the results of W. Hinz, but in contrast to it, it was found that (1) there are signs and words borrowed from Akkadian writing and language; (2) the name of the author of the text was conveyed by the syllable characters Ku-uk-ti-ki-šu-ši-na-ik; (3) before the name of his patronymic, the word si-in “Heir” is written. The results of my research to clarify the readings of signs can be applied to decipher other, especially the newly revealed inscriptions of Elam.

Keywords: Elamite Kingdom, ancient epigraphy of Iran, deciphering of ancient texts, linear inscriptions of Elam, relict languages, the first Akkado-Elamite bilingual.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2021), 297–312
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2021), 297–312
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-297-312

НОВАЯ КНИГА О НАГОВОРАХ ОЛЬВИИ

А.В. БЕЛОУСОВ. Корпус заклятий понтийской Ольвии. М.: Изд-во Московского университета, 2020, 194 с., ил. ISBN 978-5-19-011532-1

В 2020 г. была издана книга А.В. Белоусова «Корпус заклятий понтийской Ольвии» (М.: Изд-во МГУ, 194 с.). Тогда же вышла и моя статья «Заметки о текстологии и датировании новоизданных наговоров из эллинистической Ольвии»,¹ так что, как говорится, рыбка приплыла на ловца. Книга не большая, ибо и надписей немного – 21 (еще 4 в рубрике *Dubia et spuria*)². Структура книги такова: во введении кратко обозначены литература о наговорах, их формуляр, палеография (с. XXIV–XXXI), далее следует каталог надписей (с. 2–137), заметка об их грамматике, список литературы, указатель греческих слов, имен (с. 138–160). К сожалению, вводная часть весьма краткая: вместо серьезного разбора представительной литературы об ольвийских наговорах автор дал отрывочный ее перечень на полторы страницы; очерк палеографии включает 2 страницы общей характеристики письма надписей и 3 таблицы с формами букв (с. XXVI–XXXI), тогда как в действительности палеография наговоров богата, сложна и прошла в своем развитии несколько разных этапов (разговор об этом мы поведем далее, так как от точной характеристики палеографии надписи зависит ее датировка, соответственно, и включение в надлежащий исторический контекст). А.В. Белоусов занимается наговорами Ольвии более десяти лет, обо всех он высказывался ранее в ряде статей (основной текст оттуда перенесен в книгу). Он хорошо знает литературу об этом типе надписей, которых в остальном греческом мире множество. По образованию он филолог-классик (в прошлом латинист), и потому его комментарии посвящены главным образом языку надписей и личным именам. Эта хорошо отработанная триада – библиография, язык надписей, антропонимика – делает книгу заметным событием в литературе по эпиграфике Северного Причерноморья. Но, к сожалению, и недостатков немало, самый большой из них – отдаленное представление автора о палеографии эллинистической эпохи, что повлекло за собой ошибочную датировку большинства наговоров. Много изъянов в текстологии и понимании содержания части надписей, обо всем этом поведем речь далее. Подбор материала частью спорный (ниже покажем, что его № 1 и 20 не наговоры, а оракулы, № 21 – частное письмо) и неполный: следует ввести в каталог еще 5 надписей (см. о них в конце)³.

¹ Яйленко 2020, 24–40. Ранее мы дали републикацию всех наговоров Боспора: Яйленко 2005, 471–484.

² По-гречески наговор – *κατάρα*, *ἀνάθεμα* и др., лат. – *defixio*, по-русски также заклятие. Далее все даты – до н.э.

³ В 2019–2020 гг. я написал статью «Датирование и интерпретация надписей Северного Причерноморья IV–I вв. до н. э., преимущественно наговоров и писем». В ней более сотни страниц (в 12 мас-

Проблематична структура каталога надписей. За вычетом 4-х в рубрике *Dubia et spuria* их 21. Большинство наговоров примитивно – простой перечень имен, иногда с патронимиками (№ 1–12), А.В. Белоусов сгруппировал их в первую рубрику (раздел / секцию / группу) корпуса. Казалось бы, чего проще – в соответствии с заголовком в этом разделе должны быть надписи, состоящие из личных имен. Но что здесь делает надпись № 1, в которой, наряду с 3-мя именами, присутствует нарративный текст? В остальных 9-ти надписях, наряду с именами проклинаемых, имеется мелкий нарративный текст в несколько слов. Вместо 3-х рубрик, естественно вытекающих из наличного материала (1. Списки имен. 2. Список имен и нарратив. 3. *Dubia*), А.В. Белоусов распределил 9 наговоров с нарративом по 4-м рубрикам! На с. XXV–XXVI он дал обоснование такого распределения материала – по 4-м формулам заклятий, но оно не вполне точное. Отсюда и забавный местами результат – в рубриках II и V по одной надписи (№ 13, 21): «II. SERIES ALTERA. *Nomina deuotorum et membra corporis que eorum et vis leguntur*», «V. SERIES QVINTA. *Similia similibus*⁴». При этом секция II («Читаются имена проклинаемых, части их тела да сила»), сиречь одна надпись № 13, отличается лишь упоминанием слова «сила» от секции III. «*Nomina deuotorum et personarum aliorum, membra corporis que eorum leguntur*» («Читаются имена проклинаемых и других личностей, да части их тела», № 14–17). В рубрике IV «*Nomina deuotorum leguntur et deuouendi uerbum*» («Читаются имена проклинаемых и глагол заклятия», № 18–20) две надписи (18: *καταδέο γλώσσας κτλ* – «связываю языки противников по суду и свидетелей», 19: *γλώσσαν καταγράφω* – «проклинаю язык») содержат, наряду с *verba devovendi*, те же *membra corporis* – *γλώσσα*, что и в рубриках II–III, так что нет резона выделять рубрику IV, тем более что ее № 20 не наговор, а оракул (см. ниже). Да и сам заголовок рубрики III (№ 14–17) сформулирован неточно – никаких «частей тела» в надписях 14–17 нет; в № 15, 16 есть имена добавленных лиц, и в № 14, 17 только имена проклинаемых, а *nomina personarum aliorum* отсутствуют (№ 14 – список имен + нарратив «и всех, кто ему содействует»; 17 – список имен + «и все» / «и всех»). Ergo: для выделения секции III, как она озаглавлена, материала нет. Еще более неправомерно выделение рубрики V «*Similia similibus*», в которой одна надпись № 21. Белоусов обосновал это тем, что в ней есть «магическая формула, основанная на аналогии (*similia similibus*)», – *ῶσπερ … οὕτω*. Однако на деле это никакая не «магическая формула» (так что и «подобие формул» – его выдумка), а обычная грамматическая наречная конструкция⁵. Более того, эта надпись не наговор, а частное письмо (см. ниже). Как видно, систематизация надписей автором книги нелогична и в основном ошибочна, за исключением 11-ти надписей рубрики I – списки имен (не 12: не к месту № 1). Резюмируем: наличный материал Ольвии, периферийного городка, так скучен, что достаточно трех рубрик: 1. Списки имен (№ 2–12). 2. Список имен и нарратив (13–19). 3. *Dubia* (№ 22–23). Остальные 5 надписей книги (№ 1, 20, 21, 24, 25) не имеют отношения к наговорам.

Перейдем к надписям каталога (с. 2–137; у Белоусова пышно – Корпуса), двигаясь по рубрикам от I до VI. Как сказано, первые 12 надписей (по факту 11) рубрики I – простые перечни имен, по ряду с патронимиками. Там есть спорные вопросы текстологии, но основную проблему составляет датировка. Поскольку все это мы подробно рассмотрели в упомянутой статье «Датирование», отсылаем читателя к ней⁶. Здесь для примера проблематичности датирования и отчасти текстологии рассмотрим надписи № 5, 11.

штабе), почти столько же фото и прорисей, это слишком большой для бумажной публикации текст, Благодаря любезности кураторам форума Bosphoranking при университете г. Ярославля, статья размещена в Сети – http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/bitstream/123456789/3683/1/Yaylenko_Datirovanie.pdf. Также: <https://www.academia.edu/48906817>. Там рассмотрены в числе прочего ольвийские наговоры, представленные в рецензируемой книге, учтена точка зрения А.В. Белоусова, изложенная им в ряде статей (упомянутая наша работа 2020 г. о трех ольвийских наговорах и одном филактерии – извлечение оттуда). Говоря здесь о наговорах, в числе прочего используем материалы этой статьи (сокращенная ссылка: Датирование).

⁴ Всюду *ι*, поэтому *qvinta*, видимо, описка.

⁵ Например, *ῶσπερ … οὕτω* того же значения «как … так» у Ксенофона (Сиг. VII, 5, 75). Так как *ῶσπερ* = *ὡς πέρ*, то это развитие обычной конструкции *ὡς … ὡς*, откуда и вариант *ὡς … ὕσπερ* (примеры: LSJ, s. vv. *ῶσπερ*, *ὡς*).

⁶ Там их номера таковы (первая цифра – номер надписи у Белоусова, вторая – номер в «Датировании»): 2-40; 3-41; 4-37а; 5-42; 6-4; 7-37г; 8-37д; 9-37; 10-42а; 11-42в; 12-6.

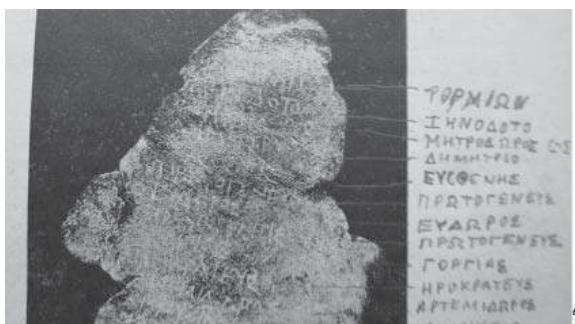

Рис. 1. Наговор № 5⁷.
Fig. 1. Spell no. 5.

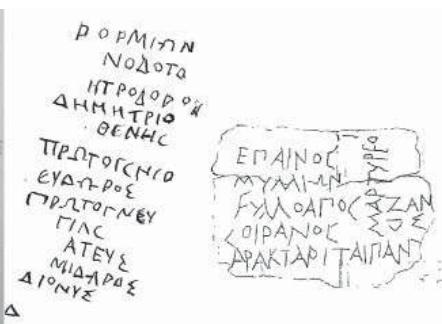

Рис. 2. Наговор № 11.
Fig. 2. Spell no. 11.

№ 5 (рис. 1). Издал С.С. Дложевский (он филолог): Φορμίων | Ζηνοδότο, | Μητρόδωρος | Δημητρίο, | Εὐσθένης | Πρωτογένευς, | Εὐδώρος | Πρωτογένευς, | Γοργίας | Ηροκράτευς, | Άρτεμιδωρος | Δεινομένευς, | πίνακ(α) | καιφακεμ⁸. Он рассмотрел особенности окончаний род. падежа имен на -ης (-εος и -ευς), которые характерны для IV–III вв.; указал на употребление графемы ő (= ou) еще и в III в.; отметил, что все имена присутствуют в Каталоге ольвийских граждан IOSPE I² 201, и, поскольку В.В. Латышев отнес Каталог и Протогенов декрет (в наговоре два Протогеновича) к III в. (IOSPE I², р. 195–196), датировал наговор примерно серединой III в. Из числа палеографических данных Дложевский остановился на формах омеги (их в надписи 3): одна обычная (Ω), у второй лапки помещены не у основания, а сбоку (такова в Протогеновском декрете), третья в виде растянутой ω, которая встречается в датированных аттических надписях со 160 г. При всей солидности обоснования даты, считаем нужным несколько омолодить ее в связи со своими разработками даты Каталога граждан и Протогеновского декрета по просопографическим данным Ольвии и датированным надписям Делоса. Каталог датируем последней третью или концом III в., Протогенов декрет принят ок. 180-х – 170-х гг., а описанные в нем события происходили с конца III в. (ΟΧΒ, 483, 498–503)⁹. Поскольку в наговоре фигурируют два Протогеновича – Евстен и Евдор – и родились они еще до принятия декрета в честь их отца (в декрете описано много событий, так что Протоген был уже в зрелом или почтенном возрасте), время их зрелой жизни, когда они могли досаждать людям и фигурировать в наговоре, относится к позднему III – первой трети II в. Это и есть время составления наговора № 5, с чем в целом согласуется употребление упомянутой растянутой омеги в датированных аттических надписях со 160 г. Добавим, что и в папирусном унциале форма ω идет со 160 г., а ее растянутый вариант с 80-х гг.¹⁰. Обе формы обычны в граффити нимфейского святилища Афродиты второй пол. III–II вв. В связи с датировкой надписи поздним III – первой третью II в. следует рассматривать род. падежи на -ο не как -ő (= ou), а как краткое -ο, результат позднеэллинистического сокращения дифтонга ou,¹¹ так что читаем Ζηνόδοτο, Δημήτριο, Διονύσιο (например, и в наговоре № 19 рубежа эр есть gen. Αγουζάκο). А.В. Белоусов дал цитаты из статьи Дложевского о датировке этой надписи III в., отнеся ее к IV в. Главное основание для него – эти род. падежи, и он не уяснил, что это позднеэллинистические формы. Нет смысла приводить другие два-три его довода, ибо он не уловил самое существенное, что писал о датировке Дложевский: все имена наговора есть в Каталоге ольвийских граждан IOSPE I² 201, и так как он III в., наговор нельзя отнести к IV в. Вообще Белоусов, говоря о датировках наговоров в своей книге, игнорирует просопографию, хотя при богатстве

⁷ Фото С.С. Дложевского; оно плохое, поэтому прилагаем справа наш раскрытие имен и пропись с фото.

⁸ Дложевский 1930, 53–57.

⁹ Здесь и далее сокращение ΟΧΒ = Яйленко 2017.

¹⁰ Gardthausen 1913, Taf. 1.

¹¹ Crönert 1903, 129–130. Mayser 1923, 116–117.

ольвийской антропонимии это важнейшее средство датирования надписей и специалисты широко пользуются просопографическими связями.

По конструкции и содержанию данная надпись аналогична заклятию № 15, где тоже дан перечень имен-отчеств в номинативе и в конце – слово из туземного языка: там кафак ζ , тут кафак ϵ . Слова *πίνακ* кафак ϵ Дложевский счел «магической формулой» неясного содержания. Понашему мнению (ВДИ 3 (1980), 87), выражение *πίνακ*(α) кафак ϵ включает греч. *πίνακ*(α) – вин. падеж к ном. *πίναξ* – «дощечка для записей, список»; второе слово сопоставимо с глоссой Гесихия *καφάζειν-γελᾶν* – «смеяться, осмеивать». Понятно, что «список» – это перечень имен проклинаемых, так что в целом *πίνακ*(α) кафак ϵ означает осмение людей данного перечня. А.В. Белоусов усмотрел тут личные имена: «Пинак (?)», Кафакес», и это не оправдано, ибо нет нужды сочинять не засвидетельствованное личное имя, если ПИНАК при списке имен вполне понимается как вин. падеж *πίνακ*(α) слова *πίναξ* – «список» этих самых имен. Он отверг мое сближение слова кафак ζ с глоссой Гесихия, поскольку якобы в числе других наговоров нет аналогий значению «осмеивать». Но это не аргумент: к примеру, сам он усмотрел в заклятии № 13 фракийское слово *πάρμη* («щит»), хотя нет аналогий с проклятием оружия. Греческие и латинские заклятия при наличии общеупотребительных формул индивидуальны и разнообразны по лексике, поэтому отсутствие аналогий в этом типе надписей не играет доказательной роли¹². В греческих заклятиях употребляются глаголы разного значения – *καταδέω* («связываю, проклинаю»), *κατα / ἐπι / ἀπογράφω* («царапаю, разрываю (когтями), проклинаю»), *κατορύπω* («закапываю, гублю»), *όρκίζω* («заклинаю») и др., в этом ряду пейоративных действий уместно и осмение.

№ 11 (рис. 2). Датировка А.В. Белоусова: «Палеография документа – альфа с выходящей за левую гасти горизонталью, прямоугольный эпсилон, большая мю, омикрон маленького размера, пи с укороченной правой вертикалью, лунарная, прямоугольной формы сигма, у-образный ипсилон – указывают на вторую половину IV в.». Отнюдь, не указывают на нее, ибо, во-первых, описанные издателем формы букв употреблялись с V в. до конца эллинизма, во-вторых, формы букв весьма многообразны, а не только те, что он описал, в-третьих, не отмечен их декоративный характер, который как раз и дает хронологические реперы. На деле в надписи не одна форма альфы, а до 9, в основном они декоративные – одна боковина на треть выше другой, у двух альф стк. 5 одна боковина еще и прогнута, поперечина горизонтальная или косая. Также вариативны формы нескольких Е, М, Н, Р. Из 4-х вариантов сигмы показательна трехчастная (в стк. 1, 3), она состоит из трех прямых линий – к вертикали примыкают под тупым углом два прямых уса; на папирусном письме такая идет со II в. до н.э., также в боспорских граффити¹³. Важно, что она представлена в наговоре № 13 позднего III – первой трети II в. до н.э., там она одна такая, остальные лунарные, более того, там 12 альф и все тоже разные (см. ниже). Мы не раз отмечали, что столь большое разнообразие форм одних и тех же букв не соответствует письму IV в., это свойство эллинистической палеографии, особенно позднеэллинистической (см. Датирование, № 5, 37а, б и мн. др.). Позднеэллинистическое время данного наговора подтверждается меной $\omega > \rho$ в слове *μαρτυρέοσιν* (= *μαρτυρέωσιν*), которое представлено в III в. единичными примерами, но вполне развито во II в.¹⁴. Таким образом, дата наговора II в. В надписи 4 имени проклинаемых и заключительная клаузула, которую Белоусов прочел так: *ἄ(π)ρακτα δι τα{ι} πάντ[α εἰ]↑{μ} μαρτυρέδ[σιν] ἄν* – «пусть все (их) дела будут безуспешны, если они станут свидетельствовать (в суде)». Как видно, вычитав кудрявое δι τα{ι}, он оставил *ἄ(π)ρακτα πάντ[α]* – «все бесполезным» (вин. падеж) без глагола (*μαρτυρέσιν* относится к поименованным лицам), так что ему пришлось добавлять [εἰ]. Такое чтение проблематично, поскольку можно обойтись без дополнения текста посредством чтения глагола *οἴται* с безличным значением «полагается, считается»¹⁵. В целом: *ἄ(π)ρακτα οἴται πάντ[α] ↑<ς>, | μαρτυρέοσιν ἄν* – «Эпайн, Миллион, Евмолп, Койран, – все

¹² Датирование, № 42: кафак ζ , кафак ϵ , возможно, существительное германского происхождения, ср. немецкое *Kaff(en)* – «пустяки, вздор» и родственное ему англ. *chaff* – «подшучивать, дразнить, насмехаться».

¹³ Gardthausen 1913, Taf. 1. Емец 1995, 54, тб. II.

¹⁴ Crönert 1903, 19–20; Mayser 1923, 97–99.

¹⁵ Хотя нормативно *οἴται*, здесь та же синкопа ε в соседстве с дифтонгом, как в 1 лице *οἴμαι*, 3 лице *οἴτο*. Безличное значение у *οἴται* в Od. XIX, 312 etc.

у них считается бесполезным, когда станут свидетельствовать на суде». Иными словами, автор наговора выражает пожелание, чтобы их свидетельские показания на процессе не возвысили успеха¹⁶. Неверно предположение Белоусова о тождестве этого Миллиона с тезкой из ольвийского письма Артикона – оно V в. (ОХБ, 238). Напрасно и его заявление о якобы «общей безграмотности автора заклятия», – как видно, скорее, Белоусов недопонял надпись.

В рубрике II каталога, как сказано, числится лишь наговор № 13.

№ 13. Издал Э. Дильтай: ταμπαρμη | Σιττυρα | την γλωσσαν |³ ταμπαρμη | και Θεμιστα | και Επικρατευς |⁶ και την δύναμιν (переведем: «предаю проклятию язык Ситтираса, предаю проклятию и языки Темистаса да Эпикрата, также их силу»)¹⁷. По Дилю, ταμπαρμη – слово из скифского языка, полагаем, он правильно уравнял смысл туземного слова с обычными в греческих наговорах глаголами καταδέω, καταγύραφω и др. («связываю, сковываю» ~ «предаю проклятию»). В Ольвии с ее обильной эпиграфикой VI–IV вв. есть небольшое число туземных имён (Эминак, Арих, Матасий и др.), но нет следов туземного языка. А в заклятиях народный язык порой проявляется – в № 5, 15 есть негреческие слова καφακεμ, καφακης. Сюда и ταμπαρμη. Д. Дечев вычленил тут παρμη («небольшой круглый щит») как фракийское слово, основанием ему служили указания Гесихия («πάρμα: фракийское вооружение») и Клиmenta Александрийского, который приписал слово иллирийцам¹⁸. А.В. Белоусов, не зная этого, тоже привел данные Гесихия и Клиmenta и счел слово палеобалканским по происхождению. Все это привлекательно, однако наталкивается на два препятствия. Во-первых, необходимость видеть в τάμιдорический артикль. Белоусов объясняет это «высокой социальной и культурной мобильностью, имевшей место в регионе» Понта, но это общие слова, требуется что-либо конкретное¹⁹. Во-вторых, отчасти плоха смысловая увязка щита с контекстом. Перевод Белоусова: «Щит Ситтира, язык его, щит Фемиста и Эпикрата и силу их». Как видно, предаются проклятию щит Ситтира и его язык; понятно, что проклятие щита означает пожелание смерти, и странно вслед за этим проклинать язык (по контрасту логично проклятие щитов и силы Фемиста и Эпикрата). Словом, идея о фракийской гlosse πάρμη («щит») в ольвийском заклятии проблематична. В надписи явно не хватает глагола καταδέω («связываю») и под., поэтому предпочитаем видеть его в ταμπαρμη.

В рубрике III («Читаются имена проклинаемых и других личностей да части их тела») надписи № 14–17. Как сказано, присутствие надписей № 14 и 17 ввиду отсутствия имен «других личностей» и «частей тела» неуместно, так же № 15, 16 без «частей тела», так что выделение рубрики безосновательно. Отсылаем читателя по поводу датировки и текстологии этих надписей к «Датированию» (№ 1, 37в, 38, 39). Здесь коротко затронем эти вопросы в связи с заклятием № 16: мы только что исследовали это и получили иные результаты сравнительно с тем, что представлено в рецензируемой книге²⁰.

№ 16 (рис. 3). Список имен проклинаемых лиц издал С.Р. Тохтасьев, его текст и датировку второй половиной IV в. принял А.В. Белоусов. Но шрифт надписи настолько декоративен, что ни о каком времени до III в. не может быть и речи. На полтора десятка альф – десяток форм, в том числе с выходом одной боковины вверх за пересечением с другой, также с их перекрециванием; поперечина

¹⁶ Строго говоря, после ḥ(π)ракта следует буква Р, так что можно читать ρῆται = ρεῖται «расплывается, исчезает», в целом: ḥ(π)ракта ρῆται πάυτ[а] κτλ. «Эпайн, Миллион, Евмолп, Койран, – бесполезно / бесполезным исчезает все, когда станут свидетельствовать на суде». Сокращение дифтонга ει в 1 проходило в Ольвии в V–IV вв. (Dubois 1996, 185), но данный наговор II в. до н.э., поэтому переход позднеэллинистический, как на Боспоре с I в. до н.э. (КБН, с. 803, § 8, 1).

¹⁷ Diehl 1923, 225–227. См. и PGM II, р. 211 (эта публикация надписи осталась неизвестной А.В. Белоусову). Перевод Диля 1923 г.: «devoveo Sittyrae linguam, devoveo etiam linguas Themistae et Epicratis, etiam Dynamin illam» (тут он читал женское имя Dynamis, но в PGM, по Н.И. Новосадскому и др., исправлено на δύναμιν).

¹⁸ Detschew 1957, с. в. Vlahov 1963, 307. Георгиев 1977, 17. Добавим свидетельства антиквара VI в. Иоанна Лида (De magistratibus, р. 4, 22; TLG), что италики называют щит πάρμα; также свидетельство Свиды – πάρματοι δερμάτινοι θυρεοὶ παρὰ Καλχηδονίοις «пармы: кожаные щиты у калхедонян», из которого следует, что калхедоняне позаимствовали слово у окрестных фракийцев.

¹⁹ Например, точно так мы увидели доризм в надписи № 24, в остальном составленной на языке койне (Яйленко 2020, 33).

²⁰ Яйленко 2020, 29–32, № 2.

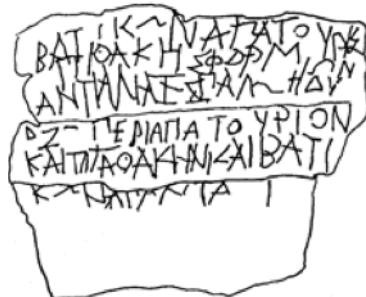

Рис. 3. Наговор № 16 (слева).
Fig. 3. Spell no. 16 (left).

Рис. 4, 5. Письмо Анониму.
Fig. 4, 5. Letter from Anonymous.

Ι ΔΠΕΡΙΕΗΜΕΙΣΦΥΓΕΙΝΑΙΚΩΜΕ
ΝΑΥΤΟΣΕΥΠΟΙΕΙΚΑΙΩΝΥΣΙΟΕ
ΝΑΚΑΙΤΥΣΑΡΙΕΤΟΡΑΤΗΣ
ΚΑΔΗΜΙΦΠΛΕΣΔΗΜΑΙΟΣ
Ι ΗΡΑΓΟΡΗΣΕΓΙ ΖΙΝΟΝΗΠΡΑΓΜΑΠΑΡΑ
ΓΕΙΝΟΝΤΑΙΚ ΘΙΛΕΠΤΗΝΑΣ
ΕΠΙΚΡΑΤΗΣΕΣΤΙΑΙΟΣ
ΕΠΟΤΕΠΡΑΓΜΑΤΑΓΓΙΝΟΝΤΑΙΕΠΟΤΙ
ΝΑΜΑΡΤΥΡΙΝΗΤΟΙΝΑΙΤΗΝ
ΜΑ ΕΗΜΕΤΣΕΒΙΔΕΜΟΙΑΥΤΟΣ
ΚΑΤΑΣΧΗΣΚΑΙΜΕΛΑΒΗΣΠΑΔΕΣ
ΤΕΙΜΗΣΛΑΚΑΙΣΒΑΡΙΣΤΟΝΔΕΙΑ
ΦΩΝΓΑΡΑΣΚΕΙΟ ουα

причудливо пляшет в разных направлениях, обязательно выходя за одну или обе боковины, – это разнообразие форм папирусного унциала (см. об этом и выше, № 5). На 7 N пять форм, причем почти у всех боковые гасти равной величины, а в начале стк. 3 еще и прогнуты. Шесть пи на все вкусы и времена: в стк. 3, 6 правая гаста короткая, в стк. 4 немного удлинена, эту форму можно было назвать классической, не будь она писана коряво. У пи стк. 2, 5 крышка выходит за пересечение с вертикалью влево или вправо, в стк. 2 правая гаста немного укорочена, в стк. 5 обе вертикали равновеликие. Наконец, форма π в стк. 1 хотя известна папирусному письму с конца IV в.,²¹ обычно в эпиграфике Северного Причерноморья в основном позднеэллинистического времени – в Протогеновском декрете (его датируют III–II вв.), в граффити нимфейского святилища Афродиты второй половины III–II вв. Из трех сигм наиболее показательна в стк. 3: основание и верх у нее горизонтальны, внутренние линии перекрещены, – это форма Π–Ι вв. до н.э., мы назвали ее позднемонументальной (Датирование, № 7, 54). Позднеэллинистический набор форм удостоверяет омега в виде загогулины с одной лапкой, то левой, то правой, как на папирусном письме указанного времени. Ввиду изложенного данный наговор относится к III–II вв. Текст Тохтасьева (он и у Белоусова): Βατίκον, Απατούριος, | Π<ι>τάκης, Φορμίων, | Αντιάναξ, Σπαλω<ν>, Ήδρ- ν. | [--] | Δ (?) Ζ περὶ Απατούριον | καὶ Πιτ{α}θάκην καὶ Βατίκωνα πάντα<ζ> vac. | vac. Хотя надпись хорошей сохранности и буквы резаны удовлетворительно, этот текст в ряде мест нуждается в исправлении. Наш текст: Βατίκον, Απατούριος, | Πιθάκης, Φορμίων, | Αντιάναξ, σπάλω ήδην | οζ' περὶ Απατούριον | καὶ Πι{α}θάκην καὶ Βατίκωνα πάντα – «Батикон, Апатурий, Питак, Формион, Антианакт, потрясаю с удовольствием 77 раз все у Апатурия и Питака, и Батикона»²².

О рубрике IV («Собраны / читаются имена проклинаемых и глагол заклятия») с надписями № 18–20 сказано в начале рецензии: в № 18 и 19 содержатся, наряду с *verba devovendi*, те же *membra corporis* – γλῶσσαι, что и в рубриках II–III, так что нет резона выделять рубрику IV, тем более что ее № 20 не наговор, а оракул (см. далее). Скажем несколько слов о наговорах № 18, 19.

№ 18. Надпись на чаше вкруговую – издал Э. Диль, его текст и датировку IV в. восприняли И.И. Толстой, Л. Дюбуа²³: καταδέω γλώσσας ἀντιδίκων καὶ μαρτύρων, Τελεσικράτεος καὶ παῖδων Τελεσικράτεος, Ἀγρωνος, Ἰππονίκο, Αρτεμιδώρο, Ἀχιλλοδώρου, καὶ τοὺς ἄλλους τοὺς μετ' <αοτα> αότοῦ πάντας – «связываю языки противников по суду и свидетелей – Телесикрата да сыновей Телесикрата, Агриона, Гиппоника, Артемидора, Ахиллодора и остальных всех, кто вместе с ним». А.В. Белоусов вместо рационального понимания Τελεσικράτεος καὶ παῖδων Τελεσικράτεος (запятая) как «Телесикрата и сыновей Телесикрата» (далее перечень его союзников), дал «Телесикрата и (его) детей: Телесикрата, Агриона (и др.)», сделав Телесикрата многодетным – все перечисленные – его дети. Это мало допустимо, поскольку в заклятиях со списком имен παῖδες основного супостата обычно

²¹ Gardthausen 1913, Taf. 1.

²² См. обоснование: Яйленко 2020, 30–31.

²³ Диль 1915, 40–56. Толстой, 1953, № 63. Dubois 1996, № 105.

безымянны²⁴. Как ни странно, из комментария Белоусова читатель не узнает об этом его новшестве в прочтении текста, о том, как в литературе менялось представление о дате документа в пределах IV в. Иначе говоря, он дает скрупулезный список литературы, но тот остается вещью в себе: в его комментариях ко всем надписям отсутствует картина развития принципиальных представлений о них от исследователя к исследователю (о дате наговора см. «Датирование», № 3).

№ 19. А.В. Белоусов участвовал в издании этого интересного наговора на 33 человека, текст, перевод, датировку оттуда он перенес в книгу. Издатели хорошо разобрались в тексте, тем не менее мы сделали ряд поправок к нему (выделяем их курсивом):

(Recto, col. 1) Όστρακίων, Χαράσπα, Λάδκα, Σωσιπάτρη, Ατότας, Βρότακος, Διονύσιος, Άριστόξενος, (recto, col. 2) Δ(i)ονύσιος, Αθηναῖος, Φιλίστης, Εὐθύδικος, Νάνας, Λυσίας, Θάσιος, Παινα, Σίμακος, πάντα[ς α]ι[ό]το[ύ]ς. (Tergo, col. 3) Βάτων, Διόνυσος, Κοκά, Όλύμπιχος, Μας, Όλβια, Αθήνηπος, Λάμ[π]ων, Ερδ[ικ]ος, Κ[ελ/ρεβ?]ιν, Πα[ν]τακλ[ῆς], Βάτας, (tergo, col. 4) Μ[ι]κός, Μαίκα: (Tergo, col. 5) [ὅσ]τις πρὸς ἡμᾶς ἐχθρός, | πάντων τὴν γλῶσσαν κα[τα]γράφω, vac. ὅστις ἐχθρὸς τῶν | πρὸς ἡμ[ῆ]ς | πάντων τὴν γλῶσσαν κα[τα]γράφω «(кол. 1) Остракион, Хараспа, Ладка, Сосипатра, Атотас, Братак, Дионисий, Аристоксен, (2) Дионисий, Атеней, Филист, Евтидик, Нанас, Люсиас, Тасий, Пайна, Симак, – всех их проклинаю. (3) Батон, Дионис, Коко, Олимпих, Мас, Ольбия, Атенип, Лампон, Евдик, К(ел/реб?)ин, Пантакл, Батас, (4) Мик, Майка: (5) который против нас враг из всех, – связываю языки; который враг из всех, кто против нас, – связываю языки»²⁵. А.В. Белоусов отнес надпись по палеографии и языковым признакам к концу IV – началу III в. Мы подробно разобрали вопрос о дате и показали, что это позднеэллинистическое письмо со всеми его декоративными и прочими свойствами. Показательно, что в шрифте нет ни одной позднеклассической формы. Действенна идентичность написания имени Βρότακος с именем Κλεόμβροτος в НО 125 конца III – II в. (датировка издателя, Е.И. Леви): там и там буквы ВР по размеру вдвое больше других, и одинаковым образом их нижние половинки опущены за нижнюю линейку строки. Это один и тот же пошиб письма. Неточна характеристика Белоусовым языка надписи: это отнюдь не смешение ионийских форм и койне, не постепенное проникновение койне в Северное Причерноморье, как он счел, а вполне кондовый язык койне, в который инкорпорированы 2 ионизма – Σωσιπάτρη, Φιλίστης. Нашу датировку надписи поздним III – II в. подтверждает и единственная просопографическая зацепка – имя Πα[ν]τακλ[ῆς]. В Ольвии этого времени известны 4 Пантакла, они принадлежат к славному роду стеностроителей Пантакловых-Клеомбротовых (о нем: ОХБ, 489): Клеомброт Пантаклов да Пантакл Клеомбротов IOSPE I² 180 III в., в конце III–II вв. действовали два Пантакла Клеомбротовича IOSPE I² 188, 2012²⁶. Итак, Пантакл наговора принадлежал к роду стеностроителей, и это позволяет предположить, что проклятая группа из 33 человек – строительные рабочие, посему причина конфликта, видимо, производственная.

О рубрике V «*Similia similibus*» А.В. Белоусова, в которой одна надпись № 21, уже сказано – она беспочвенна, а сама надпись не наговор, но частное письмо. Мы обосновали это в отдельной заметке (ОХБ, 469–475), пространную критику мнения Б. Браво, А.В. Белоусова дали в «Датировании» (№ 47), поэтому здесь кратко обрисуем положение дел.

№ 21 (рис. 4, 5)²⁷. Надпись на свинцовой пластине, издал В.В. Шкорпил как письмо к судье с предложением взятки, понимание надписи в качестве письма поддержали В.В. Латышев, Т.Н. Книпович, автор этих строк; по Э. Дилю, это наговор, его поддержали Д. Джордан, Б. Браво, Л. Дюбуа, А.В. Белоусов. По нашему мнению, это письмо, отправленное неким Анонимом, с предостережением адресату о грозящем ему судебном разбирательстве, которое готовит группа названных по именам лиц. В интересах автора письма был захват этой группы адресатом, за что Аноним обещал вознаградить его удачным улаживанием судебного дела. Наш текст и перевод:

²⁴ Так и в другом ольвийском заклятии – № 15; также в двух наговорах из Пантикея: Яйленко 2005, 473, 476.

²⁵ Яйленко 2020, 24–29, № 1.

²⁶ Яйленко 2019, 191–192.

²⁷ Подлинник пропал, так что мы располагаем лишь прорисью Н.Е. Макаренко (рис. 4) и дипломатической копией В.В. Шкорпила (рис. 5).

[ῳ]σπέρ σε ἡμεῖς οὐ γεινώσκομεν, οὕτως Εὔπολις καὶ Διονύσιος, Μακαρεύς, Αριστοκράτης καὶ Δημόπολις, [Κ]ωμαῖος, 5 Ἡραγόρης ἐπὶ [?]ινὸν πρᾶγμα παραγίνονται κ[α]ὶ Λεπτίνας, Ἐπικράτης, Ἐστιαῖος: ἐπ’ ὅ τι πρᾶγμα [π]αρ(αγ)είνονται, ἐπ’ ὅτινα μαρτυρίην ο[ὖ]τοι νόησαν, 10 ὁ[ς δ]ὲ ἡμεῖς σε. [ἢ]ν δέ μοι αὐτοὺς κατάσχῃς καὶ μ[οι] λάβῃς, ἐπ’ ὃ δέ σε τειμήσω καὶ σο[ι] ἀριστον δ[α]ίφ-ρον παρασκε[υῶ]

У сторонников понимания надписи в качестве наговора почти тот же греческий текст, но интерпретация иная; наиболее полно текст как наговор разработал Б. Браво, его почти целиком повторил Л. Дюбуа²⁸. То же и А.В. Белоусов,²⁹ его перевод: «Как мы тебя не знаем, так пусть Эвполид и Дионисий, Макарей, Аристократ и Демополид, Комей и Герагор, на какую бы тяжбу они ни приходили. А также Лептин, Эпикрат, Гестией на какую бы они тяжбу ни приходили, на какое бы свидетельство эти вот (люди) уже не задумали (прийти), как мы тебя (не знаем). А если ты для меня наложишь на них заклятие (κατάσχῃς) и схватишь (κ[ατα]λάβῃς), за то я тебя почту и тебе преподнесу наилучший дар».

Мнение уважаемых коллег о надписи как заклятии мне странно, ибо в каком еще наговоре автор обращается к адресату со словами «Как мы тебя не знаем, так пусть Эвполид <и др.>, на какую бы тяжбу они ни приходили. А также Лептин, Эпикрат, Гестией на какую бы они тяжбу ни приходили, на какое бы свидетельство эти вот (люди) уже не задумали (прийти), как мы тебя (не знаем)?» Это ведь чистой воды эпистолярный нарратив! Б. Браво счел надпись наговором на основании употребления в магических текстах глагола κατέχω (в ольвийской надписи κατάσχῃς), когда хотят, чтобы божество или демон сковал проклинаемого человека или часть его тела, либо его деятельность; хотя καταλαμβάνω (κ[ατα]λάβῃς ольвийской надписи) не замечено в магических текстах, оно употребительно в источниках, когда ведется речь о насильственных действиях. Отсюда Б. Браво понял ольвийскую надпись как наговор и счел, что автор его обращается к погребенному мертвцу, которого просит о содействии в своем деле. В доказательство такой ситуации он привел беотийское заклятие подобного толка, сделав упор на том, что оно, как и ольвийская надпись, начинается словом ὕσπερ³⁰. Однако там за ὕσπερ следует обычный для заклятий текст, на что обратил внимание и Л. Дюбуа, который указал, что контекст ольвийского заклятия иной³¹. Тем не менее это шаткое сближение Браво служит и Дюбуа, и Белоусову краеугольным камнем для суждения об ольвийской надписи как наговоре, хотя доказательная база такого ее понимания, как видно, минимальна. По этой причине не случайны натяжки интерпретации надписи и у моего старинного коллеги Бенедетто Браво, и у

²⁸ Bravo 1987, 189; Dubois 1996, № 109. Отметим отличия их текста от нашего: стк. 9 – νόησαν, 10 – ώ[σπε]ρ (но буквы Р ни на прориси, ни в копии нет, так что должно быть ώ[σπερ]); стк. 11 – κ[ατα]λάβῃς ἐ<γ>ώ δέ σε, стк. 11-12 – δ[ῶ]ρον Διονύσιον.

²⁹ Лишь в стк. 5 он принял чтение Д. Джордана ἐπ’ [όκο]ιον, в стк. 11 наше чтение ἐπ’ ὃ δέ σε, в стк. 12-13 δ[ῶ]ρον Διονύσия.

³⁰ Bravo 1987, 191–202.

³¹ А.В. Белоусов ни словом не обмолвился об этом. Он привел текст беотийского заклятия и много чего о нем написал, но не отметил, что это сближение Б. Браво; в результате все выглядит его собственным вкладом. Комментарий Белоусова к этой надписи весьма краток, по существу, там дана еще ссылка на русскую практику заговоров, в которой он нашел нечто параллельное. Это тоже симптоматично: понимание содержания надписи как наговора не имеет ничего общего с соответствующей греческой практикой. Стало быть, существа дела в неправильном толковании ольвийского документа.

«как мы не признаем тебя виновным, так Евполис и Дионисий, Макарей, Аристократ и Демополис, Комей, Герагор содействуют ужасному (?) судебному делу, а также Лептин, Эпикрат, Гестией. Они содействуют какому-то делу, они поразмыслили о каком-то свидетельстве, так и мы поразмыслили о тебе. Если же ты мне их придержишь и схватишь, то я за это вознагражу тебя и умело устрою все наилучшим образом».

А.В. Белоусова. В переводе последнего три фразы, и мне достаточно процитировать их по отдельности, чтобы стала наглядной ущербность синтаксиса внутри каждой из них, также их бессвязность между собой. Первая: «Как мы тебя не знаем, так пусть Эвполид и Дионисий, Макарей, Аристократ и Демополид, Комей и Герагор, на какую бы тяжбу они ни приходили». Тут при подлежащем «мы» есть сказуемое («не знаем»), а при подлежащем с поименованными персонажами (Евполид и прочие) сказуемого нет, оно есть лишь в придаточном предложении («они приходили»); в результате Евполид и прочие повисают у Белоусова в воздухе, ничего не делая. Причина в ошибочном понимании *παραγείνονται* в качестве конъюнктива – *παραγείνονται*. Столь же бессвязна и вторая фраза: «А также Лептин, Эпикрат, Гестией на какую бы они тяжбу ни приходили, на какое бы свидетельство эти вот (люди) уже не задумали (прийти), как мы тебя (не знаем)». Тут при поименованных лицах есть глагол («приходили ... задумали»), а придаточное предложение «как мы тебя (не знаем)» бессмысленно ввиду отсутствия хоть какой-то связи с предыдущим. Последняя фраза самодостаточна, и только она содержит текст, действительно подходящий для наговора: «А если ты для меня наложишь на них заклятие и схватишь, за то я тебя почту и тебе преподнесу наилучший дар». Однако она никак не связана своим содержанием с предшествующими действиями группы лиц – «мы не знаем», «приходили», снова «они приходили», «задумали (прийти)», опять «не знаем».

А.В. Белоусов (статья 2017 г.) и сам видит отсутствие смысловой связи между тремя предложениями своего перевода, поэтому сочиняет конструкцию, якобы соединяющую их в одно целое – текст якобы состоит из двух частей: а) «магической формулы» в стк. 1-9, и б) обещания награды адресату в стк. 10-13. Поскольку извлечь из стк. 1-9 хоть какой-нибудь магический смысл невозможно, он апеллирует к «повторению начальной формулы» первой части *ὅσπερ ... οὕτως* (стк. 1-2) во второй части в виде *ὅσπερ ἡμεῖς σε*. Так его «магическая формула» первой части на деле оборачивается всего лишь грамматической наречной конструкцией с *ὅσπερ* (о ней мы писали выше). Более того, вину за искусственность своих построений А.В. Белоусов перекладывает на автора надписи: ему как будто бы свойственна «очевидно невысокая грамотность». Но суть проблемы не в грамотности автора (она, кстати сказать, достаточная для сочинения непростого текста), а в насилии коллег над надписью, желающих превратить ее в наговор, хотя против этого говорит одно лишь присутствие в ней глаголов множ. числа – *γεινόσκομεν*, *παραγείνονται*, *νόησαν*, тогда как заклятиям свойственны почти исключительно формы ед. числа: *καταδέω*, *κατορύττω*, *καταγράφω* и пр. Частные письма тоже пишутся от одного лица к другому, но в них сообщается о разных делах и событиях, в которых задействованы другие люди, поэтому множ. число глаголов там обычно, – достаточно ознакомиться, к примеру, с множеством писем, которые привел в своих жизнеописаниях философ Диоген Лаертский. То же и в письмах-граффити и папирусах. Например, в ольвийском письме Апатурия к Леанакту, в котором говорится о возврате захваченного товара, излагаются и слова захватчиков: [οἴ] γάρ φαστῦ : ὅ τι σὸν ἔχοσιν, ἀπόδω[σιν] τὸ : συλη[θέν]σοι – «ибо они говорят: то, что у них есть твоего, вернут захваченное тебе» (ОХБ, 233). Есть и письма, обращенные к коллективному адресату, как, например, ольвийское письмо навклерам, где отправитель пишет им: [εὖ]ν μὴ ἀποδῆτε [τὰ M]ενάνδρου ἔχομενα «если же не отадите то, чем владеет Менандр»³².

Вся отмеченная бессвязность перевода А.В. Белоусова указывает, что греческий текст понят им неадекватно. Отсюда логично его признание, что это «необычное, не имеющее явных параллелей в Северном Причерноморье судебное заклятие». Уточним: не только в Северном Причерноморье, но и в наговорах других регионов греческого мира (например, привлеченное Браво беотийское заклятие, как сказано, содержит лишь вводное *ὅσπερ*, а по содержанию вовсе иное). Если же не чинить насилия над ольвийской надписью, приписывая ей магический контекст, то как частное письмо по поводу некоего судебного дела оно вполне гомогенно. Поскольку именно это я показал в своей

³² Шебалин 1968, 299.

заметке, А.В. Белоусову необходимо ее развенчать. Цитирую: «все понимание текста основывается у В.П. Яйленко на применении к глаголам (*γεινόσκομεν* и *παραγείνονται*) нечастых словарных значений (“признавать вину”, “содействовать”) и слабо возможных грамматических интерпретаций (*ὁ[ς δ]έ ἡμεῖς σε* – “так и мы *поразмыслили* о тебе”), что, конечно, не убеждает ни в надежности восстанавливаемого московским ученым текста, ни, соответственно, в основательности всей его интерпретации». Для развенчания этих аргументов критика достаточно обращения к словарям. Он пыняет мне, что для *γεινόσκομεν* и *παραγείνονται* я принял «нечастое словарное значение». Но это верно лишь для *γεινόσκομεν* – «признавать вину», а с *παραγείνονται* картина противоположная. Нормативный словарь LSJ дает у *παραγέγονται* значения: «I) to be beside, by or near; come to one's side, stand by, second; II) come to», – так что принятое мной «содействовать» (to be beside, second) как раз в первых рядах семантики глагола, принятое же Белоусовым «приходить» – вторичное или третичное, из арьергарда. Что же до *γεινόσκομεν* – «признавать вину», то не основные, побочные значения есть в любом тексте. Например, в этой же ольвийской надписи *πράγμα* как «судебная тяжба», на чем настаивает А.В. Белоусов, вслед за Д. Джорданом (они ломятся в открытую дверь, ибо это значение очевидно при *μαρτυρίη* стк. 9), находится где-то в конце десятка значений, оно даже прямо не упомянуто в словаре LSJ. Ровно такая ситуация у адептов заклятия с глаголом *κατέχω*, на котором единственно и основывается их интерпретация надписи: из трех десятков его значений лишь одно дано в LSJ применительно к наговорам – *inhibit* «удерживать, препятствовать». Но адепты и его понимают по-разному: «обездвиживать» (*paralyses* перевода Б. Браво), «удерживать под землей» (*maîtiens sous terre* Л. Дюбуа), «налагать заклятие» (А.В. Белоусов). При столь индивидуальной трактовке смысла *κατέχω* адептами наговора, в том числе самим Белоусовым, его претензия к моему нечастому словарному значению *γεινόσκομεν* неадекватна. Конечно, исследователь наговоров вправе выявлять те значения лексики, которые он видит и аргументирует, но лишь при бесспорной принадлежности надписи к этому типу документов, когда же за душой одно *κατάσχεται* ольвийской надписи, да еще в контексте с судебным преследованием адресата письма, упомянутые изыски адептов наговора весьма субъективны. Напротив, при трактовке ольвийской надписи как письма *κατέχω* и *λαμβάνω* употреблены в своих основных значениях «держать, удерживать» и «брать, хватать»³³.

А.В. Белоусов отнес надпись ко второй половине IV – первой половине III в. На деле о IV в. речи быть не может, ибо это позднеэллинистическое письмо III–II вв. (подробности: Датирование, № 47). На эту же дату указывает и просопография документа. Из 10 его личных имен, как указал Б. Браво, 9 известны в Ольвии; нам же для датировки важно отметить, что 4 имеют соответствие в Каталоге ольвийских граждан IOSPE I² 201 последней трети или конца III в. (Дионисий, Аристократ, Эпикрат, Гестией). Это достаточное число для идентификации тех и других, так что по этому просопографическому соответствию надпись датируется тем же временем, что и Каталог.

В раздел V Белоусов внес и надпись № 20, но она не наговор, а оракул.

№ 20 (рис. 6). Остракон, сделанный из обколотого дна чернолаковой чаши конца V в. с нацарапанным профильным изображением мужской головы влево, вокруг обод и надпись. Ее понимали по-разному: А.С. Русева, Ю.Г. Виноградов сочли магической, связанной с оракулом Гермеса в Ольвии; А.В. Лебедев усмотрел в ней свидетельство поединка двух магов. Согласно Л. Дюбуа, это сомнительного свойства шутка в кругу почитателей культа Гермеса. По мнению Б. Браво, это заклятие, в котором Фарнабаз предавался на заклятие Гермесу Хтонию, что воспринял и А.В. Белоусов, ср. его перевод: «Фарнабаз любитель красивого. Я знаю наперед, что ты уже мертв. Успокойся, вопрошатель оракула Гермеса!» Не надо быть специалистом по наговорам, дабы видеть, что ничего от заклятия тут нет, пожалуй, лишь речь о смерти. Потому и сетует Белоусов: нет в ней формул, характерных для заклятий, она не имеет никаких параллелей среди сотен имеющихся ныне наговоров; посему, заключает он, надо признать, что «текст этого заклятия абсолютно уникален». Если же смотреть без шор специалиста по заклятиям, то этими признаниями он удостоверил лишь то, что надпись не имеет отношения к наговорам. В ОХБ (с. 37–46) мы выявили 5 ольвийских оракулов V–IV вв., они даны в местном святилище Гермеса, который у греков вплотную связан с мантикой. Оно помещалось на Западном теменосе и функционировало в V–IV вв., тут как раз и найден оракул

³³ Опровержение других аргументов А.В. Белоусова против моей интерпретации см.: Датирование, № 47.

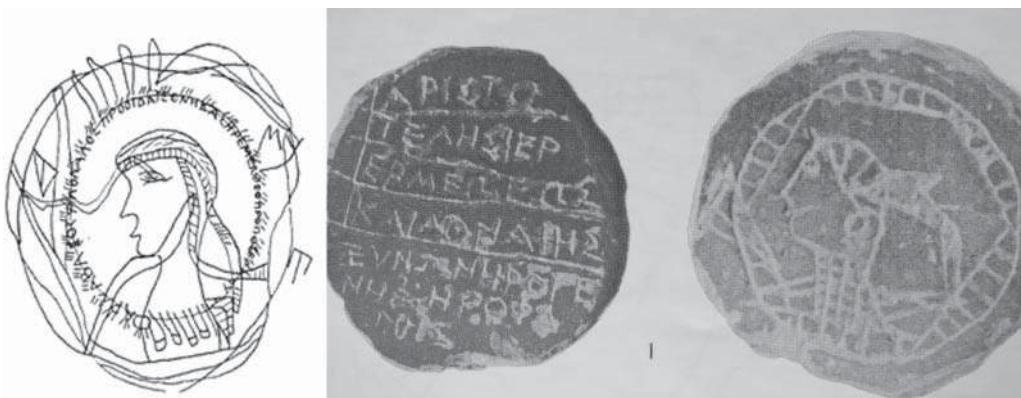

Рис. 6, 7. Оракулы Фарнабазу (слева) и Аристотелю (прорись и фото ГОП, тб. 26, 44).
Fig. 6, 7. Oracles to Pharnabazos (left) and Aristotle (drawing and photo GOP, tb. 26, 44).

Фарнабазу, которому мы посвятили отдельную заметку (ОХБ, 44–45)³⁴. Мы отметили, что слово ἡρεμέω – «оставаться в покое, быть спокойным» присутствует и в другом оракуле IV в.: μηνός: Ταορεδόνος τῷ πρώτῳ: ὑστεράῃ νεομη[³νή]ς: ἡρεμίσθω: μηγίδος: Ταορεδόνος τῷ ύ[σ]τέρῳ κατ' ἐπαγ[ωγήν] --] – «в первый месяц Тавреон, на второй день после новолуния, пусть он будет спокоен; во вставной месяц Тавреон, согласно заклинанию (?) --» (ОХБ, 43). Употребление в надписи о Фарнабазе того же характерного ἡρεμέω показывает, что и она оракул. Что это так, выказывает и профессия действующего лица надписи – θεοπρότος («прорицатель»). Отсюда наша трактовка ее: Φαρνάβαζος φιλόκαλος, πρόοιδα τέθνηκας; ἡρεμέω, θεοπρότος Έριοδ – «любитель красоты Фарнабаз, предвижу заранее: ты мертв; спокоен я, прорицатель Гермес». Мы уже отмечали, что книге А.В. Белоусова свойственно хорошее знание литературы, он упоминает даже те работы, в которых сказано лишь слово о том или ином ольвийском памятнике. Но читатель не найдет у него упоминания об этой моей заметке из ОХБ, хотя она издана в 2017 г. и на эту книгу ему пришлось *volens-nolens* ссылаться по поводу надписи № 21. Сие означает, что ничего противопоставить моей интерпретации надписи в качестве оракула он не может, потому и промолчал, *стρουθόδης*³⁵.

К числу оракулов относится и надпись № 1, включенная А.В. Белоусовым в рубрику I. *Nomina deuotorum leguntur sola*, т.е. с одними лишь перечнями имен, ибо наряду с 3-мя именами имеется и нарративный текст.

№ 1 (рис. 7). Остракон-опистограф из суммарно обколотого дна чаши, на одной стороне 7-строчная надпись, на другой – бюст. Текст: ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΗΣ:ΙΕΡ|ΕΡΜΕΩ:ΕΩΣ³ΚΑΙΑΘΝΑΙΗΣ|ΞΕV ΝΩΝΗΡΟΓΕ⁵ΝΗΣ:ΗΡΟΦΑ|ΝΗΣ. Если у предыдущей надписи нет признаков заклятия, то в данной на это может намекать наличие 3-х личных имен. Надпись начинается именем Αριστοτέλης в стк. 1–2, заканчивается именами Ἡρογένης, Ἡροφάνης стк. 5–7. Между ними «начинка» с род. падежами и еще чем-то. Толкования надписи, в части которых есть рациональное зерно, дали А.В. Лебедев, Л. Дюбуа, А.С. Русяева – Ю.Г. Виноградов, С.Р. Тохтасьев, А.В. Белоусов³⁶. На наш взгляд, Л. Дюбуа

³⁴ Заметку об этой надписи в ОХБ мы озаглавили «Оракул-заклятие Фарнабаза», теперь поправим – «Оракул Фарнабазу», так как ничего от заклятия в надписи нет (прежде мы находились под впечатлением смертного приговора, свойственного наговором).

³⁵ К сказанному в ОХБ о содержании надписи мы добавили разработку ее даты – вторая четверть IV в., и смысла надписи (Датирование, № 48). На груди у Фарнабаза показаны 4 фалла, так что его запрос оракула связан с любовной магией. А.В. Лебедев хорошо показал связь этого оракула со следующим, который дан Аристотелю (ниже, № 1). По этой связи и просопографии оба оракула датируем второй четвертью IV в.

³⁶ Lebedew 1996, 271–276; Dubois 1996, № 97; Vinogradov, Rusjaeva 1998, 155–157; Датирование, № 49.

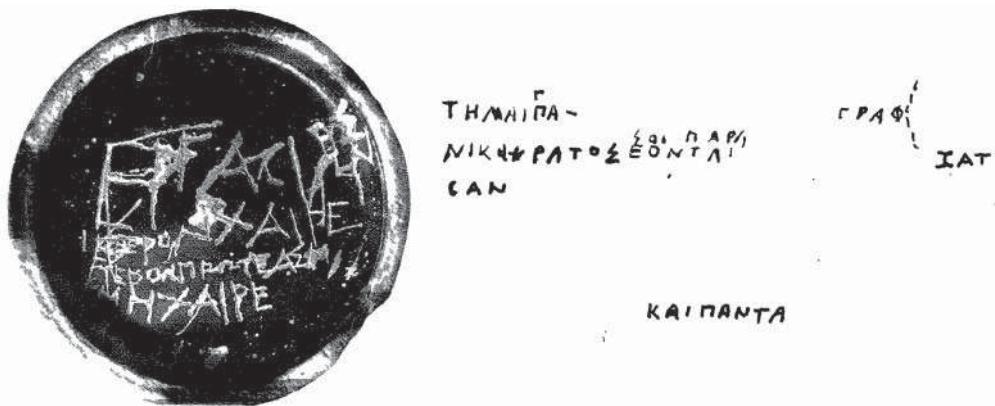

Рис. 7. Наговор 1 (фото: Vinogradov, Rusjaeva, 1998). Рис. 8. Новый наговор (наша прорись).
Fig. 7. Spell 1 (after: Vinogradov, Rusjaeva, 1998). Fig. 8. A new spell (drawing by Yaulenko).

оптимальным образом связал буквы конца стк. 2: ИЕР и стк. 3: ЕΩΣ в слово :ιερ|έως, поскольку, во-первых, обе части отделены от предшествующего текста интерпункцией, во-вторых, по род. падежу оно согласуется с gen. Έρμέω, в целом :ιερ|έως Έρμέω – «жреца Гермеса». Дальнейший текст стк. 4-5 ΚΑΙΑΘΝΑΙΗΣ|ΞΥΝΩΝ непрост для понимания, хотя не подлежит сомнению чтение А.В. Лебедевым и Л. Дюбуа нормального слова ξυνών. Первоиздатель А.С. Русяева увидела в ΚΑΙΑΘΝΑΙΗΣ имя Афины: καὶ Ἀθ(η)ναίης, считая, что Аристотель был «жрецом Гермеса, а раньше и Афины»; то же в ее совместной статье с Ю.Г. Виноградовым, их текст: Αριστο|τέλης: ιερ(έως) Έρμέω: έως | καὶ Αθ<η>ναίης | ξυνών Ήρογέ|νης: Ήροφά|νης. Перевода в немецкой их статье нет, поэтому добавим его из книги А.С. Русяевой (ГОП, 118) с тем же греческим текстом: «Аристотель – жрец Гермеса, раньше и Афины, совместно Героген, Герофан». Они связали ξυνών с двумя последними именами: «составлено Героген, Герофан»; С.Р. Тохтасьев связал его с именем Аристотеля. Его понимание надписи Белоусов счел наилучшим и воспроизвел: Αριστο|τέλης: ιερ-| Έρμέω: έως | καὶ Αθ<η>ναίης | ξυνών Ήρογέ|νης: Ήροφά|νης – «Аристотель, общий жрец Гермеса и Афины; Героген, Герофан». Белоусов, вслед за Тохтасьевым, принимает слово ξυνών в значении «общий», как относящееся к Аристотелю, а не к Герогену и Герофану, как у Ю.Г. Виноградова, А.С. Русяевой, Л. Дюбуа. Увы, ни Тохтасьев, ни Белоусов не показали, чем их соотнесение ξυνών с Аристотелем лучше, чем с Герогеном и Герофаном. Я просмотрел по TLG несколько десятков контекстов с прилагательным ξυνών в номинативе, оно стоит рядом с определяемым слово либо в непосредственной близости, так что увязывание его Тохтасьевым и Белоусовым с отдаленным именем Аристотеля малограмотно. Те же материалы TLG показывают, что ξυνών в номинативе почти всегда соединяется с дативом, из остальных падежей заметен генитив, сочетаний с номинативом и винительным примерно по два. Дательного и винительного в ольвийской надписи нет, поэтому ξυνών связано или с ιερέως Έρμέω, или с именами Героген, Герофан, при которых стоит.

Коротко говоря, суть интерпретации смысла надписи состоит в том, что Тохтасьев и Белоусов понимают ее как наговор, остальные видят не очень ясный вотив или какой-то иного типа сакральный текст. Первым двум все ясно: как часто бывает, формула проклятия (καταδέω и под.) опущена, указаны имена трех проклинаемых – Аристотель, Героген, Герофан. Хотя они обратили внимание на странное совмещение Аристотелем жречества в культурах Гермеса и Афины, разъяснение дали невнятное. Между тем, увязывание сих богов как сохранных странно, ибо нам известно по надписям, что в Ольвии Афина была сохранищей Зевса (ГОП, 31–32), вовсе не Гермеса. Поэтому прав А.В. Лебедев, указавший на неправомерность исправления Αθ<η>ναίης и у его чтения больше смысла: καὶ {α}<τε>θναίης («и ты мертв»), с вариантом κατα<τε>θναίης того же значения³⁷. К сожалению, он допустил и излишние по-

³⁷ Lebedew 1996, 271.

правки, особенно с переделкой имен Герогена да Герофана на темную лексику, вследствие чего никто из последующих исследователей не присоединился к нему. По смыслу приведенное его понимание лучше прочих тем, что не порождает малодостоверного занятия Аристотелем жреческих постов Гермеса и Афины. Мы упростим конъектуры до одной, читая καὶ ἀ(πο)θναίης – «и будешь ты мертв» (opt. perfecti)³⁸. По одному и тому же глаголу (ἀπό)θνήσκω данная надпись типологически становится такой же, как и предыдущая (№ 20) с ее τέθνηκας («ты мертв»), т.е. оракулом. Наше чтение: Αριστοτέλης: ἴερεύς Ἐρμέω: | καὶ ἀ(πο)θναίης | ξυνών Ἡροφάνης: Ἡροφάνης – «Аристотель, от жреца Гермеса оракул: и будешь ты мертв, совместно / сообща Героген, Герофан». Тут ἴερεύς Ἐρμέω – gen. auctoris, указывающий на исхождение последующего действия от жреца Гермеса. Как сказано, ξυνών соотносится с род. падежом или номинативом стоящих рядом личных имен. Так как у gen. ἴερεύς Ἐρμέω функция родительного происхождения, ξυνών относится к именам Ἡροφάνης, Ἡροφάνης – «совместно / сообща Героген, Герофан», т.е. их участь та же, что Аристотеля (можно добавить для ясности *с тобой*: «совместно / сообща *с тобой* Героген, Герофан». Пример сочетания ξυνών с номинативом из Софокла: αἱ πάθαι με χώ χρόνος ξυνών μακρὸς διδάσκει – «горести вместе с долгим веком научают меня» (Oed. Col. 7). Как видно, прилагательное ξυνόν благодаря приставке совместности ξυν- часто выступает в наречном значении. Оракулы нередко начинаются с имени вопрошающего (к примеру, таков первый оракул Батту – Herod. IV. 155), так что открывающее ольвийскую надпись имя Аристотеля подтверждает ее типологическую принадлежность к оракулам³⁹.

В последней рубрике VI *Dubia et spuria* («Сомнительные и подложные») 4 надписи (№ 22–25). По Белоусову, в происхождении наговоров № 22, 23 из Ольвии полной уверенности нет. Принадлежность надписи № 24 к наговорам ему справедливо сомнительна: мы показали, что это целительный филактерий⁴⁰. Надпись № 25 известна лишь в копии, по которой вообще ничего нельзя разобрать, так что ее можно было и не учитывать.

Итак, из каталога А.В. Белоусова следует исключить № 1, 20 – это оракулы, № 21 – частное письмо, № 25 – текст неизвестен. Напротив, следует ввести в каталог следующие наговоры. 1. Чепок с именем Евдора и профильным его изображением⁴¹; 2. Неучтенный наговор из Эрмитажа (см. ниже); 3. Чепок с Березани с перечнем имен-отчеств 4-х человек⁴²; 4. Наговор III в. (рис. 7): ἐργασίων ὃς | ἐτερον, χαῖρε, | ἐτερον Προτέας μῆμῃ, χαῖρε – «из трудов – чтобы одно зло, прощай; другое зло, Протеас – чтобы ты был разыгран, прощай» (Датирование, № 46); 5. Видимо, А.В. Белоусов не успел включить наговор, изданный Н.И. Николаевым⁴³.

Отдельно упомянем не учченное А.В. Белоусовым заклятие из Эрмитажа. Это плохой сохранности свинцовая пластинка с остатками надписи⁴⁴. Сохранились отчасти 3 строки вверху и 1 внизу, между ними утрачены 3 строки; верхняя строка, видимо, была не первой, на что указывают и остаток буквы над ее Π и необходимость дополнять имеющийся здесь текст (рис. 8). Справа вверху сохранились остатки двух слов, в последней строке тоже двух, но посередине, как раз они – καὶ πάντα

³⁸ Менее всего могло бы требовать конъектур дополнение Лебедева *κατα<τε>θναίης*, основанное на предположении, что в КАА над I не проставлена крышка, т.е. мыслилась буква Τ. Такое бывает, но судя по TLG, перфекта от *καταθνήσκω* без приращения *τε* нет.

³⁹ В Датировании (№ 49) мы рассматриваем вопрос о смысле данного Аристотелю оракула. По сути, он тот же, что оракул Фарнабазу, предсказывает смерть вопрошателю. Поскольку оба оракула связаны с любовной магией, глагол (ἀπό)θνήσκω употреблен в них не в прямом смысле, а метафорически – в значении «умереть от любви», подобно тому, как у Аристофана театральный зритель «помер со смеху» (ἀπέθανον, – Acharn. 15), а у комика IV в. Антифана (у Афиная, VIII, 342) ὄρηντες ἐξέθνησκον («видевшие помирили»). Комментаторы к Аристофану отмечали, что там при *ἀπόθνήσκειν* подразумевается γέλωτι, ἡδονῆ, т.е. «помирать со смеху, от удовольствия».

⁴⁰ Яйленко 2020, 32–36.

⁴¹ См. Датирование, № 52. Белоусов дал лишь рисунок на с. 113, илл. 45.

⁴² Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб. 2005, 140, № 265. Датирование, № 45.

⁴³ Николаев 2019, 276–308. Тут ок. 4 десятков имен и патронимиков.

⁴⁴ Инв. Ол. 4791; передана 27 сентября 1927 г. из ГАИМК'а (других сведений нет). Я зарисовал карандашом видимый текст на карточку; при прописи тушью буквы расплылись, на самом деле они тонко резаны остирем.

(«и все») или *πάντα[ς]* («и всех») – в сочетании с [ката]γράφ[ω] («предаю проклятию») определенно указывают, что это наговор (ср. *κα[τα]γράφω* в том же значении заклятия № 19); прилагательное *πάντα* или *πάντας* – часто последнее в наговорах. Вверху слева в буквах TH^M/N_AПА, если это была первая строка, можно бы усмотреть артикль acc. fem. τὴν, на АПА, есть лишь слово ἀιπάρθενος («вечно девственная»), и в целом читать τὴν ἀιπάρθενον?, т.е. наговор начинается с пожелания некой особе оставаться «вечно девственной». Такой смысл вероятен, поскольку немало наговоров обращено на женщин. Но форма ἀιπάρθενος эолийская, иные сокращения ἀεί в αι- дорийские, есть и в поэтическом языке (ἀενάης «вечно цветущий»), так что τὴν ἀιπάρθενον маловероятно. Остается принять, что была предшествующая строка, и читать [? -- ἐπιο] τῆναι ПА – «навести, причинить, наложить» что-либо (в пейоративном смысле), или [? -- ἀποσ] τῆναι – «удалить, отстранить, оторвать», и эти значения уместны в наговорах. В следующей строке читается имя Νικήρατος и вин. падеж причастия ἔόντα, над которым надписано *σοιταρ*, так что в целом читается: [-- ката]γράφ[ω μὲν,] Νικήρατος, *σοὶ παρεόντα* – «проклинаю вот, Никерат, все, что есть у тебя». Стоящее в конце сей строки ΤΑΤ, скорее всего, окончание 3 л. aor. med. -ξατ[ο] или -ξατ[ο]. Буквы САН в начале следующей строки следует читать как ἔαν, первая буква не сигма – она в двух предыдущих строках четырехчастная, а курсивное Ε. Это ἔαν может быть связано с предшествующим индикативным глаголом -ξ/ξατ[ο] и в таком случае имеет значение «бы». Текст в целом: [? -- ἐπισ] τῆναι ПА [--са. 10-- ката]γράφ[ω μέν,] Νικήρατος, *σοὶ παρεόντα* [--са. 10--]ξ/ξατ[ο,] ἔαν -- || -- καὶ πάντα[ς] «-- причинить --, проклинаю вот, Никерат, все, что есть у тебя --л бы -- и всё / всех». По характеру письма наговор относится к позднему IV–III вв. (подробности: Датирование, № 51а).

Подведем итоги. Вновь возвадим должное полной библиографии надписей, наблюдениям А.В. Белоусова над их языком и антропонимикой, отсылкам к формульным и лексическим аналогиям в наговорах других регионов; его книга – плод кабинетно-библиотечной работы филолога. Увы, не эпиграфиста – отсюда смутные представления о палеографии, ошибочные датировки, отсутствие работы с подлинниками, обследование музеиных и прочих хранилищ и пр. Из комментариев Белоусова читатель не узнает ни об истории понимания надписи в историографии, ни о развитии текстологии (прилагаемый им в лемме перечень разнотечений не восполняет этого), ни о том, как в литературе менялось представление о дате документов. Иначе говоря, он дает скрупулезный список литературы, но тот больше остается вещью в себе: в его комментариях ко всем надписям отсутствует картина развития принципиальных представлений о них от исследователя к исследователю. В начале своей работы над заклятиями А.В. Белоусов заявлял целью создание корпуса «исторических разысканий в области религиозной истории Северного Понта». В аннотации к данной книге он анонсировал «подробный историко-филологический комментарий». Однако и статьи, и книга показывают, что не сильная сторона извлечение из надписей содержательной информации – того, что именуют историческим содержанием документа. Почти все наговоры оказались у него в IV в. – и это удивительный феномен, его надо было встроить в хорошо известную историю и археологию Ольвии этого столетия, попытаться объяснить связь их с расцветом полиса этого времени. Ведь, по существу, это парадокс – население процветает, а злоба друг на друга сильна. На деле, однако, картина иная: большинство надписей III–II вв., времени упадка полиса, как раз в такой ситуации, когда всего не хватает, естествен всплеск наговоров друг на друга. Автор книги игнорирует просопографию, но при богатстве ольвийской антропонимии это важнейшее средство датирования надписей. Актуальная задача будущих исследований – выявление просопографических связей в наговорах. Их мало, но, к примеру, в них фигурируют несколько членов олигархического клана Протогеновичей III–II вв., а все потому, что они ростовщики, опутавшие долгами не только население, но и сам полис (ОХБ, 488, 508–509).

Дав тексты, перевод, краткие комментарии к надписям, А.В. Белоусов, к сожалению, не вышел на обобщение рассмотренного материала – не показал место ольвийских наговоров в общегреческой картине, не обрисовал их региональную специфику. А ее немало, чего стоит, к примеру, наговор № 19, в котором преданы проклятию сразу 33 человека, и сколь разнолик по типу, происхождению и смыслу их именник – он туземный и малоазийский, а греческий полон бытовыми прозвищами; это абсолютная противоположность списку ольвийских граждан III в., в котором сплошь аристократические имена (ОХБ, 484–486). А наговоры № 5, 13, 15 с их туземной лексикой *ταῖταρμη*, *καφακέμ*, *καφακῆς*! Наговоры важны для нашего знакомства с бытом античных людей, их дремучими народными верованиями

в богов-катахтоников и прочих демонов, с их психологией, профессиональной этикой, любовными шашнями и многим другим. Мы видим несколько важных задач для корпуса наговоров – формальных и содержательных. Из числа первых – это выявление используемых формул, классификация их, сравнение с формульным репертуаром остальных областей греческого мира; изучение письма и языка наговоров, несущего их материала, символика форм построения текста – колонки, спирали и пр., число строк, несущая надпись часть сосуда, археологический контекст обнаружения и т.д. В содержательном отношении это выявление этиологии феномена, классификация поводов к созданию наговоров, построение пантеона богов, набор угроз, социальная характеристика личных имен и пр. Интересно раскрытие возможного психологического состояния автора наговора, ибо дело это не простое – обращено к подземным демонам, ночью надо зарыть черепок или свинцовую пластину в любую могилу на кладбище, и последствия инвокации к потусторонним силам неизвестны. В психологическом плане показательна частая концовка наговоров *πάντας*, т.е. предание заклятию всех перечисленных поименно лиц. Существенно выявление профессионально изготовленных надписей. Как и в Греции, в Северном Причерноморье тоже были профессиональные изготовители наговоров, хотя и каждый отчасти знакомый с грамотой человек мог сам его сделать (о профессионалах писал уже Платон: *Res publ.* 364b). Таков ольвийский наговор № 13, трудный для исполнения на внутренней поверхности чаши, в 3 оборота. Следует выделить критерии опознания наговора, сделанного профессионалом, по таким аспектам, как графика, язык, формулы, содержание.

В заключение о названии книги. Для 25 ее надписей слово «корпус» – явное преувеличение, ибо доныне оно прилагалось к масштабным сводам (*Corpus inscriptionum Graecarum*, *Corpus inscriptionum Latinarum*, *Corpus inscriptionum Semiticarum* и др.). Даже название «сборник» не подходит, поскольку, например, в «Сборнике греческих надписей христианских времен из Южной России» В.В. Латышева их свыше 120. Самый точный термин – каталог, так что реально передавал бы содержание книги, например, заголовок «Наговоры понтийской Ольвии. Каталог». Однако «Содержание» составлено на макароническом языке (с. VII–VIII). Ладно уже, тут в русском тексте *Praefacio* вместо «Введения» и *Notae* вместо «Примечания», но в каталоге (Корпусе) подразделения наговоров по типам обозначено тоже на латыни. Общий заголовок основного раздела книги дан по-русски – «Корпус заклятий понтийской Ольвии», а подразделы в нем: I. SERIES PRIMA. *Nomina deuotorum leguntur sola* . . . II. SERIES ALTERA. *Nomina deuotorum et membra corporis que eorum et vis leguntur* (и т.д.). И в каждом разделе по 1–4 надписи!

В итоге резюмируем: хорошо, что книга вышла, она полезна, как полезен всякий каталог надписей, но могла бы быть гораздо обстоятельней.

ЛИТЕРАТУРА

- Георгиев, В. 1977: *Траките и техният език*. София.
- Диль, Э. 1915: Ольвийская чаша с наговором. *ИАК* 58, 40–56.
- Длужевський, С.С. 1930: Епіграфічні дрібниці. *Вісник Одеської комісії краєзнавства*. Одеса. Вип. 4–5, 49–57.
- Николаев Н.И. 2019: О преобразовании ономастического материала в полноценный исторический источник (на примере нового магического опистографа из Ольвии). *Scripta Antiqua* 8, 276–308.
- Шебалин, Н.В. 1968: К ольвийским государственным древностям. В кн.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Л., 296–299.
- Яйленко, В.П. 2005: Магические надписи Боспора. *ДБ* 8, 459–508.
- Яйленко, В.П. 2010: Тысячелетний Боспорский рейх. *История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н. э.* М.
- Яйленко, В.П. 2017: *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н.э.* СПб.
- Яйленко, В.П. 2019: Эпиграфические заметки. *БИ* 39, 117–209.
- Яйленко, В.П. 2020: Заметки о текстологии и датировании новоизданных наговоров из эллинистической Ольвии. *ПИФК* 4, 24–40.
- Bravo, B. 1987: Une tablette magique d' Olbia Pontique, les morts, les héros et les démons. In: M. Détienne et autres (eds.), *Poikilia. Études offertes à J. – P. Vernant*. Paris, 185–218.

- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculaneensis*. Lipsiae.
- Detschew, D. 1957: *Die thrakischen Sprachreste*. Wien.
- Diehl, E. 1923: Defixionum ostraca duo. *Latvijas universitātes raksti* 6, 225–231.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- Lebedew, A. 1996: Pharnabazos, the Diviner of Hermes. Two Ostraca with Curse Letters from Olbia. *ZPE* 112, 268–278.
- Mayser, E. 1923: *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Berlin.
- Vinogradov, Ju. G., Rusjaeva, A.S. 1998: Phantasmomagica Olbiopolitana. *ZPE* 121, 153–164.
- Vlahov, K. 1963: Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch. *Годишник на Софийския университет. Филологически факултет*. София. Т. 57/2, 221–372.

REFERENCES

- Bravo, B. 1987: Une tablette magique d' Olbia Pontique, les morts, les héros et les démons. In: M. Détienne et autres (eds.), *Poikilia. Études offertes à J.-P. Vernant*. Paris, 185–218.
- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculaneensis*. Lipsiae.
- Detschew, D. 1957: *Die thrakischen Sprachreste*. Wien.
- Diehl, E. 1923: Defixionum ostraca duo. *Latvijas universitātes raksti* 6, 225–231.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Leipzig. Bd. 2.
- Georgiev, V. *Trakite i tekhnijat ezik [The Thracians and their language]*. Sofia.
- Diehl, E. 1915: Ol'viyskaya chasha s nagovorom [The Olbian cup with curse inscription]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii [Proceedings of the Archaeological Commission]* 58, 40–56.
- Dlozhevs'kiy, S.S. 1930: Epigrafichni dribnitsi [The epigraphical articles]. *Visnyk Odes'koi komissii kraeznavstva [Bulletin of the Odessan commission of local lore]* 4–5, 49–57.
- Lebedew, A. 1996: Pharnabazos, the Diviner of Hermes. Two Ostraca with Curse Letters from Olbia. *ZPE* 112, 268–278.
- Mayser, E. 1923: *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Berlin.
- Shebalin, N.V. 1968: K ol'viyskim gosudarstvennym drevnostyam [To the Olbian state antiquities]. In: V.F. Gaidukevich (red.), *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomorya i Prichernomorya [An ancient history and culture of the Mediterranean and Pontic area]*. Leningrad, 296–299.
- Vinogradov, Ju.G., Rusjaeva, A.S. 1998: Phantasmomagica Olbiopolitana. *ZPE* 121, 153–164.
- Vlahov, K. 1963: Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch. *Годишник на Софийския университет. Филологически факултет*. София. Т. 57/2, 221–372.
- Yailenko, V.P. 2005: Magicheskie nadpisi Bospora [The magical inscriptions of the Bosphorus]. *Drevnosti Bospora [The Bosporan antiquities]* 8, 459–508.
- Yailenko, V.P. 2010: *Tysyacheletniy Bosporskiy reikh. Istorija i epigrafika Bospora VI veka do nashey ery – V veka nashey ery [A Thousand-year Bosporan Reich. A history and epigraphy of the Bosphorus of 6th BC – 5th cc. AD]*. Moscow.
- Yailenko, V. P. 2017: *Istorija i epigrafika Ol'vii, Chersonesa i Bospora VII veka do nashey ery – VI veka nashey ery [A history and epigraphy of Olbia, Chersonesus and the Bosphorus of 7th BC – 6th AD]*. Saint Petersburg.
- Yailenko, V. P. 2019: Epigraficheskie zametki [The epigraphical notes]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporan Studies]* 39, 117–209.
- Yailenko, V. P. 2020: Zametki o tekstologii i datirovaniyu novoizdannykh nagovorov iz ellinisticheskoy Ol'vii [The notes on textology and dating of the newly published curse inscriptions from Olbia]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury [Journal of historical, philological and cultural Studies]* 4, 24–40.

||||||||||||||||||||||||||||||||||||

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. Санкт-Петербург
- АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник
- АДГУ – Археологія і давня історія України. Київ
- АИАПМЗ – Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник
- АКР – Археологическая карта России
- АМА – Античный мир и археология. Саратов
- АО – Археологические открытия. Москва
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
- БИ – Боспорские исследования. Керчь–Симферополь.
- БЧ – Боспорские чтения. Симферополь–Керчь
- ВГУ – Воронежский государственный университет. Воронеж
- ВДИ – Вестник древней истории. Москва
- Вестник ВГУ – Вестник Волгоградского государственного университета. Волгоград
- ВИ – Вопросы истории. Москва
- ГИС АПР – Геоинформационная система «Археологические памятники России»
- ГОП – Русева А.С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь, 2010
- ДБ – Древности Боспора. Москва
- ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы. Москва
- ИАК – Известия Археологической комиссии. Санкт-Петербург
- ИИАК – История и археология Крыма. Симферополь
- ИФЖ – Историко-филологический журнал. Ереван
- КБН – Корпус боспорских надписей. Москва–Ленинград, 1965
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии. Москва
- КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Ленинград–Санкт-Петербург
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь–Керчь
- МАКК – Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
- НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
- НАІА НАНУ – Науковий архів Інституту археології НАНУ
- НО – Надписи Ольвии (1917–1965). Ленинград, 1968
- НРБ – Национальный музей Республики Башкортостан
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика. Москва
- ОАК – Отчет археологической комиссии. Санкт-Петербург
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
- ПС – Палестинский сборник. Москва–Ленинград
- РА – Российская археология. Москва
- РОМК – Ростовский областной музей краеведения
- САИ – Свод археологических источников. Москва
- СА – Советская археология. Москва
- СГМИИ – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств. Москва
- СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
- ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
- ТОВЭ – Труды Отдела Востока Эрмитажа. Ленинград
- Фанагория – В.Д. Кузнецов (ред.), Фанагория. Результаты археологических исследований
- ХСб – Херсонесский сборник. Севастополь
- ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden

-
AGD I, 1	– Brandt, E. 1968: <i>Antike Gemmen in deutschen Sammlungen</i> . Bd. I. <i>Staatliche Münzsammlung München. Griechische Gemmen von minoischer Zeit bis zum späten Hellenismus</i> . München
AGD I, 3	– Brandt, E., Krug, A., Gercke, W., Schmidt, E. 1972: <i>Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd. I. Staatliche Münzsammlung München. Teil 3. Gemmen und Glaspasten der römischen Kaiserzeit sowie Nachträge</i> . München
AGD II	– Zwierlein-Diehl, E. 1969: <i>Antike Gemmen in deutschen Sammlungen</i> . Bd. II. <i>Staatliche Museen Preußischer Kulturbesitz, Antikenabteilung Berlin</i> . München.
BHAUT	– Bhaut – otebibliotheca historica et Arheologica universitatis Timisiensis
BNJ	– Brill's New Jacoby (https://referenceworks.brillonline.com/browse/brill-s-new-jacoby)
EKM	– Επιγραφές Κάτω Μακεδονίας. T. A'–B'. Αθήνα, 1998–2015
I. Stratonikeia I–	– Die Inschriften von Stratonikeia. Tl. I. Panamara / Hg. von M. Getin Şahin. Bonn, 1981
IA	– <i>Iranica Antiqua</i> . Leuven
IG	– <i>Inscriptiones Graecae</i> . Vol. I–XV. Berlin, 1873– ...
IOSPE I2	– Latyshev, B. <i>Inscripiones antiqueae orae septentrionalis Ponti Euxini</i> . Petropoli, 1916
JHS	– <i>Journal of Hellenic Studies</i> Cambridge
JHS	– <i>The Journal of Hellenic Studies</i> . London
LGPN	– <i>A Lexicon of Greek Personal Names</i> . Oxford
LIMC	– <i>Lexicon iconographicum mythologiae classicae</i>
LSJ9	– <i>A Greek-English Lexicon</i> / Comp. by H.G. Liddel, R. Scott, rev. by H.S. Jones. Repr. of 9 th ed. Oxford, 1996
LSJ	– Liddell, H. G. , Scott, R. , Jones, H. S. <i>A Greek-English Lexicon</i> . Oxford, 1968
MDP	– <i>Mémoires de la Délegation de Perse</i> . Paris
PGM II	– <i>Papyri Graecae magicae</i> . Hrsg. von K. Preisendanz. Stuttgart. 1974. Bd. II.
SEG	– <i>Supplementum epigraphicum Graecum</i> . Leiden–Boston
TLG	– <i>Thesaurus linguae Graecae</i>
ZPE	– <i>Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik</i> . Bonn

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Трейстер М.Ю.</i> (Бонн) – Парадные фалары из тайника сарматского кургана № 1 /1985 у пос. Дачи под Азовом.....	5
<i>Труфанов А.А.</i> (Симферополь) – Могила первой половины III в. н.э. Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым)	45
<i>Тюрин М.И.</i> (Москва), <i>Чухина А.А.</i> (Санкт-Петербург), <i>Филиппенко А.А.</i> (Севасто- поль) – Палеоэтноботанические исследования античного укрепления Маслянной горы в округе Херсонеса	61
<i>Стоянова А.А.</i> (Симферополь) – Об одном типе наборов бус из женских погребений римского времени предгорного Крыма	92
<i>Шабанов С.Б.</i> (Симферополь) – Склеп IV века из могильника Опушки	121
<i>Медведев Г.В.</i> (Симферополь) – Луки и стрелы в погребальном обряде Усть- Альминского некрополя (Юго-Западный Крым)	137
<i>Лесная Е.С.</i> (Саратов) – Хиосская керамика и ее имитации из раскопок Херсонеса Таврического.....	163
<i>Завойкин А.А.</i> (Москва) – Фанагория и Спартокиды (историко-археологический очерк)	174
<i>Кулаков В.И.</i> (Москва) – Поминальная обрядность раннесредневековых пруссов (по данным могильника KL.KAUP)	194
<i>Зеленцова О.В., Ворошилов А.Н., Строков А.А.</i> (Москва) – К вопросу о реконструк- ции местоположения памятников археологии России.....	209
<i>Кузьмин Ю.Н.</i> (Самара) – «Новые» и «старые» декреты македонских полисов по по- воду асилии святилища Асклепия на Коце	215
<i>Обухов С.В.</i> (Москва) – Царские и храмовые земли в эллинистической Коммагене I в. до н.э. по эпиграфическим данным	237
<i>Кареев Д.В.</i> (Иваново) – Фест и его Breviarium rerum gestarum populi Romani: к во- просу об авторе, структуре и источниках	252
<i>Дергачева С.О.</i> (Москва) – Страбон и кизикенская полития: трудности перевода и понимания	270

Круглый стол

«Новые подходы к изучению источников цивилизаций Древнего Востока»

<i>Алимирзоев А.Н.</i> (Баку) – К уточнению прочтения трех линейных надписей эламско- го правителя Куктик-Иншушинака.....	286
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Яйленко В.П.</i> (Москва) – Новая книга о наговорах в Ольвии: <i>А.В. БЕЛОУСОВ.</i> Кор- пус заклятий понтийской Ольвии. М.: Изд-во Московского университета, 2020, 194 с., ил. ISBN 978-5-19-011532-1	297
---	-----

CONTENTS

<i>M.Yu. Treister</i> (Bonn) – Gala Phalerae from the Cache in the Sarmatian Burial Mound No. 1/1985 near the Settlement of Dachi (the Vicinities of Azov).....	5
<i>A.A. Trufanov</i> (Simferopol) – The First Half Third-Century AD Grave in the Ust-Alma Necropolis (The South-Western Crimea).....	45
<i>M.I. Tyurin</i> (Sevastopol), <i>I.G. Chukhina</i> (Saint Petersburg), <i>A.A. Filippenko</i> (Sevastopol) – Archeobotanical Studies at the Ancient Fortress of Maslyanaya Gora in the Vicinity of Tauric Chersonese	61
<i>A.A. Stoyanova</i> (Simferopol) – A Type of Sets of Beads from Female Burials of the Roman Period from Foothill Crimea	92
<i>S.B. Shabanov</i> (Simferopol) – The Fourth-Century AD Vault in the Opushki Necropolis, the Crimea	121
<i>G.V. Medvedev</i> (Simferopol) – Bows and Arrows in Funeral Rite of the Ust-Alma Necropolis, the Southwestern Crimea.....	137
<i>E.S. Lesnaya</i> (Saratov) – Chian Pottery and Its Imitations from Excavations at Tauric Chersonese	163
<i>A.A. Zavoykin</i> (Moscow) – Phanogoria and Spartokids (Historical and Archaeological Essay)	174
<i>V.I. Kulakov</i> (Moscow) – Funeral Rite of the Early Medieval Prussians (According to Kl. Kaup Necropolis Data).....	194
<i>O.V. Zelentsova</i> , <i>A.N. Voroshilov</i> , <i>A.A. Strokov</i> (Moscow) – On the Issue of Reconstruction on the Russian Archaeological Sites’ Location	209
<i>Y.N. Kuzmin</i> (Samara) – “New” and “Old” Decrees of the Macedonian Poleis on the Asylia of the Koan Sanctuary of Asklepios	215
<i>S.V. Obukhov</i> (Moscow) – The Royal and Temple Lands in Hellenistic Commagene in the First Century BC According to Epigraphic Date	237
<i>D.V. Kareev</i> (Ivanovo) – Festus and his Breviarium Gestarum Populū Romani: the Author, Structure and Sources	252
<i>S.O. Derkacheva</i> (Moscow) – Strabo and the Polity of Cyzicus: Difficulties in Translation and Understanding	270

Round Table “New Approaches to Studying the Sources on Civilizations of the Ancient East”

<i>Allahverdi Nusi oglı Alimirzoyev</i> (Baku) – To Clarify the Reading of Three Linear Inscriptions of the Elamite Ruler Kuktik-Inshushinak	286
--	-----

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>V.P. Yailenko</i> (Moscow) — A New Book on Spells of Olbia: <i>A.V. BELOUSOV</i> . Corpus of spells of Olbia Pontica. Moscow: Moscow University, 2020, 194 p., Ill. ISBN 978-5-19-011532-1	297
---	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присыпать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присыпаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In: A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: *Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka* [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [Numismatics and Phaleristics] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: *Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e.* [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: *Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e.* In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleis. Formation of the state]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [Letters from the Front], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	з	п	п	ч	ч	я	я	я	я
б	б	и	и	р	р	ш	ш	ш	ш	ш	ш
в	в	й	й	с	с	щ	щ	шч	шч	шч	шч
г	г	к	к	т	т	ъ	ъ	«	«	«	«
д	д	л	л	у	у	ы	ы	у	у	у	у
е	е	м	м	ф	ф	ь	ь	‘	‘	‘	‘
ё	ye	н	н	х	х	э	э	е	е	е	е
ж	zh	о	о	ц	ц	ю	ю	yu	yu	yu	yu

Украинский язык

а	а	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	б	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г'	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
е	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

+16

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2021

Сдано в набор 8.12.2021. Подписано в печать 15.12.2021.

Дата выхода 30.12.2021.

Формат 70x1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный

технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.